

Георгий
Иванович Кублицкий

ЕНИСЕЙ. РЕКА СИБИРСКАЯ

Красноярск
Тренд
2015

ББК 63.5
К 18
ISBN

Кублицкий Г. И.

Енисей, река сибирская / Г. И. Кублицкий. — Красноярск: Тренд, 2015. — 464 с., илл.

Георгий Иванович Кублицкий (1911 — 1989) — красноярец, журналист, писатель и сценарист — был участником и свидетелем многих событий, круто изменивших судьбу Красноярского края. В книге «Енисей, река Сибирская» представлена увлекательно изложенная панорама жизни на берегах Енисея от его истока до устья. Автор повествует о событиях с древнейших времен до той поры (1950-е годы), когда началось наиболее активное освоение Сибири, Таймыра, Арктики. Г. И. Кублицкий увлекательно описывает плавание по реке Енисей, воздушные перелеты, посещение различных городов, показывает, как в прежнем крае каторги и ссылки люди начинают разворачивать грандиозное строительство предприятий тяжелой индустрии и энергетики, побеждают вечную мерзлоту и таежную глухомань. Свою любовь и восхищение Енисеем автор сумел передать читателям: «Енисей! Какой сибиряк не восторгнется, услышав это слово. Любит он этого неистового богатыря, сурового, могучего, прекрасного в своей дикой красе, которая поразительно оттеняет величие тайги, гор и степей сибирских, точно так же как раздолье Волги дополняет и украшает картину необъятной русской равнины. И не только сибирякам дорог Енисей. Где бы русский человек ни родился, где бы ни вырос — попав сюда, он не может не полюбить полную, умную, смелую жизнь на берегах великой сибирской реки». Книга иллюстрирована большим количеством фотографий, рисунков и картин красноярских художников и будет интересна и познавательна детям, родителям и учителям.

Генеральным партнером книги выступает КККМ (Красноярский краевой краеведческий музей); Его уникальные фонды широко используются в иллюстрациях и фотографиях, представленных на ее страницах. Многие публикуются впервые.

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

© Кублицкий Г. И.
© Издательство «Тренд» (Красноярск)
© КРОО Поддержки гражданских инициатив «Развитие» (Красноярский край)
© Творческое объединение «Лукоморье» (СФО)

ББК 63.5
К 18
ISBN

Незабываемые путешествия с Г. И. Кублицким

Как замечательно путешествовать! Купить билет, сесть на самолет, улететь далеко-далеко, гулять по незнакомым улицам, знакомиться с людьми, любоваться красотами природы.

А можно... открыть книгу и тоже совершить незабываемое путешествие! Ведь есть замечательные путешественники, рассказывающие об увиденном так, как будто ты смотришь на все своими глазами — ты приходишь в восторг от восхода солнца над рекой, это тебе в лицо дует свежий ветер, это ты разговариваешь с людьми, живущими в далекой стране.

Так умеет рассказать о своих путешествиях и автор книги «Енисей, река сибирская», наш земляк, журналист, писатель, исследователь, кинодраматург — Георгий Иванович Кублицкий. Он написал более 50-ти книг, в том числе для детей, а также множество статей, заметок, очерков в различных изданиях, создал массу радиопередач и сценариев телевизионных фильмов.

Георгий Иванович Кублицкий родился в Красноярске 18 декабря 1911 года. Отца, погибшего во время Первой мировой войны, он совсем не помнил. Первое путешествие Георгий совершил в 1916 году вместе с матерью и сестрой на пароходе «Лена» по Енисею. Когда подошло время учиться, шла Гражданская война, школы не работали, и Георгий начал обучаться на дому. Любовь к путешествию, познанию нового привила ему первая учительница Лидия Симоновна Крутовская — известная красноярская общественная деятельница и педагог. Писатель считал, что его будущая жизнь определилась именно в этот период.

В 1926 году семья переехала в Новосибирск. Георгия определили в школу № 12 имени профессора К. А. Тимирязева. В школьные годы Георгий Иванович познакомился с будущим поэтом Сергеем Островым. Они состояли в ученическом комитете и были членами правления школьного кооператива. Кублицкий был прикреплен к секции благоустройства Новосибирского городского совета. Его первые статьи, написанные для школьной стенгазеты, посвящались работе этой секции.

Неутолимая жажда новых впечатлений, любознательность, постоянное стремление узнавать новое, самостоятельно искать истину — главные черты характера, сделавшие его настоящим исследователем и писателем.

Георгий Иванович Кублицкий писал о том, что видел сам. Он собрал большой материал по истории Сибири, России и другим странам. Его интересовали не только факты, относящиеся к изучаемой местности, но и жизнь людей. Его книги отображают действительность той эпохи, о которой он пишет.

Он много путешествовал по зарубежным странам, не раз бывал в Соединенных Штатах Америки, на Ближнем Востоке и во многих государствах Европы. Путешествия по разным странам помогли ему лучше оценить своё близкое и родное. И не даром из более чем пятидесяти его книг, двенадцать из них так или иначе относятся к Енисейскому Северу.

Длительное время Кублицкий был теснейшим образом связан с Енисейским Севером. Еще в 1931 году, как геодезист-изыскатель Географического общества, участвовал в составлении первой достоверной карты Таймыра. Знал большинство полярных капитанов и летчиков, бывал в ледовых разведках. Участвовал в длительном Пясинском походе речных судов, через Карское море прошедших к устью Пясины и по ней поднявшихся через Таймыр к причалам Норильска. Две навигации ходил в экспедиционные рейсы по «диким» северным рекам.

Перейдя в 1934 году на редакционную работу, стал заведующим отделом Севера газеты «Красноярский рабочий» и лишь незадолго до Великой Отечественной войны переехал в Москву.

В 1949 году вышли в свет две первые книги для детей — «Енисей, река сибирская» и «Открыватели Антарктики». Следующими были книги «По материкам и океанам», «Большая Волга», «На великой реке». Их с удовольствием читали школьники второй половины XX века. С большинством из этих книг читатели и сейчас могут познакомиться в Красноярской краевой детской библиотеке.

Енисею — одной из величайших рек на земном шаре он посвятил книги «Путь в Эвенкию», «Уходит река к океану», «Енисей, река сибирская».

У Вас, читатель, есть уникальная возможность совершить вместе с автором увлекательное путешествие по великой сибирской реке.

С уважением, Татьяна Николаевна Буравцова,
директор Красноярской краевой детской библиотеки
тел. 201-27-73, 8-913-536-15-86, admkldb@mail.ru

От редакции

Дорогой читатель!

Считаем необходимым упомянуть о том, что данное издание книги Георгия Ивановича Кублицкого («Енисей река сибирская» 1949, 1956); автора более 50 книг(!) — формально третье по счету — является в некотором роде первым и особым одновременно.

Впервые под одной обложкой собраны три первые книги автора, рассказывающие о буднях Енисея — вместе с самой первой его книгой «Рейс в Эвенкию» (1939), никогда более с тех пор не издававшейся. Главы, имеющие значительные отличия, мы поместили полностью — в двух вариантах (раннем и позднем) — ибо по другому не могли! Шли годы — менялась жизнь и люди — неизменной оставалась лишь река...

Григорий Иванович Кублицкий — стал своим и известным и в международной журналистике (в составе «Золотой десятки» — Зорин, Бовин, Фиш, Боровик, Кольцов. Мамедов, Кублицкий..., и в писательской среде — к концу 1950-х годов, помимо многочисленных статей и международных обзоров издавшего десятков книг на столь различные темы: «Открыватели Антарктики» (1949), «Енисей река сибирская» (1949; 1956), «Большая Волга» (1951), «На великой реке» (1953), «По материкам и океанам» (1957), «Фритьоф Нансен» (1958), «Меч и колос» (1959), «По следам Нильса Хольгерсона» (1959), до «югославских дневников, американских заметок и скандинавских хроник»...

Исследователям творчества нашего земляка, предстоит написать немало о простом пареньке из Красноярска, Георгии Кублицком, ставшим в ряд лучших писателей и журналистов СССР.

Плодовит он был чрезвычайно. Этому в немалой степени способствовала его «ночная усидчивость» и упорный характер сибиряка, не понаслышке знающего все тяготы таежных работников: геолога, охотника и топографа-первопроходчика.

Вчитываясь в скупые строки его записей, замечаешь фразу «спать легли в полной темноте — звезд на небе не видно из-за туч»... А потом, чуть ниже — буквально в конце следующего абзаца — «встал пораньше, написал несколько строк о вчерашнем дне»... Еще ниже «на завтраке все жадно вчитывались в новый номер судовой газеты, изданной специально к сегодняшнему дню — ранним утром — при свете керосинки, в «подпалубной редакции» в трюме дизель-теплохода «Красноярский рабочий»...

...Внимательно слушали по радио передовицу «Правды»... записали вместе с помполитом, (потом сличили обе записи) — и уже вечером она была издана в нашей судовой газете «Большевик Арктики»... а сам номер «Правды» с этой статьей мы получили только через четверть года(!) по возвращению из навигации.

Вот так — буднично и честно, без бравады и похвалы: легли поздно — встал рано — издали газету к завтраку.

Взявшись за издание, мы постарались максимально сохранить и стиль, и оформление данной книги автора — отчасти отдавая дань памяти его соавторам — фотографам и художникам, граверам, наборщикам и оформителям, — хотя большую часть фотографий, опубликованных в своих книгах, Георгий Иванович сделал сам!

Поместив три книги под одной обложкой мы создали отличный плацдарм для изысканий и «архивных раскопок» всем тем, кто по-настоящему любит историю нашего края и готов сверять и сличать разные текстовые редакции одной книги, «разнесенной по времени» на четверть века!

И пусть все, читающие эти строки, примут и поймут, — отчего автор умышленно искажил и указал в книге лишь имя репрессированного работника Красноярского краеведческого музея Косованова Вячеслава Петровича (расстрелянного в июле 1938 года) — ибо по-другому упомянуть о нем тогда было просто невозможно!

А кажущиеся невинными оговорки «а вот там построен... какой-то завод... какой? — забыл — и не мудрено — столько всего построено!» милыми и забавными стали лишь в наше время... (речь шла о военном номерном заводе, выпускавшем порох и топливо для ракет — что, естественно, тогда и полвека спустя было государственной тайной!)

А это его краткое упоминание о том, что в маленьком «геройском» совхозе Минусинского района несколько десятков Героев Социалистического труда... Таких вот «зерен правды», широких «мазков» созерцателя и «непридуманного летописания» на страницах книги вы найдете массу.

Пожелаем всем вам множества открытий, и пусть река жизни принесет Вас к Свету!

Ибо теперь и Вы узнали про древнее, «Светоносное» название нашей реки — Инд, Индези, Иоандесси, или самое древнее — Наура (дословно с санскрита — Свет несущая).

И именно этот свет — как отблеск прошедших лет — вы с избытком найдете на страницах книги.

Кублицкий
Георгий Иванович

КНИГА О ВЕЛИКОЙ РЕКЕ

Впервые эту увлекательную книгу Георгия Кублицкого мне довелось прочесть в школьном детстве. Прошли годы, десятилетия, но до сих пор живы в памяти давние впечатления от прочитанного. Именно книги Кублицкого пробудили во мне, подростке, интерес к путешествиям по родному краю, желание посетить самые глухие уголки Сибири. Именно тогда я понял, что на берегах Енисея можно встретить места не менее экзотические, чем в далеких заморских странах.

Для начала — несколько слов об авторе. Известный советский писатель, журналист, путешественник Георгий Иванович Кублицкий — наш земляк, он родился в Красноярске в 1911 году. Отец его погиб во время первой мировой войны. Первое свое путешествие будущий писатель совершил на пароходе «Лена» по Енисею в 1916 году, вместе с матерью и сестрой. Еще в школе Георгий увлекся журналистикой. Работал геодезистом, изыскателем, мотористом на теплоходе. Его дебют в качестве журналиста состоялся в 1934 году, на страницах газеты «Красноярский рабочий».

Вот как вспоминал о молодом Кублицком его старший коллега Николай Маркелович Бусаров, который тогда работал в газете заведующим сельхозотделом: «Особенно запомнилась колоритная фигура Георгия Кублицкого. Он в те годы то заведовал отделом информации, то секретарствовал, а, пожалуй, большую часть времени проводил в длительных командировках, особенно на севере края. Высокий, стройный, громогласный, любитель острой шутки, мастер броской подачи в газете стоящей новинки, пользовался всеобщим уважением. Он уже тогда активно накапливал материалы для своей первой книги о крае, о Енисее...»

Известный сибирский журналист, ветеран «Красноярского рабочего» Коминт Флегонтович Попов в своей книге «Нежелтеющие страницы (Два века одной газеты)» вспоминал о том, что в 1936 году «заведующий отделом Севера Георгий Кублицкий был назначен редактором объединенной выездной редакции газет «Красноярский рабочий» и «Большевик Арктики» на Пясинских операциях. То есть он должен был освещать переход судов с грузами для Норильска по реке Пясины». В конце 1930-х годов Кублицкий печатается в газете «Правда», в 1938 году выходит первая книга его путевых очерков об Эвенкии. А вскоре его призывают в армию.

Потом он работал в Новосибирске, был собкором «Литературной газеты», публиковался в различных газетах и журналах, выпускал новые сборники путевых очерков (а поездил по свету Кублицкий немало) и книги о выдающихся географических открытиях («Открыватели Антарктики», «По материкам и океанам», «Большая Волга», «На великой реке», «Фритюф Нансен, его жизнь и необыкновенные приключения» и др.). Всего Кублицким выпущено более тридцати книг. С детства помню его и как автора увлекательных рассказов в популярной радиопередаче «Клуб знаменитых капитанов». Диапазон его тематических и географических интересов был необычайно широк. Писал он о своих поездках по стране и зарубежью, о Волге и Миссисипи, о других великих реках мира.

Но главной темой Кублицкого оставалась любовь к родному Енисею. Этой теме посвящена и его первая (на мой взгляд, лучшая) книга для детей «Енисей, река сибирская», выпущенная московским издательством «Детгиз» в 1949 году и переизданная там же в 1956-м. Спустя двадцать лет в Красноярске была издана еще одна книга Кублицкого об Енисее — «Уходит река к океану».

И вот перед нами — новое издание книги «Енисей, река сибирская», которая ничуть не постарела за минувшие годы, хотя на Енисее, конечно же, многое изменилось. В этом я убедился, перечитав книгу заново. Она написана ясным, живым, увлекательным языком, насыщена разнообразной информацией и, несомненно, будет с интересом прочитана как детьми, так и взрослыми. О чем же рассказывает эта книга?

Начинается она с воспоминаний автора о первых детских впечатлениях от поездки на пароходе по Енисею, о старом Красноярске, о ледоходе (кстати, в наши дни ледоход на Енисее можно увидеть только севернее Енисейска), о Столбах и столбистах (Кублицкий учился в одной школе с легендарными столбистами братьями Абалаковыми). В первой же главе приводятся знаменитые слова Антона Павловича Чехова об Енисее: «Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!» Эта новая жизнь на Енисее, предсказанная Чеховым, в ту пору только лишь начиналась.

В следующих главах рассказывается о путешествии по Енисею, начавшемся от его истоков в Туве, в центре Азии. «Кызыл расположен у колыбели Енисея, — пишет Кублицкий. — Здесь сливаются два его истока — Бий-Хем и Каа-Хем, давая начало великой сибирской реке». А вот как впечатляюще и художественно ярко описан Енисей, пробивающий себе путь сквозь Саяны: «С торжествующим ревом, весь в хлопьях всклокоченной пены, несется Енисей через пороги к простору и покою минусинских степей...» И дальше идет рассказ о селе Шушенском, где отбывал ссылку вождь мирового пролетариата, о знаменитом Мартыановском музее в городе Минусинске, о раскопках дореволюционного археолога Алексея Еленева и о многом другом. Глава «История одного города» посвящена Красноярску, в ней рассказывается о великом художнике Василии Ивановиче Сурикове, о «Красноярской республике» 1905 года, об археологических раскопках Ивана Тимофеевича Савенкова на Афонтовой горе.

Описывая суровую красоту сибирской тайги, Кублицкий подчеркивает, что «тайга — народное добро» и призывает относиться к ней бережно, по-хозяйски. Называя Ангару «рекой будущего», он предсказывает то время, когда на Ангаре появятся гигантские гидроэлектростанции («Колоссальна энергия ее вод!»). Отдельные главы посвящены Енисейску, Эвенкии, тунгусскому метеориту, Туруханскому краю, где отбывали ссылку пламенные революционеры Иосиф Сталин, Яков Свердлов и Сурен Спандарян. С интересом читается рассказ о древнем городе Мангазее, которого уже давно нет на картах. Приводя пушкинские слова о «ныне диком тунгусе» (из стихотворения «Памятник»), Кублицкий замечает: «А пророчество великого поэта сбылось. На полках книжного магазина в Туруханске можно купить томик Пушкина на эвенкийском языке...» Я бы добавил, что в наши дни там можно найти не только Пушкина, но и Немтушкина, замечательного эвенкийского поэта.

С интересом читаются главы, посвященные сталинским местам в Курейке («Это была самая тяжелая политическая ссылка», — говорится в «Краткой биографии товарища Сталина»), заполярному городу Норильску, путешественникам Фритьофу Нансену и Никифору Бегичеву. Рассказано и про музей вечной мерзлоты в Игарке, и про героическую оборону Диксона в августе 1942 года. А вот какими словами заканчивается эта книга: «Не одним только сибирякам дорог Енисей... И если в жилах гостя Сибири течет горячая кровь строителя, мечтателя, творца, он быстро найдет здесь дело по сердцу, чтобы эта жизнь стала еще ярче, полнее, радостнее».

Хочется верить, что эта книга Кублицкого еще вдохновит современных авторов, которые напишут новые книги о нашем родном Енисее.

Эдуард Русаков

Глава I

СКАЛОЛАЗЫ

Наводнение. — Когда бьют в набат. — На «Аэлите». —
Чехов о Енисее. — «Кто из Старой сакли?» — Урок скалолазания. — Неистребимое
слово. — Что можно увидеть с вершины. — Самолет летит в Туву

Мне шесть лет. Я первый раз плыву на пароходе. Капитан — наш знакомый. Можно заходить к нему в каюту. Там на полу лежит шкура белого медведя. Она жестка и желтовата, как прокуренные седые усы капитана.

По стенам каюты — картинки с кораблями, ружье, кортик и рога северных оленей. На столике большие блестящие часы, бинокль, пепельница из раковины, серебряная коробка для табака. Ничего этого трогать нельзя.

Река, по которой мы путешествуем, разлилась невероятно широко. Все на пароходе твердят, что такого наводнения не было уже очень-очень давно. Плывут деревья, у которых щупальцами торчат вверх корни. Раз проплыла мимо половина ворот. Крыши деревенских изб торчат прямо из воды, и между ними ходят лодки.

Солнце густо-красное, оно светит тускло — на него не больно смотреть; небо — в дыму. Вокруг горит тайга. Когда ветер дует с берега, от дыма слезятся глаза, но зато он отгоняет комаров, которые никому на пароходе не дают житья. Вечером смотреть лесные пожары очень интересно: как будто в горах ползут золотистые змейки.

Однажды раздался крик:

— Медведь! Медведь!

Мы с сестрой, конечно, выскочили на палубу. Недалеко плыло что-то черное.

Капитан принес ружье, встал на одно колено и прицелился. Сестра зажала уши.

Капитан стрелял два раза, но промахнулся. Останавливать пароход не стали. Капитан сказал, что косолапый удирал от лесного пожара на другой берег. Он добавил, что весной медведь линяет, шкура у него все равно никуда не годится, и поэтому не стоило даже хорошенько прицеливаться...

С этой поездки и началось мое знакомство с Енисеем.

Мы жили тогда в Красноярске — самом большом городе на реке. Но, по правде сказать, это был небольшой город. Шумнее всего бывало на вокзале, на базарной площади и пристани.

Возле пристани бродили рыбаки. Ломовые извозчики привозили сюда какие-то ящики и тюки. Пассажиры в ожидании редких пароходов устраивались прямо на берегу: тут же спали, тут же варили на кострах уху. Грузчики в широких холщовых шароварах, отчаянно сквернословя, носили на спинах кованые сундуки, комоды, мешки с солью. Когда дела не предвиделись, они играли с извозчиками в шашки.

Шашечных досок не было, и клетки вырезались прямо на деревянном тротуаре, причем черные замазывались дегтем. Прохожие с опаской обходили азартных игроков.

Не представляю нашу ребячью жизнь без Енисея! По первому льду, схватывавшему тихую протоку у Посадного острова, мы обновляли коньки. Расстегнешь пальтишко, рас-

пустишь парусом полы — и несешься по ветру. Лед гудит, пощелкивает, потрескивает, а сквозь его прозрачную синь видны камни на дне. Потом, зимой, бураны наметали на протоке снежные островки, и забаве приходил конец.

С весной, с запахом талого снега, нас опять неудержимо тянуло к Енисею. В апрельский полдень, когда в водосточных трубах начинали грохотать подтаявшие ледяшки, нам уже не сиделось за партой.

На большой перемене мы мчались к реке узнавать, не тронулся ли лед. Да что школьники! Посмотрели бы вы, что делалось у нас на улицах, когда городская электростанция начинала прерывисто, тревожно гудеть и на пожарной каланче ударяли в набат, возвещая о ледоходе! Весь город бежал к Енисею, размахивая руками и крича. На берегу, бывало, не протолкнешься. Ну, мы-то, мальчишки, конечно, проталкивались...

Было жутко и весело смотреть на реку. Огромные, толстые льдины громоздились выше двухэтажного дома, выползали на берег, разворачивали каменные глыбы набережной. Шум стоял такой, что надо было кричать соседу в ухо.

Острый холодок заберется под пальто, носы посинеют — но как уйдешь от этого весеннего, буйного столпотворения, от грохота, треска, звона!

Ниже города лед иногда застревал в мелкой протоке. Между берегом и островом набивалась ледовая плотина, вода начинала быстро прибывать, заливая огороды и домики окраин.

Тогда на гору вблизи военного городка выезжали артиллеристы и палили из пушек, помогая реке рвать преграду.

Когда река уносила последние льдины, сразу становилось теплее.

У моего товарища была лодка, длинная и узкая, как индейская пирога. Белой краской на ее носу было написано «Аэлита». Интереснее всего было переплывать на остров.

Мы играли там в дикарей и Робинзона, разыскивали следы на влажном песке, ползали в пахнущих тиной зарослях тальника.

Под осень, когда воды в реке было меньше и течение ослабевало, можно было забраться и подальше.

Мы плавали на пригородные дачи вдоль дороги, проложенной по крутоярмам левого берега. На склонах отцветали осенние лиловые ромашки. Высокая гора за рекой, напо-

Ледоход на Енисее. Второй день. 1925 г. Негатив А. Кудрявцева. Из фондов КККМ

минающая потухший вулкан — Черная сопка — в прозрачном воздухе казалась совсем близкой; и была она не черной, а золотистой от осеннего листа берез.

Мы плавали туда, где нависает над водой Шалунин бык. Быками на Енисее называют выдвинувшиеся в реку утесы. У быка вода бурлила, кипела, крутилась воронками. Туда нельзя было подплывать на лодке: мигом перевернет. Даже в злые морозы вода там не замерзала, и черные полыньи всю зиму дышали возле быка клубами пара.

В школе учитель географии Вениамин Иванович сказал нам, что Енисей очень длинный — около четырех тысяч километров. Перечислив главные притоки, Вениамин Иванович добавил, что кроме Красноярска на Енисее стоят еще два города: Минусинск и Енисейск, что иногда пароходы спускаются вниз по реке далеко на север, где нет ничего, кроме крохотных рыбацких поселков да безлюдной тундры.

В школе же услышал я впервые те слова, которые теперь так часто повторяют, когда говорят о Енисее.

В конце урока Вениамин Иванович достал из старого своего парусинового портфеля какую-то книжку, откашлялся и начал:

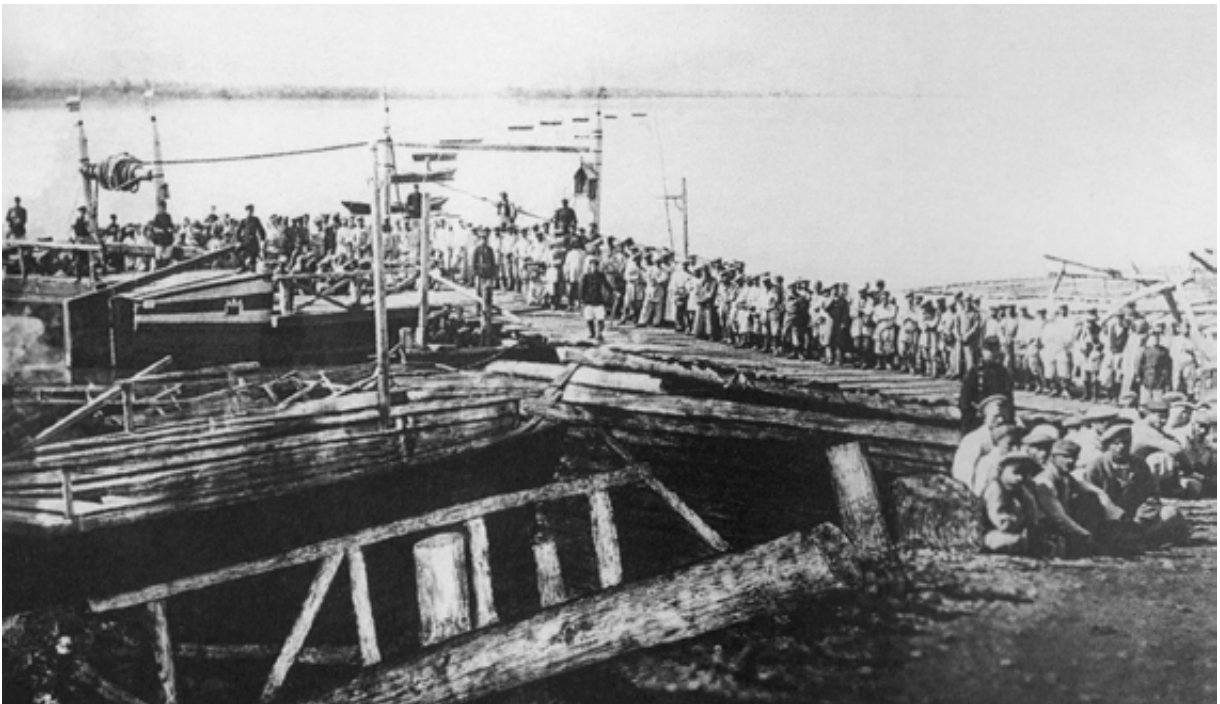
— «Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей — могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. На Енисее... жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась».

Вениамин Иванович сделал короткую паузу и продолжал, подчеркивая каждое слово:

— «Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

Учитель остановился и оглядел нас, заинтересованных и притихших.

— Незабвенный Антон Павлович Чехов, — продолжал Вениамин Иванович, и глаза его блестели, — проездом на Сахалин был в нашем городе и написал все это. Вы знаете, что к нам в Сибирь царь раньше ссылал революционеров. Им было трудно, но они продолжали свое великое дело, веря, что в жестокой борьбе народ построит умную, полную, смелую жизнь!

Переправа ссыльных на плашкоуте через Енисей с левого берега на правый. 1902 год.
Фото из архива А. Тулунина

Мы были удивлены и обрадованы: тот самый писатель, который сочинил «Каштанку», писал и о нашей реке!

Вот он стоит на берегу Енисея и сквозь стекла пенсне смотрит на обгоняющие друг друга волны, на дымчатые горы за рекой. А рядом старый дорожный тарантас, и ямщик дремлет в ожидании переправы...

После урока ребята, не сговариваясь, отправились на берег. Но мы не бросали, как обычно, камни в воду — кто дальше кинет. Нам казалось, что сегодня это делать как-то неловко, нехорошо.

В нашей школе было много опытных «столбистов». Столбы — это знаменитый заповедник в окрестностях Красноярска, а столбисты — это люди, которые часто ходят в заповедник, знают там каждый уголок и умеют... но об этом речь дальше.

Я первый раз собрался на Столбы со своими приятелями Мишей и Виктором. Миша бывал там и раньше, Виктор, как и я, оказался новичком.

Мы тщательно готовились к походу. Нужно было найти старые калоши и крепкие бечевки, для того чтобы эти калоши не болтались на ноге, разыскать соломенную шляпу с широкими полями или платок на голову — чем ярче, тем лучше. Требовался также широкий кушак. Что еще? Ну конечно, нельзя было отправляться без ножа, жестяной кружки, спичек, заплечного мешка и провизии.

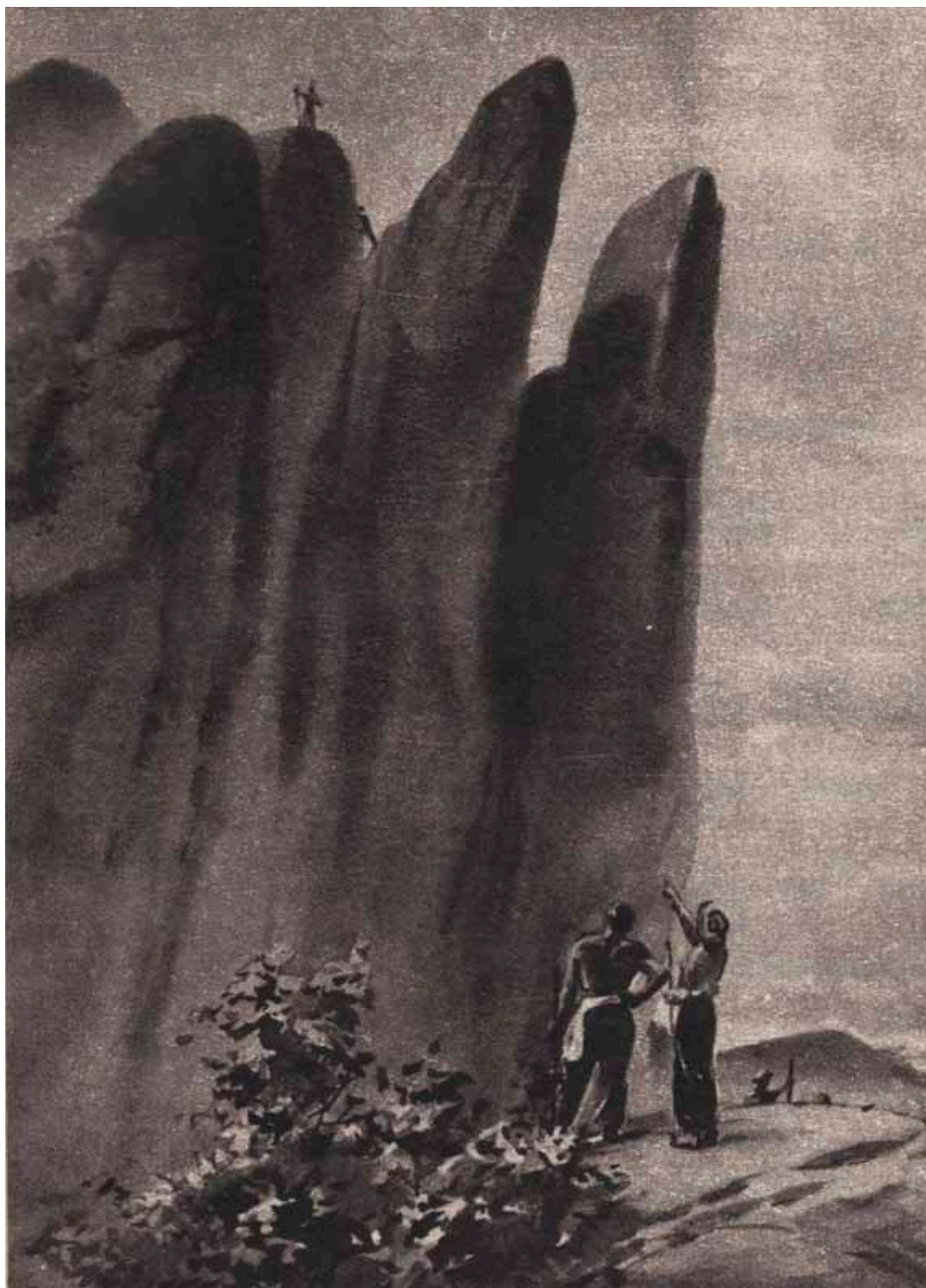
На Столбы обычно идут в субботу. Мы явились на пристань пораньше. Катер еще не подошел, но столбистов уже набралось порядочно.

В те годы среди них считалось обязательным одеться как-нибудь позабавнее. Один выкопал где-то цилиндр, другой надел галстук прямо на загорелое тело, третий разгуливал в шароварах, у которых правая штанина была зеленой, а левая — черной. Всюду звенели мандолины, тренькали гитары, пиликали гармошки.

— Голубыми полезем? — спросил один столбист.

Гуляние учеников начальных училищ г. Красноярска на пароходе «Россия» по случаю открытия Первой государственной думы Российской империи. 21 мая 1906 г. Фото Л. Ю. Вонаго. Из фондов КККМ

Вот они, Столбы! Художник К. Арцеулов

— Куда тебе! — насмешливо отвечал ему другой. — Уж лежал бы лучше на Верхопузе, а то — Голубыми...

— Ребята, кто здесь из Старой сакли? Кто из Старой сакли? — выкрикивал третий.

«Голубые», «Верхопуз», какая-то «Старая сакля»... Разберись-ка во всем этом, попробуй!

Наконец мы поплыли. Катер прошел под мостом и повернул туда, где к Енисею спускались огороды деревни Базаиха.

Дальше идти надо было в гору, и опытные, привычные ходоки легко опередили новичков вроде меня, которых заплечный мешок гнул к земле. Гора называлась Каштак и казалась бесконечной. В висках стучало, пот лил градом, пока мы одолевали подъем. Ну и крутизна. Особенно последние метры перед перевалом! Недаром это место называли Пыхтуном...

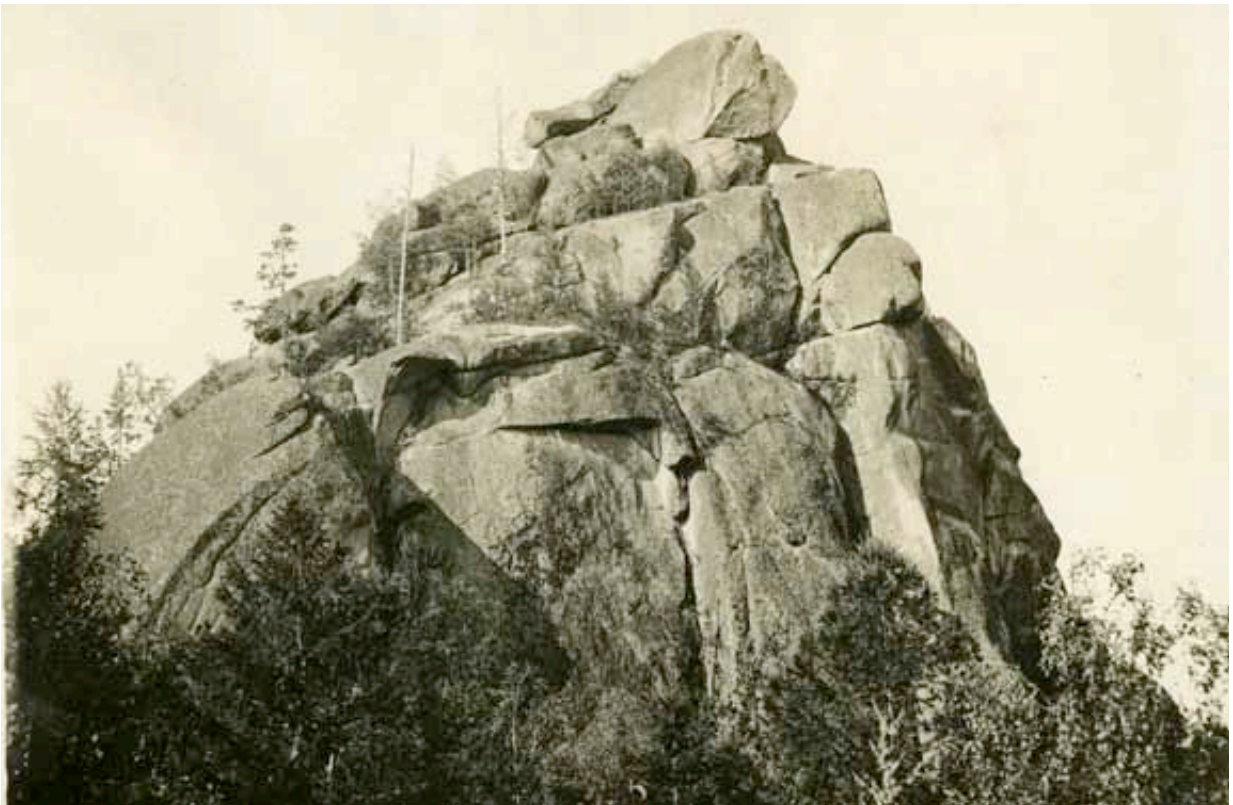
Зато потом тропинка пошла то в горку, то под горку. Впереди мелькали пестрые костюмы столбистов. Стало прохладно, а когда тропинка спустилась в сырой осинник, захотелось даже идти быстрее, чтобы согреться.

Так шли мы между зелеными стенами леса и вдруг оказались на гребне какой-то горы. Неправдоподобно далеко внизу голубел в заводском дыму город, где мерцали первые огни. Ближе отливало холодом стали Енисей. Темные горы хмурились на горизонте. Блеснула зарница. Пробежал ветер, и сосны над головой зашумели, зашептали.

Было уже темно, когда мы вышли на гребень другой горы. В бездонной пропасти мелькали, двигались, вспыхивали огоньки. Оттуда, из бездны, неся приглушенный расстоянием смех, песни, удары бубна. Кто-то над моим ухом крикнул вдруг гортанно и резко:

— Але-о-го-го! Тра-ля-ля!

Эхо многократно повторило крик, и, прежде чем последний отголосок замер в горах, снизу ответили тем же кличем десятки молодых голосов. Это столбисты приветствовали друг друга.

Первый Столб. 1910-е г. Фотография П. Реутова. Из фондов КККМ

Мы присоединились к какой-то компании и добрались до одной из тех избушек, которые столбисты построили себе под скалами.

Избушка была настоящая таежная — из отесанных топором сосновых бревен с грубо сколоченными нарами. Это и была Старая сакля. Каждая избушка — вернее, каждая компания, ее построившая, — носила какое-нибудь романтическое название. Мне запомнились еще Ранчо и Беркуты.

На Столбах было заведено так: приходи к любому костру, и тебя накормят, а потом потеснятся, чтобы дать место на широких нарах, застеленных сухой травой и еловыми ветками.

Сначала мы чувствовали себя неловко и держались в стороне. Но тут сварилась похлебка. Все вытряхнули свои сумки. Повар в колпаке из газетного листа сгреб запасы в одну кучу, перебрал их и разложил на Деревянном столе, вбитом прямо в утопанную землю у костра. Потом он схватил поварешку и, приплясывая, стал разливать суп по деревянным чашкам.

Ну и суп, что за чудо! Он так славно припахивал дымком, кусочки мяса были такие вкусные. Я и не заметил, как съел все. А чтобы получить еще, надо было рассказать или спеть что-нибудь смешное.

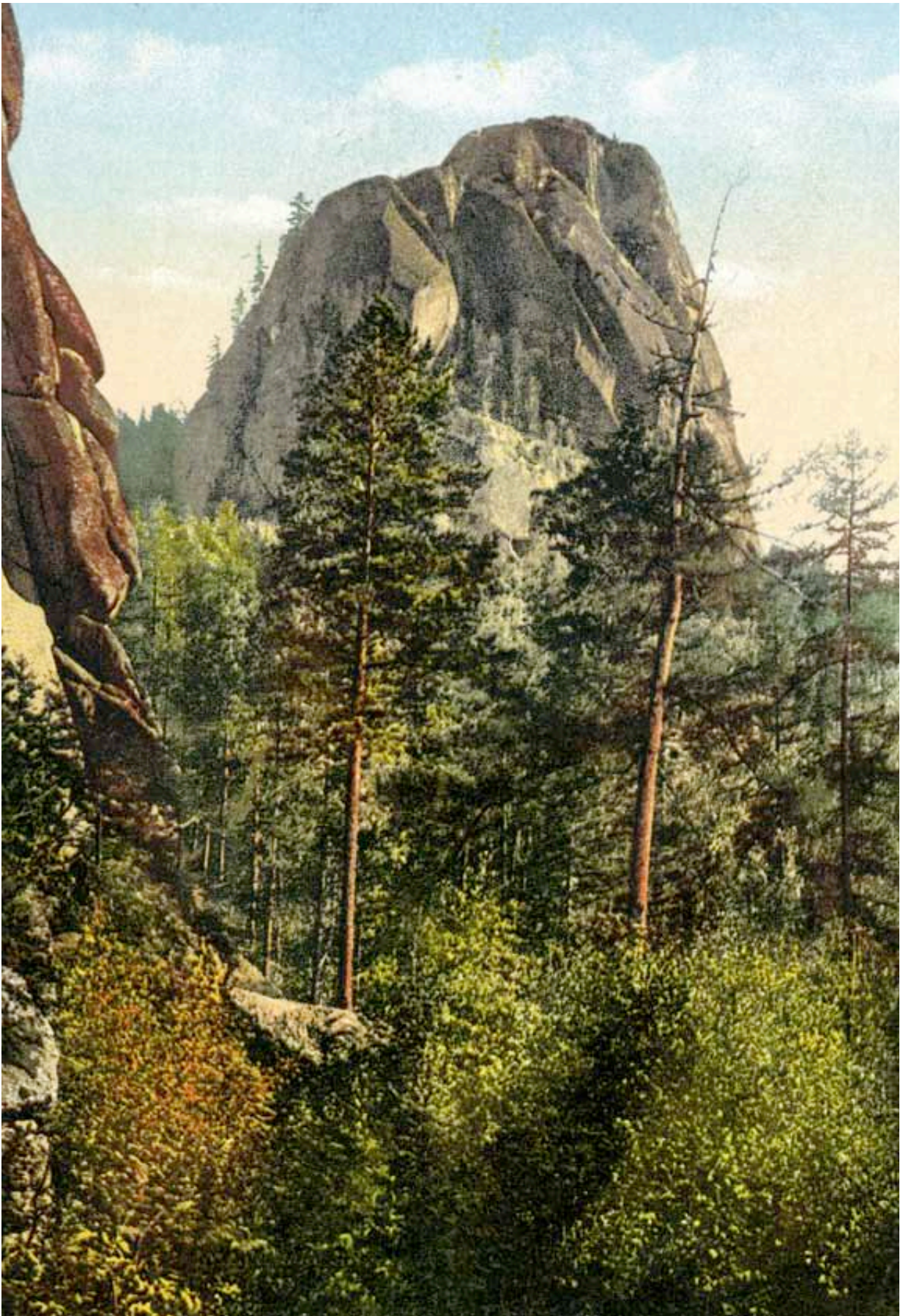
После ужина никому не хотелось спать. Пошли в гости в соседнюю избушку. Из старых калош, оказывается, получаются недурные факелы! При их свете мы пробирались по узким тропинкам, стараясь не задевать покрытые росой лапы папоротников. Тени металась между деревьями. Пахло жженой резиной и травами. Было необыкновенно хорошо, и казалось, что сказочная эта ночь продлится долго-долго.

...Я проснулся от толчка в бок. Страшно хотелось спать — мы вернулись в избушку очень поздно, — но Миша был неумолим.

— Вставай! — сердился он. — Вставай, тебе говорю! Все ушли встречать восход солнца!

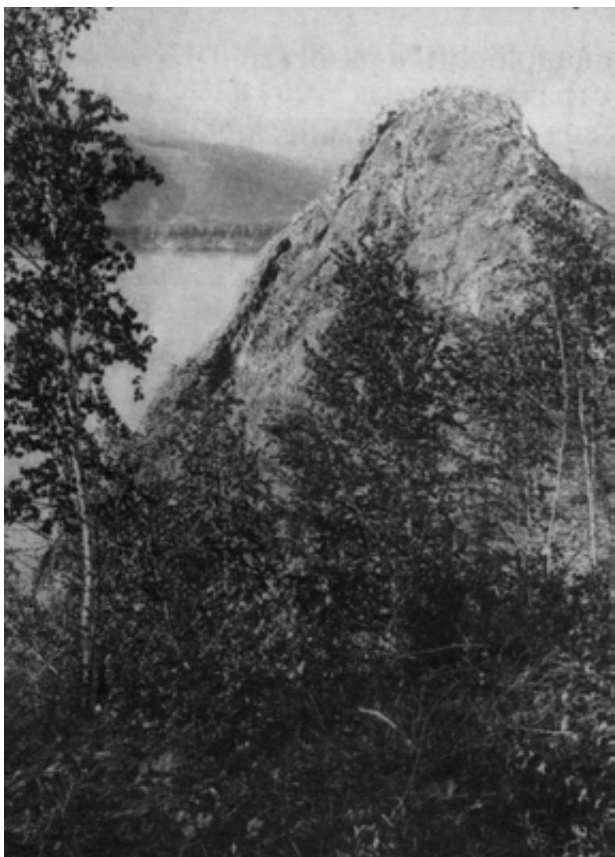
Пристань Акционерного общества пароходства по р. Енисею в г. Красноярске. 1911 г.
Из фондов КККМ

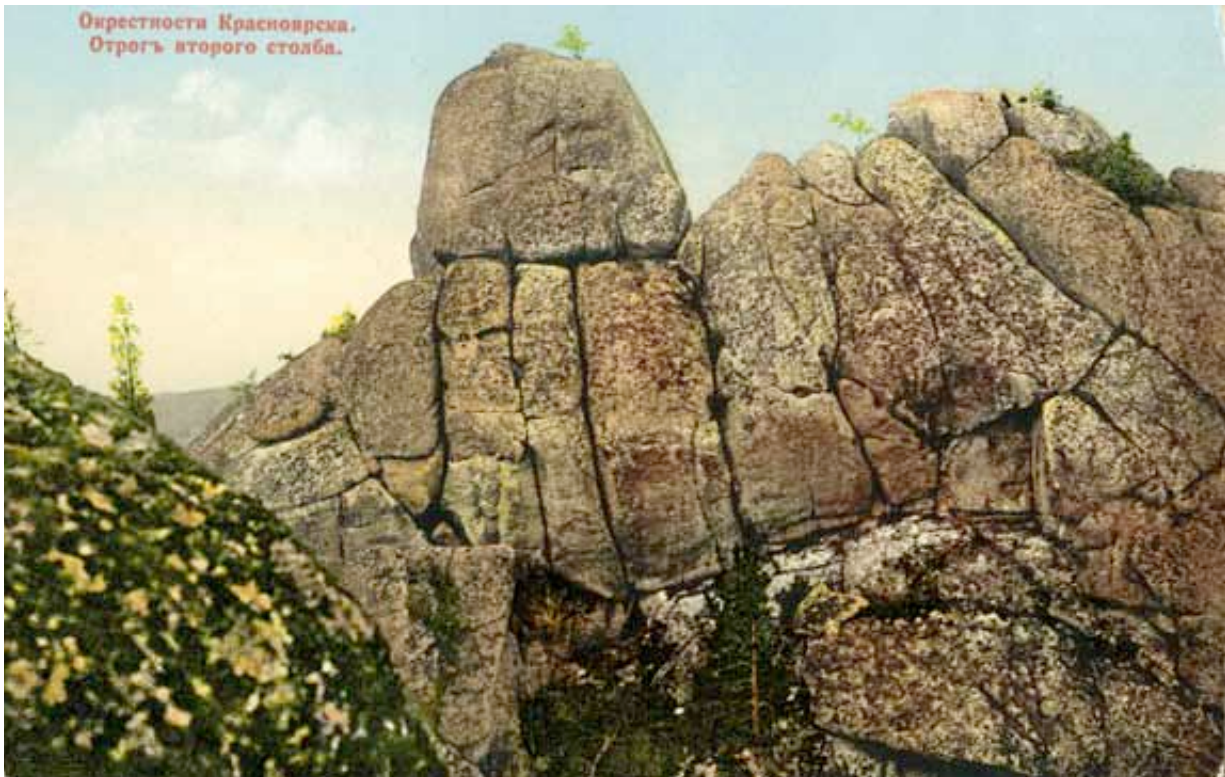
Второй Столб

Первый столб. Фотооткрытка 1910-х годов.
Из фондов ККМ

Скала Шалунин Бык. Фото начала XX века из архива
А. Л. Яворского

Отрог 2-го Столба

Вот зуда этот Мишка! Я вскочил. Нары были пусты, только в углу похрапывал Виктор. Протирая глаза, я шагнул за порог.

Так вот они какие, Столбы!

В бледно-желтом рассветном небе резко очерчивались, словно вырезанные из плотной черной бумаги, силуэты скал. Они были высоки, огромны. Сейчас, на рассвете, когда все казалось плоским, трудно было понять, далеко они или близко. Вдруг на вершине одной из скал появилось что-то крохотное, движущееся. Да ведь это человек!

Спотыкаясь о корни и судорожно зевая, мы поплелись за Мишей, который уверенно шел к скалам.

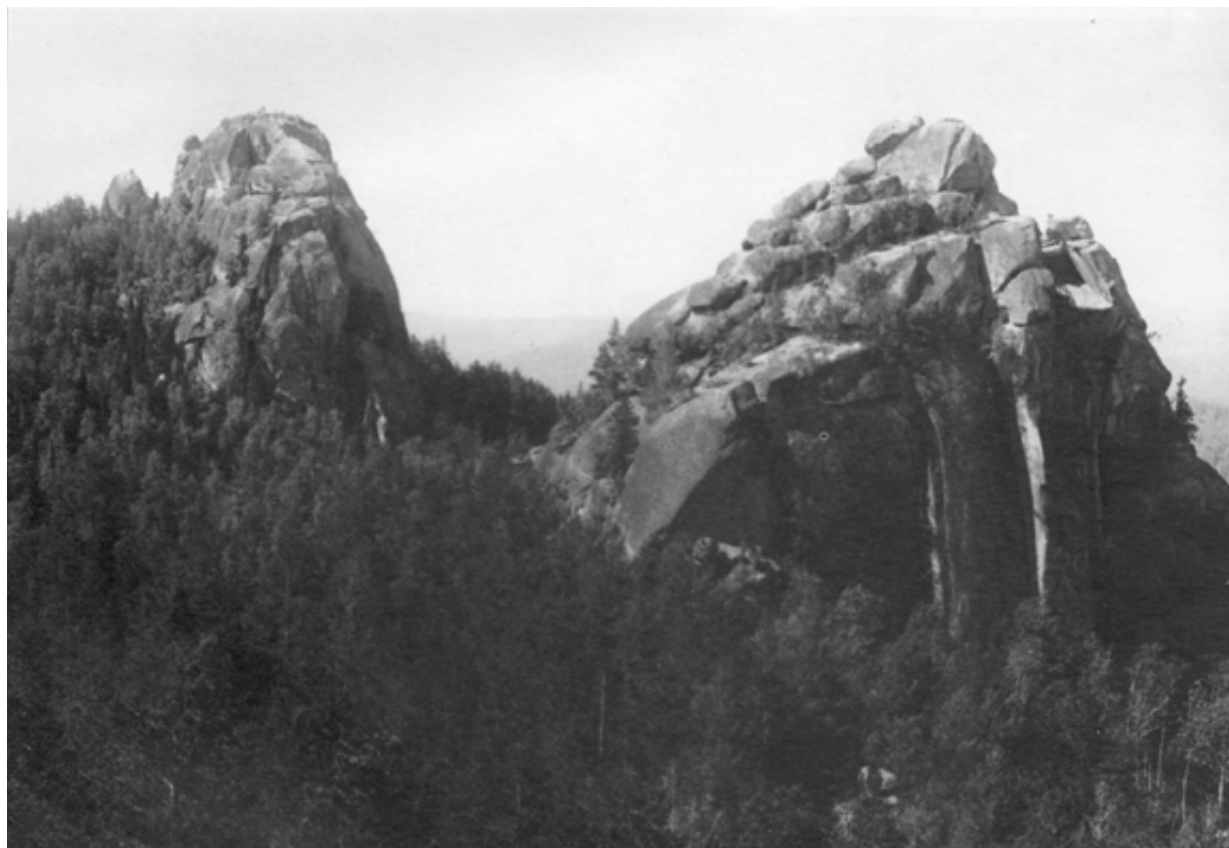
Внезапно самая высокая из них окрасилась в багровый цвет. Это был Второй Столб. Теперь на его вершине ясно различались фигурки людей, размахивавших шляпами и кушаками, песней приветствовавших солнце.

По тропинкам отовсюду шли столбисты. Запели птицы. Потянуло дымом раннего костра. Солнце добралось уже до вершин деревьев, но в траве еще блестела крупная роса, а камни под ногами были холодными и скользкими. Сонливость прошла, мы чувствовали себя удивительно бодро от густого лесного воздуха.

Миша не повел нас ко Второму Столбу — самому трудному для туриста и почти недоступному новичку. Но он не повел нас и к Четвертому Столбу, наиболее легкому, с которого обычно начинают. Он решил испытать нас на Первом Столбе.

Высота Столбов — несколько сот метров. Но дело тут не в высоте. Столбы не горы. На них нельзя совершать восхождения. Столбы — это скалы. По ним надо лазить.

После я узнал, почему у них такая причудливая форма. Сотни миллионов лет назад раскаленная магма стала прорываться сквозь твердую земную кору. Но кора оказалась прочной. Расплавленная масса лишь заполнила собой трещины, да так и застыла, образовав твердую горную породу — сиенит. За долгие тысячелетия неутомимые работники —

Первый и Второй Столбы. Вид с Четвертого Столба. Фото Дерябина 1931 г.

вода, солнце и ветер — разрушали верхние слои земной коры, унося прочь легкие породы, глину и песок. Но с крепчайшим сиенитом даже они не могли многого сделать. Скалы только обнажались. Их розоватые каменные столбы остались заповедными памятниками молодости Земли.

Но как бы Столбы ни образовались, мне при подходе к Первому Столбу стало ясно, что забраться на него совершенно невозможно. Высоко в небо круто уходила каменная стена с трещинами, расселинами, нависшими глыбами. Вернее, не стена, а огромный каменный столб или палец, грозно поднятый кверху.

— Ну, начали, — сказал Миша.

Затем он отошел немного в сторону. Там почти от земли наискось поднималась трещина. Ловко перебирая вдоль нее ногами и придерживаясь руками за выступы над головой, Миша вскоре оказался против нас, но уже над нами.

— Ну, долго я буду ждать? — сказал он. — Эх, навязались вы на мою голову!

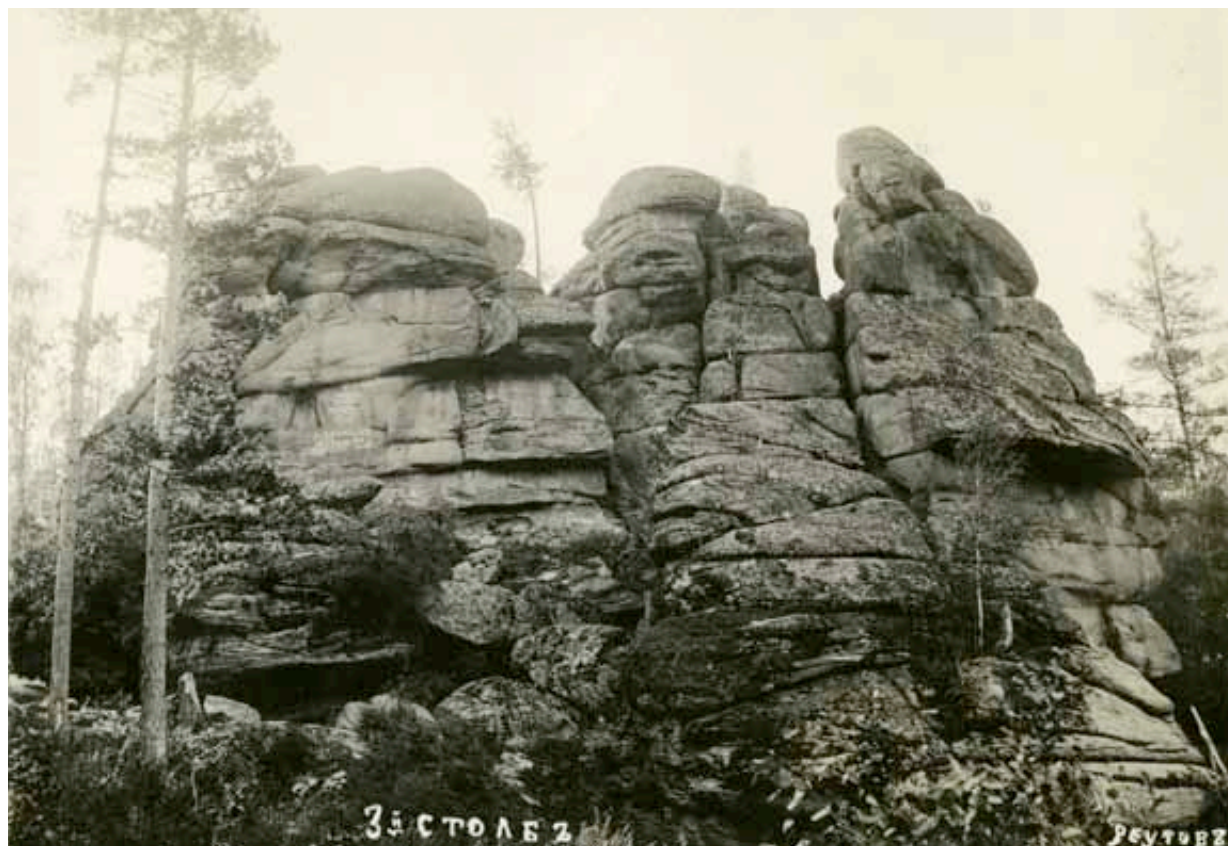
Мы переглянулись и полезли. И, знаете, ничего, не так уж страшно. Миша лез впереди. Скала вовсе не была такой гладкой, как мне показалось сначала. Миша уверенно нащупывал руками «карманы» — выступы, за которые можно было зацепиться пальцами; показывал, куда нужно ставить ногу, чтобы продвинуться вперед еще на шаг.

Я понял, что столбисту трудно обойтись без калош или резиновых тапочек: резина прилипала к скале, не давала ноге скользить.

Все шло более или менее сносно до «катушек». Мы поднялись уже довольно высоко, когда на пути оказались эти проклятые «катушки».

Справа пропасть, такая, что туда лучше не смотреть. Прямо перед нами гладкий выпуклый склон, напоминающий половину купола. Слева отвесная стена.

Миша подошел к самому краю пропасти и, сильно оттолкнувшись ногой, быстро побегал прочь от нее, наискось по куполу. Раньше чем мы успели ахнуть, он уже

Третий Столб. 1910-е. Фотография П. Реутова. Из фондов КККМ

Пристань Николай Герасимович Гадалова на Енисее

Плшкоут около о. Конного (ныне о. Отдыха). На противоположном берегу видна набережная г. Красноярска. 1900-1904 гг. Негатив Н. Ставровского. Из фондов ККМ

Митинг в день открытия Речного вокзала 27 июля 1952 г. Фото Малолицкого

Старая пристань в г. Красноярске. Место где выстроен речной вокзал. Июнь 1947 г. Негатив Лопатина. Из фондов ККМ

перебежал выпуклую крутизну «катушки», уперся руками в стенку и, получив опору, оглянулся на нас:

— Ну?

Пробежать, как он?! Мы с Виктором решили, что это для нас, новичков, чистое безумие. Если уж непременно надо преодолеть «катушку», то не лучше ли сделать это ползком, не спеша, стараясь вцепиться в камень?

— Эх, дураки! — презрительно сказал Миша. — Ползком! Так труднее, понятно? И коленки обдерете. Вот, смотрите еще раз...

Он спустился к нам вдоль отвесной стены и снова легко и ловко пробежал «катушку».

Мы посмотрели на него, потом друг на друга и... поползли. Миша плюнул с досады.

Скат каменного купола отполировали ветер и вода. Ползти на четвереньках было неудобно, ныла шея, а колени скользили — на них ведь не было калош. Спина у меня взмокла. Противно дрожали руки и ноги. Сколько мы карабкались — не знаю. Мне показалось — часа два...

— Вот вам потихонечку да помаленечку, — заворчал Миша. — Трусые! И чего я с вами связался! Давно бы уже был наверху.

— Правильно, — насмешливо сказал кто-то над нами.

Я задрал голову. Вверху, слева от нас, на крохотном выступе отвесной скалы, свесив ноги над пропастью, сидели два очень хорошо нам знакомых коренастых круглолицых паренька. Как они туда забрались?! И почему мы не заметили их раньше?

— Женька с Виталием. Задаются! — буркнул Миша.

Да, это были Евгений и Виталий Абалаковы из шестого класса «Б» — лучшие столбисты нашей школы. Их имена кажутся знакомыми и вам? Ничего удивительного — братья Абалаковы несколько лет спустя стали знаменитыми советскими альпинистами и совершили множество дерзких восхождений на высочайшие пики страны.

Ах, как было тогда досадно нам — мне и Виктору, что ребята из шестого «Б» видели наше бесславное ползание по «катушке»! Будет теперь разговоров на всю школу.

Дальше мы старались уже в точности повторять все Мишины приемы, какими бы трудными они ни казались.

Вот она, вершина! Солнце давно уже взошло. Так приятно было растянуться на нагретых его лучами камнях, подставляя мокрую от пота голову ветерку, пахнущему сосновой хвоей.

Кругом, куда ни глянь, покрытые тайгой горы. Ни селений, ни пашен, ни лугов — одни горы. В небесной синеве парят орлы. Напротив нас Второй Столб. Каким-то чудом на его крутизне зацепились корнями несколько кедров и березок.

Над тайгой тут и там поднимались другие Столбы — Третий, Четвертый, Перья, Дед. Миша показал нам и Верхопуз — большой камень, на котором столбисты отдыхали, лежа на спине — «вверх пузом». Вдали громоздились Дикие Столбы, куда туристы ходят очень редко.

Мы провели в заповеднике два дня, насмотрелись и наслушались всякой всячины. Я понял смысл загадочных слов, слышанных у катера: «Полезем Голубыми». «Голубые» — это ход, направление, по которому лезут. Мы, например, поднимались ходом «катушка», а спустились ходом «колокол», мимо камня, который гулко гудит, если хлопнуть по нему ладошкой. Тут нам пригодился и кушак: с его помощью Миша спускал меня и Виктора в глубокую щель между скалами. Сам он обошелся без кушака: уперся в одну стену щели руками, в другую ногами и, часто перебирая ими, благополучно спустился вниз.

Столбист, которого все называли Копченым, вечером рассказал у костра историю Столбов. Первыми там побывали золотоискатели и охотники за соболем. За ними пробрались к скалам любители природы. Потом сюда стали собираться на сходки революционеры.

На скалах появились надпись «Губернатор — мошенник» и злая карикатура на царя. Тогда полицейские арестовали нескольких столбистов, а одного ранили.

Но в ответ на это смельчаки огромными буквами написали на почти отвесной стене Второго Столба: «Свобода!»

Доставила же хлопот полиции эта надпись! Была назначена большая награда тому, кто сотрет ее. Да как до нее доберешься? Одному охотнику все же удалось это. Он даже соскоблил часть буквы «А», но потом испугался и еле слез обратно.

Позднее двое полицейских вскарабкались за проводником до тех деревьев, которые видны на крутизне Второго Столба. Там проводник-столбист внезапно исчез. Без него полицейские боялись сделать хотя бы шаг. Вопя охрипшими голосами, больше суток просидели они у края пропасти, пока возвращавшиеся из тайги охотники не бросили им веревку.

А гордая надпись так и осталась на скале: «Свобода!». Мы долго смотрели на нее.

Все это вспоминалось мне, пока поезд бежал через просторы Сибири к Енисею. Я снова ехал в родные места, и, как всегда, мне казалось, что дороге конца нет и что паровоз совсем не тянет на подъемах.

Я ехал, чтобы снова, в который уже раз, проплыть по всему Енисею. Одну из своих поездок по родной реке в четвертой пятилетке я постарался описать в книге «Енисей, река сибирская», напечатанной в 1949 году. С тех пор столько переменилось! Мне теперь предстояло увидеть немало нового и рассказать об этом читателю, дополнив книгу. Но пусть, думал я, то, что не устарело, останется в этой книге. Я не буду отдельно описывать новое свое путешествие: и не стоит, пожалуй, все время напоминать читателю, что несколько лет назад здесь было то-то, а теперь стало то-то. Пусть впечатления новой поездки дополнят книгу картинами жизни на великой сибирской реке в годы шестой пятилетки, когда Сибири дано так много и когда здесь начались такие дела, что даже люди, привыкшие к размаху великих строек, только в изумлений разводят руками...

В вагоне было много пассажиров, впервые едущих в Сибирь, но нашлись и мои земляки. Мы угадывали станции, вспоминали названия речек, над которыми поезд проносился по гулким мостам. Было очень приятно произносить вслух их дикий для непривычного уха названия: Чулым, Яя, Томь.

Мы рассматривали карту. Право, Енисей был величествен даже на ней. Начинаясь у границ Монголии двумя тоненькими линиями, он, постепенно утолщаясь, устремлялся на север, к океану, пробивая себе дорогу через темно-коричневую краску хребтов, пересекая яркую зелень низменностей, принимая притоки. Пройдя тундру, его широкая линия покойно расплывалась в голубом Енисейском заливе.

Мы, старые красноярцы, долго и охотно говорили о своей реке, о тайге, о горах, а нас слушали, переспрашивали те, кто ехал на берега Енисея с бережно лелеемым дипломом и тощим чемоданчиком, с комсомольской путевкой, с командировочным удостоверением или просто так, по своим делам.

А Енисей был уже совсем близко... За окнами вагона мелькали лесные гари, заросшие малинником. Дорога резко бросалась из стороны в сторону, спускаясь с гор. Горьковатый, пахнущий паровозным дымом ветер заметался в коридоре. Последние километры. Сопка, крутобокая, высокая, — здравствуй, старая знакомая! А вон и часовня на глинистой горе по-прежнему белеет над городом, гордо устремив в небо красный шпиль стрелы Перуна.

— Граждане пассажиры, поезд прибывает на станцию Красноярск, — скучным служебным голосом бубнит поездной радист. — Стоянка поезда тридцать минут.

Надпись Свобода на Втором Столбе. 1900-е годы. Негатив из фондов КККМ

Я выскакиваю на перрон. Как в тумане милые, постаревшие лица. Меня тискают, обнимают. Я что-то говорю, наверно, невпопад, смеюсь, а голос перехватывает, слезы мешают видеть. Ну да, слезы, которых ничуть не стыдно.

Вот и знакомый деревянный дом; двор, заросший травой; старая, подпертая палками черемуха, на которую я лазил мальчишкой за вяжущими рот ягодами.

Через два дня, воскресным ясным утром, мы с соседом карабкались на сопку. Сосед долго отнекивался, говоря, что он уже не в тех летах, чтобы повторять наши мальчишеские походы.

— Иди лучше с Сенькой, уж если так приспичило, — кивал он на сына. Но потом сдался.

Тропа круто поднималась на сопку. Возле нее паслись пугливые козы. От нагретых камней струился горячий воздух.

С вершины мы увидели два Красноярска. Их разделял Енисей.

На левом берегу лежал старый Красноярск — тот, который я знал с детства. Он сильно разросся, поднялся на окрестные горы, придвинулся к сопке, на которую мы поднялись. Но все же это был старый город, и легко узнавались давние его приметы.

На правом берегу в дни моей юности была степь с перелесками, куда ездили стрелять зайцев. Там торчало лишь несколько переселенческих бараков, окрашенных в казенный грязно-желтый цвет, да вдали маячило казацкое село Торгашино.

Теперь весь правый берег, насколько хватал глаз, тянулся вверх разнокалиберными трубами. Ветер раздувал шлейфы дыма. В стекле бинокля вздрагивали заводские цеха, то высокие, то длинные, со стеклянными крышами и красноватыми кирпичными стенами, громоздились переплетения металлических ферм. Я, скорее, угадывал, чем видел отблеск гигантских печей, белое пламя электросварки; там, должно быть, грохотало железо, шипел пар, били тысячетонные молоты...

— Ну?.. — спросил мой спутник. — Вот так мы и живем.

В стороне от правобережных заводов правильными прямоугольниками тянулись кварталы жилых домов. Местами зеленели остатки рощиц. Или там уже выросли новые сады?

На какое-то мгновение мне показалось, что я уже видел все это много лет назад.

Зимовка судов в посадной протоке около г. Красноярска. 1900-е годы. Негатив Н. Ставровского. Из фондов КККМ

Мой спутник тем временем рассказывал, где делают цемент, где прокатывают металл, где строят мощные электрические краны.

— Ну, отсюда ты, понятно, ничего не увидишь, а завод замечательный, — говорил он. — Рядом с мартенами зелень, цветочные клумбы, фонтаны бьют. Там, у берега, тепло-электроцентраль. А это, это... Подожди, что же это такое? Какой-то завод... Столько построено, что немудрено и сбиться.

Я не очень внимательно слушал его. Где же все-таки я все это видел раньше?

И вдруг вспомнил. Представился мне зал заседаний Красноярского городского совета и длинноволосый архитектор, приехавший из Москвы. Он стоял у огромного листа бумаги, на котором были нарисованы заводы, парки, река с пароходом и парусной яхтой.

Водя по листу указкой, архитектор рассказывал о том, как будет застраиваться промышленное правобережье Красноярска. Место у подножия гор отводилось цементному заводу. Ближе к реке на схеме был изображен машиностроительный завод. В стороне были красиво расчерчены кварталы будущего города и такие кудрявые парки, какие бывают только на рисунках архитекторов.

Заседание, которое пришло мне на память, состоялось весной 1933 года. На пустынном правом берегу тогда работали первые отряды изыскателей; в степи белели ряды колышков и вешек да кое-где торчали треноги буровых вышек...

Мы часа два просидели на сопке, вспоминая прошлое, перебивая друг друга восклицаниями вроде: «А помнишь...», «А где теперь?..», «Слушай, Петька-то Синицын...»

Потом мой спутник, разморенный солнцем, прилег на траву. Я все смотрел и смотрел на Енисей. Массой сверкающей воды вырывался он из-за темной зелени гор и, пробежав мимо городских пристаней и набережных, устремлялся дальше на север, теряясь в манящей синей дали. Чуть слышный свисток белого теплохода, сзывающий пассажиров, донесся до нас.

Мне захотелось сейчас же, немедленно, бежать за билетом, тащить чемодан в каюту — и плыть, плыть навстречу берегам, таким знакомым и таким изменившимся.

Назавтра с утра я бродил по берегу, раздумывая, куда отправиться сначала: вверх по реке, к югу, или вниз, на север.

Время было весеннее. Караваны собирались и в «золотую тайгу», и на рыбные промыслы, и на лесные разработки, и на горные притоки — только выбирай. Но чтобы выбрать, надо было посоветоваться с лоцманами, с капитанами, со шкиперами.

Я пошел туда, где обычно останавливаются разные мелкие суденышки: остроносые лодки с Ангары, колхозные катера, экспедиционные барки, плоскодонные баржи, нагруженные продуктами для ближних золотых приисков.

— Рано плыть в низовья, — сказали мне на катерах и баржах. — Туда еще и весна не добралась.

Значит, надо отправляться на юг, к истокам реки, в Тувинскую автономную область. Но в Туву нет сквозного водного пути: дорогу судам преграждают страшные пороги. Не лучше ли улететь в верховья Енисея на самолете?

На чемодан наклеен ярлык «Красноярск-Кызыл». Раннее утро. Поеживаясь от довольно свежего ветерка, мы разгуливаем у здания вокзала в ожидании посадки на самолеты. Вокзал новый. Не вокзал — дворец из серого с искрой камня. Над его входом изображены на цветном стекле веселые белки, скачущие по мохнатым еловым ветвям, с которых свисают серебряные шишки; тут же красногрудые снегири, свиристели, кедровки — сибирские таежные птицы.

Воздушный красноярский вокзал гораздо красивее железнодорожного. И это еще вопрос, на каком из них бывает больше пассажиров, если, конечно, не считать пригородных: ведь в Красноярске пересекается несколько важных воздушных дорог.

Первой поднялась и скрылась на востоке машина, направлявшаяся на Чукотку. Ей предстояло лететь многие часы над безлюдными просторами, над одиннадцатью высокими хребтами и садиться на аэродромах, построенных на вечной мерзлоте.

Вторая машина тоже ушла навстречу солнцу. Ее пассажиры были молодец к молодцу. Это красноярские футболисты отправились в Якутск, чтобы сыграть там матч и через два дня вернуться обратно. В прежнее время такое путешествие отняло бы полгода.

Потом потянулись машины на запад, в Москву. Стартовал самолет в Новосибирск. Улетела геологическая экспедиция на Ангару. Над аэродромом пронеслись, ложась курсом на север, несколько летающих лодок: это начинался летный день на авиалинии, связывающей Красноярск с Заполярьем.

Наш самолет стартовал последним. Я снова увидел два Красноярска. Затем под крылом поплыли нагромождения хребтов с красными и синевато-лиловыми каменными осыпями. Между их громадами заискивающе петляла горная речка.

Вдоль Енисея тянулись поселки строителей Красноярской гидроэлектростанции. Русло все сужалось. Вот сейчас мы пролетим над тем местом, где будет плотина... Но вдруг все исчезло. Мы влезли в облачную вату, пробили ее и понеслись над ослепительным и холодным морем облаков — таким самым, какое видит небесный пассажир и над Сибирью, и над Австралией и которое первые пять минут восхищает, а потом надоедает до смерти своим однообразием.

— Саяны перелетаем, — сказал сосед.

Прошло еще полчаса — и самолет стал снижаться туда, где возле слияния двух рек степь была разлинована улицами большого города.

Пробежав по песчаному полю аэродрома, заросшему жесткой с виду травой, самолет остановился. Через открытую дверцу хлынула волна знойного воздуха. Запахло полыньей и бензином.

Мы были в Кызыле, главном городе Тувы.

Аэровокзал Красноярского аэропорта, построенный в 1956 г. Фото 1962 г. Из фондов КККМ

Глава II

В ЦЕНТРЕ ВЕЛИЧАЙШЕГО ИЗ МАТЕРИКОВ

Шестьдесят богатырей. — пытки арата. — Скажите, пожалуйста, как пройти к «Центру Азии?» — Ураган. — Реки-близнецы. — Хан с ослиными ушами. — Кочующий театр. — «Сорок Енисеев». — Удалец Иммакай. — В царстве «дождевой тени». — Берестяной чум и мистер Каррутерс. — Певец, поющий двумя голосами

Тува не из тех мест, которые нравятся сразу, с первого взгляда. Природа здесь не мягка, не ласкова. Приедем, если он привык к спокойной красоте лесов и полей русской равнины, покажется в Туве неуютно. Его сначала может потянуть обратно за голубые Саяны.

Но идут дни, недели — и все больше привлекательного находит гость вокруг. Он ближе узнает бесхитростный, душевный тувинский народ, издревле живущий у истоков Енисея. Все глубже захватывает его стремительная, горячая жизнь сегодняшней Тувы.

Еще в начале нынешнего века тувинец раздирал переплетенную корнями землю деревянной сохой. Его жильем был прокопченный дымом костра берестяной чум, в лучшем случае — войлочная юрта.

В начале нынешнего века никто не мог бы прочесть тувинскую газету или книгу, потому что не существовало тувинской письменности.

Тувинский народ, о котором летописи упоминали еще тысяча триста лет назад, знал свирепость полчищ Чингисхана. Мирные долины Тувы топтали кони и других завоевателей, рыскавших в поисках добычи по пыльным дорогам Азии. Вот что говорится в старом сказании о маньчжурах, вторгшихся в верховья Енисея два века назад:

«Словно тучи повисли над привольной степью; тьмой и холодом веяло с хребтов Танну-Ола. Лютый враг свирепо шел вперед, повсюду сея смерть и разорение. И много их было, и все гибло на их пути. Кровавыми озерами отмечались их ночные стоянки... Награбленное добро везли за ними тысячи верблюдов, и черной полосой среди степей лежал их след».

Маньчжуры, поработив тувинский народ, сели ему на шею, обложили его непомерной данью, ввели жестокие законы, беспощадно каравшие непокорных. Тувинский скотовод — арат — получил оскорбительную кличку «уряньх», что значит «оборванец». Один маньчжурский губернатор писал: «Вновь покоренные урянхайцы похожи на зверей». Появилось выражение «уряньхайская шуба», означавшее лохмотья нищего...

Знаете, сколько тунейдцев имели право обирать тувинца? Вот их список: «божко» (десятники), «бичечи» (писари), «джанга» (старосты), «кунда» (старшины), «мерины» (судьи), «зайсаны» (правители дел), «дзаланы» (секретари правителей), «огурды» (князья), «даргы» (сборщики податей), «дзурганы» (особые следователи). Десять жадных ртов на один кусок, добытый тяжелым трудом пастуха и земледельца!

Нет народа, который готов примириться со своими угнетателями. Правда, подкупленные тувинские князьки и богатеи держали руку маньчжуров, но простые скотоводы ненавидели иноземных поработителей. Не раз маленький тувинский народ пытался сбросить

цепи рабства. Вы не слышали о восстании шестидесяти богатырей, вспыхнувшем за Саянами в конце прошлого века? А в Туве вам расскажет о нем каждый школьник.

Кто поднялся первым? Народная молва называет имя бесстрашного Самбажика, который увел в горы своих друзей, чтобы там бороться против угнетателей.

К обладателю «главной печати» — маньчжурскому наместнику один за другим помчались гонцы с вестью, что дерзкие бунтовщики прогоняют князьков и чиновников, раздают их имущество бедным.

Наместник встревожен. Тяжелая, квадратная, с длинной медной ручкой «главная печать» хлопает под указом: карательному отряду идти против «беглецов и воров», не зная отдыха ни днем, ни ночью; настигнув — поймать, уничтожить, истребить, стереть с лица земли.

Восставшие держатся крепко. Им помогает народ. Потайными тропами приходят к ним все новые и новые араты, бросившие семью и юрты ради борьбы, ради тревожной и свободной жизни в горах. Богатырей-повстанцев сначала было шестьдесят, но с каждым днем становится все больше и больше. Они поют свою песню:

*За то, что мы сохранили свободу,
Нас прозвали беглецами и ворами.
Оседлав нехудеющего коня,
Пойдемте в страну Алтай.*

Там, на Алтае, они надеются найти убежище и помощь у русских скотоводов и охотников.

Комиссар по делам Урянхайского края В. Ю. Григорьев с переводчиком, женой и личным конвоем. 1916 г. В. П. Ермолаев. Из фондов КККМ

Молитвенный камень вблизи Белоцарска (Кызыл с 1926 г.)

Но враги уже сомкнули кольцо. Отстреливаясь, герои отходят на высокую гору. Пули с визгом отскакивают от камня, кровь алеет на граните. Повстанцы, обманывая врага, выставляют из-за кустов овчинные шубы. Летят клочья шерсти, дымится овчина — карателей слишком много, они не жалеют свинца.

Тают ряды богатырей. Слишком неравны силы, а тут еще свежий отряд врагов ударяет с тыла.

Схвачены, связаны те, которых пощадила пуля. Плачь, Тува! Лучших твоих сынов, закованных в кандалы, под свист кнутов, рвущих тело, везут на суд и расправу «главной печати». Одних расстреляли. Других повесили. Долго кружилось воронье над дорожными перекрестками, где на шестах чернели отрубленные головы казненных.

Много еще мук выпало на долю многострадального тувинского народа, прежде чем узнал он окрыляющее чувство свободы.

В Тувинском музее рядом с каменными топорами и кремневыми наконечниками стрел, пролежавшими в земле тысячелетия, я видел орудия самых зверских пыток. Там же висела таблица, показывающая, как именно и за какие проступки пытали арата.

Вот истязуемого быют по лицу кожаной плетью. Другому всыпают в глаза мелко нарубленный конский волос. Третьему поджаривают на костре руку. А заточение на всю жизнь в узкий ящик, откуда торчит только голова несчастного, — что за изувер мог придумать такое?

Я, может быть, и не спросил бы, в каком веке применялись все эти пытки, но меня удивило, что древние орудия истязаний очень хорошо сохранились.

— А почему вы думаете, что это какая-то седая древность? — удивился экскурсовод. — Ну, им лет шестьдесят, самое большее. Тут у нас еще живы многие, которым пришлось на своей спине испытать вот эту плеть...

В 1912 году, когда в Китае свергли императора, тувинские араты выгнали прочь маньчжуров и попросили Россию о покровительстве. Тува, которую называли тогда Урянхаем, вошла в состав русских земель. Вся ее дальнейшая судьба тесно переплетается с судьбой русского народа. Партизанские отряды Кравченко, Щетинкина, Кочетова помогли тувинцам отбиться от белогвардейцев и иностранных интервентов.

В 1921 году в Туве произошла национально-освободительная революция. Образованная после революции Тувинская народная республика пользовалась постоянной поддержкой и неизменной дружбой нашей страны.

Тува посылала своих воинов на фронты Отечественной войны. Присоединившись к семье советских народов в час великих испытаний, тувинский народ решил уже никогда не покидать этой дружной семьи. В 1944 году Тува была принята в состав Советского Союза и стала Тувинской автономной областью.

Скажите, пожалуйста, как пройти к центру Азии?

— А вон электростанция, видите? Так возле нее, во дворе.

Посреди двора стоит обелиск, маленький, неказистый, мне по пояс. На нем табличка, вроде тех, на которых пишут названия улиц. На табличке написано: «Центр Азии».

Этот столб не нарочно запрятали во двор: просто он был поставлен еще тогда, когда тут было пустое место. Потом Кызыл разросся, и лучшего участка для электростанции не нашлось.

Хотелось настроиться как-то поторжественнее. Шутка ли, стоишь в центре самого гигантского материка земного шара. Полвека назад в здешние места отваживались проникать лишь хорошо снаряженные экспедиции с опытными проводниками. Где-то здесь,

долиной Енисея, пробирался сквозь бурелом маленький караван Григория Николаевича и Александры Викторовны Потаниных — людей смелых, скромных, преданных науке. Под черным звездным небом Тувы они ночевали в снегах, расталкивая друг друга, чтобы не замерзнуть во сне. Когда были съедены последние сухари, питались кореньями из нор полевых мышей...

Я вспоминал описания других экспедиций, смотрел на обелиск — и все же никак не мог представить себе, что тут была страшная дичь и глушь. За оградой электростанции шумел Кызыл: гудки такси и автобусов, говор прохожих, свистки милиционера, обнаружившего нарушителя правил уличного движения. Неужели город в центре Азии почти ничем не отличается, скажем, от Курска или Камышина?

Пока я размышлял об этом, внезапно потемнело. Прохожие бросились кто куда. На город налетел ураган. Ветер свистел, нес тучи песка, срывал листья с деревьев. Побесновавшись минут двадцать, он утихомирился так же внезапно, как разбушевался. Воздух стал свежим и прохладным. Странный ураган!

— У нас кругом горы, — сказал мне знакомый кызылец. — Ну вот, значит, там накапливается холодный воздух. Он и выталкивает иногда горячий воздух из котловины. Чувствуете, как стало легко дышать?

Дышать было действительно легче, но на зубах у меня скрипел песок, а в волосы набилась пыль, как в старый матрац.

Позже мне рассказали, что с внезапными ветрами дело обстоит не так просто, но в общих чертах мой собеседник был прав. Тува лежит в большой котловине. Ее окружают хребты, поднявшиеся на высоту двух и более километров. Получается, как в доме с толстыми стенами, но без крыши, без окон и дверей, а значит, и без сквозняков: ветры дуют выше его стен. Нагретый солнцем воздух летом застаивается в котловине, и люди задыхаются от жары. Перегревшись, он временами бурно устремляется вверх, образуя нечто вроде смерча, воронки, в которую втягиваются и окружающие воздушные слои. Когда легкий горячий воздух поднимается высоко над землей, его место в котловине занимает более холодный воздух из окрестных горных долин.

До хребтов, окружающих котловину, еще доносится дыхание далекого океана. Но хребты охлаждают, сгущают его влагу своими ледяными вершинами. Она падает дождем или снегом. На котловину от гор ложится «дождевая тень»: ветры, у которых уже отнята почти вся влага, проносятся высоко над жаждающими степями, ничего не давая им.

Зимой в котловине застаивается неподвижный морозный воздух. Термометр падает все ниже, тепло земли уходит, излучается в безоблачное ночное небо.

Кызыл находится примерно на широте Лондона, Варшавы, Курска. Но среднегодовая температура в Кызыле — почти четыре градуса мороза; а в Лондоне — около десяти градусов тепла. Кызыл — самый холодный из всех городов мира, расположенных на одной с ним широте. Тут однажды был такой мороз, о каких даже в Арктике знают больше понаслышке, — без малого шестьдесят градусов. Вот что значит резко континентальный климат в центре Азии, в котловине, приподнятой почти на полкилометра над уровнем моря и окруженной кольцом гор, за которые цепляются облака!

Кызыл стоит у колыбели Енисея. Здесь сливаются два его истока: Бий-Хем и Каа-Хем — Большой и Малый Енисей, — давая начало великой сибирской реке.

Братья сходятся почти под прямым углом. Над их слиянием высокая гора. На ее вершине огромные буквы из белых камней образуют слово «Ленин». Это слово видно с любой улицы города. Его издали замечает пассажир летящего из-за Саян самолета. С любой

дороги, ведущей в Кызыл, взор путника привлекают все те же белые буквы, слагающие великое и дорогое имя.

Бий-Хем несет свои воды мощно, плавно. Каа-Хем тороплив, стремителен, напорист и заставляет более спокойного старшего брата уступить: образовавшийся после слияния Енисей лишь немного отклоняется от прежнего направления Каа-Хема.

Разные, не схожие между собой края успели повидать братья по дороге к месту встречи.

Старший — Большой Енисей — приносит воды из северо-восточного угла области, называемого Тоджей. Там, высоко в горах, у самой границы Тувы, есть озеро Кара-Балык. Оно-то и дает начало Бий-Хему. Первые сто километров пути Большого Енисея долго показывались на картах голубыми точками: там не было подробной съемки, и речные извилины наносились приблизительно, по рассказам.

Тоджинский район считался одним из самых глухих и труднодоступных мест земного шара. Тут еще и теперь мало наезженных дорог, и только тувинская горная лошадка, не очень рослая, зато крепкая, может карабкаться с вьюками по тропам чуть не на отвесные кручи. Косули и маралы пасутся на полянах, разбегаясь от шума самолетного мотора. Самолеты летают над Тоджей постоянно — к ним в тайге привыкли больше, чем к автомобилю или велосипеду.

Сам Бий-Хем в верховьях мало пригоден для путешествий. Река прыгает водопадами, ярится в узких ущельях. Однако в смелых людях в Туве недостатка нет, и опытные лоцманы сплавляют тут плоты. Вернее, не плоты, а плотики, если сравнивать их с теми махинами, какие сплавляются по равнинным рекам.

Но разве обычный плот уцелел бы, скажем, в Усинском пороге, где на повороте реки ему надо «прыгать» через два перепада с высоты трех метров и при этом избежать подводных камней, которые тут натканы в шахматном порядке.

Плохие дороги очень замедляют развитие Тоджи — края прямодушных, смелых, веселых оленеводов и охотников. На тоджинских высокогорных пастбищах, где пасутся северные олени, еще можно увидеть чумы — шалаши, покрытые корой березы. Тут многое осталось от прошлого, многое надо переделывать. Может, это один из последних уголков старого в нашей стране.

Вы не боитесь трудной, но захватывающе интересной, необычной жизни? Тогда поезжайте работать в Туву, в Тоджу. На ее реках построены первые гидроэлектростанции, а надо построить их в десять, в двадцать раз больше. Надо научить охотников сеять хлеб. Надо строить новые поселки, врубаться в тайгу широкими дорогами. В общем, приезжайте — дела в Тодже хватит!

А меньший брат, Малый Енисей, откуда он примчался к Кызылу?

Его вспоили горы возле озера Тери-Холь, лежащего на высоте почти полутора километров. Вода неглубоко залила котловину между гор, заболоченную по краям так, что к озеру не подступишься. Среди синевы вод дремлют острова. На одном из них — развалины глиняных крепостных стен.

Старики рассказывают, будто на острове был дворец хана Эльджигена, который извел окрест всех цирюльников. Как только цирюльник кончал стричь ханские волосы, его тотчас волокли на казнь.

Один мальчик — подмастерье — счастливо избежал этой участи: хан отпустил его, но взял слово, что тот никому из людей не откроет тайну хана. Мальчика распирало от этой тайны. Ну хорошо, он ничего не скажет людям. Но ведь можно рассказать сногшибательную новость травам, деревьям, полевым мышам?

Закладка церкви в Белоцарске. 1916 г. Их фондов КККМ

Каменное изваяние в степях Евразии — встречалось повсеместно от Причерноморья до Забайкалья; по мнению академика Рыбакова — Перун, языческое божество славян

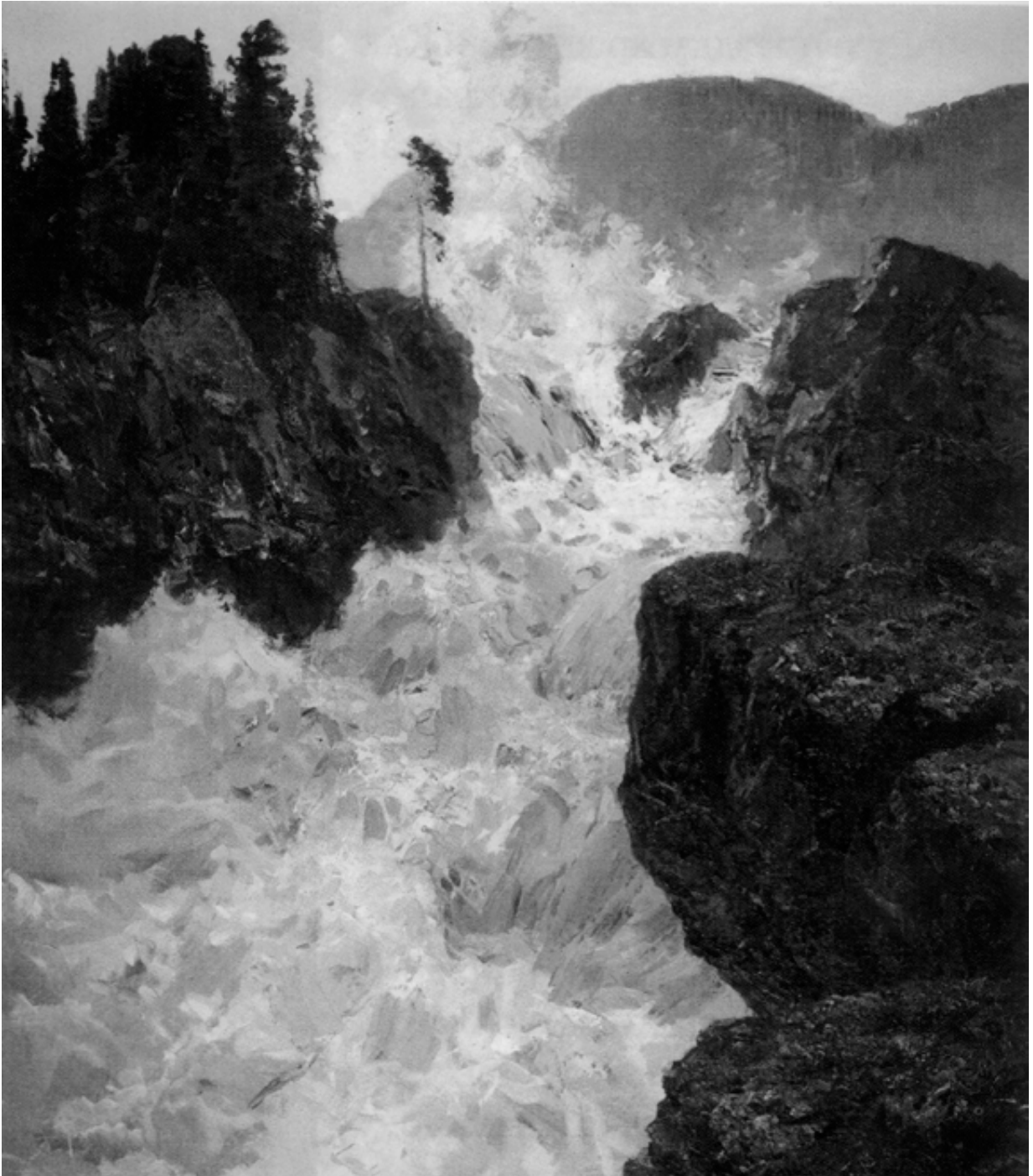

Первая постройка в Белоцарске, 1914 г. Негатив В. П. Ермолаева. Из фондов КККМ

Когда немного спустя хан поехал по своим владениям, он услышал, как трава, качаясь, нашептывала: «Вот едет хан с ослиными ушами». О том же шумели листья деревьев, об этом же пищали в норах мыши...

Да, у хана действительно были ослиные уши! Чтобы народ не узнал этого, хан и казнил всех, кто брил и стриг его. Теперь же, когда даже лесные зверюшки оказались в курсе дела, скрывать свой позор хану не было никакого смысла. Он поспешил объявить, что ослиные уши — главный признак наиболее мудрых особ царской крови...

Уйдя от озера, Каа-Хем сначала тоже круто падает по горным ущельям, но затем выходит на простор широких степных долин. С давних пор живут в них земледельцы и скотоводы. Уже не северные олени, а верблюды, стада овец и коров, табуны коней пасутся на

Т. В. Ряннель. Картина «Рождение Енисея» 1958 г.

сочных приречных лугах. Тут уже не увидишь берестяных чумов: их сменили бревенчатые избы либо войлочные юрты.

Хорошо посидеть на берегу возле места, где сливаются оба Енисея. Я плавал по двум рекам, которые называют голубыми: по голубому Дунаю и голубому Енисею. Не хочу обижать поклонников Дуная, но, если говорить честно, какой же он голубой? На дунайских пароходах запасают в городах питьевую воду — так мутна речная вода! Енисей же в верховьях действительно голубой. Правда, это не столько цвет воды, сколько цвет отраженного ею ярко-синего, почти всегда безоблачного неба.

Купаться в Енисее возле Кызыла страшно. Зайдешь в воду по колено, а она сбивает тебя с ног. Окунулся, взмахнул несколько раз руками — глядишь, тебя унесло уже на полсотни метров ниже. Ну и быстрина!

Хороших пловцов среди тувинцев мало: в горной реке много не наплаваешь. Борцы же в Туве первоклассные.

В городском парке Кызыла, где благоухают заросли бальзамического, или лавровлистного, тополя, состязания борцов бывают очень часто. Борьба называется «хуреш». Тувинцы борются в коротких курточках, которые почему-то называют жилетками, хотя у жилеток рукавов нет вовсе, а здесь вся курточка состоит почти из одних рукавов.

Перед схваткой борцы исполняют особый «танец орла», размахивая руками, как крыльями, и высоко подпрыгивая, точно собираясь взлететь. У каждого свой секундант, который кричит, суется, подбадривает борца, а иногда и преболно шлепает его для того, чтобы тот был злее. По-моему, секундант от криков и суеты устает больше, чем сам борец. Победенным считается тот, кто во время борьбы хотя бы на секунду коснулся земли рукой, упал на колено либо на бок.

В парке я видел старую афишу, приглашавшую посмотреть спектакль Тувинского национального театра. Мне рассказали, что первое представление в Кызыле состоялось тридцать с лишним лет назад. Пьесы не было. Да и как можно написать пьесу, когда никто не умеет писать на родном языке! Поэтому актеры просто договорились между собой о том, что примерно должно произойти на сцене, и дальше действовали кто как умел.

Теперь театр ставит настоящие пьесы русских и тувинских драматургов. Но посмотреть его спектакли мне так и не удалось. Летом театр кочует. Верхом на лошадях, через тайгу, по горным тропам актеры пробираются в отдаленные становища, где раньше о театре и не слыхивали.

Представления даются под открытым небом, в середине кольца немилосердно чадающих трубками и до крайности взволнованных зрителей, которым очень нравится рассказ о том, как хитрая лиса выманила у падкой до лести вороны кусок сыра «пыштаг»: басня Крылова и в лесной чащобе звучит живо и остро.

В Кызыле выходят газеты на русском и тувинском языках. В городской библиотеке, у входа в которую стоит древний каменный идол, исчерченный письменами, можно найти почти любую книгу. По соседству с библиотекой — музей и картинная галерея, подаренная Кызылу ленинградцами. Каменные здания школ, учительского института, техникума, училищ едва ли не самые большие и красивые дома в городе.

Перед отъездом я бродил вечером по улицам Кызыла. В парке играл оркестр.

У входа в кино толпились горожане. Было много ярких платьев: красных, оранжевых, лиловых. У коновязи дремали низкорослые лошадки: их хозяева приехали из ближайших колхозов смотреть новый фильм.

От реки потянуло прохладой. Мне захотелось еще раз взглянуть на Енисей. Вода, холодная, серая, мчалась мимо потемневших берегов. Далеко-далеко пламенели в последних лучах невидимого солнца снежные вершины Саян.

Баба. Степь около Шагонара. Урянхай. 1910-е. Негатив из фондов КККМ

На самом берегу белел обелиск. При неверном свете уходящего дня можно было разобрать надпись: «Вечная память красным партизанам, героически погибшим в 1919 году в борьбе против контрреволюционных банд...»

У обелиска рядом с увядшим букетом лежали совсем свежие цветы.

От Кызыла до города Шагонара мы решили спуститься на плоту. Плот был маленький, из нескольких бревен, — так называемый салик. Спереди и сзади у него по длинному гребному веслу. Оттолкнувшись от берега, мы вверили плот волнам Енисея.

Плыть было весело. Река мчалась зло и стремительно. Безлесные горы отодвинулись от Енисея. Рощи бальзамического тополя смотрелись в воду с берега и островов. Енисей шумел около скал, кое-где вдающихся в реку, и перекатывал по дну гальку, как-то по-особенному щелкая камнем о камень. Наклонив ухо к самой воде, можно было различить тонкий, своеобразный свист или шуршание крупного песка, гонимого течением.

Вскоре мы достигли местности, которую называют «Сорок Енисеев». Может быть, Енисеев тут меньше сорока — не знаю. Говорят, на Бий-Хеме есть свои «Сорок Енисеев» — такой же запутанный лабиринт рукавов, проток и проточек.

Тальник купал ветки в тихих заводях. Недалеко от нас вспорхнула стайка уток. Откуда-то появились чайки, ловко нырявшие за рыбешкой.

Мы залюбовались всем этим и в одном месте свернули не в тот рукав. Хорошо еще, что Оскал, мой спутник, сразу спохватился. Но все же мы изрядно намучились, бредя по колено в воде и изо всех сил толкая плот сзади. А если бы нас занесло подальше на мелководье — пришлось бы бросить салик и тащиться дальше пешком.

К Енисею прибежала речка Элегест. Возле ее устья поселок шахтеров. Вчерашние пастухи спустились под землю и с помощью машин дают на-гора уголь. Недалеко от шахты большой совхоз «Элегест». Вверх по реке — плотина гидроэлектростанции. Вот вам уголок новой Тувы.

А что это за гора — вернее, скала серого мрамора — показывает нам свой профиль? На ее склоне, обращенном к Енисею, кустится жалкая зелень; противоположный склон совершенно гол и безжизнен.

— Это Хайеркан — Медведь-гора, — говорит Оскал. — Ты сказки любишь?.. Значит, так. Давным-давно жил в этих местах колдун — по-нашему, шаман. Самый главный шаман. И сын у него был, Иммакаем звали. Ну, старик, конечно, захотел передать потомку свой опыт. Я, мол, скоро умру, так ты вместо меня большую власть над людьми будешь иметь. А Иммакаю только бы в горах ходить, песни петь да птиц слушать. Простой человек, вольный. На что ему власть? Ну и бежал он от отца вот на этот самый Хайеркан. Только тогда тут рос такой лесище, что сам себя потеряешь. Шаман туда-сюда — нет Иммакай. Проклял старый черт сына. Созвал, понимаешь, шаманов со всех хребтов, стали они бить в бубны да выть — и пошли по небу красные облака, полился из них огневой дождь на тот склон, где притаился Иммакай. Живьем сжег сына шаман. И зверье сжег, и лес спалил — видишь, совсем голый склон, с тех пор там ничего не растет. Но только после этого проклинали шамана все, даже свои же колдуны. А он обернулся ветром и с тех пор воем над горой...

Я невольно прислушался и посмотрел на гору. Должно быть, этот Иммакай был удалцом и лазил по горам не хуже альпиниста. Хайеркан высок, крут, на его оголенных склонах и острых ребрах не за что зацепиться.

— Хорошая сказка, — говорю я. — Но почему, Оскал, эту гору называют Медведь-гора?

— О-о, тут другую сказку рассказывать надо, — улыбается мой спутник. — Хватит с тебя пока одной. Давай лучше причаливать.

Мы дружно налегаем на весла — гребем и гоним плот к берегу, к огородам Шагонара — небольшого городка на левом берегу Енисея.

В Шагонаре я распрощался с Оскалом. Он поплыл дальше в свой родной поселок Чаа-Холь, а я надумал проехать в сторону от речной долины, к летним пастбищам, и часа через два уже трясся в кузове колхозного грузовика.

Сначала дорога вилась по бурым холмам, выжженным солнцем. Только цепкий кустарник — караганник, полынь да привлекающая скот трава кипчак и прижились на сухой почве. Всюду камни, временами — остатки выветривающихся скал, белые пятна солончаков, плешины песка. Нет, тут не на чем отдохнуть глазу! Лишь верблюдица, шагавшая с верблюжонком, да неисчислимые суслики, видимо, отлично чувствовали себя в этом царстве «дождевой тени», заставляющем вспомнить о похожих на пустыни степях Монголии.

Безлюдно вокруг. Зола очагов и притоптанная земля остались там, где зимой и весной вились дымки над юртами, где хозяева радушно встречали путника, деля с ним все, чем

Пахота в Урянхайском крае. 1910-е. Диапозитив из фондов КККМ

сами богаты. Теперь пастухи ушли с колхозными стадами на альпийские высокогорные луга. Животноводство — главное занятие тувинских аратов; пастуху всюду почет.

Мы проехали еще десяток километров. Каменистая степь потеснилась: ее место заняли сначала кустарники, а потом лес.

Пересекли речку Чааты. Около нее, в больших домах, школа и интернат. Ребят в интернатах одевают, обувают, кормят за счет государства.

Чем выше поднимаемся мы, тем легче дышится. Все чаще дорогу пересекают канавы. Земледелие в Туве главным образом поливное. Снега, тающие на хребтах, дают студеноую, прозрачную воду речкам, от которых сделаны отводы прямо на поля.

Тракторы подняли много целины в предгорьях — посевная площадь области увеличилась в несколько раз. В Туву всегда ввозили хлеб. Теперь хлеба здесь столько, что его уже стали вывозить за Саяны. Больше всего сеется пшеницы и проса.

Из проса готовится национальное блюдо — тара. Вкусная это штука, особенно когда тебя за день хорошо потрясет в седле! Вскипятишь чай покрепче, посолишь его, высыплешь туда пригоршню очищенного и поджаренного проса, размешаешь — и тара готова!

Мы миновали несколько колхозных поселков, где дома еще не успели потемнеть. Бывшие кочевники переселились сюда из надоевших юрт, в которых жили их отцы и деды. Бурые, войлочные, обвитые веревками из конского волоса, эти юрты еще стояли у поселка.

К юрте, как и к берестяному чуму, можно относиться по-разному.

Однажды, незадолго до революции, через тувинские дебри пробиралась маленькая экспедиция. Внезапно проводник, ехавший впереди, остановил коня и воскликнул:

— Мистер Каррутерс, вот их вигвамы!

Человек в пробковом шлеме восторженно вскрикнул и схватился за фотоаппарат. Наконец-то они нашли стойбище этих урянхайцев, этого дикого лесного народа!

Озеро Рыбное (Чагытай, Джагытай-Куль) Урянхай. Фото А. Я. Тугаринова. 1915 г. Из фондов КККМ

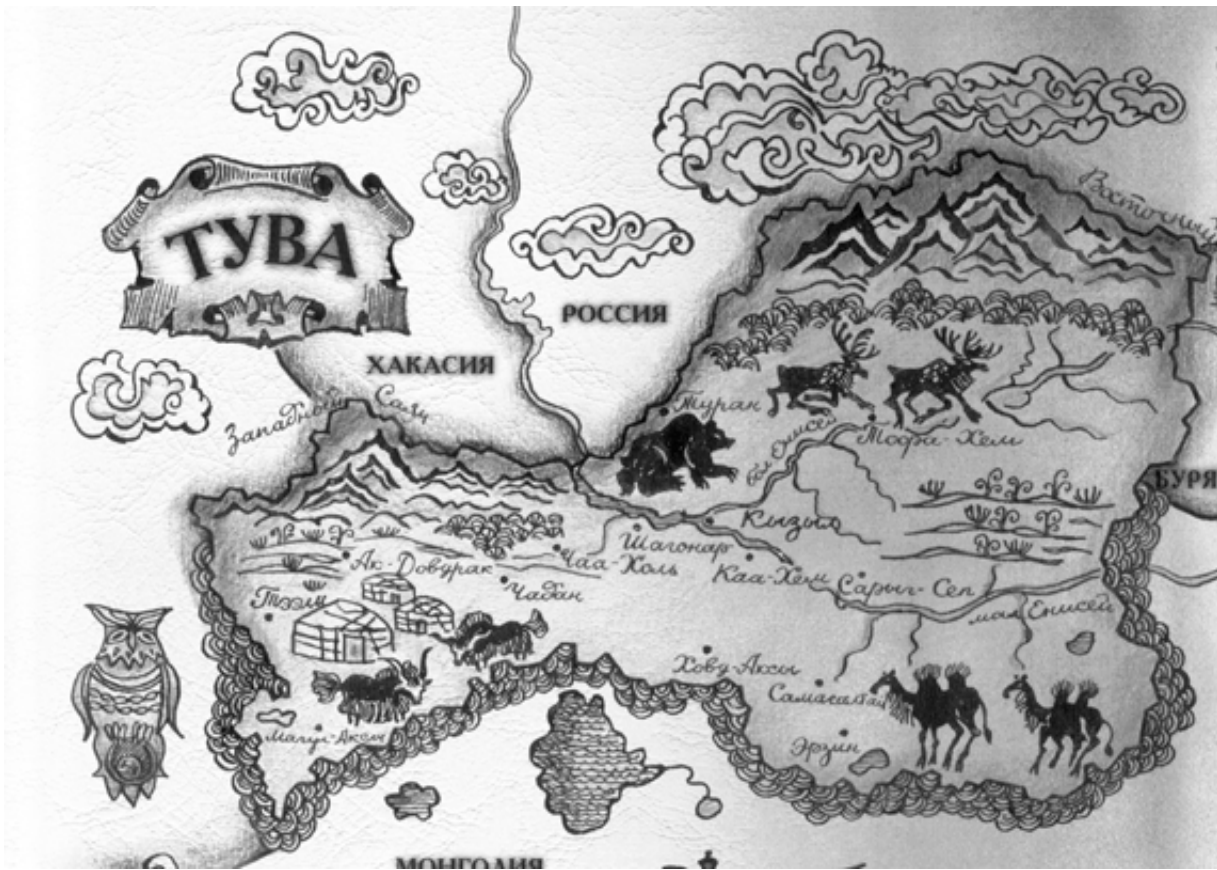
Древние пектроглифы. Прорисовка на перкаль по методу В. Ф. Капелько

Древние пектроглифы. Фото В. Ф. Капелько

Лик божества с рогами быка и украшениями в ушах. Мугул-Саргол

Карта Тувы, любезно предоставленная Сергеем Шевляковым, директором издательства «Платина»

Четыре рогатых лика. Мугул-Саргол

Древние лики Богов

Танец Орла. Фото Ч. М. Цай. Из архива М. Н. Добровольского

Экспедиция провела в стойбище несколько дней. Позднее ее начальник, географ Каррутерс, в своей книге так изложил впечатления от становища и берестяных чумов:

«Трудно описать то невольное и сильное чувство восторга и огромного удовлетворения, какое испытываешь неизменно при виде обстановки жизни и уголка на земной поверхности, которые еще совсем не развращены победоносным шествием цивилизации и которые в то же время сохранились во всей прелести своей первобытной простоты».

В тот год, когда Каррутерс восторгался берестяными чумами, в одном из них жил со своей матерью, братьями и сестрами мальчик Салчак. В дождь сквозь настил чума просачивалась вода, зимой в нем было так холодно, что маленькая Сюрюнма чуть не отморозила себе ручки. В зыбку Сюрюнмы клали сухой навоз, потому что у семьи не было даже тряпок. Дети вечно голодали. Чтобы обмануть голод, они ходили в степь и жевали горькую кору дикой акации. На глазах мальчика чиновники однажды с первобытной простотой били его мать кожаной плетью — вроде той, которая хранится теперь в Кызыльском музее.

Когда мальчик подрос, то пошел батрачить. Он сдружился с русскими батраками и возненавидел богатеев — и тех, что носили русскую поддевку, и тех, что рядились в пестрый тувинский халат. Он рано понял, что смысл жизни — в борьбе за счастье народа, и вместе с русскими большевиками смело ринулся в гущу этой борьбы.

Став взрослым, обитатель берестяного чума написал книгу о своем детстве. Книга называется «Слово арата». Вам, наверно, знакомо имя ее автора — это известный тувинский писатель Салчак Тока.

Нет уж, пусть поскорее уходят в прошлое все чумы, а за ними и юрты. Фотографировать их, может быть, и интересно, но жить там плоховато. Если бы мистер Каррутерс провел в чуме хотя бы одну зиму, вряд ли он стал бы писать о прелестях первобытной простоты. Будет лучше, когда в Туве останется всего один чум — в краеведческом музее.

Но вернемся к юртам у прозрачного ручья, бегущего возле нового колхозного поселка.

— Ике! (Здравствуйте!) — сказал я, входя в первую из них.

— Ике! — ответил хозяин юрты, стуча по наковальне.

Кто бы ни вошел, кузнец не должен отрываться от своего дела для приветствия: его труд считается очень важным и почетным.

У входа в юрту мальчуган ловко строгал ножом деревянный обрубок. Искусных резчиков среди тувинцев еще больше, чем искусных кузнецов. Они вырезают из дерева и камня игрушки, кувшины и шахматные фигурки.

Чуть ли не каждый тувинец — шахматист. Однако сразу сыграть с тувинцем вам не удастся: здесь совсем другие фигуры, к ним надо привыкнуть. Вместо ферзя или королевы на шахматной доске стоит... собака. Собака — верный друг скотовода-тувинца, поэтому ей и в игре отводится видное место. Вместо слона на доске степной тувинский верблюд. Наконец знакомая фигура — конь. Но что это рядом? Какое-то колесо затейливой резьбы. Оно стоит в углу доски — значит, это ладя. Ну, а пешки бывают разные: и в виде щенят, и в виде кур, и в виде сусликов.

Мы поговорили немного с хозяином юрты, который, однако, так и не прерывал своего занятия: он торопился починить ружье охотника из соседнего поселка.

— Обещал соседу сделать к вечеру — надо сделать, — сказал мне кузнец. — Не сделаю — скажет обо мне: у лстивого много слов, у ленивого много причин.

В редком жилье тувинца не увидишь ружья, иногда очень старинного, и хороших охотничьих кинжалов. Тувинцы — смелые и хладнокровные охотники. А сколько зверья в тувинских лесах и горах: медведи, волки, рыси, росوماхи, барсы, соболи, белки, лоси, маралы, антилопы, кабаны, горные козлы, серны, кабарга!.. Больше всего охотники добывают белок — иногда по несколько тысяч за зиму.

Отведав вкусного сыра пыштаг и попрощавшись с кузнецом, я отправился дальше по таежным дорогам. Кого только не встретишь на них!

Мешком трясется на лошади совсем молодой геолог. В здешних местах, где к седлу привыкают сразу же после того, как отвыкают от соски, его посадка вызывает бурное веселье встречных. Ничего, за лето наездится — станет добрым кавалеристом.

Пока же геологу не до насмешек. Он слез с жесткого седла, деревянно переступая ногами, идет к палатке начальника, протягивает тому два куска синеватого камня.

— Ну-у-у? — не решается поверить тот. — Неужели?

— Да! — радостно и гордо подтверждает молодой геолог. — Нашли за той вон горой. Значит, быть за горой новой шахте или руднику.

...Под вечер я очутился перед воротами пионерского лагеря. Над ними было написано: «Хундуллу-биле моор лакар!» Это означало: «Добро пожаловать!»

В лагере готовились к костру. Сам костер должен быть таким, чтобы его видели и от Енисея, и с гор — одним словом, километров на сто вокруг, как сказал мне самый маленький пионер, носящий самое длинное в лагере имя: Хавалыг Эртине Хавал-Оол.

На репетиции концерта, которым должен был завершиться праздник у костра, я впервые услышал пение тувинцев — удивительное двухголосое пение. Двухголосое не потому, что один и тот же певец может по желанию петь, скажем, сначала басом, затем тенором, а потому, что один и тот же певец может петь двумя голосами сразу!

Двухголосое пение называется «сыкыртыр». Вы слышите звук, напоминающий пение большой неведомой птицы, звук сильный и мелодичный; ему вторит другой, глуховатый, более низкого тона. Знатоки мне объяснили, что первый звук рождается напряженными голосовыми связками, через которые певец с силой пропускает воздух; второй возникает в полости рта, которая служит как бы резонатором.

...Перед возвращением в Кызыл мы ночевали в горах. Мне не спалось. Высоко на хребтах, на дорогах, у далекого озера — всюду теплились, мелькали огоньки. Это горели костры в лагере археологов, изучающих древние рисунки на скалах и высеченные из камня фигуры воинов, у палаток геологов, разведывающих недра Тувинской котловины, которую считают одной из богатейших в стране «кладовых» полезных ископаемых: это светились фары автомобилей экспедиции Академии наук СССР, в ночной прохладе переезжающей на новое место.

В Туве добываются уголь, золото, сачь; тут найдены руды черных и цветных металлов, асбест; строятся заводы, электростанции, дороги...

Конечно, я не повидал и десятой доли того, что можно было увидеть в Туве. Но мне надо было торопиться: Енисей велик — и путь до океана долог.

Через два дня я уже снова был в Кызыле.

Глава III

ЧЕРЕЗ ХРЕБТЫ

Маленькое отверстие большого мешка. — Вот они, Саяны. — По высокогорному тракту.
— Дед Трофим и зубря. — Минусинские яблоки. — Штурм порога

Хан-Хо-Хан — так называли Тувинскую котловину монголы. Это название можно перевести словами: «Большой мешок с маленьким отверстием».

Маленькое отверстие большого мешка — долина Енисея, который пробился сквозь Саяны. Хмельной от победы над твердью камня, он торжествующе ревет в порогах, мча хлопья пены к простору и покою степей.

Енисей победил Саяны. Но человек долго не мог победить Енисей в Саянах. Только несколько лоцманов-смельчаков отваживаются спускать тут плоты вниз по реке.

Один плот ушел из Кызыла перед моим приездом. Второй должен был пойти лишь после того, как лоцман вернется обратно. В городе поговаривали, будто какая-то флотилия идет вверх по реке, намереваясь пробраться до самого Кызыла. Но я не обратил на эти слухи внимания: кызыльцы давно мечтают о том, чтобы к ним ходили пароходы прямо из Красноярска, и не прочь пофантазировать на эту старую и любимую тему; кроме того, мне-то нужно было спускаться вниз, а не подниматься вверх.

Чтобы не терять времени, я решил пересечь Саяны по сухопутью, высокогорным Усинским трактом, а уж потом, насколько возможно, подняться назад, в сторону Тувы. «Таким образом, — думалось мне, — я не увижу лишь очень небольшой участок на границе Тувы».

Наша рейсовая машина переправляется через Енисей на пароме. Мы прощаемся с Кызылом. После недлинного участка выжженной солнцем степи начинается зелень Веселого косогора — преддверие хребтов, заманчиво синеющих вдаль. Машина выскакивает на плоскогорье, оставляет за собой город Туран и ползет на первый подъем. За ним — второй, третий, настоящие «тянигусы».

Горы уже не синеют, а светятся в закатных лучах. Становится сыро и прохладно. На перевале, на высоте более тысячи метров, попросту холодно. Дорожники, возвращающиеся с работы, одеты в полушубки.

Машина с выключенным мотором легко сбегает с перевала. Ночь застает нас там, где раньше была граница между Советским Союзом и Тувой. Луна то показывается из-за облаков, чтобы взглянуть на мрачные горы с темными провалами ущелий, то скрывается снова. В тумане расплываются огоньки станции Пограничная. Здесь ночевка.

Встречи на перепутье... Новые люди, мимолетный, шумный, беспорядочный разговор в столовой с запотевшими окнами — ночью, того гляди, выпадет снег. Дымящийся жидкий чай, усталые улыбки — и сон, который валит на койку. Пусть залиvisto храпит сосед, пусть кто-то свистящим шепотом требует книгу жалоб — тебе все это нипочем. Открыв глаза от толчков в бок, ты не хочешь верить, что ночь уже минула. Но в умывальной стучат рукомойники с ледяной бодрящей водой, из кухни пахнет поджаренным луком, и первая машина уже уходит из ворот...

Холодно. Туман. Мы едем вдоль длинной изгороди. За ней в белесых волнах возникают смутные силуэты животных с ветвистыми рогами. Дикие олени?! Подняв головы, животные прислушиваются к шуму дороги, но не убегают прочь.

— Маралы, иначе пятнистые олени, — говорит шофер. — Их рога в большой цене, на лекарства идут. Раньше ради рогов оленей стреляли в тайге, теперь вот разводят в совхозах. Большая экономия. Рога-то после того, как их срежут, оказывается, отрастают выше прежних!

Мы обгоняем гурты скота. Вихрем проносятся мимо светло-желтые автоцистерны-бензовозы. Все больше встречных, все оживленнее большая саянская дорога.

У станции Иджим, откуда до Енисея напрямик всего пятьдесят километров, тракт втягивается в долину реки Ус.

Ус, сердитый, шумный, весь в барашках волн, надолго становится нашим неумолчным спутником. Машина бежит мимо красноватых утесов, вскакивает на легкие мосты, врывается в холодную тень таежной чащобы. Ус уходит ненадолго в сторону, но потом возвращается. Когда тракт поворачивает к Буйбинскому перевалу, окончательно покинув реку, становится даже немного грустно.

К дороге подступают то мрачные, зазубренные скалы со снежными подушками в раселинах, то изумрудно-зеленые альпийские луга с ковром лазоревых цветов, то глубокие провалы ущелий, то стены лиственниц и кедров. Нехоженные дебри, немеряные дали!

Шофер нажимает ножной тормоз и берется за ручной: мы осторожно сползаем с крутого перевала к станции Оленья Речка. Для нее выбрали веселое место возле горного потока. Вода в нем хрустальная, снежная.

У станции остановилось несколько машин, идущих в Туву. Какой-то военный, как видно, не новичок в таежных делах, нарвал сочных пустотелых стеблей и угощает ими других пассажиров:

— Отведайте-ка сибирской пучки. Освежает!

Пассажиры неумело очищают стебли. Сочная, чуть вяжущая зелень хрустит на зубах. Наверно, за этим лакомством и спускались к речке олени.

Тяжелые тучи клубятся над пиками, достигающими кое-где чуть не трех километров в высоту. Клубятся, но не переваливают в сторону Тувы. Машина въехала в облако, сползшее с вершины на тракт; шофер стал мигать фарами и тревожно сигналить встречным.

Нас дважды отхлестал сильный косой дождь. Как он был бы нужен Тувинской котловине, на которой лежит «дождевая тень» Саян! Пожалуй, правильнее бы назвать ее «без-дождевой тенью».

Тофалар призывает марала

Северные деликатесы

Саяны тянутся от Алтая до Байкала. Тракт пересекает хребты Западного Саяна. Он дал нам наглядный урок географии. Мы узнали кое-что о горном климате, когда в начале пути изнывали от жары, а на перевалах жалели, что с нами нет теплого пальто.

В Саянах каждые сорок метров подъема урезают у лета один день. Близ Оленьей Речки оно на целых пять недель короче, чем в селе Ермаковском, расположенном всего за восемьдесят километров, но у подножия хребта.

Тракт пересек степь, затем лесостепь Веселого косогора, потом подтайгу предгорий — березовые и осиновые леса, заросли ивы и черемухи, влажные луга с пышной зеленой травой. Выше началась горная тайга, где среди кедров, пихт и елей, приминая пышные папоротники и мхи, бродят медведи. Еще выше легли горные луга перевалов с редкими деревьями, расщепленными молниями и обломанными бурями, с цветущими возле снега альпийскими фиалками. На эти высокогорные луга приходят северные олени, чтобы насладиться прохладой; неслышно, стараясь не стукнуть камнем, крадется за ними горный красный волк.

Русские рабочие и инженеры начали строить Усинский тракт еще накануне первой мировой войны. Окончательно он был достроен в советское время. Множество машин пробегает теперь почти пятьсот километров его спусков, подъемов, петель, косогоров, разделяющих Кызыл и Минусинск.

Это трудная дорога, на которой с горными обвалами, с ливневыми потоками, с зимними заносами едва справляются мощные машины, привезенные сюда со стройки Волго-Дона.

Шофер, не жалуясь, а, скорее, гордясь, рассказывает мне, как несколько лет назад, в жестокий мороз, когда воробьи мерзли на лету, он едва не погиб, застряв в сугробе. Выручили товарищи. А то вот еще был случай...

Оборвав на полуслове, шофер резко тормозит машину: у дороги стоит, подняв руку, старик с ружьем.

— Садись, — говорит шофер. — Отчего не подвезти. Откуда же это ты, дедушка?

— За медвежицей по тайге ходил, — отвечает старик. — Три дня шел по следу — не далась, ушла, чтоб ей неладно было!..

— Дедушка, сколько же тебе лет?

— Все восемьдесят пять мои. Стареть начинаю.

Охотника зовут Трофимом Михайловичем Козловым. В колхозе он охраняет стада от волков. Колхоз недалеко отсюда, в Минусинской котловине. Мы как раз поедем мимо, и старик рад — довезем до дому. А в Саяны деда тянут воспоминания молодости. Тут чуть не с детства промышлял он соболя, сибирского оленя — изюбря, медведя. Эх, было времечко, было — и ушло... Тогда зверья тут водилось тьма — не то что теперь; но это зря болтают, будто оно чуть не само в руки лезло.

Дед Трофим набивает трубку вонючим самосадом и начинает:

— Вот, скажем, изюбрь, по-нашему зубря, или «сынок». Зверь чуткий, сторожкий. Без соли его не возьмешь. До соли он беда, как охоч. Понял? Сделаешь, значит, рассол покрепче, да и польешь им землю там, где на зубрин след напал. Получается, по-нашему говоря, солонец. После этого мастеришь караулку на земле или на дереве, да так, чтобы ветерок тянул на нее от солонца, а то зверь человеческий дух почует. Ну, смастеришь и уходишь, и год в то место не заглядываешь.

— Вот так раз! Зачем же было тогда огород городить?

— А ты слушай, слушай! Зубря соль учует, придет к солонцу. По-первому разу обойдет его: не опасно ли, мол? Нет, все тихо, благородно. Ну и принимается соленую землю грызть в свое удовольствие. Раз погрызет, другой, третий, а там и привыкнет, повадится других за собой водить. Бывает, через год приходишь, а они целую ямку выгрызли, следы кругом свежие. Ну, значит, удача. Забираешься в караулку на ночь и ждешь. Зубря даром

что большой зверь, а ходит тихо, как мышка. Иной раз задумаешься, глядь, а он — вот Он, уже на солонце. Постоит, послушает да ка-а-ак бросится в сторону. Ну, охотник-новичок выругается: «Эх, мол, почуял меня зверь, ушел!» А опытный сидит не шелохнется — знает, что это зубря пугает, хитрит, чтобы своего врага, если он где притаился, из покоя вывести. Глядишь, возвращается и прямо к ямке. Погрызет, погрызет — голову поднимет и слушает. Это он для того, чтобы кто к нему незаметно не подкрался, пока он зубами-то о землю стучал. Ну, а ты ждешь, когда зверь повернется поудобнее, чтобы в темноте-то не промахнуться...

— А еще, — продолжает дед Трофим, — берем мы зубрю «на рев». Ты послушай-ка зубрю на зорьке — словно рожок трубит полковой. Ну вот, осенью, когда самцы между собой дерутся, идешь в тайгу с деревянной трубой и тянешь воздух в нее со всей силы и без передышки. Тут, брат, сноровка нужна. У кого грудь слабая — и пробовать нечего. А кто наострится — зубря и зубря, не отличишь. Ну, охотник ревет в трубу, зверь ему откликается, вызывает на бой. Как только слышишь, что зверь близко, бросай реветь: вблизи-то он сразу учует обман. А зубря в чаще ломит, ищет, кто это осмелился в его лесу трубить. Было, помню, такое: я реву — он ревет. Сходимся помаленьку. Только вижу — неладно: ревом совсем рядом, а зверя нет. И что же ты думал? Это другой охотник мне откликался. Он меня подкарауливал, а я — его. Хорошо еще, что не стрельнул на голос...

На станции Малая Оя машину заправляли бензином. Заправщика дома не было, горячее отпускала его жена.

— Где же хозяин? — спросил шофер.

— А медвежьи ловушки пошел смотреть, — ответила женщина.

— Надолго ушел?

— Зачем — надолго? Ловушки-то тут, рядом, километра не будет.

Дед Трофим вдруг заерзал, поднялся и, кряхтя, охая, перевалился через борт машины:

— Ну, спасибо, что подвезли. Я, однако, тут останусь, поброжу малость... Так где, говоришь, хозяйюшка, твой-то медведя видел?

Саянский хребет. Монотипия неизвестного художника XIX века. Из архива автора

Тракт убегает из-под колес машины. Высокогорная тайга пламенеет оранжевыми «огоньками», или «жарками». В долинах эти цветы уже давно осыпались, а здесь еще весна в разгаре.

Весны нам осталось еще на полчаса, не больше. Начался уже знаменитый спуск Кулумыс. На дне ущелья мелькнули крохотные домики. Машина начала головокружительную спираль. Линию телеграфных столбов, которые спускаются вниз прямо, мы пересекаем на разной высоте, наверно, раз восемь или десять.

Последняя спираль Кулумыса. Еще немного — и мы уже в благодатной Минусинской котловине. Горы присели, округлились в пологие холмы. Справа хлеба и слева хлеба, впереди хлеба — всюду хлеба, и среди них островками поднимаются села.

Это уже Минусинский район, знаменитый на всю Сибирь. Славится он пшеницей и людьми, которые ее выращивают. В одном этом небольшом районе несколько десятков Героев Социалистического Труда. Двести, двести пятьдесят пудов с гектара — таким урожаем минусинцев уже не удивишь.

Говорят, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в павильон «Сибирь» однажды заглянула делегация из далекой и пока не очень дружелюбно расположенной к нам страны. Гости увидели горку «бельфлера».

— Крим? Каукас? Почему здиес? — спросил один из них, обличительно тыча пальцем в яблоки.

Он считался знатоком русского языка и русской жизни.

Ему сказали, что эти сочные плоды здесь потому, что выращены они не в Крыму и не на Кавказе, а в Минусинске.

— Минусинск? — недоверчиво переспросил гость. — Где есть он?

Перед ним развернули карту. Он посмотрел, потом взял яблоко, аккуратно очистил, разрезал, с удовольствием съел.

— Каукас, Крим! — сказал он твердо и убежденно. — Не Сибир. Не Минусинск...

На лице его заиграла улыбка: меня, мол, не проведешь...

Осенью на Усинский тракт с боковых дорог выбегают колхозные трехтонки, доверху груженные яблоками: в каждом минусинском колхозе есть фруктовые сады. А средняя годовая температура в здешних местах нуль градусов.

Минусинские мичуринцы перехитрили морозы и бураны. Они вывели стелющиеся сорта яблонь. Их кроны не тянутся вверх, а прижимаются к земле. Такие деревья легче прикрывать от морозов соломой и снегом.

Впрочем, знаменитый минусинский садовод Павел Сергеевич Ермолаев из колхоза «Объединенный труд» вывел уже и морозостойкие сорта обыкновенных, не стелющихся, не нуждающихся в зимнем укутывании яблонь.

Я пожалел, что проезжаю эти места слишком поздно для того, чтобы увидеть сады в их весеннем благоуханном цветении, и слишком рано для того, чтобы полакомиться первым, еще кисловатым и вяжущим рот яблоком.

Далеко впереди засветилась, заиграла на солнце полоска воды. Уж не Енисей ли?

Прощайте, Саяны! Поднявшись к поднебесью и прикрывшись снежными шапками, сторожат их хребты эти долины, это степное раздолье, пышные нивы и березовые рощи. И долго-долго еще будет видна призрачная горная синь с поворотов бегущей к Енисею пыльной дороги. Прощайте, Саяны!

А слух-то о флотилии, идущей к Кызылу, оказался правильным. Она действительно прошла к знаменитому Большому порогу, и я опоздал всего на два дня!

Теперь мне пришлось ползти следом за ней на экспедиционном катере, слишком мало-сильном для здешних мест, где Енисей не струится, не течет, а всей тяжелой массой воды падает с уступа на уступ по своему скалистому ложу.

Первый из порогов — Майнский — был еще относительно кроткого нрава, и катер с ним справился молодцом. Но Джойский порог, где вспененные, крутые волны — яманы — едва не залили нас, где катер тянуло в водовороты, а потом вдруг потащило от левобережных гранитных глыб прямо на торчащую посреди реки скалу Барку, — Джойский порог запомнился нам надолго.

Березовый порог с нависшим Косым бычком показался после Джойского пустяковым, несерьезным препятствием для бывалых путешественников.

Большой порог сначала слышишь, потом видишь. Он шумит — нет, даже не шумит, а ревет грозно, неумолчно, предостерегающе. Кажется, вся вода взбита им в пену. Если минут пять смотреть с мрачного крутого утеса левого берега в порог, то от бешеной пляски пены, от водоворотных завихрений, от мелькания скользких камней в клокочущей воде начинает кружиться голова.

Ширина Енисея в пороге только семьдесят пять метров — маленькое отверстие в большом каменном мешке Саян! А течение тут такое, что плот проносится через весь порог за пятьдесят секунд. Но какими долгими кажутся эти секунды! Сбившись на верхушке небольшого сруба, люди видят, как вся остальная часть плота погружается, проваливается в воду. Хорошо еще, если плот не угодит «в погреб» — не попадет под страшный вал, который на мгновение покрывает собой даже сруб...

Сви́реп Большой порог. Долго мучил он людей, выбрасывая назад пароходы, которые пытались его преодолеть.

Чего только тут не перепробовали! Пустили, было, по берегу тракторы, чтобы эти восьмидесятисильные «бурлаки» на прочнейшем стальном тросе протянули судно через кипящую Стремнину. Но поднатужился порог — и едва не сбросил со скал, едва не увлек в водовороты всю тракторную «упряжку».

Тогда сделали по-другому: укрепив на берегу повыше порога прочнейшие блоки, пропустили трос через них. Теперь тракторы смогли тянуть без риска. И порог сдался! Мне рассказывали, как в каскадах брызг, зарываясь в воду настолько, что мгновениями наверху оставалась только защищенная брезентом рубка, прошли через него грузовые теплоходы и низкобортные нефтеналивные баржи.

Обратный спуск от порога до деревни Означенной, около которой кончается верхний, горный Енисей, занял у меня совсем немного времени.

За Означенной река ненадолго успокаивается, отдыхая после первой тысячи километров нелегкого пути. Там, где горы сменяются степью, возле одной из протоков Енисея стоит село Шушенское. Начало ему два с лишним века назад положили казаки. Остатки возведенных ими укреплений старожилы охотно показывали заезжим людям.

С годами название села стало все чаще упоминаться в бумагах департамента полиции. Сюда водворяли на поселение «политических преступников». В Шушенском после каторги поселили декабристов Фаленберга и Фролова. Затем царь сослал туда отбывшего каторгу социалиста-утописта Буташевича-Петрашевского.

На рубеже XX столетия в Шушенское приехал новый политический ссыльный — и с тех пор название этого села навсегда вошло в историю великой борьбы человечества за свое счастье.

Приезд ссыльных в сибирские села был делом обычным. И на этот раз в департаменте полиции равнодушно подшили к делу казенную бумагу, сообщавшую, что в мае 1897 года политический административно-ссыльный Владимир Ильич Ульянов прибыл в назначенное ему место жительства и что над ним учрежден надлежащий гласный полицейский надзор сроком на три года...

Глава IV

СЕЛО ШУШЕНСКОЕ

По дороге в ссылку. — Сибирское село. — В доме Зырянова. —
Музей в доме Петровой. — Воспоминания старожилов. — По заповедным местам. —
Шушенская новь

Владимир Ильич Ленин был сослан в Сибирь после заключения в тюрьме, которую называли «предварилкой». Четырнадцать месяцев он провел в крохотной камере, где через окошко под потолком проникал слабый свет и виднелись тучи хмурого петербургского неба.

Все эти четырнадцать месяцев Владимир Ильич усиленно работал. Присев за привинченную к стене камеры железную доску, заменявшую столик, он набрасывал первые главы книги «Развитие капитализма в России».

Когда надзиратель не подглядывал в дверной «глазок», Владимир Ильич лепил из тяжелого сырого хлеба «чернильницу», наливал в нее молока и между строк какой-нибудь книги писал невидимыми буквами. Потом он пересылал книгу родным. Ее странички нагревали над лампой — и на белой бумаге постепенно проступала тайнопись. Вырвавшись из тюремной клетки, ленинское слово с тысяч листовок, отпечатанных в подпольных типографиях, звучало на всю Россию.

Если в гулком коридоре тюрьмы раздавались шаги надзирателя, Владимир Ильич проглатывал «чернильницу». В один особенно тревожный день ему пришлось проглотить их шесть штук.

Из тюремной одиночки Ленин вышел похудевшим, бледным, но по-прежнему бодрым, полным сил и воли к борьбе. Сибирь, куда по приговору суда его ссылали на три года, не пугала Владимира Ильича. С дороги, уже с берегов Оби, он писал матери: «...Мороз крепкий: больше -20° , но переносится он несравненно легче, чем в России».

Окрестности Красноярска напомнили Владимиру Ильичу «...не то Жигули, не то виды Швейцарии...» В полутемной десятиместной каюте товаро-пассажирского парохода «Святой Николай» Ленин проплыл по Енисею от Красноярска до Минусинска. Отсюда в сопровождении двух жандармов по грязной весенней дороге он был доставлен в Шушенское.

Степь под Шушенским местами похожа на северокавказскую. Зеленеют поля подсолнечника и кукурузы, рядками построились побеленные яблоневые стволы. На увалах пасутся овцы. Синеватые, с ледяными вершинами, размахнулись по горизонту хребты Саян.

Экскурсионные автобусы плавно вкатываются в Шушенское по асфальту. Кругом каменные здания, да еще с колоннами. Зеленая улица похожа на бульвар, высоко поднялась заводская труба. Ловишь себя на мысли: странно, что в эти края, в это нарядное село раньше ссылали людей.

Два домика-музея окружены садами за красивой металлической оградой. Сами домики отремонтированы так старательно, так любовно, что выглядят сейчас куда новее, чем на давнишних фотографиях.

Но вот приезжие, стараясь не стукнуть каблуком, идут по комнатам, где в годы ссылки жил Ленин. Внутри спартанская простота, почти бедность. Набитые соломой матрацы, деревенский, чуть не топором рубленый буфет с полосками сыромятной кожи вместо петель...

Потом читаешь собранные в музее протоколы жандармских допросов, секретные донесения начальника московской охраны Зубатова о том, что крупнее Ульянова в революции нет никого и что срезать голову с революционного тела было бы желательно поскорее. Видишь снимки прежнего Шушенского. Слушаешь глубоких стариков, помнящих, как на казенной подводке стражники привезли в село ссыльного Ульянова. И начинаешь понимать, что с тех давних лет в Шушенской округе остались неизменными разве только мягкий по сибирским понятиям климат да синие хребты Саян.

Из дали прошлого встает старое Шушенское. Кривобокие избенки обступают его улицы. Глушь, темнота, до железной дороги несколько сот верст. Свежая почта — событие. В распутицу к селу ни прохода, ни проезда.

Ссыльного Ульянова, водворенного в Шушенское весной 1897 года, взял к себе на квартиру зажиточный мужик Зырянов. У него часто бражничали проезжие ямщики, горланя песни осипшими от водки и ветра голосами. К случаю, хозяин рассказал постояльцу, как однажды прикончил у ручья батрака только за то, что тот присвоил кусок кожи. Шушенские кулаки корили Зырянова: зачем, мол, поселил у себя «политического»? Ссылных они называли «антихристами», «каторжниками» и поговаривали, что не худо бы от них избавиться...

Пароход «Св. Николай» на Енисее. 1909 г. Фото Л. Ю. Вонаго. Из фондов КККМ

Небольшая комнатка, которую Владимир Ильич занимал в доме Зырянова, кажется даже просторной — так мало в ней вещей. Деревянная кровать, покрытая жестковатым на ощупь суконным одеялом. В простенке маленький стол. Четыре старых стула прочнейшей крестьянской работы. И, конечно, полка с книгами. Книги лежат также на столиках-угловичках.

С избы Зырянова, с обысков, слежки, с обязательных явок по утрам и вечерам к надзирателю — тут ли, не сбежал ли? — началась для Владимира Ильича трехлетняя сибирская ссылка. Люди послабее духом в таких условиях кисли и с тоской считали потерянные дни. Но Ленин, как верно записал в книге посетителей музея один экскурсant, «и здесь был на боевом посту, готовя нам фундамент для строительства новой жизни».

Бывшая хозяйка дома, жена крестьянина Зырянова, рассказала, как работал Владимир Ильич с первых дней ссылки:

«Он был быстрый человек, спал совсем мало. Откроет окошко, и так всю ночь стоит окно открытое. Я, бывало, говорю: «Как это вы, Владимир Ильич, оставляете на всю ночь окно открытым, может быть, кто-нибудь что бросит?» А он говорит: «Вы встаете, а я только ложусь, так что никто ничего не бросит и ничего не случится».

Владимира Ильича водворили в Шушенское в конце весны. Летом из-под его пера уже вышла брошюра «Новый фабричный закон».

Известно, что за годы ссылки Владимир Ильич написал свыше тридцати произведений — от завершеного в Шушенском знаменитого научного труда «Развитие капитализма в России» до небольших работ, обладающих, однако, огромной взрывчатой силой, дающих ответы на самые насущные, самые сложные вопросы революционного движения. Перечитывая их, понимаешь: каждодневно, ежечасно здесь, в Шушенском, Владимира Ильича прежде всего и больше всего волновало одно — партия.

Написанная к концу первого года ссылки нелегальная брошюра «Задачи русских социал-демократов» прозвучала горячим призывом к рабочим кружкам и социал-демократическим группам — объединиться в единую партию.

От работы к работе Ленин развивал и углублял мысль об организации революционеров, о партии, способной перевернуть Россию. Он опирался при этом на огромный революционный опыт, на знание всех значительных явлений русской и зарубежной действительности.

В поле его зрения была и замкнутая жизнь глухого сибирского села, и весь огромный фронт борьбы труда с капиталом. Владимир Ильич установил из Шушенского связи с центрами рабочего движения в России и за границей. На карте, выставленной в музее, красные линии этих связей лучами разбегаются от Шушенского до самых далеких уголков Европы и Азии.

Владимиру Ильичу, как и другим ссыльным, полагалось существовать на пособие — восемь рублей в месяц. Но он не жаловался.

Его письма к матери, которую он горячо любил и которой писал очень часто, письма сестрам, брату, друзьям дышат бодростью, крепким душевным здоровьем. Приглашая брата приехать, он в одном из первых писем шутливо замечает: «Если я через три с хвостиком недели таким сибиряком стал, что из «России» к себе зову, то что же через три года будет?»

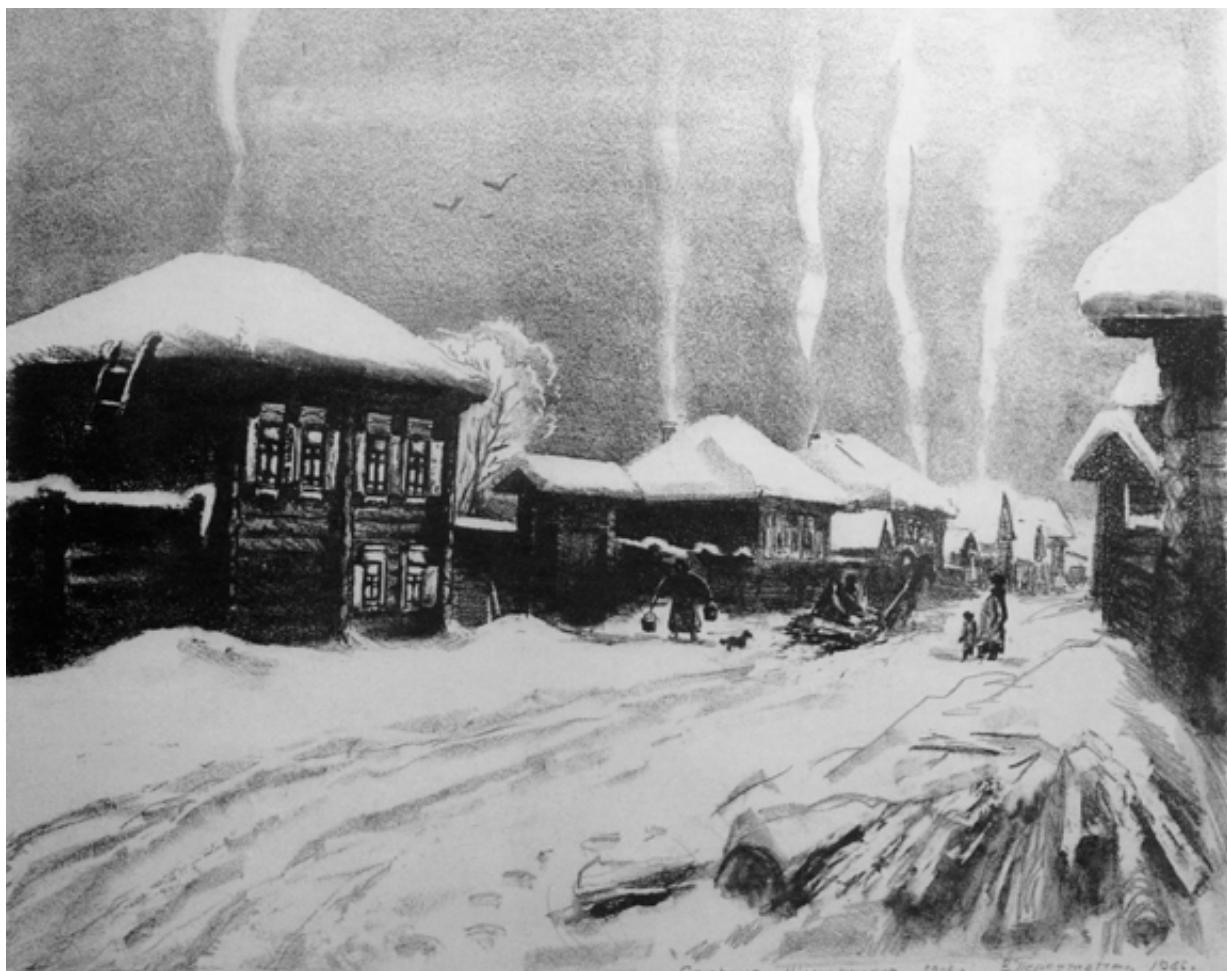
И только в письме, отправленном к сестре уже в конце второго года жизни в Шушенском, Владимир Ильич написал: «Я в первое время своей ссылки решил даже не брать в руки карты Европейской России и Европы: такая, бывало, горечь возьмет, когда развернешь эти карты и начнешь рассматривать на них разные черные точки».

Соратники. Автолитография В. И. Перятевец. 46х56. 1985 г.

Вести из Петербурга. Автолитография В. И. Перятевец. 46х47. 1985 г.

Старина. Шушунское в 1900 году. Автолитография В. И. Перятевец. 45х52. 1985 г.

В начале мая 1898 года в Шушенское приехала Надежда Константиновна Крупская. Она тоже была арестована, приговорена к ссылке и получила разрешение отбывать ее вместе с Владимиром Ильичем. В Шушенском Владимир Ильич и Надежда Константиновна поженились.

Ульяновы переехали в соседний квартал в дом крестьянки Петровой. Это близко от дома Зырянова, в коротком переулке, ведущем к речке Шушь. На берегу ее — памятник Владимиру Ильичу. Сам дом-музей отличается от других старых шушенских изб: навес над крыльцом поддерживают две массивные деревянные колонны, окна расположены высоко, как в городах. Строил дом декабрист Александр Фролов.

Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать Елизавета Васильевна занимали три комнатки. В буфете самая простая посуда, такая, какой пользовались в любой сибирской семье, — деревянные ложки, дешевые тарелки с синей каемкой, погнутые вилки, поварешка. Возле старого деревянного дивана с решетчатой жесткой спинкой стоит обеденный стол на одной массивной ножке. В окно видна беседка, смастеренная из тонких жердей. Ее сделал сам Владимир Ильич, обсадил вокруг вьющимся хмелем и в летние дни любил там заниматься.

В дальней комнате рабочий угол Владимира Ильича.

Нелегко представить себе, каким был Владимир Ильич в ту пору.

От того времени почти не сохранилось фотографий. Но в письмах к родным, в письмах и воспоминаниях друзей и старожилов Шушенского запечатлены некоторые черточки жизни Ленина в ссылке. По этим письмам и воспоминаниям мы узнаем, как знакомых, и конторку, стоя за которой Владимир Ильич писал, и лампу, и стол, и полку с книгами.

Ведь именно эту полку перерывали жандармы, внезапно нагрянувшие с обыском. Какой-то из этих стульев — наверно тот, что стоит у окна рядом с полкой, — Владимир Ильич придвинул непрошеному гостю. Жандарм, кряхтя, потянулся к верхним рядам книг. Он долго перелистывал разные статистические справочники и утомился от неловкого сто-

Столовая в квартире Ленина и Крупской в доме Петровой. 1945 г. Фото С. Малобицкого. Из фондов КККМ

яния на стуле. Нагибаться к самым нижним рядам книг, к полу, жандарм уже не стал. А именно там и лежало то, что он искал: нелегальщина.

Вот у этого стола присаживались приходившие к Ленину мужики и бабы. Владимиру Ильичу пригодилось в ссылке юридическое образование. После того как он помог рабочему, выгнанному с приисков, выиграть дело против золотопромышленника, к нему потянулись бедняки, ища защиты против богачеев. Часто бывало достаточно обиженному посулить, что он пожалуется Ульянову, — и обидчик уступал.

Вот эта дверь приоткрывалась по утрам, и в комнату протискивался сын шушенского поселенца, шестилетний ясноглазый Минька в большой шапке и материной теплой кофте. Прозрачное, бледное личико его светилось улыбкой: Минька знал, что «дядя Володя» обязательно пошутит и повозится с ним.

Владимир Ильич любил детей, и дети привязывались к нему всей душой. Среди больших дел и забот Ленин не забывал о шушенских малышах и старался чем-нибудь скрасить их жизнь. Однажды Владимир Ильич привез из города в подарок Миньке игрушечную лошадь. В письме к матери Владимир Ильич просил посмотреть, не сохранились ли в семье книжки с картинками, которые можно было бы прислать для детей жившего в селе ссыльного Проминского. А сколько радости было у Миньки, маленьких Проминских и у всей шушенской детворы, когда Владимир Ильич расчищал зимой на льду речки каток и, надев коньки, показывал разные замысловатые фигуры!

Минька даже захворал с горя, когда после конца ссылки Ульяновы уехали из Шушенского.

Стоишь в комнате дома-музея — и воображение рисует картину за картиной... Поздний вечер, за окнами метель. Отложена в сторону камышовая ручка. Зеленый абажур керосиновой лампы бросает блики на ледяные узоры, затянувшие окна. Владимир Ильич отдыхает. Склонившись у стола и щуя усталые глаза, он вырезает из сосновой коры новые шахматные фигурки, советуясь с Надеждой Константиновной, какую голову соорудить королю или какую талию сделать королеве.

Уголок комнаты Ильича в доме Зырянова. 1940 г. Фото С. Малобицкого. Из фондов КККМ

Временами он поглядывает на шахматную доску. Возле нее лежит письмо из села Курагино от ссыльного Лепешинского: Владимир Ильич затеял с ним игру по переписке. Тот прислал свой очередной ход. Лепешинский — хороший игрок и, кажется, уже добился перевеса.

Надежда Константиновна будет потом вспоминать об этих вечерах: «Расставит шахматы Владимир Ильич и соображает. Одно время так увлекался, что вскрикивал даже во сне: «Если он конем сюда, то я турой туда».

...Гудит за окном вьюга. Короткая передышка кончилась. Шахматы забыты. Владимир Ильич снова у конторки, опять бежит по бумаге его неутомимое перо.

Народ давно узнал дорогу в Шушенское. Сюда едут со всех концов страны, едут из-за границы. В книге экскурсантов подле неуверенной подписи кочевника-тувинца, на склоне лет научившегося грамоте, расписался американец Генри Уоллес, приехавший в Сибирь из Соединенных Штатов Америки.

Листаем наугад страницы: «Приехала с Камчатки, чтобы побывать здесь»; «При получении направления на целину в Казанцевскую МТС горел мечтой побывать в музее»; «Я, сын бедного якута...»; «Прибыли из Бреста, вечная слава идеям Ленина»; «Мне исполнилось уже десять лет, и я никогда не забуду о дедушке Ленине»; «Будучи жителем села Кирова, с большим желанием посещаю несколько раз этот дом»; «Как счастлива я и вся моя семья — муж, дочурка Света и сестра Тося, что побывали здесь»...

Бывает, что ночью, в непогоду, экскурсовод слышит робкий стук в окно:

— Извините, проездом в Туву мы... Подзадержались, дороги — сами видите. Очень бы просили...

И в домике вспыхивает свет. Дождевики, торчащие коробом, сваливаются в кучу на крыльце. Люди идут по комнатам, благоговейно слушая экскурсовода. Как высоки в эти минуты их мысли и чувства!

— Тут один полковник был, пожилой уже, с другими военными приезжал с Амура. Ходит по комнатам, а слезы текут, текут. Со многими так бывает. Нет, это не с горя, это другие слезы — светлые, от которых в душе теплее. В Горках, в той комнате, где Ленин умер, я сама наплакалась вдосталь, а ведь у нас Владимир Ильич жил молодым, веселым...

Это рассказала нам Прасковья Павловна, старейший работник музея.

Мне посчастливилось говорить с теми, кто лично знал политического ссыльного Ульянова, — с людьми, молодость которых ушла с последними годами прошлого века.

Ермил Фомич Гушин служил библиотекарем музея в городе Минусинске, откуда Владимир Ильич сам и через друзей получал книги.

— Приходят теперь ко мне депутации пионеров: «Дедушка, расскажи: какой он?» Говорю: «Как все мы. Росту даже небольшого. Только видел да-а-леко-о. На века вперед! От того зоркого видения и партию родную нашу создал».

Ермилу Фомичу без малого девяносто лет, и сорок из них он в партии — с апреля 1917 года. Хлебнул в старое время горя. Сидел в тюрьме вместе с сыном; сыну колчаковцы выкололи глаза, у живого кромсали шашками тело.

Прасковья Семеновна Аликина, жившая в Шушенском по соседству с Ульяновыми, и Анна Семеновна Середкина, дочь их квартирной хозяйки, говорят о Владимире Ильиче с той суровой нежностью, которой столько у сибирских старых людей:

— Писал много, это верно. А так не выделялся, даром, что такой ученый человек. К мужику или к бабе подходил за всякое просто — и по хозяйству расспросит, и сколько скота, и как живете. Душевный, уважительный. Паша Мезина, жаль, умерла — она-то бы больше рассказала...

Да, уже многие старые шушенцы спят вечным сном на сельском кладбище — и проворная Паша, помогавшая Ульяновым по хозяйству, и деревенский бедняк Сосипатыч,

спутник Владимира Ильича в охотничьих прогулках, даривший ему всякую всячину: то журавля, то кедровых шишек... Но спасибо хорошим людям: уже в первые годы советской власти рассказы старых шушенцев об Ильиче были подробно и точно записаны.

Вот отрывок из рассказа Паши (Прасковьи Алексеевны Мезиной) о том, как Владимир Ильич был чуток и внимателен к людям: «По воскресеньям к Владимиру Ильичу собирались крестьяне. Приходили с жалобами. Если напрасно присудили или прошение написать — все обращались к Владимиру Ильичу. Владимир Ильич сам не писал, а только диктовал, а они писали сами. Кому нужно, Владимир Ильич давал советы. У кого какое горе, поделиться не с кем, посоветоваться не с кем, то все к Владимиру Ильичу приходили. Если сразу к нему боялись идти, то просили меня, а я ему передам, а он разрешит, и тогда они приходят».

Как политический ссыльный, Владимир Ильич не имел права писать юридические бумаги — за это могли прибавить срок ссылки. Но он нашел выход — диктовку. И через маленькую его комнатку шла и шла со своими бедами деревня, прижатая, пригнутая к земле кулачем.

Владимир Ильич любил природу, быструю ходьбу, долгие прогулки, морозный чистый воздух. Любил он и охоту.

«На этих днях здесь была сильнейшая «погода», как говорят сибиряки, называя «погодой» ветер, дующий из-за Енисея, с запада, холодный и сильный, как вихрь, — рассказывал Владимир Ильич в одном из писем. — Весной всегда бывают здесь вихри, ломающие заборы, крыши и пр. Я был на охоте и ходил в эти дни по бору, — так при мне вихрь ломал громаднейшие березы и сосны».

Сейчас любимые места прогулок Владимира Ильича объявлены заповедными.

Мы идем по полю, возле берега Шуши, где погожим днем Владимир Ильич, Надежда Константиновна и другие ссыльные праздновали Первое мая. Над землей, пригретой весенним солнцем, над речушкой, по которой плыли последние льдинки, разносилась тогда задорная песня:

*День настал весенний мая —
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая!
Забастуем в этот день!*

Все дальше уходит дорога — к берегу быстрой протоки, к маленькой пристани Хворостетской, куда в половодье изредка заходили пароходы. Старые ветлы и тальники растут здесь вдоль невысокого берега, зеленеют на ближних островах.

Тут Владимир Ильич в начале ледохода охотился на зайцев. На островах их водилось видимо-невидимо. Нередко охотники возвращались обратно в лодке, набитой добычей почти до краев. Из заячьих шкурок шились шубки детям Проминского.

Потом протока замерзала; Владимир Ильич и Надежда Константиновна далеко ходили по ней; каждый камешек, каждая рыбешка были видны подо льдом в волшебном подводном царстве.

Позже, когда наступали морозы и речки промерзали до дна, вода выступала поверх льда протоки. Образовывалась наледь. По тонкому ее льду можно было катить на коньках версты две — это очень любил Владимир Ильич.

Сюда же, к берегу Енисея, Владимир Ильич пришел однажды с Глебом Максимилиановичем Кржижановским, тоже отбывавшим сибирскую ссылку. Была морозная лунная ночь, искрились бескрайные снега. Владимир Ильич говорил о будущем, о плане органи-

зации общерусской нелегальной политической газеты, которая должна помочь созданию партии.

Владимир Ильич часто ходил и на Песчаную горку. Это в другой стороне, посреди соснового бора, у въезда в Шушенское. Горка невысока; она вся из легчайшего золотистого песка, передуваемого ветром. Ее вершина как будто лишь немного поднимается над соснами, но с нее видны и Саяны, и «ворота» из двух гор, между которыми прорывается Енисей, и протока, и окрестные села.

Саяны особенно хорошо разглядывать с Журавлиной горки, по крутым склонам которой меж редких сосен цветут ромашки. Под горкой кочковатое болотце; во время дальних своих перелетов тут ночуют осторожные журавли.

К полузаросшему озеру Перово Владимир Ильич обычно ходил на охоту вместе с Сосипатычем. На берегу озера несколько лет назад шушенские старики по памяти сложили шалаш — точь-в-точь такой, в каком Владимир Ильич укрывался в ненастье.

...Три года ссылки прошли для Ленина в напряженном труде, чередуемом короткими часами необходимого отдыха среди природы. К концу срока ссылки Владимир Ильич, как вспоминала впоследствии Надежда Константиновна, «перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях... Чем дальше, тем больше овладевало Владимиром Ильичем нетерпение, тем больше рвался он на работу».

29 января 1900 года кончилась ссылка Ленина. В тот же день Ульяновы покинули Шушенское.

«Я очень плакала, когда они уезжали... Когда я их проводила, я очень сильно скучала и даже потом приходила к этому дому — посижу на крылечке, и мне как будто бы легче».

Можно ли лучше сказать о той доброй памяти, которую оставил о себе Ленин в сибирском селе, чем сказала все та же крестьянская девушка Паша...

В те дни, когда Ульяновы возвращались из ссылки, стояла холодная зимняя погода. Енисей спал под толстым покровом. Быстро бежали лошади мимо припорошенных снегом скал, мимо полыней с темной водой. Ехали днем, прихватывали и ночи. «Мчались вовсю, — вспоминала Надежда Константиновна, — и Владимир Ильич — он ехал без дохи, уверяя, что ему жарко в дохе... уносился мыслью в Россию, где можно будет поработать вволю».

Россия ждала Ленина.

Зрели в ней могучие народные силы — и эти силы партия, созданная Лениным, вскоре двинула на штурм старого мира.

Два старых деревенских дома хранят тепло живого Ильича. Вокруг них обновленное село; за его околицей немыслимая ширь, немеряные сибирские просторы, несметные богатства. Зеленым океаном всходов волнуется поднятая целина здешних степей. Начинаясь в нескольких десятках километров от Шушенского, потянулась с берегов Енисея на запад новая железнодорожная магистраль. Строятся в горах железные рудники. Совсем под Шушенским поднялись буровые вышки, и геологи говорят, что нефти в южных сибирских степях — быть!

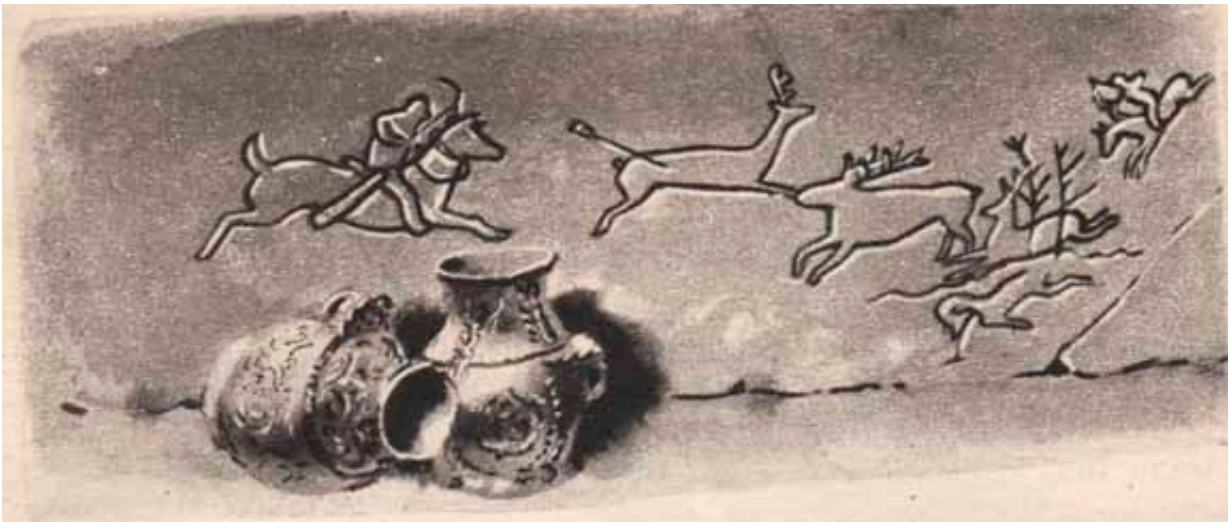
По приречным крутоярм изыскатели разведывают место опоры для плотины — ведь на Енисее мыслится не одна Красноярская гидроэлектростанция, а несколько гидроузлов.

Все это — будни шестой пятилетки «в глухой сибирской стороне». Все это дела, на которые подняла народ наша великая партия, дела людей, научившихся, по образному выражению Надежды Константиновны Крупской, «жить с Ильичем без Ильича».

Глава V

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Минусинск. — Четыре тысячи лет назад. — На машине времени. — Кое-что о татуировке.
— Дворец китайского полководца. — Таинственные рунические письмена. — Богатырь
«отлучился». — Аптекарь-ученый

Из Шушенского автобусы ходят в Минусинск. Этот тихий, зеленый город стоит на протоке, отделяющей большой Тагарский остров. Течение в протоке едва заметное. Летом пух с выпоенных протокой тополей-великанов садится на воду, где колышутся отражения удочек и качаются цветные поплавки.

У пристани — баржи с углем и зерном, пассажирские катера. Пахнет кожей, смолой, рыбой. Речники в синих кителях с золотыми пуговицами, на которых изображен якорь, — весьма уважаемая публика в этом городе, откуда начинается удобная водная дорога к океану.

О Минусинске полвека назад в России и за границей знали лучше, чем о Красноярске и других более крупных сибирских городах. Точнее, не о Минусинске, а о Минусинском музее. Уже тогда он пользовался мировой известностью.

Я поспешил в этот музей. Там, как мне говорили, можно было узнать много интересного о Туве, которую я только что покинул, и о Хакасии, куда я собирался.

Первый зал музея перенес меня на десятки тысячелетий назад, когда север Сибири покрывали ледники. В Минусинской котловине климат был куда суровее, чем сейчас. Тут, судя по собранным в музее костям, водились мамонт, северный олень, полярная лисица, шерстистый носорог. Рядом с ними жил человек, который еще очень мало знал и очень мало умел. Под стеклом витрин лежат грубые каменные скребки, которыми он обрабатывал шкуры, лежит неудобное костяное шило.

Рядом вещи посложнее и получше: наконечники стрел, каменное долото, каменная секира, грубо сделанный медный нож. (Правильнее сказать, что сейчас он кажется нам грубо сделанным, а для своего времени это была превосходная, тонкая работа.) Тут же лежат обломки сосудов с неудобным острым дном: должно быть, человек старался делать их похожими на птичье яйцо.

Всем этим предметам бронзового века приблизительно четыре тысячи лет. Они относятся к тому периоду жизни древних обитателей юга Сибири, который ученые назвали периодом Афанасьевской культуры: ее следы были впервые найдены возле горы Афанасьевой.

Сделайте несколько шагов к следующей витрине музея — и каждый ваш шаг отмерит столетие. Вот медно-бронзовые топоры и кинжалы Андроновской культуры. В следующих витринах собраны предметы, относящиеся уже к Карасукской культуре, имеющей некоторые общие черты с культурой Китая. Их нашли при раскопках на речке Карасук. Им три тысячи лет. Высеченные из камня бараньи головы на рукоятках ножей, многочислен-

ные овечьи кости в курганах, серпы, обрывки полуистлевшей ткани показывают, что люди Карасукской культуры владели большими стадами овец, начали сеять хлеб, умели прясть.

Но дальше, дальше. Еще несколько шагов — еще несколько столетий. Как богаты и разнообразны предметы, найденные на том самом Тагарском острове, который расположен против города и хорошо виден из окон музея!

Тагарской культуре две с лишним тысячи лет. В это время древний обитатель Минусинской котловины уже занимается мотыжным земледелием, учится орошать поля, очень хорошо изготавливает всевозможные бронзовые изделия, впервые знакомится с железом.

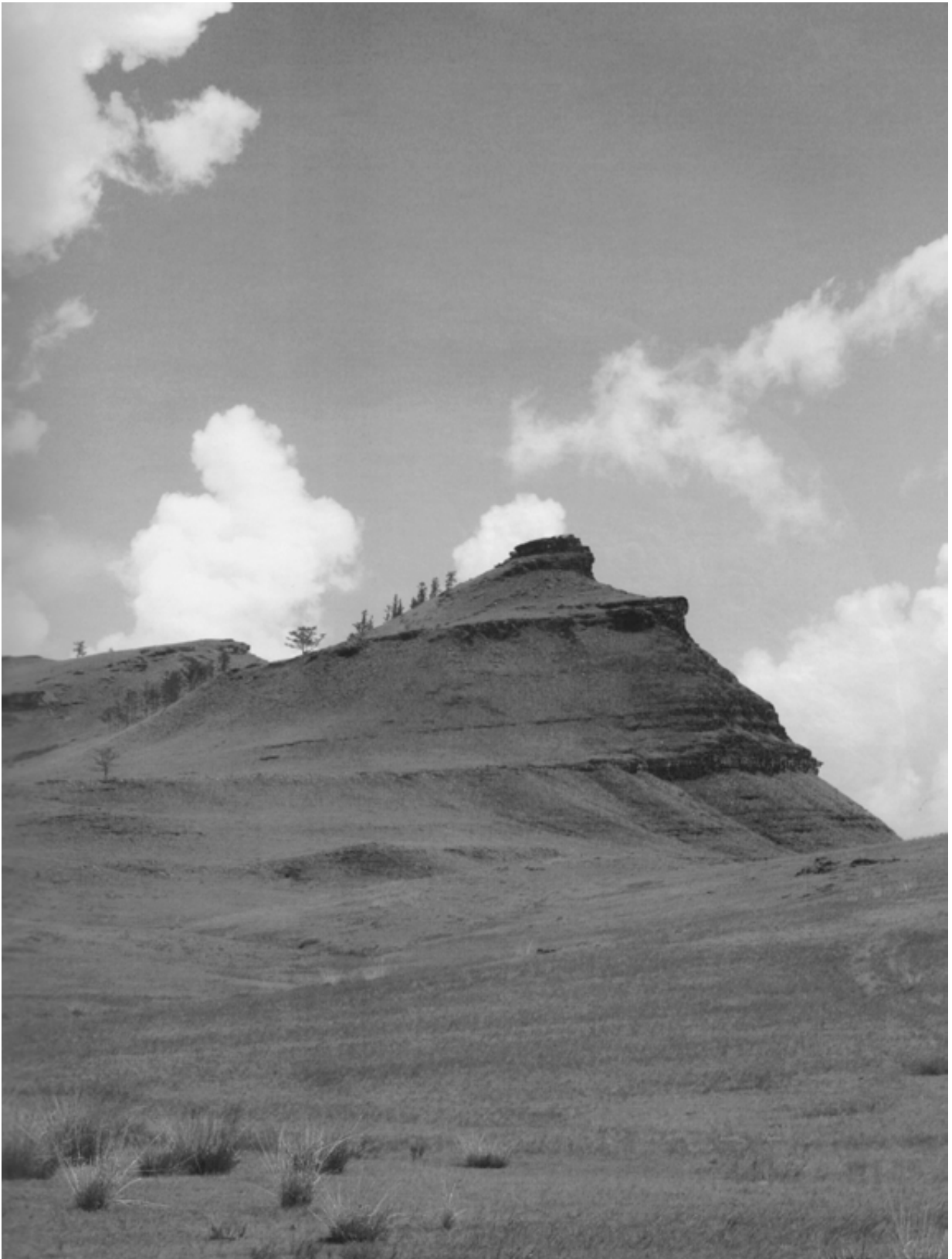
Мы знаем, как назывался народ, обитавший на Тагарском острове и в других местах края; знаем, как выглядели эти люди. Китайская летопись, составленная две тысячи лет назад, говорит, что от Байкала до Алтая жили северные динлины. Китайцы считали динлинов очень уродливыми: они были горбоносы, голубоглазы, румяны, рыжеволосы и, следовательно, сильно отличались от китайцев.

Точны ли китайцы в своих описаниях? Да, точны. В 1928 году были найдены черепа динлинов; носовая кость на них сильно выступает вперед. Это было еще одним доказательством, что древние жители юга Сибири больше походили на европейцев, чем на монголов, то есть принадлежали не к монголоидному, а к европеоидному типу.

В витринах лежат подлинные гипсовые маски людей, умерших две тысячи лет назад. Лицо покойника обкладывалось гипсом, потом застывший гипс снимался, и в полученной форме отливалась маска — точный скульптурный портрет человека. Этот обычай сохранил для нас портреты людей, похожих, пожалуй, на русских жителей сегодняшнего Минусинска...

Здание Минусинского музея
(ныне Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова). 1900-е. Негатив из фондов КККМ

Общий вид священной горы Тарпиг, поделенной скальными выходами на три основных яруса

На некоторых масках нанесены синие и красные линии: люди, с которых сняты маски, были татуированы.

Как, в сущности, легко приблизиться к вкусам наших праотцов, шагнуть на две тысячи лет назад! Наколи себе на руке якорек, сердечко, навывлет пронзенное стрелой, или еще какую-либо татуировку поглупее — и твои представления о красоте вполне совпадут с представлениями людей, которые верили, что баран — священное животное, и поклонялись ему... Я уже не говорю о том, что при накалывании татуировки можно опасно заболеть и таким путем отправиться к праотцам непосредственно...

Собранные в музее рисунки на камне изображают происходившую две тысячи лет назад охоту на какого-то зверя, табун скота, собак, юрты, что-то похожее на бревенчатый дом. В родовой общине авторов этих рисунков уже были богатые и бедные: на стене рядом со скромным вооружением воина — разукрашенное, тонко отделанное вооружение вождя, военачальника. Бронзовые украшения бедняков совсем теряются рядом с позолоченными украшениями богачей.

Изучая культуру древних обитателей юга Сибири, ученые обратили внимание на ее сходство с культурой скифов, обитавших некогда на юге Европейской части нашей страны. Выставленные в музее бронзовые котлы с ручками очень похожи на котлы скифов.

Обитатели Минусинской котловины жили отнюдь не замкнуто. Постепенно происходило смешение племен. За два века до нашей эры динлины были покорены гуннами. Маски, найденные в погребениях вблизи речки Таштык и относящиеся примерно к последним столетиям до нашей эры и к началу нашей эры, изображают уже не только узколиких, но и широкоскулых людей. Последних становилось все больше. Образовалась новая народность — кыргыз-хакасы.

Хакасы научились пахать землю плугом и искусно орошать свои поля. Китайские летописи рисуют хакасов опытными земледельцами. Они сеяли просо, ячмень, пшеницу, знали гончарный круг, горн, ручную мельницу, умели отлично использовать железо. Их хорошо вооруженное войско на быстроногих конях совершало далекие походы, захватывая рабов и богатую добычу.

В 1940 году недалеко от Минусинска произошло событие, взволновавшее археологов. В степи прокладывали шоссе. Выравнивая подъем на холмик вблизи колхоза «Сила», дорожники наткнулись на битые черепки странной формы, с какими-то непонятными знаками. Дорожный мастер приостановил работы и поспешил сообщить о своей находке музею.

Три года научные работники занимались раскопками.

Холм у колхоза «Сила» скрывал развалины большого дворца древнекитайской архитектуры, украшенного черепичными кругами с выпуклыми иероглифами. Академик Алексеев прочел иероглифы. Они были написаны более двух тысяч лет назад. Перевести на русский язык их можно так:

«Сыну неба (то есть китайскому императору) 10 000 лет мира, а той, которой (то есть императрице) мы желаем 1000 осеней радости без горя».

Но как и откуда подданный «сына неба» попал в приенисейские степи? Загадка разъяснилась только тогда, когда обратили внимание на одну полузабытую китайскую летопись. Там рассказывалось о храбром китайском полководце Ли Лине, который проиграл битву с превосходящими силами гуннов и, когда у его воинов не осталось больше стрел, велел им спасаться, а сам сдался в плен.

Его приняли с почетом — так, как оперный хан Кончак принял попавшего к нему в плен князя Игоря. Но Игорь, несмотря ни на что, бежал из плена, а Ли Лин женился на дочери

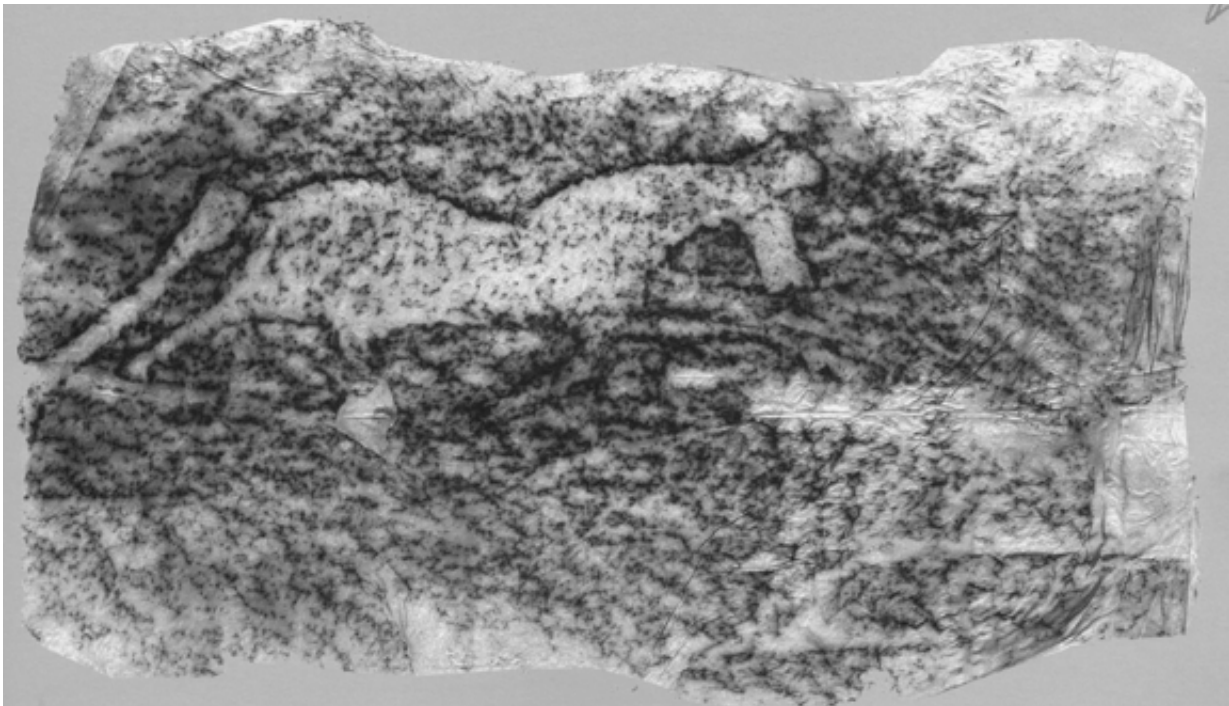
Изображение лося. Куня

Общий вид сохранившейся части стелы с озера Беле.
Красно-коричневый песчаник 280х90 см

Стела Улуг Хуртуях Тас. Коричневый
песчаник 302х50х60 см при раскопках
Л. Р. Кызласова начала 70-х годов.
Установлен вес 2,6 т

Изображение лошади. Таштыпский стиль. Седловина

Древняя стела в степи Хакасии

Облик женщины, проживавшей в долине Енисея до окуневской миграции. Реконструкция М. М. Герасимова

Облик представителя Андроновской культуры. Реконструкция М. М. Герасимова

предводителя гуннов и остался у них навсегда. Вероятно, около колхоза «Сила» и нашли остатки усадьбы этого полководца.

Если бы этого не произошло, мы не увидели бы в Минусинском музее кругов с иероглифами, бронзовых дверных ручек, изображающих мужское лицо с кольцом в носу, и других предметов из древнекитайского дворца.

Особенного расцвета Хакасское государство, или государство енисейских кыргызов, достигло в IX веке нашей эры. Его границы подходили к Байкалу, к полосе сибирской тайги, к Алтаю, к хребтам нынешней Монголии. Под шелковыми балдахинами изящных носилок путешествовали к берегам Енисея китайские принцессы, приезжали тюркские княжны. Они выходили замуж за хакасских аристократов, обладателей неисчислимых богатств.

Кыргыз-хакасы вели обширную торговлю. Их караваны шли в Китай, в Тибет, в Среднюю Азию. Медленно шагали верблюды, нагруженные тюками с хакасским оружием, которое особенно ценилось в Китае. Купцы торговали также золотом, пушниной, мускусом. Из Китая ввозились железные плуги, сменившие мотыгу, металлические зеркала для хакасских модниц, шелка; с берегов Индийского океана доставлялись красивые раковины. Конечно, только хакасы, а отнюдь не Чингисхан, могли построить древнюю дорогу, сохранившуюся в Туве и почему-то называемую чингисхановской. Чингисхан, сломив отчаянное сопротивление хакасов, завоевал и разгромил их государство. Он не строил, а разрушал.

Былое величие и богатство государства хакасов отражают красивая утварь, изящные украшения, дорогое оружие, найденные в «чаатасах» — курганах, окруженных торчком поставленными каменными глыбами. Право, в ювелирном деле древние хакасские мастера могли бы поспорить с нашими современниками — так тонки, изящны их изделия...

У стены — целая компания каменных идолов, явно близких родственников того, которого я видел у входа в Кызыльскую библиотеку. Они тоже покрыты рисунками и руническими письменами.

Эти таинственные письмена разгаданы. Помог памятник, на котором одна и та же надпись была сделана и руническими значками, и китайскими иероглифами. Его обнаружила экспедиция Ядринцева — одна из экспедиций, снаряженных в конце прошлого века Русским географическим обществом для подробного изучения летописей на камне.

Вскоре крупный русский языковед Радлов на заседании Академии наук сообщил, что иероглифы на памятниках дали ему надежный ключ к чтению рунических письмен. Камень, найденный Ядринцевым, оказался памятником князю Кюль-Тегину, жившему тысяча триста лет назад.

Ученый установил, что каменные летописи в долине Енисея принадлежат кыргыз-хакасам. Большинство письмен представляет собой надгробные надписи, в которых покойник как бы рассказывал о себе. При этом совсем не говорилось слово «умер», а употреблялось слово «отлучился».

На том памятнике, который стоит возле библиотеки в Кызыле и фотография которого украшает стену Минусинского музея, написано вот что: «При жизни я был Ачин-богатырь... На моем семьдесят третьем году я отлучился... У моего небесного беля, у моих сыновей, у моего табуна в шесть тысяч коней, у моего хана, у народа тюльбари, у вас, мои соратники-богатыри, мои зятья, мои невестки, я больше не мог пребывать».

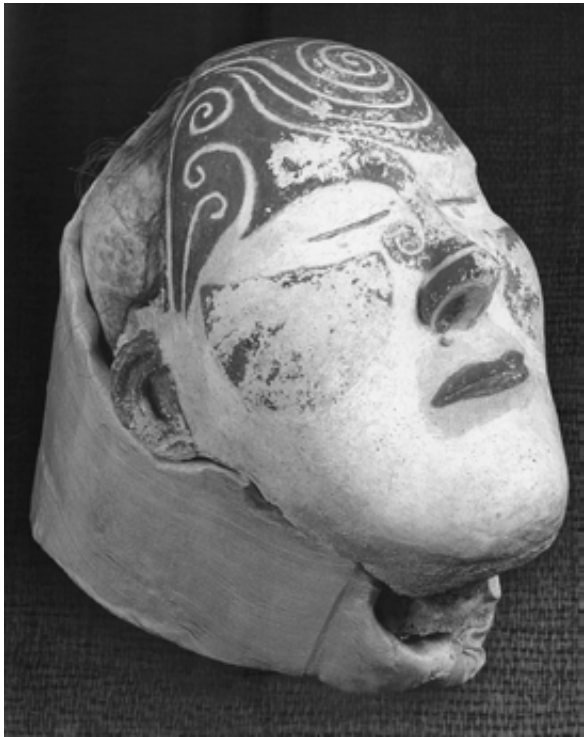
Подумайте только, какие важные подробности о жизни древних хакасов можно узнать из таких надгробных надписей! Раз богатырь «не мог пребывать» со своим табуном в шесть тысяч коней, то ясно, что в те времена уже были богачи, владевшие огромными табунами и стадами, что предки тувинцев и хакасов были коневодами, что основным родом войск

Река Шушь. Картина В. И. Перятевец, х.м. 40х50. 1994 г.

Лик солнечный древних исконных Богов

Посмертная маска на женском черепе. 3 в.н.э. моги́льник Оглахты. Из находок Э. Б. Вадецкой

была конница. «Небесный бель» — это солнце; тюльбари — одно из племен, живших у истоков Енисея...

Я провел в музее целый день, утром пришел снова, ходил по залам еще полдня и все же не осмотрел многого из того, что собрано под музейными сводами.

Тут были сотни чучел животных и птиц, тысячи образцов полезных ископаемых, самородок золота в тридцать один килограмм, глыбы белых, розовых, серых мраморов Хакасии, снопы крупнозерной минусинской пшеницы, снимки и модели шахт, заводов, электростанций и многое другое: ведь в музее сто двадцать тысяч экспонатов!

Полки музейной библиотеки были от пола до потолка заставлены редкими книгами и рукописями. В архиве музея, среди других «дел», я листал «Секретное дело о государственном преступнике Фролове», строившем дом с колоннами в Шушенском. Листы, исписанные аккуратным писарским почерком, пахли плесенью. Так пахнут только старые рукописи и книги. Начиналось дело с описания примет Фролова и списка имущества, с которым он выехал с Нерчинских рудников на поселение в Шушенское. Имущество ссыльного декабриста было вот какое: «Сундук со столярным, слесарным и сапожным инструментом — 1, с чайной посудой с книгами — 1».

Вид г. Минусинска. 1886 г. Из фондов КККМ

Н. М. Мартьянов. 1890-е годы.
Из фондов КККМ

Базарная площадь в Минусинске. 1900-е годы. Открытка из фондов КККМ

О том, что собрано в Минусинском музее, можно написать целую книгу. И такие книги уже написаны. Написаны книги и о том, как создавался этот великолепный музей.

Основал его не проезжий академик, не ученое общество и, уж конечно, не «отцы города».

Создатель музея Николай Михайлович Мартьянов — памятник ему поставлен возле музейного здания — был простым аптекарем. В 1874 году он приехал в Минусинск — захолустнейший серый городишко. В нем было только два каменных дома. Летом по праздникам минусинцы собирались к навесу для танцев, который назывался «вокзалом», — так в старину именовали места увеселений, и лишь потом это слово приобрело то значение, которое мы знаем.

Зимой собираться было негде. В таких городах все друг друга знают и не прочь посплетничать о новом жителе. Но что можно было сказать об аптекаре? Водки он не пил, в карты не играл, даже на именины не ходил. Но вообще-то, как решили минусинцы, приезжий, кажется, был человеком славным, умным, добрым.

И вот этот любитель природы и редкостей задумывает создать в Минусинске музей. Он пишет знакомому ученому в столицу, просит совета. Ответ приходит убийственный: не намеревается ли, мол, дорогой сибиряк собирать в этом замшелом городишке коллекции мхов и старых грибов?

Добрый и умный человек ничего не отвечает столичному остролову. Ну что же, надо искать помощи в другом месте. Музей в Минусинске все равно должен быть!

Денег у Мартьянова не было, свободного времени — тоже: он с утра до вечера составлял порошки, готовил микстуры, работал за аптекарской стойкой.

Но минусинский доктор Малинин сказал как-то Мартьянову:

— Вы, пожалуйста, не стесняйтесь. Если вам нужно поехать на экскурсию за растениями или минералами — я побуду вместо вас в аптеке.

Жена Мартьянова — Аполлинария Александровна — сдала экзамен на аптекарского помощника, чтобы муж имел больше времени для своего любимого дела.

Похороны Н. М. Мартьянова на Минусинском кладбище. 1904 г. Из фондов КККМ

Потом пришли к аптекарю минусинские учителя Сайлотов и Третьяков и сказали, что он вполне может располагать ими и что во время каникул они с удовольствием займутся сбором коллекций для будущего музея. Пришли политические ссыльные Кон и Клеменц, люди высокообразованные, умелые.

Приходили еще и еще добровольцы и предлагали помощь. Сияющий аптекарь жал руки, благодарил. Теперь он вставал в четыре часа утра, а ложился около полуночи.

Вскоре сельские школы стали получать посылки с небольшими коллекциями растений и минералов. Учитель находил там короткое письмо, в котором выражалась надежда, что присланное пригодится на уроках. Письмо заканчивалось так:

«А Вас попрошу об одном: скажите детям, что в городе задумали открывать музей и просят их помочь в сборе разных редкостей и вообще всего, чем богата природа Вашей местности.

С уважением Н. Мартьянов».

И посыпались к Мартьянову посылки в холщовых мешочках — с камнями, шкурками животных, старинными монетами, корнями и листьями растений. Раз к крыльцу аптеки притащили каменного идола. Внутри, у аптечного прилавка, постоянно толпились люди. Мартьянов, не отрываясь от колбочек, весов, пробирок, банок, благодарил посетителей за заботу о будущем музее и тут же расспрашивал их: что они видели или слышали замечательного, не могут ли они достать для музея того-то и того-то...

Наконец в 1877 году музей открылся — пусть в одной небольшой комнате, скромно и даже бедно обставленной, не в том главное. Главное — было положено начало благородному, прекрасному делу.

Прошел еще год. В музее набралось уже больше шести тысяч экспонатов, а на полках его библиотеки — свыше трех тысяч книг по истории Сибири.

Мартьянов жил музеем, своим любимым детищем. Ранние посетители иногда видели, как Николай Михайлович сам мел полы, вытирал пыль с витрин — уборщицы музеем не полагались. Здоровье Мартьянова тем временем пошатнулось. Он стал кашлять, чахнуть. Зимой в музее было холодно и сыро, там и здоровому человеку трудно было просидеть несколько часов. Все чаще аптекарь готовил лекарства самому себе. Но было уже поздно...

Минусинские толстосумы считали аптекаря чудаком. Ведь если бы с его умом, упорством да усердием — рассуждали купцы — начать копить деньги, как бы богато и сытно он мог жить! Вот простофиля, тридцать лет жизни ухлопал на каких-то жуков да камешки!..

За гробом Мартьянова шли учителя, врачи, ремесленники, учащиеся, мелкие чиновники, матросы, сплавщики. Шли, провожая в последний путь человека, который честно служил народу, опровергая «житейскую мудрость» стяжателей, думающих лишь о том, как бы пополнее набить карман и брюхо.

Мартьянов умер в 1904 году. К этому времени его музей пользовался уже мировой известностью. В научных журналах писали: «Этому музею могла бы позавидовать не одна европейская столица: по обилию сибирской древности он единственный в мире». Путешественники, посещавшие Сибирь, считали своим долгом сделать крюк в сторону по бездорожью ради коллекций мартьяновского музея.

Памятники бывают разные. К тому, который оставил после себя скромный аптекарь, «не зарастет народная тропа...»

Глава VI

НА ЗЕМЛЕ ХАКАСОВ

Абакан. — Еще Абакан. — Там, где дремлют курганы. — Когда шахтерам не нужны шахты. — От Енисея до Волги. — По дороге шестой пятилетки. — В горах Кузнецкого Алатау. — Туннель. — Разговор в степи. — Так что же главное?

Ранным утром пригородный теплоход побегал по тихой Минусинской протоке. Рыболовы уже сидели под тополями. Волны замутили воду, и мальчишка в засученных штанах предерзостно показал нам кулак.

Выскочив из протоки на Енисей, мы пересекли его и вскоре подошли к мысу, на котором стоял дом бакенщика. Хозяин дома неторопливо вышел на порог, но тут же юркнул обратно, а через минуту показался уже в кителе и форменной фуражке. Взяв в руку шест с флажком, он приставил его к мачте, вкопанной возле дома: все в порядке, путь проверен.

На воде против мыса стоял бакен. Каждый, кто плавал по рекам, знает, как он выглядит. Делается из дерева плотик в виде буквы «А». Острым концом эту букву ставят против течения, и веревка, привязанная к камню на дне или якорю, держит плотик. На нем устроена небольшая пирамидка, сверху которой — фонарь.

Тот бакен, который стоял против мыса, был выкрашен в два цвета: белый и красный. Эта пестрая окраска означала, что от главной водной дороги тут отходит боковой проселок — левый енисейский приток, река Абакан.

Мы повернули в Абакан. Дальше на реке уже не было пестрых бакенов, а стояли одноцветные. Красные ограждали мели и подводные камни у правого берега, а белые — у левого. Мы держались как раз между ними.

Поднявшись немного вверх по Абакану, мы причалили у главного города Хакасской автономной области, которому река передала свое имя.

У города Абакана вот такая биография.

Старая его часть была небольшим селом Усть-Абаканским. Новая выросла на пустом месте. Никакой промышленности в селе Усть-Абаканском не было. В городе же Абакане свыше тридцати предприятий. Здесь есть педагогический институт, техникумы, Дома культуры, театр, много библиотек.

Биография обычной обычной. В самом деле, назовите хотя бы один значительный советский город, в котором не было бы теперь промышленных предприятий, учебных заведений, школ и клубов! А на пустом месте выросло у нас столько городов, что Абакан между ними совсем бы затерялся, если бы по алфавиту ему не полагалось в их списке первое место.

Но если разобраться, то это очень хорошо, что Абакан похож на многих своих братьев.

Где стоит Абакан? На земле могучего государства древних хакасов. В Минусинском музее мы видели памятники его расцвета. Потом, после кровавых опустошительных набегов чингисхановых полчищ, наступили века его упадка.

«Все могилы, могилы... От Саянских гор, что полукругом обошли широкую степь, до темных лесов, обнявших ее с севера, на сотни верст нескончаемой вереницей тянутся десятки тысяч могильников...

Могильные камни, заросшие травой, огромные оросительные каналы, засыпанные землей шахты и подземные ходы для добывания меди, серебра и золота да таинственные письмена, начертанные на высоких скалах, угрюмо нависших над Енисеем, где летают только орлы, — вот все, что осталось от могучего народа...

Тиха и мертва огромная Абаканская степь...

Вот показалась между могилами сонная фигура качинца. Опустивши голову на грудь, он медленно покачивается в седле и тянет свою бесконечную, тихую, как журчание горного ручья, песню... Еще раз мелькнула из-за могил темная голова, долетел издалика последний звук песни, и опять степь пуста и тиха, только саянский орел медленно плавает в синей выси безоблачного неба да Енисей глухо плещет сонною волной...»

Эти строки принадлежат перу дореволюционного писателя Елпатьевского.

Честно говоря, он несколько преувеличил. В царской России действительно вымирали многие народы, но хакасы не были в их числе. Русские крестьяне, поселившиеся рядом с ними, научили кочевников, как лучше бороться с природой, как сделать землю кормилицей, чтобы устоять в лихую годину, когда ледяная корка гололедицы покрывает степь и скот падает от бескормицы. Народ помогал народу.

Если же говорить о царе и его министрах, то их, конечно, ничуть не трогали беды кочевников. Об одном только заботилась казна — как бы не осталась за кем недоимка. До самых последних дней царизма хакасы, как и во времена Ермака, платили ясак — дань мехами или деньгами. Только драгоценные шкурки забирал у них не казак — отчаянная головушка, с риском для жизни прошедший дебри и воды, а полицейский исправник, опухший от водки и безделья.

Протока в Минусинске. 1932 г. Фото Дерябина. Из фондов КККМ

И когда вспомнишь все это, то как-то по-другому смотришь на Абакан — город, которым гордится каждый хакас. В центре он напоминает Ташкент — та же могучая, плотная зелень бульваров, знойное солнце, колонны светлых зданий. Слышится незнакомый говор, незнакомая бодрая песня. Вот старый хакас в очках, с лицом неподвижным, как у изваяния, прокатил на велосипеде. Взявшись за руки, чинно шагают к автобусу скуластые черноглазые карапузики — детский сад едет на дачу. Да, этим ребятишкам, когда они подрастут, придется долго втолковывать, что такое кочевье и бескормица; придется водить их в музей, чтобы там с помощью наглядных пособий заставить поверить в то, что была у хакасов жизнь без грамоты, без оседлости, без прав — унылая жизнь вечных данников царя.

Мне говорили, что в судьбе Абакана можно ждать важных перемен. Не исключено, что воды гигантского пресноводного моря, образованного плотиной гидроэлектростанции, подойдут к абаканским кварталам и город будет либо защищен высокими дамбами, либо перенесен.

И в том, и в другом случае он не проиграет. Дамбы навсегда защитят его от наводнений и разливов Енисея, которые нередко тревожат абаканцев. А если Абакан понадобится переносить — что ж, в Хакасии нетрудно найти место и красивее, и удобнее, чем то, которое он занимает сейчас. И кто же не знает, что ни один город, ни одно село после переноса на новое место не стали у нас хуже, чем были, — об этом особенно заботится государство.

Сразу за окраинными пыльными кварталами Абакана начинается сизая от пыли степь. Она была бы скучной, если бы не горы. Тут и там, как-то очень резко, круто, где хребтами, а где и поодиночке, они поднимаются над степью. Горы безлесны. Самые дальние слабого лилового цвета. В безоблачном небе плавают орлы; ветры по-прежнему поют свою вечную песню над старыми курганами.

Вот, думалось мне, Елпатьевский написал о прежней степной жизни. Пусть он сгустил краски, но разве забудешь это описание? И если бы проехал он по этим местам теперь, сегодня, то какими штрихами набросал бы картину нынешней хакасской степи? Что главное в том обилии впечатлений, которые она дарит нам теперь?

Может быть, Черногорск?

Это ближний сосед Абакана. У подножия пологой горы он издали мерцает в знойном мареве светлым расплывчатым пятном. Дома вдоль его улиц либо окрашены белой краской, либо побелены известью. Какой же шахтер не любит светлые тона!

Черногорск дает краю хороший уголь. В недрах хакасской степи этого угля лежит столько, что для его добычи можно построить десять или двадцать таких городов, как Черногорск. В Черногорске — шахты. Но по соседству пласты залегают так неглубоко, что достаточно взрывами или землеройными машинами убрать прикрывающий их слой земли — и дальше знай черпай уголь ковшами экскаваторов да грузи прямо в вагоны.

Этот более легкий и простой способ добычи, при котором шахтер работает не под землей, а на солнышке, на чистом воздухе, теперь применяется как можно шире. В Красноярском крае уже добывают из открытых разрезов много угля — самого дешевого в стране.

Богатый народ черногорские шахтеры! Сколько легковых машин и особенно мотоциклов на черногорских улицах! Завези сюда хоть тысячу «Побед» или «Москвичей» — товар в магазине не застоит, раскупят без остатка. Приятно после смены посадить жену, детишек, да и катнуть по степи к дальним озерам или на Енисей. Впрочем, и сам город так вырос, что из центра, скажем, к Девятому поселку пешком не скоро дошагаешь.

Но что же все-таки напоминает Черногорск? Да шахтерский город в Донбассе, вот что! Те же горы вынудой из-под земли пустой породы с ползущими наверх вагонетками, те же мачты высоковольтной передачи, те же составы углярок. Только почетные шахтер-

нил слышанную где-то фразу о чрезвычайно бурной геологической жизни, оставившей в здешних широтах неизгладимые морщины на лице Земли.

Геологу это очень интересно. Но каково тут было строителям дороги!

С обеих сторон над ней нависают серые глыбы. В вагоне полутьма: ползем в глубокой выемке. Ее долбили взрывами: ничем больше не взять эти скалы. Сразу за выемкой высокая насыпь. Камнями, из которых она сделана, можно облицовывать дворцы: это голубоватые и розовые мраморные глыбы.

Вдоль полотна стоят красивые станционные домики. Но на некоторых станциях их еще не успели построить. Вывеска «Станция Бирикчул» прибита к старому товарному вагону с продавленной крышей.

Когда поезд, часто дыша, трогается от нее дальше, его свисток горы повторяют на разные лады минут пять, не меньше. Эхо тут гулкое, чистое, веселое.

— Присядьте еще раз! Не задерживайте дыхание! Так, хорошо делаете!

Это хвалит кого-то невидимый репродуктор. Кого? Вблизи лишь темная стена тайги, горы да прижатый к скале домик стрелочника. Но стрелочнику не до утренней зарядки, он стоит с флажком, пропуская поезд. Пожалуй, диктора слушают только медведи. В тайге их много. Они привыкли к взрывам, к свисткам, к стуку колес. Строители ловят медведей петлями из стального троса.

Дорога еще только начинает жить, и первыми возле нее обосновались лесники. Здесь леса давно дожидались человека. Сваленные бурями столетние лиственницы устилают склоны. Теперь дошла очередь и до горной тайги: вон сколько платформ с бревнами стоят на запасных путях.

Горы меж тем все выше, все грознее. Они совсем зажали дорогу. Отвесная скала поднялась к тучам. Поезд рядом с ней — совершенное ничтожество, червяк, извивающийся у ее подножия.

Что еще скрыто, что таится во всех этих скалах, в глубоких ущельях? Копни — может, такое откроется!.. Но если горы даже разочаруют геолога, то турист тут никогда не останется равнодушным. Дикая, гордая природа по сердцу смелым. Вон на той орлиной высоте

Улус кочевников. Рисунок из книги, скопированный А. Л. Яворским

Строители Южно-Сибирской магистрали пробивались сквозь тайгу и скалы

ские мундиры носят тут и потомственные русские горняки, и сыны тех самых кочевников, которые бедовали в мертвой степи.

Выходит, что Черногорск не выделяет хакаскую степь из многих других, а, скорее, сближает ее с донецкими степями.

Зато уж Южно-Сибирская магистраль никак не похожа на донецкие железные дороги.

Это дорога шестой пятилетки. Она моложе Абакана и Черногорска. Ожидая поезда на абаканском вокзале, я представил себе, куда ведут ее рельсы. Ух, какая даль! Сначала степи Хакасии, потом хребты Кузнецкого Алатау. За ними города, рудники, шахты, домны Кузбасса. Колея подходит к Сталинску, к знаменитому Кузнецкому металлургическому комбинату. Ему очень нужны богатейшие железные руды Хакасии. И новым металлургическим заводам — тоже. Шахтам же Кузбасса не менее нужен хакаский крепежный лес.

А колея бежит через Алтай и Казахстан на Южный Урал. Все дальше, дальше. Уже блестит вдали серебряная полоска Волги. От одной великой реки до другой через добрую половину страны, да еще вбок, на Среднюю Азию, — вот как размахнулись строители.

Но на вагонах поезда, который забирает пассажиров с абаканского вокзала, нет названий дальних городов. Сквозной южный путь Енисей — Волга пока не открыт. Цепочка еще разорвана, вернее — не сомкнута. К одному из тех мест, где ее вот-вот должны сомкнуть, и отправился наш поезд.

Сначала за окном плыла степь. Вечерело. Над непроницаемыми пепельно-синими облаками горел ярко-малиновый закат. Я увидел древнюю могилу: поставленные торчком тяжелые каменные плиты. Потом дорога пересекла поле жестокой сечи: множество могильных камней поднималось тут над притихшей и пустынной вечерней степью. Мне стало грустно; и вместе с тем ощущение торжественного покоя охватило меня.

Но все это длилось мгновения. По недвижному стеклу ближнего соленого озера скользнул свет автомобильных фар. Поезд проскочил по мосту через новый оросительный канал. Шарахнулся прочь от вагонов табун полудиких коней. Пошли поля совхоза. Могильники были и тут, но, опаканные со всех сторон, они остались лишь островками посреди пшеничного моря. На одном особенно высоком кургане изыскатели поставили трехногую пирамиду, нужную им при съемке местности.

Снова блеснула сбоку прямая линия канала: летом в Хакасии иной год дуют знойные ветры, но когда на поля приведена вода, эти ветры не страшны.

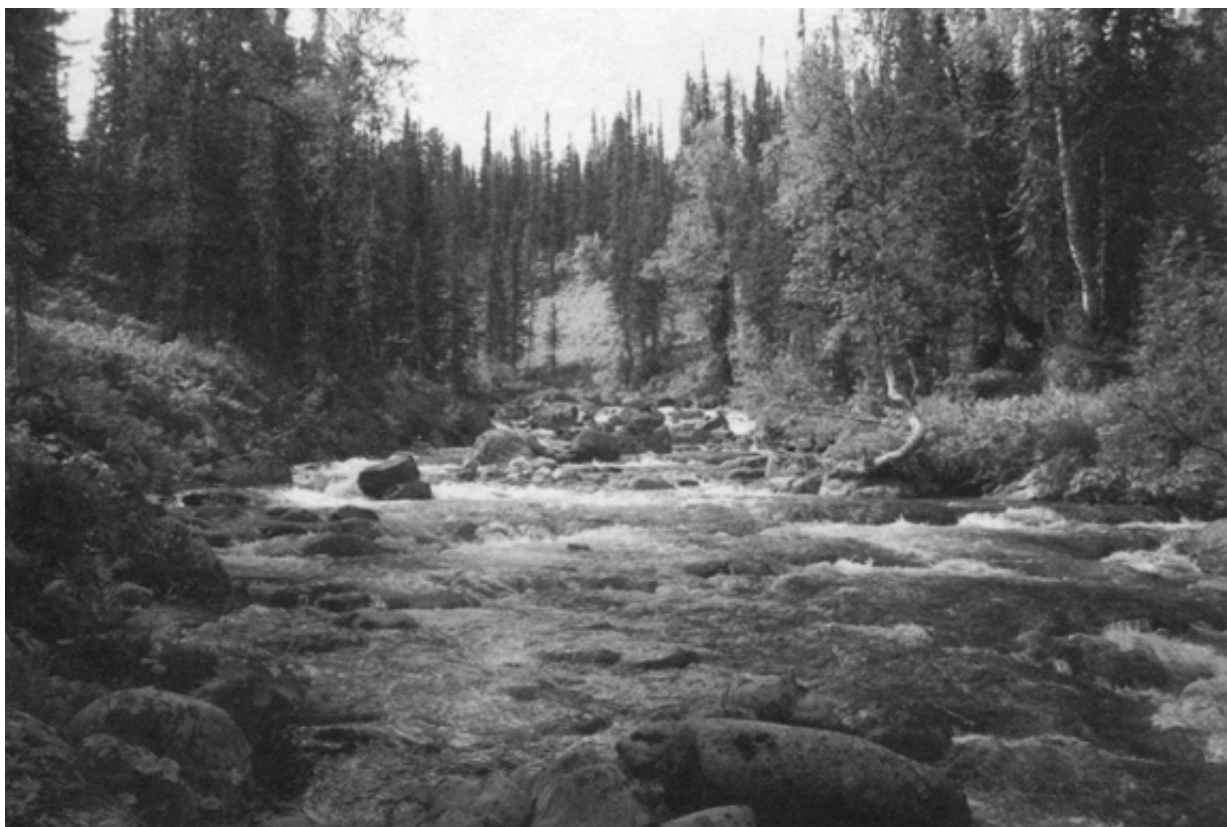
Много каналов построил хакаский народ, и у каждого канала своя история. Мне особенно запомнился рассказ инженера-мелиоратора о том, как прорывали Абаканский канал.

Дело было еще во время войны. Все, кто мог держать в руках лопату, пошли на стройку. Тысячи семей покинули свои дома. Пыль с утра до вечера стояла над дорогами. Вместе с землекопами на канал пришли народные певцы, хайджи, с древним струнным инструментом хакасов — чатханом.

Женщины с туго заплетенными черными косами, в национальных костюмах, украшенных оранжевыми лентами, вонзали лопаты в грунт под такт песни, которую тянул сидевший на корточках старик в войлочной шляпе. Мерно ударяя пальцами по струнам чатхана, он пел о славном, о могучем Михаиле — богатыре-хакасе из улуса Комызякин, ставшем Героем Советского Союза и героем многих песен...

Сначала наш поезд шел долиной реки Абакана. Потом колея раздвоилась. Мы повернули вдоль абаканского притока — реки Ассыза. А долиной Абакана круто карабкается дальше в горы железнодорожная ветка. Она ведет к новому огромному руднику Абаза, который будет отправлять в Кузбасс тысячи поездов с железной рудой.

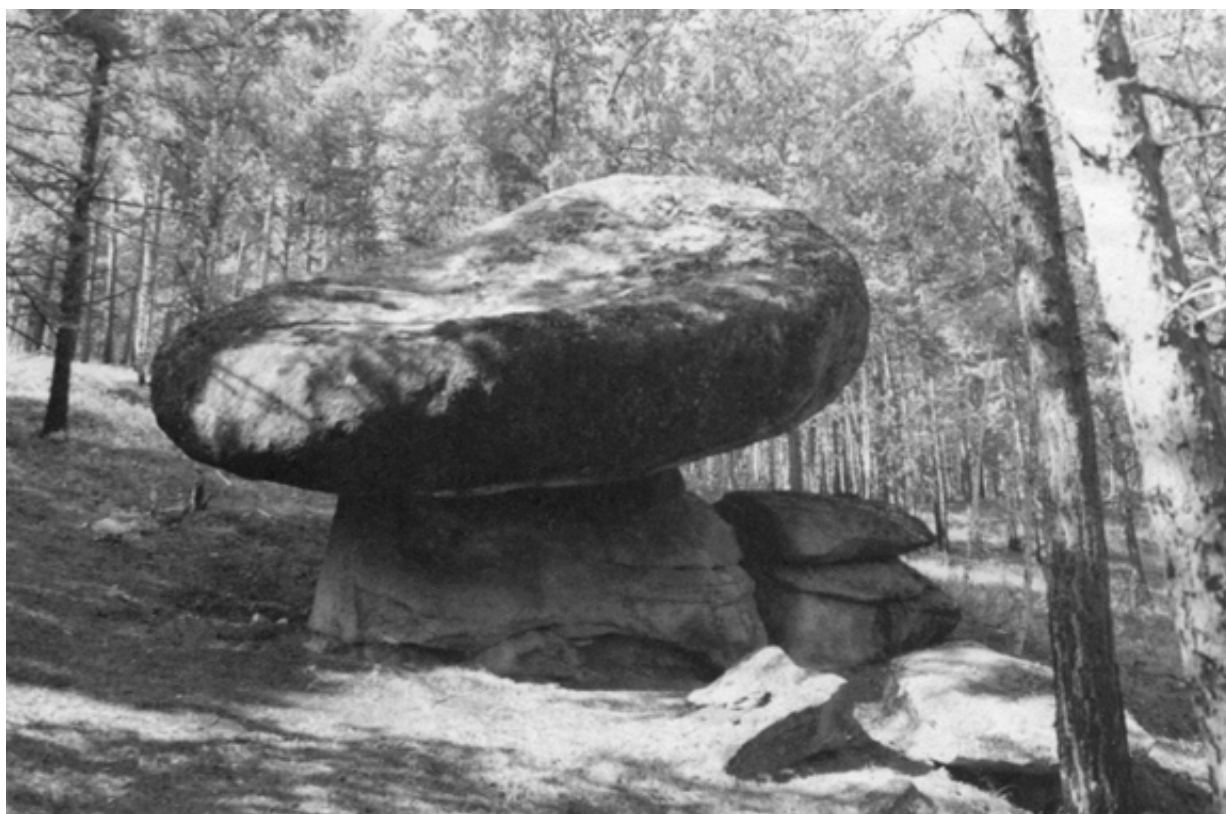
В долине Ассыза степь скоро кончилась. Вокруг дороги в страшном беспорядке громоздились горы. Казалось, их нарочно сдвигали, перемешивали, сталкивали. Я вспом-

Река Пихтерек. Фото А. М. Дорецкого

Отроги Алатау. Долина реки Белый Июс. Фото А. М. Дорецкого

Каменный гриб в урочище Учит-Тунгжуль. Фото А. М. Дорецкого

Вершина горы Первый Сундук. Фото А. М. Дорецкого

хорошо бы поставить рубленную из лиственниц гостиницу — приют отчаянных горнолыжников и цепких скалолазов.

Поезд ползет трудно, натужно. Подъем крут и длинен. Мы поднялись почти на тысячу метров над уровнем моря.

Но что это впереди? Бетонная серая стена, как бы врезанная у подошвы высокой горы, деревянная галерея, и над всем... буква «М» — метро.

Это и есть Восточный Портал.

Здесь дорога уперлась в гору, на которую нельзя подняться и которую нельзя обойти. Оставалось одно — пробить ее насквозь самым длинным в Сибири туннелем.

Штурмовали гору с обеих сторон отряды, в которых много московских метростроителей и волгодонцев. Они врезались в гору от двух входов в туннель — от Восточного и Западного Порталов — навстречу друг другу, чтобы в конце концов встретиться под землей. Иногда проходят годы, прежде чем наконец состоится такая встреча, или, как говорят строители, сбойка.

Мы долго шли по туннелю, сторонясь встречных вагонеток, нагруженных камнем. Когда я оглянулся назад, вход в подземную галерею мерцал вдали уже чуть заметной зеленоватой звездочкой. Потом и она погасла. Вот это туннель!

Мне вспомнились старые описания работы в туннелях: жара, удушливый воздух, плотная масса долбящих камень, обливающихся потом людей.

А тут гудят вентиляторы, воздух чист, нигде ни одной кирки или лопаты. Людей почти не видно. Только когда мы очутились в самом забое, где с пулеметным треском проходчики вгрызались отбойными молотками в камень, выдалбливая отверстия для взрывчатки, — только тогда почувствовалось то общее, что было, есть и, наверно, всегда будет

Прииск Кызас (Хакасия) П. И. Кузнецова, видна церковь (не сохранилась). Автор фото неизвестен. Из архива Д. И. Каратанова

у всех строителей туннелей: страстное устремление вперед, написанное на лицах желание быстрее пробиться сквозь давящую сверху стомиллиардопудовую глыбу горы.

Когда закладывалась взрывчатка, в забое стало почти тихо; только по-прежнему гудели вентиляторы. И вдруг по туннелю пронесся глухой звук далекого взрыва.

Я вопросительно посмотрел на отдохавших проходчиков. Они улыбались светло и мечтательно.

— Это там, понимаете? — сказал один из них. — По ту сторону. Мы ведь теперь почти рядом.

Мне представилось, какое тут будет торжество и веселье, когда отвалится кусок истончившейся каменной преграды и в проломе покажутся взволнованные лица товарищей, пробивавшихся навстречу оттуда, с запада! А немного спустя пойдут сквозь побежденную гору поезда, и, чего доброго, пассажиры будут сердиться на бесконечность туннеля, надолго скрывшего от них дикую красоту Кузнецкого Алатау.

Дороги, дороги... Мы прокладываем их и в тундре, и в пустынях, и в диких хребтах. И все меняется вокруг, словно есть в узких полосках стали чудодейственная сила, приводящая в движение то, что долго спало окрест в заколдованном сне. Дороги жизни — как хорошо и как верно это сказано!

На обратном пути я от станции Аскиз повернул в степь. Моим спутником был местный советский работник, хакас, человек уже немолодой. Звали его Петром Васильевичем. Он был молчалив и на все мои вопросы отвечал коротко, односложно и неохотно. Я обратил внимание на странную его привычку: он не отрываясь смотрел на дорогу и молча показывал шоферу, с какой стороны объезжать бугорок, или выбоину, или камень.

— В семнадцатом году я тут ездил с отцом, — неожиданно обернулся он ко мне, когда у меня исчезла всякая надежда завязать разговор. — Да, в семнадцатом. Помню, поехали в гости. Возле тех гор у отца кочевал друг.

Его голос потеплел. Он вспомнил отцовскую бедную юрту. Потом рассказал, как, уцепившись за гриву, первый раз карабкался на коня. Мало-помалу воспоминания увлекли его.

Ему было одиннадцать лет, когда отца схоронили в степи. Подросток стал кормильцем семьи, пас чужих лошадей. Кстати, сказал Петр Васильевич, последние годы в Хакасию переселяется много белорусов. Если кого из них назначают в колхозе пастухом, он обижается. Хакасы этого не понимают: пастух у хакасов самый уважаемый человек. Это так, между прочим, к слову.

Так вот, в восемнадцать лет его выбрали из пастухов председателем сельсовета. Образование у него было «не очень» — два класса... Проработал год, потом пришел к секретарю райкома: «Учиться хочу!» — «Сильно хочешь?» — «Ох, сказать не могу!»

Послали его на рабфак. Возились с ним много — у него не шло дело с русским языком. Бывало, хотелось выть, биться головой о стенку. Но ничего, перемололось. Поступил в Горный институт в городе Томске. Стал инженером. Конечно, вернулся в себе в Хакасию, на шахты Черногорска. Потом был на партийной работе, сейчас — в облисполкоме.

Рассказывая, он не переставал следить за дорогой и делать знаки шоферу. Я спросил: что, разве шофер неопытный?

Петр Васильевич смутился, потом рассмеялся:

— Привычка. Много ездил на конях. У всадника шофера нет, сам дорогу выбирает.

Степь Петр Васильевич знал превосходно. Каждый ее гектар. Теперь, разговорившись, он, не дожидаясь вопросов, сам рассказывал о ней:

— Овцесовхоз. И те горы тоже его. Сорок семь тысяч овец в совхозе. Вон там — Изыхские шахты. Уголь жирный, длиннопламенный. Можно получать из него жидкое топливо.

Но, — тут в голосе его послышались торжествующие нотки, — пожалуй, нет смысла заниматься перегонкой.

— Почему же?

— А посмотрите-ка туда.

На дальней горе маячила вышка, похожая на те, какие я не раз видел на нефтяных промыслах.

— Пока нефти еще нет, — сказал Петр Васильевич. — Но газ уже есть. Геологи говорят, что нефть тоже будет. И прошу обратить внимание на озера — пить из них не советую, а добывать из них поваренную и глауберову соль мы будем.

Мой спутник не хвастал богатствами — он просто перечислял их, как хозяин, знающий цену тому, что у него есть.

— Золото, железо, медь... Где брали древние хакасы руду для выделки мечей или украшений? Везли за тридевять земель? Нет, добывали тут же, рядом со своей юртой. А потом все это забылось. Было, правда, несколько мелких рудничков — так, закопушки какие-то, горняцким языком говоря. Теперь хакасская железная руда идет в Кузбасс, уголь — по всему краю, золотые рудники у нас похожи на города. А чернозем — степное богатство. Земля-то, земля тут какова!

Петр Васильевич сказал, что в Абаканском совхозе за первую весну добровольцы подняли больше двадцати тысяч гектаров целины. Это ровно столько, сколько четверть века назад было пашни во всей Туве!

Подъем целины в совхозе начали с долины безымянного ручейка. Теперь она называется Долиной степных орлов. Хорошее название, правда?

А известно ли мне, где в крае выращивают самый дешевый хлеб? В Тюпском целинном совхозе на севере Хакасии — вот где! По четыре рубля за пуд, двадцать пять копеек килограмм. И такого дешевого хлеба совхоз за один год сдал почти два с половиной миллиона пудов...

Я вернулся в Абакан, так и не решив: что же главное в сегодняшнем облике степей Хакасии? Новые города, железная дорога, шахты, рудники, поднятая целина, каналы... И все это в той самой степи, которая была тихой и мертвой.

Вот только курганы... А что курганы? Их тысячелетний покой тоже потревожен. Недавно раскопан и знаменитый Салбыкский курган, самый большой в Хакасии — такой большой, что пришлось привести сюда в помощь археологам землеройные машины.

Глава VII

ПЕЩЕРЫ БИРЮСЫ

Гора Туран. — С Енисея в Антарктику. — Почему убежал Чулым. — Морю негде
разлиться... — Находки Еленева. — Пещерный город. — Кто же сделал надпись? —
Археолог должен все уметь!

Мне повезло: из Абакана вниз по Енисею уходил служебный катер. На нем возвращался в Красноярск заместитель начальника лесной конторы, полный лысеющий блондин, несколько сонный с виду.

— Путешествуете? Хорошее дело. Одобряю, — сказал он и, подумав, согласился взять меня с собой.

Его пришли провожать двое, почтительно обращавшиеся к нему «товарищ начальник». День был жаркий, и «товарищ начальник» вскоре удалился в каюту. Когда катер тронулся, он не выглянул в иллюминатор, а только протянул туда пухлую руку и вяло помахал провожающим. Те долго и преданно махали платочками вслед начальственной руке...

Я сижу в тесной рубке. Рулевой Павел Васильевич — человек общительный, словоохотливый, знающий — называет мне горы, протоки, острова.

Быстро, легко бежит катер. По берегам степь, но не гладкая, а холмистая и даже гористая. Сквозь редкую траву просвечивают красноватая глина и камень.

Пристань Подкунино вся черная от угля и угольной пыли. Сюда в вагонах привозят уголь из Черногорска и грузят его в большие баржи, тоже черные. Грузчиков не видно. Черный блестящий поток бежит по транспортерам и, грохоча, падает в трюмы. В воздухе пыль, похожая на густой дым.

Катер идет прямо на гору, которая выдвинулась в русло и тшится заставить Енисей повернуть обратно, к Саянам. Тень Турана — так называется эта гора — падает до середины реки. На крутизне ее склона пасется стадо. Ну, козы — известные лазуны, а вот как туда вскарабкалась здоровенная корова?

Река пересекает хлебородные места: много мельниц, зерновых складов, серебристых баков с горючим. Грузовые теплоходы принимают в трюмы зерно: осень в Сибири ранняя, пока хлеб нового урожая подвезут к пристаням, на реке уже лед. Зерно зимует на складах до следующей весны.

Из-за поворота появляется встречный пароход.

— Отприветствуем-ка «Академика Павлова», — говорит Павел Васильевич и, развернув белый флаг, несколько раз машет им, высунувшись из левого окна рубки. Одновременно он запускает катерную сирену, которая поднимает довольно противный вой.

Там, на встречном, на левом мостике тоже замелькало что-то белое, и хороший бас пароходного свистка ответил нашей сирене. Суда переговаривались, как лучше разойтись. Мы идем по течению — за нами, по речным правилам, первое слово. Мы сказали: «Здравствуйте, давайте разойдемся левыми бортами». — «Привет, — ответили на встречном, — можно и левыми».

— У нас в Красноярске строили, — замечает Павел Васильевич, когда, часто и сильно стуча колесами, «Академик Павлов» проносится слева от нас.

Пароход не большой и не очень красивый. Но я тяну из вежливости:

— А-а... Скажите пожалуйста.

Потом мы обгоняем «угольщика»: пароход «Каганович» тянет баржу с черногорским углем.

— Нашей, енисейской работы, — кивает Павел Васильевич, — и пароход, и баржа.

Баржа большая, совсем новая, блестит смолой, перила еще не успели пропитаться угольной пылью.

Дальше нам встречаются низко сидящий в воде грузовой теплоход и караван барж-рудовозов. Потом показывается странное суденышко — тупоносое, кургузое, похожее на обрубок. Но, как видно, силы у него много: оно легко тянет груженую баржу, которая длиннее его раз в шесть.

И, оказалось, все это — и грузовой теплоход, и баржи для перевозки руды, и суденышко-силач — построено тоже на Енисее, здешними судостроителями. Братья же силача, который сокращенно называется «РБТ» — рейдовый буксирный теплоход, плавают по многим рекам. Ими всюду не нахвалятся: они поворотливы, проворны и, сверх того, так крепки, что могут ломать речной лед, выдерживающий автомашину. За такие достоинства один «РБТ» был взят даже в советскую антарктическую экспедицию; он плавал возле шестого материка, пугая китов и пингвинов.

Павел Васильевич рассказывает мне все это с делано равнодушным видом, а сам поглядывает: прочувствовал ли гость, что сие значит? Ведь раньше-то на Енисее строили только деревянные неуклюжие барки; пароходы сюда перегоняли морем либо везли разобранными по железной дороге, чтобы потом годами собирать по частям.

Мы проплываем «Ербинские разбои» — тут река разбилась на множество протоков. У входа в одну из них рулевой опять пустил в ход сирену, предупреждая встречное судно: «Не вздумай зайти в протоку, самым тесно, вдвоем не разойдемся».

Протока называется Золотой. Но золото тут не находили, а теряли; редкое судно в старые времена не садилось в ней на мель. Стаскивание же с мели стоило много денег.

— Ну как, на Обь свернем или еще на Енисее поплаваем? — с невинным видом спросил рулевой, когда катер подходил к большому селу Новоселово.

Я с недоумением посмотрел на Павла Васильевича. Страшно довольный, он расхохотался и объяснил, в чем дело.

Следом за ним тот же вопрос задал мне старшина катера, появившийся в рубке. Чтобы не разочаровывать его, я сделал удивленное лицо и выслушал все еще раз.

— А-а, к Новоселову подходим... — сказал, выглядывая из машинного отделения моторист, и, подмигнув в мою сторону, спросил Павла Васильевича: — На Обь поворачиваешь или как?

Рассмеявшись, он скрылся в полной уверенности, что я просто сгораю от нетерпения узнать смысл этих загадочных слов.

Но когда в рубку поднялся еще один шутник и раскрыл было рот, я перебил его:

— Да, да, я не прочь повернуть на Обь. Но как у вас с машиной? А то трястись десять километров на телеге — нет уж, увольте.

Мельком взглянув на карту, вы поймете, о какой телеге я говорил. У Новоселово, совсем близко возле Енисея, за коротким перешейком, извивается река Чулым. Пересеките перешеек, садитесь в лодку — и Чулым вынесет вас в Обь.

Но почему Чулым передумал и не впал в Енисей, а унес воды за многие сотни километров?

— К Оби отсюда пойдут ровные места, низины, — поясняет Павел Васильевич. — А Енисей опять с горами воюет. Сам едва пробился, Чулым же — речка слабосильная. Ну, и подалась туда, где легче.

Енисей штурмует Городовую Стену — отвесный обрыв, как по линейке срезанный и выровненный сверху. На пластах прочнейшего камня видны палевые пятна глины; кое-где пробивается травка — совсем как мох на крепостной стене старого города.

Красноярскому морю тут, в сущности, почти некуда разлиться. Разве такие горы уступят ему? Вода поднимется только по долинам притоков, образовав узкие заливы. Пожалуй, некоторые из них будут напоминать норвежские фиорды. Вон какие грозные, могучие хребты надвигаются вдали на реку!

Это отроги второй ветви Саян — Восточной.

Селу Езагаш совсем тесно — оно прижалось к горе. Дальше гранитные кряжи стискивают реку с обеих сторон. Места тут дикие, и лишь геологи ставят свои палатки у ключей, бьющих из-под замшелых глыб высоко над Енисеем; там стрелка компаса обнаруживает все признаки сильного беспокойства, испытывая действие скрытых поблизости железных руд.

Куда ни глянь — скалы, снова скалы и опять скалы. Всюду камень. Ущелья впадающих в Енисей горных ручьев глубоки и мрачны.

Деревень на берегах почти нет: разве можно селиться на таких кручах! Лишь кое-где горы сделали человеку уступку, слегка отодвинулись, чтобы можно было застроить две-три улицы да засадить огород. Но для пашен места нет, и живут в горных деревнях не землеробы, а лесорубы.

Красноярск август 1914 год. Последняя фотография Ивана Тимофеевича Савенкова (на телеге с комб. нивелиром). Увеличенный фрагмент

Между лесом и рекой сто метров обрыва. Если сверху сбросить бревно, оно разобьется в щепы. Чтобы этого не случилось, устраивают деревянные лотки. Снизу, с реки, лесорубов незаметно, и вот над вами кто-то невидимый вталкивает в лоток бревно. Оно скользит все быстрее и быстрее, мчится с воем и свистом, уходит под воду, потом выныривает, словно глубоководное существо, захотевшее глотнуть воздуха.

Под вечер один берег Енисея скрывается в глубокую тень. На реке темно, как в ущелье. Только белые бакены, озаренные последним солнечным лучом, сверкают впереди на иссиня-черной воде. Сосны в вышине охвачены огненным пожаром заката. Кажется, что нет на свете ни городов, ни электричества, ни шумных улиц; есть только безмолвие скал, бездонная глубина воды и догорающее где-то багровое солнце. Наконец гаснет последний луч, и на реку спускаются сумерки.

К устью речки Бирюсы мы подошли уже ночью. Решено было остаться тут до утра, чтобы днем пройти место, где сооружается гидроэлектростанция.

У борта катера, причмокивая, плескалась вода. Ночь была тихой, безветренной. Из-за гор поднялась луна. Скалы, обрывающиеся в воду, стали серебряными. Черными пятнами зияли в них провалы пещер. Большая рыба выскочила на лунную дорожку реки — и снова все смолкло. Я все смотрел и смотрел на пещеры. Мне чудилось, что вот-вот там вспыхнет огонек, осветив жмущихся к костру людей в звериных шкурах. Согревшись у огня, на ночную охоту за мамонтом пойдут смельчаки, вооруженные копьями с каменными наконечниками, и женщины будут провожать мужей тревожным взглядом...

Древние каменные стелы. Надписи 4-х типов так и остались по большей части нерасшифрованными

А. С. Еленев, преподаватель Красноярской мужской гимназии и Учительской семинарии. 1880-е годы. Из фондов КККМ

И вдруг в далекой пещере действительно заколыхался слабый свет. Я разбудил дремавшего в рубке вахтенного:

— Смотри-ка! Что это?

— Где? — Тот протер глаза. — А-а! Чего ж тут смотреть? Рыбаки в пещере ночуют, уху варят...

О бирюсинских пещерах знали давно, и в народе ходили всякие небылицы про нечистую силу, поселившуюся в них. Но однажды к устью Бирюсы приплыл на лодке преподаватель Красноярской учительской семинарии Алексей Сергеевич Еленев, большой любитель древностей, и стал внимательно и неторопливо исследовать пещеры, промытые водой в мягких известняках.

Он увидел, что входы в некоторые пещеры были прикрыты глыбами камня. Уж не человек ли нагромоздил их, ища защиты от непогоды или диких зверей?

Еленев принялся за раскопки. Он осторожно рыл землю в полу пещер. Стали попадаться зола, обожженная глина, кости — то, что археологи называют культурным слоем, то есть слоем земли, в котором можно найти остатки древней культуры человека. Потом попался железный нож странной формы. А дальше находка следовала за находкой: железный крюк-багор, наконечники стрел, шило, костяные иглы, пряжки, застежки, медная китайская монета...

В двадцати пещерах безусловно жили люди. Но когда? Железные предметы, найденные в земле, были сделаны умелыми руками и закалены. Тонкие стенки глиняных горшков, осколки которых также нашел археолог-любитель, показывали, что обитатели пещер хорошо знали гончарное дело. Судя по этим признакам, они жили в первой половине нынешнего тысячелетия. Окончательный ответ дала монета: знатоки определили, что такими деньгами китайцы пользовались в XIII или XIV столетии.

Но, может быть, пещеры не пустовали и до этого? Еленев терпеливо продолжал раскопки — и в некоторых пещерах под первым культурным слоем нашел второй, с каменными наконечниками стрел и грубо сделанными из камня ножами и топорами. Там же были кости и бивень мамонта, рассыпавшиеся при прикосновении.

Иллюстрация из второго издания книги. Художник К. Арцеулов

Как видите, у меня все же были кое-какие основания для того, чтобы в воображении населить освещенные луной скалы людьми каменного века...

Утром пещеры уже не казались ни таинственными, ни загадочными. Ветер разогнал туман в ущелье речки Бирюсы. Там скалы тоже были изрыты пещерами. Целый пещерный город!

По Бирюсе сплавляют лес. Мне не стоило большого труда уговорить наше начальство посмотреть, как тут идет дело, а по пути заглянуть и в пещеры. Начальство недолго посидело с десятником, записало две-три цифры. Потом все мы вскарабкались в первую пещеру. Увы! Никаких черепков древних сосудов или каменных наконечников стрел нам найти не удалось. Единственным сосудом, обнаруженным после самых энергичных поисков, оказалась консервная банка, а другие несомненные признаки пребывания человека заключались в обрывках газет и яичной скорлупе.

— Тут недавно кто-то был, — сказала начальство, разглядывая банку. — Судак в томате. Это точно... Ну, я пойду на катер, поработаю...

Мы стали карабкаться дальше. Во второй пещере, довольно глубокой и высокой, пол был ровным, а воздух сухим. В каменном веке она, видимо, считалась квартирой со всеми удобствами. Третья пещера заканчивалась узким туннелем, вернее — лазом, по которому можно было выползти к вершине скалы. Пещера с парадным и черным ходом — тоже недурно...

— Смотрите, надпись!

На скале у соседней пещеры виднелись буквы «А. Е.» и год — 1888. Это были начальные буквы имени и фамилии Еленева и дата его раскопок.

Мы пошли к катеру: ради старых консервных банок не стоило тереть микропористые подошвы во всех шестидесяти пещерах Бирюсы. Но заглянув на прощание в сырой и глубокий грот, мы неожиданно увидели следы довольно свежих раскопок. В соседних двух пещерах тоже кто-то рыл землю, аккуратно складывая ее в угол. Случайно взглянув на стену у выхода, я заметил надпись: «Э. Рыгдылон, В. Петухов, В. Назаров».

Рыгдылон? Странная фамилия. Мне она показалась знакомой. Кажется, есть такой археолог. Не он ли ведет здесь раскопки вместе со своими помощниками?

Мы вернулись на катер. Начальство, слегка припухшее от сна, объявило всем нам выговор.

— Опять его снимут, как пить дать, — сказал мне Павел Васильевич, — уже два раза понижали. Совсем обленился. Сначала высоко его занесло, в тресте шишкой был. Тут бы и учиться делу, а он — в кабинет «без доклада не входить», «не учи ученого», «смотрите у меня»... Повозились с ним — сняли. Подхалимов страсть любит, обиженным себя считает...

Забегая немного вперед, я хочу досказать о раскопках в бирюсинских пещерах. Оказывается, две фамилии в надписи на стене пещеры принадлежали вовсе не почтенным ученым, а... Вот что рассказал мне в прохладной библиотеке Красноярского музея по этому поводу археолог Рыгдылон — бурят, поглощенный исследованиями сибирских древностей:

— Как-то я занимался в зале, закрытом для посетителей. Дверь отворилась, и в нее просунулись ребячьи физиономии.

— Этот отдел закрыт, — сказал я. — Идите-ка в соседний зал, там очень интересно.

Но ребята ответили, что в том зале они были много раз и им хочется теперь посмотреть вещи из курганов. Нечего делать, пришлось оторваться от рукописи и показать коллекции.

Через день ребята пришли снова. На третий день — опять гости! Когда вся компания явилась ко мне в четвертый раз, у меня, каюсь, мелькнула мысль: а не хотят ли мои посетители потихоньку захватить из зала старинные мечи и сабли?

Окрестности Красноярска. Река Бирюса. 1900-е. Негатив Л. Ю. Вонаго. Из фондов КККМ

Но я ошибся. Ребят привлекало другое. В первый же теплый весенний день я повел их на экскурсию. Вы, конечно, знаете гору напротив вокзала? Ну да, это почти в самом городе. Так вот, эта Афонтова гора была излюбленным местом стоянки древних жителей берегов Енисея. Я повел туда ребят. После долгих поисков мы нашли осколок кости древнего оленя. Надо было видеть восторг моих спутников! Шум они подняли страшный, и на меня посыпался град вопросов: а как жили тогда люди? чем питались? как они охотились на мамонта?... Пришлось объяснить, что неуклюжих чудовищ первобытный человек добывал не стрелой и копьем, а хитростью. Я рассказал, как, выследив мамонтов, пещерные люди ночью зажигали костры, факелы и с оглушительными криками гнали стадо к прикрытой ветками глубокой яме или оврагу, на дне которого торчали колья.

Лето мы провели в экскурсиях. На следующий год наша маленькая компания превратилась в кружок юных археологов Дома пионеров. Теперь ребята стали требовать, чтобы я взял их с собой на настоящие раскопки.

Мы отправились в пещеры, которые находятся в нескольких километрах от города, за дачным поселком. Стали копать в одной. Трудились на совесть — и не нашли ничего, кроме костей мелких грызунов. Но там была одна пещера под названием «Карман». Мне как-то говорили, что зимой ее нижняя часть покрывается инеем. Почему? Не потому ли, что где-то тут скрыт вход в другую пещеру, откуда зимой, при резких падениях температуры, идет более теплый воздух, образующий иней?

Копали не только мои постоянные спутники, но и немало «добровольцев», услышавших, что на горе «ищут клад». Вскоре мы наткнулись на узкий подземный ход, который вел куда-то в сторону. Он был наполовину засыпан землей и щебнем. Расчищать его приходилось лежа и очень осторожно, чтобы не обвалить «потолок». Раскопки происходили в разгар лета, жара была страшная, и мы обливались потом.

Вдруг откуда-то из глубины пахнуло холодом. Еще несколько минут — и мы оказались в довольно большой и высокой пещере. Воздух здесь был затхлый и холодный. Мы хотели было сразу исследовать пол, но не вытерпели стужи и выползли обратно, стуча зубами. Лишь когда внутрь проникло немного теплого воздуха, я, а за мной мои ребята снова полезли в узкий проход. В пещере было трудно дышать. При свете факелов мы увидели на полу множество костей животных и глиняные черепки.

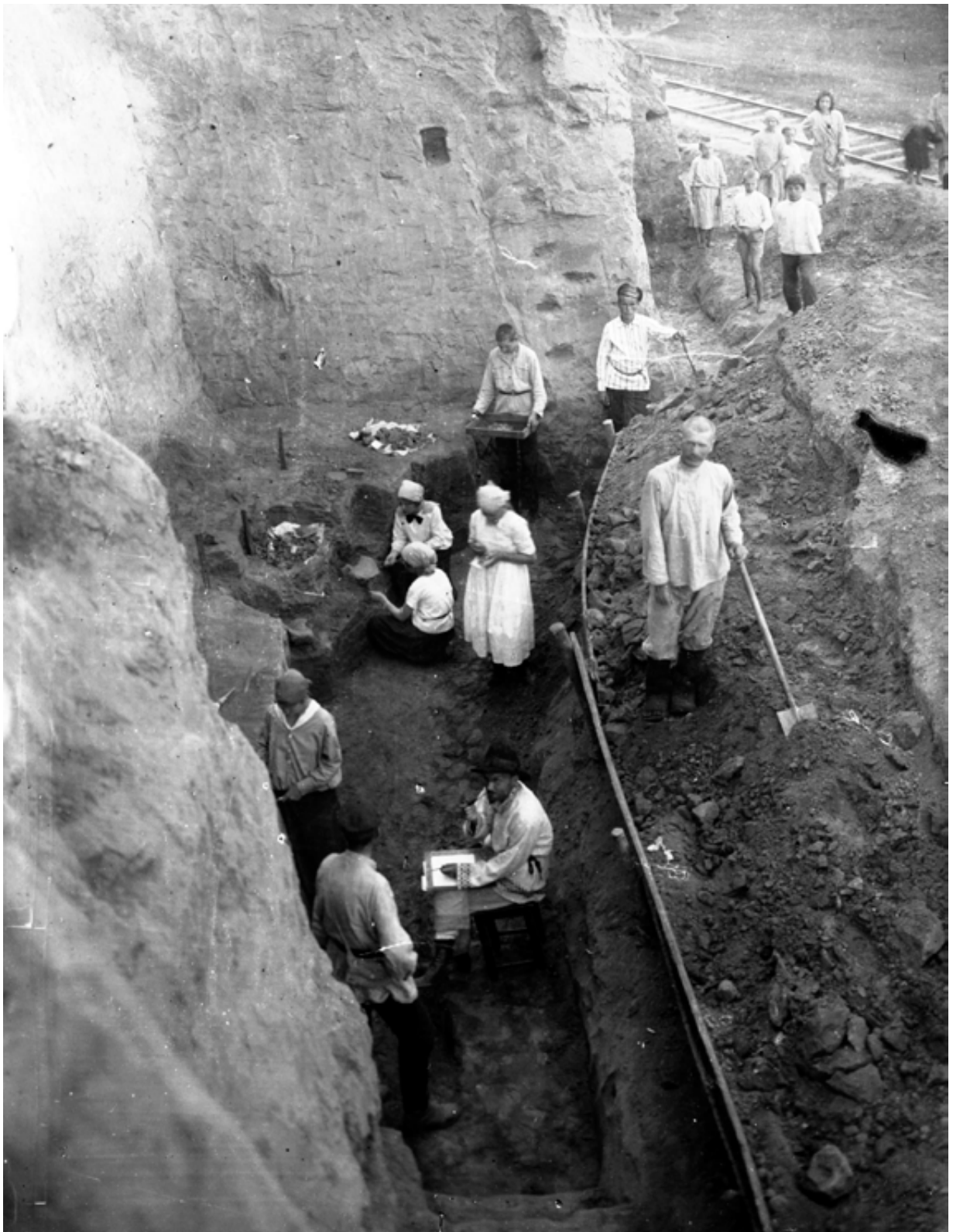
Измазанные глиной, уставшие, вылезли мы со своими находками из пещеры, которую тут же назвали «Новой». Кости косули, волка, россомахи, бронзовые предметы прекрасного литья, изделия из костей, керамические изделия — все это указывало на то, что в пещере жил человек бронзового века.

Ну и наконец вместе с членами кружка Витей и Володей я отправился к бирюсинским пещерам. Мы провели там две недели, собрали коллекции и обнаружили в одной пещере промежуточный между палеолитом и неолитом, то есть относящийся к среднему каменному веку, тип человеческой стоянки.

Что же еще рассказать вам? Мои помощники твердо решили стать археологами. Они знают, что дело это нелегкое, но зато интересное. Научились мои ребята разжигать костер после дождя, когда в лесу, кажется, не найдешь сухой ветки, ходить без дорог — по компасу, варить себе обед.

Вы же знаете, что настоящий археолог должен все уметь, никогда и ни при каких обстоятельствах не теряться и обладать огромным терпением, ради одной находки перерывая горы земли.

В зимний день прибежал как-то ко мне, подпрыгивая на одной ноге, Витя. Оказывается, у него в валенке дырка, и мороз пребольно щипал мальчугана за палец.

Археологические раскопки на Афонтовой горе

Н. К. Ауэрбах выкапывает кость мамонта. 1923 г. Афонтова гора

Раскопки Афонтовой горы III. 1925 г.

Раскопки Афонтовой горы. 1923 г.

Золотые скифские олени

Золотые бляшки с сюжетами борьбы и охоты Звериный скифский стиль Находки XVIII-XIX вв. в Енисейской степи составили основу «Петровской» коллекции Эрмитажа

Бронзовое навершие в виде фигуры горного козла. Красноярский край 6 век д.н.э.

Знаменитая золотая пантера.

Я достал шило, кусочек войлока, кусочек кожи:

— Чини.

— Да я не умею, — сказал Витя.

— Учись. Археолог должен все уметь!

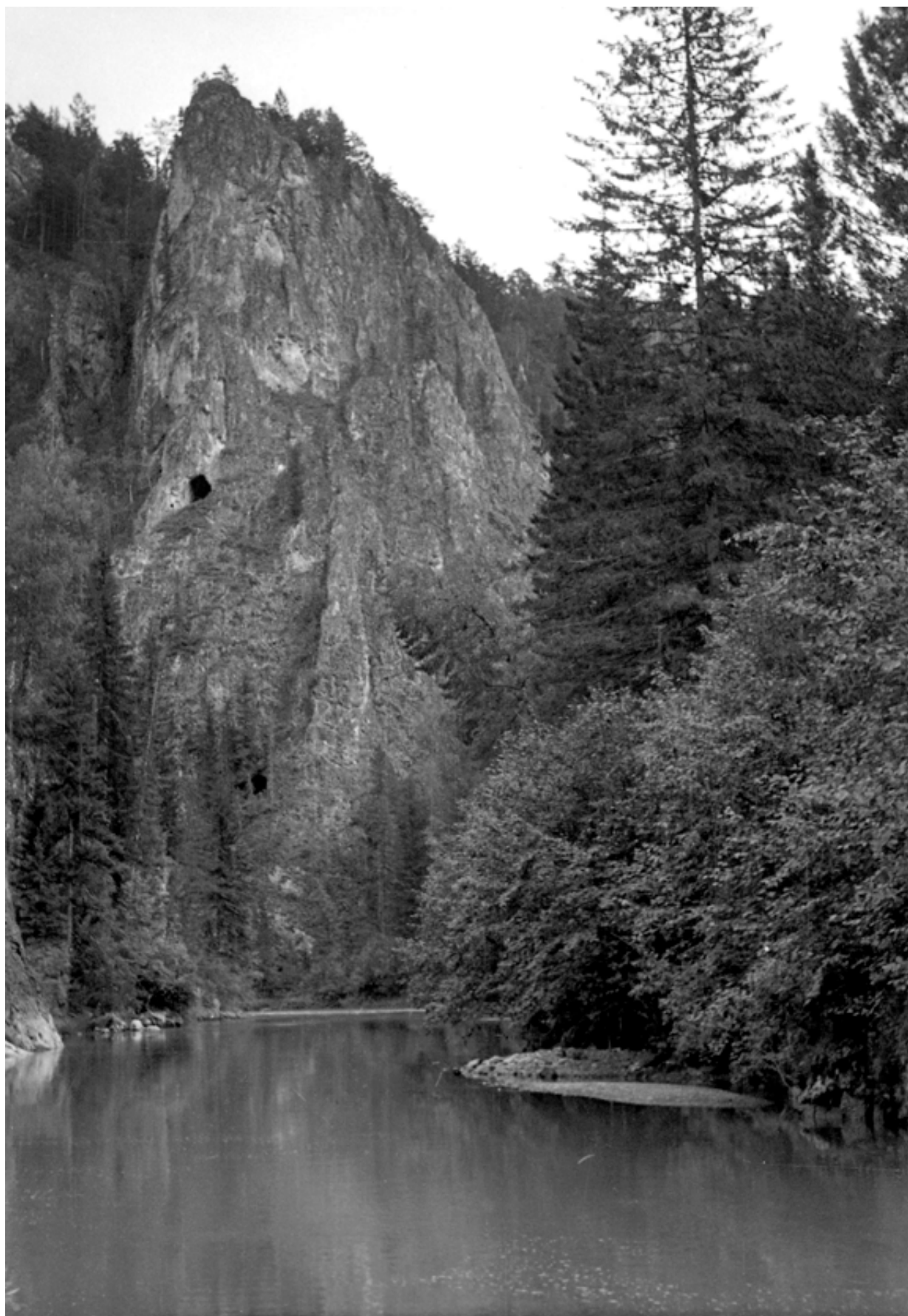
Витя сбросил с ноги валенок и принялся за дело. Через час подходит, показывает: хоть и не очень здорово, но все же дырка залатана.

— Археолог должен все уметь, — сказал Витя и надел валенок.

Закончив рассказ, Рыгдылон подарил мне фотографию членов кружка, снявшихся у входа в одну из бирюсинских пещер, — может быть, ту самую, на стенах которой мы видели недавно заинтересовавшую нас надпись: «Э. Рыгдылон, В. Петухов, В. Назаров».

Окрестности Красноярска. Река Бирюса. 1907 г. Негатив Л. Ю. Вонаго. Из фондов КККМ

Река Бирюса. 1957 г. Негатив из фондов КККМ

Глава VIII

ТИТАН СИБИРИ

Телеграмма из Москвы. — Город взволнован. — Вариант за вариантом. — На месте отшельнического скита. — Изыскатели. — У края плотины. — Лифт для кораблей. —
Почему окаменел Такмак

О том, что на Енисее будет строиться мощнейшая в мире Красноярская гидроэлектростанция, народ узнал незадолго до XX съезда партии.

Для многих это было неожиданностью. В газетах до тех пор ничего о Красноярской гидроэлектростанции не писали. И вдруг сразу такой гигант. Представьте только: он один должен дать больше энергии, чем Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции, которые совсем недавно казались нам настолько мощными, что дальше некуда.

Но на самом деле Красноярская гидроэлектростанция появилась совсем не вдруг и вовсе не на пустом месте...

В 1931 году я работал в Географическом обществе. Мы занимали одну из башен Красноярского музея. Архитектор почему-то построил здание музея похожим на египетский храм. Башня была разрисована фигурками коричневых полуголых жрецов, воинов, земледельцев. Наверно, этим жителям знойной страны было очень не по себе в сибирские злые морозы.

Вот в эту-то египетскую башню и принесли однажды телеграмму из Москвы. В ней предлагалось срочно начать изыскания, чтобы облегчить выбор наилучшего места для гигантской плотины возле Красноярска.

Новость была оглушающей. Мы с растерянным видом стояли возле стола Владимира Петровича¹, нашего руководителя, человека со странностями, порывистого, влюбленного в свой край.

— Я говорил, я говорил... — лепетал он, в волнении набивая свой потертый портфель всем, что лежало на столе. — Мы писали, просили. И вот услышали... Да, да, да! Побегу в редакцию. Пусть все знают. Такая радость, такая радость!..

Он задом наперед надел помятую шляпу, схватил незастегнутый портфель и как-то боком, вприпрыжку, выскочил из нашей башни.

Владимира Петровича знал весь город. Любая экспедиция, приезжавшая в наш край, шла прежде всего к нему, обычно в полном составе. В башне становилось тесно. Владимир Петрович раскладывал карты и скороговоркой, по несколько раз повторяя слова, принимался объяснять, как лучше проехать в такое-то место и где именно следовало бы прежде всего искать такую-то руду.

Когда в Красноярск впервые приехала комиссия, для того чтобы посмотреть, нельзя ли на Енисее построить гидроэлектростанцию, Владимир Петрович забросил все свои дела и ни на минуту не расставался с приезжими, доказывая, что Енисей прямо-таки создан для строительства плотин...

1 Речь идет об известном краеведе и библиографе Вячеславе Петровиче Косованове (1880 – 1938 гг.)

На другой день после получения телеграммы газета «Красноярский рабочий» напечатала жирным шрифтом заметку о том, что Географическое общество начинает изыскания на Енисее. Над заметкой художник нарисовал фантастическую плотину.

Как взволновался город! Это теперь мы привыкли к большим стройкам и нас трудно чем-нибудь удивить, а тогда... В башню к нам непрерывно звонили, интересуясь подробностями, предлагали помощь, спрашивали, не нужны ли нам люди, готовые работать на любых условиях, при самой маленькой зарплате. К концу дня пришел золотоискатель Суриков, старик в ковбойской широкополой шляпе, с походным мешком за плечами. Он почти всю жизнь провел в тайге, мечтая о пудовом самородке, но золото ускользало от него. Владимиру Петровичу старик часто приносил куски горных пород и требовал, чтобы их выставили в музее с надписью: «Найдено разведчиком Н. В. Суриковым».

На этот раз старик был строг и торжествен.

— Ухожу, — сказал он. — Ухожу в тайгу. И не вернусь без богатого золотишка. В том моя клятва. Золотишко же внесу в казну на постройку плотины и других вызываю на то же.

Владимир Петрович бросился к нему, долго жал руки, а потом усадил и стал говорить, что сейчас важнее искать не золото, а бокситы.

— Бокситы? — недоверчиво переспросил старик.

— Да, да, вот именно, именно... — заторопился Владимир Петрович. — Руду для получения алюминия. Вы же знаете алюминий? Кастрюли из него, ложки...

Он объяснил, что будущая станция даст невероятно много электрической энергии и с ее помощью на заводах, которые построят вблизи плотины, будут из бокситов путем электролиза получать алюминий.

Старик впервые слышал об электролизе, но важно кивал головой.

— Можно поискать и бокситы, — сказал он. — Дайте Сурикову образец — Суриков найдет.

Изыскания начались ранней весной. Сначала мы работали неподалеку от скалы Собакин бык, делая со льда промеры глубин от одного берега до другого. Возле берегов уже темнели широкие полыньи.

— Дохлый ледок, — говорил наш возчик, кивая на реку.

— Вишь, батюшка Енисей хворает: припотел, посинел. Надо было вам сюда ехать, пока лед лежал целехоньким, а теперь накупаетесь, не без того...

Первым провалился Владимир Петрович. Место, к счастью, оказалось неглубоким, течение промыло лед над песчаной косой. Владимир Петрович стоял по грудь в воде и, судорожно вцепившись в лед, вскрикивал:

— Ничего, ничего, я сам!..

Работы продолжались все лето. Чертились планы берегов, составлялись профили дна, измерялись скорости течения, испытывалась прочность береговых скал, на которые должна была опереться плотина. И чем дальше продолжались изыскания, тем раздражительнее, суетливее становился наш Владимир Петрович. В каменном русле Енисея обнаружались большие трещины; берега кое-где требовалось «пломбировать» цементом, как больной зуб, — в них были пустоты.

Самое печальное заключалось, однако, в том, что геологи не могли найти крупных залежей бокситов. Суриков пропадал в тайге до глубокой осени, но вместо образцов руды присылал письма, где все слова начинались с большой буквы. В них сообщалось, что он, Суриков, нюхом чувствует, что проклятые бокситы где-то тут, рядом. Но пока они никак не даются в руки.

В Красноярске тогда было несколько небольших заводов — и только. Им не требовалось и сотой доли той энергии, которую мог дать Енисей. Без бокситов строить гидроэ-

Буровая вышка на льду Шумихинского створа — тут будет начато строительства Красноярской ГЭС.
Январь 1956 г.

На пристани у поселка строителей Красноярской ГЭС

Енисей-строй. В центре В. П. Косованов, справа — главный инженер Рудницкий. 02.11.1932 г.
Негатив Л. Ю. Вонаго. Из фондов КККМ

Филаретов ключ у Старого скита (ныне Дивногорск)

лектростанцию не имело смысла, тем более что геологам внушали сомнения те горные породы, на которые должна была опереться плотина.

Владимир Петрович куда-то писал, доказывая, что сырье для алюминиевой промышленности в крае вот-вот найдут, что скалы на Енисее совсем не плохи, что у края очень увлекательное будущее. Но стройку отложили.

Однако в Красноярске не унимались. Время от времени отсюда отправляли обстоятельные доклады по поводу гидростроительства на Енисее. Жизнь не стояла на месте, и с каждым годом у красноярцев накапливалось все больше «за»: росла промышленность, требовавшая много электроэнергии, гидростроители научились сооружать гидроэлектростанции даже на такой опоре, как глина и песок.

Хотя о гидроэлектростанциях на Енисее почти ничего не писали, это еще не значило, что о реке забыли. Даже во время войны здесь работали отряды изыскателей. Только теперь они выбирали места уже не для одной, а для нескольких гидроэлектростанций. Правительство поручило им заблаговременно составить научный план использования всей энергии Енисея.

Тем временем в крае продолжались поиски полезных ископаемых. И они окончились куда успешнее, чем походы старика Сурикова. Когда нашлось сырье для алюминиевого комбината, оставалось только выбрать наилучшее место — и строить гидроэлектростанцию.

Гидростроители окончательно забраковали Собакин бык, который когда-то показался нам подходящей опорой для плотины. Год за годом переноса палатки и буровые станки вверх по реке, они изучали все новые и новые варианты створов — так называется то место, где плотина должна пересечь реку. В 1953 году поискам и сомнениям, казалось, пришел конец: пониже устья реки Мана был выбран очень удобный створ, где хорошо размещались все сооружения будущего гидроузла. Но нет! Геологи, пробуравив десятки дополнительных скважин, нашли слабые места в скалах и этого створа.

— Продолжайте поиски... — сказали изыскателям.

А ведь прошло уже двадцать два года с тех пор, как была пробурена первая разведочная скважина возле Красноярска!

И наконец, в 1955 году удалось выбрать створ, к которому не могли придаться самые придирчивые. Он был четырнадцатым по счету из подробно исследованных. Если же считать и те варианты, что отбрасывались после недолгих размышлений над образцами добытых из разведочной скважины пород, то это был, наверно, сто пятый или сто седьмой вариант.

Мне было очень интересно посмотреть место, окончательно выбранное гидростроителями. Ведь мы тоже могли когда-то найти его, а вот почему-то не сумели!

Катер вошел в узкий каньон, где скалы обрывались к реке еще круче, чем возле Бирюсы. Показались густо наставленные треноги буровых вышек и дебаркадер возле желтых домов новехонького поселка.

Я жадно смотрел на скалы. Да, мы были тут. Конечно же, были! Ели стерляжью уху в деревушке Шумихе, возле которой теперь облюбован окончательный створ. Но нам тогда казалось, что постройка гидроэлектростанции в этом каньоне — дело совершенно невыполнимое. Как сюда проложить дороги? По скалам нет даже конных троп. Поодаль от берега громоздятся горы одна другой выше; вон белеют их снежные вершины. Это «белогорья» Енисея, где снега не тают иной раз все лето. Значит, и с той стороны к Енисею подходов нет.

На что же рассчитывают строители плотины? Какой выход нашли они?

Катер, подхваченный течением, несясь вдоль каньона. Голые гранитные лбы берегов смотрелись в реку. Лишь редкие сосны кое-где уцепились корнями в их трещинах да малорослая зелень кустилась по распадам.

Здесь в узких боковых ущельях бьют ледяные ключи. Зачерпнешь из них воду пригоршней — ноет рука. У ключей всегда прохладно, а когда расцветает вспоенная ими черемуха, от пряного ее аромата кружится голова.

Я завидовал тем, кто поставил сегодня в черемуховых зарослях свои палатки, кто живет и строит среди этой грозно-величественной природы, закаляющей дух и тело.

Чем больше я приглядывался, тем больше знакомого находил вокруг. Вот и монах высоко над рекой. Он взирал на мирскую суету, на шумный противоположный берег, где возле окраины поселка маленький экскаватор деловито клевал ковшом землю.

Монах смотрит на Енисей уже много десятилетий. Тут был когда-то захудалый скит — монастырь отшельников. Место считалось глухим, подходящим только для молитв и размышлений о бренности всего земного. Фигуру монаха вырубили из камня отшельники, чем-то провинившиеся перед настоятелем; может быть, они самовольно отлучились в город...

От скита осталось лишь название — оно перешло теперь к поселку гидростроителей, а каменный монах исправно несет обязанности маяка для плотогонов.

Меня высадили с катера в Скиту. Это был довольно странный поселок. Скучные извращения «отвратительно прелестных» мальчиков с отбитыми начисто носами стояли подле слишком легких для сибирского климата зданий. Оказывается, тут недавно был пионерский лагерь. В этих продуваемых ветром домах первым строителям пришлось жить в конце зимы. Печи топились круглые сутки, и все же на полу замерзала вода.

Теперь вдоль берега уже стояли первые кварталы нового поселка. Этот поселок превратится в город. В нем будет пятьдесят тысяч жителей, великолепный Дворец культуры, стадион, школы.

Но пока что в поселке жилось трудновато. Не было парикмахерской, и мужчины так обросли волосами, что им могли бы позавидовать прежние обитатели скита. Клуб еще только строился — фильмы показывали либо в столовой, либо прямо под соснами.

Если бы мне не довелось раньше видеть, с чего начиналось строительство Гидростанций в Жигулях и под Сталинградом, то я бы, наверно, сильно разочаровался: позвольте, где же землесосы, где шагающие экскаваторы-гиганты, где бетонные заводы-автоматы? Вместо всего этого — какой-то поселочек.

Но я помню, что весной 1950 года там, где теперь в огромном зале Куйбышевской гидроэлектростанции работают сверхмощные гидрогенераторы, стояла деревушка Отважная, куда более жалкая, чем сегодняшний Скит. Я сидел над Волгой на склоне Могутской горы и злился, что нечего снимать фотоаппаратом: внизу чернели две осевшие набок ветряные мельницы да посреди огородов поднималось несколько буровых вышек.

На строительстве гидроэлектростанций большое тоже начинается с малого. Сначала жилье, школы, клубы, больницы. Потом гаражи, механические и лесопильные заводы, разные подсобные мастерские, карьеры для добычи камня, песка, глины. А главное — дороги, дороги и еще раз дороги.

Да, задал Енисей строителям задачку со многими неизвестными! Прокладывать ли эти дороги вдоль берегов или отойти подальше в горы? Пробивать туннели в скалах или попытаться обогнуть их, набросав вдоль берега насыпь из обломков гранита? Насыпь обошлась бы дешевле, но не снесет ли ее Енисей во время ледохода?

Изыскатели не ждали весны. Они карабкались по обледеневшим склонам, проваливались в снежную кашу наледей. Мне показали молодого техника, который, поскользнувшись, сорвался с кручи и, кувыркаясь через голову, проделал спуск, которому позавидовал бы самый лихой слаломист.

В конце концов изыскатели выбрали трассу дороги. Она пойдет по горам вдоль берега, перекидываясь мостами и виадуками через самые глубокие лога и долины речек, делая

Красноярская ГЭС. Комсомольская бригада. 27.04.1966 г. Негатив из фондов КККМ

Сборка первых стандартных домов жилого поселка строителей ГЭС. Лалетино, февраль 1956 г.
Негатив из фондов КККМ

Красноярская ГЭС. Торжественное перекрытие створа Енисея. Из фондов КККМ

зигзаги по более пологим склонам. Железнодорожники, которые приехали ее строить, говорят, что им еще никогда не попадался такой твердый орешек и что легче проложить двадцать километров пути через степь, чем один в скалах над Енисеем.

Какими жалкими показались мне наши изыскания по сравнению с тем, что делалось теперь! Мы ездили на крестьянских подводах, чертили ночами при свете тусклой лампы «летучая мышь», сами рубили просеки и вручную вертели бур. У нынешних изыскателей были свои механические мастерские, передвижные электростанции, тракторы, полевые радиостанции, автомашины, катера, автокраны, десятки моторов! Когда летней порой им понадобилось пробурить скважинами речное дно, из Красноярска пришли на помощь пароходы «Парижская Коммуна» и «Феликс». Через отверстие в днищах пропустили трубы, поставили суда на якорь, для верности еще закрепили сваями — и бурили, как ни в чем не бывало.

— У нас на каждого изыскателя приходится по тридцать-сорок лошадиных сил мощности, моторизованы не хуже, чем на крупном производстве. Рюкзачок, молоточек — это вчерашний день, это хорошо и красиво только на картинке. Теперь изыскателя надо рисовать с трактором. Да, с трактором. Мы вот бурим скважину диаметром в один метр двадцать сантиметров. Спускайся в нее и своим глазом смотри, что у скалы внутри. Ясно, что такую дырку в земле руками не сделаешь. Одного у нас пока недостает: вертолета. Очень бы он облегчил изыскания!

Это сказал мне мастер бурения, за двадцать пять лет изыскательской работы исходивший берега чуть ли не всех наших крупных рек. Я согласился с ним насчет вертолета, а про себя подумал, что какую бы технику изыскателям ни давали, их все равно будут представлять себе с рюкзаком за спиной и геологическим молотком в руках.

Ведь самым первым разведчикам неведомого нужен, прежде всего, острый глаз, хорошее инженерное чутье и никогда не угасающее желание разведывать, искать, находить. На то они и изыскатели.

Вот они окончательно выбрали створ плотины, не смущаясь тем, что тут трудно строить дороги. Да, с дорогами тяжело, но, оказывается, у этого створа есть очень важные преимущества.

Природа словно нарочно позаботилась о том, чтобы дно и берега Енисея в этом месте были сложены из самых крепчайших пород, на которые может надежно опереться колоссальная масса бетонной плотины. Ширина скалистого каньона как будто специально заказана гидростроителями: всего несколько сот метров, ровно столько, сколько нужно для того, чтобы самым лучшим образом разместить водосливную плотину и здание гидростанции.

А ведь на других реках нам приходилось строить гораздо более длинные плотины и дамбы. Водоудерживающий фронт Цимлянского гидроузла растянулся, например, через широкую пойму Дона на тринадцать с лишним километров. Мощность же Цимлянской ГЭС в двадцать раз меньше, чем Красноярской. Понятно, что на каждый киловатт мощности Красноярской ГЭС придется гораздо меньше строительных расходов, чем на гидростанциях многих других рек, в том числе и на волжских. Енисей будет давать нам много дешевой энергии, а постройка Красноярской гидроэлектростанции особенно выгодна народу, между прочим, и потому, что деньги, вложенные в это строительство, быстро вернутся в государственную казну.

В бревенчатом доме поселка мне показали проект будущей гидроэлектростанции. Он был готов лишь вчерне. Очертания некоторых гигантских сооружений только угадывались в карандашных набросках. Даже границы будущего моря еще не определились окончательно: группа видных инженеров доказывала, что плотину можно сделать выше

Пароход «Сокол» у берега скита. 1900-е годы. Открытка из фондов КККМ

Знаменский Скит. Склад фотографич. принадлежностей Б. Нови. Фрагмент фотографии из фондов КККМ

и получить большую прибавку мощности; а если плотина будет выше, то и водохранилище станет длиннее и шире.

Итак, проект еще не был закончен. И, приглашая вас теперь в короткое путешествие для обозрения будущего гидроузла, я не поручусь, что в седьмой пятилетке все в точности будет выглядеть так, как описано дальше. Впрочем, некоторые из вас, возможно, своими руками будут строить Красноярскую ГЭС и сами увидят ее рождение...

Представим, что после короткой остановки возле полузатопленных бирюсинских пещер мы на трехпалубном корабле плывем по морю к плотине.

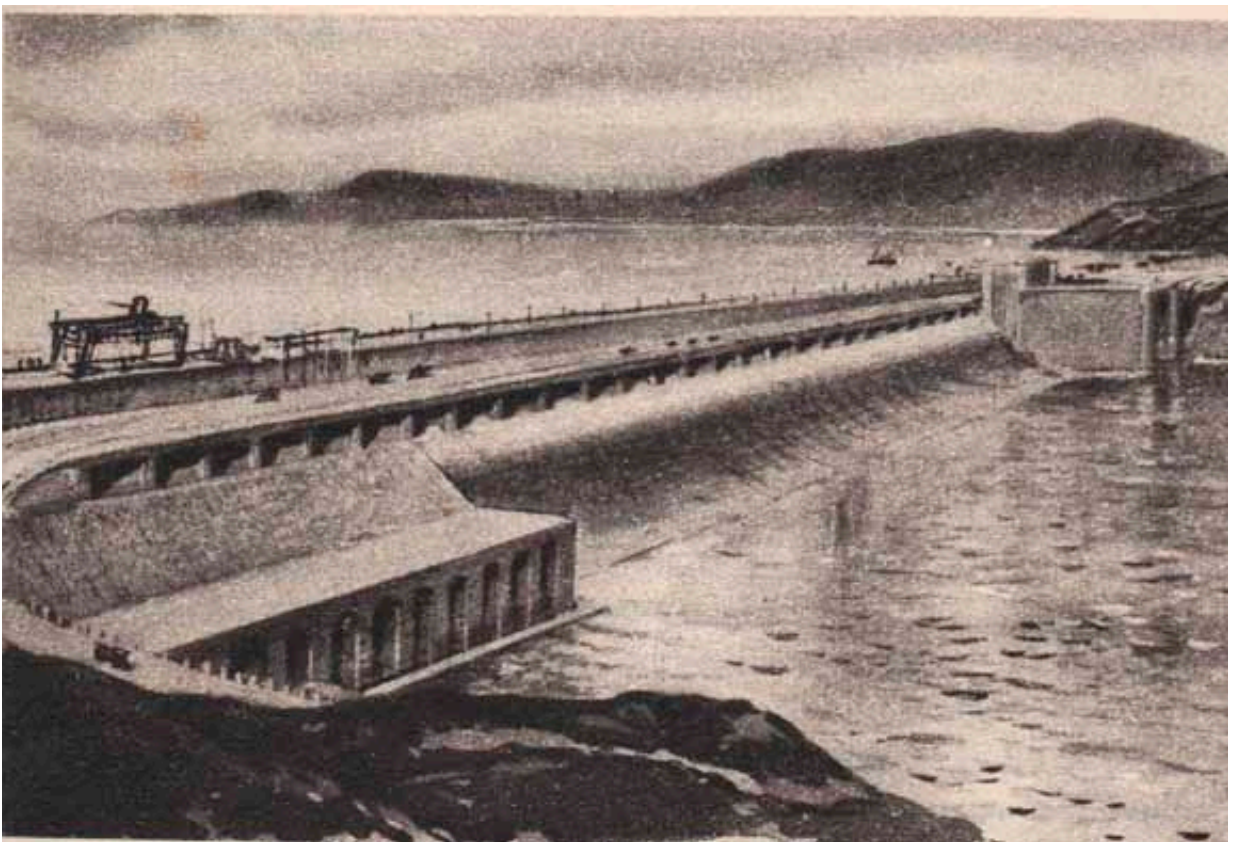
Над нами, в солнечной выси, по склонам гор, видны кварталы еще не достроенного города. Они перемежаются квадратами сохраненной тайги. Густая зелень оттеняет светлую облицовку зданий.

Со стороны моря плотина кажется невысокой. Основная ее часть скрыта стометровой толщей воды. Плотина коротка — меньше километра. Право, волжские плотины выглядят куда внушительнее и величественнее. И потом тут не видно ни здания самой гидроэлектростанции, ни привычных башен шлюзов со статуями, барельефами и колоннадами.

Наше судно замедляет ход, поворачивая к левому берегу. Там оно осторожно входит в... Как назвать это сооружение? Больше всего оно похоже, пожалуй, на огромное металлическое корыто!

Скорее на нос судна! Какой необыкновенный, какой чудесный вид открывается оттуда!

Мы висим над бездной. Корыто находится примерно на одном уровне с гребнем плотины. За краем корыта только воздух. Далеко внизу — река. Такой ее можно увидеть с набирающего высоту самолета. Белая блестящая сигара большого дизельэлектротода прочерчивает след на воде.

Здесь будет Красноярская Гидроэлектростанция. Художник К. Арцеулов

Река теряется в голубой дали. Ее берега застроены — это поселки и дачи электриков. По легким виадукам, над провалами боковых долин, медленно идет туристский поезд, и стеклянные крыши его вагонов блестят на солнце.

Но вот наше корыто чуть заметно дрогнуло. Оно начинает опускаться вместе с судном. Мы оказываемся как бы подвешенными между четырьмя угловыми башнями из железобетона. По бокам видны скользящие стальные канаты. Они-то и поддерживают корыто вместе с нашим судном — почти тринадцать тысяч тонн. Сотни этих канатов пропущены через блоки. Один конец каждого каната прикреплен к корыту, другой — к противовесам.

Мы плавно спускаемся в этом лифте. Спуск длится минуты. Если бы тут были построены обычные шлюзы, то при огромной высоте плотины нам пришлось бы преодолевать целую лестницу водных ступенек, затрачивая на это много времени.

Корыто остановилось. Нас спустили из моря в реку. Наше место в корыте лифта занимает тот дизельэлектроход, который мы только что видели сверху. Корыто медленно, плавно поднимается между башен к гребню плотины, и мы любуемся этим воздушным путешествием с кормы своего судна.

Теперь плотина видна нам, что называется, во весь рост — уходящая в небо стена бетона, сдерживающая давление невообразимых масс Красноярского моря — напор ста миллиардов кубических метров воды. В особенно бурное половодье через ее водосливную часть скатываются вниз переполняющие море излишки воды, и тогда, наверно, тем, кто видит это, приходит в голову мысль о Ниагарском водопаде.

У подножия плотины — здание гидроэлектростанции. Если бы оно стояло отдельно, мы бы поражались его размерам. Но плотина скрадывает высоту его стен.

В здании — сердце гидроузла, его машинный зал. Вода Красноярского моря, пришедшая по трубам к колесам турбин и заставившая их вращаться, снова вырывается отсюда на простор, отработав свое.

От здания гидроэлектростанции энергия великой сибирской реки, превращенная в электрическую энергию, течет по проводам высоковольтных передач в цехи самого большого в стране алюминиевого комбината. Она водит электровозы по Сибирской магистрали, заставляет работать электротракто́ры, электрические пилы, делает множество других дел, облегчая труд и быт человека.

Все это — ближайшее будущее. Когда печаталась эта книга, тысячи умнейших и знающих свое дело людей еще продолжали думать, как лучше, быстрее, дешевле построить Красноярскую гидроэлектростанцию. Перебиралось и отбрасывалось множество проектов; и даже проект судоподъемника, который я только что описал, еще оспаривался, и некоторые говорили, что лучше перевозить корабли посуху, с помощью так называемой судовозной дороги.

Но как бы ни изменился проект, главное останется неизменным: величайшая в мире гидроэлектростанция на Енисее, под Красноярском, будет!

И, покидая место, где ее начинают строить, я жалел, что уже нет в живых Владимира Петровича, одного из тех незаметных людей, которые своей любовью к родному краю, своей неистощимой энергией умеют заряжать других, заставляют их верить в мечту. Казалось, что я вот-вот увижу его порыжевшую шляпу с дождевыми потеками на ленте, расстрепанный портфель, услышу его торопливую, сбивчивую речь. Да, его место было бы тут, в толпе молодых строителей, съехавшихся со всей страны в скалистый каньон Енисея.

Речной трамвай линии ГЭС-Красноярск поравнялся с устьем впадающей справа реки Мана. Оно было перегорожено барьером из связанных цепями толстых стволов, за которым густо, плотно набились сотни тысяч бревен, сплавленных по горной реке.

На обоих берегах Маны встали лагерем строители моста. Этот мост на новой дороге должен будет пропускать потоки поездов и автомашин к строительным площадкам Крас-

Т. В. Ряннель. Строительство Красноярской ГЭС. 1962 г. Из фондов КККМ

ноярской гидроэлектростанции. На круче рабочие ставили мачту высоковольтной передачи. С двух барж выгружали белый кирпич и бумажные мешки с цементом.

Чем ближе к городу, тем мутнее становилось небо: слишком много дыма посылают в него красноярские заводские трубы. Замелькали уже в чаще бора дачи, пионерские лагеря. Ребята махали с берега платками и кричали что-то весело и звонко. Почти отрываясь от воды, постукивая днищем о гребни волн, пронесся глissер.

А сверху на нас смотрел Такмак. Трудно сказать, что он напоминает своими очертаниями. С первого взгляда, во всяком случае, ничего не напоминает — просто каменная глыба довольно мрачного вида. Осенью, когда лес в горах становится светлым, золотым, угрюмость Такмака выступает еще резче.

Такмак сидит на вершине большой горы. Крут туда подъем, и если вам захочется когда-нибудь подняться к нему, то лучше идти сначала вдоль ключа, сбегаящего с гор среди замшелого бурелома.

Этот прозрачный ключ и есть слезы матери Кизяма.

...Давным-давно в этих горах поселилась семья великанов: старый Такмак, его жена и сын Кизям. Они бежали с юга, спасаясь от кровожадных чудовищ, разоривших их страну.

На новом месте старик занялся рыбной ловлей; старуха присматривала, чтобы не погас огонь, ибо тут было куда холоднее, чем в их родной стране; сын ходил на охоту. Постепенно жизнь наладилась, старое забывалось. Однажды Кизям нашел камень, не похожий на все другие. Те были тусклыми, серыми, а этот горел пламенем.

Кизям показал находку отцу. Лучше бы он не делал этого! Старик схватил камень, спрятал его на груди, и сын видел, как руки отца тряслись от жадности, а в глазах было что-то недоброе.

Пошел Кизям к матери.

— Тот камень блестел? — спросила мать.

— Да, — сказал Кизям.

— Он был тяжел? — спросила мать.

— Да, — сказал Кизям.

— Ты нашел золото, мой сын...

Старого Такмака точно подменили. Забросив охоту, он с утра до ночи искал блестящие камни и тайком зарывал их в землю. Кизям спрашивал отца: зачем он делает это, на что ему камни? Но старик только хмурился и с подозрением смотрел на сына: уж не хочет ли Кизям похитить его золото?

Однажды Кизям поздней ночью возвращался с охоты. В чаще кричали совы, черные деревья стонали под ударами ветра. Но Кизям знал лес и ничего не боялся. Напевая, он легко перепрыгивал через поваленные стволы. Вдруг высоко над ним что-то загремело, загрохотало, и Кизям услышал злорадный крик отца:

— Ага, теперь ты не украдешь мое золото, нет, не украдешь!..

Лавина камней, которые столкнул с горы Такмак, погребла под собой юношу.

Но тут прозвучал над тайгой, над водами Енисея голос горного духа, владыки этой страны:

— Будь проклят, убийца! Отныне ты останешься навеки на этой горе, будешь сидеть над могилой, чтобы люди помнили о твоём злодействе и о темной силе золота!

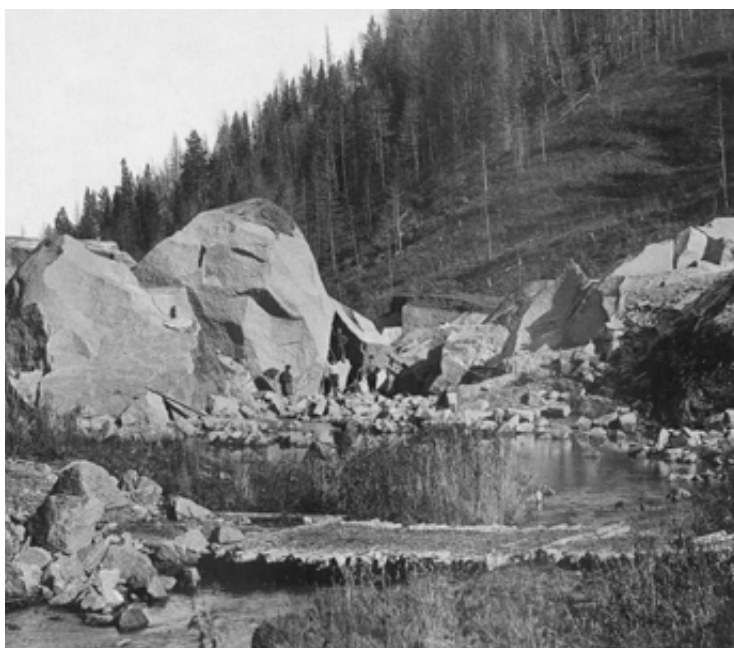
И мгновенно окаменел Такмак. Горько рыдала мать Кизяма. Светлые слезы ее, слившись в ручеек, просочились под груды камней, омыли тело сына и потекли дальше.

Так и поныне бежит этот светлый ручей по узкой долинке, отделяющей гору, на которой сидит Такмак, от другой, почти такой же высокой и тоже увенчанной скалой поменьше, которую называют Ермаком. Может, и с этой скалой связана какая-нибудь легенда или предание, но только я ее не знаю.

Трамвай трижды прогудел, предупреждая, что собирается плыть под мостом. Вода сшибалась с мостовыми устоями и в бешенстве отскакивала, выгибаясь буграми. Над головой грохотал поезд. Судя по вагонам, это спешил на восток экспресс Москва-Пекин.

За мостом был Красноярск.

Верховья великой реки остались позади.

Кизямы — останцы от гранитных скал возле Базаихи. Разобраны в основу ЖД-моста через Енисей. Фото Н. Ставровского 1906 г. Из фондов КККМ

Работник краевого общества геолого-разведки Суриков Николай Васильевич. 1933 г. Негатив Л. Ю. Вонаго. Из фондов КККМ

Левобережная предмостная площадь Красноярск. Архитектурный проект 1956 г. Из архива автора

Глава IX

КРАСНОЯРЫ — СЕРДЦЕМ ЯРЫ

Малый Качинский острог. — Воры-воеводы. — Бунт. — Детство Васи Сурикова. —
С обозом. — Великий художник. — По следам Ермака. — Из искры возгорелось пламя. —
«Красноярская республика»

Даже самые старые сибирские города очень молоды.

Среди них нет ни одного, которому перевалило бы за четыре сотни лет. Наиболее древние сибирские поселения ведут родословную от крепостей-острогов, заложённых дружинами землепроходцев. Эти горсточки казаков и примкнувших к ним обездоленных крестьян, сражаясь, голодая, терпя неслыханные лишения, прошли в начале XVII века всю Сибирь и спустили челны в воды Тихого океана. На их великом и многотрудном пути были поставлены первые избы и распаханы первые пашни.

Однажды на красноватый глинистый яр возле впадения в Енисей речки Кача пришла из недавно построенного Енисейского острога дружина Андрея Дубенского. Дубенский служил при енисейском воеводе человеком для посылок в дальние земли. Воевода велел ему выбрать место для новой крепости.

Постояв на высоком яру, с которого было видно далеко окрест, ковырнув землю (хлебобородна ли?), походив по лесу (есть ли из чего ладить стены?), Дубенский велел поворачивать обратно.

Вскоре он вернулся на облюбованное место с работными людьми и с грамотой. В ней предписывалось построить на красном яру «острог, дома и амбары, а на углах острога башни, всякими крепостями укрепить и жить с великим бережением».

О бережении — осторожности — Дубенскому пришлось подумать раньше, чем острог был готов. К еще не достроенным стенам хлынули однажды ночью татарские воины, и не ударь дозорные вовремя тревогу, только обгорелые кости на дымящемся пепелище напоминали бы к утру о Малом Качинском остроге...

Но острог выстоял, положив начало городу Красноярску.

Первые его обитатели жили в постоянном ожидании набега немирных соседей. Захлебывающийся тревожный набат часто сзывал горожан под защиту деревянных стен. Пашни, которые красноярцы пытались было засеять, вытаптывались. Казак, отъехавший подальше от острога, бесследно исчезал.

Измученные осадами, вконец разоренные, красноярцы отправили в Москву челобитную, жалуюсь в ней, что «по причине своего малого гарнизона не смеют за город появиться, и если его не умножат, чтоб лучше приказано было оставить им сие место».

Долго шла челобитная до столицы, но защитники острога все же дождались подкрепления. Привезли им также запасы панцирей, шлемов, ружей, дротиков и даже барабанов. Враждебные племена, так долго досаждавшие красноярцам, были оттеснены в дальние степи.

Но тут новая беда обрушилась на горожан: воры-воеводы. Воеводы в Красноярск назначались на год-два. Не теряя времени, они первым делом поглубже запускали лапы в городскую казну. Терпели, терпели красноярцы — и не выдержали: в городе возникла «шатость».

Началось с того, что воевода Алексей Башковский был пойман на деле позорном, неслыханном. Эта толстая свинья потихоньку продавала свинец и порох враждебным племенам, совершавшим набеги на Красноярск! Изменника выгнали вон. Для управления городскими делами избрали «думу». Но прошло немного времени, и в Красноярск явился новый воевода. Каково же было негодование красноярцев, когда они узнали, что теперь суд и расправу над ними будет творить Мирон Башковский, брат изгнанного предателя!

Новый воевода для начала пообещал «город выжечь и вырубить». Горожане молча выслушали угрозу, а глубокой ночью загудел набат. Перепуганный Башковский едва успел запереться со своими приспешниками в острожную крепость. Он несколько месяцев просидел в осаде, «убоясь от красноярцев себе смертного убийства», и наконец, тайком удрал из города.

Красноярцы вздохнули было свободно. Увы! Явился еще один воевода, Семен Дурново, который начал так свирепствовать, что некоторые жители ушли в горы, подальше от греха...

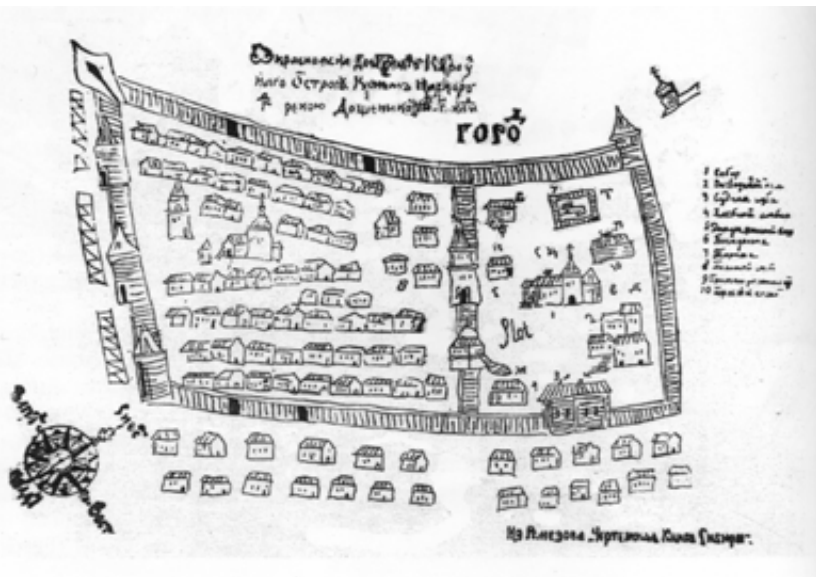
Снова зашумела городская площадь. Толпа ворвалась в воеводские покои. Дурново за волосы поволокли к Енисею, осыпая бранью и побоями. Быть бы воеводе на дне с камнем на шее, да те, кто поосторожнее, заступились за него, опасаясь расправы. Избитого палками Дурново бросили в лодку и оттолкнули ее от берега.

Сибирские власти всполошились, отправили в Красноярск «сыщиков», чтобы сыскать и примерно наказать бунтарей. Но не тут-то было! Красноярцы встретили непрошенных гостей верстах в сорока от города — встретили, как писали потом «сыщики» царю, «с невежеством, с криком, с шумом, что они нас, холопей твоих, в Красноярск не пропустят, и послушны ни в чем не будут, и в розыск себя никого не дадут».

За красноярским бунтом, который начался в 1695 году и продолжался чуть не три года, с сочувствием следили жители других сибирских городов: им тоже становилось совсем невмоготу от воеводских притеснений. Бунтовали люди в Селенгинском и Удинском острогах, гонцы пробирались оттуда в Красноярск. Больших трудов стоило властям подавить сибирскую «шатость»...

Андрей Ануфриевич Дубенской — основатель Красноярска. Скульптурный эскиз Гирича 2000 г.

Чертежная карта Семена Ульяновича Ремезова 1700 г.

Красноярск. Дома по ул. Большекачинской. 1911 г. Из фондов КККМ

Дом Суриковых в Красноярске по ул. Благовещенской (ныне ул. Ленина). 1920-е гг. Негатив из фондов КККМ

Однажды вдоль ограды старого собора, на том самом месте, откуда красноярцы оттолкнули лодку с воеводой Дурново, прогуливались двое. Много лет прошло со времен бунта, но собеседники разговаривали о событиях минувших дней так горячо и взволнованно, как будто сами были их участниками.

— Это прелесть! — говорил один из них, откидывая назад гриву стриженных в скобку, седеющих черных волос. Он был невысок, коренаст, несколько неуклюж и походил на сибирского мужика, нарядившегося в сюртук. — Вот это картина! Чудный летний день. Енисей в полном, величественном разливе. Огромная толпа взбунтовавшихся на берегу — тут и стар, и млад, и женщины — посадили свое начальство в дощаник и отпихнули его от берега. И с берега летят камни в отъезжающих, а воздух насыщен насмешками и улюлюканьем. Доктор, ведь это прелесть, красота!

Тот из собеседников, к которому относились эти слова — известный красноярский врач Владимир Михайлович Крутовский, — с увлечением воскликнул:

— Василий Иванович, вы должны написать картину о красноярском бунте! Непременно! Уж кому и писать, как не вам — Петр и Илья Суриковы, предки ваши, первыми бунтовщиками были!

Василий Иванович Суриков улыбался, кивал головой. Вот и критик Стасов в Москве ему о том же говорил. Да, нужно написать такую картину и в этот свой приезд на родину, в Красноярск, сделать хотя бы несколько набросков...

Великий русский художник родился в Красноярске в 1848 году, в невзрачном двухэтажном доме с небольшими окнами. Это были окна в странный мир. Кончалась первая половина XIX века, а жизнь в Красноярске оставалась почти такой же, какой была в XVII веке. Казалось, что-то испортилось в механизме истории, и время остановилось для города над Енисеем.

Сибиряки по-прежнему жили просто, трудно, сурово. Чтобы посеять хлеб, надо было корчевать тайгу. Чтобы не замерзнуть, нужно было самому ставить прочную избу, рубить на зиму уйму дров. Чтобы промышлять зверя, надо было не бояться встречи один на один с медведем. Чтобы добыть рыбы, нужно было не робеть в бурю, когда огромные волны гуляют по Енисею.

Из окон деревянного дома Суриковых было видно, как по уличным сугробам тянутся обозы с чаем. Ямщики шли из Китая в Москву. На тракте под Красноярском их поджидали грабители — чаерезы: в метель, в непогоду они разрезали веревки, которыми был увязан драгоценный груз. Если ямщикам удавалось поймать чаереза, его раздевали на морозе донага, привязывали к дереву и обливали водой из проруби. Так и оставался он обледевшей статуей на дорожном перекрестке.

Рассказы об этом Вася Суриков слышал от дяди, который тоже возил чай с китайской границы. Да, нравы были жестокие. На городской площади стояли эшафот и деревянная «кобыла» — на ней наказывали плетью. Дети, возвращаясь из училища, часто слышали крик: «Везут, везут!» Народ бежал на площадь за колесницей, на которой везли преступников. Были среди них такие, что выдерживали по сто ударов, ни разу не вскрикнув. Видел маленький Суриков и публичные казни — приговоренных к смерти везли на телегах, в белых рубахах, со свечами в руках.

Зимой мальчишки бегали на Енисей: там устраивались кулачные бои — совсем как во времена купца Калашникова. На масленице за городом строились снежные городки, и удалые наездники прорывались сквозь толпу их защитников, которые пускали в ход трещотки, хворостины, сбрасывали всадников с лошадей; в страшной свалке одному руку ломают, другого сомнут до полусмерти... И еще зрелище было: пожары. Деревянный город горел часто и страшно. Выгорали целые кварталы. Дымящиеся головни и золотые искры летели по ветру.

Но другая жизнь, не похожая на привычную — жестокую, темную, уже теплилась в городе. Мать Васи, приходя из собора, рассказывала: ссыльный декабрист, государев преступник Давыдов снова был на богослужении, а когда поп провозгласил здравие государю-императору, опять повернулся к алтарю спиной, накинул шинель на плечо и пошел к выходу. Ох, и смелый же, даже каторга его не сломила!

А дядя маленького Сурикова сопровождал одного декабриста на Кавказ и вернулся другим человеком, влюбленным в свободолобивые стихи Пушкина и Лермонтова...

Школьный учитель рисования Николай Васильевич Гребнев первым обратил внимание на Васю Сурикова. Скромный, бескорыстный труженик, любивший детей, зорко подмечавший в своих учениках искорки таланта, разглядел будущего художника в черноволосом крепыше-мальчугане, делавшем первые мазки на листе бумаги.

Но у родителей Сурикова не было средств, чтобы после окончания школы учить сына живописи. Его определили на службу в губернское управление. Там он в свободное время рисовал сослуживцев. Нарисовал и губернатора. Тот, случайно увидев портрет, потребовал Сурикова к себе:

— Это вы нарисовали?

— Я, — отвечал юноша.

— Зачем же вы сделали меня таким краснолицым?

— Вы такой и есть на самом деле, — ответил будущий художник.

К счастью, губернатор разбирался в искусстве. Он даже хотел устроить подписку среди местных богачей, чтобы отправить талантливого юношу учиться в Петербург, но тут Сурикову снова повезло: золотопромышленник Кузнецов взял все расходы по этой поездке на себя.

А если бы не было этих «к счастью» и «повезло»? Если бы губернатору не понравилось, что его рисует какой-то писец, да еще не хочет скрывать красноту носа «его превосходительства»? Если бы Кузнецов был скуп и невежествен, как многие сибирские богачи? От каких случайностей зависела раньше судьба талантливого человека из народа!

Сурикову шел двадцать первый год, когда он впервые покинул родной город. Как некогда Ломоносов, будущий художник отправился в столицу с обозом. Сани были гружены рыбой. Полосатые дорожные столбы тянулись от Енисея к Волге.

На шестьдесят восьмой день после выезда из Красноярска юноша робко постучал в дверь одной из петербургских гостиниц.

С Академией художеств сначала ничего не вышло. Инспектор академии Шренцер, посмотрев работы сибиряка, рассердился:

— За такие рисунки вам мимо академии надо запретить ходить!

Но Суриков не только талантлив, но и упорен, работящ. Он трудится все лето, готовясь к экзаменам. Осенью двери академии открываются перед ним.

Через четыре года, блестяще закончив курс, Суриков выходит из академии с дипломом художника первой степени. Вскоре его имя узнает весь мир.

Лучшие из первых своих картин художник послал красноярцам, и сыновью верность родным местам пронес через всю жизнь.

— В Сибири народ вольный, смелый, — говаривал он. — И край-то какой у нас! Западная Сибирь плоская, а за Енисеем уже горы начинаются: к югу тайга, а к северу холмы, глинистые, розово-красные.

И Красноярск — отсюда имя. Про нас говорят: «Краснояры — сердцем яры».

С картин Сурикова смотрят дорогие ему «ярые сердцем», сильные люди: Степан Разин, Петр Первый, Суворов, Меншиков, казаки, глаза которых горят отвагой, суворовские солдаты «чудо-богатыри», стрельцы... Кисть Сурикова правдиво живописала крупные события русской истории, и всегда народ, творивший эту историю, был главным героем его картин.

Петр Иванович Кузнецов. 1870-е гг.
Из фондов КККМ

Фотография. В. И. Суриков с матерью Прасковьей Федоровной и братом Александром незадолго до отъезда в С.-Петербург. 1867 г.

Академия художеств. Санкт-Петербург. 1900-е гг. Открытка из фондов КККМ

Первое здание вокзала в Красноярске. Из фондов ККММ

Железнодорожный вокзал в Красноярске 1900-е. Из фондов ККММ

Железнодорожный вокзал во время коронации. Из фондов ККММ

Вагон-церковь. Из фондов КККМ

Здание, где помещалась библиотека Г.В. Юдина (ныне Музей-усадьба Г.В. Юдина). 1900-е. Из фондов КККМ

Здание ДРМ (дом рабочей молодёжи) бывшая губернская мужская гимназия. Из фондов КККМ

Родным краям посвящает художник знаменитую картину «Покорение Сибири Ермаком». Он сам проходит почти весь путь Ермака, четыре лета проводит на Енисее, Оби, Иртыше, в минусинских степях, на становищах кочевников Севера, делая бесчисленное множество зарисовок с натуры. В его альбомах появляются наброски потомков тех татар, которые сражались под предводительством Кучума. Он едет на Дон, ища в донских казаках черты дружинников Ермака.

Другая картина — «Взятие снежного городка» — переносит нас в Красноярск, в годы детства художника.

«Ярые сердцем» сибиряки смотрят даже с тех картин Сурикова, где действие разворачивается далеко от Сибири. Среди стрельцов на картине «Утро стрелецкой казни» — дядя художника Степан Торгашин, сибирские казачки, старик-ссылный. В картине «Переход Суворова через Альпы» художник рисовал солдат со знакомых красноярцев, а самого Суворова — с одного казачьего офицера, тоже красноярца. Этюды для картины «Степан Разин» писались не только на Волге, но и на Енисее.

А пока великий художник обращался к прошлому, с потрясающей силой показывая на своих полотнах дела минувших дней, в родном его городе XIX век все настойчивее теснил XVII-й. Правда, в театр, где представления давались при свете сальных свечей, нужно было ездить со своими стульями, но ставили там Гоголя и Островского. Начала выходить газета «Енисейские губернские ведомости», появился музей и общественное собрание. Открылся городской сад, и местный сатирик откликнулся на это событие стихами:

Там все гуляют чинно, важно,
Все, как убитые, молчат,
И только изредка отважно,
Косясь, друг на друга глядят.

Антон Павлович Чехов нашел, что Красноярск — красивый, интеллигентный город, в котором чистые улицы, каменные дома и изящные церкви. Но, может быть, город пока-

Строительство Приенисейского музея. Каменные работы. Фото А. Я. Тугаринова

зался писателю лучше, чем он был на самом деле, после ужаснейшей дороги, на которой тарантас и его пассажир «грузли в грязи, как мухи в густом варенье»?

Чехов считал сибирский тракт самой большой и, кажется, самой безобразной дорогой во всем свете. «Тяжело ехать, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что эта безобразная, рябая полоса земли, эта черная оспа есть почти единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью», — писал он в 1890 году.

Но рядом с этой «черной оспой» прокладывалась уже колея Великого Сибирского пути. В 1895 году красноярцы услышали свисток первого пробного поезда.

Два года спустя, 4 марта 1897 года, по новой железной дороге приехал в Красноярск политический ссыльный В. И. Ульянов.

Владимир Ильич провел здесь весну, ожидая, пока пойдут пароходы в верховья. Ему удалось повидать в красноярской тюрьме Н. Е. Федосеева — организатора марксистских кружков в Казани. В одном из этих кружков юноша Ульянов участвовал девять лет назад.

Владимир Ильич писал из Красноярска: «Я провожу здесь время в двух занятиях: во-первых, в посещении библиотеки Юдина; во-вторых, в ознакомлении с городом Красноярском и его обитателями (большей частью невольными). В библиотеку хожу ежедневно...»

Юдинская библиотека была одним из лучших книгохранилищ страны, и когда какой-либо книги не находили в Москве или Петербурге, то посылали запрос в Красноярск. Собрал ее купец Юдин, тративший на книги немалые свои доходы. Юдин радушно встретил Владимира Ильича, показал ему свое сокровище и разрешил им пользоваться.

В сентябре 1898 года Ленин на несколько дней приезжал в Красноярск из Шушенского и останавливался в квартире политического ссыльного Красикова. Владимир Ильич посоветовал создать марксистский кружок среди рабочих местных железнодорожных мастерских.

Такой кружок был создан.

Когда политический ссыльный Ульянов уехал из Сибири, начатое им здесь дело не заглохло. Учителем красноярских подпольщиков стала ленинская газета «Искра». Типография, оборудованная в заброшенной баньке, выпускала прокламацию за прокламацией. Одну из них губернатор нашел приклеенной к дверям своей приемной...

Эти прокламации жадно читались в Красноярских железнодорожных мастерских, самых крупных в Сибири. В них и в депо трудились три тысячи рабочих. Это была сила, способная на большие дела. Требовался только толчок, чтобы она проявила себя в действии, в борьбе.

И как все закипело, заволновалось в тихом городке, когда в январе 1905 года дошли сюда вести о «кровавом воскресенье», о расстреле безоружной толпы в Петербурге! В цехах железнодорожных мастерских, где был сильный подпольный комитет, началась стачка. Рабочие создавали боевые дружины. На заборах по утрам белели прокламации и листовки, где каждое слово звало на открытый бой с самодержавием. Возбуждение все нарастало. Весной в лесу, за городом, состоялась маевка — многолюдная, дерзкая, мощная. В городском саду, где по вечерам гуляли купцы и чиновники, вдруг раздавалась революционная песня. Городовые и жандармы бросались в кусты, чтобы поймать «крамольников», а песня звенела уже в другом месте.

Как-то под осень власти пронюхали, что за городом идет большой митинг. На безоружную толпу с гиканьем налетели казаки и жандармы. Многие были искалечены, а рабочий Чальников убит.

Десять тысяч человек прошли за его гробом с суровыми лицами и гневно сжатыми кулаками. Полицейские в этот день боялись выходить на улицу.

Художник делал много эскизов с натуры, заставляя земляков надевать старинную казачью форму.
Художник К. Арцеулов

Вскоре в Красноярск приехал возвращавшийся из ссылки старый революционер Урицкий. Во главе красноярских рабочих стала выборная комиссия — Совет рабочих депутатов.

В декабре 1905 года бастовавшие рабочие и присланные для их усмирения солдаты созвали под сводами сборного цеха железнодорожных мастерских общий митинг и выбрали объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов.

Этот один из первых Советов в стране взял власть в свои руки. Образовалась «Красноярская республика». Начала выходить газета «Красноярский рабочий».

А в это время к городу уже двигались со всех сторон отряды карателей. Мчалась конница, лошади тащили орудия. Каратели думали, что «Красноярская республика» сдастся без боя. Но восставшие солдаты и рабочие забаррикадировались в железнодорожных мастерских. Винтовок у них было совсем мало, а две «пушки», выглядывавшие из окон модельного цеха и пугавшие карателей, были... обрезками трехдюймовой железной трубы.

Семь дней длилась осада. Силы были слишком неравны — несколько тысяч солдат против нескольких сотен восставших. В цехах исчезла вода, ночами не было света, кончились скудные запасы пищи. Жестокие морозы терзали плохо одетых рабочих: термометр показывал сорок шесть градусов ниже нуля. А тут еще пришло известие о разгроме восстания в Москве.

Штурм мастерских начался на рассвете зимнего дня. В тумане сверкали огни пулеметов. Зазвенели стекла, в цехи ворвались клубы морозного воздуха, на осажденных посыпались куски штукатурки и кирпичей. Вскрикнул, падая, молодой рабочий. Кровь обагрила холодный пол. Начался бой, долгий и упорный. Карателям удалось выбить восставших из двух цехов, но те продолжали упорно держаться в третьем.

На полу стонали раненые. Их наспех перевязывали, готовясь к последнему бою.

Когда «Красноярская республика» пала, по железной дороге прошел карательный поезд генерала Меллер-Закомельского, оставляя на станциях трупы расстрелянных.

Но боевой дух рабочих не был сломлен, и деятельность большевистского подполья не прекращалась ни на один день.

Советская власть победила в городе не сразу. Много крови в боях против интервентов и белогвардейцев пролили красноярские рабочие, прежде чем над городом навсегда поднялось красное знамя.

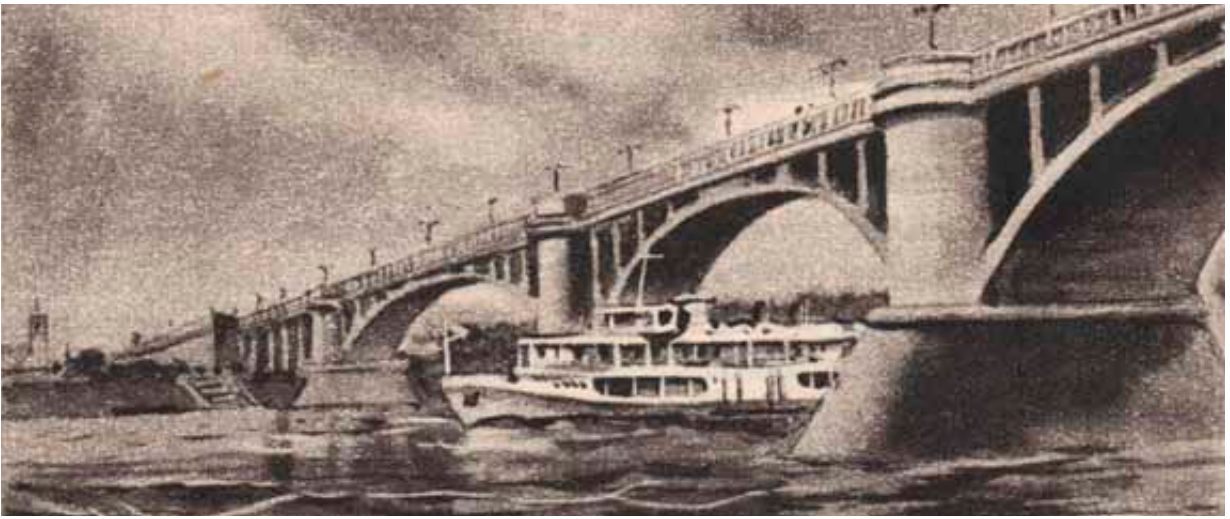

Красноярская часовня (построена в 1856 г. купцом Новиковым, отреставрирована П. И. Кузнецовым).
Фото С. М. Караульного. 17.04.1974 г.

Глава X

БОЛЬШОЙ КРАСНОЯРСК

Манское побоище. — Каждому третьему — пуля. — Наши пришли! — Судьба Юдинской библиотеки. — Столб на каторжном пути. — Второй Красноярск.— Переселение заводов. — Еще один Красноярск

Мальчишеская цепкая память сберегла события тех дней, когда Сибирь боролась против кровавого адмирала Колчака и интервентов.

В какие только мундиры они ни рядились, эти непрощенные гости! Английские и американские френчи, голубые плащи французов, хаки японцев... Особенно запомнились зеленые крылатки итальянцев — может быть, потому, что итальянские солдаты маршировали по улицам Красноярска за осликом, который вез огромный барабан. Барабанщик лупил палками то по барабану, то по ослу.

Однажды улицы опустели: генерал Камусини (или как-то в этом роде, не поручусь за точность фамилии) объявил, что он в ближайшие дни перевешивает всех большевиков в окрестностях города. Для этого его доблестные войска предпринимают карательную экспедицию.

Партизаны напали на карателей в узком ущелье реки Мана. Таежные охотники стреляли сверху, со скал — на выбор. Из полутора тысяч интервентов уцелели несколько человек. Ослика в поход не брали. Голодный, он надсадно ревел на дворе возле опустевших казарм, пока пьяный казачий офицер не зарубил его шашкой.

Взрослые передавали друг другу слухи о расстрелах заложников в тюрьме. Называли фамилии расстрелянных большевиков: Яковлев, Вейнбаум, Парадовский, Белопольский... Говорили, что колчаковский генерал Розанов распорядился в ответ на каждое выступление партизан убивать от трех до десяти заключенных.

Розанов ездил по городу в пролетке, за ней и сбоку скакали казаки. Завидев розановскую пролетку, мальчишки улепетывали с улицы кто куда.

Однажды летней ночью всех разбудили выстрелы. Сквозь закрытые ставни был слышен стук подков промчавшейся конницы. Огня в комнате не зажигали, в щелях ставен краснело зарево далекого пожара. Потом часто-часто застучали пулеметы.

Днем в городе узнали, что против Колчака восстали два полка и что восстание подавлено. Уцелевших повстанцев выстроили в поле возле военного городка. Каждого третьего расстреливали на месте. Расстреляли семьсот солдат.

Помню морозный вечер в январе 1920 года, когда люди бежали по улицам с криком:
— Наши! Наши идут!

В город вступили красные. У всадников алели широкие ленты на папах.

На другой день нас, мальчишек, катали в кошевых и на розвальнях по главной улице, а потом наделяли глыбами синеватого крепкого сахара, отколотого от больших сахарных голов. Веселый бородач раздал нам георгиевские кресты — колчаковцы при отступлении бросили их целый сундук. Мы нацепили эти кресты на красные ленты, прикололи

к шубейкам и страшно гордились. Но кресты были серебряными, и бережливые матери мигом разжаловали всех «георгиевских кавалеров», спрятав ордена в укромные места.

Голод, бред сыпнотифозных больных чуть не в каждом доме, трупы павших лошадей на улицах, кожаные куртки комиссаров, серая бумага расклеенных на заборах декретов... Лучина, смолистая, чадная: электростанция не работает, свечей и керосину нет и в помине...

К осени лампочки стали загораться слабым светом. Светились часа два и начинали меркнуть, меркнуть... Мы с сестрой затыгивали:

— Фрумкин уми-ра-а-ет! Фрумкин уми-ра-а-ет!

Кто такой Фрумкин, мы точно не знали. Знали только из разговоров взрослых, что от него зависит свет. Наверно, он был главным на электростанции.

Потом Фрумкин перестал умирать. На детской площадке во дворе закрытой церкви ребят бесплатно подкармливали жидким супом из манной крупы и мерзлой картошки. Жизнь налаживалась.

Мы бегали в ДРМ — Дворец рабочей молодежи, где каждый вечер разыгрывались спектакли о героях гражданской войны. На сцене поминутно стреляли, и от порохового дыма першило в горле.

В пионерском отряде пели:

Пионер, будь готов

Бить буржуев, кулаков!

Так и отшумело трудное наше детство, детство драчливых красноярских мальчишек и таких же девчонок...

Почти в каждом советском городе есть улица имени Ленина.

В Красноярске тоже есть такая улица. Но в нашем городе к ее названию относишься по-особенному: по этой улице не раз ходил Ленин.

О том, что Владимир Ильич бывал в городе, напоминают мемориальные доски. Они прибиты на вокзале, на домах, где останавливался Владимир Ильич, на пристани, откуда пароход «Святой Николай» направился на юг, к Шушенскому. В доме, где в Юдинской библиотеке занимался Владимир Ильич, теперь музей.

Но книг этой библиотеки в Красноярске нет.

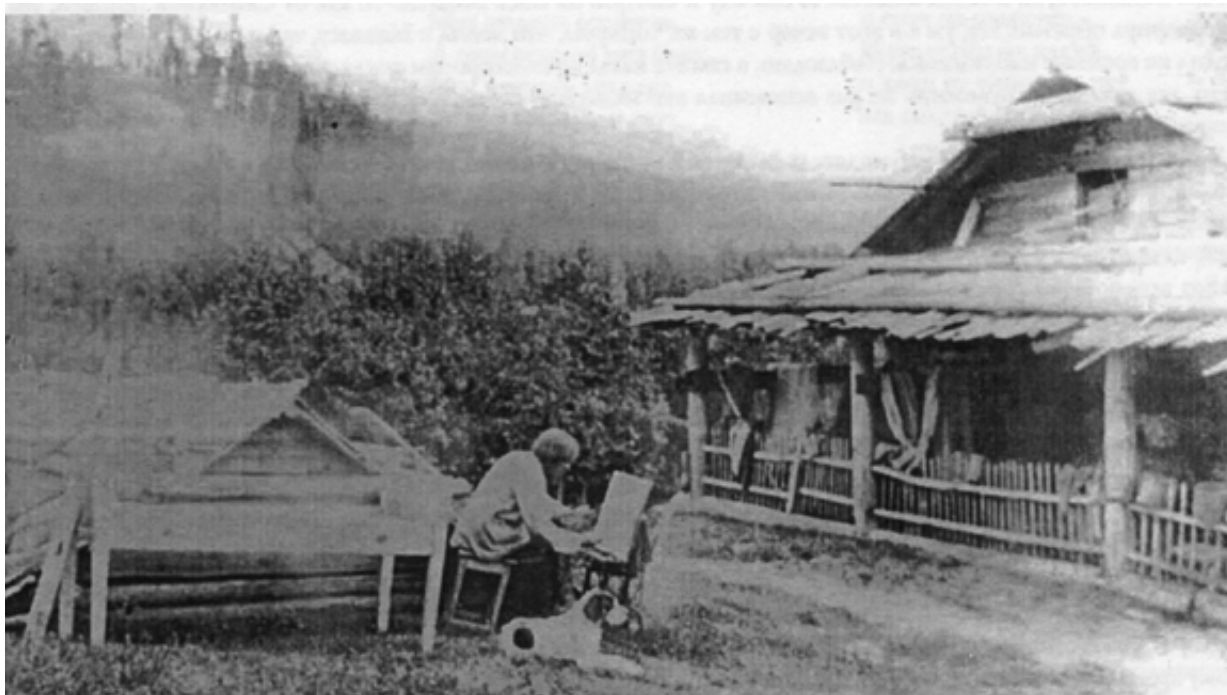
Когда Юдин стал стареть и дела его пошатнулись, мысль о продаже собранных сокровищ все чаще приходила ему в голову. Он стал писать в Москву, Петербург. Но у публичных библиотек не было денег. Говорят, Юдин после этого написал царю, что согласен продать книги гораздо дешевле, чем они ему обошлись, и назвал незначительную сумму. Николай II на письме Юдина собственноручно начертать изволил: «Дороговато!»

Тогда взбешенный купец и уступил настойчивым притязаниям американской библиотеки конгресса в Вашингтоне.

Американцы не скупились, они предлагали вчетверо больше, чем просил Юдин у царя. Они считали, что редчайшие рукописи о полезных ископаемых Сибири, подробные описания ее дорог, рек и морей всегда пригодятся...

В Красноярск примчался некий мистер Бабин и спешно погрузил в вагоны восемьдесят тысяч книг и рукописей. Американский посол тем временем добивался от русского правительства разрешения на то, чтобы поезд с библиотекой проследовал через всю страну как можно скорее, без задержек. И посол, и Бабин боялись, что царь вдруг спохватится, передумает, велит вернуть книги...

Нет, не спохватился, не передумал, не вернул! Пятсот огромных ящиков с книгами были перевезены через границу. А вскоре директор библиотеки конгресса писал с ликованием: «Наиболее важное наше приобретение — у господина Юдина — юридически числится как покупка. Но я лично предпочитаю считать его как дар». Еще бы! Директор знал настоящую цену сокровищу Юдина.

Д. И. Каратанов в Выезжем логу на Мане. Фото из архива А. Л. Яворского

Они громили Колчака. Фото из архива М. Н. Добровольского

Вывоз библиотеки Г. В. Юдина. Январь-февраль 1907 г. Из фондов ККМ

Вывоз библиотеки Г. В. Юдина. 1907 г. Из фондов ККМ

...Мемориальные доски, памятники. Обелиски на могилах расстрелянных, замученных, погибших за дело партии. Славное боевое прошлое, Следы героической истории сибирского города, которые не затеряются никогда, как бы он ни вырос, как бы ни переменялся.

А меняется Красноярск быстро. Он не кажется сейчас тихим городом даже приезжему из столицы. Правда, тут нет высотных зданий, и движение на главной улице не такое, чтобы, перебегая ее в неуказанном месте, каждую секунду опасаться за жизнь.

Но все же это большой, шумный город. Ему уже давно тесно в прежней, левобережной котловине. Его кварталы поднялись на окрестные горы, к старой белой часовенке, куда раньше ходили в загородные экскурсии.

А правый-то берег!

Вот уж где видно, что Красноярск — город индустриальный, что красота его — особенная, мужественная, несколько даже суровая.

Он не франтоват. Мало лепных украшений на фасадах его домов, фонтаны не бьют на перекрестках его улиц. Вовсе нет в нем той красоты, которая сначала даже восхищает вас в каком-нибудь южном курортном городке, а потом приедается.

Некоторые улицы в заречной части Красноярска не достроены. Серые от пыли тополя мало скрашивают их. Но за кирпичными, еще не оштукатуренными домами видны такие цехи-гиганты, в каждый из которых можно запрятать если не половину, то уж, во всяком случае, четверть иного южного городка-красавца...

Мне памятно, как весной 1932 года наш небольшой изыскательский отряд перебрался на пароме через Енисей (пontonного моста тогда не было). Нам поручили топографическую съемку того места, где правительство решило строить большой машиностроительный завод.

Мы везли с собой палатки и запас хлеба; в степи за рекой не было жилья, а до ближайшей сельской лавки надо было ездить на лошади.

Подводы пылили по старому Сибирскому каторжному тракту. Изредка попадалась навстречу крестьянская телега. Суслики перебегали дорогу.

Место, где мы должны были работать, оказалось совсем пустынным. Только в стороне, возле берега Енисея, сиротливо белело двухэтажное зданье канифольно-скипидарного завода.

— Гигант индустрии... Эх! — кивнул в его сторону мой спутник, топограф, которого прозвали «Вася — не ушибись о работу».

Его отец раньше был владельцем ювелирного магазина, и Вася не очень любил советскую власть. Вечером он напился и нудно ворчал:

— Вот, загнали в степь. Все зря! Да! Ни черта тут не будет. Завод, завод! Пошумят и бросят. А ты тут торчи все лето. Нет, ей-богу, поступлю лучше в дворники. Уйду...

Но он никуда не ушел и долго отравлял нам жизнь.

Работы у нас затянулись до зимы. В степи мели бураны. Топографы ходили с помороженными черными щеками, с пальцев слезала кожа. Было плохо с едой, хлеб выдавали по карточкам; привозили его из города, и приходилось долго отогревать мерзлые буханки, такие тяжелые, будто их слепили из глины.

К весне мы закончили изыскания, а летом на пыльной дороге, где при царе от этапа к этапу брели арестанты, был поставлен первый столб с надписью: «23 июня 1933 года здесь пересечен тракт Великий Сибирский каторжный путь».

Установив голб, строители принялись рыть котлован для главного корпуса завода.

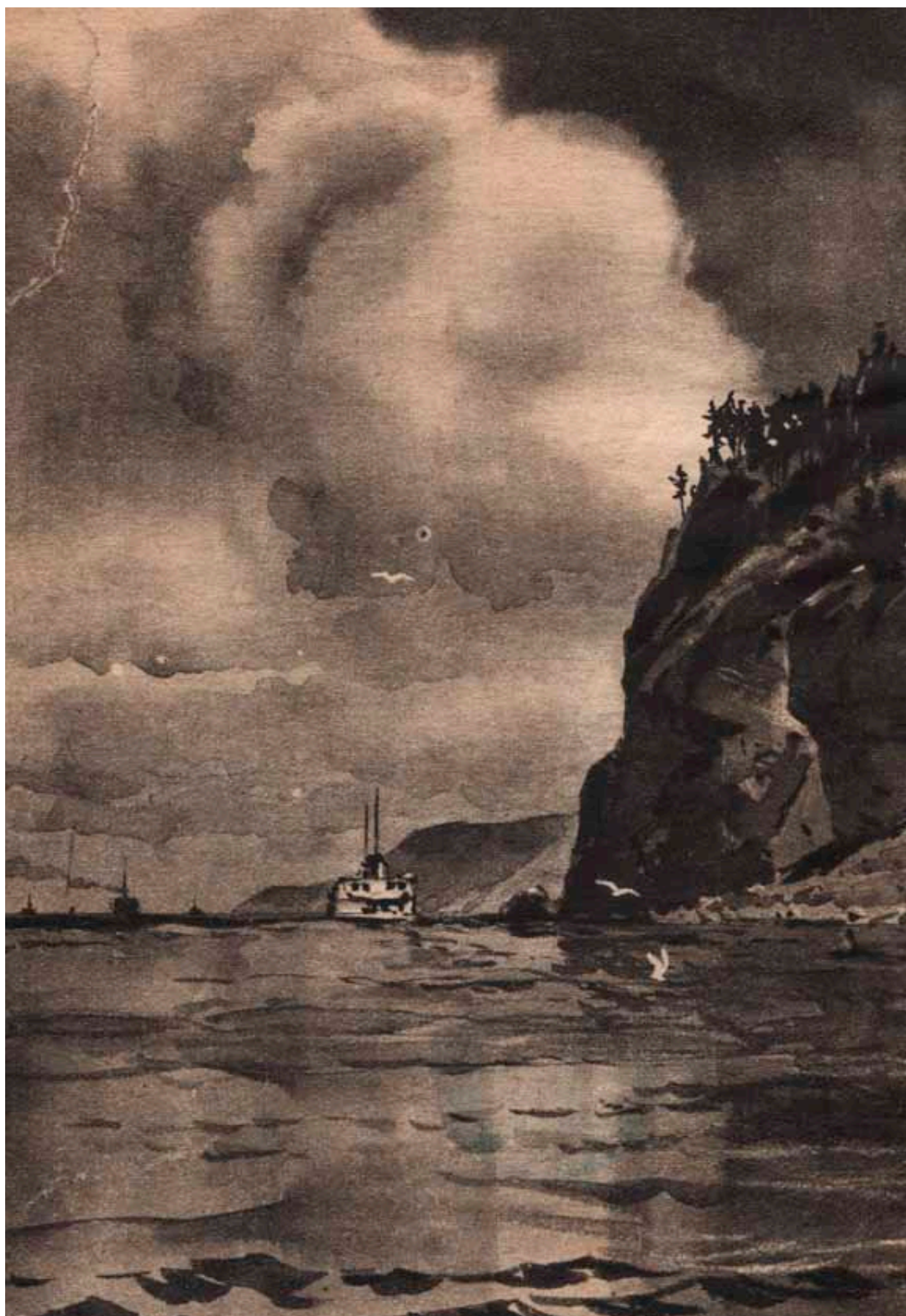
Разумеется, новая история Красноярска началась не с этого дня, а гораздо раньше. Но день, когда на старой каторжной дороге появился памятный столб, все же был очень важным в жизни города. С той поры и пошло на правобережье строительство, которое к старому Красноярску прибавило второй, новый.

Красноярск проспект Сталина, Лесотехнический институт. Из фондов КККМ

Закладка первого производственного цеха завода Красмаш 1932 г. Фото из архива М. Н. Добровольского

Картина из первого издания книги. Художник К. Арцеулов

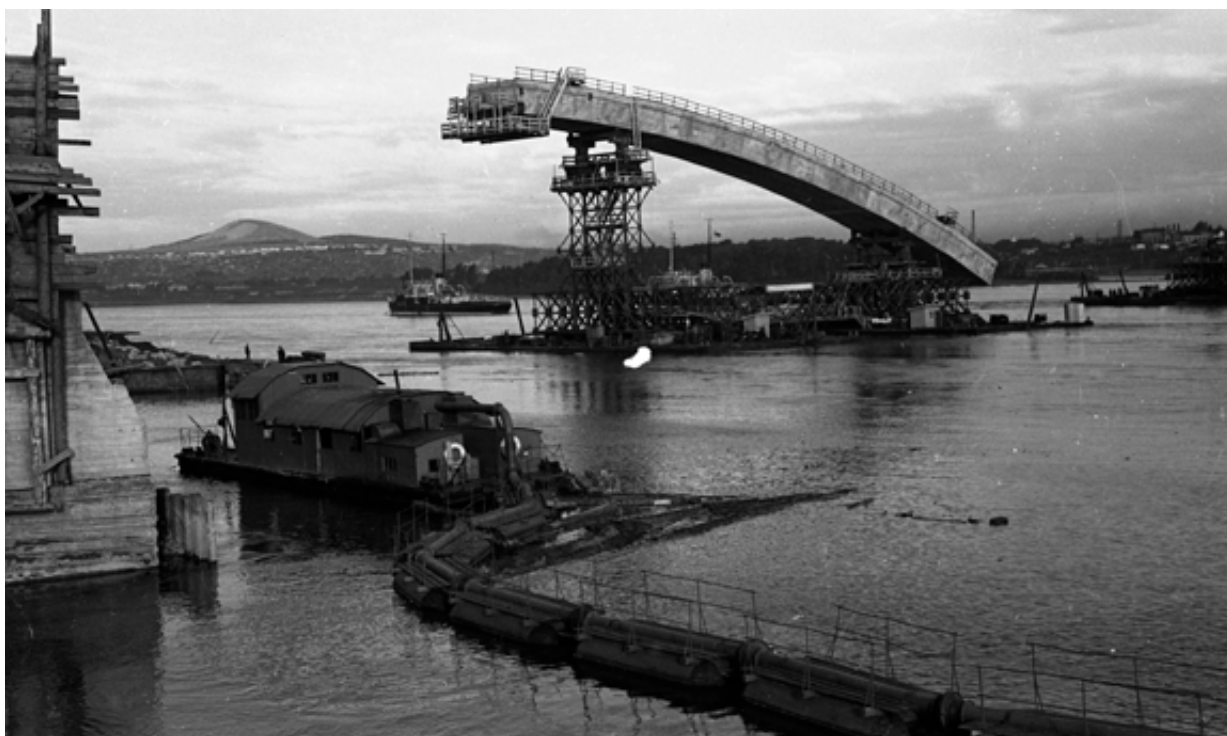
Железнодорожный вокзал 1963 г. Из фондов КККМ

Посадка пассажиров на Лихтера у пристани № 2. Фото из архива А. Л. Яворского. 1930 г.

В этом здании на ул. К. Маркса в годы войны размещался эвакуированный из Ленинграда институт Арктики

Вывод первого полусвода Коммунального моста через Енисей. 27 августа 1959 г. Негатив С. Сарояна. Из фондов КККМ

Два года спустя огромные цехи окончательно перегородили тракт. Экскаваторы копали землю под фундаменты других заводов; строился второй железнодорожный мост через Енисей; маляры качались в своих «люльках» у стен первых домов правобережных рабочих поселков; за рекой пахло варившимся в котлах асфальтом и свежими красками, а это очень хорошие запахи!

Митинг, посвященный открытию Коммунального моста. Октябрь 1961 г. Негатив из фондов КККМ

Война. Ушли на запад сибирские дивизии. Навстречу им двигались составы, где под брезентом стояли на платформах станки переезжавших в далекий тыл заводов, а в тесно набитых теплушках ехали вместе с семьями рабочие.

На правом берегу Енисея большой машиностроительный завод выгрузился поздней осенью. Станки ставили прямо в степи. По утрам они покрывались инеем. До холодов едва успели выкопать землянки. Цехи строили уже в лютые морозы. Над кирпичными стенами еще не было крыш, кровельщики только готовили стропила, но станки уже стояли, и люди на ледяных сквозняках грелись работой.

Рядом оседали другие заводы. Рабочие жили в палатках на морозе, плохо питались, почти не знали отдыха. Но с каждым днем все больше поездов с пушками, танками, снарядами уходило со станции Красноярск на запад, к фронту.

Когда солдаты-сибиряки возвратились по домам, красноярец мог сказать другу-фронтовику:

— Паровоз, который вел твой поезд, сделан в Красноярске. Кирпичи твоего дома скреплены цементом, изготовленным на нашем новом заводе. Становись к новому станку, который сделан у нас, или берись за штурвал самоходного комбайна — мы научились делать и эти машины. Наши заводы дают сейчас гораздо больше, чем давали до войны. Посмотри, сколько их теперь на правом берегу. Взгляни, как вырос твой город...

Он сильно рос, этот сибирский город, и в послевоенные годы. Но все же он пока одет в будничную, местами залатанную одежду: вы еще споткнетесь в костоломной рытвине, оставшейся рядом с безупречным асфальтом, увидите кривобокую времянку подле многоэтажного нового дома.

Но потерпите совсем немного! Дошла очередь и до праздничных нарядов. Кое-что скроено, кое-что примерено, многое дошивается. Шестая пятилетка щедра к сибирякам. Красноярцы очень хорошо это чувствуют.

Им давно хотелось связать оба Красноярска, правобережный и левобережный, постоянным мостом: понтонный ненадежен — в ледоход и ледостав его снимают.

Теперь мост строится. И еще какой! Крупнейший в стране, под стать Енисею.

Красноярцы мечтали о трамвае — и вот уже заложено первое трамвайное депо. Троллейбус? Проектируется. Телевизионный центр? Строится. Железнодорожный вокзал стал

слишком тесен? Но посмотрите, уже поднимаются рядом стены нового, который задуман таким же красивым и с таким же запасом на рост города, как недавно построенные красноярский речной и воздушный вокзалы.

Но главное — жилье. За шестую пятилетку в Красноярске собираются построить без малого еще один Красноярск, третий по счету. За пять лет — почти столько же, сколько за последние двести!

Понятно, что у красноярцев отличное настроение. Они строят теперь Большой Красноярск — город привлекательный, красивый, удобный для жизни.

«Я согласился бы жить в Красноярске, — писал сестре с дороги на Сахалин Антон Павлович Чехов. — ...А когда перед вечером, уезжая из города, я переплывал Енисей, то видел на другом берегу совсем уже Кавказские горы, такие же дымчатые, мечтательные... Енисей широкая, быстрая, гибкая река; красавец, лучше Волги».

Дымчатые мечтательные горы и сегодня видны с любой красноярской улицы. Словно потухший вулкан, дремлет у края неба купол Черной сопки, и зелень тайги еще резче оттеняет глыбы скал в хребтах за Енисеем.

Красноярск романтичен, как романтичен и весь его край, в котором найдешь и жаркую степь, и ледяную тундру, — край, где сажают виноград и охотятся на белых медведей, где разгадали тайну Тунгусского метеорита и готовятся строить плотину величайшей гидроэлектростанции мира.

Есть в облике города что-то молодое, сильное, по-хорошему беспокойное. Может, это ощущение возникает потому, что город — весь в стройке; но, скорее, потому, что в его уличной толпе много людей в походной одежде, у которых через плечо ремни полевых сумок, а в глазах — задор искателей. Они в городе — на перепутье: их уже ждут речные теплоходы, уходящие к Северному Ледовитому океану; самолеты, что через снежные Саяны летят в Туву; колонны автомашин, которым предстоит буксовать на таежных дорогах.

Пора и нам дальше в путь.

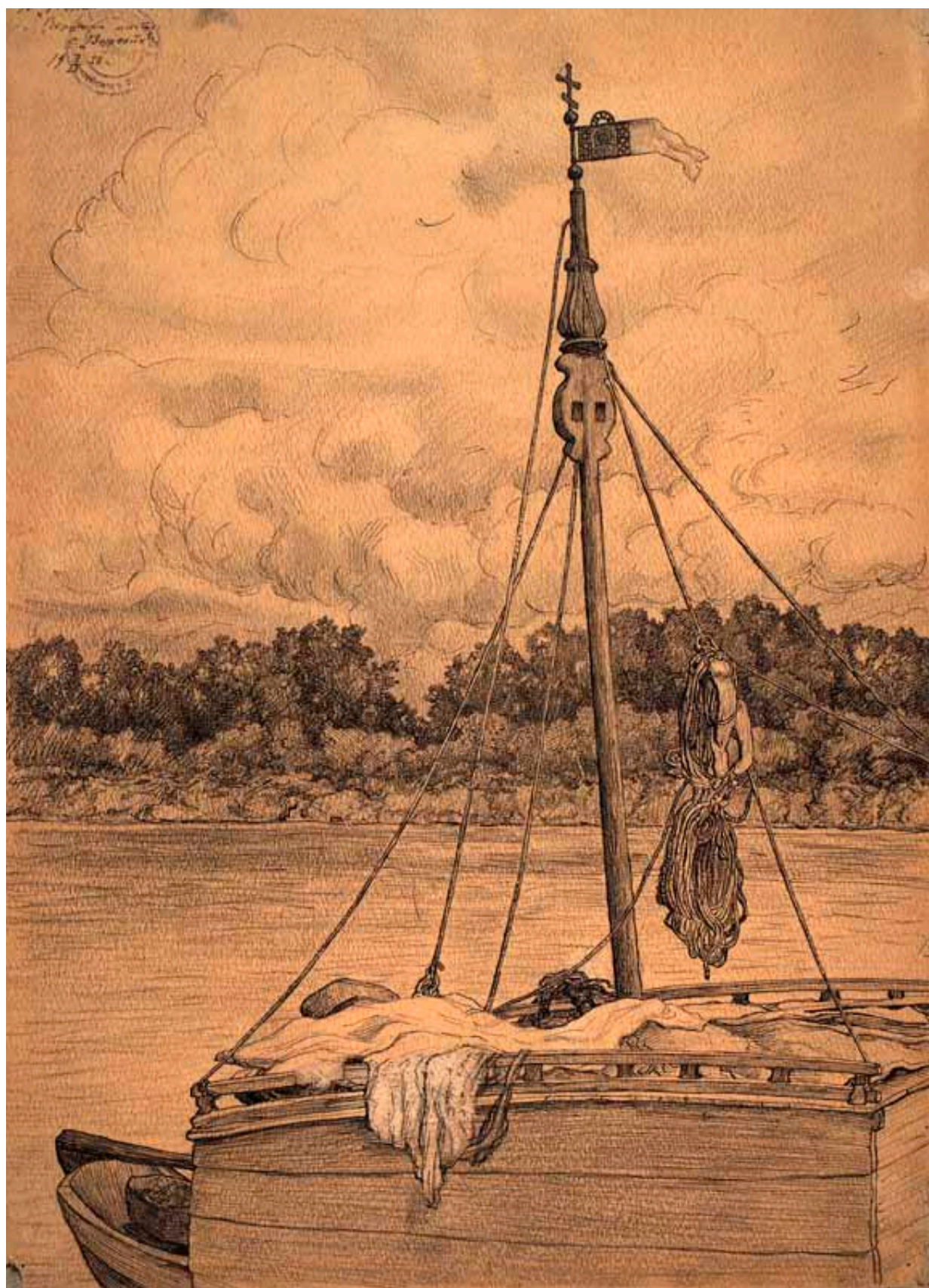
Красноярский трамвай — самый экологичный вид транспорта. Фото — апрель 1958 года. Из фондов КККМ

Первый трамвай который прошел по новому Коммунальному мосту через Енисей. 17.10.1961 г.
Негатив Тигачева. Из фондов КККМ

Первый трамвай. 17.10.1961 г. Негатив Тигачева. Из фондов КККМ

Каратанов Д. И. Этнографическая зарисовка русская торговая илимка. 1907 г. Бумага, акварель

Глава XI

АНГАРА, ДОЧЬ БАЙКАЛА

Сначала о тайге. — «Барыня». — Прочность, долговечность... — Судно-бурлак. —
Как чайки помогли Ангаре. — Илимка. — Путь Игната Думскова. — Семьдесят
миллиардов киловатт-часов. — Двое в тайге

День погас. Белая северная ночь спустилась с неба, и полосы холодного, безжизненного света легли между деревьями. Среди полной тишины лишь коротко стучали о корни копыта наших лошадей.

Утомленный продолжительной ездой и однообразием окружающей природы, я почти дремал в седле. Поэтому вздрогнул от неожиданности, когда что-то громко охнуло вдали, побежало по верхушкам деревьев, затрепетало над моей головой и понеслось все дальше и дальше, пока глухим ропотом не отозвался какой-то дальний угол. Все громче неслись звуки по тайге — словно настраивался огромный оркестр; только около меня по-прежнему молчаливо и грозно стояли деревья. Но вот с тяжелым стоном зашатался огромный, целой головой возвышающийся над тайгой кедр. Налетела буря и покрыла отдельные звуки — тайга завывала. Я испытал поистине чувство страха. Вы слышите, как гневно и мрачно шумят близ вас стоящие деревья, но скоро забываете их: оттуда, из глубины тайги, как из громадной пасти чудовища, подымается глухой непрерывный шум — это тайга воет. И день, и ночь ехал я, и тайга все выла своим страшным, угрожающим ревом, все ревел расхопившийся, растревоженный зверь».

Жутко, правда? Сибирская тайга представляется автору этого описания, уже знакомому нам писателю Елпатьевскому, грозной и вместе с тем отталкивающей. Но не показалась ли ему тайга такой потому, что и вся Сибирь была для него, ссыльного, огромной тюрьмой? В неволе ведь ничто не мило.

Когда читаешь описание сибирской тайги в некоторых книгах или слушаешь рассказы людей, побывавших проездом в таежных краях, то иной раз кажется, что тайгой хотят не то напугать, не то удивить: и суровая-то она, и мрачная, и вечным полумраком окутанная...

Да, вершины деревьев задерживают в тайге солнечные лучи. Но, во-первых, до полумрака тут еще очень далеко, а во-вторых, это бывает и в любом густом саду.

И совсем не так уж мрачна тайга. Когда бредешь в хмурый, ненастный денек меж высоких темных елей, с которых свисают бледно-зеленые космы мхов, то на душе действительно становится как-то холодно, сиротливо, и хочется поскорее выбраться на полянку или хотя бы развести костер, чтобы веселое пламя с треском побежало по валежнику. Но ведь не всегда в тайге ненастье, и растут в ней не одни лишь угрюмые ели.

Зелень стройной лиственницы светла и нарядна. Прекрасны таежные боры, где все напоено запахом сосны, где на мягкой подстилке осыпавшейся хвои, среди глянцевиных листочков, рдеют рубины брусники!

А тайга весной! У ручьев цветет черемуха, распускаются клейкие листья смородины, до того пахучие, что если растереть почку на ладони, то она долго-долго будет пахнуть

Кемчугская тайга. Избушка лесорубов. 1900-е гг. Фото Л. Ю. Вонаго. Из фондов КККМ

лесом. Глядишь, на полянках уже высыпали цветы — оранжевые «огоньки», лютики, незабудки, малиновые, с белыми крапинками «кукушкины сапожки» и бледно-желтые метелочки, над которыми жужжат осы.

Густые травы, лапчатые папоротники спешат вырасти как можно быстрее и выше, чтобы прикрыть вывороченные бурей стволы, хрусткий валежник, полусгнившие колоды и прочий лесной хлам, который в тайге никто и никогда не убирает. В ветвях на разные голоса поют птицы. Далеко слышна неторопливая переключка кукушек, от которой почему-то всегда немного грустно.

Когда впервые попадаешь в тайгу, то кажется, что какой-то великан перемешал, сдвинул в одно место березовые рощи, сосновые боры, осинники, заросли кустарников. Сделал он это грубо, нимало не беспокоясь, что деревьям стало тесно, что некоторые из них вырваны с корнями, а другие переплелись самым причудливым образом, что землю загромождали обломки стволов и груды ветвей...

«Скоро после Енисея начинается знаменитая тайга. О ней много говорили и писали, а потому от нее ждешь не того, что она может дать. Вначале как будто немного разочаровываешься. По обе стороны дороги непрерывно тянутся обыкновенные леса из сосны, лиственницы, ели и березы. Нет ни деревьев в пять обхватов, ни верхушек, при взгляде на которые кружится голова; деревья нисколько не крупнее тех, которые растут в московских Сокольниках. Говорили мне, что тайга беззвучна и растительность ее не имеет запаха. Я ожидал этого, но все время, пока я ехал по тайге, заливались птицы, жужжали насекомые...

Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелетные птицы знают, где она кончается. В первые сутки не обращаешь на нее внимания; во вторые и в третьи удивляешься, а в четвертые и пятые переживаешь такое настроение, как будто никогда не выберешься из этого земного чудовища. Взберешься на высокий холм, покрытый лесом, глянешь вперед на восток, по направле-

Пароход «Дедушка» на Енисее. 1900-е. Негатив Л. Ю. Вонаго. Из фондов КККМ

Красноярск Речной вокзал, строительство. 1951 г. Из фондов КККМ

Речной вокзал. Июль 1952 г. Фото С. Малобицкого. Из фондов КККМ

нию дороги, и видишь внизу лес, дальше холм, кудрявый от леса, за ним другой холм, такой же кудрявый, а за ним третий, и так без конца; через сутки опять взглянешь с холма вперед — и опять та же картина...»

Только Чехов мог написать так просто и так верно.

Тайга вовсе не показалась ему такой мрачной и страшной, как ссыльному Елпатьевскому. Чехов упоминает, что о тайге «много говорили и писали», но он не повторяет чужих, не очень-то верных рассказов. Побывав в тайге, он увидел ее такой, какая она есть на самом деле, — и похожей, и не похожей на обыкновенный лес.

Раньше тайга пугала человека не только валежником и буреломом, преграждающими дорогу пешему и конному, не только зверями, которые чаще избегают встречи с человеком, чем нападают на него, даже не знаменитым таежным «гнусом» — комарами, мошками, слепнями, оводами и прочей жалящей и кусающей дрянью. Она страшила именно своей необъятностью, бескрайностью.

Через тайгу, судьбу проклиная, бродяга «тащился с сумой на плечах». Шел он, голодный и бездомный, день, два, неделю — и все обступали его деревья, все так же безучастно шелестел колеблемый ветром таежный океан.

Приходил в сибирскую тайгу переселенец, выгнанный нуждой из обжитых, милых сердцу украинских степей, и в смятении останавливался перед зеленой стеной, которую надо было выжигать, вырубать, выкорчевывать в одиночку, чуть не голыми руками. Не до цветов, не до птиц было этим людям, и горькие проклятья посылали они тайге...

В годы моего детства тайга подступала к самому Красноярску. Ягодницы, торговавшие на базаре душистой лесной малиной, не хотели сбавлять цены, говоря, что за ягоды эти натерпелись они великого страха от медведей.

— Где нынче малину брали? — спрашивали любопытные.

— А вон в том логу, — отвечала повязанная белым платком молодайка, показывая на горы за Енисеем. — Высокую-то сосну примечаете? Так в аккурат маленько правее леший его и вынес. Матерущий такой. Ка-а-ак рывкнет!.. Берите, гражданочка, малину — ягодка к ягодке...

Отправившись побродить по окрестностям до отъезда в низовья реки, я случайно оказался поблизости от той приметной сосны. Накрапывал дождь, и прозрачные его слезинки дрожали на лапах молодых елок. Вдруг рядом залаяла собака, послышались голоса, лес поредел, и я очутился перед каменоломней. Где же ключ, который бил тут из-под скалы? И малинника нет — вытоптан. На дороге, спускающейся под гору, чернела после дождя жирная грязь.

Мне стало жаль укромного таежного уголка, куда мы в детстве забирались, вздрагивая при каждом треске: не косилапый ли?

Я разговорился с рабочими, дробившими куски серого камня.

— Для цементного завода сырье разведываем, — гордо сказал парень, играя тяжелым ломом в крепких руках. — Известняк первый сорт!

Тайга отступает перед человеком. Он валит деревья, чтобы расчистить место для железной дороги, аэродрома, пионерского лагеря, для столбов телеграфной линии, для пасеки, для фруктового сада. Он валит лес, чтобы строить дом, копать руду, добывать камень.

Мы смотрим теперь на тайгу хозяйскими глазами и вмешиваемся в ее жизнь. Мы не позволяем своевольничать старому врагу тайги — огню. Тайга — народное добро, и отряды лесной авиации патрулируют над ней, стерегут ее, высматривая, не покажется ли где дымок начинающегося пожара.

Далеко в глубь тайги вклинились лесные промышленные хозяйства с тракторами, механическими пилами, радиостанциями, светом электрических ламп. Лесоводы смотрят

за тем, чтобы не оскудевали лесные богатства, чтобы на месте порубок тянулась к солнцу новая поросль.

Велика сибирская тайга. Много в ней еще углов, где не ступала нога человека. Но мы все основательнее обживаем ее. Все меньше тайн хранят ее непролазные чащи, все заманчивее звучит для нас пугавшее когда-то слово «тайга».

Итак, на север, в низовья, в таежное царство!

Я намеревался плыть до устья Ангары на любом попутном судне, а потом примкнуть либо к рыбацкому каравану, либо к «каравану диких рек» и с ним путешествовать дальше на север.

Пошел за справками на речной вокзал. Мне приходилось видеть много речных вокзалов, и не знаю, что будет дальше, но пока что Красноярский уступает только Северному в столичном порту. Шпиль его поднялся на высоту пятнадцати этажей. Само здание такое красивое и величественное, что даже новые большие дома вокруг него выглядят серыми и невзрачными, а пассажир, входя в залы ожидания, сконфуженно косится на свой потрепанный чемодан или, того хуже, на перевязанный бечевками узел.

В справочном бюро мне посоветовали сесть на небольшой теплоход, идущий к устью Ангары.

Через четверть часа после отвала мы пронеслись уже мимо мыса, которым кончается старая часть города. Но кварталы правобережья тянулись еще очень долго. Там, на правом берегу, работал большой порт, по сравнению с которым прежний Красноярский порт выглядит захудалой, третьеразрядной пристанью.

Енисей за Красноярском остепенился. Горы его уже не стесняли. Он вольно нес воды мимо темного соснового бора, мимо частых деревень с колодезными журавлями и высо-

Охотники-ангарцы. Фото 1933 г. (?) Из архива автора

кими хлебными амбарами. Только один раз горы все же вышли взглянуть на реку поближе и нависли над ней грузной глыбищей — Атамановским быком.

— Как барыня? — спросил капитан, когда мы подходили к быку.

— Да по пояс, — ответил рулевой.

— Ну? А ведь неделю назад ей по колено было.

Я, конечно, вмешался в разговор: что за барыня? Рулевой дал мне бинокль и показал рукой на скалу. Там была нарисована женщина в кокетливо сдвинутой красной шляпе. Вода наполовину скрывала ее дородную фигуру.

— Какова? — усмехнулся рулевой. — Каждую весну ее подрисовывают, не ленятся. А мы по ней прибыль-убыль воды определяем. Под осень идешь вверх, спрашиваешь встречных: «Как, мол, Барыня? Не обсохла еще?»

За селом Атамановым — затейливые домики, совсем сказочные, пряничные. Это пионерский лагерь для ребят, живущих далеко на севере. Летом они приезжают сюда, «на юг», чтобы поваляться в настоящей траве и увидеть настоящие, не карликовые деревья. Пароходы, которые приходят за отдохнувшей ребятней, увозят в трюмах сотни берестяных туесов или корзин с ягодами, недозрелые тыквы, горы папок с гербариями, самодельные клетки с орлятами, сороками, бурундуками и прочей живностью.

Берега Енисея гораздо пустыннее волжских. Но если сосчитать, сколько на каждые сто километров реки приходится новых селений, которым от роду пять, самое большее — десять лет, то тут первенство, безусловно, останется за Енисеем.

Особенно много на Енисее новых лесных пристаней, поселков лесорубов, лесопильных заводов, шпалорезок: в Красноярском крае леса занимают почти сто пятьдесят миллионов гектаров.

Древесина приенисейской тайги лучше, чем в лесах Европы. В более суровом климате сосна, береза, лиственница вырастают особенно твердыми и прочными. Поэтому так ценятся сибирские березовые лыжи, дуги, сани, поэтому так долговечны телеграфные столбы, дома, шпалы из сибирской сосны; а сваи из сибирской лиственницы не гнивают в сырой земле и воде даже за пятьсот лет.

Казачинский порог на Енисее. 1914 г. Негатив А. Л. Яворского. Из фондов КККМ

Сибирские кедр, пихта, осина, напротив, мягки и имеют ровные слои. Это тоже хорошо, потому что, например, мягкость и ровнослойность сибирского кедра позволяют делать из него лучшие в мире карандаши, а из одного кубометра мягкой осины можно изготовить более миллиона спичек.

На Енисее строят хорошие деревянные суда. Возле Предивинской верфи берег, белеющий опилками и свежей щепой, заставлен деревянными остовами. Некоторые из них уже обшиты досками и ходят на баржи. Есть и готовые к спуску на воду суда. Они осмолены и украшены флагами. Построенные на верфи баржи плавают по всему Енисею — от верховьев до океана.

Мы приближаемся к Казачинскому порогу.

В старые годы тут протяжно окликали все идущие вниз барки:

— А кто плив-е-е-ет? А кто по имени плив-е-е-ет?

Плывущие должны были назвать фамилию хозяина или лоцмана: если барка разбивалась в пороге — что случалось частенько, то, по крайней мере, все узнавали, кому убытки подсчитывать... Из-за порога купцы долго тянули с обзаведением пароходами: пароход — дело дорогое, вдруг его тоже разобьет, как бьет барки?

Наконец предприимчивый енисейский богач Кытманов рискнул построить пароход для плавания в низовьях реки, чтобы возить оттуда «предметы промышленности местных жителей, как-то: разного рода рыбу, икру, звериные и лебяжьи шкуры, мамонтовую кость, графит, каменную соль».

Строить пароход взялся, как сообщается в архивных делах, «простой русский мужичок, Худяков, вольноотпущенный княгини Трубецкой, механик-самоучка». Пароход был спущен на воду, назван «Енисеем» и, провожаемый чуть не всеми жителями города Енисейска, весной 1863 года отправился в первый рейс.

Он плавал все лето и дошел до залива. Кытманов потирал руки. Еще бы! «Енисей» привез ему 47 соболиных шкур, 38 тысяч беличьих шкур, 9 тысяч песцовых шкур, 400 шкур горностаев, 117 лебяжьих шкур и много рыбы. За один рейс купец оправдал чуть не все расходы на постройку судна.

Игнатий Петрович Кытманов, енисейский золотопромышленник и пароходовладелец

Узнав об этом, другие богатеи тоже принялись строить пароходы. Но ни один из них не рисковал отправить свое судно вверх по реке за Казачинский порог. Там по-прежнему лоцманы гоняли сотни барок.

Лишь в 1882 году при помощи канатов, воротов и якорей был проведен через стремнину пароход «Москва». Он стал плавать между Красноярском и Минусинском. Прошло еще три года, и на Енисее появился пароход-силач «Дедушка», который смог без якорей и канатов преодолеть пороги. Началось сквозное движение.

Тому, кто видел Большой порог, Казачинский не покажется таким страшным, как о нем любят рассказывать.

Еще издали видна мачта семафора: проход в пороге узок, и если там встретятся два судна, то одному придется выброситься на камни.

Семафор открыт. Мы мчимся мимо сблизившихся берегов. Рулевой вцепился в штурвал так, что побелела кожа на суставах пальцев. Вода клокочет, будто реку подогревают снизу адским огнем и она начинает закипать. Особенно бесится река в другом, совсем мелком рукаве порога, отделенном скалистым островком. Плохо будет тому, кто по ошибке направит туда свою лодку!

Вода жадно облизывает черные камни. Однажды поздней осенью я видел на этих камнях пароход «Северный». Он пропорол себе днище, но успел выскочить на острый выступ подводной глыбы. Наш пароходик промчался тогда мимо полузатонувшего «Северного». На нем был человек — возможно, капитан, не захотевший покинуть судно. День и ночь слушал он неумолчный рев порога. И мне подумалось тогда, что ему, наверно, часто будет чудиться этот рев...

Но где же туер — единственное сохранившееся в стране судно-бурлак? Ага, вот он — приткнулся к берегу у самого входа в порог.

Представьте себе железную посудину с высокой трубой, торчащей не посередине, а около одного из бортов. Труба подвинулась, чтобы дать место сооружению, напоминающему катушку для ниток. Это лебедка величиной с комнату, и на ее барабан намотан толстый стальной канат. Нелепое судно! А название у него гордое: «Ангара».

Не смейтесь, однако, над «Ангарой». Вот с низовьев реки подошел к порогу пароход. Своими силами ему не поднять против течения баржи, которые он ведет за собой. Капитан начинает дергать ручку свистка.

Услышав сигнал, на «Ангаре» не медлят ни минуты. Туер отчаливает от берега. Течение сразу же подхватывает его. Катушка начинает вертеться, стальной канат убегает под воду. Другой его конец прочно закреплен в речном дне выше порога. «Ангара» спускается через быстрину, не делая поворота, кормой вперед, и останавливается у каравана: кто, мол, тут меня звал?

С парохода на туер подают буксир. Теперь из трубы «Ангары» валит густой дым. Катушка начинает вращаться, но уже в другую сторону. Судно-бурлак, наматывая канат на катушку, продвигается против течения. Как бы подтягиваясь по канату, пыхтя, стуча машиной, «Ангара» медленно, но верно вытягивает на тихую воду пароход и баржи, отцепляет буксир и не спеша уходит на старое место, к высокому берегу. Она сделала свое дело...

Высокие синевато-бурые обрывы за селом Стрелкой — это уже правый берег, впадающей ниже порога Ангары.

Есть ли в Сибири еще река, о которой народ сложил столько легенд, сколько об Ангаре! Мне особенно понравилась одна.

Жил-был Байкал, богатый и своенравный старик. В его владениях плавал жирный тюлень, стаями ходили вкусные омули, да и всякой другой рыбы водилось видимо-неви-

Пароход «Москва» Успенский монастырь напротив. Фото неизвестного автора из иллюминатора. Из фондов КККМ

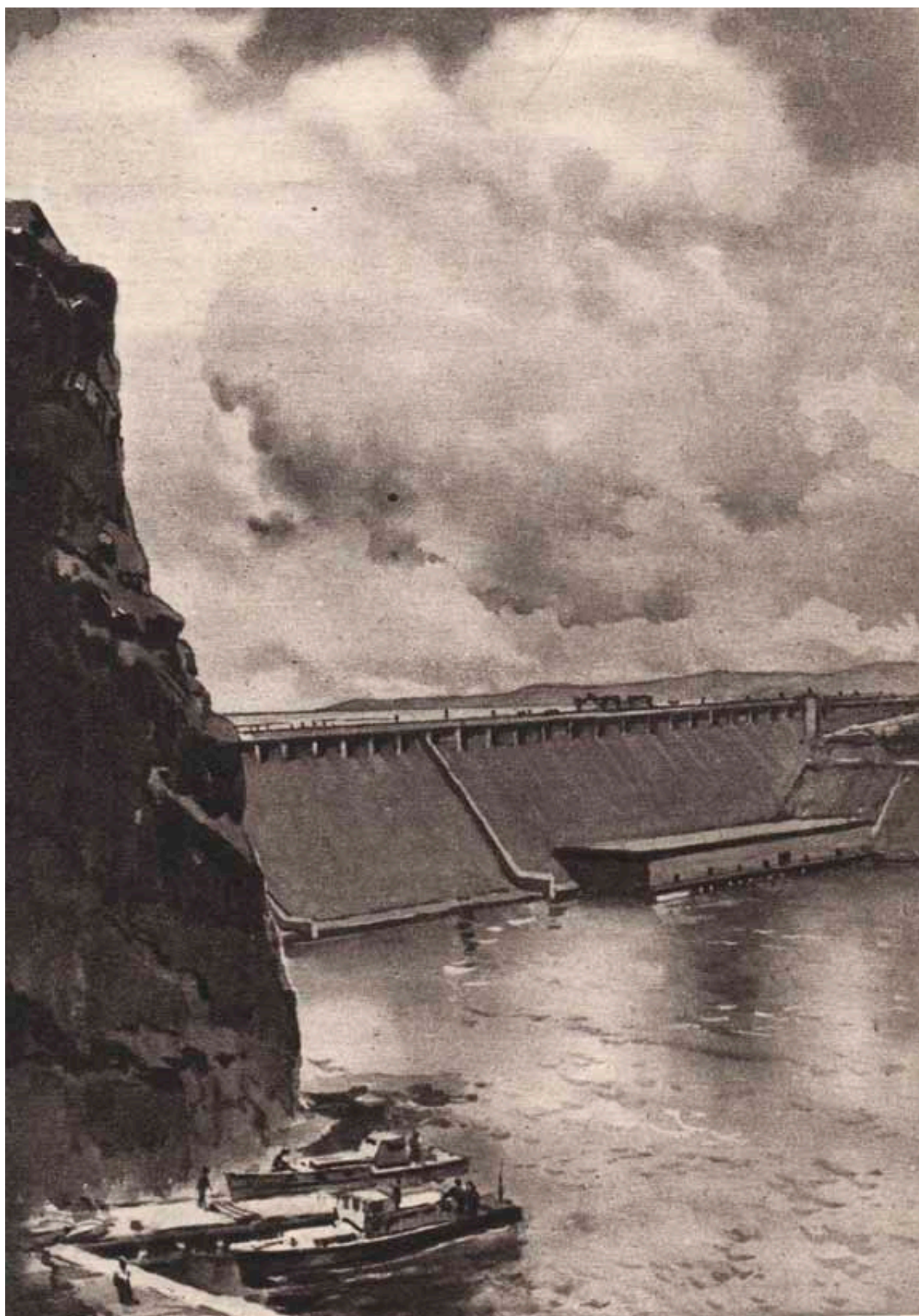
Туер «Ангара» на казачинском пороге. 1927 г. Негатив Остроумова. Из фондов КККМ

Левый берег у Стрелки Енисея с Ангарой. Фото А. М. Дворецкого

Клуб геологоразведчиков Нижне-ангарского месторождения. Из архива М. Н. Добровольского

Ангару перегоридит плотина Братской гидроэлектростанции. Художник К. Арцеулов

димо. У старика было больше трехсот жен и лишь одна дочь — прекрасная Ангара. Зорко сторожил ее верный слуга старого Байкала — черный ворон.

Но вот однажды ветер, дующий с заката, принес красавице поклон от богатыря Енисея. Встрепенулось девичье сердце. Послала Ангара на запад быстрокрылых чаек с ответным ласковым словом. Так началась любовь. Долго ли, коротко ли это продолжалось, только в один прекрасный день приносит ветер с запада слова:

— Ангара, любимая моя, прибегай ко мне, будь моей женой!

Проснулся раз Байкал, глядит — а дочери нет! Разбушевался старик, вспенил огромные волны, стал бросать ей вдогонку камни. Один и до сих пор виден — торчит в самом истоке Ангара; зовут его Шаманским камнем.

Может, и удалось бы старику преградить беглянке путь каменными глыбами, да помогли ей чайки. Напали они на ворона, который кинулся догонять Ангару, и выклевали ему глаза. Байкал бросал камни наугад, а чайкам сверху было хорошо видно, куда летел каждый камень, и они пронзительно кричали Ангаре: «Берегись! Берегись!» Та бросалась в сторону, падала, снова бежала вперед и в конце концов оказалась в объятиях Енисея.

Вот и вся легенда. Но как меток поэтический язык народа, как верны образы народных сказаний! В Байкал впадает триста тридцать шесть рек, а уходит из него одна Ангара. И несет она свои воды к Енисею неровно, порывисто: то разливается вширь и делает передышку, то, набрав силы, пробивает узкое ущелье, бешено бурлит в порогах.

У Стрелки Ангара куда шире Енисея. На ее противоположном обрывистом берегу лес сливается в одну темно-зеленую полосу.

А противоположный берег Енисея кажется совсем близким: вон лодка, около нее возятся рыбаки, заметно даже, что они размахивают руками.

Стрелка — село рыбаков и плотогонов. Дома тут крепкие, под стать здешним жителям — коренастым здоровякам в высоких болотных сапогах, а чаще в броднях, удобных и легких, сшитых из мягкой кожи наподобие чулок.

Обитатели Стрелки одинаково хорошо владеют и веслом, и топором. Гигантские плоты отправляются со стрелковского лесного рейда вниз по Енисею, к Игарке, откуда ангарский лес в трюмах морских лесовозов расходится в разные стороны.

По Ангаре движется странный караван. Впереди пыхтит катер, а за ним тянется вереница больших лодок с поднятыми высоко вверх острыми носами. На мачтах видны затейливо вырезанные флюгера; паруса сложены на крышах небольших кают, где в непогоду укрывается команда и куда складывается груз.

Это и есть илимки, о которых упоминается еще в старых сибирских летописях.

Острый нос илимки легко режет волну. Дно плоское. Сидит она в воде неглубоко, легко проходя через мелкие места и пороги. Подует попутный ветер — тотчас поднимается на мачте большой квадратный парус, и бежит суденышко вперед, успевай только руль поворачивать.

Кто придумал илимку? Народ. Ангарцы создавали судно, принаравливаясь к странностям своей реки.

Почти все реки мелки в верховьях, у истока, зато хороши для судоходства в низовьях, в устье. Ангара, наоборот, вполне судоходна вскоре после выхода из Байкала и почти семьсот километров течет спокойно. Затем ей приходится пробивать себе дорогу через южную часть огромного Средне-Сибирского плоскогорья. Там, где путь реке преградили траппы — твердые изверженные породы, с трудом поддающиеся разрушению, — там образовались пороги. В нижнем течении, несмотря на огромную ширину и мощь, Ангара и сейчас малодоступна для больших пароходов.

А ведь была и она сквозной водной дорогой! Сначала поднимались по ней на восток казацкие челны. Потом пошли вниз по реке лодки с китайским чаем. Сто шестьдесят лет

назад один из сибирских купцов сообщал своему брату в Петербург: «Если будет на то благословение господне, два баркаса опустим до Енисея. Перевозки теперь нам обойдутся намного дешевле...»

Вел баркасы Игнат Думсков, приказчик купца, набравший для такого рискованного дела команду из бывших каторжников. «Нам почудилось, что мы попали в преисподнюю, — писал Думсков своему купцу об ангарских порогах. — Стоял адский гром, казалось, что разверзлось само небо и оттуда хлынули потоки воды».

Трех гребцов вода смыла, и они погибли в водоворотах. Оставшиеся в живых довели свои баркасы до Енисея.

Об этом узнала вся Сибирь. Другие купцы, услышав магическое слово «дешевле», тоже повезли товары водным путем, от Иркутска до Тобольска. Без карты представить себе весь этот старый путь нелегко. Он пролегал через всю Сибирь, и на нем был лишь один сравнительно небольшой сухопутный участок — между притоками Енисея и Оби, где товары перевозили на телегах.

Плавание через сто шестьдесят шесть ангарских порогов, опасных мелей и перекатов было мучительным, рискованным и трудным. Чтобы облегчить его, в конце прошлого века пробовали взрывами расчистить путь и пустить в ход туера, которые передвигались на цепях, как уже знакомый нам туер Казачинского порога. Но в это время началась постройка железнодорожного пути через Сибирь. Рельсы победили воду. Работы на Ангаре замерли.

Теперь мы читаем в газетах и слышим по радио об Ангаре чуть не каждый день.

Возле самого страшного ангарского порога, Падунского, строится Братская гидроэлектростанция, по мощности соперничающая только с Красноярской. Плотина другой гидроэлектростанции, Иркутской, перегородила реку недалеко от выхода ее из Байкала. Это только начало.

Вся необузданная сила Ангары подсчитана и занесена в списки наших богатств. Ангару называют «жемчужиной советской гидроэнергетики». Около семидесяти миллиардов киловатт-часов электрической энергии в год может дать нам дочь Байкала, когда будут построены все гидроузлы ее каскада.

Плотины перегородят Ангару в среднем и нижнем течении, ее пороги скроются под водой новых морей. Можно будет сесть на пароход в порту на Байкале или даже на Селенге, спуститься по Ангаре в Енисей, а оттуда Северным морским путем плыть в Архангельск или Мурманск.

Ангара превращается в неиссякаемый, вечно возобновляющийся источник дешевой электрической энергии, в удобный водный путь. А ее берега? Они заросли лесом, из которого можно строить дома и корабли. Запасы древесины в приангарской тайге знатоки определяют в миллиард кубометров!

Ангарские леса не надо беречь от топора: их надо рубить — и чем скорее, тем лучше. Они, как и в горах Кузнецкого Алатау, давно перестояли, переспели, ожидая человека. Буреломы, лесные завалы глушат молодую поросль. Вырубка оздоровит леса, даст стране дешевую древесину: ангарские сосны и ели стоят густо, плотно, «урожай» с гектара здесь таков, какого не знают в других местах.

А к лесным богатствам Приангарья надо добавить золотые россыпи, залежи каменного угля, слюды, соли... Мы еще далеко не закончили разведку здешних богатств, исходили далеко не все тропы в приангарских хребтах и падах.

Однажды в жаркий день на старой, забытой тропе золотоискателей показались двое. Их плечи оттягивали тяжелые дорожные мешки. Легкий, неторопливый шаг показывал, что путники не новички в тайге. Тропа исчезла на третий день пути. Сверяясь по карте и компасу, двое пошли напрямик, ломаясь сквозь чащу, где пахло сыростью и гниющими листьями. Сучья мелкоlescья рвали их одежду, комары серой тонкозвонящей тучей висели

над ними. Через неделю двое добрались до таких мест, где никогда еще не раздавался человеческий голос.

Несколько раз таежники брались за лопату и кирку, рыли разведочные ямы — шурфы. Один, помоложе, часто нагибался, осматривая попадавшие под ноги камни, доставал из ручьев обкатанную водой гальку. Но, как видно, все это было не то, что он искал.

Наконец, перебирая окоченевшей рукой по дну безымянного студеного ручья, он радостно и взволнованно вскрикнул. Что было на его ладони? Крупинки золота? Нет, геолог Виктор Иванович Медведков охотился не за ним. Его обрадовали невзрачные красноватые камешки. Руда!

Впрочем, еще нельзя было сказать, что он нашел руду. О том, что такие руды есть в Приангарье, знали давно. Несколько камней старой геологической коллекции, всеми забытых, заставили геолога прилететь на самолете сюда, в тайгу, чтобы попытаться найти то место, откуда много лет назад их вывезли. Найти — и дать ответ: случайны ли были давние находки или под корнями столетних елей скрыто богатое месторождение?

Когда Медведков нашел красноватые камешки, его заплечный мешок был почти пуст. Спутник Медведкова, охотник Пичугин, набивал трубку сухими листьями: табак тоже кончился. Они не рассчитывали, что пробудут в тайге так долго. По законам таежной жизни им полагалось повернуть назад, к дому, потому что в лесу вокруг не было зверей и птиц, ружье болталось за плечами без дела.

Но геолог начал «прочесывать» тайгу. Камни, которые он нашел, очевидно, были принесены ручьем откуда-то издалека: вода их сгладила, обкатала. Медведков пошел вверх по ручью, уперся в болотце, исходил его вдоль и поперек, но ничего не нашел.

Возле болотца высилась небольшая сопка. Может, поблизости есть еще ручьи? Геолог походил по сопке, даже забрался там на дерево, чтобы лучше видеть вокруг. Ручьев не было. Рядом бугрилось еще несколько сопок — и только.

Выбрав направление по компасу, Медведков продирался сквозь кустарники. Как-то раз он провалился в трясину. Отвратительная жижа засосала его по пояс. Если бы Пичугин не оказался поблизости и не повалил бы в болото несколько молодых сосенок, все было бы кончено...

В другой раз оба чуть не погибли во время страшного урагана, с корнями выдиравшего деревья. Похожие на беглых бродяг, черные, бородатые, они с трудом вставали по утрам, едва передвигая натруженные ноги.

Карта местности густо покрылась линиями маршрутов. А руды не было.

Однажды геолог брел по склону холма, спускаясь к какой-то речке. Его внимание привлекли беспорядочно нагроможденные глыбы. Геолог ударил по одной из них молотком. Отвалился кусок, обнажив излом с красноватыми прожилками. Руда, наконец-то! Снова руда!

Теперь можно было вернуться к людям, выспаться в настоящей постели, съесть тарелку жирных щей, таких густых, чтобы стояла ложка.

Но Медведков не хотел уходить, пока тайга рассказала ему лишь кое-что. Какая связь между первой находкой в ручье и рудными глыбами на склоне? Там руда, тут руда... А между этими двумя местами? Может быть, где-то неподалеку скрыты такие залежи, о которых мечтает каждый геолог...

Однажды к ночному привалу таежных охотников прибрали два исхудавших человека. Их одежда истрепалась, глаза блестели голодным блеском. Но в полевой сумке одного из них была сложена потрепанная карта новых ангарских железнорудных месторождений, а в заплечном мешке другого лежали тяжелые, как гири, образцы, в которых содержалось так много железа, что их можно было прямо бросать в домну на плавку.

Глава XII

ТАЙГА ЗОЛОТАЯ

Новое под Енисейском. — Таежная дорога. — Соболя на гербе. — «Золотая лихорадка». — Город-банкрот. — Вольная каторга. — Как добывают золото сегодня?

Вместе с двумя лесорубами я плыву в лодке из Стрелки вниз по Енисею. У правого берега мы попадаем то в ангарские прозрачные струи, то в темноватые енисейские воды. Они долго не смешиваются.

Пахнет севером. Небо все бледнеет. Не видно купающихся — вода еще слишком холодна. Ночи короткие, заря встречается с зарей. На берегах мало деревень, да и сами деревни меньше, чем в верховьях. Но берега не пустуют.

На скалистом мысу палатки. За поворотом опять что-то белеет, и тренога буровой вышки уставилась в небо.

«Сколько на берегах реки таких вот маленьких лесных лагерей!

Покинув палатки на заре, когда холодна роса и тайга еще спит, их обитатели отправляются нехоженными тропами в свой дневной поход. Они возвращаются к своему временному жилью уже затемно, когда глубокие черные тени падают на землю от стрельчатых елей и где-то далеко-далеко кричит ночная птица. В их записных книжках короткие пометки, наспех набросанные маршруты и зарисовки. Валясь с ног от усталости, изыскатели наскоро проглатывают ужин и засыпают тотчас, едва уставшее тело коснется походной кровати.

А потом, через год, через два, по их следам пойдут в тайгу автомашины, тракторы, полетят самолеты. Глядишь — и уже задымил новый завод, появился на карте новый поселок, рассекла зеленое лесное море колея новой дороги».

Фразы, заключенные в кавычки, я целиком переписал из первого издания этой книги. И не потому, что они мне нравятся, — нет, дело совсем в другом. Тогда, в 1949 году, в этих местах, к которым они относятся, действительно стояли только палатки. Я не знал, что именно тут будут строить, и поэтому написал общую фразу о новом заводе, или новом поселке, или новой дороге.

Попав снова в прежние места, я неожиданно убедился, что моя фантазия была слишком убогой.

В тех местах, где стояли палатки, строился не один, а несколько заводов. На карту нанесли два новых поселка. Зеленое лесное море должна была пересечь не просто новая дорога, а железнодорожная линия.

И наконец, в тех же местах всюю шли изыскания Нижне-Енисейской гидроэлектростанции, которая должна заставить работать слившиеся воедино воды Енисея и Ангары, и по мощности будет далеко превосходить и Братскую, и Красноярскую!

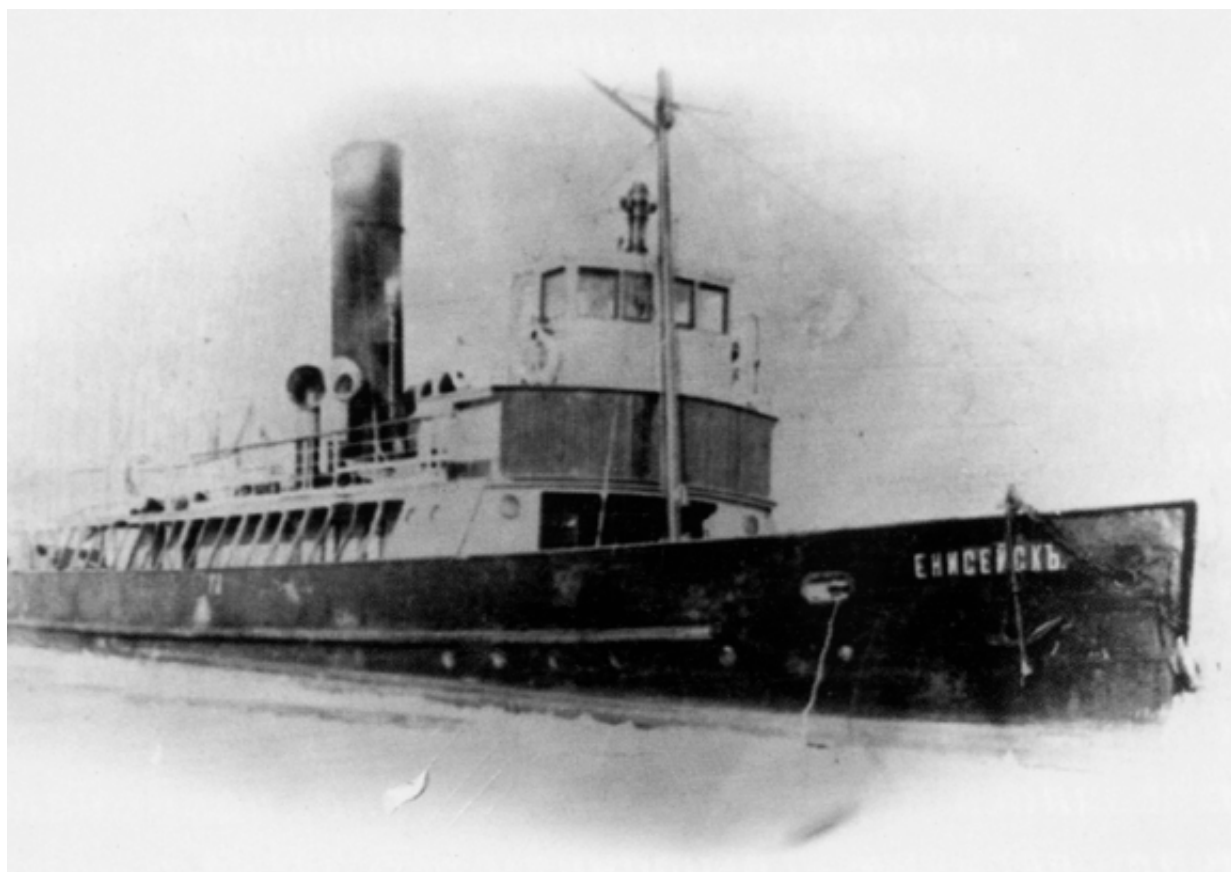
Этот новый промышленный район начинается от устья Ангары и тянется вдоль левого берега за город Енисейск.

Карта из второго издания книги. Художник К. Арцеулов

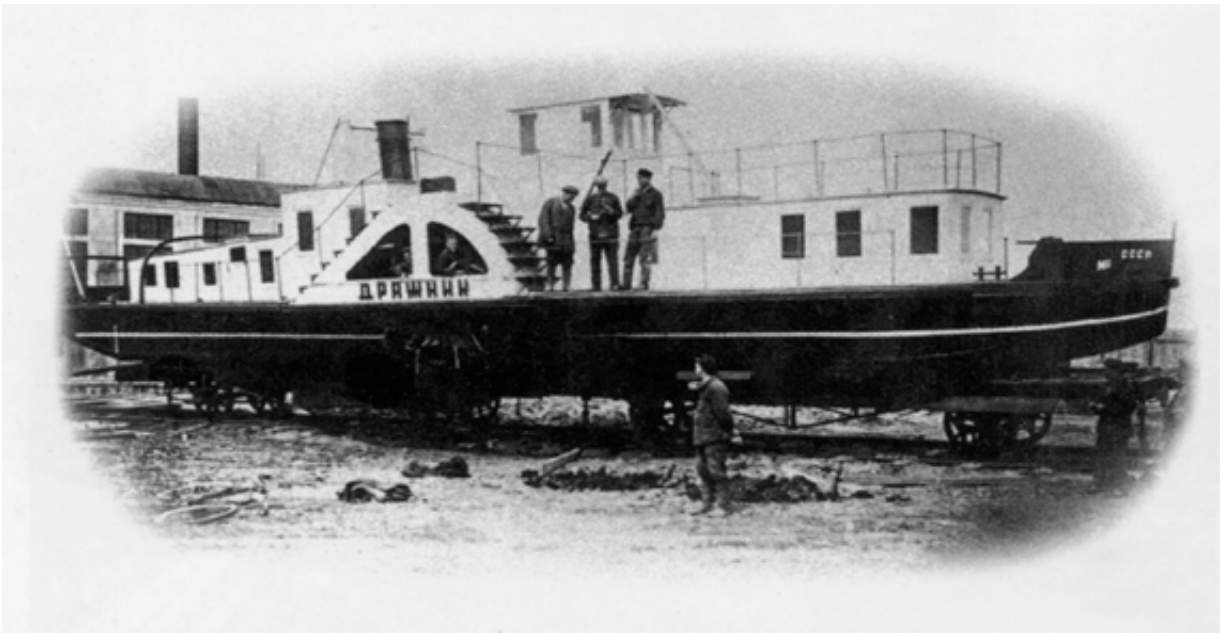
Вид на г. Енисейск. 1900-е. Из фондов КККМ

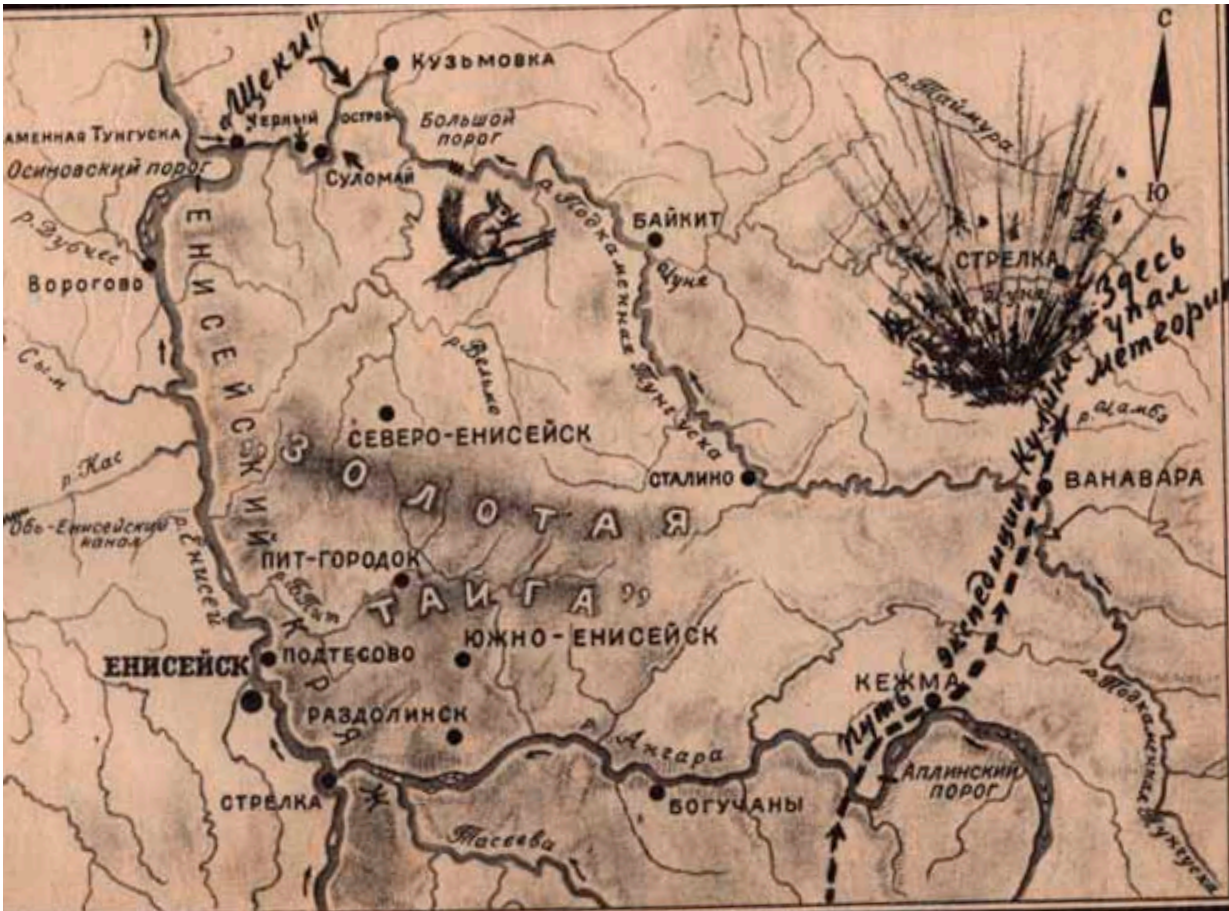
Флагман белой флотилии «Енисейск» — захвативший бежавших из Красноярска с губернским золотым запасом большевиков у села Монастырское

Выгрузка рыбы с нижеенисейских промыслов в Енисейске. Из архива автора

Колесный пароход «Дражник» для золотодобывающей промышленности — первая продукция Красмаша

Карта из первого издания книги 1949 г. Художник К. Арцеулов

Сюда пойдет поток ангарского леса. Здесь строятся пять самых больших в стране лесопильных комбинатов.

К расположенным поблизости друг от друга поселку Маклаково и городу Енисейску прибавились Ново-Маклаково и Ново-Енисейск...

Почти на всех станциях железных дорог юга Европейской части страны можно встретить составы с сибирским лесом. Чаще всего — это платформы, на которых нагружены сосновые бревна.

Но разве правильно возить эти сырые бревна через всю страну? Гораздо разумнее и дешевле распиливать их поблизости от тех мест, где они заготовлены, и везти на безлесный юг сухие доски, брусья, шпалы, готовые детали домов, фанеру.

Енисейский лесопромышленный узел и будет превращать ангарскую древесину в легко и удобно перевозимые изделия. Это сэкономит стране много денег.

Доски, брусья, клепка из ангарского леса высоко ценятся на всех лесных рынках мира. Мы продаем их многим странам, даже таким далеким от Сибири, как Аргентина.

Вывозить богатства ангарской тайги мы будем теперь не только по Енисею, но и по железной дороге. Она строится. Начинаясь возле села Абалакова, ее колея пересекает таежные районы и примыкает к Сибирской магистрали значительно западнее Красноярска, у города Ачинска. От Ачинска, кстати, ответвляется железная дорога на Абакан и, значит, на Южно-Сибирскую Магистраль.

В бледно-голубом небе вырастают мачты радиостанции, потом купола церквей Енисейска. Мы пристаем возле бревенчатой набережной с могучими березами, за которыми видны каменные дома старинной постройки.

Стены Енисейска казаки заложили в 1618 году. Отсюда, из Енисейска, землепроходцы уходили на юг, север, восток. Здесь нес казацкую службу Семен Дежнев. Отсюда отправился он в «землицы неведомые», где прошел на легких суденышках из Северного Ледовитого океана в Тихий.

Раньше многие города имели свой герб. На гербе Енисейска были изображены два соболя, а под ними лук с натянутой тетивой и стрелой. Город, по образному выражению историка, стоял «на страже трех Тунгусок, в середине звероловных племен». На ярмарку сюда приезжали за соболем и другой пушниной купцы из Москвы, Астрахани, Тобольска, Таганрога, Иркутска, а то и из дальних стран. До сих пор сохранился в Енисейске толсто-стенный гостиный двор с десятками полутемных лавок и кладовых.

Город славился не только торговлей, но и ремеслами. Его жители слыли искусными кузнецами и снабжали топорами, гвоздями, сошниками чуть не половину Сибири.

Но в 1835 году произошло в городе событие, перевернувшее все вверх дном.

В приенисейской тайге было найдено золото.

Говорят, что люди хлынули в тайгу после того, как одна енисейская стряпуха, потроша на кухне убитую таежную птицу — глухаря, нашла в его зобу золотые крупинки.

Блеск золота ослепил многих. За один день удачливый приискатель становился богачом. Разнузданные кутежи, драки, убийства сопутствовали «золотой лихорадке». Роскошь уживалась рядом с нищетой.

Разбогатевшие владельцы приисков строили церкви, каждый «свою», стараясь перещеголять друг друга. Город же оставался грязным, серым, скучным. И что за убогие развлечения были у господ золотопромышленников!

В кабинетах некоторых «тузов» стояли шкафы для книг, сверху донизу забитые бутылками с различными наливками и настойками. На каждой бутылке была выведена какая-либо буква алфавита.

Когда собирались гости, начиналось «чтение». Один выходил в другую комнату, а остальные загадывали какое-нибудь слово — допустим, «мама». Вслед за тем в четыре рюмки наливались настойки из бутылок, обозначенных буквами «м» и «а».

Входил удаленный на время в соседнюю комнату и, причмокивая языком, выпивал четыре рюмки. Туповатое лицо его выражало сомнение и напряженную работу мысли.

— Ну, Егор Кузьмич, что-с изволили выкушать?

— Гм!.. Ма-ма!

— Ай, разодолжил! Вот грамотей! Голова!

— А ну, что-нибудь позакковыристее!

Некоторые привычные пьянчуги, отменно разбираясь в разлитых по рюмкам наливках и настойках, могли «прочесть» такие слова, как «Наполеон» и даже «Навуходоносор». Кончалось это тем, что «чтец» сваливался под стол, а игра продолжалась до тех пор, пока за ним туда же не следовала вся компания пропойц...

«Золотая лихорадка» недолго трясла Енисейск. Наиболее богатые и близкие россыпи стали истощаться. Город начал хиреть. Перед Октябрьской революцией это был один из медвежьих углов Сибири в самом буквальном смысле.

«Три медведя при мне благополучно прошли по улицам Енисейска и так же благополучно ушли в свою тайгу», — вспоминал один из ссыльных.

Енисейск называли «городом-банкротом»: в его судьбе было много схожего с судьбой разорившегося богача.

За двести лет город не только не вырос, но, напротив, уменьшился: в 1719 году в нем было тысяча четыреста домов, а в 1915 году около тысячи.

Только пятилетки разбудили Енисейск. Задымили трубы Енисейского лесопильного завода; ожила городская пристань, откуда отправлялся на север караван за караваном; появились на сонных улицах люди, заговорившие о гидроэлектростанциях, о дорогах в глубь тайги, о дамбе в соседнем селе Подтесово, где строился большой затон для енисейского флота, и о многом другом, чем стали жить город и его округа.

Судостроители поставили в Енисейске большую верфь; дорожники соединили город с Красноярском хорошим трактом, по которому пошли пассажирские автобусы. На енисейских улицах рядом с купеческими лабазами поднялись новые дома — и стал бывший «город-банкрот» растущим советским городом.

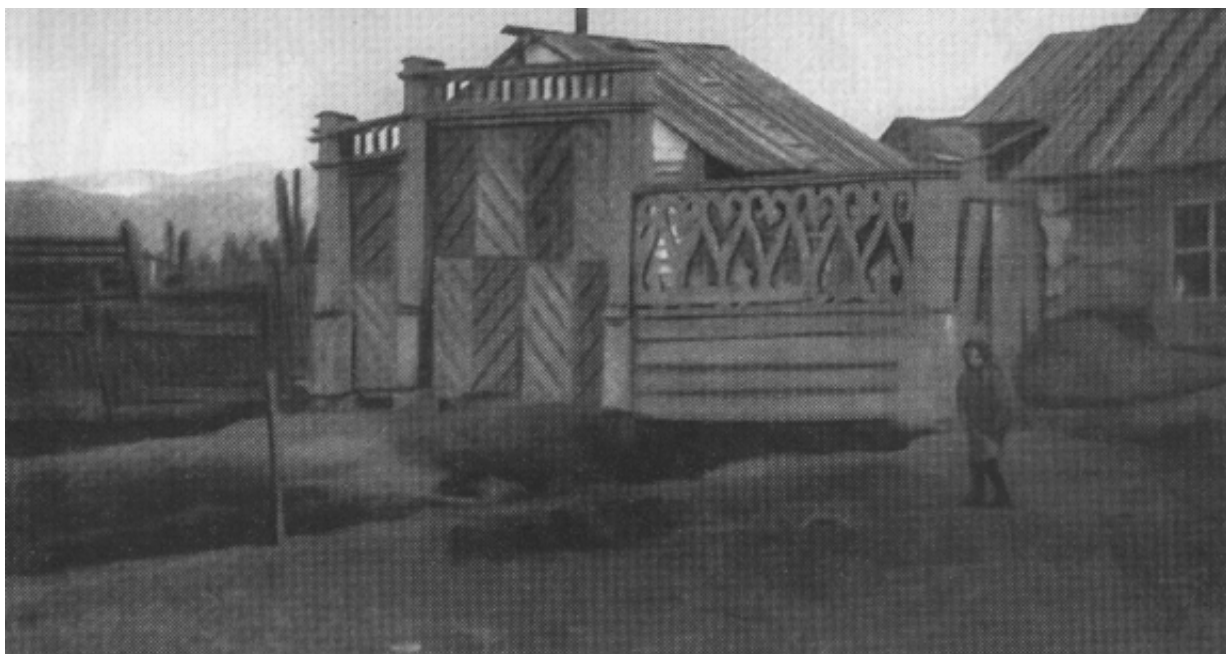
Набережная г. Енисейска. 1900-е гг. Из фондов КККМ

Качели и постройки на прииске Александровской компании. 1910-е гг. Негатив В. П. Ермолаева. Из фондов ККМ

Внутренний вид драги Александровской золотопромышленной компании в южной тайге. 1910-е гг. Негатив В. П. Ермолаева. Из фондов ККМ

Ворота сибирского дома. Танхой. 19 окт 1913 г. Ф. Нансен. Фото из книги 1915 Въ страну будущего

Набережная г. Енисейска. Преображенская церковь. 1900-е гг. Из фондов ККМ

Енисейск. Пристань выше реки Мельничная. Фото 1905 г.

Есть что-то романтическое в самом слове «золотоискатель». Молодцы в широкополых шляпах, славные парни, беззаботно бросающие на стойку кабатчика кожаные мешочки с золотом, совершающие смелые поездки на собаках, на лодках, на оленях, — о таких золотоискателях мы читали немало увлекательных рассказов. Но непозолоченая правда о золоте, в частности, о сибирском, гораздо жестче.

Золото в приенисейской тайге было найдено на огромном пространстве между Ангарой и Подкаменной Тунгуской. К семидесятым годам енисейский золотоносный район дал уже сотни тысяч килограммов рассыпного и рудного металла. В иные годы здесь добывали почти девять десятых всего русского золота.

Но в енисейской «золотой тайге» не было жизнерадостных молодцов в широкополых шляпах. Не мчались по льду ее речек и собачьи упряжки. Сторонкой от троп, хоронясь в лесной чащобе, пробирались бледные, изможденные люди, вздрагивавшие при треске валежника под ногами.

Работу на приисках называли «вольной каторгой». Человеческие права попирались здесь грубо и безжалостно. Коварство и обман считались добродетелью. Приисковые рабочие сложили такую песню:

*Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе
В северной тайге.
Мы пески там промывали.
Людям золото искали,
Себе не нашли.
Щи хлебали с тухлым мясом,
Запивали дрянным квасом
И мутной водой.
Приисковые порядки
Для одних хозяев сладки,
А для нас горьки.
Там шутить не любят шутки,
Там работали мы в сутки
Двадцать два часа.
В этой песне все правда, горькая правда.*

Ранней осенью, когда с крестьянина требуют налоги и подати, по селам разъезжают вербовщики. О, эти вербовщики — щедрый народ, рубахи-парни! Они не только охотно угощают всякого в кабаке, но и предлагают тем, кто пожелает пойти работать на прииски, задаток — пятьдесят рублей.

Это очень большие деньги для бедняка, у которого, того и гляди, опишут за недоимки последний скарб.

— Бери! — кричит вербовщик. — После отработаешь! У нас, брат, на приисках каждый месяц будешь получать по пятьдесят целковых.

Велик соблазн... А вербовщик уже отсчитывает замусоленные бумажки. Хлопнули по рукам. Выпили. «Не беда, — утешает себя нанявшийся. — До весны еще далеко, а деньги — вот они, в кармане».

Весной, словно черт за душой, является вербовщик в деревню снова. Теперь он хмур, деловит. Еще осенью он отобрал у нанявшихся паспорта — никуда не денешься. Понуро бредут мужики по распутице в тайгу, бредут партией, словно ссыльные по этапу. Бредут

месяц, а то и два, залезая в долги — хозяйский приказчик готов отпустить и хлеб, и водку, и ситцевую рубашу, но по такой цене, от которой у мужиков глаза на лоб лезут.

Когда, наконец, нанявшийся доходит до приисков, он уже целиком опутан сетями кабалы.

«И какую каторжную работу несет приисковый рабочий! — восклицает писатель-сибиряк Кушевский, знаток «вольной каторги». — Он ложится в двенадцать часов ночи (под осень, в темные ночи, до этих часов работают даже с фонарями), а в три уже встает. От начальства золотопромышленнику даны казаки с нагайками, которые очень хорошо умеют школить ленивых или строптивых. Рабочий ест постное, какую-то гнусную похлебку из соленой рыбы, которая при таком громадном труде вовсе не возобновляет его силы; он голодает, худеет и болеет. С больным рабочим золотопромышленник поступает гораздо хуже, чем самый жестокосердый человек со своей собакой. Боясь, чтобы рабочий не умер на прииске, ему отдают паспорт, выводят подальше от прииска в тайгу, предоставляя ему заблудиться и умереть голодной смертью».

На некоторых приисках делались казармы с решетками на окнах. Двери запирались на замки, и кругом расхаживали часовые. Доведенные до отчаяния рабочие бежали в тайгу. Тогда на их поиски выезжали казаки с веревками у седел, иногда с собаками — совсем как на охоту за рабами. Пойманных жестоко пороли.

Золотопромышленность на Енисее в семидесятых годах XIX века пришла в упадок не потому, что обеднела земля, а потому, что с помощью лопаты и таза можно было брать лишь тот металл, который лежит сверху.

Не скоро еще иссякнут золотые жилы и россыпи в междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски. Да вот, чтобы далеко не ходить за примером: недавно один старатель нашел здесь самородок весом в семь килограммов двести два грамма.

Старатель? Старое слово! Значит, в «золотой тайге» по-прежнему рыщут упрямые люди, стараясь найти богатые жилы и россыпи? Да, рыщут, забираются в самые глухие дебри, промывают песок, в котором блестят желтые крупинки.

Но теперь артели старателей получают все, что им нужно, от конторы прииска. Они не знают нужды даже в случае неудачи поисков. Они — разведчики.

Енисейск. Большая улица

Енисейск. 13 июля 1914 г. Рисунок Д. И. Каратанова. Из фондов КККМ

Раздолинский дражный комбинат. Фото из архива М. Н. Добровольского

Машина — вот главная добытчица металла в сегодняшней «золотой тайге».

В шахтах, где добывается золотоносная руда, стучат отбойные молотки, работающие при помощи сжатого воздуха. Электровозы доставляют руду на фабрику. Здесь белые крепчайшие глыбы кварца попадают в дробилку. Рассыпая искры, распространяя запах жженой серы, глыбы дробятся, а потом, попав под многотонные «бегуны», становятся легкой мукой. Вода смывает эту муку и несет ее на медные листы, натертые ртутью. Ртуть «притягивает» золото. Каменная пыль уносится прочь.

Размолотую твердую породу можно промывать и на шлюзах с ворсистой тканью, в которой застревают блестящие крупинки. Существует также химический способ извлечения драгоценного металла.

Интересно смотреть за работой гидромониторов — водяных пушек. Под колоссальным давлением вырываются из их стволов струи воды и вгрызаются в содержащие золото пески рассыпных месторождений. Эти струи ломают деревья, отбрасывают тяжелые камни и уносят в канаву жижу, которая еще минуту назад была холмиком или склоном оврага. Жижа попадает в обогатители, где все основано на том, что золото благодаря своему большому удельному весу выпадает на дно быстрее всех прочих частиц, размытых гидромонитором.

Но интереснее всего наблюдать работу драги.

Помню, я ехал по таежной тропе и вдруг услышал гудок, похожий на заводской или пароходный. Спутник объяснил мне, что это гудит драга — наверно, на ней что-нибудь случилось или просто одна смена кончает работу, а другая начинает.

Когда мы подъехали ближе, стал слышен «разговор» драги: скрип, глухое ворчанье, скрежет. Наконец мы увидели и саму виновницу всего этого шума, такого необычного для тайги.

Драга напоминает и дом, и пароход, и землечерпалку, и даже, пожалуй, комбайн. У нее железная крыша, выкрашенная масляной краской, а в надстройках сделаны окна. Но она плавает, дает свистки и тем самым заставляет вспомнить о пароходе. Главная часть

По тайге пробирались двое. Художник К. Арцеулов

драги — черпаки, такие же, как и у землечерпалки. А на комбайн она похожа тем, что сразу делает много дел: сама землю роет, сама извлекает из нее золото, сама передвигается с места на место.

Сотрясаясь от напряжения, драга вонзает свои массивные черпаки, насаженные на цепь, прямо в берег. Ее качает, легкие волны бегут во все стороны. В каждом черпаке захвачено столько земли, сколько землекопу не вырыть и за час. За первым черпаком такую же порцию загребают второй, третий, и так без конца. Ручьями, нет — потоками стекает с черпаков мутная вода.

Черпаки, сбросив свою добычу в огромную стальную бочку, снова устремляются в атаку, перегрызая корни деревьев, дробя камни, хватая глыбы. В бочке, между тем, струи воды, не менее сильные, чем в гидромониторах, размывают добычу черпаков. Через множество отверстий этой вращающейся бочки тяжелые золотые крупинки идут на особые шлюзовые столы. Камни и пустая порода выбрасываются вон и по транспортеру уходят за корму драги.

Драга прокладывает себе целые каналы, или, как их называют, разрезы, передвигая по ним свое грузное тело, весящее почти сто тысяч пудов. Ну что против нее какое-нибудь ископаемое чудовище! Сам мамонт показался бы заморышем рядом с драгой; пещерного льва она могла бы уложить на месте ударом своего черпака. К разрезу, между тем, подошли трое мужчин и девушка:

— Эй, на драге! Давай лодку, смена пришла.

Эти четверо должны были сменить других четырех, легко управлявших машиной, которая заменила труд нескольких тысяч золотоискателей.

Енисейск второй половины XIX века. Фрагмент гравюры неизвестного художника. Фото с экспозиции ГИМ

Глава XIII

РЕКА СЛЕДОПЫТОВ

Граница двух Сибирей. — Канал-мокроступ. — Когда повернут реки... — Дедушка Енисей и великаны. — Осиновский порог. — Что увидел охотник Лазарев. — На Подкаменной Тунгуске. — Черный Остров. — Кето — таежные следопыты

За Енисейском начался Нижний Енисей — самая широкая, самая величественная часть реки, взявшей теперь направление почти прямо на север.

Правый берег здесь называют «каменным»: он высок и горист. Левый называется «польским»: вдоль него тянутся поля и луга, он лишь немного поднимается над водой. У левого берега есть и второе название — «наволошный». Оно осталось с тех пор, когда бурлаки тянули бечевой барки, с трудом волоча ноги по вязкому песку или острой гальке.

Резкая разница между берегами заметна не только вблизи Енисейска. Взгляните на физическую карту. Слева от реки зеленая краска необозримой Западно-Сибирской низменности. Зато правый берег покрашен коричневой краской гор: тут и Енисейский кряж, и Средне-Сибирское плоскогорье, и хребет Путорана и, наконец, отроги хребта Бырранга. А дальше к востоку коричневая краска еще гуще, хребты еще выше.

Енисей — граница между Западной и Восточной Сибирью. Говорят, что настоящая Сибирь вообще начинается только за Енисеем. Натуралист Гмелин, путешествовавший в начале XVIII века, писал, что, вступая в Сибирь, он ожидал встретить особую природу, отличную от европейской; но до Енисея его сопровождали обычные для Европы растения и животные, и лишь за этой рекой заметно изменился весь облик страны.

Енисей разграничивает две климатические провинции. Влажные и теплые ветры Атлантики, пролетая над равнинами Западно-Сибирской провинции, легко преодолевают невысокие горы и достигают левобережья Енисея. Путь же влажным ветрам с Тихого океана в Восточно-Сибирской провинции прегражден хребтами еще на очень далеких подступах к реке. Именно в этой провинции, с ее сухими и холодными антициклонами — мировой полюс зимнего холода у Верхоянска и Оймякона.

На левом берегу Енисея, в заболоченной тайге, преобладают влаголюбивые пихта и ель; на правом, где болот меньше, обосновалась светлохвойная даурская лиственница — дерево на редкость неприхотливое, стойко переносящее морозы.

Даже птицы на берегах Енисея разные. Дупель и серая ворона встречаются только на левом, западном берегу. Зато белая трясогузка и рыжий дрозд облюбовали правый берег и не любят летать через реку в гости к пернатым Западной Сибири.

Недалеко от Енисейска, слева, из болот польского, наволошного берега приходит к Енисею река Кас. И вот такая история, нашумевшая в свое время, связана с ней.

В те годы, когда о строительстве железной дороги через Сибирь еще и не помышляли, мечтой сибиряков был водный путь от Урала до Байкала. Потомки землепроходцев, перетаскивая свои легкие суденышки через волоки между реками, пользовались этим путем.

Но с годами такой способ безнадежно устарел: нельзя же было тащить посуху из реки в реку баржу с несколькими тысячами пудов товара!

Требовалось улучшить древние пути — и прежде всего, соединить каналом Обь и Енисей. Мысль о таком канале возникла еще в конце XVIII века, но и к середине прошлого столетия дело с ним ничуть не продвинулось.

Наконец богач Фунтусов рискнул за свои деньги снарядить экспедицию туда, где река Кас очень близко подходит к реке Кети, притоку Оби. Вернувшись в Енисейск, разведчики сообщили, что водораздел между двумя реками можно прорыть без особого труда.

Сведения об экспедиции Фунтусова попали в печать. Сначала о ней заговорили сибирские газеты, а потом петербургские. И однажды царь Александр II сказал министру, ведавшему путями сообщения:

— Вот мой братец Константин все твердит, что следует заняться соединением Оби с Енисеем. В газетах об этом пишут. Так вы обратите внимание.

— Слушаюсь, ваше императорское величество, — почтительно склонил голову министр.

Царь часто забывал о своих распоряжениях. Поэтому министр палец о палец не ударил ради какого-то канала в Сибири. Но через несколько месяцев царь спросил министра:

— А как насчет соединения Оби с Енисеем?

— Уже приступлено к изысканиям, ваше величество, — не сморгнув глазом, ответил тот.

Уйдя от царя, министр призадумался. Придется, пожалуй, строить канал. Какой — это уже не так важно.

Министр приказал начать работы на водоразделе Кети и Каса.

В сибирских газетах строящийся канал непочтительно прозвали «мокроступом». Газеты писали, что если бы кто вздумал утопить в нем курицу, то сначала должен был бы связать ей ноги — иначе птица перебредет через канал, не замочив крыльев.

Прочитав об этом, начальство рассердилось и всем работавшим на канале под страхом увольнения запретило рассказывать что-либо о постройке, а тем более писать в газеты. Все покрылось тайной.

Нижний Енисей

Наконец канал был готов. И что же? На водоразделе Каса и Кети действительно построили крохотные деревянные шлюзы, вернее — шлюзики, через которые едва протискивались небольшие барки. Мало того: и эти-то барки могли плавать только во время половодья! Кому был нужен такой канал-мокроступ?

Когда Сибирь пересекала великая железнодорожная магистраль, о канале забыли вовсе. Его сооружения обветшали, русло занесло песком. Лишь изредка скрипели ржавые петли ворот на шлюзах, и одинокое суденышко с трудом преодолевало мелководье.

Значит, мечта сибиряков о сквозном водном пути бесплодна, и историю соединения Оби с Енисеем можно считать законченной? Отнюдь нет!

Вы, наверно, слышали о проекте поворота вод сибирских рек в Среднюю Азию? Напомню в нескольких словах его сущность.

На Енисее строится плотина мощной гидроэлектростанции. Часть поднятой ею воды идет через водораздел к Оби. На Оби также сооружается плотина гидроэлектростанции. Перед ней разольется самое крупное на земном шаре водохранилище — Нижне-Обское море. Его воды подойдут к водоразделу Тургайского плоскогорья. Если прорыть через это плоскогорье канал, то ничто более не помешает дать засушливым районам Средней Азии столько воды, сколько нужно для того, чтобы превратить их в гигантский плодородный оазис.

Может, все это удастся осуществить не сегодня и не завтра. Но мы можем это сделать, когда найдем нужным, и Енисей окажется соединенным с Обью такой водной дорогой, по которой свободно пройдут большие морские корабли.

Осталось позади устье Каса, и перед нами крупное село Ворогово, обязанное своим возникновением Осипу Цапане, одному из русских землепроходцев.

На илимке в Туруханск. Нижняя Тунгуска. Фото Н. П. Наумова 1926 г. Архивные фонды ГАКК

Это был человек жестокий, но смелый и предприимчивый. Его не испугала суровость климата. Осев на реке, он занялся хлебопашеством, зная, что зерно всегда можно с большой выгодой продать ратным и служилым людям.

Цапаня получил грамоту, в которой говорилось, что по царскому разрешению он может «паши пахать невозбранно, где захочет, и вольных людей на свои земли с Руси призывать, и слободу строить». Цапаня действительно построил Дубченскую слободу, превратившуюся позже в село Ворогово.

Сначала дело у Цапани пошло, но потом, как видно из челобитных, стали вороговцы жаловаться, что хлеб сеять в здешних местах никак нельзя: то его «водой вымыло», то «льдом затерло».

Села на севере Сибири не похожи, скажем, на украинские, где среди садов белеют мазанки с соломенными или черепичными крышами. В Ворогове много двухэтажных домов, накрепко срубленных из лиственницы: лесу кругом сколько угодно, была бы охота строить. Все дворы не только огорожены высоким и плотным забором, но и крыты сверху, а внутри замощены деревянным настилом. Зимой, когда метет пурга, крыша над двором предохраняет от заносов. Не будь ее, хозяину иной раз пришлось бы прокапывать через двор туннель в снегу, чтобы добраться до сарая или до коровника.

Настил во дворе спасает от грязи в осеннее ненастье. Утверждают, что раньше в Ворогове грязь была такая, что нередко увязнувших в ней коров вытаскивали с помощью жердей.

Прежде чем говорить о том, что находит путешественник за селом Вороговым, я расскажу вам одно предание племени кето, населяющего берега реки в этих местах.

Картина из первого издания книги.
Художник К. Арцеулов

Фактория Тура. Тунгусская лайка и ее хозяин.
Фото Н. П. Наумова 1926 г. Архивные фонды ГАКК

Давно это было, ох, как давно. Кето жили тогда на юге, в тепле. Но однажды нагрянули из пустыни великаны-людоеды. Спасаясь от них, взрослые и дети бросились в лодки, и дедушка Енисей понес их прочь от родных мест.

Великаны не умели плавать и боялись воды. Видя, что добыча ускользает, они забежали вперед и, собрав все горы на сто верст вокруг, сложили из них такую крепкую стену, что даже дедушке Енисею было не под силу пробить ее.

Разлился он вширь, ища прохода. Люди плачут, а великаны радуются, ножи точат: теперь, мол, полакомимся, все равно кето должны где-нибудь пристать, не могут же они жить на воде.

Но нашелся среди беглецов удалой Алба. Он не стал плакать, а схватил топор и ну рубить камень. И что же — рассек стену: всякий знает, что на доброе дело у человека силы прибавляются. Хлынул Енисей в щель, прорвался и унес людей еще дальше на север. Здесь и поселились кето и живут до сих пор. А то место, где пришлось по Енисейскому кряжу удар топора, называют теперь Осиновским порогом...

Сначала мы увидели, как «дедушка» разлился вширь на целых пятнадцать километров, ища прохода в каменной стене. Караван шел мимо бесчисленных островов. Лоцман сказал, что таких островов перед порогом семьдесят пять. Но в предании о них почему-то ничего не говорилось.

Я не уходил с мостика, собираясь получше рассмотреть то место, по которому пришелся удар богатырского топора. Левый берег темнел ельниками. Что на правом — сказать трудно, до него было очень далеко. И при такой-то ширине реки судно зигзагами мчалось в узком коридорчике, огражденном бакенами от подводных каменных глыб и кос.

Потом берега неожиданно сдвинулись чуть не под прямым углом, и показалось, что река уперлась в синеватую кручу скал. Так вот оно, узкое ущелье в камне, где вода подхватила челноки кето и унесла их дальше на север.

Судно стремительно втягивается в ущелье. Кружатся водовороты, из них выбрасываются столбики воды, тотчас же рассыпающейся брызгами. С береговых скал летят водопады. Кое-где под ними белеют полосы не успевшего растаять льда. Издалека кажется, что водопад замерз на лету.

В ущелье мрачно, сыро и холодно. Всей своей мощью, уже давно отвыкший от препятствий, Енисей бросается на правый берег, бьет в него, резко поворачивает и мчится к левому.

«Родина» — речное судно, пришло на Енисей своим ходом из Америки в 1945 году через два океана

Тут на его пути в русле вздыблен красновато-бурый утес Кораблик. Обломанные ураганами пики засохших елей чернеют на нем.

В рубке не слышно разговоров. Каждый молча делает свое дело. Лишь изредка капитан роняет вполголоса: «Левее», «Не вались вправо», «Вот так, ладно».

Судно мчится прямо на остров-утес. Я не раз проплывал Осиновский порог и знаю, что сейчас произойдет. Но как трудно отделаться от ощущения, что через несколько секунд мы с бешеного хода неминуемо врежемся в каменную твердь Кораблика!

Вот уже не больше десяти-пятнадцати метров остается до скалы, уже можно различить каждую сухую веточку на расщепленной молнией ели — и тут капитан отрывисто командует:

— Лево руля!

Руль поворачивается чуть-чуть. Этого достаточно, чтобы судно отпрянуло прочь от скалы: его подхватывает могучая отбойная струя надвое разделенного Корабликом течения. Скала, точно огромное неведомое судно, проносится мимо.

— Ну, теперь и закурить можно! Прошли!

Зашелкали портсигары, поплыл по рубке синий табачный дымок. Кто-то закашлялся, кто-то засмеялся. Прошли! Разрядилось напряжение, собравшее всех находившихся в рубке в единый сгусток нервов и воли.

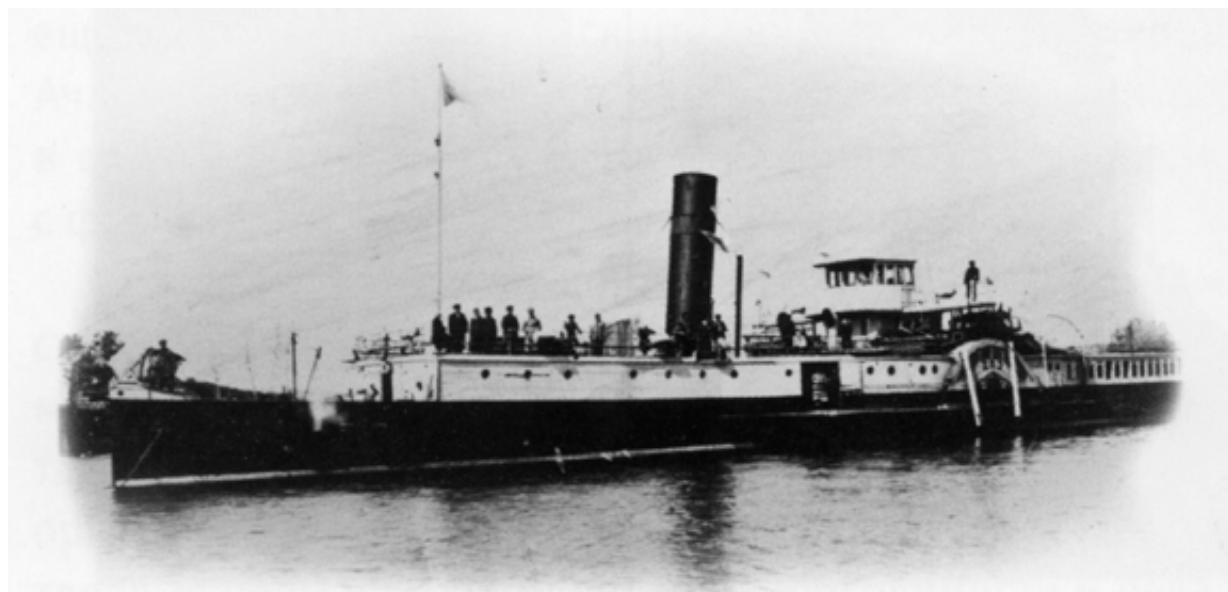
Труден для судоходства Осиновский порог, и даже самые смелые люди долго не решались спускать через него барки. Никто не знал, где скрываются его подводные камни. Но однажды охотник Лазарев, бродя высоко по скалам во время ледохода, присмотрелся к реке и увидел, что лед в пороге движется как-то странно. Часть льдин плыла медленно и толпилась в беспорядке, как бы не зная дороги, а другие двигались быстро, подхваченные сильной струей.

Точно зачарованный смотрел Лазарев на движение льдов. Перед ним раскрывалась тайна порога. Охотник запомнил, где лед мчался быстро, свободно и беспрепятственно. А потом, придя в деревню, объявил:

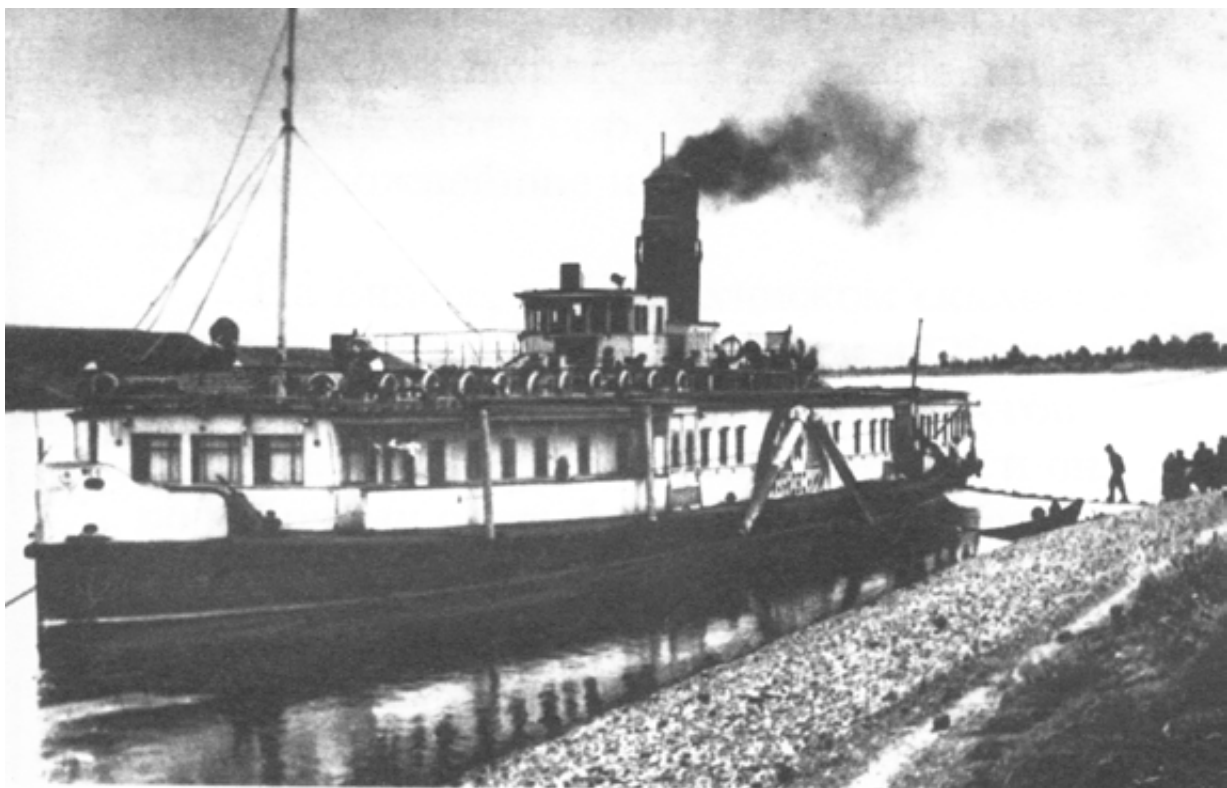
— Берусь провести барку через порог.

Один купец рискнул. Лазарев повел суденышко там, где была главная струя ледохода. Барка легко проскользнула между подводными препятствиями.

Наблюдательность помогла Лазареву стать знаменитым лоцманом. Он и его сыновья провели через порог многие сотни судов.

Один их пароходов, на котором большевики пытались сбежать северным морским путем с золотым запасом в Англию (был задержан белыми перед Большим порогом)

Пасадка и высадка пассажиров на Енисее и его притоках в 1940-е гг. выполнялась с открытым трапом.
Из архива М. Н. Добровольского

Полярная авиация. Фото из газеты 20-х гг. Из архива М. Н. Добровольского

Енисейские рыбаки в пути. Фото А. Н. Остроумова 1927 г. Архивные фонды ГАКК

Гмелин Йоганн Георг, немецкий исследователь Сибири. Великая Сибирская экспедиция 1768-1774 гг.

Тунгусы Куркагэри. Близ устья Виви. Фото Н. П. Наумова 1926 г. Архивные фонды ГАКК

Сборочный цех ЖД мастерских, где в декабре 1905 г. забаррикадировались рабочие. С этих дней идет отсчет выхода газеты «Красноярский рабочий». 1920-е гг. Фото из фондов КККМ

Погрузка рыбы на баржу. Фото А. Н. Остроумова 1927 г. Архивные фонды ГАКК

Каньон возле Осинового порога давно приворожил гидростроителей. Он похож на те, где строятся Красноярская и Братская гидроэлектростанции, только тут все больше, массивнее, величественнее. Говорят, здесь можно поставить гидроэлектростанцию совершенно фантастической мощности.

За Осиновским порогом в Енисей впадает справа Подкаменная Тунгуска — река таежных следопытов. Впервые я познакомился с ней еще до войны. Тогда и Подкаменная Тунгуска, и впадающая севернее Нижняя Тунгуска относились к числу «диких притоков».

Эти огромные реки были едва исследованы и пользовались самой дурной славой из-за своих порогов и мелей. Даже небольшие пароходы поднимались вверх по ним совсем недалеко, и то лишь с опытными лощманами. Не горели на этих реках бакены, не видно было пристаней, и эхо свистов не пугало сон прибрежных ельников.

Потом в тайге начались важные перемены. Новым приискам и поселкам Северной «золотой тайги», примыкающей к Подкаменной Тунгуске, нужно было гораздо больше разных машин, товаров и продуктов, чем удавалось перевозить на небольших катерах и баржах или зимой на санях. Кроме того, далеко на Нижней Тунгуске появилось большое селение Тура, к которому можно было попасть либо на самолете, либо по реке — других путей не существовало.

И в Москве сказали: «Довольно диким притокам быть дикими. Обжили тайгу — обживем и реки».

Тогда и отправился в рейс большой караван.

Его повел «Красноярский рабочий» — теплоход-богатырь. Машина мощностью в тысячу шестьсот лошадиных сил вращала два винта за его кормой, где гудели буруны вспененной воды. Толстый буксирный трос повис над волнами, соединяя теплоход с десятком тяжело нагруженных железных и деревянных барж.

Фактория Учами. Сушат белку. Фото Н. П. Наумова июнь 1927 г. Архивные фонды ГАКК

Мы должны были доставить вверх по Подкаменной Тунгуске грузы для золотой промышленности, затем снова вернуться на Енисей и, спустившись до устья Нижней Тунгуски, попытаться проникнуть по этой реке вглубь Эвенкии, к самой Туре.

Пройдя по старой «лазаревской дороге» через Осиновский порог, наш караван втянулся в устье Подкаменной Тунгуски. Ее прозрачная, но желтоватая, словно спитой чай, вода заметно отличалась от енисейской.

К теплоходу подошла лодка, и на борт поднялся старый человек с добрыми голубыми глазами. Он отдал небольшой сундучок матросу, с достоинством обошел всех и каждого поздравил с началом рейса, добавляя, что вода сейчас стоит очень высоко и караван пройдет в «лучшем виде». Так и не заходя в свою каюту, наш новый лоцман, Павел Трефилевич Воронов, знаток Подкаменной и Нижней Тунгусок, прошагал на капитанский мостик. С тех пор до конца рейса он оттуда не спускался — по крайней мере, я видел его там днем и ночью и не знаю, когда и где он спал.

Капитан взялся за ручку свистка. Теплоход медленно потянул свои баржи навстречу потоку спитого чая.

Длина Подкаменной Тунгуски — тысяча пятьсот семьдесят километров. Она начинается там, где поселок в пять домов считается большим селением и наносится на карту. Нам предстояло познакомиться только с ее низовьями.

С берегового крутояра местами сползал в воду весь почвенный слой вместе с молодым березняком, кустарником и травой. Неровности склона придавали этому ползущему лесу самый фантастический вид. Опровергая привычное представление о стройных стволах, растущих вверх, лес иглами дикобраза топорщился в разные стороны. Все это были при-

Телеграфная станция в Ворогово. 16 сентября 1913 г. Ф. Нансен. Фото из книги 1915 г. «Въ страну будущего»

чуды вечной мерзлоты, верхний слой которой подтаял и сползал, скользя по нижнему, твердому, как камень.

Первую остановку мы сделали у фактории Черный Остров. Фактория — это небольшой поселок, где житель тайги может продать добытую пушнину и найти все, что ему нужно. Тут обязательно есть склады с товарами, магазин, почта, красный чум, школа, радиостанция, доктор, а то и небольшая больница. Здесь знают все последние новости, могут дать полезный совет, помочь в беде.

Дома фактории Черный Остров прилепились на самой береговой круче; в трех шагах от них начиналась тайга. Караван окружили «ветки» — легчайшие лодочки, выдолбленные из древесного ствола. Право, индейская пирога по сравнению с ними — солидное судно. Достаточно одного неловкого движения — и вы примете холодную ванну. Но кето никогда не делают этих неосторожных движений. «Ветка» в их руках кажется живым существом — проворным, подвижным, вертким. Должно быть, они окончательно сроднились с водой еще тогда, когда «дедушка» Енисей принес сюда их лодки через прорубленную Албой щель Осинового порога...

Я сошел на берег в ботинках и тотчас пожалел об этом. Казалось, что на крутом склоне не могла задержаться даже небольшая лужица. На самом деле весь берег сочился бесчисленными струйками, и ноги вязли в топи. Это тоже «шутила» вечная мерзлота. Но о ней речь будет впереди.

По стене бревенчатого дома кто-то растянул для просушки недавно снятые шкуры. Две были медвежьи. Третью механик определил как лошадиную; но его помощник утверждал, что шкура принадлежит корове, которую задрали медведи, поплатившиеся за этот разбой собственными шкурами.

На берегу в низовьях Енисея. Гравюра неизвестного художника конца XIX века. Из архива автора

Подошел местный житель:

— Любуетсясь?.. Медвежья-то сейчас немногого стоит: вылиняла. Ничего, выделают — кожа на штаны пойдет. Штаны получатся немыслимой крепости, на гвозде не порвешь. А лось попался красавец, одни рога чего стоят.

Механик посмотрел на помощника, помощник — на механика...

Между тем охотники, объехавшие весь караван, вытащили «ветки» на берег и собрались в кружок возле красного чума. Кстати сказать, красный чум был вовсе не чумом, а большим деревянным домом со зрительным залом и сценой.

Черные грубошерстные кафтаны кето с яркими нашивками были свободны и просторны. Мягкие сапоги из оленьей кожи делали бесшумными шаги таежного следопыта. На поясе кето носили ножи в грубых деревянных ножнах, а за поясом — пестро расшитые бисером кисеты из тонкой замши. Несколько не вязалось с их мужественной внешностью то, что они по-женски повязывали головы платками.

Охотники набили листовым табаком здоровенные трубки, обильно украшенные медью. Комары тотчас улетели восвояси.

Медведь и тот обратился бы в паническое бегство от одного дыма десятка трубок, вмещавших сразу по доброй пригоршне табаку.

Кето, родной язык которых не богат, свободно говорят по-русски. Начало родословной этого небольшого народа надо искать у древних обитателей долины Верхнего Енисея. Кето, или, как их еще называют, кеты, переселились на Север позже других племен, и в предании об Осиновском пороге заключено зерно истины.

На Севере у кето нет родственников. Наиболее близкий им народ — аринцы, или арины, жили далеко на юге и давно уже исчезли с лица земли.

Последний аринец умер двести лет назад, а о кето один крупный исследователь народов Сибири писал до революции: «Эта группа охотников, совершенно обнищавшая, утра-

Фактория Тура. Запряжка оленней упряжки. Фото Н. П. Наумова зима 1926-1927 гг. Архивные фонды ГАКК

тила свой национальный характер, обезличилась вконец и стала на грань определенно выраженного вымирания».

Посмотрел бы этот исследователь на кетские охотничьи колхозы, на школы, в которых учатся дети кето, на здоровую, сильную молодежь, которая уезжает учиться в Ленинградский институт народов Севера, чтобы потом снова вернуться на родную реку, к своему маленькому народу!

Кето — искусные охотники и не менее искусные рыболовы. Перед гостем, заглянувшим на огонек костра, тотчас поставят рыбу во всех видах: соленую, вяленую, сушеную, вареную, жареную. Появятся и пресные лепешки, испеченные прямо в горячей золе. Легкая, изящная посуда из коры березы, забавные деревянные игрушки, красивые вышивки, наконец, кисеты, затейливо украшенные бисером, говорят о склонности кето к ремеслам. Но главное занятие таежных следопытов — охота.

Об охоте они могут говорить часами. Я едва успевал делать заметки в записной книжке, когда мои собеседники принялись рассказывать о белке и ее повадках.

Белка, по их словам, устраивает гнездо из мелких сучьев, выстилая его внутри мхом, пухом и перьями. Иногда в гнезде зверек делает два отверстия: сверху и сбоку, чтобы в случае нападения врага можно было ускользнуть через запасный выход. На зиму белка заботливо утепляет свое жилище.

Впрочем, она не домоседка и, уйдя далеко в поисках корма, часто не возвращается к гнезду, а строит новое. Вынуждают ее заняться новым жилищным строительством и блохи, которые разводятся в старом, насиженном гнезде в устрашающем количестве, не давая белке минуты покоя.

— Белка тепло любит, — говорил, дымя трубкой, старый охотник, а другие кивали головой в знак согласия с его словами. — В шибко большой мороз идет к другой белке. Собираются три, пять белок. Сидят, греют друг друга.

Вот бы посмотреть на такое беличье общежитие!

Белка — основа пушной добычи Енисейской тайги. Счет добытых шкурок в год идет на десятки тысяч

— Плавает хорошо, — продолжал охотник. — Тунгуску может переплыть. Когда плывет, хвостверху держит. Если хвост намок — пропал, однако, зверь, вода его хватает, топит...

Белка любит кедровые орехи, ест семена ели, лиственницы, сосны, лакомится ягодами, грибами, птичьими яйцами, молодыми побегами растений. Этот милый зверек не брезгует и мелкими птичками.

На зиму белка запасает орехи и шишки в дуплах деревьев, раскладывает на ветках и пнях грибы, стараясь выбрать такие места, которые не заносит снегом. Не прочь она попользоваться и чужими запасами, например орехами из складов запасливого бурундука. Начиная зимовку, белка сначала съедает те запасы, которые расположены подальше, а потом, в середине зимы, питается из своих ближайших «кладовых».

Белка, по мнению кето, очень «проста» по сравнению с другими зверьками. Ее можно промышлять ловушками — на приманку из подсушенных грибов или орехов. Но чаще всего охотники добывают белку ружьем.

За ценным зверьком обычно охотятся поздней осенью и ранней весной. Охотники идут в тайгу с собаками. Пес, обнаружив белку, загоняет ее на дерево и начинает облаивать; этих охотничьих собак так и называют лайками.

Подходит охотник и смотрит, где притаился зверек. Если белка запряталась в дупло, то он стучит топором по дереву — и зверек в испуге выскакивает на ветку. В мороз охотник не стучит, а ждет притаившись. Белка не может неподвижно сидеть на сучке: мороз подмораживает ей пятки. Чтобы не замерзнуть, она начинает двигаться и выдает себя.

Белка «крепка» на рану. Поэтому охотники стараются попасть ей точно в голову. Тогда и шкурка останется целой и лишнего заряда тратить не надо.

До следующей фактории — Суломай — было несколько километров. Первым я увидел здесь хорошо запомнившегося мне охотника из фактории Черный Остров. Он махал нам рукой как старым знакомым и лукаво ухмылялся. Перед отходом каравана проворный кето сел в «ветку» и легкими, точными ударами весла погнал ее вверх по реке. К нашему приходу он уже успел рассказать суломайцам все новости, которые узнал на караване.

В Суломае большая школа. Красный флаг развевается над ней. Кругом торчат пни столетних лиственниц, кедров подступают к дому чуть не вплотную; внизу глухо шумит на камнях ворчунья-река.

Зимним утром, до того как загорится поздняя в здешних местах заря, собираются в теплые классы ребята, ничего, кроме берега своей реки, не видевшие, и с увлечением решают задачу о том, где встретятся два поезда, более быстрые, чем олени. Что такое поезд, они знают только по картинкам и по рассказам своего учителя, бывшего охотника, который учился в Ленинграде и многое повидал. Как почти везде на Севере, дети живут при школе, в общежитии, а во время каникул плавают в «ветках», бродят с отцом по тайге или помогают матери выделывать звериные шкуры.

В Суломае я встретил охотника, которого знает вся Тунгуска. Сухощавый, опершись на старинное ружье, он застыл у крутого обрыва. В горах догорал багровый закат, и глубокие морщины на коричневом, словно вырезанном скульптором из темного дерева, лице охотника казались еще глубже.

Даже пестрый платок, закрывающий шею и завязанный по-женски узелком под подбородком, не делал старого охотника смешным. Казалось, что на берег Тунгуски пришел оживший герой романа Фенимора Купера. Впрочем, если бы описать жизнь старого следопыта сибирской тайги, получилась бы повесть не менее захватывающая, чем роман из жизни обитателей девственных лесов за океаном.

Говорили, что старому охотнику чуть ли не сто лет. Я спросил у него об этом. Он пожал плечами: может, и сто, у кето ведь не было метрических книг.

С ружьем старик не расстается и до сих пор снимает белку с одного выстрела...

Глава XIV

ГОСТЬ ИЗ ВСЕЛЕННОЙ

Щеки. — «Ноев ковчег». — Разведка. — Небесный гость. — Первый поход Кулика. — В обожженном лесу. — Котловина Великого Болота. — Помощь приходит вовремя. — Третья экспедиция. — Межпланетный корабль? — Что произошло на самом деле?

Подкаменная Тунгуска дика, капризна и прекрасна.

Можно часами любоваться игрой ее струй, бесчисленными водоворотами, сбегаящими с гор потоками ледяной воды, хлопьями ослепительной пены, взбитой на порогах и в стремнинах притоков. Достаточно судну подойти к берегу, как пространство между бортом и прибрежными камнями забивается этой пеной так, что вода совсем исчезает под ее легким, кружевным покровом.

А берега! У самой воды обнажились жилы розового кварца. Потом тянется темный обрыв — скользкий, холодный, весь в подтеках почвенных вод. Чуть подалее мхи и лишайники придали скалам чудесный бирюзовый оттенок.

...Штурман разбудил меня на рассвете:

— Вставай! Щеки проходим!

Я оделся и выбежал на мостик. Было прохладно и тихо, даже птицы еще спали.

Прямо перед носом судна, в серовой мгле, вырисовывалась крепость с бастиянами, башенками, зубчатыми стенами.

Поворот — и крепость уступила место частоколу высоких столбов, состоящих из каменных ковриг, как бы положенных рукой великана одна на другую. Их сменила колоннада отшлифованных водой и ветром каменных «пальцев».

Очертания скал менялись каждую минуту. Мы видели голову старика, собирающуюся взлететь птицу, двугорбого верблюда. В нагромождении каменных глыб и обломков возникали неясные фигуры, дорисованные воображением.

Когда, наконец, взошло солнце, фантастичность очертаний исчезла, зато появились краски: цвет скал менялся от оранжевых пятен сурика до темно-бурых оттенков.

Ангарские пороги в родстве с тунгусскими Щеками, этим узким и извилистым ущельем. И Ангара, и Подкаменная Тунгуска, и их старшая сестра — Нижняя Тунгуска — пересекают все то же Средне-Сибирское плоскогорье.

Горные гряды, образующие пороги и ущелья на этих реках, состоят из тех же сибирских траппов — изверженных раскаленных пород, образовавших после остывания колоссальную глыбу плоскогорья. Эти породы тверды, но всеильное время добралось и до них.

Щеки — прекрасный памятник деятельности солнца, воды, ветра, мороза. Может быть, не менее прекрасный, чем Красноярские Столбы, — хотя столбисты наверняка найдут такое сравнение кощунственным, потому что, по их глубокому убеждению, Столбы неповторимы, и природа просто не могла создать ничего им подобного...

Когда наш теплоход разгружался у фактории Кузьмовка, из-за мыса показалась илимка. Вскоре она причалила около каравана.

В трюме илимки возле железной печи, на которой жарилась медвежatina, сидели несколько мужчин, женщин и подростков. Сундуки, горшок с глянцеви́тым фикусом и другой скарб придавали суденышку одомашненный вид. Поставив швейную машину на бочонок с рыбой, одна из женщин что-то шила.

Самым молодым пассажиром тунгусского «ноева ковчега» был пионер-эвенк Копкон. Он ехал в Артек. Перед мальчуганом распахивались двери незнакомого мира.

Еще плыли два охотника, молодая учительница, ехавшая в отпуск, и комсомольский работник.

Последний был крепким, ладно скроенным молодцом. Густой загар, давно не стриженные волосы, мягкие кожаные сапоги, нож на поясе делали его похожим на рыбака или охотника. Я вскользь заметил ему об этом. Он искренне расхохотался:

— На охотника, говорите, похож? А поживите-ка у нас на Тунгуске. Тут ведь за сто-двести верст ездят друг к другу чай пить. А по делу едешь и за пятьсот. Гостиниц же для командированных в тайге пока не удосужились построить. И вместо скорого поезда у нас... олешки. А с этим рогатым транспортом надо самому управляться, если хочешь, чтобы тебя в тайге считали своим. Ну, а потом — на «ветке», благо в реках у нас недостатка не ощущается. Первое время, пока к ней приноровишься, купаешься досыта... Теперь перейдем к другой стороне вопроса, — продолжал он. — Не будешь же брать с собой продовольствия на всю дорогу? Ясно, не будешь: тяжело, маятно. Берешь ружье, крючки. Остановился у озера, рыба клюет — значит, уху хлебать будем. Вот вы говорите, что я похож на охотника. Так ведь я и есть охотник. Увидел белку — моя! Увидел глухаря — мой! Не буду хвастать, но и медведю спину не покажу, это точно...

Мы должны были подняться по Тунгуске на триста километров, до Большого порога. К порогу караван подошел в сумерки. Там уже стояла флотилия илимок. Флажки-флюгеры на мачтах смотрели в одну сторону. На берегу дымили костры, слышались песни, монотонно пела гармошка. Грузчики давно дожидались нас, чтобы перегрузить товары на илимки, которые катера потянут дальше вверх по реке.

Наутро было решено сделать разведку порога. С борта спустили сильный моторный катер. Сначала он шел довольно быстро, но чем ближе подвигались мы к порогу, тем медленнее уходили назад каменистые берега. Волны, катящиеся через подводные камни, били в борт, дождем брызг обдавали катер.

— Попали под душ, — ворчал механик. — Этакая силища зря пропадает!

Течение все усиливалось.

Напрасно мотор захлебывался на предельных оборотах — пена летела из-под кормы, но мы не продвинулись дальше ни на метр. Мучительно поднимать через такой порог илимки! И не зря для этого соединяют вместе силу мотора, искусство лоцмана и ловкость илимщиков, которые идут по берегу, держась за длинный канат, и в трудную минуту помогают катеру.

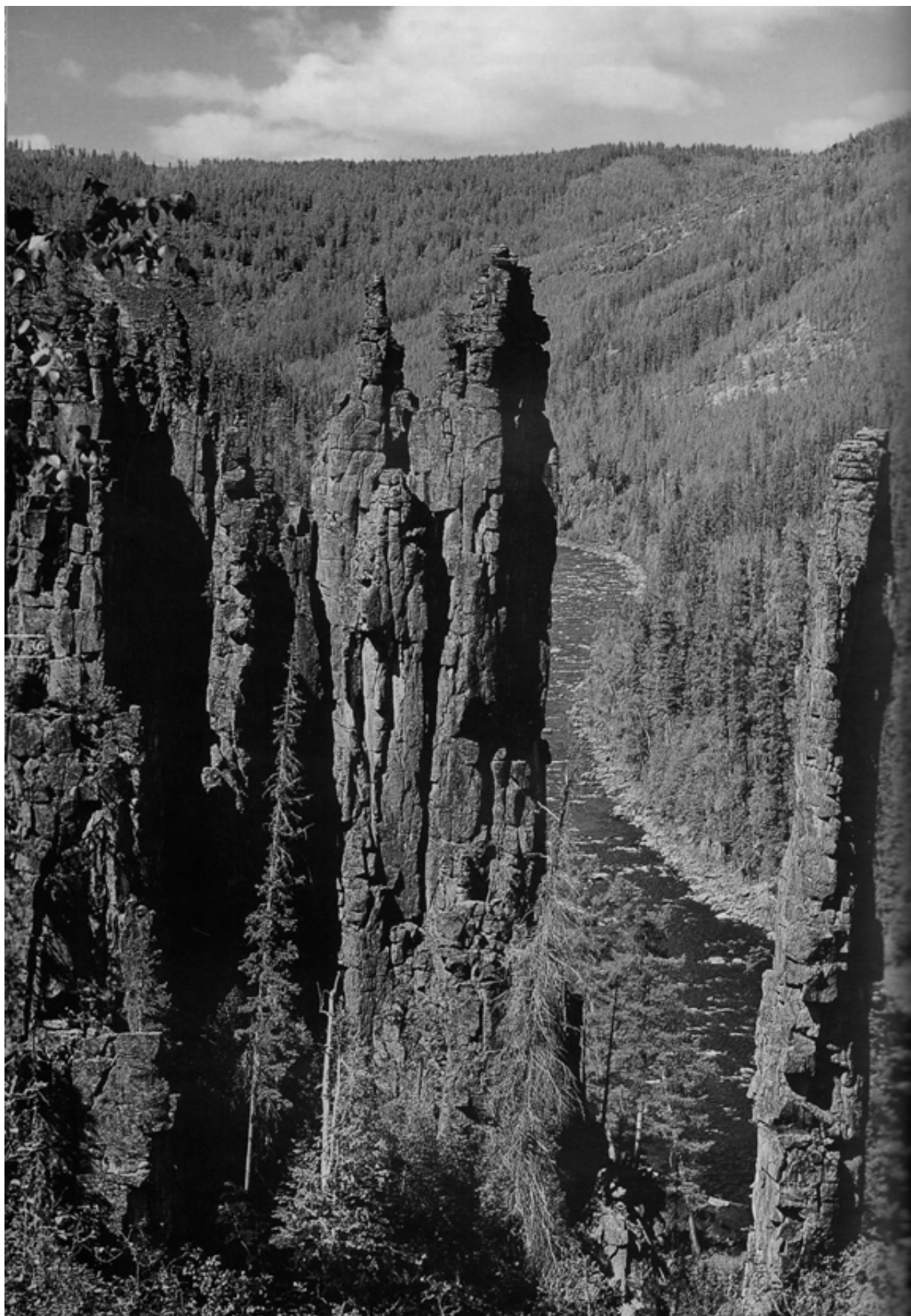
Вернувшись на судно, мы застали на корме целую толпу. Она окружала здорового пса, заманенного кем-то на судно. Он сидел, поджав хвост, и трусливо повизгивал.

Причиной столь недостойного поведения пса был жирный боров Борька — наш живой запас свежего мяса. Чувствуя, что пес его побаивается, он хрюкал с самым независимым и достойным видом. Потом вдруг издал отрывистое: «Чух! Чух!» — и бросился на собаку.

Жалобно взвизгнув, пес перемахнул через борт, плюхнулся в воду и поплыл к берегу. Хохот и ядовитые замечания по поводу храбрости знаменитых тунгусских собак сопровождали это бесславное отступление. Выскочив на берег и основательно встряхнувшись, пес бросился к пожилому грузчику.

С теплохода закричали:

— Эй, дядя! Твой волкодав от бора сбежал. Такой собаке камень на шею да в воду!

Столбы на Подкаменной Тунгуске. Фото С. В. Зоммера

Хозяин пса не на шутку обиделся. Обругав шутников последними словами, он сказал, что со своим псом даже на медведя хаживал. Потом добавил, что собака у него настоящая, таежная и свиней отродясь не видела, не знает эту живность — ну и оробела.

В заключение грузчик не отказал себе в удовольствии заявить, что на порядочных судах свиньи по корме не разгуливают, а команда чужих собак не заманивает...

Сгрузив последний мешок муки, мы тронулись в низовья, к выходу на Енисей.

Как ожила Подкаменная Тунгуска! Гудки то и дело будили эхо в горах. Пароходы тянули против течения тупоносые плоскодонные баржи. По притоку Тунгуски — речке Вельмо — эти баржи нужно было привести к пристаням золотых приисков. Опасаясь неожиданного столкновения, капитан давал перед каждым поворотом реки два свистка, призывая встречных к осторожности.

Итак, нам удалось подняться по «дикому притоку» только до его Большого порога. Но позднее был взят и этот порог. Мощные буксиры, связавшись по двое, по трое, помогали грузовым теплоходам преодолеть течение. Суда прошли по Подкаменной Тунгуске более тысячи ста километров и бросили якоря у фактории Ванавара — той самой Ванавары, название которой хорошо известно в мировой науке. Как раз неподалеку от нее и случилось удивительное происшествие, одно из тех, что бывают, пожалуй, раз в тысячелетие.

Утром 30 июня 1908 года в пассажирском поезде, шедшем близ города Канска, услышали страшный грохот. Не понимая, что произошло, машинист поспешил остановить состав. Пассажиры, выглянув в окна, увидели огненный след на небе.

В тайге, за многие сотни километров к северу от Канска, охотники-эвенки в ужасе упали на землю: они увидели огненный шар, похожий на стремительно покатившееся по небу солнце.

Проводник экспедиции Леонида Алексеевича Кулика — эвенк Лячеткан (Илья Потапович Петров) Фото Иннокентия Михайловича Суслова 1926 год

Вырезка из октябрьского номера журнала «Огонек» за 1928 год

Необычайное явление всполошило многих сибиряков. Они слышали мощные удары, грохот. Воздушная волна невероятной силы ломала, точно спички, столетние деревья, валила заборы, «выжимала» воду из рек. Перепуганный скот мчался по улицам. В домах лопались стекла.

После того как все стихло, где-то далеко на севере поднялся высоченный столб дыма.

Приборы всех сейсмических станций мира, занятых изучением землетрясений, отметили, что утром 30 июня происходили сильные подземные толчки где-то вблизи Подкаменной Тунгуски. Приборы показали также, что воздушная волна неведомого взрыва два раза обожала вокруг нашей планеты.

Ученые высказали мысль, что на Подкаменной Тунгуске упал небесный гость — метеорит.

Когда в темном осеннем небе «падает звезда», это значит, что небольшой обломок некогда существовавшей планеты влетел в земную атмосферу, раскалился от трения о воздух и вспыхнул, обратившись в газ.

Но если камень достаточно велик и притом летит не очень быстро — «всего» километров двадцать в секунду! — то он не успевает сгореть целиком и, оставляя огненный хвост, падает на землю, чаще всего в виде нескольких обломков. Эти обломки весят иногда десятки и даже сотни килограммов. Тот метеорит, который, судя по всему, упал в Сибири, был метеоритом-великаном.

Катастрофа в Сибири взволновала умы. Газеты опубликовали приукрашенные рассказы пассажиров поезда. В глухих сибирских деревнях ходили слухи, будто близок «конец света».

Потом о «тунгусском диве» стали забывать. Место, куда упал метеорит, было почти недоступным. Царское правительство отказалось снарядить туда экспедицию, считая это нестоящим делом.

Фактория Байкит. Снабжение перед осенним промыслом. Фото Н. В. Сушила 1926 г. Архивные фонды ГАКК

...Леонид Алексеевич Кулик, заведующий метеоритным отделом Минералогического музея Академии наук СССР, никак не хотел примириться с тем, что среди экспонатов этого музея не было хотя бы маленького осколка Тунгусского метеорита.

После разведочных экспедиций и тщательной проверки всех рассказов о «тунгусском диве» охотник за метеоритами зимой 1927 года охотничьими тропами добрался, наконец, до скрытых сугробами избушек фактории Ванавара.

Тут жили очевидцы событий. Оленевод Илья Лючеткан рассказал, что в те годы чум его брата Ивана стоял возле речки Дилюшмы. Когда с неба упал «он», чум взлетел на воздух. Брата и его жену шибко подбросило вверх. У другого родственника Лючеткана «он» пожег лабазы и «кончал» много оленей.

— А как пройти туда, где «он» лес выжег? — спросил Кулик.

Эвенк неодобрительно покачал головой:

— Однако, шибко плохое место... Не ходи туда. Опять бог Огды рассердится. Опять тайгу жечь будет.

После настойчивых расспросов Лючеткан с видимой неохотой сказал, что лес выжжен между речками Хушмо и Кимчу.

Несколько дней потратил Кулик, чтобы уговорить Лючеткана и другого эвенка, Охчена, довести его на оленях к Хушмо.

Что это был за поход! Хитрец Охчен вставал поздно, долго пил чай, еще дольше собирался в путь, а пройдя немного, начинал охать, останавливал оленей и чуть не с полдня устраивался на ночлег.

Кулик понимал, что его спутникам ужасно не хочется идти к «заколдованному» месту, где обитает бог огня Огды, и проявлял неистощимое терпение. Он даже делал вид, что доволен своими проводниками. А между тем ему временами хотелось бросить эвенков и бежать на лыжах вперед, на север. Маленький караван незаметно проник в зону бурелома.

Большой порог. Нижняя Тунгуска. Учакыт (верхом на оленях). Фото Н. П. Наумова 1926 г. Архивные фонды ГАКК

В Подкаменной Тунгуске. Фотограф Н. А. Остроумов июнь 1926 г. Архивные фонды ГАКК

Лямщики в Большом пороге. Фото Н. В. Сушила 1926 г. Архивные фонды ГАКК

На вершинах холмов тайга была начисто вырвана пронесшимся здесь сверхураганом. Черные корни, точно змеи, извивались над поваленными стволами.

Вскоре суеверные эвенки отказались идти дальше. После долгих колебаний Лючеткан согласился, однако, походить вокруг того места, где упал «он». Вокруг — это не так страшно...

Вдвоем они бродили по окрестным холмам, всюду натываясь на мертвую, обожженную тайгу. Если бы тут пронесся обычный лесной пожар, мелкие ветви не обуглились бы, а сгорели дотла. Лишь мгновенный ожог мог обуглить их. Лес, обожженный метеоритом!

Как-то Кулик вышел на гребень довольно высокого хребта — и замер.

Перед ним лежало плоскогорье, покрытое мелкой редкой порослью и замкнутое цепью снежных гор, напоминавших сахарные головы. Взрослых деревьев здесь не было. Их поваленные стволы лежали на земле. Зато по краям плоскогорья синела густая тайга.

Из-под горы, кряхтя, поднялся отставший эвенк. Быстро осмотревшись, он подозрительно покосился на Кулика. Но тот равнодушно смотрел вдоль хребта. Эвенк ждал вопросов. Кулик молчал с самым безразличным видом. Тогда эвенк, не вытерпев, возбужденно заговорил, указывая рукой на далекие снежные горы:

— Там, рассказывают, «он» лес валил во все стороны и все палил, досюда палил, а дальше огонь не ходил...

Сказал — и осекся. Но Кулику и этого было достаточно. Слова эвенка только подтверждали то, что он видел сам. Если у гор «он» валил лес во все стороны, значит где-то там и был центр падения.

Но что это за горы? На карту надежда плоха: она составлена на глаз.

Кулик терпеливо выспросил у своего спутника все, что тот знал об окрестных хребтах и речных долинах. Лучше всего было бы проникнуть к заветным горам немедленно, пока не стаял снег.

Но эвенки ни за что не согласились идти к «заколдованному» месту. Кулик, раздосадованный, злой, вернулся в Ванавару.

Он снова смог отправиться на поиски лишь тогда, когда дружная, солнечная весна растопила снега. На этот раз для передвижения ученый воспользовался двумя плотами, на которых кроме него и помощника разместились ангарские охотники и таежный малорослый конь.

Вода то бросала плоты на ледяные заторы, то несла их к заломам из перегородивших русло речки Чамбэ деревьев, подмытых половодьем. Багры и топоры минуты не лежали спокойно.

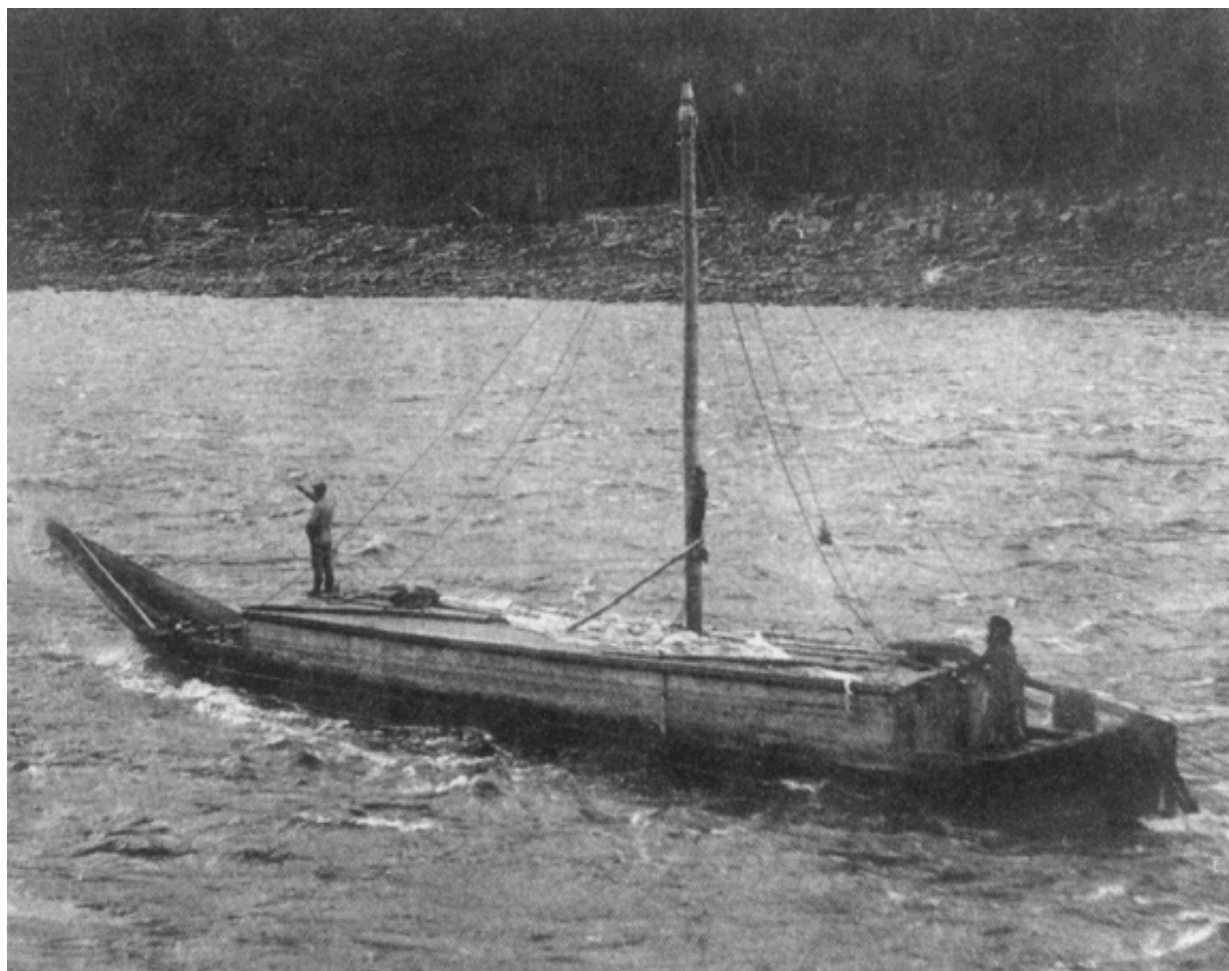
А потом шестнадцать дней конь и люди тянули плоты бечевой против течения порожистой речки Хушмо, бредя в ледяной воде и оставляя клочья одежды в прибрежных зарослях.

Кулик покидал ночные стоянки на рассвете. Он поднимался на ближайший холм. Красноватое солнце в дымке испарений выплывало из-за хребтов, освещая угрюмую горную страну. Знакомых голых гор и темной впадины ущелья между ними нигде не было видно.

Кулик брел к проснувшемуся лагерю. Молчаливые ангарцы ни о чем не спрашивали его и впрягали коня в лямку...

Но однажды с холма открылись вдруг — и притом близко — горы, те самые горы. Правда, они не походили уже на сахарные головы — снег давно растаял, но Кулик не мог спутать их ни с какими другими на свете.

Пройдя по долине впадающего в Хушмо ручья, экспедиция попала в огромную заболоченную низину, которую называли котловиной Великого болота. Разбив здесь лагерь, Кулик начал кружить по горам вокруг нее, заштрихованной стволами поваленных дере-

Илимка общества потребителей в Большом пороге Подкаменной Тунгуски. Фото Н. В. Сушила 1926 г. Архивные фонды ГАКК

Юраки. Гольчиха. Фото А. П. Куриловича июль 1926 г. Архивные фонды ГАКК

Михаил Критский, полярный летчик Енисейской авиагруппы, командир бомбардировщика, героически погиб в августе 1941 г.

Лабаз, построенный экспедицией Кулика в 1928–1929 гг.

вьев. Всюду — на севере, юге, востоке — поваленные стволы были обращены вершинами от котловины к горам.

Кулик сделал чертеж в записной книжке. Котловина оцетинилась стрелками во все стороны. Метеорит ударил как раз в нее, вот в чем дело!

Но где же центр падения?

В северо-восточной части котловины Кулик наткнулся на десятки плоских кратеров — воронок, очень похожих по форме на те, которые можно наблюдать в телескоп на поверхности Луны. Не осколки ли метеорита образовали эти воронки?

Кулику хотелось немедленно начать раскопки. Но чтобы отвести болотную воду хотя бы из одной воронки, нужно было затратить много дней. А в лагере трясли мешки, собирая последние горсти муки.

Через несколько дней люди, первыми в мире увидевшие место падения самого гигантского метеорита последних столетий, тронулись в обратный путь.

Доклад Кулика об открытии в тунгусской тайге, который он сделал в Академии наук, убедил далеко не всех ученых. Некоторые утверждали, что бурелом мог быть следом сильного урагана, что пожарище могло остаться после обычного лесного пожара, вспыхнувшего от удара молнии или костра охотника. Говорили, что воронки, похожие на те, которые он обнаружил, встречаются и в других местах, где под тонким слоем мха залегает вечная мерзлота.

Но все же ему дали возможность организовать новую экспедицию и продолжить поиски в тунгусской тайге.

Через год Кулик снова оказался в котловине Великого болота.

Лето на этот раз выдалось необыкновенно знойное. Погибли ягоды, высохла трава. Мертвый лес стал еще мрачнее. Исчезли птицы, звери обходили котловину стороной. Только пискливые бурундуки — земляные белки — проворно носились по обгоревшим стволам да летучие мыши после заката бесшумно чертили воздух.

Яры на реке Сым. Фото Л. И. Гиршфельда июль 1926 г. Архивные фонды ГАКК

В эпицентре взрыва Тунгусского метеорита. Вывал тайги имеет сплошной вид, но в низинах деревья держатся корнями. 1928 г. Из фондов КККМ

Кулик и его помощники делали топографическую съемку котловины. Поздней осенью, когда болота подмерзнут, ученый предполагал «пощупать» воронки: если метеорит был железным, то чувствительный прибор — магнитометр обнаружил бы его осколки, глубоко вонзившиеся в землю.

Но до осени было еще далеко, когда в таежное зимовье экспедиции непрошеной гостьей пожаловала болезнь.

Цинга нарушила все планы.

Больные побрели по тайге, часто останавливаясь и отирая пот. Но уже видны домики Ванавары. Теперь — к Енисею, где, сверкая яркими огнями, плывут на юг белые пассажирские пароходы. Однако проходит день, второй, третий, а начальник экспедиции не торопится с отплытием.

— Ну, Леонид Алексеевич, когда же в путь-дорогу? — спрашивает Кулика его помощник.

Кулик загадочно щурится из-под стекол очков:

— Вам, да и всем остальным я бы советовал не задерживаться. С цингой не шутят... А я... Что вы так на меня смотрите? Я, пожалуй, вернусь к моему метеориту.

— Леонид Алексеевич, — сердито говорит помощник, — опомнитесь! Одному в тайге!..

— А почему — одному? Вот товарищ Китьян тоже хочет своими глазами увидеть то место, где с неба упал камень.

Коренастый таежник, возившийся с ружьем в тени у забора, не спеша подходит к Кулику.

Кулик и его новый помощник, охотник Китьян Васильев, устроились в зимовье у болота. В избушке не было окон. Записывая что-либо, Кулик каждый раз открывал дверь.

По вечерам у входа раскладывался едкий дымокур. Охотник рассказывал таежные были; Кулик вспоминал камеру-одиночку, куда он был заключен жандармами за революционную работу.

Больше же всего у костра говорили о метеорите. Китьяну никогда не надоедали эти разговоры. Он тоже с нетерпением ждал, когда болото подмерзнет и можно будет поискать обломки небесного камня.

Но зима заупрячилась и не шла в таежные края. Сначала Китьян стрелял бурундуков, ловил рыбу в ручье. Но бурундуки скоро попрятались по гнездам на зиму, а рыба ушла в омуты Хушмо. Стало голодно.

Болото не замерзло и в октябре. Снег оседал на черных стволах. В ночь, когда поднялась первая метель, Китьян разбудил Кулика:

— Слышишь, стреляют?

Они открыли дверь и прислушались. Ветер свистел над болотом. Снег, влетая в избушку, таял у порога.

— Может, тебе показалось?

— Какое там показалось! Стреляли, верно говорю. А охотники сюда не заходят... Ты как знаешь, а я больше спать не лягу.

До утра они слушали метель. Один раз показалось, что опять стреляют. Но это упало сломленное ветром мертвое дерево.

Утром Китьян, вышедший на разведку, тотчас вернулся назад:

— Идут! Много, с ружьями.

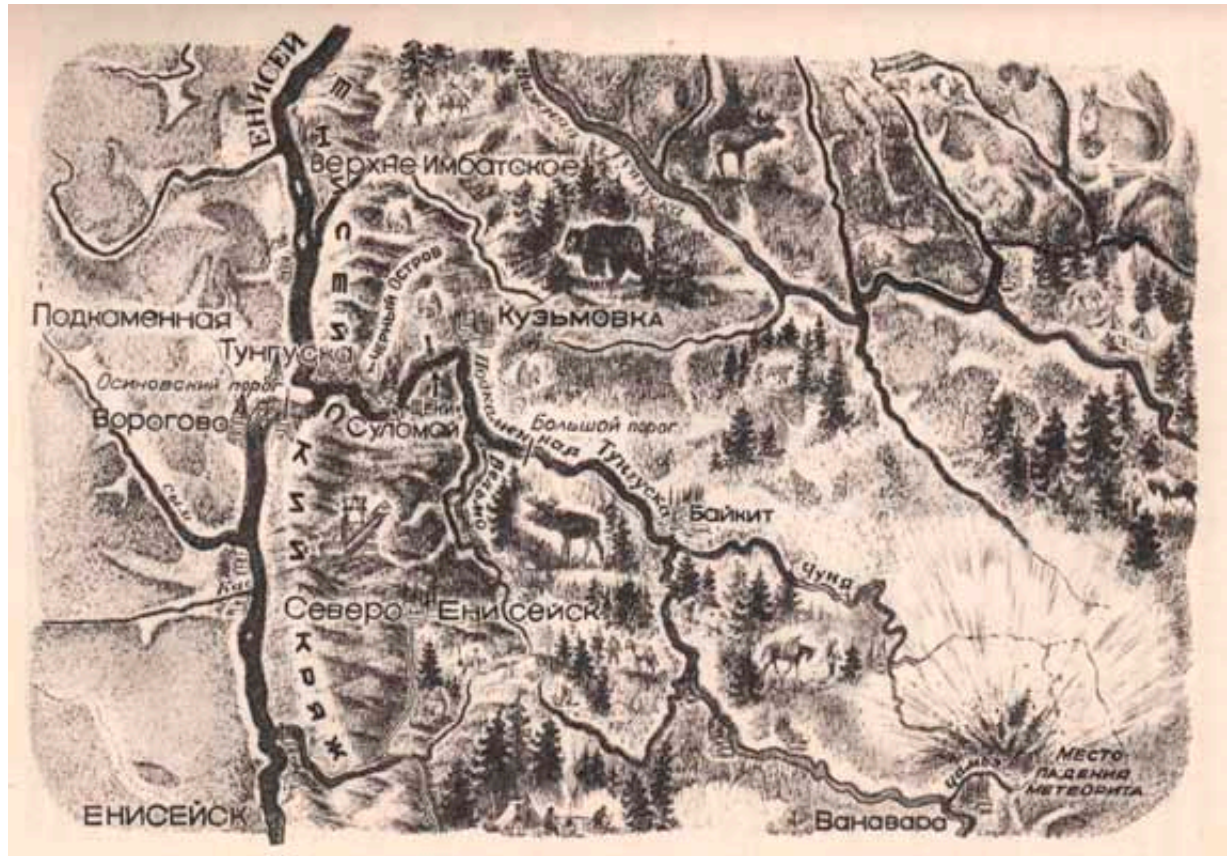
С сопки спускался караван вооруженных всадников. Кулику вспомнились слухи о том, что где-то в тунгусской тайге бродит последняя шайка давно разбитых белогвардейцев-колчаковцев.

Картина из первого издания книги. Художник К. Арцеулов

Н. Федоров. Избушка Кулика. 1984 г. Картина из фондов ККМ

Карта из второго издания книги. Художник К. Арцеулов

Несколько минут Кулик и Китьян, застыв на пороге с ружьями, смотрели, как спускается караван. Силы слишком неравны, ученый — стрелок неважный... Вдруг головной всадник поднял руку и закричал:

— Он жив! Ура! Ура!..

Это был помощник Кулика. Через минуту ученого тискали, обнимали знакомые и незнакомые. Перед Куликом была объединенная экспедиция, снаряженная Академией наук и редакцией московского журнала «Всемирный следопыт» для его розысков.

— Ничего с нами не случилось бы, зря вы все это... — Кулик чувствовал себя неловко, узнав, что экспедиция спешила, опасаясь за его жизнь.

Но ему показали страницу из путевого дневника:

«С тревожными мыслями вступили мы на таежную тропу. Накануне нашего выхода из Тайшета сибирские газеты сообщили, что из приангарских селений бежали несколько человек ссыльных уголовников, которые, оперируя в верховьях Подкаменной Тунгуски, расспрашивают местных охотников, как пробраться к избушке Кулика. Бандиты думают, что ученый ищет в тайге золото».

Кулик возвратил дневник:

— Ну что же, золото так золото... Вон оно, наше «золото». — И он кивнул туда, где под снегом лежало Великое болото.

Третья экспедиция в тунгусскую тайгу, которая состоялась в следующем, 1929 году, принесла Кулику больше огорчений, чем радости. Но она же дала ключ к разгадке тайн тунгусского метеорита.

Когда были исследованы, наконец, воронки, на которые Кулик возлагал такие надежды, то ни в одной из них никаких осколков метеорита обнаружить не удалось. Видимо, правыми оказались те, кто утверждал, что происхождение зловещих воронок связано только с вечной мерзлотой.

Подробнее и внимательнее изучив многие участки поваленного леса, третья экспедиция пришла и к другому важному выводу: что метеорит упал несколько в стороне от первоначального места поисков, в западной части так называемого Южного болота. Эвенк Лючеткан, которого научили грамоте и который понял, что никакого бога Огды нет, подтвердил, что найденные там обгорелые столбы и доски — не что иное, как остатки лабазов его свата, кочевавшего тут со своими оленями в день падения метеорита.

Кулик сделал промеры дна Южного болота. Ему показалось, что там имеется нечто похожее на яму, на метеоритный кратер.

Работы в тунгусской тайге не раз возобновлялись и позже.

Года за три до войны я встретил Леонида Алексеевича Кулика в жаркий летний полдень на улице приангарского села. Высокий, сутуловатый, он шагал, стуча тяжелыми дорожными башмаками по деревянному тротуару. На голове у него была тюбетейка, а в руках кожаный шлем летчика.

Встреча была неожиданной. Разве на Ангаре тоже что-нибудь упало с неба?!

Леонид Алексеевич молча достал из кармана куртки бумагу с лиловой печатью. Это было предписание командиру местного отряда лесной авиации.

— Вот, собираюсь полетать над моим метеоритом.

Он с торжеством смотрел на меня из-под очков ясными глазами мечтателя.

Два лета самолеты кружили над буреломом. Удалось составить точный фотоплан места падения. Если бы еще найти осколки!..

Весной 1941 года готовилась большая экспедиция к Южному болоту, которая должна была предпринять самые тщательные исследования места падения метеорита.

Но экспедиция не успела даже покинуть Москву...

На второй день войны Леонид Алексеевич Кулик подал заявление о вступлении в Коммунистическую партию. С отрядом народного ополчения он ушел на фронт. Ему было тогда почти шестьдесят лет, без очков он становился совсем беспомощным, но никакие уговоры, никакие запрещения врачей не заставили его вернуться в тыл. В груди ученого билось пылкое и смелое сердце.

Трудной осенью 1941 года, в дни боев за Москву, вражеская пуля настигла его. Рана оказалась смертельной. Он умер, веря в победу, веря в то, что придет время, когда советская наука узнает все, что могут открыть ей вестники далеких миров.

Он не ошибся. После окончания войны новая экспедиция собиралась в тунгусскую тайгу, когда телеграф принес вдруг чрезвычайное известие: из небесного пространства на Землю пожаловал еще один гигант.

В морозное февральское утро огненный шар с разноцветным хвостом пронесся над Советским Приморьем. Через несколько дней летчики, кружа над Сихотэ-Алиньской тайгой, обнаружили хорошо различимые на снегу свежие воронки. Ученые нашли там свыше десяти тысяч крупных и мелких осколков метеорита.

Но почему же не повезло Кулику? В Сихотэ-Алине — десять тысяч осколков, целый метеоритный дождь, в тунгусской тайге — ни одного!

В печати по этому поводу высказывались разные предположения. Было среди них и такое: за тунгусский метеорит, мол, ошибочно принимали межпланетный корабль. С помощью атомной энергии он прилетел к нам с соседней планеты, но в земной атмосфере потерпел аварию и взорвался...

Заманчиво? В самом деле, сколько простора для фантазии дает такое толкование загадки тунгусского метеорита!

Но с тех пор как Леонид Алексеевич Кулик шагал по таежному бурелому, советская метеоритика добилась решающих успехов — особенно после изучения Сихотэ-Алинского метеорита.

Ученые уверенно говорят сегодня: загадки тунгусского метеорита больше не существует.

Вот что произошло в действительности. Гигантский метеорит двигался навстречу Земле и влетел в земную атмосферу со скоростью пятьдесят-шестьдесят километров в секунду. Его масса достигала нескольких миллионов тонн. Раскалившись при трении о воздух, он почти весь распылился, превратился в газ еще в верхних слоях атмосферы — и эта тончайшая пыль, освещенная на огромной высоте солнцем, была причиной белых ночей на юге, там, где их никогда не бывало.

На землю же упала лишь незначительная часть метеорита. Советские ученые разработали теорию взрывов небесных тел, падающих с огромной космической скоростью. В тунгусской тайге небесный гость упал на сухой торфяник, прикрывающий толщу вечной мерзлоты. Взрыв чудовищной силы превратил в газ сам метеорит, опустошил тайгу, разбросал торф. Но в твердом мерзлом грунте даже он мог сделать лишь не очень глубокую впадину. Эта впадина постепенно заполнилась водой, образовав Южное болото.

Но почему же тогда не превратился в газ Сихотэ-Алинский метеорит? Потому, что он двигался не навстречу Земле, а догоняя ее, и, влетев в атмосферу со сравнительно небольшой скоростью, распался здесь на куски.

Возможно, что новым исследователям удастся обнаружить мельчайшие частицы и тунгусского метеорита. Но не поиски этих частиц будут главной целью тех, кто придет на Южное болото.

Наибольший научный интерес представляет сейчас исследование самой впадины, самого взрывного кратера и его окрестностей. Такое изучение позволит окончательно уточнить все обстоятельства падения гиганта.

Метеориты летят к нам посланцами далеких, загадочных миров. Это гости из вселенной. Люди науки, отдающие годы жизни поискам и изучению метеоритов, помогают разгадывать великие тайны природы.

Путь советского ученого через болотистую тайгу у Подкаменной Тунгуски был путем к познанию звезд. Этим путем идут сейчас другие. И мы еще услышим о тунгусском метеорите!

Глава XV

«ТУРУХАНКА»

Край ссылки. — По тюрьмам и этапам. — «Да здравствует жизнь!» — На ночной вахте. — Марк Твен об искусстве лоцмана. — Жизнь реки. — Катастрофа у Сухой Тунгуски

Наш караван вышел из желтых вод Подкаменной Тунгуски на Енисей. Плес Енисея, заключенный между Подкаменной Тунгуской и устьем Нижней Тунгуски, к которой мы теперь идем, пожалуй, самый неинтересный для путешественника.

Еще не кончился лес, и не началась тундра. Все слиняло. Кажется, что плывешь мимо одних и тех же берегов.

Река вступила здесь в пределы бывшего Туруханского края — гибельного края ссылки.

Царь хотел превратить этот край в тюрьму, куда можно было бы упрятать половину России. Здесь давили все живое, старались сделать побережье Енисея мертвым, наводящим тоску и отчаяние. Тяжело жилось тут даже тем, кто родился и вырос на Севере. Что же говорить о людях, которых царское правительство ссылало сюда на долгие годы.

После тюремных одиночек их гнали в кандалах по этапам или везли за решеткой в арестантском вагоне.

Считалось удачей, если ссыльный успевал добраться до Енисея летом: тогда его, по крайней мере, не держали несколько месяцев до навигации в каменном мешке красноярской тюрьмы, а сразу отправляли дальше, на север.

Вагон сменялся трюмом вонючей баржи, куда едва проникал свет. Затхлая вода плескалась под настилом на дне. Тяжелые испарения отравляли воздух.

Если ссыльного везли вниз по реке в лодке, то подневольный путешественник сначала даже радовался, что его не загнали в баржу. Жандармы, развалившиеся на корме, казались такими ничтожными и бессильными в этом краю бездонных вод и бездонного неба.

Но чем дальше на север, тем томительнее становилось плавание. Под осень ветер с океана набрасывался на ссыльного, кутавшегося в ветхое пальто или пиджак. Холодные волны заливали лодку. Кружился в воздухе первый снег.

Центром ссылки считалось село Монастырское. Ссыльного выводили на крутой берег. Оглядевшись, он видел белую монастырскую церковь; приземистые серые дома; дощатые тротуары над топкой грязью; длинный, напоминающий барак, дом полицейского управления; обугленные срубы, оставшиеся после недавнего пожара. Песчаный косогор над Енисеем был изрыт землянками ссыльных. Там, где в Енисей впадает Нижняя Тунгуска, белели крытые берестой чумы остяков; откуда-то доносилась незнакомая унылая песня.

Разумеется, не всех ссыльных оставляли в Монастырском. Это казалось царскому правительству опасным. К тому же, живя вместе, ссыльные могли поддерживать, ободрять друг друга. А жандармы добивались того, чтобы сломить дух и волю ссыльного, подорвать его здоровье, сделать Туруханский край его могилой.

Поэтому наиболее опасных революционеров отправляли из Монастырского по глухим деревушкам — станкам, где они должны были жить почти в полном одиночестве. Ни газет, ни книг, ни друзей. Нередко уже к середине полярной ночи кончался керосин, и чуть не круглые сутки сидел ссыльный либо в полутьме, либо при свете лучины, слушая, как мороз с гулом рвет промерзшую землю и тоскливо воют не то собаки, не то волки.

У многих, попадавших в Туруханский край, немедленно возникала мысль о побеге. Бежать, скорее бежать из этих гиблых мест, пока еще есть силы, пока простуда, недоедание и болезни не унесли здоровья!

Сначала ссыльному кажется, что бежать не так уж трудно. Стражник живет в отдельной избе. Жители станка с утра до ночи заняты тяжелым трудом — им не до ссыльного. Кругом сколько угодно укромных мест, где можно отсидеться первые дни, обманывая погоню.

Но на самом деле бежать из туруханской ссылки было почти невозможно.

На севере ждала голодная смерть в тундре. На востоке и западе караулила тайга, в дебри которой не ступала еще нога человека.

Оставалась одна дорога — Енисей. Но у крутых берегов, где не было обходных путей, устраивались полицейские засады. Возле Осиновского порога, который не могла миновать стороной ни одна лодка, всегда стояли наготове быстроходные моторки. Полицейский кордон в Ворогове проверял всех плывущих и идущих вверх по реке.

Отчаяние и безнадежность овладевали ссыльными, когда они убеждались, что побег невозможен. Один из первых туруханских ссыльных, декабрист Шаховской, сошел с ума. Многие кончали жизнь самоубийством.

Гиблую «туруханку», как называли ссылку на север Енисея, могли стойко, с честью вынести лишь люди могучего духа, железной силы воли, непоколебимой веры в светлое будущее.

Борцами, не сложившими оружия, пришли в «туруханку» большевики. Они и здесь были связаны с народом и в народе черпали силу и бодрость.

В июне 1913 года в Монастырское был доставлен один из крупнейших организаторов большевистской партии Яков Михайлович Свердлов — «товарищ Андрей». По ухабистой

Село Монастырское. Начало XX века. Фото из архива автора

Историческая книга на 1916 г.

Дата	Место и имя	Возраст, лет, месяцев и фамилия, имя, отчество	Возраст
Смерти	Место	Возраст, лет, месяцев и фамилия, имя, отчество	Возраст
162	С. Спандарян	Полковник С. Спандарян	12
225	3	7	12
163	11	7	12
164	9	11	15
226	11	12	15
165	13	20	15
227	24	25	15
166	17	25	15
228	18	25	15
229	18	25	15
167	18	25	15
168	18	25	15
169	18	25	15

Страница метрической книги с записью о смерти в ссылке Сурина Спандаровича Спандаряна. Негатив из фондов ККМ

Памятник С. С. Спандаряну на Троицком кладбище в Красноярске. 1960 г. Негатив А. Л. Яворского. Из фондов ККМ

Верхнеимбатская Успенская церковь. 1900-е гг. Негатив священника Попова. Из фондов ККМ

дороге его повезли туда, где на высоком каменистом берегу Енисея притулилось несколько низеньких старых изб. Это был станок Селивановский.

Свердлов поселился в комнате с двумя подслеповатыми окнами, с нависшим над головой потолком. Здесь Якову Михайловичу предстояло долгие месяцы жить в отрыве от товарищей по революционной работе.

В Туруханский край вскоре после Свердлова был выслан на четыре года Иосиф Виссарионович Сталин. Его поселили под надзором полиции в станке Костино — крохотном селении на берегу Енисея, в нескольких десятках километров от Монастырского.

Вскоре департамент полиции предупредил енисейских жандармов, что находившиеся в то время за границей представители большевистской партии готовят побег Свердлова и Сталина.

Тогда в начале 1914 года жандармы перевели их в наиболее отдаленный станок — Курейку, к Полярному кругу.

В туруханской ссылке находился также большевик Сурен Спандарян. Он пришел в Сибирь по этапам, в кандалах, до крови растерших и изранивших ему ноги. Это был человек редкой силы воли и мужества. Из красноярской тюрьмы он писал:

«Здесь всякие гнусы и гниды безнаказанно меня едят: все тело исцарапано и окровавлено. Настроение бодрое, веселое, хорошее. Да здравствует жизнь!.. И мы еще повстанем, нечего унывать».

Сосланный пожизненно в Туруханский край, Спандарян тяжело заболел. Удушающий кашель сотрясал его тело, но он не сдавался, находил силы подбадривать других. Ему разрешили выехать из Туруханского края только тогда, когда жандармы убедились, что больной доживает последние дни. Скончался Спандарян в красноярской больнице.

Мрачно прошлое Туруханского края. «Краем черных дней и белых ночей» его называли не только потому, что на смену летним ночам с их незаходящим солнцем приходили зимние дни, когда полутьма окутывала землю.

Немало нужно времени и сил, чтобы окончательно оживить эти за столетия запущенные и омертвленные берега, чтобы стереть еще проглядывающие кое-где темные пятна былого.

На высоком берегу — село Верхне-Имбатское. Как разросся этот крохотный станок: школы, колхозные фермы, метеорологическая станция, магазины! Но и тут и в других селениях еще торчат кое-где старые, подслеповатые избышки.

Главные перемены — на самой реке. Бывало, плывешь трое суток — и хоть бы одно порядочное судно: все лодки, баркасики. А теперь то и дело свистят встречные караваны, тянутся чудовищной величины плоты. Суда чаще всего новые, большие, красивые; некоторые из них пришли на Енисей через Северный Ледовитый океан.

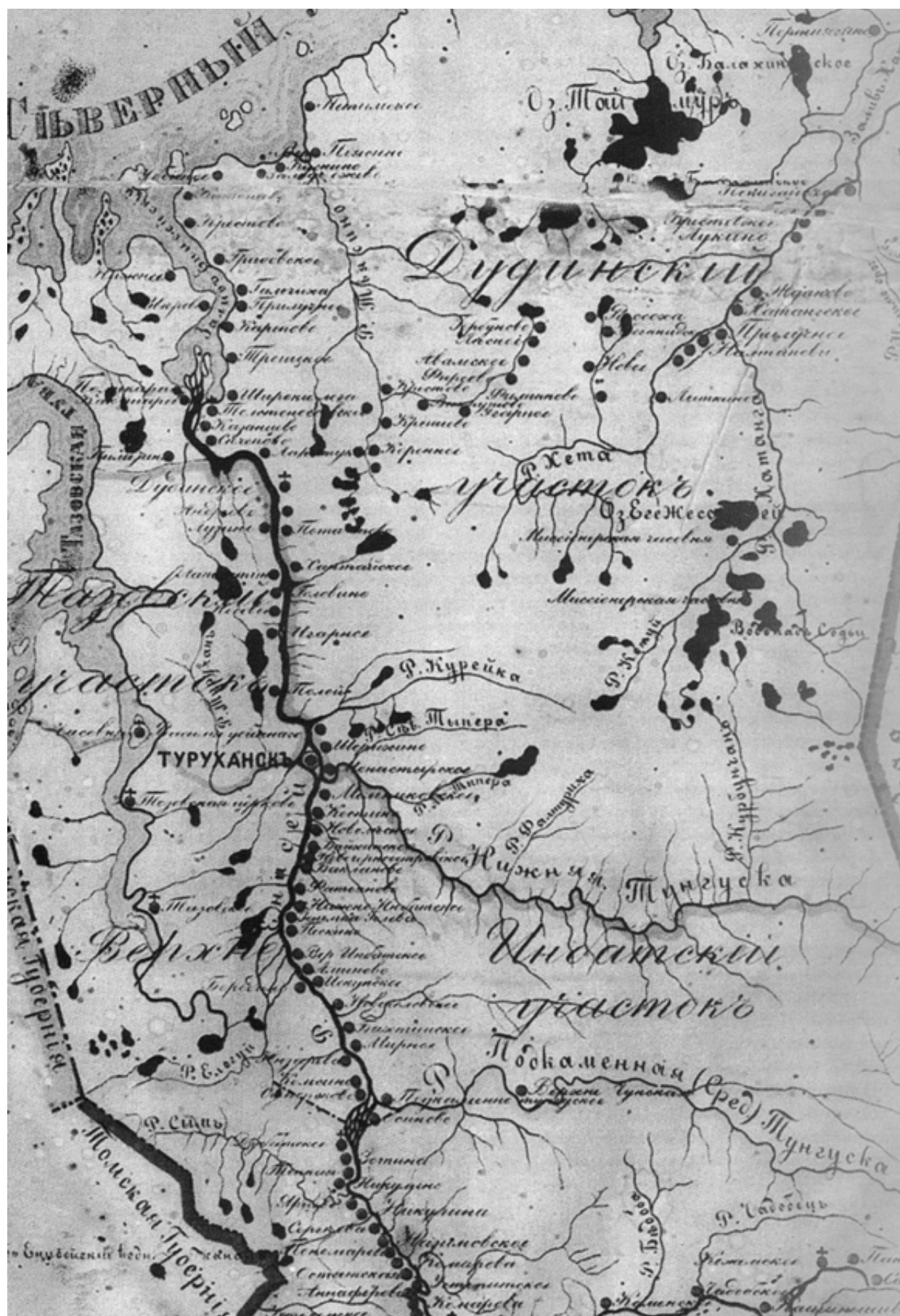
Второй день пути от устья Подкаменной Тунгуски. Над рекой повис легкий туман. Он пронизан солнечным светом, но само солнце так и не показалось. Светящийся поток убегает за корму.

Ночью собрались густые тучи. Хлынул дождь. Было странно видеть, как с верхней палубы, будто с крыши самого обыкновенного дома, хлестали упругие струи.

Берег едва различался во мгле, но вдруг запахло мокрым лесом.

Вскоре небо снова посветлело. Летняя ночь здесь короче воробьиного носа.

Но зато до чего же черны и непроглядны тут осенние ночи. Молодым штурманам, несущим ночную вахту вместе с капитаном, кажется, что конца этой вахты никогда не будет.

Поднимешься в такую ночь в рубку — и сначала ничего не видишь, кроме уголька папиросы. Потом обрисовывается черный силуэт у штурвала и рядом другой, в знакомой капитанской фуражке.

Тихо. Пощелкивает электрическая рулевая машина да внизу шумит о борт вода. На мгновение синеватым призрачным светом вспыхивает циферблат аксиометра — прибора, показывающего положение руля. Трудно представить, что ниже, в салоне, — огни, смех засидевшихся за полночь игроков в домино.

Все окна в каютах занавешены темным. На судне ни одного лишнего огня — только сигнальные на мостике и мачте. Даже слабый свет, падающий на воду, мешает разглядывать дали людям, обладающим непостижимым для новичка кошачьим ночным зрением.

Для вас ближний берег — безликая однородная полоса: не то лес, не то скалы. А капитан различает яр, отмель возле него, выступ мыса и устье речушки, от которого надо постепенно переваливать к другому берегу. Но бывает, что и он теряет уверенность в непроглядной чернильной тьме. Тогда судно сбавляет ход, и все смотрят, смотрят вперед, до боли в глазах.

— Не видно?

— Не видать...

Хоть бы один огонек! Неужто нет тут ни бакенов, ни других путевых огней — ничего? Но третий штурман говорит неуверенно:

— А во-о-о-н там вроде светится...

Верно — светится! Кто-то с облегчением вздыхает. Огонек бакена! В рубке становится веселее. Надолго ли? Не ровен час, налетит осенний шторм, заклепая стекла рубки мокрым снегом, или ляжет на реку такой туман, что хоть ножом его режь...

«Мне стало ясно, что надо изучить очертания реки во всех возможных направлениях — вверх ногами, шиворот-навыворот, наизнанку, задом наперед, а кроме того, знать, что делать в темные ночи, когда у этой реки отсутствуют какие бы то ни было очертания», — сказал некогда писатель Марк Твен, который в молодости три года плавал по реке Миссисипи, постигая искусство лоцмана.

Я думаю, что Енисей для судоводителя посложнее Миссисипи. Там дно податливое — ил, песок. У Енисея оно зубастое, ершистое — камень, скала. Того и гляди, пропорешь сталь судовой обшивки.

И характер у Енисея скверный. Это река с крайностями. Тут уж если порог — так порог, если наводнение — так наводнение! Енисей всего на сто пятнадцать километров длиннее Волги. Но начинается он на высоте тысяча четыреста метров над уровнем моря, а Волга — на высоте двести двадцать восемь метров.

Енисей «падает» гораздо круче не только Волги, но и многих других рек. В среднем течении он спускается с каждым километром на двадцать-тридцать сантиметров, а Волга — только на четыре-шесть сантиметров.

Чем круче «падает» река, чем больше ее уклон, тем стремительнее течение. В Туве Енисей частенько мчится быстрее лошади. И в среднем течении наш богатырь «шагать» не ленится: семь-десять километров в час — это очень большая скорость для такой огромной реки. Лишь ниже, у Туруханска, он переходит с «рыси» на «шаг», делая четыре километра в час, а за Дудинкой течет еще медленнее.

Можно ли раз и навсегда изучить очертание реки «во всех возможных направлениях»? Разумеется, нельзя. Она постоянно размывает берега, наносит новые мели, то и дело меняет направление струй. Ее надо изучать постоянно, каждый час, зорко следя за всеми переменами вдоль и поперек русла.

А что это значит, если речь идет о Енисее?

Это значит, что капитан, штурман или лоцман, плавающий в низовьях реки, должен знать все опасные места, все подводные камни, все боковые протоки, все извивы судового хода на протяжении не десятков, не сотен, а тысяч километров.

Енисейский капитан, отправляясь с верховьев до устья реки, совершает не менее длинный рейс, чем моряк, ведущий корабль из Ленинграда в Лондон. На Енисее бывает, что судно до возвращения в родной порт проходит пять-шесть тысяч километров. Оно находится в рейсе не дни и даже не недели, а месяцы. Это уже не речные, а океанские мерки.

И какая же удивительная память и наблюдательность должна быть у человека, ведущего караван в такой рейс!

Вы, возможно, думаете, что, пройдя в низовья реки, он может вести пароход обратно той же водной дорогой? Ничего подобного! Пока караван шел вниз, весеннее половодье позволяло срезать углы и плыть там, где во время обратного рейса, после спада воды, торчат сырые песчаные острова, успевшие даже покрыться чахлой травкой.

Значит, надо выбирать новый ход. Но где его искать? «Там, где глубже», — скажете вы — и ошибетесь. Капитан предпочтет идти более мелкими, но зато более тихими местами, поближе к берегу: здесь легче преодолевать течение, можно двигаться гораздо быстрее.

Человек, которому доверено вести судно, должен знать жизнь реки так же, как свою собственную. И не только в те месяцы, когда перекликаются свистки пароходов. Нет, для того чтобы быть настоящим судоводителем, нужно следить за рекой круглый год; надо уметь наблюдать и раздумывать над тем, что наблюдаешь.

Возьмем замерзание и вскрытие реки. Чего бы, кажется, проще: наступили морозы — вода сверху замерзает, покрывается льдом; весеннее солнышко пригрело лед — он растаял, и вода унесла его прочь. Только и всего.

На самом же деле вода во многих сибирских реках, и особенно на Ангаре и Енисее, начинает замерзать вовсе не сверху, а снизу. Мороз силен, но течение еще сильнее — никак не дает образоваться даже тонкой ледяной корочке. Переохлажденная вода все же находит такое место, где течения почти нет. Это место — в глубине, у самого дна. Здесь образуется донный лед.

Щеки Енисея. Фото А. П. Куриловича, июнь 1926 г. Архивные фонды ГАКК

Часть этого льда всплывает. Получается так называемая шуга. Всплывшие льдинки захватывают с собой со дна все, что плохо лежит — песок, гальку, а иногда и довольно крупные камни. Не зря рыбаки, которым случается зимой тупить железные пешни в слоях донного льда, называют его каменным.

Шуга скапливается сначала у мелей, кос, островов, в небольших заливах, набивается в тихие протоки. Но бывает, что она образует на мелких перекатах целые ледяные плотины — зажоры, вызывающие внезапные наводнения. В морозный день вода, дымясь паром, вдруг поднимается к улицам прибрежного селения.

Енисей замерзает очень беспокойно. Перед тем как утихомириться (это случается в его южной части в начале ноября, а в северной — уже к середине октября), он громоздит ледяные торосы, острые выступы которых не дают ни проходу, ни проезду. Местами лед забивает реку до самого дна. Зато там, где быстрое течение, остаются долго не замерзающие полыньи.

Зимняя шуба на Енисее лежит неровно: к берегам лед приподнят, а посередине образуется впадина. Зимой река сильно мелеет: несет почти в двадцать раз меньше воды, чем в половодье. Лед опускается следом за убывающей водой, а у берегов оказывается и вовсе на сухом дне. Местами подо льдом образуются пустоты. Когда едешь на саних недалеко от берега, то копыта лошадей стучат гулко, как по мосту.

Бывают на Енисее и наледи. Если в сильные морозы река начинает кое-где промерзать до дна, воде становится тесно, она ищет выхода. Смотришь, лед вспучивается бугром; еще немного — и бугор трескается, давая дорогу воде, которая тотчас разливается вокруг. Попасть на такую наледь — сущее несчастье: снег пропитывается водой, ноги хлюпают в холодном месиве... Брр!

Выходит, что даже в период «зимней спячки» река вовсе не спит.

А весенний ледоход!

Дружно, сообщая солнцу и теплый воздух подтачивают лед сверху, а вешние воды снизу. Он становится хрупким, и весенняя вода начинает приподнимать, ломать, крушить его. У берегов образуются закраины — пространства талой воды. Теперь зимняя шуба едва держится: у нее уже нет плотной ледяной спайки с берегом. Глядишь, и тронулся лед в свой последний путь...

Село Монастырское. 1917 г. Негатив А. Я. Тугаринова. Из фондов КККМ

Иной ледоход так могуч и грозен, что после него на берегах долго еще остаются следы разрушений. Но иногда Енисей мирно уносит свой зимний покров. Плывут целые куски зимней дороги через реку, темные от клочков сена, растерянных обозами. Торчком поднимается бревно, стиснутое двумя синеватыми глыбами. Проносится забор из снега и прутьев тальника: зимой он защищал от ветра и заносов прорубь, где брали воду и полоскали белье.

Обычно лед в верховьях Енисея трогается в конце апреля, а около устья только в начале июня. Продолжается ледоход дней восемь-десять, и за это время на реке обязательно образуется несколько страшных заторов.

Весенний затор сродни осеннему зажору. Льдины, принесенные с верховьев, не везде могут взломать толстый покров, еще слабо подточенный солнцем. Но деваться им некуда, и они карабкаются на крепкое ледяное поле, набиваются под него. С каждой минутой растет ледяной барьер, поднимая перед собой бурную весеннюю воду, словно плотина гидроэлектростанции, на пятнадцать-двадцать метров. И долго потом дивятся люди, увидев на лугах далеко от реки огромные льдины:

— Ну и затор был!

Возле устья правого притока Енисея — Сухой Тунгуски — еще и сейчас можно разглядеть в кустах исковерканные остатки деревянных барж. Они напоминают о трагедии, разыгравшейся здесь в годы войны.

Поздней осенью ударил сильный мороз. Большой караван, шедший в низовья с важным грузом, был застигнут ледоставом у Сухой Тунгуски. Свыше тридцати судов, в том числе мощнейшие теплоходы, укрылись за мысом в устье этой реки.

Зима прошла благополучно. Но к весне старики-старожилы стали замечать в природе что-то тревожное, необычное. На притоках, которые всегда очищаются ото льда позднее Енисея, началась быстрая прибывь воды, взламывавшей зимний покров.

Незадолго перед Первомаем к стоянке каравана приехал на оленях охотник-эвенк. Походил, покачал головой:

— Ох, неладно стоите, Енисей-то вас ломает.

А на следующее утро люди слышали страшный грохот. Огромный вал льда двигался вниз по реке. Мелькнули среди льдин рога оленей — животные не успели выбежать на берег. Пароходы, баржи сорвало с места. Лед крошил их, громоздил друг на друга.

Большое судно сразу разломило на три части. Отчаянно вскрикнула женщина, падая с поставленной торчком баржи. На другой барже находился скот; обезумевшие животные ломали загородки. В довершение всего вспыхнул пожар: на караване были легковоспламеняющиеся вещества.

За несколько минут мирная и тихая стоянка превратилась в кромешный ад. Уцелело лишь несколько судов, да и их лед вытолкнул на берег.

Конечно, подобные случаи бывают, может, раз в сто лет. Быстрая прибывь воды на притоках вызвала там необычайно ранний ледоход. Енисей и его притоки соединили весенние буйные силы — и пронесся чудовищный паводок, наделавший много бед.

Ледоход — неутомимый работник. Присмотритесь к берегам. Вот скалы, сверху неровные, шероховатые, а снизу отшлифованные. Кто этот шлифовальщик? Тот самый донный лед, в который вмерзли песок и твердые камешки. При ледоходе он усердно тер скалы.

Вот обрыв, выступ которого начисто срезан и унесен прочь. Это тоже работа льда — какой-нибудь огромной глыбы, сметавшей все на своем пути.

На гладкой поверхности покрытого галькой берега видны глубокие борозды. Это «пахал» все тот же лед, передвигавший острый обломок скалы.

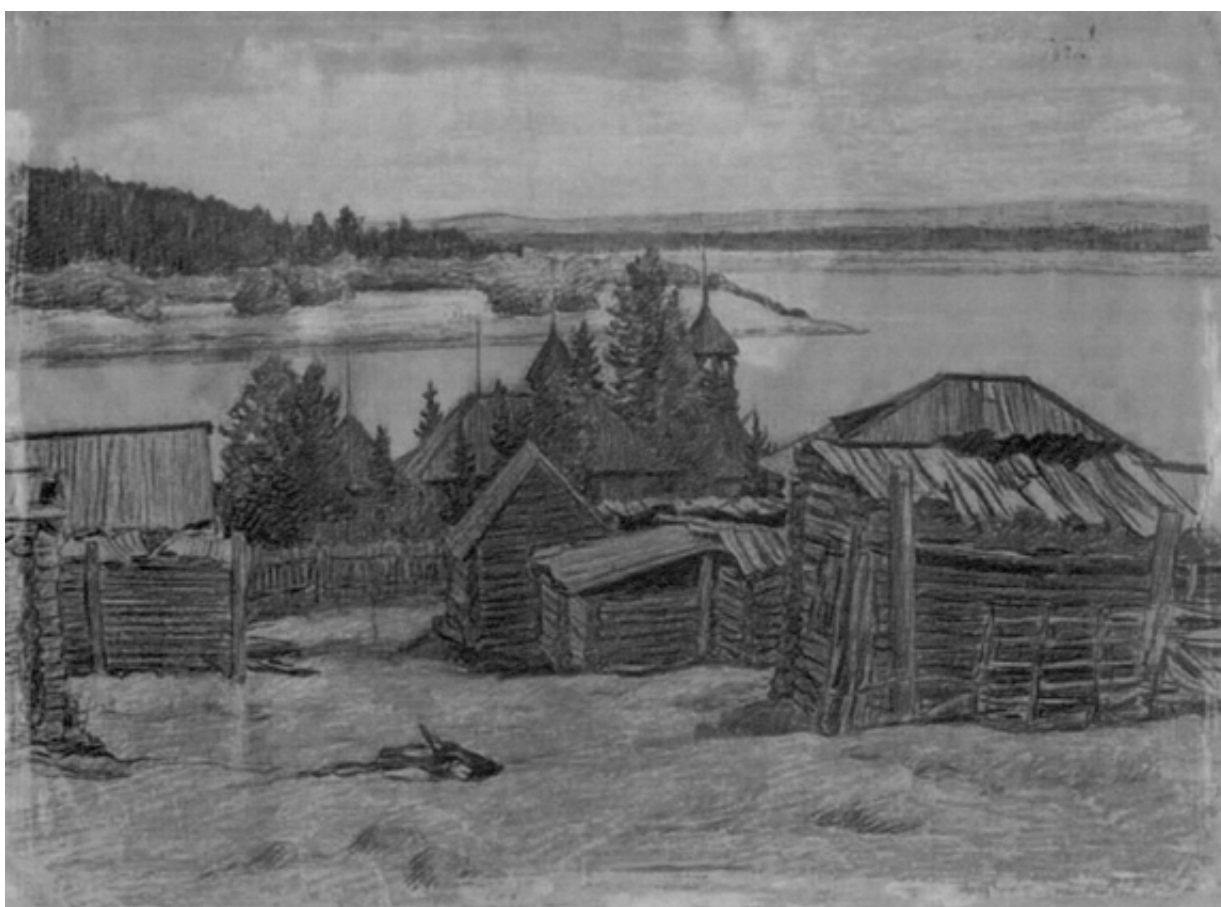
Вид на село Монастырское. 1900-е гг. Негатив из фондов КККМ

Село Монастырское. 1900-е гг. Негатив из фондов КККМ

Д. И. Каратанов Поселок на берегу реки. 1921 г., б., акв., 64х87. Из фондов КККМ

Д. И. Каратанов Деревня на берегу реки. 1921 г., б., ар., цв. кар., пастель 27х35. Из фондов КККМ

Туруханский край. Фото А. М. Фахразиева

Д. И. Каратаев. Внутренность амбара в поселке Селиваниха Туруханского края. Папка «Север» 1907-40 гг. Б., акв., тушь, перо. Из фондов КККМ

Если вы увидите на берегу высокие валы из сдвинутой земли и гальки, то можете не сомневаться, что и тут не обошлось без льдин, выползавших под напором своих соседок из реки. Такие валы сибиряки называют коргами или кекурами.

Сколько на Енисее этих самых кекуров! Наверно, тысячи. Но енисейские капитаны, штурманы, лоцманы держат их в памяти. Эти люди знают все островки и косы, хотя некоторые из них появляются на поверхности только глубокой осенью; знают все мысы, одни названия которых заняли бы сотню страниц, напечатанных мелким шрифтом; знают, в каком месте и к какому берегу поворачивает течение.

Спросите у такого капитана, какая сейчас глубина на перекате у Пономаревских камней, до которых осталось еще километров двадцать, и он, мельком взглянув на берег, скажет:

— У камней? Пожалуй, два метра семьдесят сантиметров. Может, два семьдесят пять. Будьте уверены, что глубина на перекате именно такая.

Капитан узнал это, увидав, что вода немного не доходит до корней старой сосны на том мысу, который с первого взгляда похож на все другие мысы впереди и сзади парохода. Но для капитана этот мыс и старая сосна — раскрытая страница книги, рассказывающей о глубинах на много километров вокруг, потому что капитан — один из тех, кто знает Енисей «вверх ногами, шиворот-навыворот, наизнанку, задом наперед».

О таких капитанах я и хочу рассказать дальше, прервав на время наше путешествие по реке.

Глава XVI

КАПИТАНЫ

«SOS». — В ледяной воде. — Юнга крейсера «Вестник». — Встреча с Седовым. — Когда корабль пошел на дно... — С рыбаками на Север. — «Страна будущего». — Снова в Сибири

Лет пятнадцать назад я плавал навигацию на судне, ходившем в низовьях Енисея. Однажды на рассвете радист поймал три буквы, известные морякам всего мира, — «SOS». Может, на другой реке этот сигнал бедствия и показался бы странным, но в низовьях Енисея он звучит почти так же тревожно, как в море. Немного спустя, радист принял распоряжение:

«Моторный бот «Пурга» получил пробоину, налетев на льдину. Окажите помощь».

Майский день, когда мы шли на помощь «Пурге», был холодным и ветреным. Временами валил снег. Вода, стекавшая с палубы, замерзала сосульками. Якоря обледенели. Ниже Игарки Енисей был еще скован льдом, а с острова Диксон радиовали о сильной пурге.

Теплоход бежал полным ходом. Время от времени гудела сирена, предупреждая тех, кто мог, как и мы, пробираться в этот непогожий день по реке.

Наконец сквозь снежную мглу с мостика увидели возле острова, плоского, как блин, мачту с полуспущенным флагом. Высоко задранный нос злосчастного бота торчал среди прибрежных кустов, а через погрузившуюся корму крепкий ветер свободно гнал волны. На крыше рубки стояли люди и махали нам руками.

— На «Пурге»! — закричал штурман. — Все живы?

— Все-е-е! Только зазя-а-абли!

Авария произошла на рассвете. Возможно, у вахтенного слипались глаза и он не очень-то зорко глядел, что делается под носом судна. Пассажиры проснулись от резкого толчка и в испуге выскочили на палубу.

Вода через образовавшийся пролом заливала трюм. Неподалеку плыла небольшая льдина — на нее и наткнулся бот. Капитан едва успел довести «Пургу» до острова.

Команда и пассажиры, среди которых были женщины, оказались под неласковым небом, на вязком берегу. Остров был необитаем. Еще два дня назад, в разгар половодья, на нем не было ни клочка сухой земли. Да, авария в низовьях Енисея — не шутка...

Спасение «Пурги» начинается с осмотра пробоины. Наш судовой водолаз натягивает прорезиненный костюм поверх толстого шерстяного свитера и привинчивает шлем.

— Водяному привет передавай! — просит один из матросов.

Сквозь стекло шлема видно, как водолаз кивает головой: ладно, мол, передам. Он лезет в ледяную воду. Снег валит гуще.

Вечереет. Под водой что-то глухо стучит. Заделав пробоину, водолаз поднимается на борт. С него стягивают костюм. Обжигаясь, он пьет горячий чай со спиртом. Сведенные холодом синие пальцы с трудом удерживают стакан.

Но как откачать воду из «Пурги», если бот и река представляют собой сообщающиеся сосуды, в которых вода в строгом соответствии с законами физики держится на одном уровне? Как выровнять и приподнять суденышко, чтобы корма его хоть немного возвышалась над водой? Судили, рядили — и решили, что утро вечера мудренее...

Вдали затарахтел мотор. Судовой прожектор осветил рыбацкий баркас. На носу баркаса стоял высокий сутуловатый человек.

— Капитан-наставник! — радостно крикнул кто-то.

Капитан-наставник — это учитель капитанов, самый опытный судоводитель, знаток реки. Его место там, где трудно, где опасно, где случилось несчастье.

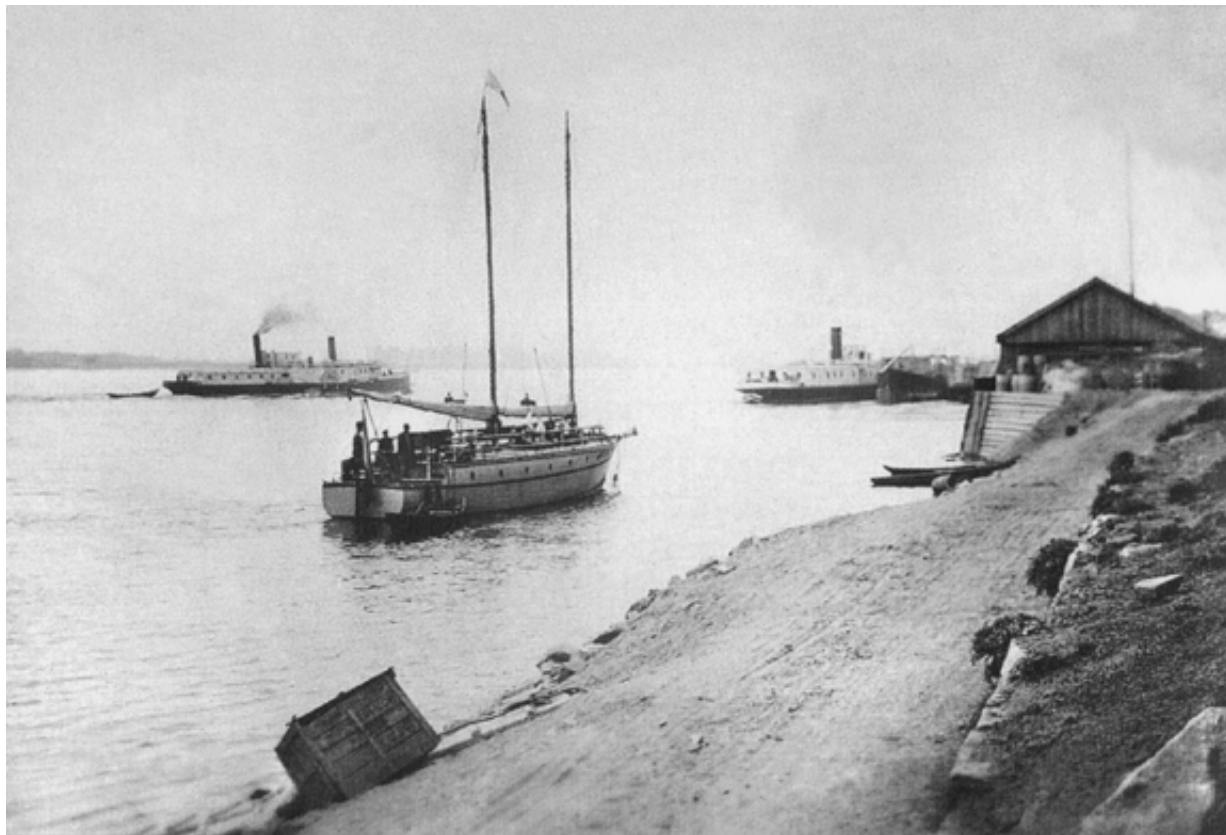
Иосиф Александрович Перельман показался мне сначала равнодушным, вялым человеком. Уже немолодой, в потрепанной кожаной тужурке, он тяжело волочил ноги в стоптанных сапогах. Расспрашивая о подробностях аварии, говорил глухо и медленно. Я подумал, что с таким капитаном-наставником мы и утром вряд ли начнем поднимать бот.

Но капитан-наставник не стал ждать утра. Он вскарабкался по скользкой наклонной палубе «Пурги», постоял, что-то прикинул, резко повернулся и скомандовал:

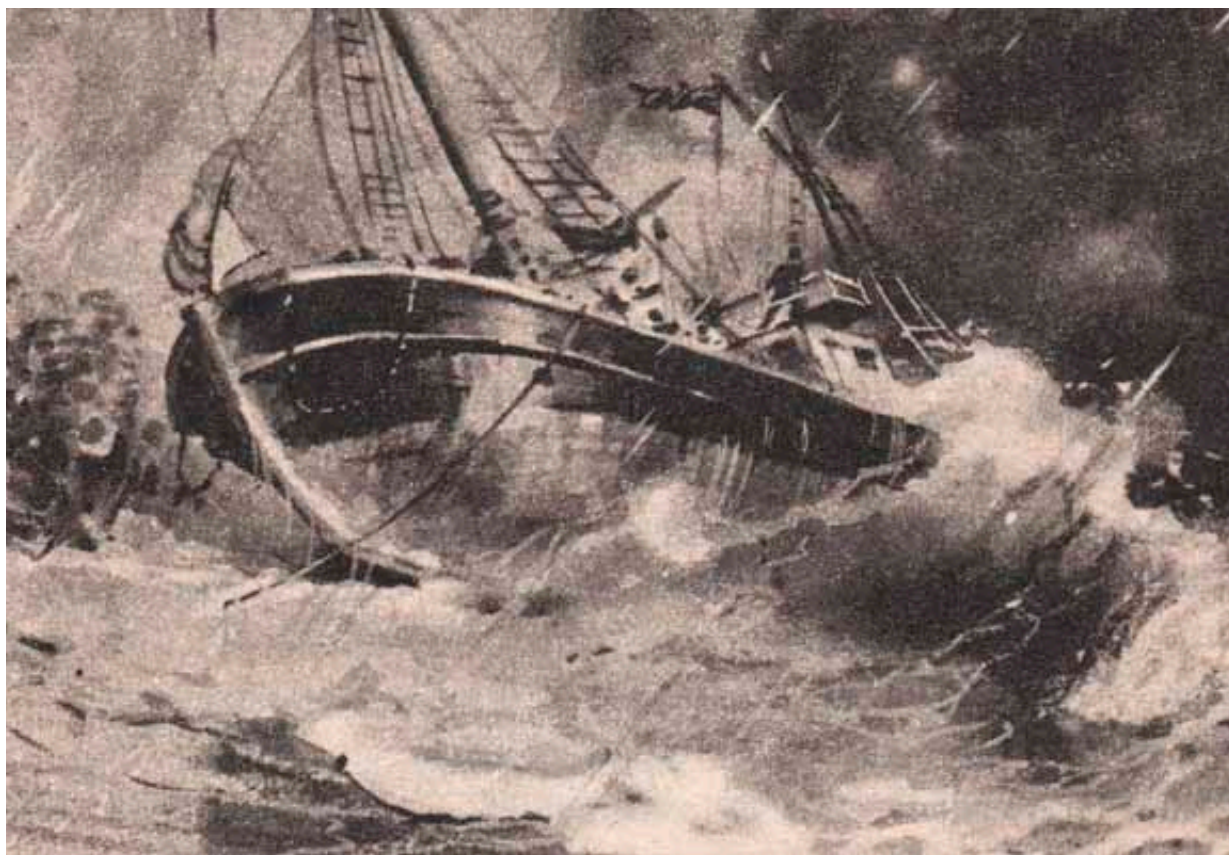
— А ну, заводи трос!

Да полно, тот ли это человек? Он помолодел на глазах. Двигался легко, отдавал команду крепким, властным голосом. Матросы, подчиняясь его уверенным, отрывистым распоряжениям, работали споро и весело.

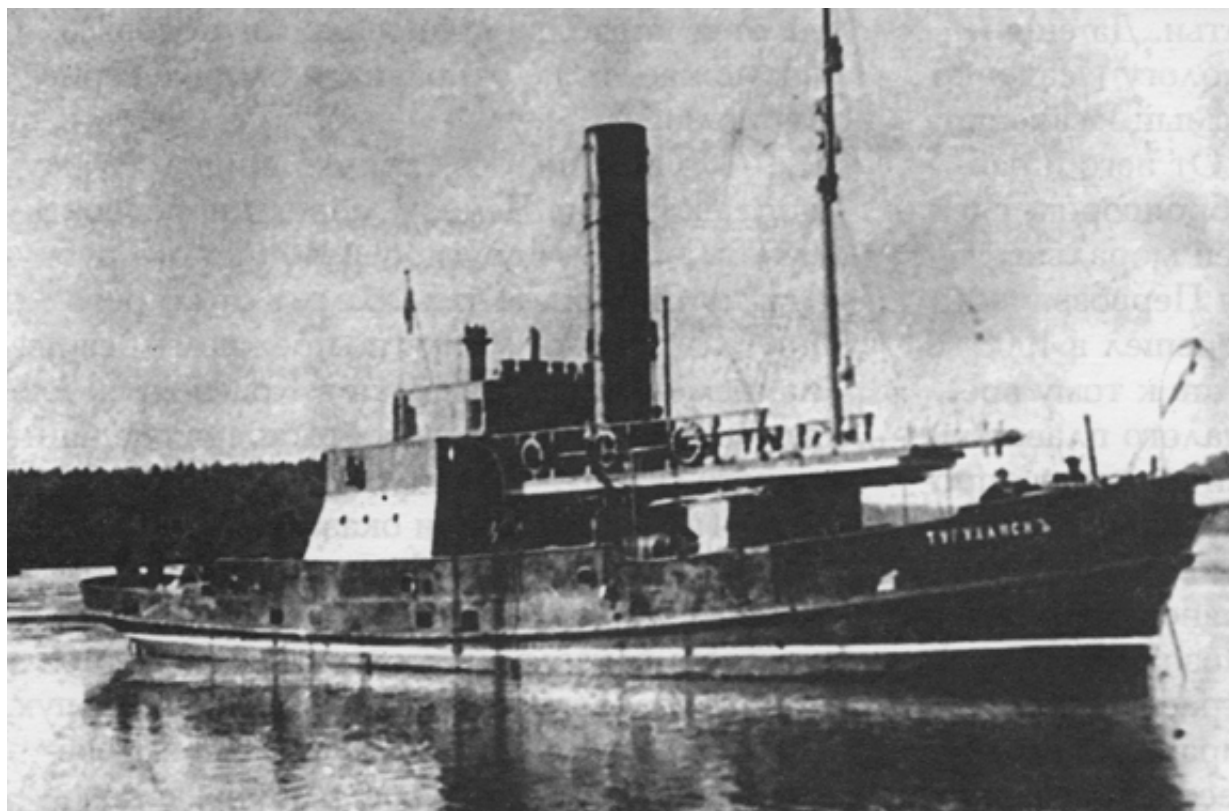
Застучала лебедка теплохода, стальные канаты натянулись — и корма «Пурги» приподнялась из воды. Тотчас в ход был пущен мощный судовой насос, и еще до рассвета, облепленный вязкой глиной, бот всплыл и выровнялся.

Двухмачтовое моторное судно «Омуть», на котором Ф. Нансен проплыл от устья Енисея до Енисейска. На рейде у Красноярска. Фото сентябрь 1913 г.

Через погружившуюся корму «Пурги» ветер гнал волны... Художник К. Арцеулов

Пароход «Туруханск» на котором К. А. Мецайк встречал Ф. Нансена в 1913 году в низовьях Енисея

Когда все было кончено, капитан, снова волоча ноги, приплелся в кают-компанию и, попивая чаек, долго жаловался на старость, на недомогание. Но я уже знал теперь, что он хитрит, прикидываясь таким немощным.

После войны я снова встретил старого капитана: та же походка, тот же голос, только голова стала совсем седой. Капитан покашливал, прикрывая рот ладонью.

— Вот, простудился, — глуховато и медленно проговорил он, как бы извиняясь. — Сдают старики, сдают...

На Енисее простудиться нетрудно, и я не обратил внимания на его слова. А потом мне рассказали историю этой простуды.

Поздней осенью пароход «Адмирал Макаров» наскочил на камни. Борт был пробит. В трюм хлынула вода. Авария произошла возле пристани, где как раз находился капитан Перельман. Не раздумывая, он вскочил в лодку и поплыл к судну.

Случилось так, что «Адмиралом Макаровым» командовал человек неопытный, растерявшийся перед опасностью.

Капитан-наставник с трудом вскарабкался на борт судна. Заглянув в трюм, он снял валенки и медленно спустился по железному трапу в воду, покрытую ледяной кашицей. Вода была ему по пояс. Ногами он нащупал пробоину и попытался прижать к ней заглушку. Тогда, толкая друг друга, на помощь ему прыгнули в ледяную воду еще несколько человек.

Вечером старый капитан слег: у него началось воспаление легких.

Все енисейские капитаны немного мечтатели и романтики. Каждый из них открывал новые пути, впервые поднимался вверх по каким-либо неосвоенным притокам, старался

Речной ледокол «Капитан Чечкин». Из фондов КККМ

К. А. Мецайк, его жена Надежда и сыновья Юрий и Владимир (стоит)

Виллем Барентзон (сын Барента) — более известен, как Баренц

Капитан К. А. Мецайк в низовьях Енисея. 1961 г. Негатив В. Понизника. Из фондов КККМ

провести караван там, где еще никто не водил. И старейшиной этих енисейских капитанов людская молва давно определила Константина Александровича Мецайка.

Я еще не дорос до школы, когда впервые увидел его. Как-то поздней осенью мы с матерью и сестрой пошли на берег Енисея, где красноярцы встречали северный рыбацкий караван.

Густая толпа чернела на набережной. Пароход осторожно подводил к пристани баржи. Чей-то голос раскатывался над рекой — и, послушные ему, грохотали якорные цепи, летели чалки, бегали матросы.

— Вон капитан, — сказала мать.

Так вот кто гремел в рупор! Высокий и, как мне показалось, сердитый, он стоял на мостике у машинного телеграфа. Даже издали было видно, что у него густые, косматые брови, нависавшие над глазами.

Капитан поразил не только мое воображение. Многие красноярские мальчишки играли в капитана Мецайка на бульваре, где подвыпившие матросы поднимали пыль брюками клеш и вкусно пахло пароходным дымом. Нам хотелось тоже стать капитанами, плавать далеко на север и держать в руках медный громкоголосый рупор.

Мальчишки выросли. Некоторые из них пошли работать на реку, стали учениками капитана Мецайка. Мне тоже довелось поплавать по Енисею вместе с капитаном. Я много раз видел его в деле во времена трудного пясинского похода и при рейсах по рекам Эвенкии. В свободные часы я засиживался у него в каюте. Он не любил говорить о себе; только о детстве и молодых своих годах вспоминал охотно, с удовольствием. Но большая часть его жизни прошла на глазах у енисейцев — и что не рассказал он, мне дополнили другие. Вот какой рассказ о капитане Константине Александровиче Мецайке сложился у меня.

К. А. Мецайк. Из фондов КККМ

Могила К. А. Мецайка на Троицком кладбище в Красноярске. 1988 г. Негатив Ю. Жданова. Из фондов КККМ

Если ты родился у моря, которое кормило твоего деда и кормит твоего отца, то будущее твое наполовину уже определилось.

К морю тебя позовут не морские истории, почерпнутые из книг, — море войдет в твою жизнь просто, буднично и властно. Оно станет твоим рабочим местом.

В море проверят твоё мужество, определяют, на что ты годен. Если ты смел, честен, готов пожертвовать собой, выручая товарища, — тебя примут в морскую семью...

Александр Мецайк был капитаном парохода «Мурман», плававшего в Баренцевом море. Семья капитана жила в городке Коле. На зиму «Мурман» уходил для ремонта в залив порта Владимира, который теперь называется Полярным.

Зимой 1886 года у капитана родился сын Константин. Капитан хотел, чтобы сын был с ним. Мать закутала двухнедельного Костю в меха и на оленях привезла через тундру к отцу.

Капитан подбросил сына вверх. Костя не заплакал. Отец подбросил его еще и еще — сын хоть бы что.

— Ну, мать, будет моряком! — сказал довольный отец.

Летом в бухту порта, где рос Костя, приходили с добычей рыбацкие парусники. Вечерами матросы пели в кабачке старинные морские песни, сложенные, может быть, еще в петровские времена.

Костя тоже учился петь эти песни. Он распевал их, когда отправлялся в «плавание» вместе с Сашей Сущихиным, сыном штурмана.

Друзья забирались на огромный сундук. «Капитан» Костяка поднимал «якорь» — веревку с привязанным камнем. «Механик» Сашка «запускал пароходную машину» — начинал шипеть и водить пробкой от графина по железным полоскам, которыми был окован сундук. Далеко уплыть, однако, не удавалось: кто-нибудь из холостых штурманов, зимой живших в просторном доме Сашиного отца, отворял дверь и кричал:

— Эй, Сущихины, никак у вас опять пароход пошел? Ну-ка, давай пусть якорь отдадут, а то ушам больно!

Картина из первого издания книги. Художник К. Арцеулов

Сашина мать отнимала пробку. Сашка принимался реветь, Костя молча шарил по комнате, пока не находил что-нибудь взамен пробки — например, гвоздь. Утешившийся Сашка снова «запускал машину» — и громче прежнего. Являлась мать, и дело не обходилось без шлепков. Костя, получив свою порцию, раздумывал, чем бы заменить гвоздь...

Зато уж летом друзьям никто не мешал, и из маленького ялика, привязанного к пристанской свае, их мог выгнать только голод.

Настоящая морская жизнь началась для Кости в девять лет. Отец определил его на крейсер «Вестник», военное парусное судно. Оно охраняло русские воды от иностранных незваных гостей, которые на быстроходных шхунах проникали к русским берегам и хищнически добывали ценного морского зверя.

Костя Мецайк плавал на «Вестнике» юнгой. Днем его место было у грот-мачты. В шторм раздавалась команда: «Чижей на палубу!» Чижами капитан прозвал юнг за их тонкие голоса. Юнги выстраивались цепочкой и, держась за снасть, чтобы не смыла волна, передавали по кораблю распоряжения капитана.

О, жизнь на крейсере была совсем не сладкой! Подзатыльники так и сыпались на бедных юнг. Капитан крейсера считал, что только из того выходит моряк, кого подольше держат в «черном теле».

— Что, — говорил он, — юнгам койки? А может быть, перины? А не угодно ли им спать на бочках? А то и просто на палубе, да-с.

Хорошо, если какой-нибудь сердобольный матрос, идя на вахту, пускал продрогшего малыша на свою еще теплую койку...

После такой школы жизнь на пароходе «Андрей Первозванный», куда Костя в шестнадцать лет попал матросом, показалась ему просто райской.

«Первозванный» находился в плавании круглый год. На нем работала научно-промысловая экспедиция. Бушевал ли зимний шторм, лежал ли на море туман — все равно через каждые тридцать миль «Первозванный» делал остановку и производил наблюдения. Мецайк помогал молодому ихтиологу — проще говоря, рыбоведу — Исаченко и радовался вместе с ним, если треска оказывалась именно там, где, по расчетам ученых, ей полагалось быть в это время года.

Плавания «Первозванного» кончились тем, что во время свирепого шторма пароход был выброшен на камни.

На следующий свой корабль Константин Мецайк поднялся уже штурманом: свидетельство об окончании Архангельского мореходного училища открывало ему дорогу к капитанскому мостику. Судно называлось «Святой Фока».

Да, это был тот самый «Святой Фока», с которым связана одна из наиболее героических и вместе с тем наиболее трагических страниц истории наших полярных плаваний.

Однажды, когда судно вернулось с промысла морского зверя в Архангельск, Мецайка остановил на набережной незнакомый моряк с русой бородкой и острыми, пытливыми глазами:

— Простите, вы ведь со «Святого Фоки»?

Мецайк подтвердил.

— Седов, Георгий Яковлевич, — пожимая руку штурману и дружелюбно улыбаясь, представился моряк. — Говорят, вы промышляли нынче в Карском море. Вот если бы вы были так любезны и рассказали мне...

Моряки разговорились. Седов спрашивал о льдах, о течениях. Все в Седове дышало энергией и смелостью. Мецайк почувствовал расположение к этому человеку... И, может быть, несколько лет спустя вместе с лейтенантом Георгием Седовым ушел бы штурман на «Святом Фоке» к Северному полюсу, если бы к тому времени не произошла в его жизни неожиданная перемена.

Пароход «Россия». 1905-1908 гг. Фото из архива автора

Пароход «Сибиряк». Фото из архива автора

Пароход «Сокол». Фото из архива автора

Пароход «Минусинец». Фото из архива автора

Пароход Н. Г. Гадалова Сибиряк. На пристани села Батени Минусинского уезда. Фото из архива автора

А дело было так. Мецайк поступил в Петербургское училище дальнего плавания, там тяжело заболел, отстал, ушел из училища и в поисках работы добрался до Одессы. Но там было много своих безработных.

Сначала Мецайк, как тогда выражались моряки, был на «жестоком декокте», потом на «декоkte с распятием» и наконец на «декоkte с распятием и крестом». Последнее выражение определяло собой такую нужду безработного моряка, когда у него не оставалось в кармане шести копеек на обед в портовой «обжорке».

Как раз в это время на пароходе «Нептун» заболел матрос. Штурман был рад, когда его приняли хоть на это место, и снова прошел курс матросской службы.

Уже к самому концу пути, в Финском заливе, бельгийский пароход «Клемантис», неудачно повернувшись в проложенном ледоколом узком канале, ударил в борт «Нептуна». Тревожные, захлебывающиеся свистки понеслись над заливом. Мецайк навсегда запомнил побелевшее лицо старика-капитана «Клемантиса», отвратительный скрежет металла и шум воды, ворвавшейся в пробоину.

— Спасайся кто может!

Мецайк бросился в кубрик. Вещей у него почти не было. Ломая ногти, он принялся оттирать прибитую у койки свою любимую картину «Святой Фока» во льдах», которую подарил ему как-то художник Писахов. Гвозди были забиты крепко, а судно уже накренилось так, что он с трудом удерживал равновесие.

Боцман с сундучком в руке заглянул в кубрик и заорал:

— Ты что это? На дно захотел? Марш наверх, живей!..

«Клемантис», у которого был сильно сплюснен нос, едва успел принять на борт команду «Нептуна», как последний начал погружаться.

Ф. Б. Нансен в Красноярске. 1913 г.

Обложка русского издания книги Ф. Б. Нансена «В страну будущего». 1915 г.

— Сейчас взорвется котел, — прошептал боцман, тяжело дыша за спиной Мецайка.

И тотчас столб пара возник над морем — волна упругого, тугого воздуха больно ударила в уши...

Мецайк оказался в петербургском «морском доме» — так называлось старое судно, на котором ютились безработные. Моряков требовалось мало; очередь Мецайка, позже других «севшего на мель», должна была подойти самое раннее месяца через полтора-два.

Штурман разослал письма всем своим знакомым в надежде, что кто-нибудь откликнется на его сигнал бедствия.

Однажды утром к его койке подошел почтальон:

— Мецайк? Константин Александрович? Вам телеграфный перевод на сто рублей. От кого ожидаете деньги?

Штурману неоткуда было ждать такую большую сумму. Он молчал, не зная, что подумать.

— А в Красноярске у вас кто-нибудь есть?

Красноярск? Неужели Исаченко? Он ведь отправил письмо почти наугад, случайно узнав, что судьба забросила молодого ихтиолога с «Первозванного» в Сибирь, на Енисей.

Да, перевод был от Исаченко. «Немедленно приезжайте в Красноярск для замещения должности капитана экспедиционного судна», — писал ихтиолог.

Вокруг Мецайка собрались товарищи. Посыпались поздравления и недвусмысленные намеки о пересохших глотках. И как раз в эти минуты Мецайка позвал старый моряк, наблюдавший за отправкой безработных на суда. Штурман поспешил в конторку.

— Ну, твое счастье, — сказал ему старик, протягивая широкую лапищу. — Собирайся. Какая-то «Эмма» идет на Кубу. Пойдешь рулевым.

Мецайк растерялся. Куба, Красноярск... Он рассказал о телеграмме. Старик улыбнулся:

— Капитан экспедиционного судна? Смотри-ка ты!.. А Куба от тебя не уйдет, сынок! Не великое счастье штурману идти рулевым. Поезжай пока на этот, как его, Енисей.

И Мецайк поехал.

В 1909 году Красноярск был небольшим пыльным городишком. Мецайк приехал ночью, и извозчик по тряской булыжной мостовой повез его от вокзала в гостиницу на берег Енисея. Утром Мецайк вышел на бульвар. Мимо несла волны могучая, сердитая река. Горы за Енисеем чем-то напомнили штурману побережье Алжира.

Экспедиция Исаченко уже покинула Красноярск. Мецайку поручалось спустить в дельту Енисея моторное судно «Омуль».

Штурман боялся, что оно окажется каким-нибудь неуклюжим корытом. Но в двухмачтовом «Омule» было что-то привычное, морское, а киль — такой же, как у рыбацких морских шхун, — окончательно успокоил Мецайка.

Слушая шум беснующейся воды в Казачинском пороге, моряк вспомнил буруны прибой у скал Мурмана. Его потянуло к морю. Нечего сказать, хорошее занятие для моряка — вертеться среди речных порогов и мелей!

После того как «Омуль» пробежал первую тысячу километров, берега почти исчезли из виду. Налетел шторм и задал «Омулю» такую трепку, что Мецайк опасался за судно.

Встреча с Исаченко на пустынном острове в Бреховском архипелаге была самой сердечной. Ихтиолог с увлечением говорил о Енисее и его рыбных богатствах.

— Удивительная река! — повторял он. — Нет, вы посмотрите, какой простор! А?

Простор? И это говорит человек, с которым они исходили тысячи миль по морю...

Все же на следующий год Мецайк не уехал с Енисея. Ему предложили стать капитаном парохода «Туруханск». Условия были такими: моряк плавает две навигации, затем его за казенный счет отправляют доучиваться на капитана дальнего плавания. Такое предложе-

ние могло соблазнить кого угодно. Два года на реке, а там снова на большую океанскую дорогу.

«Туруханск» водил рыбацкие караваны на промыслы в Енисейский залив. Собирая и высаживая людей, он делал множество остановок. Ради нескольких рыбаков капитан в любую погоду приставал к незнакомому берегу. Иногда он кружил часа по два, по три, но не уходил, пока не добивался своего. По реке пошел слух, что новый капитан — человек душевный, понимает нужду простого человека, никогда не оставит рыбака в беде.

«Белых пятен» на енисейском Севере было тогда много, и капитан, вспоминая работу на «Первозванном», делал попутные промеры глубин, наносил на карту подводные камни.

Как-то летом 1913 года с «Туруханска» заметили морское судно, стоящее на якоре за островом. «Коррект» — прочел в бинокль Мецайк...

Через час капитану жал руку высокий человек во фланелевой рубашке. Перекладывая во рту старую трубку и покусывая прокуренные усы, он на норвежском языке расспрашивал Мецайка.

— Господин Фритьоф Нансен, предпринявший после своих знаменитых путешествий в полярные страны это путешествие на Енисей, — бесстрастным голосом бубнил переводчик, хотя Мецайк кое-что понимал сам, — интересуется: куда мы заехали и как нам отсюда выбраться? Господин Нансен говорит, что капитан «Корректа» незнаком с рекой и совершенно запутался.

Мецайк согласился вывести корабль на фарватер. Тогда какой-то господин, присутствовавший при разговоре, вдруг сердито потребовал, чтобы русская команда, кроме того, помогла погрузить лес, который он должен доставить с Енисея торговой фирме.

— Переведите, что я не останусь здесь ни одной минуты и людей на погрузку не дам, — сказал Мецайк. — У вас фирма, а меня ждут рыбаки.

Господин начал горячиться, но Нансен, внимательно слушавший разговор, остановил его:

— Русский капитан прав. Его нельзя задерживать, он нужен рыбакам. Наш рулевой Эдвард, кажется, сын рыбака из Согне-фьорда. Спросите у него, что такое потерянный час путины.

Два года спустя Мецайк прочел в книге знаменитого путешественника рассказ об этой встрече. Книгу, посвященную поездке на Енисей, Фритьоф Нансен озаглавил: «В страну будущего».

«Страна будущего». Эти слова не были для капитана Мецайка новыми.

Еще в первый год работы на Енисее его строго предупреждали, что он должен держаться как можно дальше от ссыльных большевиков. Но как-то незаметно получилось, что капитан постепенно сблизился с невольными поселенцами Севера.

На «Туруханске» плавал кочегар Василий. Отправляясь в рейс, Василий брал для продажи два-три ящика с яблоками и лимонами. Капитан стал замечать, что во время стоянок кочегар не столько торгует, сколько передает ссыльным какие-то брошюры и письма. Мецайк вызвал Василия и сказал:

— Вот что: я ничего не знаю и знать не хочу, но будь осторожнее.

Тот пристально посмотрел на капитана, понимающе улыбнулся и поблагодарил.

Вскоре, во время стоянки в селе Монастырском, к капитану подошел невысокий человек с курчавыми черными волосами и, остро поглядывая на него из-под стекол пенсне, протянул руку:

— Здравствуйте, капитан; я Свердлов, Яков Михайлович. Слышал о вас много хорошего, рад познакомиться.

Говорил Свердлов весело, уверенно, как будто не полицейский пристав, а именно он, ссыльный, был тут хозяином. Это показалось Мецайку странным.

На ночной вахте. Художник К. Арцеулов

Потом, когда капитан сошелся со ссыльными поближе, когда узнал имя Ленина, то почувствовал: да, эти люди, пожалуй, сумеют перевернуть Россию, Сибирь — страну будущего. Они знают, куда вести народ. У них — партия! Это слово всегда произносилось так, что капитан постепенно понял: партия, созданная Лениным, и есть то главное, что делает этих людей сильными, стойкими, непобедимыми.

Незаметно пролетело время — и Мецайк, успешно выдержав испытания в Рижском училище, в новой морской форме шагает по улицам Риги. В кармане диплом штурмана дальнего плавания. В порту корабли, уходящие в Лондон, в Африку, на Кубу.

Когда он уезжал из Сибири, ему казалось, что, увидев море, он тотчас забудет Енисей. Теперь море — вот оно, перед ним, знакомое Балтийское море, дорога во все океаны мира. А на душе беспокойно. Представляется капитану хмурый, холодный Енисейский залив, рыбацкий караван, шторм, прибрежная тундра.

Три дня капитан бродил по Риге, вздыхал, сердился на себя. А на четвертый сел в вагон и поехал на Енисей...

Именно он строил первые дома и радиостанцию на необитаемом острове Диксон, у выхода Енисея в океан. За это его представили к ордену. Но губернатор вычеркнул его имя, пометив: «Неблагонадежен. Замечен в симпатии к политическим ссыльным».

После революции капитан примкнул к большевикам. Он не был коммунистом, но ясно видел, на чьей стороне правда. Рабочие Енисейского пароходства выбрали его делегатом на Первый всероссийский съезд водников. Он попал в Петроград в те дни, когда враг был под городом.

Пароход «Красноярский рабочий». Красноярск. Фото Балуева 1934 г. Из фондов КККМ

В учреждениях, занявших бывшие дворцы, отмахивались от человека в капитанской фуражке и черном дубленом полушубке, который требовал ровно миллион рублей для развития пароходства на каком-то Енисее. Вскоре моряка, ходившего за миллионом, стали узнавать даже часовые. Он не уехал на Енисей, пока не добился своего.

Прошло еще года три-четыре, и Константин Александрович Мецайк смирился с тем, что, возможно, побывать на Кубе ему так и не придется. Дел у капитана все прибавлялось. Москва требовала: разведывайте на Енисее пути для морских кораблей и места для морских портов.

Капитан провел по Енисею в Карское море первую советскую экспедицию для встречи с кораблями, пришедшими из Архангельска. Потом пришлось взяться за Ангару, Подкаменную Тунгуску, Нижнюю Тунгуску. Наконец настала очередь Пясины — реки, пересекающей Таймыр восточнее Енисея. Кроме двух-трех геологов, по этой реке никто не плавал. Даже на картах Пясины была нанесена почти наугад.

К устью этой-то реки капитан Мецайк и прошел через Карское море на небольшом речном пароходике, тянувшем за собой к тому же две баржи. Кто сказал, что он забыл морское дело?!

Потом разведчики стали медленно подниматься вверх по Пясине. Ни кустика, ни деревца вокруг — одна зеленовато-бурая тундра, то ровная, то всхолмленная. Стада диких оленей временами переплывали реку, над водой колыхались их рога. Линявшие гуси паслись на отмелях. Напуганные пароходом, они долго и тяжело бежали вдоль берега.

Поздней осенью экспедиция Мецайка, разведав реку, повернула обратно. У выхода из реки теснились льдины. Каравану удалось было пробиться, но прилив снова отбросил его обратно. Лед смерзлся. Нависла угроза зимовки, а продуктов оставалось едва на месяц.

Двое суток не уходил капитан с мостика и, только испробовав все, что было в силах, отправил в эфир радиogramму: «Всем, всем, всем. Затерты льдами в устье Пясины...»

Рация на караване была неважной.

Радист не поймал никакого ответа на призыв. Мецайк ждал, не разредит ли льды ветер, подувший с юга.

Глубокой ночью капитан заметил в море огни. Это был ледокольный пароход «Георгий Седов». Затем появились еще огни: то полным ходом шел ледокол «Ленин».

Сигнал с каравана приняли в Москве. И Москва помогла так, как всегда помогает Москва...

Совсем недавно я снова побывал в гостях у капитана. Он живет на самом берегу Енисея. Я застал его за сборами.

Старое кожаное пальто, выдавшее виды, было наброшено на спинку стула. На столе лежали мореходные таблицы, карты. У порога стояли сапоги, промазанные жиром. В раскрытом небольшом чемодане, аккуратно застеленном газетами, были уложены шерстяные носки, меховая шапка, жестяная коробочка с любительским китайским чаем.

Завтра капитан уходил в Заполярье. В какой по счету рейс? В пятисотый? В тысячный?

Мы сидели, пили чай, который, чего греха таить, не принадлежит к числу самых популярных речных и морских напитков. Капитан молодо поглядывал из-под своих косматых седых бровей. Просто не верилось, что вот уже больше шестидесяти лет трудится он на воде, соленой и пресной.

Я смотрел на него и думал: какая же это все-таки великолепная, благородная, смелая профессия — капитан корабля!

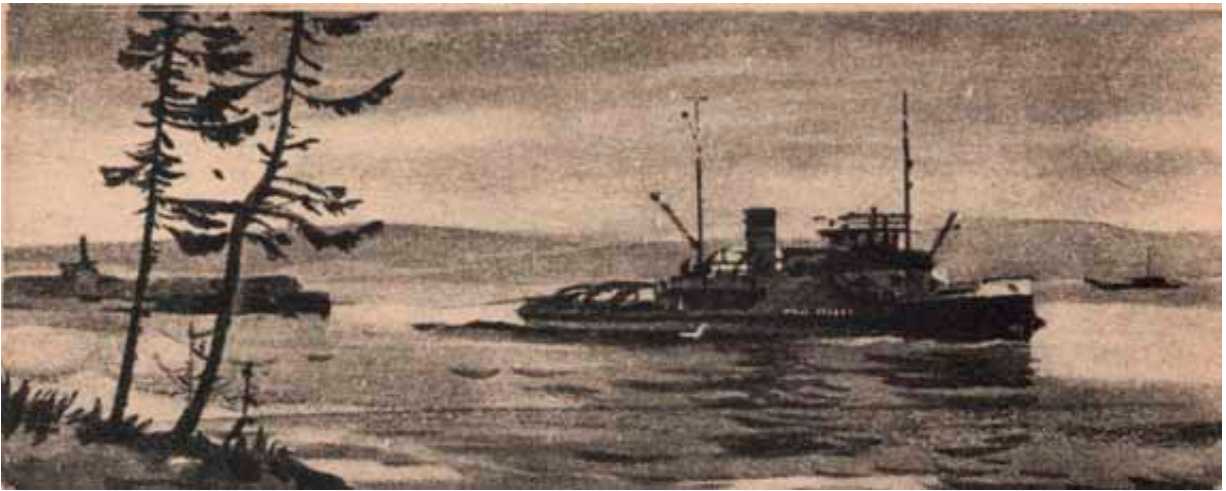

Картина из первого издания книги. Художник К. Арцеулов

Глава XVII

КАРАВАН ИДЕТ В ЭВЕНКИЮ

Корчага. — Белая ночь на Нижней Тунгуске. — Графитный рудник. — Кто такие эвенки? — Ландур. — Угрюм-река. — Про оленей. — Древности Таймуры. — Походы мангазейцев. — Таежный город. — Прощай, Тура

Но вернемся к нашему плаванью.

Мы еще только подходили к устью Нижней Тунгуски, как навстречу каравану помчался белый полуглиссер. Человек в морской фуражке ловко поднялся по стремянке на палубу и прошел к капитану.

Предполагалось, что мы постоим сутки у городка Туруханска, который занимает высокий яр над устьем Нижней Тунгуски. Но человек в морской фуражке привез последний прогноз: ожидается ясная, сухая погода, и никто не поручится, что высокая вода на главном енисейском притоке продержится долго. Значит, дорога каждая минута.

К большому огорчению тех, кому хотелось погулять в Туруханске, капитан решил немедленно идти по Нижней Тунгуске в глубь земли эвенков.

Сначала караван плывет вдоль крутояра с темным ельником. Дома Туруханска становятся все меньше и меньше и наконец вовсе исчезают. Идет не то дождь, не то снег. Мутная завеса скрывает горы, сверкающие на горизонте снежными вершинами.

— Ну, скоро Корчага, — предупреждает лоцман рулевых. — Ишь, ворчит проклятая...

Издали доносился глухой шум и что-то вроде чавканья или всхлипывания.

Так вот она, знаменитая тунгусская Корчага! Посреди реки гигантская воронка воды. Вырванная половодьем листовенница сначала медленно, потом все быстрее плывет к водовороту. Ближе, ближе... Постойте, где же она? Исчезла. Водоворот всосал дерево в пучину.

Горе неосторожному рыбаку, если лодка его попадет в Корчагу! Да что лодка: водоворот засасывал и большие илимки, а выбрасывал лишь щепки и трупы.

Корчага глухо ворчит и стонет, точно жалуется на кого-то. Это большие камни на дне стукаются друг о друга, и звук, приглушенный слоем воды, становится похожим на голос неведомого животного. Говорят, в тихий день ворчанье Корчаги слышно даже в Туруханске.

Я с опаской наблюдал за жутким водоворотом. Конечно, наш теплоход не лодка и не илимка, но, кто его знает, как может обернуться дело.

И вдруг судно боком потянуло в сторону Корчаги. Караван встал почти поперек реки. Баржи, которые мы вели за собой, беспокойно зарыскали из стороны в сторону.

— Правее, правее держи!.. — взволновался лоцман. — Еще правее!

Всем телом он подался как-то вбок, точно желая помочь судну.

Нет, все-таки теплоход оказался сильнее. Караван постепенно выровнялся и стал уходить от опасного места.

— Да-а, — говорит лоцман. — Это что! А вот мы тут с капитаном Василь Васильичем Ильинским попали раз в переделку. Затянула она нас, Корчага-то, в самое пекло. Начинаем погружаться. Вот уже почти вровень с бортом... У меня волосы дыбом, по спине мурашки. Оглядываюсь, а баржа, которую мы вели, попала, видно, в другую струю, накренилась набок и мчится на тот вон мыс. Ну, буксир, конечно, лопнул, как струна на балалайке. Нас же все тянет вниз, будто попали мы в разреженную воду. Машины работают на полный. А мы — ни с места. Баржа тем временем добежала до мыса, да от него — опять к Корчаге! Тогда Василь Васильич рассердился, застопорил машину. Что же вы думаете? Понесло и нас следом за баржей. А как вынесло к краю водоворота — Василь Васильич дал полный. Выскочили и баржу вывели. Потом пять дней ждали, чтобы вода немного спала. Вспоминаю теперь и думаю: неужели это взаправду было? Как сон дурной...

Гигантским водоворотом Корчаги испортили реку два мыса, выдвинувшиеся на обоих берегах несколько наискосок друг от друга. Они резко меняют направление реки. Вода, ударившись в один мыс, отталкивается от него к противоположному берегу и бьет там в другой мыс. Тот посылает ее назад, образуя водоворот.

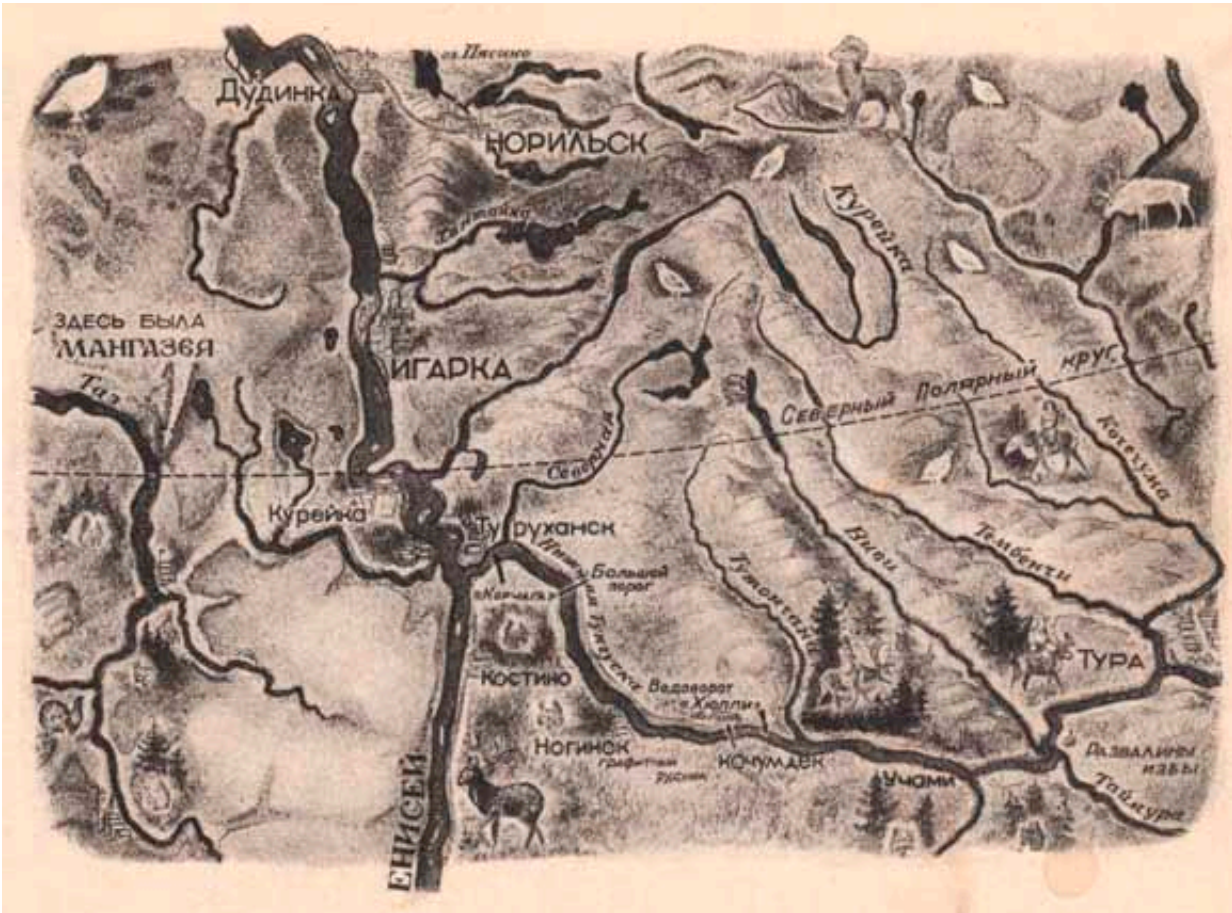
Тунгуска в низовьях петляет между гор. Здесь она не шире полукилометра. Кое-где к воде подступают скалы, то совершенно голые, то расцвеченные мхами.

Серые рваные тучи несутся низко-низко, чуть не задевая за горы. Их вершины, на которых ничего не растет, называют «гольцы». Лоцман показал мне гору, напоминавшую большую облысевшую голову с клочьями седых волос.

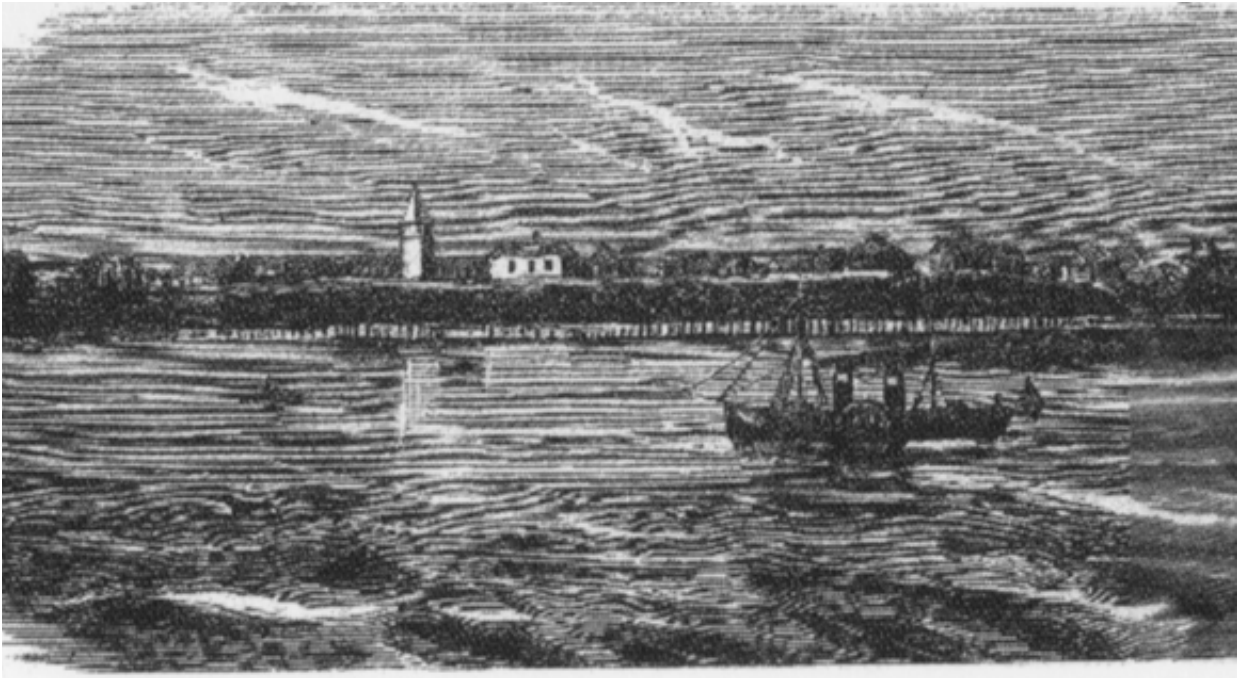
— Голова мудреца, — сказал он. — Похожа? У нас тут каждый камень поименован. Подойдем к Большому порогу, там будет Сторож...

Т. В. Ряннель. Картина «Фактория на Подкаменной Тунгуске». 1963 г.

Картина из второго издания книги. Художник К. Арцеулов

Первое изображение пароходов на Енисее близ Туруханска. Гравюра неизвестного мастера XIX века

Н. К. Ауэрбах. Старый Туруханск. Акварель. Начало 1920-х гг.

«Как, опять Большой порог?» — скажете вы. Да, опять. Многие сибирские реки порожисты, и на каждой из них один порог всегда больше других. Это и есть Большой порог. Даже маленькие реки имеют свои Большие пороги.

В нижнетунгусском Большом пороге мы обнаружили все, чему полагалось быть, — и острые камни, и скалистые берега, и бешеное течение. Сразу вести за собой в порог две-три баржи не может даже самый мощный буксировщик.

Мы берем одну. Остальные ждут очереди, став на якоря. Машина работает изо всех сил, но сначала кажется, что впустую. Потом присмотришься к какому-нибудь бугру или дереву на берегу — нет, все-таки ползем вперед.

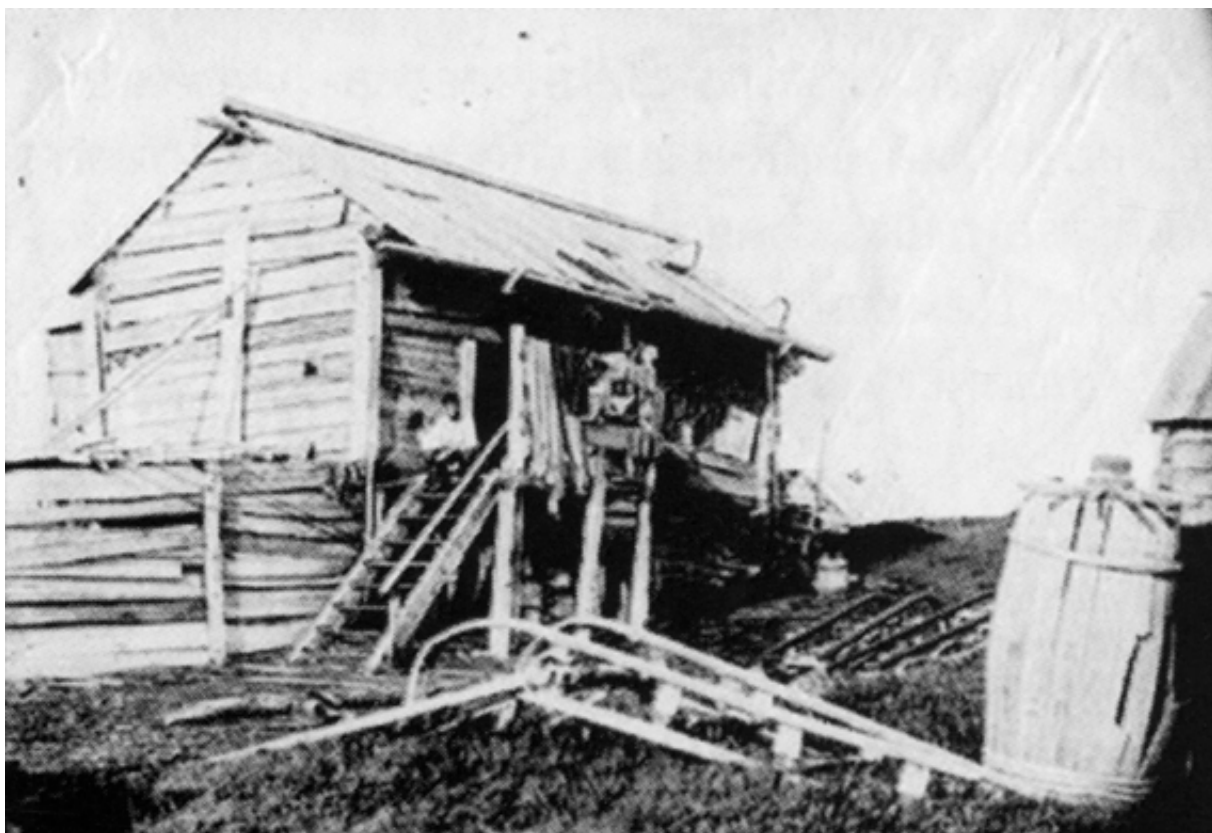
Рядом с бортом показывается первый камень, высунувший свое скользкое острое рыло из воды. Это и есть Сторож. Он сторожит вход в порог. Рядом со Сторожем — плоская Плита, ловко замаскировавшаяся волнами. Малейшая оплошность лоцмана — и теплоход вылезет на нее. Малейшая заминка в машине — и нас отбросит назад, на Сторож.

Мы перетаскивали караван круглые сутки: темноты в здешних местах летом почти не бывает. Сторожу ничего не досталось — все баржи мы вывели благополучно и потянули их дальше, вверх по реке.

Я засиделся в каюте за полночь; ложась, потушил свет и тут только обратил внимание на странное мерцание за иллюминатором. Открыл его — в каюту ворвался холодный воздух. Выглянул — батюшки, зима!

Выпал снег. Он лежал на деревьях, побелил прибрежные камни. Было не очень светло — так, как бывает январским утром. Только речные струи нарушали картину зимы в эту белую ночь на Нижней Тунгуске.

Я знал, что Нижняя Тунгуска длиннее Днепра, почти вдвое длиннее Рейна и лишь немного уступает Дунаю. Мне было известно, что она протянулась более чем на две с половиной тысячи километров, пришла к Енисею с востока, почти от берегов другой великой сибирской реки — Лены.

Дом в Туруханске. Фото из архива М. Н. Добровольского

Эвенкийский лабаз. Подкаменная Тунгуска. Фото 1926 г. Архивные фонды ГАКК

На картах истоки Нижней Тунгуски так близки от ленских вод, что, кажется, достаточно прорыть небольшой канал через водораздел — и можно открыть сквозное сообщение Лена — Енисей. «Просто удивительно, — думал я, разглядывая карты, — что до сих пор этого не сделано!» Но когда мне довелось побывать на Нижней Тунгуске, посмотреть на ее пороги и перекаты, соединение двух рек перестало казаться мне легким делом.

Впрочем, за Большим порогом начались сравнительно спокойные и обжитые места — не то, что в низовьях, где можно плыть двое суток и не встретить других признаков человеческого жилья, кроме заброшенных охотничьих избушек.

Пройдя почти триста километров, мы добрались до Ногинского графитного рудника. После холода, после надоевшего летнего снега выглянуло, наконец, солнце, и домики на горе, надвое разделенной долиной ручья, засверкали новыми крышами.

Нижнюю Тунгуску природа наградила щедро, даже расточительно. У того же Ногинского рудника в обрыве берега обнажен матовый пласт графита толщиной в несколько метров. Не надо рыть шахты, проходить штольни: бери и грузи в баржи. Здесь так и делают.

Пока теплоход расставлял суда под погрузку, мы небольшой компанией пошли побродить по берегу. Миновали поселок, стали без дороги подниматься в гору, прыгая с кочки на кочку. Кругом камни, мох, болото. Лекарственно пахло багульником, между пней журчала вода. Видимо, в награду за трудный путь залетная кукушка накуковала каждому из нас по крайней мере по сто лет жизни.

Мы вышли к горе черного камня, нагроможденной подле шахты. Это уже не графит, а уголь, которого на Нижней Тунгуске больше чем много. Запасы Тунгусского угольного бассейна превосходят донбасские и могут поспорить с кузнецкими. Угли здесь разные: от низкосортных бурых до отличного антрацита.

Одним из первых исследователей Тунгусского бассейна был крупный советский геолог и неугомимый путешественник Сергей Владимирович Обручев. Еще много лет назад он говорил о городах горняков, которые несомненно возникнут на берегах Нижней Тунгуски.

Из леса появился отряд эвенков на оленях. Художник К. Арцеулов

Что еще есть на этой реке, кроме угля и графита? Правильнее было бы сказать: чего только нет на Нижней Тунгуске! Вот, например, исландский шпат, очень нужный в оптике. У нас в стране добывается примерно три четверти его мировой потребности, и наилучший исландский шпат встречается именно здесь, на Нижней Тунгуске. Геологи находили вблизи реки и многие другие полезные ископаемые. А древесина, меха, рыба? Кто подсчитывал их неисчерпаемые запасы?

После Ногинска, где мы оставили часть барж с тем, чтобы захватить их на обратном пути уже груженными графитом, теплоход останавливался у фактории Кочумдек. Ее дома стоят на берегу, вымощенном крупным булыжником. Это сделала река, и сделала не хуже каменщиков. Она хорошо потрудились, обкатывая и сглаживая камни.

Вероятно, дело происходило во время ледохода, который здесь еще грандиознее, чем на Енисее. В узких, стиснутых скалами местах на Нижней Тунгуске вода поднимается над обычным уровнем до тридцати пяти метров!

Тридцать пять! Если бы поставить на берегу Нижней Тунгуски такое здание, как Большой театр, то весной, в разлив, вода бы затопила его почти целиком — и бронзовым коням колесницы Аполлона, украшающей фасад, пришлось бы учиться плавать... Чудовищная масса воды, несущая льдины, сокрушила бы массивные колонны и стены: ломает же она прибрежные скалы.

Но, прибывая с устрашающей быстротой в те дни, когда на хребтах дружно тают снега, нижнетунгусские воды лавиной скатываются в Енисей, и река быстро мелеет. Наш караван застал уже спад половодья, но вода еще держалась довольно высоко. Поэтому знаменитый водоворот Хюлли, где размыты огромные ямы, глубиной в десятки метров, не смог причинить нам неприятности.

В поселке Кочумдек мы сгружали товары: мешки с мукой, сахар, дробь, порох, охотничьи ружья, книги... Узнав о приходе каравана, в лавку фактории приехали эвенки. Они побывали в гостях и у нас на теплоходе, посмотрели машину, попили чаю. Это были сму-

Коробка. Рыбный промысел Ольгинский. Фото Н. А. Остроумова. Июль 1926 г. Архивные фонды ГАКК

глые, крепкие люди, не особенно высокого роста, скуластые, с черными глазами. У мужчин под мешковатыми суконными пиджаками висели охотничьи ножи. Наши гости курили хорошие папиросы, весело шутили, много смеялись.

— Помните у Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,

И назовет меня всяк сущий в ней язык,

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгуз...

Так вот, эвенки это и есть тунгузы, или тунгусы. Их предки с незапамятных времен обитали в сибирской тайге. Раскопки, произведенные археологами, неопровержимо доказывают это. Эвенки — коренные из коренных сибиряков.

Раньше их считали дикарями, инородцами. Они должны были платить царским чиновникам ясак: восемьдесят соболей в год с семьи.

Жили эвенки в чумах, где едкий дым очага не успевал выходить через отверстия в потолке и слепил глаза. К заболевшему звали знахаря — шамана. Грамотных среди эвенков не было вовсе.

Эвенки крепко держались нелепых обычаев. Например, «баба» не должна была находиться в почетной части чума, где имели право сидеть только мужчины. Если женщина случайно переступала через лежавшее на земле ружье, это считалось страшным преступлением.

Женщинам поручалась самая тяжелая работа. Во время кочевья с места на место в поисках пастбища для оленей они должны были разбирать и собирать чум, разжигать костер. Богатый эвенк мог купить себе жену за двадцать оленей.

Кому в краю эвенков мог пожаловаться обиженный? Полицейский исправник подкуплен богатеями, до ближайшего города месяц скачи — не доскачешь. Не даст кулак хлеба — умирай с голоду. Возьмет скупщик пушнину за полцены — молчи, иначе тебя сживут со света.

Обложка книги В. В. Передольского «По Енисею. Быт енисейских остяков» СПб 1908 г.

Художник К. Арцеулов

Чум эвенка-единоличника. Фото 1937 г. Из архива автора

Цветная линогравюра В. И. Мешкова «Фактория на Тунгуске». 1958 г.

Председатель Затундренского кочевого Совета Еремина привезла учеников-долган в село Крестовское для отправки в школу. Фото 1938 г.

Картина Б. Я. Рязова Туруханск. Последние льды

Везут товары. Фото Н. П. Наумова 1926 г. Архивные фонды ГАКК

Хорошо знавший жизнь северных народов, путешественник Владимир Передольский рассказал в своей книге «По Енисею» о страшном Ландуре:

— Ландур? Что такое Ландур? — спросят меня, вероятно, многие. Слово это в говоре инородцев низовьев Енисея означает вислоухого оленя с понуро свешенной головой, и только. Олень — животное кроткое, смиренное... Почему же одно слово «Ландур» приводит в трепет не только простодушного дикаря — аборигена страны полуночи, но и смековатого русского, закинутого волей судеб в дебри Туруханского края?

Оказывается, Ландуром прозвали кулака-торговца, закабалившего и разорившего сотни людей. Прозвали его так за понуро свешенную голову с мутными, без выражения, глазами. Сам он был высок и жилист, с большим отвисшим брюхом.

— Ландур людей жрет, — говорили на Енисее, — вот у него брюхо и отвисло.

Ландур был одним из «тунгусников». Слово «тунгусничанье» обозначало спаивание, обман, грабеж жителей тайги и тундры.

Рассказывали об одном рыбаке, которому Ландур выколол глаза. Вспоминали о русском батраке, который, сопровождая Ландура в поездке по его вотчине, провалился в воду. Дело было зимой. Батрак попросил у Ландура сухие бокари — сапоги из оленьего меха. Но тот вытолкнул его в шею и приказал идти дальше. Батрак пошел — и отморозил обе ноги.

Однажды Ландур убил мерзлой, твердой, как камень, рыбой заспорившего с ним рыбака. Все думали, что на этот раз злодею не уйти от суда. Но Ландур откупился взяткой.

Он не только спаивал и обсчитывал людей — он грабил среди бела дня. Приедет, например, к кочевнику и кричит:

— Отдавай долг, бездельник!

Олени. Негатив П. Остроумова. 1920-е гг. Архивные фонды ГАКК

А тот не только ничего Ландуру не должен, но и видит-то его в первый раз. Ландур этим нимало не смущен.

— Ты не должен — значит, отец твой был должен! — орет он и приказывает своим подручным отбирать у несчастного пушнину, ловить его оленей.

«Жутко становится, — написал в своей книге Передольский, — при подобных рассказах, безысходно жутко; действительно, начинаешь сознавать, что находишься «в странах полуночи», в тех странах, где тьма и все, совершающееся в ней, властно царит над светом и правдой».

После Октября народы Севера прогнали ландуров, прогнали кулаков и князьков, прогнали шаманов. Бедняк получил оленей и забросил в кусты старый дедовский лук: у него появилось хорошее ружье. Эвенки выбрали кочевые Советы. Открылись красные чумы, где рассказывали о Москве и о Ленине. Был создан Эвенкийский национальный округ, территория которого в три с лишним раза больше территории Великобритании.

К центру этого округа — Туре — и лежал наш путь.

Странное дело — чем дальше поднимались мы, тем спокойнее шло плавание, хотя на карте в этих местах было обозначено немало всяческих препятствий для судоходства. Я обратился за разъяснением к лоцману.

— По порогам да мелям соскучились? — усмехнулся он. — Тут они, под нами, никуда не делись. Пока хребты еще гонят воду. А попозже, когда вода схлынет, хлебнешь тут горюшка через край — река тебе покажет зубы. А они у нее крепкие, каменные. К осени здесь даже на илимке не всякий пройдет. В давние годы пришлось мне плыть по Нижней Тунгуске с одним человеком. Упорный был. Поручили ему посмотреть, нельзя ли Тунгуску с Леной соединить, а если можно, то годна ли, значит, сама Тунгуска для пароходства. Я нанялся к нему в экспедицию рабочим. Сначала кормили мы комара на Лене, потом перебрались на Тунгуску, купили тут шитики — крупные такие лодки — и пустились с богом вниз по реке. Было это в 1911 году. Плохой выдался год, жаркий, вода рано ушла, в тайге пожары начались. Беда. Пути не знаем. Бьет нас в порогах, треплет на шиверах. Не выдержал лоцман — ушел. И многие гребцы сбежали. Однако Вячеслав Яковлевич, начальник наш, ни за что не хотел отступить. А тут уже осень, холодище, река смерзается. Вмерзли мы в лед возле устья Илимпеи — это повыше Туры. Еле оттуда пешком да на оленях выбрались, в сугробах ночевали. Семьсот верст прошли, шутка рассказать. А нас уже покойниками объявили. Сам читал потом в газетах: так, мол, и так, погибла в тайге экспедиция Шишкова...

— Шишкова?

— Шишкова, Вячеслава Яковлевича. «Угрюм-реку», поди, читали? Потому и написана с сердцем, что человек сам прошел таежную нашу жизнь. Он ведь много лет на Лене, на Оби да на Енисее техником работал, прежде чем за книжное писание сел...

Долго еще рассказывал лоцман о своей реке, о ее коварстве, жаловался, что крупные пароходы успевают сделать по ней всего один весенний рейс. Вот и мы: ежели запоздаем, упустим воду — не бывать каравану в Туре.

Навстречу, с юга, спешит лето. Солнце щедро греет землю, истосковавшуюся по нему за долгую зиму, за холодные дни запоздавшей весны. Все ярче, пышнее распускается зелень, но все меньше остается в горах снега, питающего реку.

Мы идем быстро, а слух о приходе каравана мчится по эвенкийской земле еще быстрее.

Из леса выныривает на каменистый берег целый кавалерийский отряд: несколько эвенков верхом на оленях. Они машут нам руками, что-то кричат, потом пускаются вслед за караваном и сначала не отстают от нас. В зелени мелькают олени рога.

Потом всадникам попадает берег, изрытый ручьями, оврагами, а нам — участок с тихим течением. Мы вырываемся вперед. Эвенки, подойдя к самой воде, еще долго смо-

трят нам вслед, и олени, стоя рядом с ними, помахивают ветвистыми рогами, как бы прощаясь с караваном.

Путешествующий по Енисею встречает северных оленей уже у истоков реки, в Саянах. В устье, у входа в океан, он снова видит оленя. Но таежный эвенкийский олень крупнее своих саянских и заполярных собратьев. Он весит более центнера.

Эвенку олень служит для передвижения; без него были бы невозможны длинные переходы в поисках пушных зверей. Он хорош в упряжке, на нем можно ездить и верхом. Олень дает мясо, молоко, мех для одежды и постели, мех для того, чтобы накрывать зимой чум. Мехом, снятым с ног оленя, эвенк подбивает лыжи. Из оленьей шкуры он шьет зимнюю и летнюю обувь. Из оленьей кожи получается мягкая и тонкая замша. Олень незаменим в таежном хозяйстве.

В эвенкийских сказках оленя всегда поминают добрым словом. На рогах тысяч оленей эвенки давным-давно привезли в свою мрачную тайгу солнце. Помог им найти солнце на краю света богатырь Куладай-Мэрген, у которого был волшебный олень с золотой шерстью. Без такого оленя, конечно, до края света ни за что бы не добратся...

Северный олень — родственник лося, марала, кабарги, пятнистого оленя. Однако, в отличие от всех прочих членов семейства, только у северного оленя рога имеют и самцы, и самки.

Олень строен, легок на бегу. Длинная шерсть его прижата к коже, словно причесана, хвост короткий, ноги очень подвижны, копыта широки, и олень не проваливается, когда бежит по снегу.

Олень не только красив, но и вынослив, неприхотлив. Пищу он добывает сам: летом находит ее на пастбищах, зимой выкапывает копытами из-под снега. Бегаёт он быстрее лошади. Когда олень бежит, то слышится своеобразный звук — щелканье. Это щелкают при натягивании во время бега сухожилия у его копыт.

Но голосом природа явно обидела нашего оленя. Это красивое животное... хрюкает. Как бы стыдясь своего голоса, олени чаще всего молчат; только маленькие оленята принимают хрюкать, разыскивая матерей.

Что еще можно сказать об олене? Он ежегодно линяет и сбрасывает рога. Шерсть оленя зимой светло-серая; встречаются, однако, олени с коричневой и темной шерстью.

Мы еще в учебниках географии читали, что олень питается лишайником — ягелем. Однако это не совсем точно. Он любит ягель, но ест также траву, обгладывает кустарники, не брезгует полярными мышами, поедает даже птичьи яйца. Олень — большой охотник до грибов. Он хорошо чувствует их запах и в поисках этого лакомства готов исходить всю тайгу.

Очень донимает оленя сибирский гнус. Когда наступает, как говорят эвенки, «комар-пора», то есть теплые летние дни, и мириады докучливых насекомых повисают в воздухе, олени жмутся к кострам, рискуя опалить шерсть. Иногда они бросаются в заросли, как бы собираясь сразить невидимого врага, а на самом деле для того, чтобы стряхнуть, содрать с себя ветками кровососных тварей.

Таков эвенкийский олень — «вездеход» тайги.

За таежной факторией со странным названием «Учами» в Нижнюю Тунгуску слева впадает довольно большая река.

— Таймура, — сказал лоцман. — Древности на ней всякой много. Мамонта находили. А неподалеку от ее устья стоит избушка-развалюха, что называется — на курьих ножках.

— Ну и что же?

— А вот и то же... Бывал я в той избушке. Посреди печь, а сквозь нее дерево проросло: поперек сантиметров тридцать, если не шире. Сколько же годков эта избушка стоит? Говорят, строили ее еще те казаки, что в Сибирь с Ермаком Тимофеевичем пришли.

Вон куда хватил старина! Сюда и сейчас нелегко добраться, а то во времена Ермака!

Вечером я все же полистал книги. Представьте — отыскиались следы людей, построивших избушку! Следы вели в древний город Мангазею.

Не ищите этот город на картах, даже самых подробных. Его давно нет в природе.

Но триста с лишним лет назад по его улицам расхаживали богатые торговые гости. На пяти башнях бревенчатой стены, которой был обнесен город, перекликались дозорные. Поблескивали церковные кресты. Возле воеводского дома стояли просторные хоромы именитых купцов. В мангазейском гостином дворе десятки лавок торговали сукнами, свинцом, котлами из красной меди, солью, сыромятной кожей. Рядом помещались пороховой и винный погреба.

Как же возник этот город, давно ставший легендой, и какая сила стерла его с лица земли?

Еще много веков назад новгородцы плавали северными морями до устья реки Оби, выгодно выменивая здесь меха соболей, песцов и лисиц. Позже землепроходцы проникли вверх по впадающей в море восточнее Оби реке Таз, где кочевало племя монгомзи, или, как их называли русские, мангазейцев.

В 1600 году посланцы московского царя Шаховской и Хрипунов отправились закладывать на земле мангазейцев укрепленный острог. Путь на Таз был «труден и прискорбен и зело страшен от ветров». Буря разметала суда. Отряд двинулся дальше на оленях, но был разбит кочевниками. Лишь на следующий год более сильный отряд все же достиг Таза и, пройдя вверх по реке почти двести верст, заложил город Мангазею.

Город рос и богател. Старинные парусные лодки — кочи — привозили в Мангазею хлеб и другие товары. «Делали кочи крепкие, и лес в них был добрый, мелкий, и ушивали, и конопатили, и смолили, и во всем делали дельно, чтоб те кочи к морскому ходу были надежны», — отмечает летописец.

Одних купцов наезжало в Мангазею более тысячи за лето. Получив за шкуры соболей и песцов порох, сухари, крепкие кафтаны, во все стороны от Мангазеи отправлялись отряды искателей новых земель и новых богатств.

Один из таких отрядов во главе с казаком Мартыном Васильевым прошел чуть не всю Нижнюю Тунгуску. Следом за ним туда же отправилось более двухсот промышленников, чтобы заняться на ее берегах добычей пушнины. Вполне вероятно, что избушка, о которой говорил лоцман, была построена кем-нибудь из этих удалцов. Простоять она могла и больше, чем триста лет, — недаром лиственницу называют вечным деревом.

Но доскажу о Мангазее. Вести о самом северном городе и порте в далекой «Сибирии» дошли до немцев и голландцев, которые стали снаряжать туда корабли. Опасаясь беспошлинной торговли на Севере и проникновения иностранцев в Сибирь, царь и воеводы под страхом «быть казненным злыми смертьми» запретили вскоре плавание по Карскому морю. Правда, оставался еще речной путь через Обь, но это было уже совсем не то.

Жители Мангазеи потянулись из своего города поближе к Енисею, в только что основанную Новую Мангазею. Их подгоняли беды и несчастья: три года подряд буря разбивала в Обской губе кочи с хлебом, и в старом городе начался голод; потом вспыхнул пожар, которому деревянные дома, лавки и склады дали обильную пищу.

После того как тронулся с насиженного места сам воевода, древний город был окончательно заброшен.

Недавно там произвели раскопки. Остатки городских стен и башен видны до сих пор. Земля сохранила старинную посуду, железные изделия, серебряные украшения, монеты времен Ивана Грозного, обломки китайских ваз, голландские и китайские ножи.

Пока я жалел, что не съездил на моторной лодке к избушке, возможно, построенной мангазейцами, на теплоходе началась генеральная уборка. Команда с необыкновенным усердием чистила, скребла, мыла судно: Тура была уже совсем близко.

Среди прочих дел мне предстояло разузнать в Туре, стоит ли туда ехать Васе Мишакову. Перед самым отъездом в Эвенкию меня попросили об этом в редакции газеты и дали его письмо:

«Глубокоуважаемая и дорогая редакция! Пишу я Вам письмо. Я родился в тайге, в городе Туре. Но когда умер отец, мать почему-то уехала из тайги. Сейчас я живу в Рязанской области. Кончил восемь классов и учусь в девятом. Я очень скучаю по своей родине и хочу непременно уехать в тайгу. О ее богатствах я узнал только в школе на уроках географии, так как самому мне мало пришлось там жить. Но сейчас у меня там нет никого родных и знакомых, и поэтому поехать мне не к кому. Особенно люблю я речной транспорт и очень хочу быть рулевым на катере.

Дорогая редакция! Могу ли я поступить работать в речной флот в каком-либо городе Сибири? Особенно меня тянет в мой родной город Туру, стоящий на притоке Енисея Нижней Тунгуске. Я был бы очень рад, если бы мне доверили катер на Нижней Тунгуске. Это было бы величайшим счастьем для меня. Но если туда нельзя, то я бы поехал в другие города Сибири, как, например, в Киренск, в Олекминск на Лену — это, должно быть, речной портовый город, и мне найдется там дело. Можно в Вилуйск, Верхне-Колымск на реке Колыме, в Верхоянск. Неужели там не найдется для меня работы? Я думаю, работа везде есть, и Вы, дорогая редакция, мне поможете. Особенно мне хочется в Туру. Пишите ответ. Непременно. Пока до свидания».

С зарей на мачтах теплохода были подняты вымпелы и гирлянды ярких флагов. Когда из-за гор поднялось солнце, засверкали начищенные поручни, стекла иллюминаторов.

Теплоход шел, властно рассекая воду, — тяжелый, сильный, большой. За ним тянулся караван, тоже принарядившийся и украшенный флагами. В каютах не осталось ни одного человека. Все свободные от вахты толпились на мостике и на палубе, а один матрос забрался даже на мачту: он непременно хотел увидеть Туру раньше всех.

Мангазейская часовня. Фото 1900 г. Из архива автора

Но увидели ее мы все сразу. Она вынырнула из-за высокого мыса, поросшего чахлыми лиственницами.

Памятник Владимиру Ильичу Ленину поднимался над пологим склоном, зеленеющим травой и кустарниками. Кварталы жилых домов и большие здания учреждений занимали этот склон. Возле берега застыли привязанные к буйкам серебристые гидропланы.

Не знаю, как выглядит Тура в дождливую погоду, когда свинцовые угрюмые тучи плывут низко над землей, — в это чудесное утро она казалась необыкновенно светлой, нарядной.

На берегу не было видно ни души: часовая стрелка показывала только пять часов утра. Потом по улице пробежал человек, за ним другой, третий...

Запел свисток теплохода. Медный голос неся над рекой, над караваном, над поселком, будя жителей. Свисток пел долго и торжественно. Облачко белого пара таяло над трубой. Поселок ожил. Люди бежали к берегу. Нам махали руками, платками.

Такая встреча может показаться непонятной. Чего тут особенного — пришел караван, только я всего.

Но представьте себе, что вы живете в Туре, откуда до ближайшей железнодорожной станции нужно плыть две тысячи триста километров. Ушли последние пароходы, промелькнула осень, тянется зима. Есть время для того, чтобы узнать не только соседей, но и чуть не каждого жителя Туры в лицо. А в снежные месяцы новые люди редки на Нижней Тунгуске — разве только прилетит самолет с закутанными в меха пассажирами.

Что касается таежных дорог, то без большой необходимости вряд ли кто станет путешествовать по ним зимой с юга в Эвенкию. Шутка ли — отмахать в мороз многие сотни километров! После утомительного дневного перегона пассажиры еле успевают добраться до оленьих одеял и тотчас же забываются в тяжелом сне возле разложенного прямо на снегу костра. Им кажется, что они только что заснули, а погонщик оленей уже толкает их в бок:

— Вставай, хозяин, ехать надо! Олешки готовы.

Слышно позвякивание ботала, которое подвешивают оленям, чтобы они не терялись в тайге. Наспех проглотив чай, пассажиры садятся в «санку», закутываются с головой. Олени трогают с места. Снова десятки километров езды — иногда по горам, иногда по лесному пожарищу, где «санка» подскакивает на обгоревших пеньках, — и новая ночевка.

Нет, не каждый решится на такое путешествие.

Словно смена зимовщиков, приезжающая на полярную станцию, едут новые жители в Туру по весенней воде. Как же не радоваться туринцам первому каравану, привезшему новых людей, новые книги, новые товары, новые патефонные пластинки...

Но что же такое Тура? Можно было бы написать так:

«Там, где еще недавно стояла непроходимой стеной дремучая тайга, сейчас раскинулся центр Эвенкии — Тура».

Или так:

«В глухой тайге, за тысячи верст от железной дороги, расположена столица Эвенкийского национального округа».

И то, и другое в конце концов верно. Но такими словами Туру все-таки не определишь. Она проще и будничнее. Да и настоящей тайги, если говорить честно, вокруг Туры нет: тут больше сухостоя и мелколесья.

Тура—это поселок с электрическим освещением, с многоквартирными домами, с большой школой оленеводов, с кино и аэропортом, сельскохозяйственным училищем, Домом культуры, с типографией, где печатается своя газета. На взгляд жителя большого города, он невелик, этот поселок, но по таежным понятиям его можно смело назвать крупным поселением, заслужившим право на то, чтобы слово «Тура» на картах писали жирным шрифтом.

В первом десятилетии нашего века на территории, занимаемой ныне Эвенкией, кочевало несколько родов бродячих тунгусов. Мало кто знал о том, чем они занимаются, как живут, вернее — как вымирают, потому что смертность среди народа была ужасающей.

Теперь эвенкийский народ — хозяин лесов, недр, рек. Он создал богатые оленеводческие колхозы, в которых получают на трудодень по сорок-пятьдесят рублей, научился пахать землю и сажать овощи, стал не только промышлять зверей, но и разводить их на фермах. Он расстаётся с чумом и кочевой жизнью.

Сейчас в Эвенкии десятки школ, а при школах — интернаты, где дети живут и учатся на полном государственном обеспечении. Учителя в этих школах — эвенки. Врачи в туринской больнице — эвенки.

Эвенк Митрофан Павлович Койначенок, сын бедняка-охотника, выросший до государственного деятеля, дважды избирался народом в Верховный Совет Союза ССР. Эвенк Василий Увачан окончил Академию общественных наук, стал ученым, пишет историю своего народа...

Когда теплым летним вечером закончилась выгрузка товаров, которые мы привезли в Туру, и первый свисток собрал на берегу толпы провожающих, я испытал чувство, похожее на грусть. Мне стало жаль расставаться с Турой.

Я от всей души мог написать теперь Васе Мишакову: приезжай, люди здесь очень нужны, и, конечно, тебя научат водить катер по одной из самых трудных сибирских рек. Кончай школу — и приезжай!

Третий гудок. Его слышно, наверно, далеко вокруг — так тих вечерний воздух. Мерно постукивая, ползет из воды якорная цепь. Два удара судового колокола — якорь поднят.

— Тихий вперед!

И вот уже зеленый мыс наплывает на твои домики, Тура!

...А пророчество великого поэта сбылось. На полках книжного магазина в Туре можно купить томик Пушкина на эвенкийском языке.

Глава XVIII

ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Туруханск. — Когда берега парят в воздухе. — Находка на островах Фаддея. — «Необходимо весь народ удалить с севера...» — В море уходит Крузенштерн-младший. — Плавание «Утренней зари». — «Большим кораблям из моря в Енисей пройти можно»

Туруханск, занявший высокий берег при впадении Нижней Тунгуски в Енисей, — это и есть бывшее село Монастырское, прежний центр туруханской ссылки. Перед домиками-музеями Свердлова и Спандаряна цветут яркие астры и петунии.

В соседнем дворе ревет прирученный медведь. По улицам бродят стаями лохматые ездовые собаки и от летнего безделья затевают такие потасовки, что мороз продирает по коже. В одном киоске продают позавчерашнюю «Правду», доставленную самолетом, в другом — туруханскую редиску и салат.

В прежнее село Монастырское почта приходила раз в месяц, а свежие овощи бывали на столе только у туруханского полицейского пристава, который выписывал их с нарочным из Красноярска...

От Туруханска недалеко уже до Северного Полярного круга. Чем ближе к нему, тем безотраднее берега. Даже теперь, когда на Севере настали совсем другие времена, трудно отделаться от ощущения дикости и отдаленности этих мест. Знаешь, что люди тут живут в достатке. Знаешь, что река теперь не пустынна, что вот-вот покажется встречный караван — и все же какое-то уныние овладевает тобой. На палубе смолкли обычные песни; только радио, далекий голос Москвы, вырывается из окон салона.

Ночь. Незаходящее солнце, огромное, багровое, висит над горизонтом в клубах испарений, поднимающихся с окрестных болот. В воздухе толкуются комары.

Берег черен и пустынен. Кое-где у воды рыбацьи лодки, сети, развешанные для просушки. На фоне огненного неба темнеют крыши деревеньки и зубчатый край дальнего леса.

Я смотрю на берега — и мне представляется ссыльный, выгнанный бессонницей из подслеповатой избушки. Он весь еще полон переживаниями борьбы. В его ушах звучат горячие речи, он видит суровые лица питерских рабочих; черные буквы прокламаций складываются у него в страстные гневные слова: «Долой самодержавие!»

— Долой самодержавие! — шепчет он.

Впрочем, эти слова можно кричать, надрывая голос, — кто услышит их здесь?

Кажется, что все непробудно спит в этой приполярной пустыне с ее ночным недремлющим солнцем, пылающим небом и безмолвным человеческим жильем, над которым не видно даже струйки дыма. Что же будет тут в темную пору полярной ночи, какая тоска сожмет сердце, когда берег утонет в глубоких сугробах, река заснет под толстым слоем льда, а в темном небе побегут переливы северного сияния?

Ссыльный садится на бревно. Ночное солнце гонит сон. Только не вешать голову! Правда восторжествует. Большевицкая, ленинская правда. Через муки, через страдания народ придет к своему счастью.

Далеко друг от друга берега. Бездонно бледно-голубое небо, неоглядна водная ширь.

Что это случилось с далеким мысом? Он приподнялся и повис в воздухе. Другой берег тоже легко оторвался от воды, приняв неустойчивое положение.

Это мираж. Вода, принесенная рекой с юга, теплее воздуха. Она нагревает над собой тонкий воздушный слой. Очертания дальнего берега отражаются от верхнего, более холодного слоя.

Здесь, в низовьях, Енисей так широк, что кажется, будто вот-вот начнется устье, река незаметно перейдет в залив, растворившись в соленых водах Карского моря.

Теперь, когда к енисейскому устью каждый год без особых приключений идут караваны кораблей, уже забылось, что еще недавно десятки смельчаков тщетно искали надежные пути через льды Карского моря, перенося лишения, терпя бедствия, теряя спутников.

Достоверно известно, что русский человек знал самую северную часть реки уже в конце XVI века, вероятнее всего — в семидесятых годах.

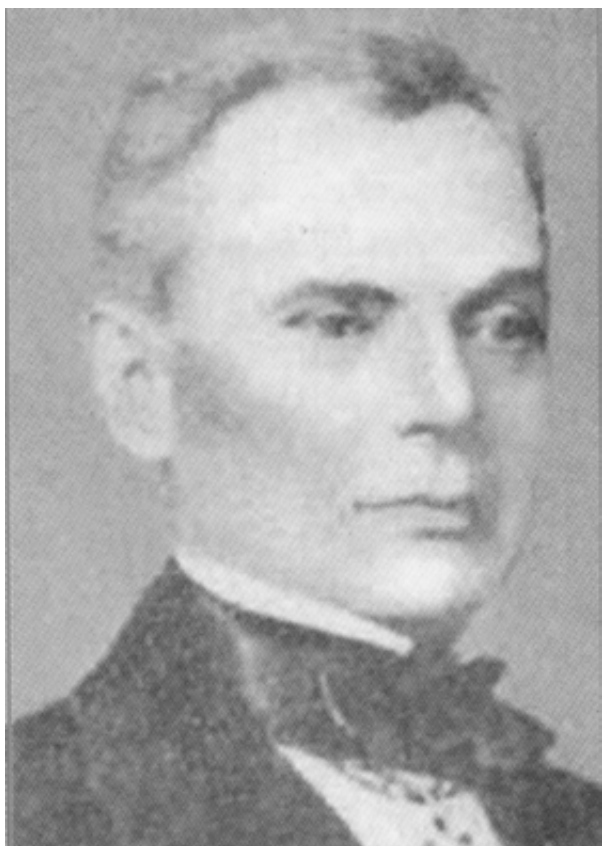
В семидесятых? Нет ли тут ошибки? Ведь даже Ермак со своей дружиной перевалил через Урал только в 1581 году. Выходит, что русские плавали к северным берегам Сибири еще до ее присоединения?

Да, недавние исследования подтверждают это. Найдены старинные документы времен Ивана Грозного, в которых говорится о торговле в устье Енисея, причем из этих документов мы узнаем и забытое древнее название реки — Исленди (Инд, или Индези). Жаль, что история не сохранила имен первых русских людей, плававших далеко на восток.

Простой казак Кондратий Курочкин сделал затем весьма важное открытие. Побывав в низовьях реки, он рассказал, что «падет (то есть впадает) Енисей в морскую губу... и проезд с моря к енисейскому устью есть» и что, кроме того, «большими кораблями из моря в Енисей пройти можно».

Старинный Туруханск. Фото из архива автора

Харитон Лаптев.
Из архива М. Н. Добровольского

Шведский исследователь Арктики А. Норденшельд.
Из архива М. Н. Добровольского

Село Монастырское 1910 г. Фото из архива КККМ

Экипаж шхуны «Утренняя заря». Слева направо матрос Цыбуленко, Кузик, стоят штурман Мейвальд, кэп Шваненберг, штурман Нумелин

Давид Иванович Шваненберг на борту шхуны «Утренняя заря». Из фондов КККМ

На поселении. Из архива А. Л. Яворского

Лодки — больше чем средство передвижения. Из архива А. Л. Яворского

Авиация главсевморпути. Фото из «Северного альбома» М. Н. Добровольского

Курочкин сделал свое открытие в 1610 году. Минин и Пожарский еще не начинали тогда похода за освобождение Москвы, к совершенно пустынным берегам величайшей американской реки Миссисипи успел проникнуть только один европеец, Нью-Йорка не существовало еще и в помине — вот как давно это было! Но уже и в те годы русский человек отважно путешествовал в полярном бассейне.

И какие выдающиеся плавания совершал он при этом!

...Одним из счастливейших дней своей жизни шведский путешественник Норденшельд считал 19 августа 1878 года.

Он любил рассказывать, как его корабли «Вега» и «Лена» подошли в этот туманный день к темному невысокому мысу, по которому разгуливал белый медведь; и как этот медведь пустился наутек, когда корабли окутались дымом салютов, как свежий ветер раздувал праздничные флаги расцвечивания; и как весело было потом за пуншем в кают-компании, где произносились тосты в честь столь замечательного успеха, достигнутого экспедицией.

Еще бы! Ведь невзрачный темный мыс был знаменитым мысом Челюскина!

«Мы достигли великой цели, к которой люди стремились в течение столетий. Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света», — написал полярный исследователь в своей книге. Эти слова обошли весь мир.

И слава морехода, первым бросившего якоря против недоступнейшего мыса, удерживалась за Норденшельдом до тех пор, пока четыре моряка с гидрографического судна «Норд» в сентябре 1940 года не нашли на островах Фаддея, расположенных восточнее Челюскина, позеленевшие медные котлы...

Это были следы неведомой экспедиции. Кроме котлов, гидрографы отыскивали оловянную посуду, остатки мехов, голубые бусинки, множество старинных монет. Немного спустя поблизости, на берегу залива Симса, в развалинах сруба древней избушки нашли точь в точь такие же предметы, как и на островах Фаддея. Только тут были еще компасы и солнечные часы.

В углу сруба белели человеческие кости.

К месту находок приехали археологи. Все было собрано и несколько лет изучалось с необыкновенной тщательностью ради того, чтобы дописать утерянную страницу истории Арктики.

...Акакий Мурманец решил попытать счастья восточнее Енисея, за устьем Пясины, где, говорят, зверь был непуган. На добром коче, снаряженном всем, что нужно для морского хода — часами, компасами, канатами, парусами, — поплыл он из Мангазеи с верными товарищами вдоль берегов Таймыра. Их было немного, этих отважных, — и среди них черноволосая узкоглазая ненка, жена молодого Ивана, помощника Мурманца. Долго шел их коч на северо-восток вдоль пустынных берегов, над которыми, как видно, никогда еще не вился дым костра. Близилась осень, жались к волнам туманы, носился в воздухе снег, а мореходы все углублялись в неведомую северную даль.

Однажды коч поравнялся с невзрачным мысом. За ним берег простирался уже на юго-восток, к теплу, к жизни.

Коч медленно обогнул мыс. Думал ли Акакий Мурманец в эти часы о том, что перед ним самая северная точка величайшего из материков земного шара? Вряд ли. Скорее всего, в голове морехода носились мысли о неизбежности зимовки в снежной пустыне.

Коч вмерз в лед залива верст на сто тридцать восточнее мыса. Из плавника мореходы поставили крохотную избушку. В ней они и жили долгую полярную ночь, борясь с голодом и цингой.

Весной случилось несчастье — подвижкой льда раздавило коч. Уцелела только лодка. Мореходы держали совет — одни были за то, чтобы плыть на ней дальше, другие считали, что лучше идти на юг берегом.

Сошлись на том, что каждому — своя дорога. Собрали имущество и разделили все, до последнего гроша, поровну, по-братски.

Но недалеко ушла шлюпка. Разгулялся океан — и шальная волна выбросила ее на камни небольшого островка.

Не увидели больше родных мест ни те, кто остался в избушке, ни те, что нашли ненадежный приют на острове. Надолго затерялся след людей, совершивших одно из самых выдающихся арктических плаваний XVII столетия.

Может, в нашем рассказе об отважных мореходах есть отдельные неточности, но в главном он верен.

Археологи знают язык вещей. Монеты сказали им, что экспедиция, следы которой найдены на островах Фаддея и в заливе Симса, состоялась в начале XVII века — за два с половиной столетия до Норденшельда!

Обломки лодки, прядь длинных женских волос, надпись на ручке ножа «Акакий Мурманец», еле различимое слово «Иван» на ручке второго ножа и десятки других вещей позволили узнать то, о чем рассказано выше.

Жаль, что найденный на острове обрывок бумаги с надписью «жалованная грамота» сохранился совсем плохо. Он мог бы дать путеводную нить тем, кто сегодня продолжает поиски следов экспедиции в архивах.

Возможно, что мыс Челюскина огибал не только Мурманец, но и другие смельчаки. Дальше мы узнаем еще об одной находке на пустынном острове, которая наводит на такую мысль.

Если бы царь и воеводы не запретили плаваний Северным морским путем в Сибирь, сквозная дорога на восток вдоль побережья Европы и Азии была бы быстро разведана. Но строг был указ, и царская стража зорко караулила ослушников.

Начальник Обь-Енисейского отряда Великой Северной экспедиции XVIII века Дмитрий Овцын

Михаил Константинович Сидоров, купец, золото-промышленник, организатор экспедиций по освоению Севера. 1875 г. Из фондов КККМ

Долго не видело паруса Карское море. Минуло больше ста лет, прежде чем дубель-шлюпка «Тобол» лейтенанта Дмитрия Овцына, участника Великой Северной экспедиции, пошла на восток от Оби по следам древних мореходов. Эту экспедицию снарядили для описания всего северного русского побережья. Труды ее участников навсегда остались памятником мужества и стойкости человека.

Лейтенант Овцын начинает плавание в 1734 году. Льды преграждают дорогу его суденышку. На следующий год история повторяется; вдобавок цинга — страшная болезнь полярных исследователей — валит с ног команду. Умирают матросы, умирает рудознатец, который должен распознавать ископаемые богатства океанских берегов.

Проходит еще год — и снова льды не хотят пропустить судно к Енисею. Уже изрядно обветшала, истерлась о льдины дубель-шлюпка. В помощь ей построен парусный бот «Оби почтальон». Наконец море уступило Овцыну: осенью его суда пробились в Енисейский залив. На берегах уже лежал снег. Если бы непогода задержала Овцына где-нибудь в море, он бы и на этот раз не увидел Енисея.

Лейтенант русского флота, в котором было столько же отваги, сколько и настойчивости, разведал и нанес на карту путь к енисейскому устью. Другие участники Великой Северной экспедиции — Харитон Лаптев, Федор Минин, Семен Челюскин — дополнили наблюдения Овцына. Казалось, что в недалеком будущем можно будет снаряжать в Карское море корабль за кораблем.

Но результаты работ Великой Северной экспедиции мало интересовали царей, сменявшихся после Петра I на российском троне. Снова на целый век замерла морская дорога к Енисею.

Были, однако, люди, которые понимали, как важно для страны оживить эту дорогу. Нашелся человек, объявивший, что открытие прохода к Оби и Енисею он считает главной задачей своей жизни.

Звали этого человека Михаилом Константиновичем Сидоровым.

Он был домашним учителем. Во время «золотой лихорадки» ему, как говорили тогда, «пофартило»: он стал миллионером, напав на богатейшие золотые жилы.

Первый пуд золота Сидоров внес на открытие университета в сибирском городе Томске. Почти все свои деньги он вложил затем в освоение Северного морского пути. Он писал о Севере книги, был членом двадцати пяти научных обществ, всюду выступал с докладами о морских путях в Сибирь.

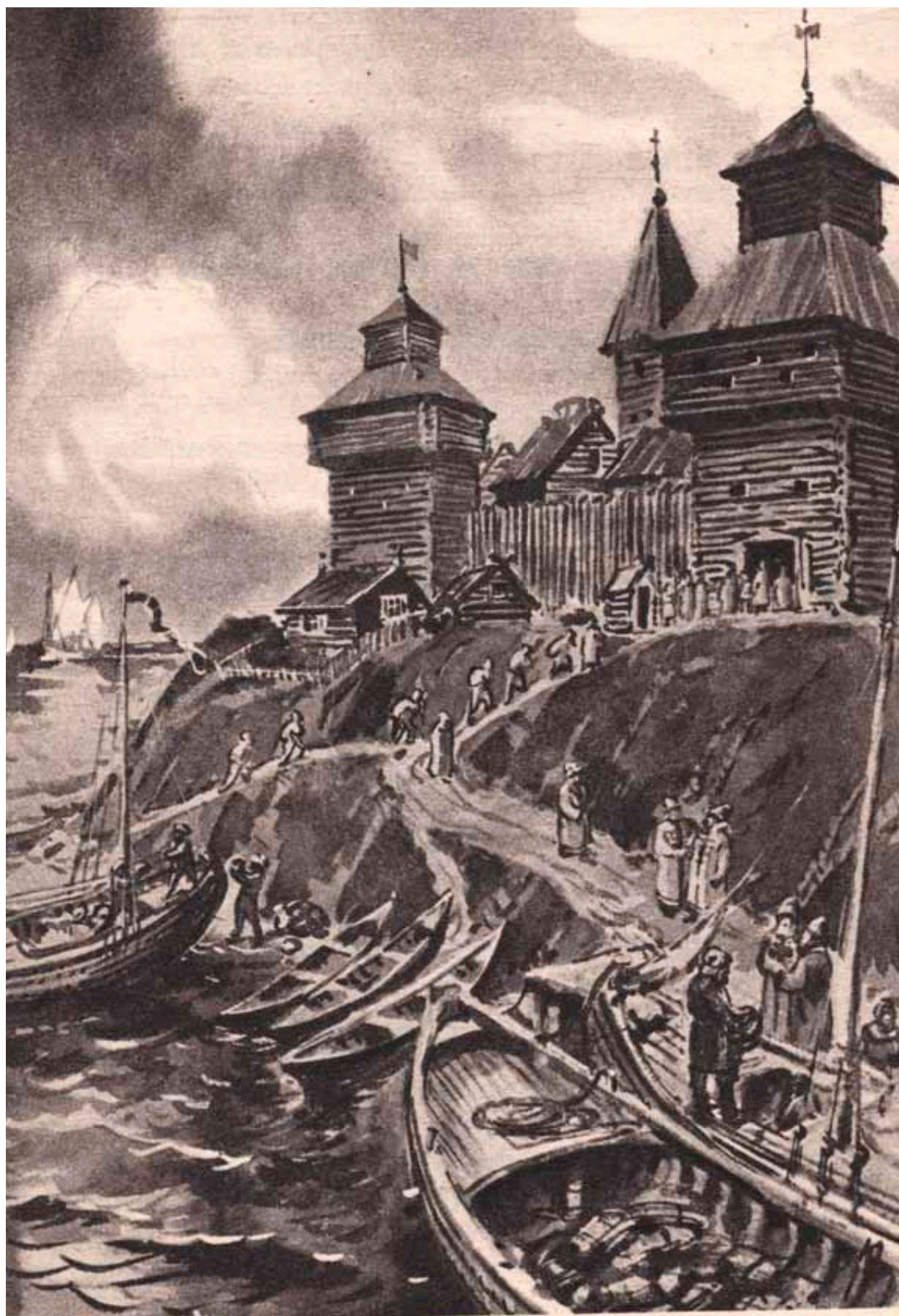
Царское правительство преследовало Сидорова. Губернатор пытался выслать его из Сибири как неблагонадежного. Приближенный царя — генерал Зиновьев ответил на доклад Сидорова о бедственном положении жителей Севера таким письмом:

«Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо весь народ удалить с Севера во внутрь страны государства, а вы хлопочете наоборот и объясняете о каком-то Гольфстреме, которого на Севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные...»

Но Сидоров не склонил головы перед сановным невеждой. Он всячески поддерживал тех, кто пытался помочь развитию Севера. Сидоров назначил большую награду смельчакам, которые проведут корабль к устью Енисея.

Первым в море на двух судах — парусной шхуне «Ермак» и небольшой яхте — вышел Павел Крузенштерн-младший, внук известного кругосветного мореплавателя.

Крузенштерн-младший убедился, что Карское море не зря называют «ледяным мешком» или «ледяным погребом». Яхте удалось ускользнуть назад, а «Ермак» попал в тиски. Моряки выгрузили на лед небольшой запас продовольствия на случай гибели судна. Они

Уже три с лишним века назад снаряжались первые экспедиции к устью Енисея. Художник К. Арцеулов

без устали обрубали баграми и топорами наиболее острые концы льдин, напивавших ото- всюду на «Ермака». Потом пронесся осенний арктический шторм...

Если бы вскоре после этого кто-либо мог заглянуть в кают-компанию гибнущего судна, накренившегося на один борт, он сначала подумал бы, что несчастные моряки от отчаяния сошли с ума. Там шел пир горой и раздавались веселые песни. На судне, которое могло в любой момент погрузиться в пучину, торжественно праздновали тысячелетие России:

— Да здравствует родина наша! Слава русским морякам!

Фактически праздновалось тысячелетие первого упоминания о Новгородском княжестве в древнейшей летописи.

Тосты заглушались гулом ломающихся льдин, свистом ветра и треском в трюме судна, где уже плескалась просочившаяся в щели вода.

Когда судно доживало последние часы, Крузенштерн велел перенести продукты и топливо в палатку на льдину, а потом созвал команду и сказал:

— Моряки! Положение наше... Впрочем, вы все видите сами. Выбирайте трех самых опытных и уважаемых из вас. С ними я, командир, буду держать совет, как нам быть дальше.

Совет моряков решил покинуть обреченное судно и идти пешком через льды к берегу.

Угостившись на прощание отличным обедом, мореплаватели покинули корабль. Они взяли было с собой лодку, но тащить ее по торосам оказалось выше человеческих сил.

Моряки пошли по льдинам и не раз были на волосок от гибели, прежде чем почувствовали под ногами твердую землю.

На берегу их дружелюбно встретили кочевники. Хозяин чума несколько раз в день поил Крузенштерна чаем, этим драгоценным для кочевников напитком, причем каждый раз очень обижался, если гость выпивал меньше шести чашек подряд.

Павел Крузенштерн-младший не достиг цели. Невзгоды, которые претерпела команда «Ермака», заставили даже такого опытного русского моряка, как Федор Литке, утверждать, что «морское сообщение с Сибирью принадлежит к числу вещей невозможных».

Шхуна «Утренняя заря». Морским путем прошла в Петербург с грузом сибирских товаров. 1870-е гг. Из фондов КККМ

Литке был так уверен в своей правоте, что отказался принять от Сидорова в кассу Географического общества большую сумму денег, предназначенную для поощрения новых попыток плавания к устью Енисея.

Сидорову пришлось обращаться со своими планами к зарубежным мореплавателям. Английский капитан Виггинс и шведский путешественник Норденшельд вскоре доказали ошибочность мнения Литке.

Сидоров тем временем разыскал опытного капитана Давида Ивановича Шваненберга и уговорил его сделать смелую попытку: пройти морем от устья Енисея в Европу не на пароходе, как Виггинс, а на парусном судне. В случае удачи такого похода были бы посрамлены последние малoverы.

И Шваненберг вошел в «ледяной мешок» Карского моря на парусной шхуне «Утренняя заря», которая была короче нынешнего пригородного речного трамвая и вся команда которой состояла из пяти человек.

— Вы погибнете на вашей скорлупке при первой буре, при первой стычке со льдами, — говорил Шваненбергу капитан встреченного в море парохода «Дальман», — пересаживайтесь к нам и возвращайтесь.

Но Давид Иванович только посмеивался в густую бороду. Он верил в успех: ведь его яхта была гораздо прочнее и надежнее бота «Оби почтальон», на котором шел когда-то к Енисею лейтенант Овцын.

Путь «Утренней зари» не был легким. Лавируя среди льдов, шхуна получила повреждения. Сломался руль. Открылась сильная течь. Моряки не раз боролись за жизнь судна, но тем почетнее была их победа.

Когда «Утренняя заря» после многих злоключений пришла в порт Варде, норвежские моряки вынесли ее команду на руках, а крепость произвела торжественный салют. На всем пути к Петербургу вдоль Скандинавии русских чествовали с необыкновенной пышностью. Норденшельд, который лучше многих других мог оценить трудности, так успешно преодоленные русскими моряками, сказал:

— Да рассеет «Утренняя заря» мрак, который до сих пор препятствовал верному суждению о судоходстве в Сибирь!

Ликование, которым передовые русские люди встретили известие о блистательном плавлении шхуны, было омрачено выходкой полицейских. Едва «Утренняя заря» пришла в Кронштадт, как на ее борт поднялся незнакомец.

— Кто тут Цибуленко? — спросил он.

— Я, — ответил один из матросов.

— Ты был сослан в Сибирь за оскорбление начальства. Собирай вещи!

— Позвольте, — вступился было Шваненберг, — это мой лучший матрос, это настоящий герой...

— Ничего не знаю!.. — отрезал незванный гость. — Собирай, Цибуленко, вещи! Пойдешь в кронштадтский каземат.

И моряка увели в тюрьму...

После плавления «Утренней зари» суда, шедшие к устью Енисея, еще не раз становились добычей льдов. Однако никто уже не осмеливался утверждать, что морской путь в Сибирь — безнадежное дело.

Царское правительство так и не наладило постоянного морского сообщения с Сибирью, хотя во время русско-японской войны большой караван судов, посланный на Енисей, благополучно достиг цели.

Карское море по-настоящему ожило лишь тогда, когда сквозь его льды пошли корабли под красными вымпелами. С каждым годом их становилось все больше. На берегах появились маяки. Гидрографы промерили глубины, оградили опасные места. Морские караваны

стали ходить на Енисей ежегодно. Их полярные рейсы были названы «карскими экспедициями».

Флот экспедиций привозил в Сибирь машины, порох для охотников, сети и соль для рыбаков, всевозможные товары для таежных факторий. В обратный путь корабли могли загружать трюмы сибирским лесом. Но для того чтобы дать ему выход в мир, нужно было построить для океанских гостей удобную гавань.

Собрались на совет моряки, лесники, речники, строители.

— Надо соорудить новый порт поближе к морю, чтобы туда свободно мог пройти любой океанский корабль, — сказали моряки.

— Это верно, — поддержали речники. — Но там должно быть защищенное место и для стоянки речных судов. Ведь шторм, который вашим кораблям не страшен, может легко потопить наши пароходы.

Взяли слово лесники:

— Плоты по реке плывут медленно, а навигация на Енисее коротка. Мы думаем, что порт надо устраивать не ближе к морю, а подальше от моря, чтобы сократить путь плотов.

— Наши требования скромны, — выступили затем строители. — Новый порт станет расти и обязательно превратится в город. Поэтому нужно выбрать веселый, красивый и удобный для постройки берег, чтобы будущие жители города не ругали нас с вами за то, что мы не подумали о них.

Когда все высказались, то сначала показалось, что кого-нибудь все равно придется обидеть: где же найти место и далекое, и близкое от моря, с глубокой рекой и красивым берегом, который к тому же должен защищать реку от господствующих ветров?

Но, представьте, такое место нашлось.

Это была протока возле поселка Игоркино зимовье, стоявшего в семистах километрах от устья. Говорят, что когда-то здесь жил рыбак Егорка, которого кочевники называли Игарка.

В 1928 году первых строителей порта высыпало встречать поголовно все население зимовья. А всего населения там было сорок три человека.

Несколько лет спустя на берегу протоки стоял город Игарка, в котором было двенадцать тысяч жителей. Над протокой дымили трубы лесопильного комбината. У причалов Игарского порта морские лесовозы принимали в свои трюмы сосновые доски, бруски из лиственницы, паркетные плитки, ящичные дощечки.

Прав был казак Кондратий Курочкин, утверждавший, что «большими кораблями из моря в Енисей пройти можно».

...Представляются залы подземного музея в вечной мерзлоте. Художник К. Арцеулов

Глава XIX

ЗАГАДКИ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

Морской порт на реке. — Здесь все из дерева. — «Пьяные» улицы. — Мы спускаемся в подземелье. — Музей вечности. — Современник мамонта, оживший в век атомной энергии. — Можно ли покончить с вечной мерзлотой?

Наш теплоход вошел в Игарскую протоку утром погожего дня. Над водой носились чайки. На Енисее ветер гнал волну, но здесь, в полукольце протоки, защищенной от ветров всех румбов высоким берегом и островом, вода была зеркальной.

Мы остановились против высокой деревянной башни. От земли до ее крыши во все четыре этажа была нарисована карта низовьев Енисея. Вверху голубело Карское море. Под ним виднелась надпись на русском и английском языках «Морской порт Игарка», а еще выше поднималась сигнальная мачта с государственным флагом.

Я поселился в одной из пустовавших комнат управления порта. Из окна башни была видна протока, наполовину забитая плотами. Бревнотаски расправлялись с ними, выхватывая бревна и таща их к лесопильным рамам комбината.

Вдоль причалов стояли под погрузкой корабли. Иностранные можно было отличить от наших и не глядя на флаги: наши строже, а на заграничных любят яркие краски, рисуют на трубах оленей, чаек, буревестников.

Еще дальше была видна лесная биржа. Это целый город, только вместо домов там стоят желтые, как сливочное масло, штабеля балок, досок, брусков. Штабеля образуют правильные кварталы; между кварталами, по улицам, бегают лесовозы, ходят рабочие.

За лесной биржей виднелся город.

Был самый разгар арктической навигации, и корабли шли в Игарку друг за другом, день и ночь. Их встречали капитан порта, врач, переводчица и радист. Они тоже временно перебрались в дом с башней.

Ночью ждали еще одного «моряка». Чтобы не заснуть, мы пили крепкий чай, запуская ложки в банку с яблочным вареньем. Варенье было китайское, и на яркой этикетке пестрели иероглифы. Тут же стояла консервная банка с енисейским сигом, изготовленным поблизости — на заводе в Усть-Порту. Консервного ножа у нас не было, и банки мы открыли пожарным топориком — благо в деревянной Игарке такие топорики найдешь всюду.

Капитан, путаясь в переводе морских миль на километры речного фарватера, высчитывал, где должен находиться «моряк». Из-за стенки временами доносился сонный голос дежурной на портовом телефонном коммутаторе.

Радист, подойдя к окну, воскликнул:

— Он!

Норвежский пароход медленно входил в протоку. Тонким голосом он позвал портовой буксир. Тот ответил солидным басом.

Вскоре «моряк» встал к причалу. Кряхтя, поднялся на судно коренастый пожилой человек, знаменитый на всю Игарку мастер погрузки Семен Филиппович. Его, почтительно поддерживая за локти, повели осматривать трюмы.

Молодой норвежский штурман, явно важничая, вышел на палубу и устался на девушек-учетчиц. Те окрестили его «Дундуком». Штурман скривил губы и отправился за словарем, прежде чем решить, стоит ли ему обижаться на незнакомое слово.

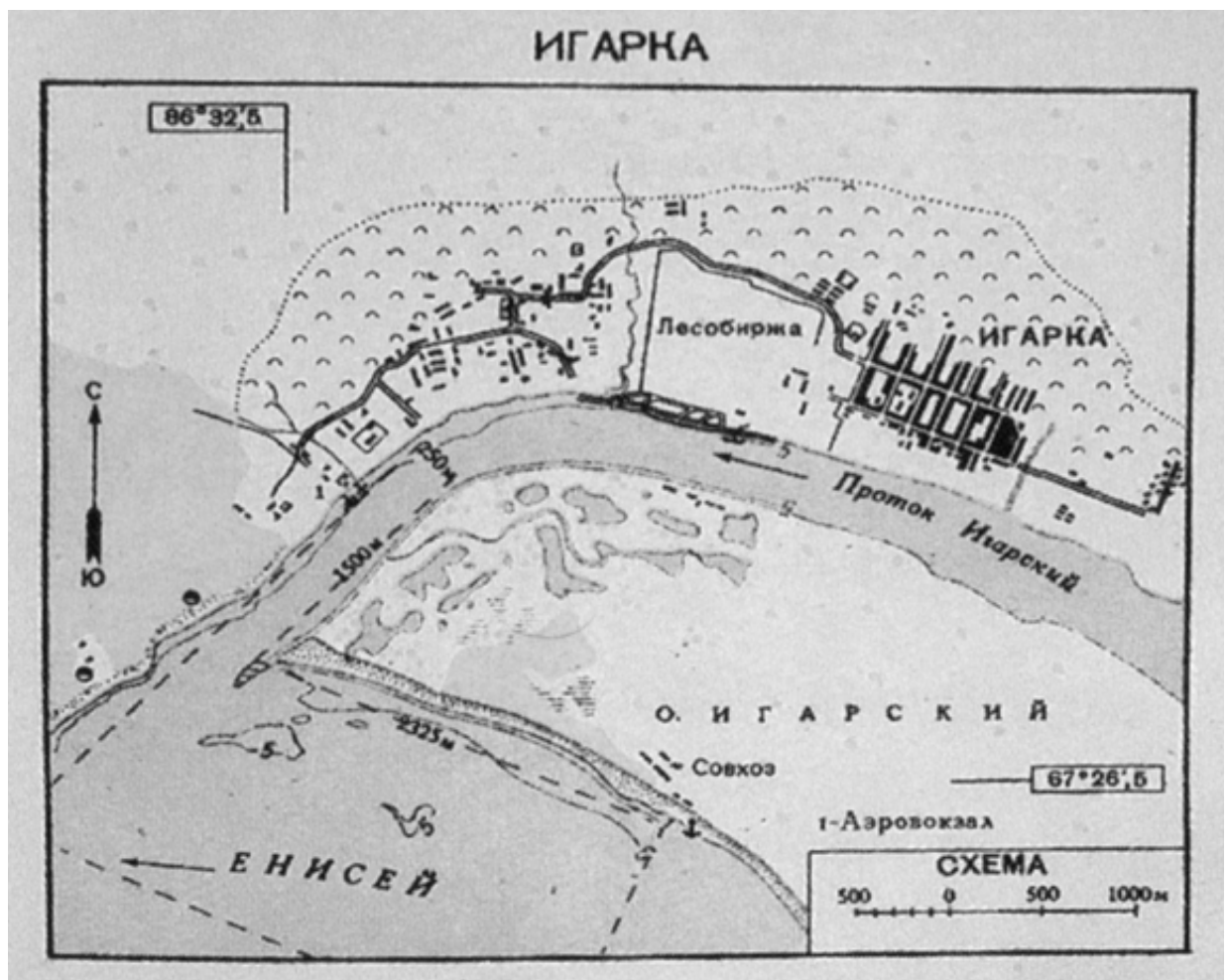
Через час Семен Филиппович распорядился начать погрузку — и первые пакеты досок легли в трюм лесовоза.

Я пошел на лесную биржу. Можно было заблудиться в ее бесконечных улицах и переулках. На перекрестках стояли уставшие за ночную смену регулировщицы с флажками. Мимо них, таща под брюхом пакеты досок, резво мчались лесовозы. Деревянная мостовая, укатанная резиновыми шинами, блестела, словно полированная.

Много кораблей уже ушло из порта с полными трюмами, а на бирже как будто ничего не убыло. Сколько же богатства собрано здесь! Есть из чего строить, есть чем торговать!

Раньше биржа была за городом. Но город вырос, и она стала клином между его старой и новой частями.

У нас много портовых городов, но Игарка мало похожа на большинство из них. Да, она некрасива. Берег глинистый, грязный, он постоянно сочится водой. Неосторожно шагнешь в сторону от деревянного настила — и, глядишь, тут же увяз. Чахлые березки за десятилетия едва успевают вытянуться здесь в человеческий рост — разве сравнишь их с пышными пальмами батумского порта!

Карта Игарки из аэролоции Енисейских воздушных линий. 1940 г.

Дома в Игарке из дерева. Тротуары тоже деревянные. Когда дует ветер, он несет не пыль, а опилки. То и дело читаешь надписи: «На мостовой курить строго воспрещается. Штраф 100 рублей». Папироской можно затянуться только на скамейке у ящика с песком, под радующей сердце курильщика надписью: «Курить здесь».

На игарских огородах — сочная картофельная ботва с лиловыми цветочками, грядки капусты, морковь. Все это очень обычно, не правда ли? Да, обычно, если забыть, что ты находишься по ту сторону Северного Полярного круга.

Впервые я был в Игарке в 1936 году. Тогда здесь носились со своей выращенной в теплице морковкой, как с чудом. Иностранным корреспондентам показывали игарский огурец, и корреспонденты щелкали «лейками», прикидывали его на ладони, а самые бойкие просили драгоценный огурец в дар. Теперь в магазинах продавались разные игарские овощи. Редиска стоила дешевле, чем в Красноярске. Предложение явно превышало спрос: покупатели равнодушно проходили мимо.

Я шагал по деревянным улицам Игарки и вспоминал, что еще совсем недавно этот город-порт, город-завод удивлял всех самым фактом своего существования где-то за Полярным кругом.

Алексей Максимович Горький писал пионерам Игарки, что «едва ли где-нибудь на земле есть дети, которые живут в таких же суровых условиях природы». Ромен Роллан называл маленьких игарцев милыми белыми медвежатками и радовался, что, по совету Горького, они сочиняют книгу о себе и своем необыкновенном городе.

Эта книга — она называется «Мы из Игарки» — еще не успела истрепаться в библиотеках, а страна уже построила новые города, куда севернее Игарки и гораздо больше ее.

Но Игарка положила начало. Здесь люди учились, как наступать на тундру, на вечную мерзлоту.

Вечная мерзлота — это одна из еще не разгаданных загадок нашей планеты. Раньше мало задумывались над ее странностями — может быть, потому, что человеку редко приходилось тревожить мерзлоту. Но когда мы стали продвигаться с нашими городами, железными дорогами, шахтами, огородами на север, вечная мерзлота вдруг зашевели-

Обложка и титульный лист книги «Мы из Игарки»

лась — и начались такие вещи, которые сначала поставили в тупик самых крупных знатоков Арктики...

Строителям Игарки она доставила когда-то массу неприятностей. Началось с того, что воду пришлось зимой возить с Енисея. Те, кто по неопытности пытался копать колодец, зря долбил ломом твердую землю с прослойками льда: воды не было на глубине и в сорок, и в пятьдесят метров.

Но колодцы — это еще полбеды. Хуже было то, что скособочились, скривились дома; улицы стали «пьяными». Печи потрескались, окна перекосились, стекла в них лопались.

Это ворочалась потревоженная людьми вечная мерзлота. Роя котлованы для домов, вырубая лес, они нарушили ее тысячелетний сон. Земля «дышала»: осенью, когда верхний, оттаявший за лето слой, снова замерзал и, следовательно, увеличивался в объеме почти на одну десятую часть, ее «грудь» поднималась и выпучивала все, что понастроили люди; весной, когда он оттаивал и уплотнялся, все осаживалось, валилось набок.

У нас в стране зародилась особая наука — мерзлотоведение. Когда строилась Игарка, эта наука была очень молодой. Но мерзлотоведы, приехавшие по просьбе игарцев на Енисей, уже знали многое. Они посмотрели, посоветовались, потом созвали строителей.

— Стройте не так, как строят везде, — сказали мерзлотоведы. — С мерзлотой можно дружить. Мерзлая земля тверда почти как камень. Сохраните ее в таком виде — и она будет прочно держать любые строения. Ставьте сваи как можно глубже в землю. Пол делайте толще, плотнее, чтобы тепло из комнат не могло проникнуть в почву. Зимой не закрывайте подполья, пусть там гуляет мороз. Зато летом, когда в более южных местах открывают отдушины, чтобы под полом не завелись мокрицы и чтобы оттуда не тянуло сыростью, вы, наоборот, заделывайте каждую щель и отдушину, укутывайте фундамент слоем опилок. Не пускайте теплый воздух под пол, пусть мерзлота спит все лето. Печки, топки, котлы ставьте как можно выше от земли, чтобы они своим теплом тоже не тревожили мерзлоту: иначе ваши котельные начнут оседать, погружаться в землю.

Игарцы поступили так, как им советовали, — и все пошло на лад, даже трехэтажные здания стали чувствовать себя на вечной мерзлоте спокойно и надежно.

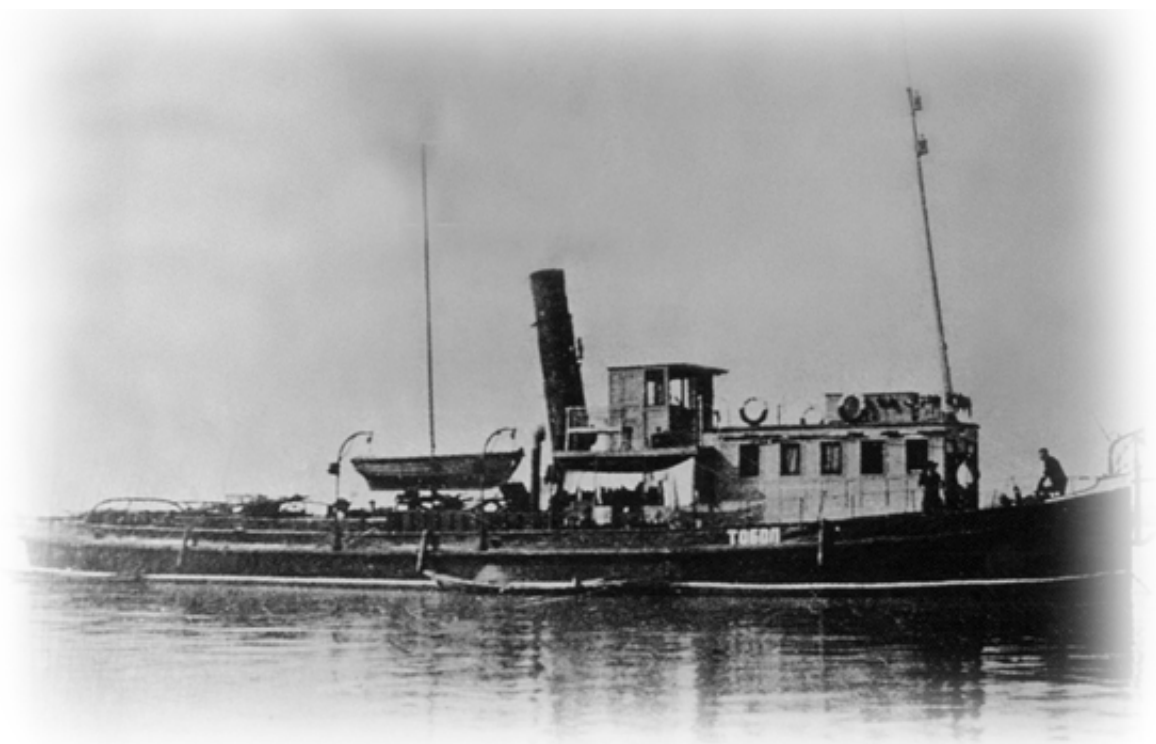
Приезд коренного населения из тундры в первые годы строительства Игарки. 1930-е гг.
Негатив из фондов КККМ

Рыбоконсервный завод поселка Усть-Порт. Начало 1950-х гг. Из фондов КККМ

Игарский дом инженеров. Архитектор Мельников (?). Фото из архива автора

Пароход «Тобол»

Управление игарского морского порта. 1940 г.
Фото С. Малобицкого. Из фондов КККМ

П. Ф. Очередько, опытный капитан
парохода «Тобол», открывший
Игарскую протоку

В 1930-е годы в Игарке жил юный В. П. Астафьев

Когда новички приезжают летом в Игарку, на их лицах видишь и удивление, и разочарование. Березки, зелень трав, огородные грядки — все это плохо вяжется с представлением новичков о суровости Заполярья, о тундре, о вечной мерзлоте. И вряд ли им приходит в голову, что в эти самые минуты глубоко под нагретыми солнцем улицами в ледяных камерах работают люди, посвятившие себя изучению загадочного, странного мира, о котором до недавнего времени наука знала, может, немногим больше, чем о поверхности Марса.

Я иду знакомой дорогой по улице имени Большого театра туда, где ее пересекает улица имени Малого театра: артисты того и другого бывали на гастролях в Игарке. Так вот, если встать на уличном перекрестке, то рядом виден огороженный квартал. За оградой высокая буровая вышка, лаборатории, жилые дома. Это и есть Научно-исследовательская мерзлотная станция. Она занята глубокой разведкой в самой толще изучаемой среды. Океанографов занимает непроницаемый мрак океанских глубин; аэрологи стремятся в стратосферу; мерзлотоведов влечет царство вечного холода.

Попасть в это царство в Игарке несложно.

Вместе с начальником станции Александром Михайловичем Пчелинцевым мы надеваем на потные головы меховые шапки, сменяем сандалии на валенки и облачаемся в меховые полушубки. Это обычная рабочая одежда мерзлотоведов во время подземной работы. Мода у них круглый год одна: там, куда нам предстоит спуск, нет разницы между жарким летним днем и морозной зимней ночью.

У входа в шахту щит с надписью: «Идя в подземелье, опустите стрелку вниз».

Опускаем две стрелки. Теперь тот, кто подойдет к щиту после нас, будет знать, что где-то внизу есть люди. Обычно в подземелье работают не больше двух часов подряд: дают себя знать холод и недостаток кислорода.

Спускаемся. В воздухе сырость погреба. Вбок уходит освещенный электрическими лампочками довольно широкий коридор. Стены как слоеный пирог: темные пласты грунта причудливо перемежаются прозрачными прослойками и кристаллами льда.

Чем же этот коридор отличается от обычных подземных ходов? А вот чем: тут нет никаких креплений. Грунт, сцементированный льдом, не нуждается в подпорках. Он тверд как камень. Лопата со звоном отскочит от него. Стены подземелья блестят: на них попрыскали водой, и она замерзла тонким слоем. Потолок искрится иглами инея, такими, какие можно видеть зимой и в самых обыкновенных погребах.

Мы — внутри, в толще вечной мерзлоты.

Вечной ее назвал народ. Наука выражается осторожнее и точнее, говоря об отрицательной температуре, длящейся в части земной коры непрерывно от нескольких лет до тысячелетий. Но по сравнению с короткой человеческой жизнью тысячелетия — вечность.

Вечная мерзлота — это не только «где-то там, на Далеком Севере». Она лежит почти под половиной нашей страны. Ее границы извилисты. Она нешироким клином обозначилась на севере Европейской части Союза, захватила изрядный кусок Западной Сибири, а восточнее Енисея распростерлась от Северного Ледовитого океана до границ Китая, то залегая чудовищным слоем в сотни метров толщиной, то напоминая о себе лишь отдельными небольшими «островами». Вся Антарктида, почти вся Гренландия, три четверти Аляски, две трети Канады захвачены вечной мерзлотой. Под поверхностью весьма значительной части суши нашей планеты можно натолкнуться на «слоеный пирог» из грунта и льда, подобный тому, который слагает стены игарского подземелья.

В этих стенах тут и там укреплены термометры и самопишущие приборы. Александр Михайлович бегло смотрит их показания. В подземелье холодно, но не морозно. Спеша за ним, я спотыкаюсь о темный пенек и расшибаю колено.

— Может, вас хоть немного утешит то обстоятельство, что это дерево существовало раньше, чем человек научился делать железные топоры? — улыбается Александр Михайлович.

Он открывает дверь в одну из боковых камер. Столик, приборы, журналы наблюдений, графики.

— Здесь, под слоем льда, ящик, — кивает мой спутник. — В нем газеты за все годы войны. Это для будущих поколений. Нетронутыми, нетленными газеты пролежат много-много лет. Равномерные низкие температуры вечной мерзлоты создают для этого идеальные условия. Вы слышали, вероятно, что Михаил Иванович Сумгин, один из основателей науки мерзотоведения, предложил в свое время устроить целый подземный музей-холодильник в вечной мерзлоте? Не слышали?

Александр Михайлович сухо вато, коротко изложил идею Сумгина.

— В былинах, — говорил он, — воспеваются тур. Богатыри пили из турьего рога. А поищите-ка тура в наших зоопарках. Нет его. Вымер. Со временем исчезнут медведи, волки, гиены. Чучела этих зверей тоже недолговечны. А во льду, в вечной мерзлоте, мы можем сохранить зверей, так сказать, в их натуральном виде многие тысячелетия. Сохранились же в мерзлоте трупы мамонтов. При этом даже травинки, застрявшие у них между зубами, избежали тления. Значит, вместе, допустим, с медведем можно сохранить уголок тайги — и ни один сучок, ни один лист или стебель не пропадут. Сохранится даже комар, сидевший на медвежьем носу...

Я слушаю, и мне представляются величественные залы подземного музея вечности: яркий «дневной» свет, прозрачный синеватый лед витрин, слоистые темные стены с блестками кристаллов.

— Не хочу делать безответственные прогнозы, но согласитесь, что опыты Каптерева... — И Александр Михайлович многозначительно умолкает.

Я не могу ни возражать, ни соглашаться: мне ничего не известно об опытах Каптерева. Александр Михайлович смотрит на меня с сожалением:

Десятки тысячелетий назад на юге Сибири водился мамонт. Художник К. Арцеулов

Усть-Портовый рыбо-консервный завод. 1948 г. Негатив Р. Маняфова. Из фондов КККМ

Игарка. Здание кинотеатра. 1938 г. Негатив И. Балуева. Из фондов КККМ

Усть-Портовый консервный завод

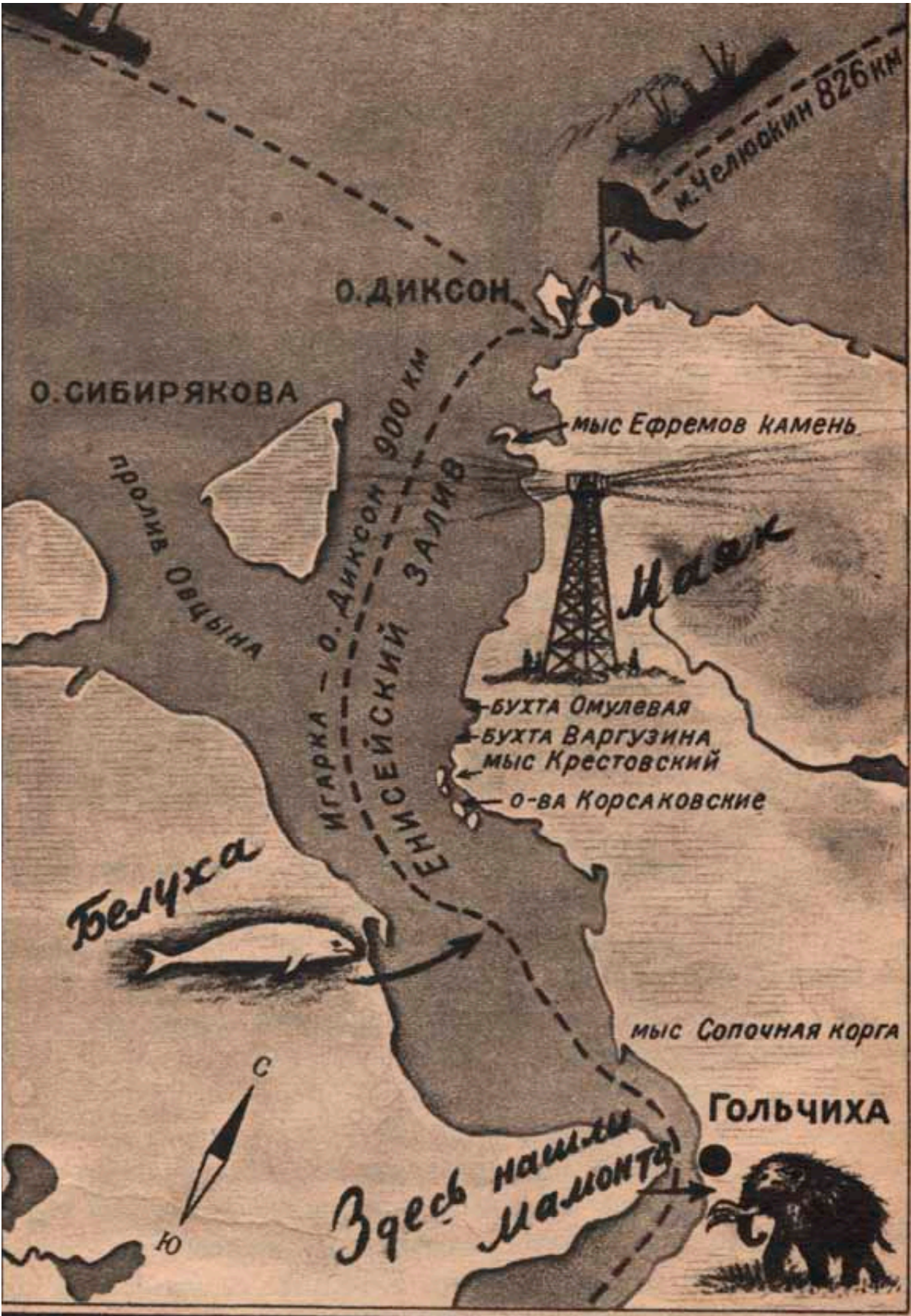
Ассортимент продукции Усть-Портового консервного завода. 1939 г. Негатив С. Малобицкого. Из фондов КККМ

Новая Игарка. 1940 г. Негатив С. Малобицкого. Из фондов ККМ

Игарка. Сорок лет спустя. В морском порту. Негатив Б. Бармина. 1980-е гг. Из фондов ККМ

Карта из первого издания книги. Художник К. Арцеулов

— Каптереву, советскому ученому, работавшему на мерзлотной станции в Сковородино, впервые удалось оживить извлеченного из недр вечной мерзлоты рачка-хидоруса. Рачок пролежал там, возможно, десять, а то и двадцать тысяч лет. Представляете: современник мамонта — и сразу в век атомной энергии. Были оживлены также бактерии, споры грибов, зародыши водорослей. Жизнь, прерванная, приостановленная в незапамятные времена холодом, возобновилась. Самое же удивительное в том, что ожившие организмы дали потомство!..

Мне вдруг вспомнились шуточные рисунки в одном из журналов: тушу мамонта доставляют в лабораторию; слоны-доноры дают своему далекому сородичу кровь; после ее переливания и впрыскивания различных лекарств мамонт оживает и без промедления садится писать воспоминания очевидца о ледниковом периоде.

Шутка — шуткой, а рачок-то ожил...

Продолжая интересные опыты, ученые могут ведь извлечь из древних слоев мерзлоты какие-либо необычайные, неизвестные нам организмы и, возможно, оживить их. Пусть это будут не мамонты, а всего только мелкие рачки, водоросли, грибы, но они помогут достовернее заполнить те страницы истории Земли, которые удалены от нас едва различной далью тысячелетий.

Мы пробыли под землей около двух часов. С непривычки меня знобило. Зато каким благословенным показался мне напоенный теплом и светом день там, наверху!

— Что за чудесная зелень! — воскликнул я, оглядывая двор станции. — Право, тут ничто не напоминает о холоде под нами.

— Да? — Александр Михайлович с усмешкой посмотрел на меня из-под очков. — Не напоминает? Тут все связано с мерзлотой.

— Даже эта вот пышная трава?

— Именно. Трава — опыт: здесь зимой не сметали, не притапывали снег, и верхний слой грунта был прикрыт от лютых холодов. Он меньше промерз, весной быстрее оттаял и рано зазеленел. На соседнем участке снег постоянно сметали. И посмотрите, какая там хилая травка...

Весь двор станции был ее надземной лабораторией. Тут изучались явления в так называемом деятельном слое, ежегодно оттаивающем и замерзающем вновь. Это тот верхний слой, который делает возможной жизнь в районах вечной мерзлоты. Кое-где земля оттаивает летом всего на двадцать-десять сантиметров. И этого уже оказывается достаточно для трав и даже некоторых деревьев, например, для даурской лиственницы — самого северного дерева на земном шаре. Ее корни широко распластываются в деятельном слое над пограничным ледяным экраном, ниже которого начинается уже царство вечного холода.

И вот одна из кажущихся несообразностей вечной мерзлоты: кое-где она даже помогает земледелию. Ведь многие районы Крайнего Севера в смысле осадков не богаче пустынь или полупустынь. Известно и то, что возле мирового полюса холода, в Якутске, летом зной доходит чуть не до сорока градусов. Растение требует много влаги — и вечная мерзлота, малопроницаемая для воды, сохраняет ее с весны в деятельном слое. Чем жарче лето, тем глубже оттаивает земля и, оттаивая, освобождает новые запасы влаги, нужные растению. Кстати, весенняя талая вода производит как бы яровизацию растений: с наступлением теплых летних дней они начинают необыкновенно быстро развиваться, словно торопясь наверстать упущенное.

Во дворе станции на различную глубину и разным способом вкопаны столбы и сваи.

Это — тоже опыты.

Помогая строителям заполярных городов, советские мерзлотоведы нашли вполне надежные средства защиты от последствий пульсации деятельного слоя: сваи закрепляются на той глубине, где мерзлота не знает таяния.

Строители научились и сохранять вечную мерзлоту, искусственно охлаждая грунт, и вовсе уничтожать ее, искусственно прогревая землю электричеством или другими способами.

Но если мерзлота поддается уничтожению, то, значит, с ней можно покончить на всем земном шаре?

— Разумеется, можно, — согласился со мной Александр Михайлович. — И для этого нужно совсем немного: всего только в течение какой-нибудь тысячи лет тратить весь уголь, который добывает человечество... Но, говоря серьезно, понижение уровня вечной мерзлоты в отдельных районах — вполне посильная задача. Мерзлота поразительно чутка. Ее распад начинается иногда из-за пустяков: протоптали тропинку, содрали мох, скосили траву, поставили какой-нибудь сарайчик — и готово, равновесие нарушено. Мерзлота начинает отступать, хотя и не без боя. Среди зимы появляется вдруг наледь. Весной и летом в почве образуются провалы. Как видите, мерзлоту тревожить можно, но весьма осторожно...

Мы прошли в лабораторию. Александра Михайловича уже ждали. Явились за советом строители большого городского Дворца культуры: без мерзлотной станции в заполярном городе теперь не закладывают фундамент даже обычного здания. Потом звонили из магазина — просили помочь сохранить от порчи мясо. И Александр Михайлович не обиделся, не сказал скучным голосом, что ему, кандидату наук, до мяса нет никакого дела. Напротив, он терпеливо объяснил, что именно следует сделать. Едва Александр Михайлович положил трубку, как позвонили опять: строители общежития в конце новой улицы наткнулись на пласт ископаемого льда.

За последние годы в Игарке появилось несколько новых улиц: Красноярская, Московская, Дудинская, Енисейская... И дома там стоят прочно, не кривятся, не кособочатся, хотя под ними все та же капризная мерзлота...

Мерзлотоведение — одна из самых молодых наук. Вечная мерзлота не спешит открывать свои тайны. Идут споры об ее происхождении. Сторонники той точки зрения, что она осталась нам в наследство от ледникового периода, не могут опровергнуть веских доводов тех, кто считает, что и современный климат в ряде мест достаточно суров для ее образования. Вероятно, правы и те, и другие.

Сколько смелых, увлекательных проектов рождается в головах ученых при углублении наших знаний о мерзлоте! Нельзя ли, например, использовать разницу в температурах грунта и морской воды для получения огромных количеств энергии? А разве не соблазнительны проекты гигантских плотин из льда или грунта, поддерживаемого в мерзлом состоянии? А новые, захватывающие возможности, открывающиеся при использовании в районах вечной мерзлоты атомной энергии!

Игарка отправляет во все концы мира превосходную древесину, строит суда для рыбаков, промышленяющих в Енисейском заливе. В городе давно работает училище народов Севера, где овладевают наукой оленеводы Таймыра и охотники с Нижней Тунгуски.

Зимой в Игарке полярная ночь, темная пора. Если на улице двадцать градусов мороза, считается, что день очень теплый. Бывает сорок-сорок пять градусов, да еще с ветром. В порту в это время ремонтируют суда, лесотаски подают к рамам лесокombината обледеневшие бревна — игарцы готовятся к будущей навигации, когда снова оживут причалы и чайки закружатся над синью протоки.

Другие города, сильно обогнавшие Игарку в росте, воздвигнуты на еще более северных широтах Таймыра. Но Игарка по-прежнему дорога всем нам как первенец, как смелая разведка в будущее далеких северных окраин Сибири.

Глава XX

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОЦМАНА БЕГИЧЕВА

В Дудинке. — Чему не поверил Нансен. — Загадочное дело. — «Земля Дьявола». —
Находка на острове. — Гибель Гаркина и Семенова. — Поход через тундру. — Поиски
спутников Амундсена. — Тайна, раскрытая через двадцать восемь лет

В Игарке я сел на новый речной экспресс «Александр Матросов». Такие огромные скоростные суда, как это, в начале пятой пятилетки можно было увидеть только на картинках в книгах, рассказывающих о будущем. В конце пятилетки они перевозили пассажиров.

На Енисей эти великолепные теплоходы пришли Северным морским путем.

Наш плавающий гигант — со своими ресторанами, буфетами, музыкальными салонами, ванными каютами, прогулочными террасами, танцевальными площадками, прачечными, лифтами, холодильниками, электродвигателями, достаточными для обслуживания небольшого города, — мчится вниз, легко обгоняя лучших «ходовых» старого енисейского флота.

Почти сразу за Игаркой на берегах виден лед. Он остался здесь после весеннего ледохода. Беспорядочно нагроможденные глыбы растают еще не скоро.

Мы приближаемся к границе леса и тундры. Лес чахнет на глазах, становится все ниже и реже. С севера дует крепкий ветер; но чтобы раскатать нашего «Александра Матросова», нужен шторм.

От Игарки до Дудинки больше двухсот пятидесяти километров. Течение здесь слабое. После стремнин верховьев кажется, что плывешь по стоячей воде.

На правом берегу реки поднялся холм с радиомачтами — едва ли не последняя береговая возвышенность на пути к океану. Тут и расположена Дудинка.

Этот город — центр Таймырского национального округа, южная граница которого — эвенкийская тайга, а северная омывается Ледовитым океаном.

Как и в Игарке, у причалов дудинского порта много морских кораблей. «Александр Матросов» — свой среди них. Стал рядом — только борта пониже, а в остальном ничем не уступает.

В порту краны с сильными стрелами-хоботами переносили по воздуху ящики величиной с вагон. Вдоль берега маневрировали, лязгая буферами, железнодорожные составы. Были слышны дудки стрелочников. Выше, у больших зданий, поднимался в гору автобус.

Я немного знал старую Дудинку с разбросанными по косогору деревянными домами. Об одном из таких старых домов мне напомнил на палубе «Александра Матросова» моторист Юра, возвращавшийся в Дудинку «с юга», из Туруханска.

Юра родился в Дудинке. В детстве он ловил в Енисее удочкой сегов и красноперок, зимой ставил в тундре силки на белых куропаток. Когда подрос, пошел на флот: отец у него судовой механик, зять — механик, брат учится в Ленинграде, на судомеханическом факультете.

Так вот, самый молодой представитель династии механиков рассказал мне о доме, который в Дудинке называют «Под крышами Парижа». У него крытый двор, похожий на коридор, а по бокам — двери в магазины и квартиры. Этот дом, по словам Юры, стоит в городе с незапамятных времен — другими словами, построен каким-то купцом еще до революции.

На улице я спросил, как мне пройти к дому «Под крышами Парижа». Прохожий рассмеялся, потом сказал:

— Идите по направлению к стадиону, потом...

— Стадион? Гм...

— Ну тогда так: от школы колхозных кадров...

— Простите...

— Фу ты! Музей знаете?.. Нет? А клуб водников?

Я сконфуженно молчал.

— Тогда как же мне вам рассказать, если вы в Дудинке ничего не знаете? Впервые у нас?

Дом «Под крышами Парижа» понадобился мне для того, чтобы лучше представить себе Дудинку 1913 года, когда Фритьоф Нансен встретился здесь с Никифором Бегичевым.

Норвежскому путешественнику представили рослого и крепкого человека, похожего на охотника, с выразительным, гладко выбритым лицом. Нансен нашел у него сходство со знаменитым полярником Амундсеном.

Завязалась беседа. Но чем больше говорил Бегичев, тем сильнее хмурился, недоверчиво покачивая головой, норвежец.

Бегичев рассказывал, как недалеко от устья реки Хатанга ему посчастливилось открыть в море большой остров с богатыми залежами угля. «Откуда мог взяться такой остров, — думал Нансен, — в местах, которые пересекло на своих кораблях уже немало путешественников? Наверно, этот молодец попросту хвастун, не лишенный воображения». «Остается предположить, — записал Нансен, — что в цифровые данные Бегичева вкралось несколько лишних нулей».

Норвежец не поверил Бегичеву. Вернувшись в каюту, он еще раз посмотрел карты. На картах острова не было.

Но это тогда не было: его просто еще не успели нанести. А теперь мы найдем этот остров, в существование которого не поверил Нансен, на любой карте Сибири. И надпись не оставляет тени сомнения: остров Бегичева.

Никифора Алексеевича Бегичева хорошо знали в Красноярске. Во дворе дома, где жила наша семья, квартировал «дядя Миша» — речной капитан, веселый ярославец, перебравшийся с Волги в Сибирь. Однажды «дядя Миша» пришел мрачным:

— Боцман Бегичев умер. А вернее всего, что его убили.

Моя мать всплеснула руками:

— Убили?! Где?

— В тундре. В общем, загадочное дело.

Это было весной 1927 года. На большой перемене в школе мы обсуждали новость. Сын городского прокурора сказал, что за расследование дела уже взялись, и тайна смерти Бегичева будет, конечно, раскрыта.

Но ее раскрыли только двадцать восемь лет спустя...

Однако не буду забегать вперед.

О жизни Никифора Алексеевича Бегичева теперь написаны книги. Там рассказано подробно обо всех приключениях этого «последнего землепроходца». О его детских годах, проведенных на Волге. О его службе матросом на военном фрегате «Герцог Эдинбургский». О его первой экспедиции в Арктику на корабле «Заря», снаряженной для открытия

Остров Диксон. Крест на месте находки тела норвежского
полярника П. Тессема. 1938 г.
Негатив С. Малобицкого. Из фондов КККМ

Остров Диксон.
Могила Тессема, спутника Амундсена. 1938 г.
Негатив С. Малобицкого. Из фондов КККМ

Памятник на острове Диксон погибшему здесь П. Тессему, норвежскому моряку, члену экспедиции
Р. Амундсена

Енисейский казак Семен Иванович Дежнев

Эдуард Васильевич Толль (1858–1902) — русский полярный исследователь

Никифор Алексеевич Бегичев. (1874–1927)
Полярный исследователь, промысловик, совершил
несколько уникальных поисковых экспедиций

Руал Амундсен (1872–1928) — знаменитый
полярник, покоритель Южного полюса

загадочной Земли Санникова. О том, как боцман «Зари» Бегичев мужественно и упорно искал во льдах бесследно исчезнувшего начальника экспедиции — русского ученого Толля. О том, наконец, как боцман военного корабля Бегичев отличился в русско-японскую войну и был награжден георгиевским крестом за спасение получившего пробоину миноносца «Бесшумный».

Мне же хочется бегло рассказать лишь о тех годах жизни боцмана Бегичева, которые прошли на Енисее.

Летом 1906 года в Дудинке появился новый житель — высокий, крепкий, бравый с виду, с закрученными кверху кончиками усов. Он с утра до вечера месил топкую грязь улиц, заговаривал с дудинцами, расспрашивал о тундре, об охоте. Сначала его приняли, было, за купца, надумавшего завести в Дудинке торговлю. Но приезжий был не по-купчески щедр на угощения, легко давал деньги в долг и не приценивался к мехам. Вскоре дудинцы узнали, что приезжий — моряк — и на Таймыр забрался не ради наживы, а из любопытства.

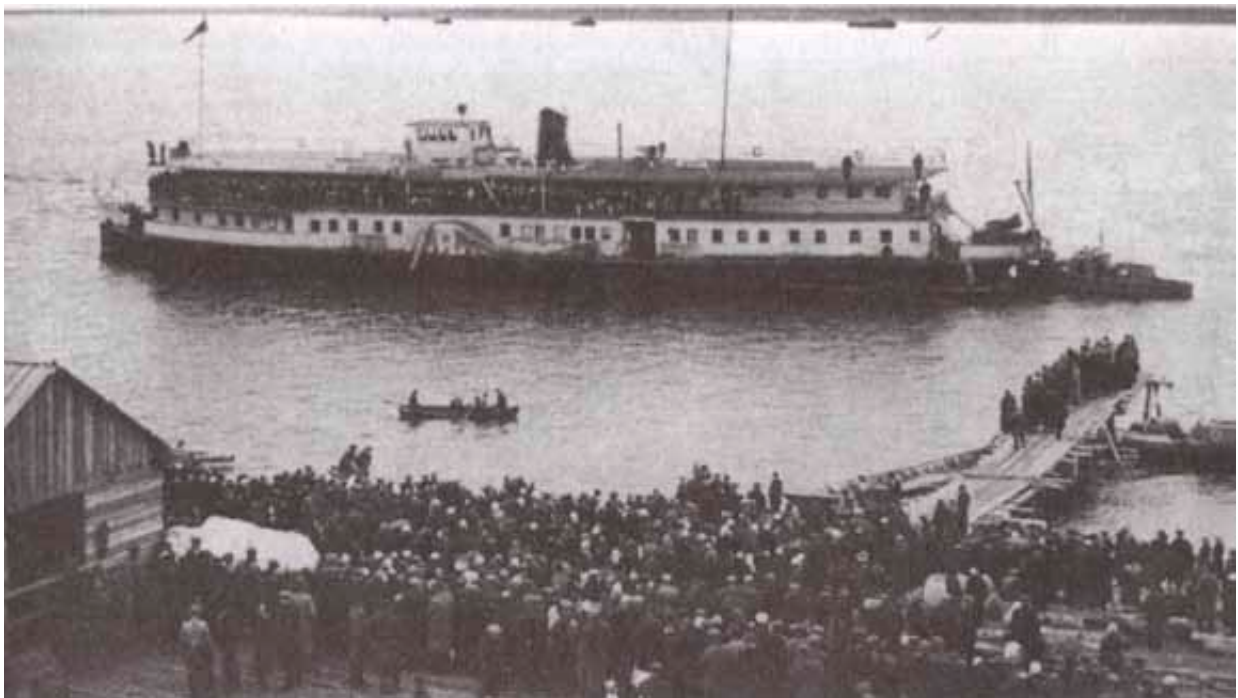
В начале зимы Бегичев уехал в тундру. О нем уже стали забывать, когда он снова вернулся в Дудинку. К его оленьим нартам были привязаны мешки, туго набитые песцовыми шкурами.

Думали, что Бегичев их скупил у кочевников. Но приезжие из тундры охотники рассказали, что новичок сам ставил ловушки, сам добывал песца. Его уже, оказывается, узнала вся тундра. Ему даже успели дать имя: «Улахан Анцифор» — «Большой Никифор». Это имя произносилось с уважением — тундра знает цену смелым и удачливым.

На следующий год Бегичев опять уехал на промысел.

Однажды он грелся в чуме старого Захара Бетту и рассеянно слушал его рассказы, где был мешалась с небылицами. Захар вспоминал прежние времена и, конечно, говорил, что раньше люди были крепче, храбрее, вообще — лучше...

— Ходили, однако, к «Земле Дьявола»... Теперь кто пойдет? Далеко та земля, бояться идти...

Старая Дудинка. Колесный пароход «Спартак» 1 июля 1935 г. Прибыли первые 200 строителей.
Из архива М. Н. Добровольского

Бегичев насторожился. Что это за земля?

— Я, когда был молодой, сам ходил к ней. Стоит она в океане. Шайтан там своих волков пасет.

— Бетту, нет такой земли.

Старик разволновался. Как это — нет? Пусть у него отнимутся ноги, если он врет. Есть «Земля Дьявола», он сам ее видел с высокого мыса возле устья Хатанги. Он, Бетту, врать не будет: ходить на ту землю — не ходил, побоялся, а видеть видел. Ходить туда страшно, шайтан напускает на человека своих волков.

Бегичев провел у Бетту два дня, терпеливо расспрашивая старика.

Вскоре в тундре заговорили, что «Улахан Анцифор» хочет найти «Землю Дьявола».

В конце зимы 1908 года Бегичев с двумя надежными спутниками пересек весь Таймыр. Он нашел мыс, о котором говорил Бетту. Дни были ясные, но морозная дымка скрывала дали. Бегичев смотрел в бинокль до тех пор, пока не начинали слезиться глаза. Однажды в стекле бинокля появилась призрачная синеватая полоска. Взять на нее направление по компасу было делом нескольких секунд.

Бегичев погнал оленьи упряжки через нагромождение льдов.

Так вот она какая, «Земля Дьявола»! Голый и пустой остров. Множество песцовых следов. Черные камни, торчащие из-под плотного снега.

Спутников Бегичева интересовали только песцы. Но Бегичев думал о другом. Песцы не уйдут. Прежде всего, надо осмотреть весь остров. В походном мешке у боцмана шагомер и маленькая буссоль.

Спутники заворчали:

— На кой черт «снимать» остров? Пусть этим занимаются ученые люди. А наше дело — знай, добывай песка.

— Хорошо, промышляйте. Один пойду.

У боцмана слово твердое: сказал — пойдет! А без него страшно.

— Ладно, Никифор Алексеич. Будь по-твоему...

На утро они пошли в обход острова. Шли весь день, ночевали возле речушки. На рассвете боцман проснулся с неприятным чувством близкой опасности. Выглянув из палатки, он увидел волка. Зверь отбежал на бугор и стоял там, нюхая воздух. Бегичев выскочил из палатки.

— Олени! — В голосе его была тревога. — Ребята, оленей нет!

Это грозило гибелью. Пешком Таймыр не пройдешь. Спутники заныли, принялись упрекать Бегичева. Он показал им здоровенный боцманский кулак, схватил ружье и побежал к обрыву. Следы оленей терялись среди льдов пролива.

К вечеру Бегичев пригнал стадо. Олени были целехоньки. Почуяв волков, они умчались по знакомой дороге в сторону материка.

После этого спали по очереди, оставляя одного караулить оленей, чтобы «шайтан» опять не напустил на них волков.

Целый месяц трое шли вдоль побережья острова. Была уже весна, тундра раскисла. Бегичев собирал образцы камней и растений. Он не знал их названий, не знал, стоит ли таскать все это в походном мешке. Мало учился боцман, совсем мало. А ему так хотелось разбираться и в камнях, и в травах, и в океанских течениях...

Уже был недалек мыс, откуда месяц назад они пошли вокруг острова. Приглядываясь к тундре, узнавая местность, Бегичев вдруг увидел нечто, заставившее его в волнении протереть глаза.

Поодаль от берега стояла избушка.

Неужели на острове были люди? Бегичев, увязая в глине, тяжело побежал вперед, толкнул дверь. Внутри было темно. Пахло плесенью. Бегичев чиркнул спичкой. Желтый ого-

нек осветил кучу полуистлевших шкур. Когда глаза привыкли к полутьме, боцман различил старинные алебарды — топоры на длинных ручках.

— Никифор Алексеич, глянь-ко: шахматы!

На полу валялись фигуры странной, непривычной формы, искусно вырезанные из мамонтовой кости.

— Выходит, не мы первые... А ведь избе-то лет двести, коли не больше. Вон когда еще прадеды наши сюда хаживали.

В черном сюртуке, в неумело повязанном галстуке, совсем лишнем на могучей шее следопыта, Никифор Алексеевич Бегичев ходил по Петербургу.

И в Академии наук, и в Гидрографическом управлении заинтересовались его открытиями. Там долго рассматривали карту острова, которую он с грехом пополам составил, ковыряли привезенную оттуда жирную землю с запахом нефти, любовались матовым блеском кусков угля.

Да, остров был богат. Бегичев сделал важное открытие. Он вернулся в Дудинку с бумагой, в которой таймырским властям предписывалось оказывать ему содействие. Дудинцы почтительно осматривали ружье и землемерные инструменты, выданные Бегичеву в Петербурге.

Следопыт стал готовить новую экспедицию на «свой» остров.

Многие просились с ним: промысел непуганого песка сулил достаток. Бегичев взял прежних своих спутников и двух новичков.

Экспедиция благополучно перешла пролив. Возле старинного зимовья поставили избушку из плавника. Лето минуло незаметно: охотники мастерили песцовые ловушки, Бегичев разъезжал по острову. Теперь у него были с собой и инструкции Академии наук, и кое-какие книги. Он уже умел определять некоторые камни, стал понимать толк в окаменелостях, мог правильно написать этикетку к каждому образцу, нанести на карту место находки.

Как-то осенней ночью Бегичева разбудил вой. Опять волки! Они не показывались все лето, и в ночном дежурстве возле оленей не было смысла. Теперь пришлось расплачиваться за беспечность. Волки напали на стадо и разогнали оленей. Поиски ни к чему не привели. Бегичев встревожился:

Океан. фото из «Северного альбома» М. Н. Добровольского

— Други, надо уходить на материк.

Но двое, Гаркин и Семенов, заупрямились. Вот еще, уходить от промысла, от богатства! На худой конец можно обойтись и без оленей.

Переспорить упрямцев Бегичев не смог. Темной полярной ночью он с остальными своими спутниками перебрался через пролив на материк. Дойдя до ближайшего становища, Бегичев купил там ездовых собак, продовольствия и по весне, уже в одиночку, снова вернулся на остров.

Гаркин и Семенов обрадовались приезду Бегичева. Последнее время они берегли каждый кусок. Теперь еды у них снова было вдоволь.

До осени на острове жили дружно. Когда пролив стал замерзать, Бегичев принялся чинить нарты.

— Ну вот, — сказал он, — через недельку можно и на материк.

Гаркин с Семеновым промолчали. Потом Гаркин сказал:

— Вы поезжайте, Никифор Алексеевич, а мы остаемся.

Бегичев рассердился:

— Да вы в уме? Где у вас продукты? К весне подчистите до крошечки.

— Будем диких оленей промыслять. Как-нибудь перебьемся. Не резон от песка уходить.

Дело дошло до ссоры. Гаркин протянул Бегичеву заранее написанное письмо. Там говорилось, что купеческий приказчик Ефим Гаркин и дудинский охотник Николай Семенов по своей доброй воле остаются на острове и если что с ними случится, то они ни в чем Н. А. Бегичева винить не будут.

Бегичев вернулся на материк. Но беспокойство за двух упрямцев, во что бы то ни стало захотевших разбогатеть, не давало ему покоя.

Весной 1913 года Бегичев опять перебрался через пролив. Еще издали он увидел, что зимовье занесено снегом по самую крышу. Сердце Бегичева сжалось...

Вечером он писал в дневнике:

«Я зашел в избу, но в ней было очень темно. Окна были забиты снегом. Я наткнулся на койку, где лежало что-то твердое. Я вышел и принес свечу, зажег ее. Открыл одеяло — там лежал мертвый Гаркин, а Семенова не было. На столе лежал дневник».

Это были записи Гаркина о событиях на Острове. Охотники, оставшись одни, упустили лучшее время промысла. Их стали терзать голод и цинга. Идти на материк в темную пору они побоялись. Первым умер Семенов. Он упал в снег возле пустой песцовой ловушки. У Гаркина не было сил похоронить товарища.

Гаркин еще долго боролся с голодом. Он варил старые кости песцов и оленей, грыз расщатавшимися зубами сухие ремни из моржовой кожи.

Все безнадежнее становились записи в его дневнике:

«Просто замирает сердце от этого ужасающего меня голода. Боже, пошли людей с материка. Тела на мне не осталось совсем».

«У меня дымом выело глаза, я почти не вижу».

«Все надежды потеряны, если не придут люди, хотя бы вы, милый Никифор Алексеевич»...

Последняя запись была сделана 19 марта:

«Я ожидаю конца существования».

Несчастный умер всего за несколько дней до приезда Бегичева...

Целый день на берегу пылал костер: Бегичев оттаивал вечную мерзлоту. Могила получилась неглубокой, пришлось таскать камни, чтобы прикрыть ее от хищных зверей.

Потом Бегичев несколько раз выстрелил в воздух из винтовки, отдавая последние почести товарищам. Опечаленный, он навсегда покинул остров и вернулся в Дудинку. Как раз тогда у него и состоялся тот разговор с Нансеном, которым начинается наш рассказ о приключениях полярного следопыта.

Таймырский полуостров, отроги плато Путорана

Пароход «Спартак». Ранее назывался «Сокол»

Как спасали караваны судов, вмерзших в лед

Обработка морских судов на пирсовых причалах

Иллюстрация из второго издания книги «Енисей. Река Сибирская» 1956 г. Художник К. Арцеулов

Слух о печальных событиях на острове с опозданием на два года дополз до Петербурга. Журнал «Вокруг света» напечатал статью «Трагедия Полярного круга». Как видно, редакция не хотела поверить, что остров был открыт простым боцманом. Статья начиналась так: «Экспедиция под руководством инженера Бегишева...» Чтобы было «интереснее», автор превратил Гаркина и Семенова в золотоискателей и выдумал еще какого-то японского лоцмана Котцу, который будто бы вероломно обманул их.

Когда журнал попал в Дудинку, «инженер Бегишев» был далеко от нее. Перед ним бурлила половодьем широкая река, не нанесенная на карты. К берегу жалось огромное оленье стадо. «Улахан Анцифор» в мучительном раздумье смотрел на мутные волны; несколько кочевников молча стояли вокруг.

Надо было переправить оленей на другой берег. Во что бы то ни стало. Любой ценой.

Бегичев шел на помощь кораблям «Таймыру» и «Вайгачу», затертым льдами возле побережья. Там ждали продовольствия; больные надеялись выбраться на материк. Им, наверно, сейчас мерещится этот вот караван оленей, который теперь бестолково и беспомощно топчется у разлившейся реки.

До сих пор все шло сносно. Бегичев взял с собой легкую лодку. Когда караван подходил к большой реке, он разведывал место переправы, затем перевозил оружие и припасы. Оленей же, запряженных в нарты, попросту загоняли в реку, и животные сами справлялись с течением.

Сегодня ночью лодку унесло. Она застряла на косе возле противоположного берега.

Скалы на берегу реки Котуй — притока реки Хатанга

Попробовали сделать плот из нарт, но течение перевертывало его. Хотели обойти устье реки по морскому льду, но его взломали ветры. Что же делать? Ведь Бегичев пообещал непременно выручить моряков из беды. А, была не была!

Бегичев выбрал двух оленей, привязал их друг к другу веревкой. Потом стал раздеваться, переступая босыми ногами по замерзшей за ночь глине. Взял в зубы нож. Кочевники шарахнулись в сторону.

— Улахан Анцифор ум кружал, — в страхе шептали они друг другу. — Совсем ум потерял, беда!

Кто же, как не сумасшедший, будет раздеваться на ветру, от которого и в меховой парке холодно!

Бегичев погнал в воду оленей. Прыгнул следом за ними, ахнул, задохнулся, судорога свела тело. Успел схватиться за веревку. Олени плыли через реку, испуганно кося на него глаза. Только бы не разжалась окоченевшая рука.

На середине реки олень запутал веревку на рогах, потянул другого, тот начал захлебываться. Собрав остатки сил, Бегичев ударил ножом по туго натянутой веревке. Олени повернули назад, к стаду. Бегичев поплыл один.

Через полчаса он, весь синий, стуча зубами, пригнал унесенную лодку и велел начинать переправу.

17 июня 1915 года с зимовавшего возле побережья судна «Эклипс» заметили в бинокль олени упряжки. На это судно, которым командовал друг Нансена, капитан Отто Свердруп, уже успела перебраться часть людей с «Таймыра» и «Вайгача».

Бегичев пришел к цели. Это было на сорок седьмой день пути.

С «Эклипса» грохнул салют. Бегичева обнимали, подбрасывали в воздух.

Когда «Эклипс» передал по радио на «Таймыр» о приходе санной партии, оттуда дважды запрашивали: точно ли, что прибыл именно Бегичев? Ведь в весеннюю распутицу еще никто и никогда не пересекал всю таймырскую тундру.

Вскоре караван, забрав часть моряков, повернул на юг. Как раз в это время уже знакомый нам капитан Мецайк для связи с затертыми льдом караванами достраивал радиостанцию на острове Диксон.

Прошло несколько лет. Уже не трехцветные, а красные флаги полоскались над мачтами пароходов, привозивших в Дудинку соль, порох и отпечатанные на оберточной бумаге брошюры о пролетарском искусстве.

Осенью, под ледостав, пришел в Дудинку гидрографический бот «Иней». Матрос с бота прибежал за Бегичевым. Капитан подарил гостю четыре пачки махорки — целое состояние по тем временам. Потом он рассказал, что в 1919 году знаменитый полярный путешественник Амундсен, дрейфовавший во льдах на судне «Мод», послал двух своих спутников, Кнутсена и Тессема, с собранными научными материалами на остров Диксон. Они не пришли туда до сих пор... Что случилось? Где погибли норвежцы? Никто этого не знает. Посланная из Норвегии шхуна «Хеймен» ничего не нашла. Что, если теперь попытаться Бегичеву? Между прочим, это не его, капитана, личная просьба, а почетное поручение Советского правительства.

— Поищу, — просто сказал Бегичев.

Весной 1921 года он вышел с острова Диксон на восток. Вместе с ним пошли капитан шхуны «Хеймен» и матрос, знавший русский язык.

Невесел дневник похода: «Олени падают»; «Холодно»; «Идем по водянистому снегу. Олени бредут в нем по брюхо»; «Бросили 9 оленей»; «Дров нет». И наконец, запись: «Бросили санки и пошли пешком. У нас пали все олени».

До мыса, где Тессем и Кнутсен должны были по уговору с Амундсеном оставить письмо, экспедиция шла пятьдесят дней. Под грудой камней Бегичев раскопал здесь записку: «Мы находимся в хороших условиях и собираемся сегодня уходить в порт Диксон». Ниже стояла дата: 15 ноября 1919 года. С тех пор время могло стереть все следы.

— Нет, — сказал Бегичев, — следы должны быть. Поищем.

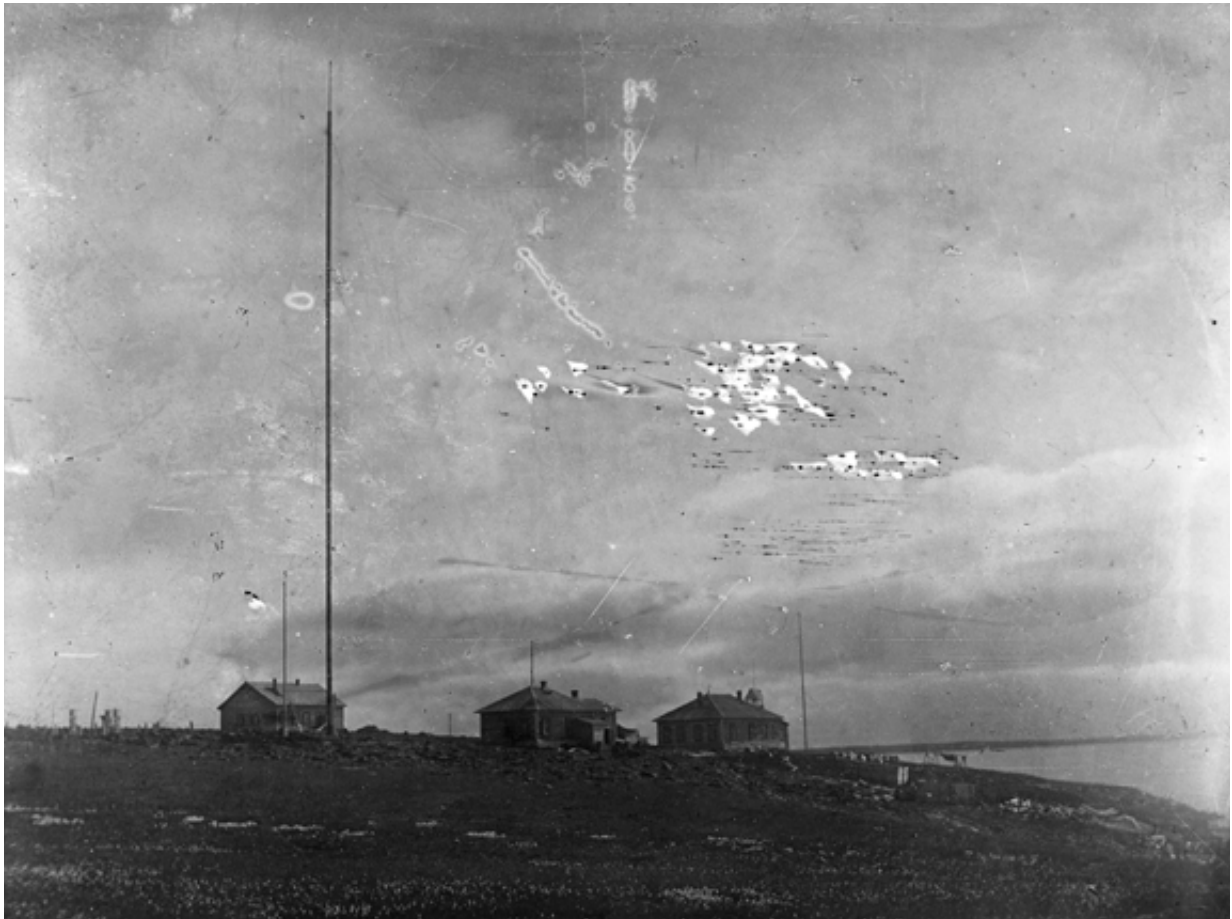
Теперь надо было медленно возвращаться к Диксону, заглядывая в каждую бухту, на каждый мыс, в каждую щель в камнях. Норвежцы могли пробираться вдоль самого берега, могли срезать углы через тундру, могли идти по морскому льду. Нужно было каждый раз чутьем угадывать их выбор. Малейшая оплошность, малейший промах — и отряд пройдет в двадцати шагах от какого-либо предмета, брошенного или оброненного два года назад...

Первой находкой были сани норвежцев. Потом следы затерялись снова. У Бегичева и его спутников кончился хлеб. Они на два дня растянули последнюю банку консервов. Осталась надежда на ружье.

Коса у мыса Приметного привлекла внимание Бегичева. На ней был плавник для костра. Норвежцы вполне могли сделать там остановку.

Бегичев медленно пошел вдоль косы. Он наткнулся на кучку золы. В ней были обгоревшие человеческие кости. Тут же валялись оправа от очков, остатки карманного барометра, монета.

Подошел капитан «Хеймена», снял шапку. Матрос утирал слезы.

Радиостанция на острове Диксон. 1930 г. Негатив П. Остроумова. Архивные фонды ГАКК

Один из двух погиб здесь. У другого, должно быть, не осталось сил долбить вечную мерзлоту. Он сжег труп товарища, чтобы тот не стал добычей песцов...

Но кто погиб у мыса Приметного — Тессем или Кнутсен? И куда побрел отсюда тот, кого пощадила смерть?

Продолжать розыски помешала зима. Белый снежный саван надолго прикрыл тундру.

Капитан и матрос «Хеймена», подружившиеся с Бегичевым, погостили у него в Дудинке, а потом вернулись в Норвегию. Шхуна ушла с Диксона еще раньше. Норвежское правительство заявило, что дальнейшие поиски бесцельны.

Но Бегичев думал иначе. Он хотел довести дело до конца и примкнул к геологической экспедиции, исследовавшей побережье Таймыра.

Снова и снова обшаривая мысы и бухты, Бегичев в куче плавника недалеко от Диксона нашел два пакета.

Это были донесения Амундсена, с которыми отправились норвежцы.

Две недели спустя в расщелине скал Бегичев заметил смутно белевший скелет, прикрытый полуистлевшей одеждой. Возле него лежали часы, и на их крышке было написано «Тессем»...

Несчастному норвежцу оставалось дойти всего четыре километра до радиостанции Диксона, когда случилось что-то, повлекшее за собой гибель. Что именно? Может, он сорвался со скалы? Или сдало сердце, не выдержав напряжения тысячеверстного похода через тундру?..

Норвежское правительство поблагодарило Советское правительство за блестящие результаты поисков. Полярному следопыту были высланы золотые часы с надписью: «Храброму и отважному Бегичеву — от благодарной Норвегии».

В мае 1927 года Никифор Алексеевич Бегичев ушел в свой роковой поход. Он собрал первую на Таймыре охотничью кооперативную артель «Белый медведь». Он не желал больше оставаться одиночкой; ему хотелось доказать, что и охотникам надо трудиться сообща, помогая друг другу.

А дальше произошло что-то странное, чему было трудно поверить. Люди, с которыми Бегичев ушел на промысел, вернулись и сказали, что Никифор Алексеевич умер от цинги и похоронен подле устья реки Пясины.

От цинги?! Бегичев — от цинги? Новички уцелели, вернулись невредимыми, а он погиб?

И пошла по тундре молва, что Бегичева убил, затеяв с ним ссору, один из членов артели. Убил, ударив по голове тяжелым медным пестиком.

Началось следствие. Но чтобы попасть к могиле на устье Пясины в те годы, нужно было снаряжать целую экспедицию. Она, было, отправилась, но застряла по дороге. Судебное дело прекратили.

Мне не раз приходилось бывать на Таймыре. И неизменно я слышал споры о причинах смерти «Улахан Анцифора». Было напечатано несколько рассказов о его последних днях, описывались издевательства над раненым Бегичевым...

Летом 1955 года из Москвы вылетел самолет. На его борту были прокурор, следователь по важным делам, научный работник и корреспондент столичного журнала. Самолет сел в море против устья Пясины. Комиссия разыскала могилу Бегичева и вскрыла ее.

Сквозь глыбу мутного речного льда в гробу просвечивал синий морской китель «Улахан Анцифора»...

После долгого, очень тщательного изучения, после микроскопических исследований комиссия пришла к выводу: Никифор Алексеевич Бегичев умер от цинги. Последняя страница биографии полярного следопыта была дописана.

И ради этого стоило снаряжать воздушную экспедицию к побережью Ледовитого океана!

Глава XXI

КРУЖОК НА КАРТЕ

«Где не бывал — там буду». — Норильск с разных точек зрения. — Ночной матч. — Витамин Эс». — Клуб заполярных инженеров. — Как на семидесятой параллели выращивают капусту

Самолет сделал круг над Дудинкой и повернул на восток. Внизу плыла зеленовато-бурая тундра, вся в пятнах озер. Ни челна рыболова, ни шалаша охотника — ничего, что напоминало бы о человеке.

Город, в который мы летели, был обозначен на карте Сибири маленьким кружком. Его нанесли правее голубой линии Енисея, в стороне от реки. Название, написанное подле него мелкими буквами, было скучным, невыразительным: Норильск.

Норильск, Нора. Нора — дыра...

Вспомнился мне Шура Вершинин, школьный товарищ. Он намеревался много путешествовать и по возможности побывать во всех интересных уголках земного шара. Над столом у него висела карта. Выше было написано Шурино изречение: «Где не бывал — там буду».

Правда, в те годы Шуру кроме Красноярска удалось побывать еще в деревне Коркино и больше нигде. Это я знал точно. Однако на его карте кружки многих городов были обведены цветными карандашами.

Шура объяснил мне, что, готовясь к будущим путешествиям, он собирает открытки, картинки, заметки из газет о разных местах. Нельзя же, в самом деле, ехать наобум, не зная, что можно увидеть там, куда едешь! Может, туда и ехать незачем, может, там ничего интересного нет.

— Вот загадай любой город. Ткни пальцем.

Я потянулся к верху карты.

— Архангельск! Архангельск?... Минуточку. — Шура достал из стола несколько конвертов и вытряхнул содержимое одного из них. — Вот тебе Архангельск.

На открытке были изображены дома и корабли. На другой я увидел площадь с полосатой будкой и памятником.

— Это памятник Ломоносову, — с важностью сказал Шура. — А это набережная. Я недавно книжку читал про Архангельск. Интересная. Петр Первый там корабли строил. А это я из газеты вырезал, тоже про Архангельск. Про олени бега. Там олени вместо рысаков, понял?

Потом Шура вытряхнул другие конверты: «Астрахань», «Ашхабад», «Ачинск», «Барнаул», «Благовещенск»... Кружки на Шуриной карте стали оживать. В каждом — свои дома, памятники, мосты, площади, набережные, парки, своя толпа на улицах...

Бортмеханик, стуча сапогами, прошел в хвост самолета. Я взглянул вниз. Тундры не было. Под крылом косо проносились горы, затянутые пленкой дыма. Сверкнули тонкие ниточки железной дороги.

— Идем на посадку! — крикнул механик.

Через минуту под крылом мелькал большой город. Это дым его труб окутывал горы. Мы спустились совсем низко, мотор смолк. Тень самолета неслась над картофельным полем, над огородами.

Скажу честно — огороды уже не удивили меня, хотя выращивать здесь овощи, наверно, немногим легче, чем заставить финиковые пальмы плодоносить на московских бульварах. Кружок на карте почти касался линии, обозначающей семидесятую параллель. Я знал, что тут пятидесятиградусные морозы, укороченное донельзя лето — и все же успехи сибирских мичуринцев, начиная от Минусинских садоводов и кончая игарскими огородниками, приучили меня к мысли, что для них нет слова «невозможно».

Первый раз я был в Норильске тогда, когда Норильска еще не было. У подножия гор стояло два дома и несколько бараков. В них жили рабочие, строившие железную дорогу к Енисею, к Дудинке. Мы привезли им вагоны и паровозы. Везли их на баржах: сначала вниз по Енисею, затем по Карскому морю, потом вверх по реке Пясине. Караван речных судов этим замысловатым путем провел тогда капитан Мецайк. Это было в 1936 году.

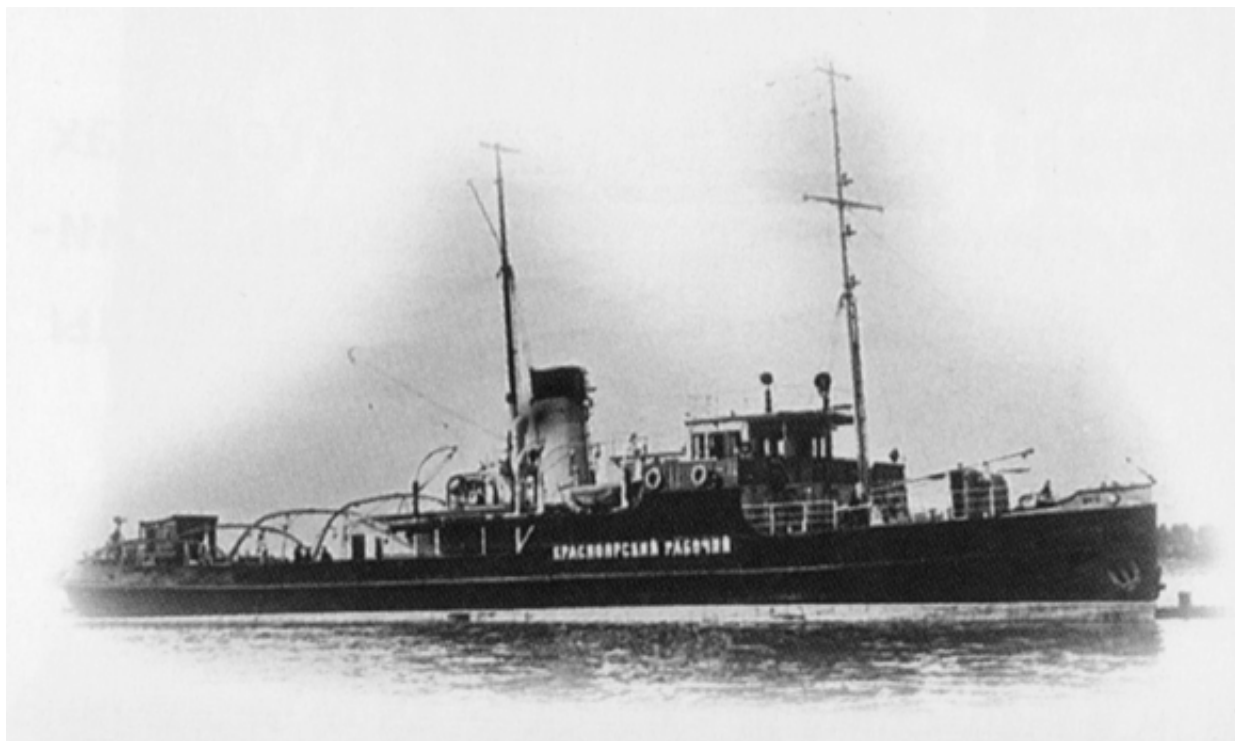
Мне приходилось бывать в Норильске и позднее. Наконец, во время короткого плаванья на «Александре Матросове» я разговорился с несколькими норильчанами.

— Ой, приезжайте к нам в Норильск, он гораздо лучше Красноярска... Ой, хорошо, когда пурга, — весело и страшно! Даже мужчины надевают шаль под пальто, а мы закутываемся совсем-совсем. Снегу у нас много, а мороженого нет. Есть, но из сгущенного молока. Разве это мороженое?

Так протараторили мне две девочки. Им было лет по десяти. Их со снисходительно-скучающим видом слушал узкоплечий юноша, очень модно одетый.

— А вы тоже из Норильска? — спросил я.

— Да. Правда, я там недавно. Скучно, ничего особенного. Зимой одно удовольствие — хоккей. Но командишки слабые... Парк? Там не деревья, а палки... Народ в Норильске

Теплоход «Красноярский рабочий» шел первым в караване судов Пясинской экспедиции 1933 г., доставивших грузы для строительства Норильска

одевается шикарно. Денежки водятся. Но, знаете, даже парикмахерской приличной нет на весь город. А танцуют, вы бы посмотрели, — два прихлопа, три притопа...

Юноше было лет семнадцать. Каким ветром занесло этого хлюста в Норильск? Оказывается, он приехал вместе с ответственным папой, а папу перевели сюда работать.

Другие мои спутники говорили о Норильске разное, большей частью — восторженно. Один даже выпалил: «Норильск — это Москва». Потом, поняв, что хватил через край, поправился: «Я хочу сказать: у нас есть уголки не хуже, чем в Москве».

Теперь, прилетев в Норильск, я мог присоединиться к этому восторженному норильчанину. Если бы, например, я оказался на Гвардейской площади Норильска внезапно и не знал бы, в каком городе нахожусь, то превосходное многоэтажное здание, полукругом окаймляющее ее, навело бы меня на мысль, что я в столице.

В Игарке топь тундры прикрывали деревянные мостовые, тут — асфальт. Струи фонтанов сверкали на солнце. Дома в пять-шесть этажей, каменные, красивые, стояли правильными, уходившими в перспективу улиц кварталами. Вокзал заполярной дороги Дудинка-Норильск сделал бы честь любому городу на самой бойкой железнодорожной магистрали.

Когда я прилетел в Норильск, был довольно теплый день. У киоска с газированной водой толпились люди. Двое были в белых брюках, но чувствовали себя не очень ловко: все-таки семидесятая параллель.

Я остановил молодого человека, который шагал куда-то с лыжами, и спросил его, как пройти к Дворцу культуры на Комсомольской площади. Он объяснил.

— Понятно, — сказал я. — А не рано вы начали лыжи к зиме готовить?

— К зиме? Что вы! Я сейчас думаю покататься.

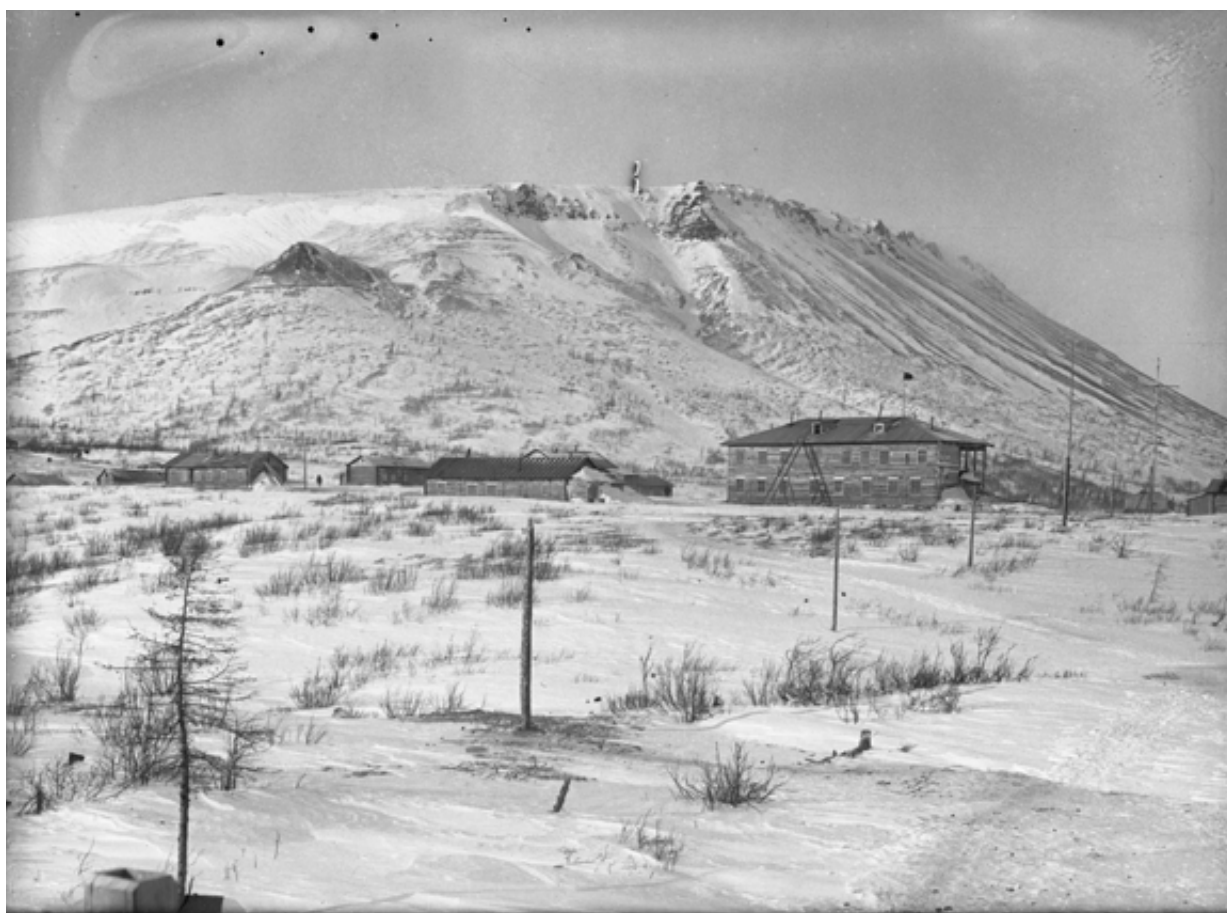
Я понял, что он меня разыгрывает как новичка, и пошел прочь.

— Пойдите! — крикнул юноша. — Я не шучу, вы зря обиделись. У нас в горах снег лежит все лето. Катайся сколько угодно.

— А как у вас насчет купанья? — спросил я с некоторым недоверием.

Норильский горно-металлургический комбинат. Никелевый завод. 1963 г. Негатив из фондов КККМ

Гора Шмидтиха 1937 г. Негативы Малобицкого. Из фондов КККМ

Гора Шмидтиха 1937 г. Негативы Малобицкого. Из фондов КККМ

Новый норильский стадион «Заполярьник». Фото из альбома «1953 год». Из архива М. Н. Добровольского

Норильск. Вид на гору Шмидтиху и металлургический комбинат. Фотограф неизвестен. 1956 г.

— С купаньем хуже. Вот достроим плавательный бассейн — будем купаться круглый год. А пока — в озере. Только не ныряйте: сверху вода ничего, прогрелась, а пониже... В общем, не ныряйте.

В мае по норильским улицам еще метет пурга. Бывает, что снег, не разобравшись в календаре, начинает валить и в июне. В сентябре он ложится прочно, на всю зиму. Но у полярного коротышки-лета есть важное преимущество: солнце светит круглые сутки.

Я смотрел на норильском стадионе тренировочную футбольную игру, которая началась после полуночи. Играли команды дневных смен горняков и металлургов. Горняки были одеты в красные футболки с белыми полосами, металлурги — в оранжевые.

Большой разницы между днем и ночью летом здесь все равно нет: в полночь тоже светло. Но сезон короткий, а розыгрыш кубка — не за горами. Тренер и выбрал подходящую ночь. Было забавно слышать, как вратарь, пропустив мяч, жаловался, что он ничего не видит против солнца, что ночное солнце расшатывает ему нервы...

В городе большие зимние спортивные залы: волейболисты, баскетболисты и теннисисты тренируются там в самую яростную пургу. Когда позволяет погода, яркие электрические огни загораются на катке. Хоккей здесь любят не менее, чем футбол. И наврал хлюст: команды норильских хоккеистов успешно защищали спортивную честь своего города на многих стадионах.

Один врач говорил мне, что главным возбудителем цинги — болезни, от которой в Арктике погибло немало людей, — является микроб лени, бацилла скуки и стремление лентяя при всяком удобном случае принимать горизонтальное положение. Врач уверял, что берется вылечить заболевшего цингой не столько витамином «С», сколько витамином, обозначаемым русской буквой «С», — спортом.

Он, может быть, и преувеличивал, но, во всяком случае, в советских заполярных городах давно забыли, что такое цинга, между прочим, и потому, что наши полярники много трудятся, а после работы не забывают о хоккейной клюшке и лыжных прогулках — о целебном витамине «Эс».

Побеждена и вредоносная бацилла скуки.

— Конечно, — скажет вам норильчанин, — нам трудненько пойти на премьеру нового балета в ложу Большого академического театра. От этой ложи нас отделяют шесть тысяч километров. Но у нас есть свой театр, несколько рабочих клубов и клуб заполярных инженеров.

Клуб заполярных инженеров — это трехэтажное здание из обтесанных глыб розово-бурого камня. Картины в фойе передают блеклые краски тундры и колорит гор, покрытых шапками снега. Эти горы видны из окон.

Драматический заполярный театр и ансамбль оперетты дают спектакли на сцене клуба. Зимой в клуб заглядывают приезжающие в город по своим делам оленеводы-ненцы. Они поют гортанными голосами протяжные песни тундры. В них нет определенного, постоянного текста. Певец, медленно раскачиваясь, поет о том, что видит вокруг.

Иногда гости танцуют. Взявшись за руки, они становятся в круг и, постепенно учащая ритм, притопывают ногами. Такой танец мог родиться только в краю, где дуют ледяные ветры и где человеку всегда хочется согреться.

В городе много библиотек, причем, техническая библиотека заняла целый дом. В ней несколько читальных залов, и тут можно получить любую техническую книгу. Если нужной книги нет, ее доставляют самолетом из Москвы.

Главное в Норильске, по-моему, то, что здесь постарались устроить жизнь так, чтобы как можно меньше чувствовалась семидесятая параллель, тундра, отдаленность, полярная ночь. Поэтому город застраивается домами, красивыми внешне и удобными внутри: с водопроводом, с холодильниками, ванными комнатами, с кранами горячей и холодной воды.

Первомайская демонстрация в Норильске 1947 г.

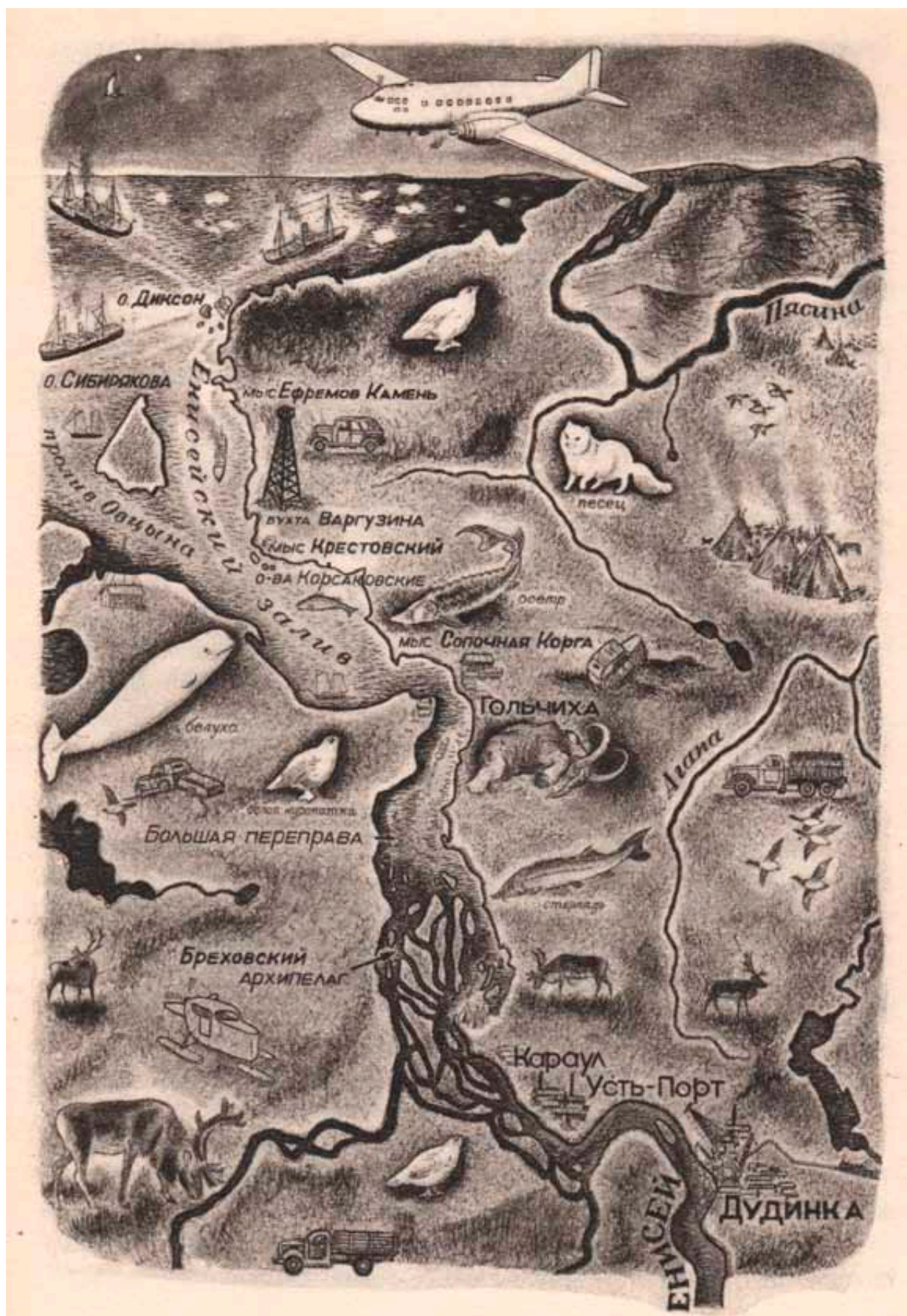
Торжественное открытие площадки строительства нового производственного объекта. Спец хран НКВД. Фото 1944 г. Из архива М. Н. Добровольского

Строительство зданий площади Гвардейской 1952 г. Фотокопия из архива М. Н. Добровольского

Проспект Ленина в Норильске. 1965. Негатив Макарова. Из фондов КККМ

Карта из второго издания книги. Художник К. Арцеулов

Поэтому при школах устраиваются зимние ботанические сады, спортивные залы и кинозалы. Поэтому в парке выхаживают каждое хилое деревце, а в теплицах с помощью искусственного дневного света получают к новогоднему пиру свежую зелень.

Я упоминал о норильских огородах. Когда их посмотришь вблизи, не с самолета, то еще раз подивишься человеческому умению и терпению.

Норильчане выращивают в открытом грунте на вечной мерзлоте картофель, капусту, репу, турнепс, свеклу, морковь, салат, редис, укроп, табак и намереваются разводить более теплолюбивые растения.

Какой же важный секрет разгадан полярными земледельцами, заставившими плодоносить промороженную кислую землю тундры?

Долгое время северной границей земледелия в Сибири считали шестьдесят третью параллель. Несложные расчеты теоретически подтверждали, что, например, капуста не должна, не может вызревать на семидесятой параллели. В самом деле, относительно теплая пора длится здесь всего девяносто дней. Капуста же требует для вызревания, по крайней мере, ста сорока-ста пятидесяти дней.

Но я сам держал в руках тяжелые, тугие кочаны, выращенные именно на семидесятой параллели. В чем же просчитались кабинетные теоретики? Прежде всего, они забывали к свету и теплу девяти десятков дней прибавлять свет и тепло, по крайней мере, пятидесяти солнечных ночей.

Но свет и тепло — еще не все. Нужна почва. Почва тундры в натуральном своем состоянии негодна: в ней много вредных для растения кислот.

Поэтому при осенней вспашке вносится известь, обезвреживающая излишки кислот. Весной из начинающей оттаивать земли на огородах делают не гряды, а высокие валы с острыми гребнями. Вершины этих гребней хорошо освещаются солнцем. Пока солнце прогревает гребни, в теплицах готовят рассаду. Ее не только выращивают, но и «воспитывают», «закаляют», время от времени пуская в теплицу холодный воздух: за тепличными стеклами, в грунте, растению предстоит самому бороться с заморозками.

Отправляя тепличного питомца в негостеприимный открытый грунт, овощеводы дают ему на первое время изрядный запас продовольствия. Этот запас он цепко держит корнями. Так вместе со своим горшочком из смеси торфа и навоза капустная рассада и водружается на гребни огородных валов.

Когда корни разовьются, растение сможет добывать кое-что и из тундровых почв. Но и тут его не оставляют без помощи, а время от времени подкармливают, поливая растворами удобрений.

Агрономы идут даже на то, чтобы в случаях, когда солнце не справляется с холодом, дать растениям «грелки»: через слой, переплетенный корнями, пропускается электрический ток.

Электропрогрев почвы — дело дорогое. Может, «овчинка не стоит выделки»?

Стоит! Завоз овощей с юга края обходится слишком дорого. Овощи на этом «юге» поспевают тоже поздно, их везут уже в ледоход, потом перегружают на морозе, затем чуть не половину выбрасывают.

А в Норильске с каждого гектара можно собрать тридцать пять тонн капусты, или пятнадцать тонн картофеля, или десять тонн редьки. Это совсем неплохо для мест, где теоретически ни редька, ни капуста не могут произрастать.

Под стеклами норильских теплиц выращивают огурцы и помидоры, для которых климат открытого грунта слишком жесток. Помидоры уже начинали краснеть. В огуречной зелени я видел гиганта чуть не в полметра длиной. Он весил больше килограмма. Его вырастили из семян, присланных китайскими огородниками. Этот сорт назывался «длинные китайские».

В оранжереях Норильска прижились тропические пальмы и множество садовых цветов среднего пояса Европы: флоксы, бегонии, бальзамины, астры.

— Признаюсь, мы сначала хотели и здесь посадить помидоры, — сказал мне садовод. — А потом подумали: люди у нас женятся? Новоселье справляют? Рождение ребенка празднуют? Как же тут без цветов! Цветы в себя солнечный свет вбирают, душу греют. Нет, никак нельзя у нас без цветов!

Когда мы вышли из оранжереи, я увидел белого медведя. Он сидел в клетке, поставленной в тень возле сарая.

— Ну, Михайло Потапыч, как дела? — спросил садовод, подходя к клетке.

Зверю было жарко. Он покосился в нашу сторону и не двинулся с места.

Хороший город Норильск! Деревянная Игарка — это наш вчерашний день в Заполярье. Норильск — сегодняшний. Сравнишь их — и видишь, как далеко и смело шагнули мы за те короткие годы, которые отделяют рождение Игарки от рождения Норильска.

И вот что любопытно: в самом Норильске при всей его молодости тоже есть старый и новый город, причем, новый гораздо лучше старого.

У въезда в новый город — памятник Ленину. Владимир Ильич в первые годы советской власти подписал декреты об исследовании Севера. Среди первых экспедиций, осуществлявших эти декреты, была экспедиция в Норильские горы, богатые углем и рудой.

Партия двинула на Север десятки тысяч стойких и мужественных людей. В них бурлили молодые силы, они были азартны и неутомимы в труде. Перед ними отступала тундра, им покорился полюс. Они построили и этот город на семидесятой параллели.

Здесь всюду следы их труда. У подножия горы бежит паровоз. Повыше — второй. На склоне отвалы темной земли. Значит, гора изрезана внутри шахтами и рудниками. Выше шахтных отвалов суетится паровозик, там тоже есть железная дорога. Ветер разогнал облака, скрывавшие вершины, — и что же? Оказывается, там, наверху, разместилась целая железнодорожная станция!

Возле гор стоят заводы горно-металлургического комбината. Под крышами их цехов можно разместить несколько больших зданий. Дымит заводская труба, сложенная из трех миллионов кирпичей. Говорят, что выше ее нет труб ни в Европе, ни в Азии.

Город много работает. О нем хорошо заботятся — и он вполне заслужил эту народную заботу. Он не иждивенец государства и дает гораздо больше, чем получает. Норильская медь, норильский никель расходятся по всей стране.

Уйдет короткое лето, и полярная ночь придавит тундру. Пурга будет наметать сугробы высотой с двухэтажный дом. В черном небе станет переливаться, дрожать северное сияние. Лютая зима будет наступать на город, грозя заморозить, засыпать снегом, истребить все живое.

Но не страшны Норильску ее угрозы. Над тундрой спешат к нему самолеты, и летчики еще издали видят мириады его огней, от которых пламенеют края низко плывущих облаков.

Пусть воеет пурга, пусть лютует мороз! На клочке отвоеванной у тундры земли мужественные советские люди честно и гордо несут свою нелегкую трудовую вахту.

Вспомните о них, когда увидите на карте кружок, около которого написано «Норильск».

Глава XXII

ДЕЛЬТА

В безымянной бухте. — О рыбаках, рыбе и рыбоводе. — Тундра. — Деревья-лилипуты. — «Белые клыки» Таймыра. — Пути кочевий. — Оленегонная лайка. — Бреховский архипелаг. — Теплопроводы Заполярья

Ветер, начавшийся в полдень, все крепчал и крепчал. Наш бот заблаговременно укрылся в небольшой бухте, но мысок, который должен был защищать ее, плохо справлялся со своими обязанностями.

Всю ночь в борта била волна, ветер противно завывал в щелях, все вокруг поскрипывало, потрескивало: бот «разговаривал», жалуясь на шторм. Проснулся я оттого, что за стеной каюты раздалось вдруг:

— Ку-ка-реку!

«Что за чертовщина? Откуда тут петух?» — мелькнуло у меня.

Я оделся и вышел на палубу. Брр! Ну и погодка! В лицо хлестал косой дождь. Вода, небо, берег — все было серым и тусклым. Где же, однако, петух? Тут он закукарекал совсем рядом со мной, в одном из деревянных ящиков, которые мы везли на промысла в подарок рыбакам. Горластый подарок разошелся вовсю: вот, мол, пусть бот прыгает на волнах, пусть меня заточили в этот гнусный мокрый ящик — мое дело кукарекать...

На мостике никого не было. Вахтенный в торчащем коробом брезентовом дождевике, угрюмо нахохлившись, грелся в рубке. Я юркнул туда же. Ветер сердито захлопнул за мной дверь.

— Барометр проврался, — мрачно сказал вахтенный. — Ползет вверх, а погодка...

Он закурил папиросу и уставился на стекло рубки, по которому, догоняя друг друга, бежали струйки дождя.

Я рассматривал морскую карту, лежащую на столике. На ней были изображены дельта Енисея и Енисейский залив, которые нашему «Бурному» предстояло пройти по пути к острову Диксон.

Итак, где Дудинка? Вот она. Мы покинули ее позавчера. Я едва успел вернуться из Норильска к отплытию «Бурного». Мимо Усть-Енисейского порта, или, как его чаще называют, Усть-Порта, обозначенного заштрихованными прямоугольниками кварталов на правом берегу, недалеко от Дудинки, мы прошли не останавливаясь. Жаль: там очень интересный рыбоконсервный завод с хранилищем, выдолбленным в вечной мерзлоте.

От Усть-Порта началась дельта великой реки. Вчера мы вошли в нее, и вскоре шторм заставил нас стать на якорь.

— Как называется бухта, где мы отстаиваемся?

Вахтенный повернулся к карте и ткнул пальцем:

— Вот она. А названия не имеет. Просто так, бухта.

Мне захотелось написать возле нее: бухта «Бурного». Звучит хоть куда. Жаль, что не мы ее открыли.

Бухт без имени на карте дельты было сколько угодно. Дельта — это разветвление реки у ее устья на несколько рукавов. Здесь, на пороге моря или океана, река складывает принесенные издалека частицы песка, ила и другие наносы, образуя острова, косы, отмели.

Название «дельта» происходит от греческой буквы «дельта», изображаемой в виде треугольника. Многие реки действительно имеют треугольную, расходящуюся веером дельту. Сначала Енисей тоже ведет себя как все: дробится на рукава огромного Бреховского архипелага. Я прикинул по карте: между коренными берегами тут пятьдесят-шестьдесят километров.

Если бы сразу за путаницей Бреховских островов начиналось море или залив, все было бы обычным. Но нет! Енисей не спешит терять самостоятельность. Его рукава снова сливаются в одно широкое русло, которое называют Большой Переправой.

У селения Гольчиха — «горло» реки: между берегами всего восемь километров. За ними, от мыса Сопочная Корга, свободно и широко разлились воды Енисейского залива Карского моря. Слева берег плавно поворачивает на запад. Справа он идет почти прямо на север и лишь у острова Диксон круто загибается на восток. Линия, обозначающая Большой корабельный фарватер, придерживается правого берега.

Барометр не подвел нас. В полдень застучал мотор. «Бурный» вышел на открытое место. Ветер уменьшился, дождь перестал. Но волны с белыми барашками все еще продолжали свой танец, брызги летели на палубу, и судовой кот Котофей Иванович долго не решался перебежать открытое место между каютой и кормой, где повар разделявал здорового осетра.

Осетра привезли нам рыбаки, пока бот прятался в бухте. Стоил этот красавец не дороже, чем селедка средней величины на красноярском рынке.

Дельта — рыбное царство.

Тут и там видны серые паруса рыбацких ботов. На отлогих берегах — избушки, палатки, чумы, растянутые для просушки сети, бочки. Кажется, что прибрежный песок перемешан с рыбьей чешуей, что ветер дует из рыбной лавки, что в воду добавлен селедочный рассол. За обедом: на закуску — икра, на первое — уха, на второе — отварная осетрина. Меню хоть куда, но через неделю на икру даже смотреть не хочется.

В числе немногих пассажиров нашего бота были ленинградский рыбовед и двое рыбаков из небольшого промыслового поселка за Гольчихой. Пользуясь численным превосходством, эта троица за общим столом не давала никому слова молвить. Рыбовед нападал на рыбаков за то, что они не изучают биологию местных рыб, плохо знают рыбные богатства Енисея.

— Почему не знаем? — возражали рыбаки. — С малых лет на рыбном деле, нагляделись... Может, по-научному и не определим, а если попросту — пожалуйста.

Старший рыбац — человек, как видно, себе на уме — неторопливо перечислял енисейских водожителей. Есть, говорил он, хитрые, бойкие, спокойные, нахальные, проворные рыбы. Есть в Енисее жители с постоянной пропиской, есть гости. Омуль, муксун, сельдь, осетр гуляют в заливе или дельте, а как приходит пора метать икру — отправляются вверх по реке. Первыми идут осетры — сразу, как только унесет лед. За ними трогаются муксун и сельдь. Последним идет омуль. Во время этого хода, этой весенней путины, рыбаку — самая горячая работа. Положив икру, морские гости осенью отправляются обратно к океану. Стерлядь же, тугун, чир, таймень, щука — домоседы, им и в Енисее хорошо.

— Возьмем, к примеру, нельму, — рассуждал рыбац. — В заливе ей вода не по вкусу — солон. Компании эта рыба не любит. Нельма — главный енисейский душегуб. Сколько она рыбьей молодежи на мелководье истребляет — не счесть! Корюшке — по-нашему, зубатке — тоже многие на зуб попадают... А вот вы мне объясните, — обратился он к рыбоведу, — почему это так: и осетр, и омуль поднимаются вверх по реке на сотни верст, но только

осетр идет в притоки, а омуля там никто не вылавливал. Осетр, если по своим делам в реке задержится, не горюет: выберет омут поглубже и зимует там, как у себя дома. А омуль в залив торопится так, словно за ним нечистая сила гонится.

Рыбовед сказал, что, вероятно, дело тут в температуре воды или характере дна. Температура — больной вопрос для Енисея.

Многие породы рыб питаются моллюсками, личинками насекомых, подводными растениями, крохотными рачками и другими мелкими жителями воды — так называемым планктоном. Так вот, этим основным рыбьим кормом Енисей в двадцать раз беднее Волги — и все потому, что даже самые мелкие живые существа любят тепло. Температура же воды в июне в енисейской дельте — пять градусов, а в волжской — двадцать.

— Стало быть, замерзает у нас планктон? — перебил рыбак.

— Не замерзает, а слабо развивается.

— Ну, рыбам-то это, пожалуй, все едино, — усмехнулся рыбак. — Так, по-вашему, выходит, что раз корму мало, то и рыбы много не жди? Выходит, что улов у нас не увеличишь?

...На Севере выжить без ездовой собаки и оленя невозможно... Фото из «Северного альбома» из архива М. Н. Добровольского

Церковь в Гольчихе. 1916 г. Негатив А. Я. Тугаринова. Из фондов ККМ

Фактория Гольчиха. 1926 г. Негатив П. Остроумова. Архивные фонды ГАКК

Юраки и енисейские самоеды 2 сентября 1913 г. Ф. Нансен. Фото из книги 1915 г. «Въ страну будущего»

— Не ловите меня на слове! — рассердился рыбовед. — Ничего подобного! В «бедном» Енисее столько рыбы, что ловить — не переловить. И какой рыбы! Малосольный енисейский омуль или копченая енисейская сельдь — прелесть, пальчики оближешь. Енисей — деликатесный цех рыбной промышленности страны. Но тут не годятся старые методы, не-е-ет!

И рыбовед принялся отчитывать рыбаков за то, что они не ищут новые места лова, за то, что отправляют ценную рыбу в грубый посол, вместо того чтобы делать из нее балыки или мариновать. Рыбаки защищались, но слабо. Рыбное хозяйство Енисея действительно еще сильно отстает от волжского или донского.

Между прочим, сам рыбовед приехал на Таймыр ради интересного и нового дела. Он должен был встретить самолет с живой икрой знаменитого байкальского омуля. Личинки, полученные из этой икры, предполагалось выпустить в озера таймырской тундры, где вода так же холодна и чиста, как в Байкале.

Рыбоведа мы высадили в селе Караул. Это центр большого тундрового района, куда обычно съезжаются на свой праздник окрестные оленеводы. В тундре устраиваются бега лучших оленьих упряжек, и победителю вручается приз.

В детстве я думал, что тундра бывает обязательно ровная, как стол, и что летом она приятного темно-зеленого цвета.

У нас в школе висела картинка, изображавшая луг. На лугу паслись олени с ветвистыми рогами. В углу картинки стоял островерхий чум, над ним вился дымок. У чума сидели люди в неуклюжих кафтанах мехом наружу. Наверно, им было жарко и неудобно. На картинке присутствовал также мальчик, который стрелял из лука в стаю гусей, треугольником летящих над самым чумом. Подо всем этим было написано: «Тундра летом».

На картинке «Тундра зимой» был изображен тот же чум, мчащаяся оленья упряжка и необыкновенно нарядное северное сияние.

Возле юрты. Фото из «Северного альбома». Из архива М. Н. Добровольского

Первый раз в настоящую, «взаправдашную» тундру я попал не летом и не зимой, а поздней весной, когда ярко светит солнце и белые облака обгоняют друг друга в бледно-голубом небе.

В эту пору тундра блестит тысячами озер, озерков и лужиц: талой воде некуда деться, вечная мерзлота не пускает ее в почву. Без хороших сапог лучше и не пробовать бродить по весеннему месиву, хлюпающему, чавкающему под ногами. Пройдешь километр, а кажется, что прошел двадцать.

Но трудно удержаться от соблазна навестить знакомый бугорок поблизости от поселка. Он меняется на глазах. Кажется, вчера на его прогалинах пробивалась первая зелень, а сегодня он зазеленел весь. Распустился на нем первый бутон «таймырской розы» — золотистой сиверсии, голубеют незабудки. Пройдет еще несколько дней — зацветут полярные маки, куропаточья трава, лютики, загудят над ними мохнатые крупные шмели.

А птицы! Первые вестницы тундровой весны — маленькие пуночки — начинают свою песенку еще в холодном мае. Они открывают сезон больших арктических перелетов. С берегов Голубого Нила, с южного побережья Каспия, из знойной Индии несутся в тундру неисчислимые стаи пернатых, чтобы вывести тут птенцов, а осенью вернуться обратно с молодым поколением.

Высоко-высоко летят лебеди; построившись клином, разрезают воздух гуси; со свистом опускаются на озера утки. Караваны воздушных странников замыкают красногрудые и черногрудые гагары, прилетающие позднее других, но зато и покидающие тундру после того, как ее тронет снегом.

Что за раздолье пернатым на зеленом просторе, где так редко тревожит их человек! Гнездись, где хочешь, на любой кочке, — места хватит всем. Осторожный лебедь и тут ищет самые недоступные уголки, остальные птицы чаще всего селятся по берегам рек и озер. Тут их царство. Гомон, крик, писк птенцов, кудахтанье, гоготанье, хлопанье крыльев не умолкают ни на минуту. Всюду жизнь...

Теперь, плывя на «Бурном», я видел осеннюю тундру.

Возле Дудинки стлалась так называемая кустарниковая тундра. Птицы тянулись из нее на юг. Кулики уже улетели. Собирались к отлету гуси, и встревоженный их гогот слышался на озерах.

В этой тундре еще росли деревья. Но что это были за деревья! По возрасту им давно полагалось бы вытянуть стройные стволы высоко вверх и бросить на землю густую тень. Но на вечной мерзлоте, не дающей глубоко пускать корни, под ветрами, гнущими все живое к земле, лесные великаны выродились в лилипутов.

Человек сверху смотрит на столетнее дерево, едва достигающее ему до пояса. Он с изумлением видит знакомые листики на каком-то жалком кустарнике, распolzшемся в стороны. Неужели это береза? Во что же превратила тундра белоствольную красавицу!..

Но даже эти приспособившиеся к суровым условиям жизни деревья — ивы и карликовые березки — встречаются в тундре далеко не везде. Настоящая арктическая тундра, которая простирается севернее, вовсе лишена деревьев. Даже трава и мох растут там не везде, и на больших пространствах в такой полярной пустыне тянутся лишь мертвые россыпи камней.

Тундра, которую мы видели с палубы «Бурного» за Караулом, была желто-бурого цвета, с пятнами голой земли. Ранняя осень с холодными утренниками, когда вода покрывается тонкой корочкой льда, а земля становится серебристой от инея, уже прокралась сюда. Все отцвело, поблекло, потускнело.

Я мог еще раз убедиться, что, вопреки старой школьной картинке, тундра далеко не всегда гладка и ровна. Наглядным доказательством того, что она может быть холмистой и даже гористой, были береговые утесы, покрытые лишайниками, и хребты на горизонте.

Аргишат. Фото из «Северного альбома». Из архива М. Н. Добровольского

Таймырский национальный округ, земли которого пересекает Нижний Енисей, вобрал в свои границы три четверти миллиона квадратных километров тундры, редколесья, горных увалов.

Его обитатели — оленеводы и охотники. Левый берег реки, ближе к заливу, населяют ненцы. Нганасаны, или тавгийцы, издавна кочевали к востоку от Енисея, располагая свои зимние становища поближе к границе леса, а летом забираясь в самые отдаленные места Таймырского полуострова, где бродит непуганый зверь и озера богаты рыбой. Соседствующий с нганасанами народ — саха — гораздо менее склонен к утомительным летним перекочевкам и обычно ограничивался небольшими переходами в поисках лучших пастбищ для оленей.

На мысу, близко у воды, два островерхих чума. Подкручиваю винт бинокля: возле костра стоит человек и смотрит в нашу сторону.

До чумов еще далеко. Но капитан, мельком взглянув в бинокль, уверенно говорит:

— Саха рыбачит.

— Почему непременно саха?

— Вышивки, — отвечает капитан. — Бисерные вышивки на одежде. Никто другой, кроме саха, не вышьет так здорово.

Саха спускается к самой воде. За ним бредут три здоровенных ездовых пса, широкогрудых «туруханца».

Мне не приходилось самому ездить зимой на туруханских собаках, и я до сих пор жалею об этом. Бывалые люди утверждают, что здешние собаки по выносливости, общительности и неприхотливости вполне могут поспорить с псами Аляски, с «белыми клыками», так хорошо описанными Джеком Лондоном.

Туруханские собаки тянут легкие санки — нарты — там, где даже олень, этот вездеход тундры, оказывается бессильным. Иногда они работают и летом. Я видел, как ниже Туруханска четыре собаки, запряженные в лямку, тащили против течения довольно большую лодку. Эта работа не казалась им особенно тяжелой: они резво перебирали ногами. В лодке сидел человек с кормовым веслом. Берег был ровный, и все шло как нельзя лучше.

— А если бечева запутается или попадетсЯ камень? — спросил я тогда нашего лоцмана. — Хозяину вылезать?

— Нет, зачем же вылезать! — удивился лоцман. — Вожак сам дорогу выбирает, сам соображает, где и как тянуть, чтобы бечеву не запутать.

Вероятно, лоцман заметил на моем лице недоверие и добавил:

— Поплаваете, сами увидите...

Я поплавал и увидел. Дело было в Дудинке. Пожилой рыбак собирался на промысел. Собаки, запряженные в лямку, с холщовыми хомутиками на задней половине туловища, терпеливо ждали, пока он поудобнее устраивался в лодке и размещал разную кладь. Наконец хозяин издал губами какой-то звук, и собаки, не мешая друг другу, тронулись за вожакom, крепким псом с прокушенным и сморщенным ухом.

Вдоль пологого берега стояли наполовину вытасенные из воды лодки. Псы следом за вожакom поднялись повыше. Бечева натянулась над лодками, не задевая их. Дальше стояла еще одна, большая лодка. Вожак вскочил на ее борт, пробежал по скамейке, на которой обычно сидят гребцы, и соскочил на песок. Он правильно рассчитал, что это препятствие обойти по берегу нельзя: придется карабкаться чересчур высоко, не хватит бечевы.

Хозяин собак, увидев, что я, заинтересовавшись, иду за ними следом, показал мне все их искусство. Он крикнул — собаки пошли быстрее. Снова крикнул — они остановились. Свистнул как-то по-особенному — и собаки после некоторого колебания полезли в холодную воду и поплыли к лодке.

— Слово понимают! — сказал довольный рыбак.

Человек обитает в тундре уже много веков. Но без собаки и оленя его жизнь на Севере была бы совершенно невозможной — по крайней мере, в те времена, когда там не было ни самолетов, ни аэросаней, ни железных дорог, ни факторий.

Прирученный северный олень, пожалуй, одно из самых неприхотливых животных в мире. Он почти не требовал ухода и честно служил человеку. Но человеку пришлось приспособливаться к образу жизни своего кормильца и кочевать вместе со стадами.

Почему оленеводу нужны длинные перекочевки? Разве нельзя пасти оленей так, как пасут коров, — где-нибудь поблизости от селения? В том-то и дело, что нельзя.

Ягель, этот наиболее любимый оленем лишайник, растет чрезвычайно медленно, прибавляясь на два-три, в самом лучшем случае — на пять миллиметров в год. Мало того: он питателен лишь в первые годы своего роста, а потом становится жестким и невкусным. Но и это еще не все. Олени — лакомки. Они съедают только свежую верхушку не спешащего расти лишайника.

Наконец, олень не любит пастись там, где прошли до него другие олени, и в этом случае больше топчет корм, чем ест. Вот почему даже для небольшого стада нужны огромные пастбища. Оленеводы и кочуют по тундре, возвращаясь на старые ягельники только лет через десять-двенадцать. За это время успевает немного отрасти даже медлительный лишайник. Однако для того, чтобы пастбище стало таким, каким оно было до первого прохода стада, нужно целых двадцать лет!

Самыми искусными оленеводами таймырской тундры считаются нганасаны и ненцы. Весной, в конце апреля, еще до того, как разольются реки, в тундре всюду видны весенние аргиши — караваны оленеводов, которые со стадами движутся на север, туда, где нет такого обилия комаров и прочего гнуса, доводящего оленя до бешенства.

Нганасану или ненцу не надо готовить сани летом, а телегу зимой. Для тундры эта пословица не подходит. Здесь зимой и летом ездят на одних и тех же нартах — легких, высоких санках с широкими полозьями. Эти санки скользят по влажному месиву тундры, в котором завязнет любое колесо.

Лето оленеводы проводят вблизи океана, медленно перегоняя стада с уже выбитого пастбища на другое, где есть свежий корм.

Рядом со взрослыми животными пасется молодняк. Через два-три дня после рождения олененок — пыжик — уже крепко держится на высоких ножках и бегаёт за матерью. Когда пыжику исполняется полторы недели, он свободно переплывает реку и носится по тундре легко, как ветер; он сам щиплет ягель, не забывая, однако, и о молоке матери. Пыжик красив и грациозен. Его мех мягок и пушист. Пощупайте-ка пыжиковую шапку...

На север оленевод идет следом за весной. К югу его гонит, преследуя по пятам, зима. Затягиваются льдом болота, замерзают речки. Трудно добывать рыбу; зато не надо искать брода, делать крюк вокруг топких болот. Тундра, по которой движутся осенние аргиши, безмолвна; птицы давно покинули ее, только белая куропатка, едва различимая на снегу, рыщет в поисках мерзлых ягод.

Олень не тужит и в эту трудную пору. За лето он отъелся, окреп. Теперь, добывая ягель из-под снега, ему приходится изрядно поработать широкими копытами. Но он не избалован своим хозяином. Если бы оленю сказали, что на белом свете есть животные, которых зимой кормят овсом и сеном, причем приносят эти лакомства прямо в кормушки, — он, наверно, не поверил бы...

Путь осеннего аргиша заканчивается в лесотундре, где есть топливо для очага, снег не так глубок и плотен, а деревья защищают от наскоков пурги.

Такой круговорот жизни повторялся многие сотни лет: с юга на Север, с севера на юг, сегодня здесь, завтра там, вся тундра — дом, а дома — нет.

Сильно изменилась жизнь оленеводов, но по-прежнему олень кормит, возит и одевает жителя тундры. По-прежнему собака остается его верным помощником. Никто так не ценит хорошую собаку, как оленевод.

Олени пугливы. Достаточно им чего-нибудь сильно испугаться — и быстрее ветра животные помчатся по тундре. Попробуй, останови.

А сколько в стаде упрямцев, которым кажется, что хороший ягель растет где угодно, только не там, куда их пригнал хозяин; сколько в стаде забияк, готовых разогнать своих сородичей как можно дальше! Олени то и дело разбредались бы в разные стороны, если бы пастухам не помогали оленегонные лайки.

Однажды я сидел с пастухом оленеводческого совхоза возле стада, в котором было, наверно, больше тысячи животных. Тут же лежали две собаки с белой пушистой шерстью, не очень крупные, с короткой, я бы сказал — приятной, мордой, крутым лбом, стоячими ушами и хвостом закорючкой. У них был такой вид, будто они прислушивались к нашему разговору, боясь пропустить интересную новость, которую стоило потом пересказать другим псам.

Вдруг пастух, сидевший на корточках у костра, вскочил. Вскочили, насторожившись, и собаки. Оказывается, несколько оленей отправились в небольшую экскурсию в поисках лакомых грибов и удалились уже довольно далеко от стада.

Пастух поднял руку, показывая собакам, куда они ушли, сделал несколько шагов в том же направлении и резко, гортанно вскрикнул:

— Прр! Пррр!

Собаки помчались легкими прыжками. Вскоре мы услышали отрывистый, злой лай: они гнали беглецов обратно в стадо.

— Ла! — крикнул пастух. — Ла!

Псы тотчас бросили оленей, постаравшихся забиться в середину стада, и не спеша побежали к нам.

Зимовье Осиповича. Енисейский залив. Фото Н. А. Остроумова июль 1926 г. Архивные фонды ГАКК

Север. Фото из «Северного альбома».
Из архива М. Н. Добровольского

Строганина. Фото из «Северного альбома».
Из архива М. Н. Добровольского

Порядок был заведен прадедами, и правнуки боялись нарушать его. Так и шло до тех пор, пока не появились в тундре первые колхозы. Сберегать и пасти большие колхозные стада могли одни пастухи. Зачем же тогда кочевать всему народу, старикам и детям, охотникам и зверобоям?

Вековой закон тундры был нарушен. Об этом жалели только те, кому колхозная жизнь не по нутру, — кулаки и шаманы. Вчерашний кочевник взялся за топор и построил себе избу. Рядом поставили сруб его сородичи, а там, глядишь, подъехали еще семьи — и вырос целый поселок. Привезли на пароходе двигатель — загорелись в избе лампочки. Совсем по-другому пошла жизнь. Ребята учатся грамоте в поселковой школе, в красном чуме можно послушать радио, в пекарне выпекается свежий, вкусный хлеб вместо пресных лепешек, перепачканных золой очага. А баня! Как приятно попариться в ней после утомительной поездки!

Никто не обращается теперь к шаману, чтобы тот воплями и ударами в бубен «изгонял» болезнь: врач в поселковой больнице в бубен не бьет и не кричит, а лечит куда лучше шамана, не требуя за это самых жирных оленей или отборных шкур.

Старики трудно привыкают к новой жизни. Рядом с рубленой избой они на всякий случай ставят старый чум. На лето в него иногда перебираются и молодые.

Чум годится при дальних поездках на охоту, на рыбную ловлю. Но и тут его постепенно вытесняет балок — домик на полозьях. Деревянный каркас из сухого дерева обтягивается оленьими шкурами, посередине ставится железная печка — и балок готов. Его не надо разбирать и снова собирать, как чум. Запряги оленей — и поезжай вместе с домом на новое место.

В таких балках кочуют теперь пастухи оленьих стад. Один балок отводится под красный чум. Там есть патефон, библиотечка, аптека, швейная машинка, а иногда — и радиостанция, с помощью которой можно сообщать о продвижении стада и его состоянии, получать по эфиру советы от ветеринара и, разумеется, слушать радиопередачи.

Когда собаки лаяли, гоняясь за беглецами, все стадо сплотилось, сжалось теснее. Оди-ночные олени, бродившие совсем не в той стороне, куда помчались лайки, тоже затрусили к стаду.

— Сначала собака лает, говорит оленю: «Вернись добром», — сказал пастух. — Он не хочет — она хватается его за ногу. Олень боится собаки. Он бежит обратно к стаду, чтобы там спрятаться. Если нет ветра и далеко слышно, я собак не гоняю, а только бывает крикну: «Голос!» Они лают, и олени сами собираются в кучу — боятся...

Кочевники тундры знают природные инстинкты животных: охотничий — собаки и стадный — олени. Они научились использовать условные рефлексy, хотя, наверно, не слышали о работах великого русского ученого Павлова. Они заставляют собаку гнать оленя громким лаем, иногда даже кусать беглеца и добиваются того, что, услышав хотя бы далекий лай, олени, опасаясь погони и укуса, уже торопятся в стадо.

Если олень все же незаметно уйдет далеко в тундру, лайка находит его по следу и пригоняет обратно, как хороший хозяин. Пастухи посылают собаку от чума к чуму с запиской или, в случае беды, с условным значком — каким-нибудь кусочком кожи. И трудно найти более верного и скорого почтальона.

В старинных сказаниях кочевников собака наделяется почти человеческим умом. Некоторые старики и сейчас верят, что в собак переселяются души умерших — поэтому-де псы так стараются помогать оставшимся на земле родственникам покойного.

Между прочим, туруханские собаки, которые не имеют привычки таявкать на прохожих и вообще не любят лаять без толку, иногда поднимают вдруг дружный вой. Воют минуты две-три и неожиданно смолкают. Это дает себя знать волчья кровь — кровь бродяг и хищников.

Давно уже скрылся мыс, на котором стояли чумы саха-рыболовов. Мы шли мимо островов Бреховского архипелага — низких, плоских, почти незаметных издалека. Они нравились только чайкам, разгуливавшим по их песчаным отмелям. Кустики невысокой ольхи скрашивали эти обиженные природой места.

«Бурный» вышел на Большую Переправу. Хотя было сравнительно тихо, изрядные волны бились в правый берег, которого старался держаться наш бот. Капитан поглядывал на барометр чаще, чем обычно: шторм в здешних местах не шутка.

На боте запасли пресную воду. Наполнили все бочки, котлы, баки. Впрочем, вода уже была чуть солоновата: недавний ветер пригнал в дельту горько-соленую воду из залива.

В береговых ложинках белел снег. Он не таял. Мы не снимали телогреек. Ночью вахтенные кутались в полушубки. При дыхании был отчетливо заметен пар.

Плохо бы пришлось при первом же морозе жителям этих безлесных мест, если бы сам Енисей не позаботился о топливе. Он принес сюда с верховьев вырванные половодьем деревья, за долгий путь к океану превратившиеся в плавник — в серые, лишенные сучьев, обезображенные бревна и куски дерева. Они беспорядочно навалены на отмелях, застряли между скал. В плавнике можно найти много полезного для несложного хозяйства северянина. А остальной плавник — готовые дрова. Надо только вытащить их весной на высокий берег и за лето хорошенько высушить.

Мы плыли по реке последние десятки километров. Свободно можно было различить оба берега. Они сближались, образуя «горло» Енисея. Завтра «Бурный» войдет в залив, и мы распрощаемся с одной из самых могучих и прекрасных рек Сибири.

Возьмите учебник или энциклопедический словарь — вы найдете там сведения о длине Енисея и его главных притоков, о скоростях течения и ширине русла в наиболее примечательных местах, о температуре енисейской воды. Вы узнаете, что каждую секунду

через поперечный разрез своего русла в устье Енисей проносит больше семнадцати тысяч кубических метров воды. Это чудовищное количество воды, подскажет вам учебник или словарь, Енисей и его притоки собирают с бассейна, занимающего два миллиона семьсот семь тысяч квадратных километров — больше, чем занимают Великобритания, Франция, Италия, Испания, Швеция, Норвегия и еще несколько стран поменьше, вместе взятых.

Но вы не узнаете из учебника, какова длина всех притоков Енисея. Этого пока никто точно не сосчитал. Если о реках Енисейского бассейна спросить коренного сибиряка, то и он назовет без запинки Ангара да две Тунгуски — и дальше пригадывается.

Кто, например, знает об Оке — не о той Оке, которая впадает в Волгу, а об ее сибирской тезке, впадающей в Ангара? А ведь эта Ока протянулась более чем на девятьсот километров. Но среди ангарских притоков она уступает первенство Тасеевой. Длина Тасеевой — почти тысяча сто километров. Значит, этот приток притока Енисея превосходит по длине Кубань, Неман или Одер. Но многие из тех, кто за три секунды покажет вам на карте эти три реки, широко раскроют глаза при упоминании какой-то Тасеевой.

Многие особенности Енисея еще слабо изучены и недостаточно оценены. Енисей по сравнению с Волгой — холодная река. Но в самое жаркое время, в июле-августе, температура воды на большей части реки почти одинакова. От Большого порога до Енисейска она колеблется между восемнадцатью и двадцатью градусами, и даже в Дудинке средняя температура превышает семнадцать градусов тепла. Кустарники на островах Бреховского архипелага растут потому, что острова согреты теплом, излучаемым водой. На коренных берегах в этих местах нет ни единого кустика.

Запасы тепла в енисейской воде колоссальны. Она медленно нагревается, зато медленно и остывает. В мае, в жарком июне она еще значительно холоднее воздуха на всем протяжении от истока Енисея до устья Ангара. Но в беге на север вода обгоняет медлительное лето. Ниже Ангара в летние месяцы она гораздо теплее воздуха низовий: иногда на шесть-восемь градусов. Вода как бы вобрала в себя горячие лучи солнца на юге и унесла их с собой в те места, где лето так коротко.

Раньше находились люди, которые твердили, что величайшим несчастьем Сибири является неудачное направление ее рек. «Природа обидела Сибирь, — сокрушались они. — Куда текут сибирские реки? В недоступный Ледовитый океан».

Но мы освоили океан, и сибирские реки помогли нам в этом. Они были готовыми водными дорогами, связавшими Северный морской путь и Транссибирскую железнодорожную магистраль. На их берегах мы построили заполярные города. Мы не собирали бы урожай овощей в Игарке, если бы воды Енисея не смягчили климата этих мест. Запасы тепла, которые забирают с юга Обь и Енисей, согревают не только их берега, но даже океанское побережье. Сибирские реки — эти могучие теплопроводы Заполярья — несут на своих волнах жизнь далеким северным окраинам.

Так думалось мне в последние часы плавания по Енисею, когда «Бурный» приближался к «горлу» реки, к селению Гольчиха.

Глава XXIII

У ВОРОТ ОКЕАНА

Мамонт в Гольчихе. — Школа на краю света. — Кто жил на мысе Крестовском? — Белуха. — Летнее платье и зимняя шуба одного джентльмена. — В новогоднюю ночь

Раньше говорили так:

— Гольчиха? А-а, это там, где мамонта нашли.

Нашли его собаки. Рыская в поисках корма, они наткнулись в размытом половодьем береговом обрыве на тушу огромного зверя. Не на скелет, а именно на тушу.

Пока слухи о находке дошли до столицы, от мамонта остались только кости: все псы Гольчихи и окрестных станков целую зиму 1912 года обжирались мясом чудовища, умершего много тысяч лет назад. Они лишили Фритьофа Нансена приятной возможности угощаться бифштексом из мамонтового мяса, о чем он не без сожаления и пишет в своих воспоминаниях.

Мамонтов находили на Таймыре и в последние годы. Не далее как в 1949 году к небольшой речке, возле которой зимовщики случайно обнаружили торчащий из земли бивень мамонта, была снаряжена специальная экспедиция на самолетах и вездеходах. С величайшими предосторожностями ученые вскрыли толщу вечной мерзлоты — и в их руках оказался великолепно сохранившийся скелет гигантского ископаемого. Они нашли также много его грубой темнобурой шерсти и куски кожи.

Речку называли Мамонтовой, а скелет древнего обитателя Таймыра выставлен теперь в Зоологическом музее Академии наук СССР.

В Гольчихе уже не помнят о том, первом, мамонте. Теперь говорят:

— Гольчиха? А-а, это там, где школа...

В здешней школе-семилетке учатся внуки таймырских кочевников, среди которых человек, умевший с грехом пополам расписаться, считался великим грамотеем. Детвора собирается в Гольчиху из становищ под хребтом Бырранга, с побережья океана, из поселков левобережья. Конечно, после уроков дети не могут идти домой: их родители живут где-то в тундре, иногда за сотни километров. Домом стал интернат, построенный рядом со школой.

Я попал в Гольчиху еще до начала учебного года, и мне не удалось познакомиться со школьниками, многие из которых никогда в жизни не видели настоящего дерева, но зато отлично управляют с собачьей или оленьей упряжкой, умеют настораживать ловушку на песца и находить дорогу по таким приметам, какие мог бы обнаружить разве только знаменитый следопыт Дерсу Узала.

Учительница рассказала мне, как в Гольчихе встречали Новый год.

Попробуйте представить себе еле различимые в полутьме бревенчатые дома, занесенные плотным, скрипучим снегом. В некоторых окнах желтоватый свет чуть теплится, но в двух он горит ярко, радостно. Огни искрятся в намерзшем на стекле слое льда. Там, вну-

три дома, идет веселье горой, доносится приглушенный топот ног вокруг елки и неясный гул голосов.

Елка странная — на ней почти нет хвои, одни голые ветки с полосками темно-зеленой бумаги и кусочками мха. Но где же взять лучшее дерево? Вокруг растут только карликовые кустарники. Эту елку привезли еще летом. Везли ее издалека — может быть, за полтысячи километров. С тех пор хвоя успела засохнуть и осыпаться.

Но дети этим нимало не огорчены. Для них и такая елка — красавица, тем более что украшена она на славу игрушечными оленями, маленькими самолетами, вырезанными из бумаги рыбами, бусами из надетой на ниточку мороженой клюквы.

Дети водят хоровод вокруг дерева. На ветвях потрескивают толстые стеариновые свечи — они горят даже ярче, чем настоящие елочные. Тепло в комнате. Там, за стенами, — сорок пять градусов ниже нуля. Но дети ненцев, нганасанов, саха к морозу привыкли с пеленок, пурга выла над их колыбелью, в снегу они играли, едва научившись ходить. Их не манят теплые края, в зной маленьким северянам тяжело, как рыбам на песке. Оголенный, каменистый берег Енисея мил им, как милы украинцу приднепровские степи или грузину — горы Кавказа.

Дети тундры не видели живого кулака и шамана. Их никто и никогда не назовет «инородцами» или «дикарями». Счастье большой человеческой дружбы пришло в тундру и растопило лед недоверия к соседним народам, за века угнетения и бесправия накопившийся в душе северян.

Уменьшаются, тают дома Гольчихи. Уже неразличима фигурка учительницы, долго махавшей нам платком.

«Бурный» выходит в Енисейский залив.

Между дельтой и заливом сначала не заметно особенной разницы. Ширина его местами достигает полутора-двух километров. Мы идем вдоль восточного берега, и, разумеется, западного не видно. Но я не видел берегов и на Большой Переправе. Нет и мощного прилива волн: река сбивает правильное чередование приливов и отливов.

Северная лайка — надежный помощник. Фото из «Северного альбома». Из архива М. Н. Добровольского

Знак Амундсена на мысе Челюскин. 1936 г. Негатив С. Малобицкого. Из фондов КККМ

Ф. Нансен. Фото из книги 1915 г. «Въ страну будущего»

Гур (гурий) — каменный знак, сложенный экспедицией Руала Амудсена на мысе Челюскина. 1938 г. Негатив С. Малобицкого. Из фондов КККМ

У Енисея, как говорят моряки, хороший бар. Бар — это мелководье при впадении реки в море, образованное речными наносами и преграждающее доступ кораблям. Вход же в Енисей свободен — глубины его бара достаточны для самых больших судов.

Все лето в заливе ходят окрашенные в серый цвет пароходы гидрографов. Гидрографы промеряют глубины, строят навигационные знаки — башни-маяки высотой в четырех-пятиэтажный дом. Идущих на Енисей морских гостей встречают лоцманы и ведут мимо подводных скал, огражденных буями, на которых в туман и непогоду то вспыхивают, то гаснут фонари-мигалки.

Нам повстречалось несколько океанских лесовозов. Они торопились в Игарку. Их трюмы были пусты, борта поднялись высоко, и винты за кормой вращались, наполовину высунувшись из воды.

«Бурный» без приключений прошел мимо скалистых Корсаковских островов, миновал бухту Широкую и подошел к мысу Крестовскому. Я заранее договорился, что, если не будет шторма, с «Бурного» спустят здесь шлюпку. Капитан сдержал слово.

На Крестовском сохранились развалины старинного дома с надворными постройками. Вокруг валялись полуистлевшие рыбы кости. В стороне чернели покосившиеся кресты старого кладбища. Кто лежит под ними? Может быть, мангазейцы? Или ценители моря — поморы архангельского Севера? Или, наконец, беглецы, скрывавшиеся здесь от притеснений царя и помещиков?

Следы заброшенных поселений, вроде построек на мысе Крестовском, в низовьях Енисея и у залива встречаются повсюду. На карте устья, составленной в 1745 году, этот далекий край значился густонаселенным. Только на правом берегу дельты я насчитал больше двадцати селений; ныне забыты даже их названия.

Русские люди в начале XVII века прочно обосновались у выхода в океан реки, которую древние жители называли Иоандези и Енасе — «большой водой», «великой рекой». Переименовав старые названия, землепроходцы окрестили реку Енисеем или Енисеей и заложили тут едва ли не самые северные в мире для того времени селения европейцев.

С песком на факторию, за товаром. Фото Н. А. Остроумова 1927 г. Архивные фонды ГАКК

Авиация у плато Путорана. Фото из «Северного альбома». Из архива М. Н. Добровольского

Северные лайки. Фото из «Северного альбома». Из архива М. Н. Добровольского

Но государство не поддержало своих смелых сынов. Голод и цинга опустошили их жилища. Ветер разнес золу очагов, почернели бревна срубов, обвалились крыши. Край опустел.

К богатствам сибирского Севера с давних пор тянулись чужие алчные руки. Первые связки сибирских соболей еще только шли в государеву казну, а английский король Яков Первый уже снаряжал Джона Мерика в Москву, чтобы тот разведал относительно земель восточнее Волги.

При последнем русском царе некий Лойк де Лобель представил проект постройки железной дороги вдоль северных окраин Сибири на таких условиях, которые означали бы переход этих пустующих окраин в руки нью-йоркских дельцов. Проект поддерживал дядя царя — князь Николай Николаевич, купленный Лойк де Лобелем по сходной цене. Уже после революции нашелся черновик записочки, уличавшей царского дядю в этом грязном деле.

Известно и то, что американский миллиардер Рокфеллер хотел приобрести кое-какие земли на Севере — для начала хотя бы Камчатку. Он говорил об этом открыто: продайте, мол, дам хорошую цену. Продало же царское правительство американцам Аляску, почему бы ему не запродать и кусочек Сибири?

Когда народ взял власть в свои руки, господа иностранные капиталисты попытались отнять Сибирь силой. Мы знаем, чем кончилась эта попытка интервенции...

— Белуха! — закричал вахтенный.

Это было уже за мысом Крестовским. В волнах залива неподалеку от судна мелькнуло что-то большое, белое. Чайки тотчас с криками устремились туда. Над водой появилось облачко пара.

С. О. Макаров — вице-адмирал, исследователь Арктики, в 1899 и 1901 году совершил плавание по Енисею на судах «Ермак», «Иоанн Кронштадский», «Лейтенант Малыгин». Его именем назван ледокол

Немного дальше — еще такое же облачко. И еще. Мелькнули серебристо-белые спины нескольких животных. Они с пыхтением и пофыркиванием выдыхали теплый воздух и жадно набирали свежий. Послышался отрывистый рев.

Так вот откуда пошло выражение «реветь белугой»! Рыба белуга, разумеется, никакого рева не издает, но ревущее морское животное многие называют одинаково с рыбой — белугой.

— Штук двести, наверно! — вздохнул капитан, наблюдая неторопливо перекатывающиеся в волнах белые спины. — Эх, нет у нас промысловой снасти! Такое богатство пропадает зря.

Ловят белух сетями, сплетенными из толстых веревок. Белуха, или полярный дельфин, — большое китообразное животное, достигающее пяти-шести метров в длину и весящее почти тонну. Ценен жир и особенно кожа белухи, идущая на передаточные ремни и подошвы. Кочевники тундры очень дорожат этой кожей: даже в сильнейший мороз она не деревенеет, оставаясь гибкой.

Рыбаки зорко следят, не появятся ли где белые спины, похожие издали на барашки волн: белуха обычно идет за косяками рыбы.

Бывает, что в залив врываются огромные стада зверя. Это уже совсем не нравится рыбакам: дельфины рвут рыболовные сети. Зато зверобои ликуют — им удастся добыть сотни туш ценного зверя.

В погоне за рыбой в залив заходят не только белухи. Несколько лет назад радиостанции низовьев Енисея передали сообщение, что вверх по реке движется самый настоящий кит, и множество мелкой рыбы в страхе выбрасывается на берег.

Сначала кита видели ниже Гольчихи, потом он напугал рыбаков за Караулом и наконец оказался возле Дудинки. Тут следы его исчезли. Только неделю спустя рыбаки, обратив внимание на тучи птиц, вившихся у берега, поехали посмотреть, что там такое. В воде лежал мертвый кит. Он распорол себе туловище о подводные камни. Увлечшись охотой за рыбой, кит в азарте проплыл четыреста километров вверх по реке.

Воды Енисейского залива богаты морским зверем. Судя по множеству полуистлевших костей подле старинных зимовий, его промыслили уже первые насельники. Но и в старину, и теперь не столько полярный дельфин, сколько полярная лисица, или песец, привлекает сюда людей.

Зимой мех песца окрашен в цвет девственного снега. Изредка встречается голубой песец, особо ценимый любителями за великолепные дымчатые оттенки. Хорош песцовый воротник — легкий, нарядный, пушистый.

Во время плаванья по реке Пясине, пересекающей Таймырский полуостров восточнее Енисея, мне пришлось как-то ночевать на берегу. Меня разбудил шорох. При бледном свете полуночного солнца я увидел небольшого зверька, покрытого свалявшейся серовато-бурой шерстью. Он принялся к дорожным мешкам с провиантом и, когда я встал, отбежал немного в сторону.

— Это песец, — сказал, позевывая, сосед, которого я растолкал. — Удивительно наглая тварь. Сейчас, когда за его шкуру никто не даст и ломаного гроша, он всюду шныряет в надежде стянуть то, что плохо лежит. Но попробуйте увидеть его зимой. Ого! Я пять лет брожу по тундре и не могу похвалиться, что хотя бы раз встречал этого джентльмена в зимней шубе вот так, запросто, у лагеря. Не беспокойтесь, он знает ей цену! Если бы за его шкурой не охотились, он не дал бы житья в тундре и зимой. Вы знаете, раньше были случаи, когда песцы бросались на ослабевших от цинги людей... У-у, ворюга!

Мой собеседник бросил в песца ком земли. Зверек, отбежав подальше, отрывисто, злобно твякнул и не спеша отправился восвояси.

— Как же этих джентльменов добывают зимой?

— После, после... Спите, скоро подъем. — И мой сосед, на всякий случай подтянув мешки ближе к костру, растянулся на шкуре.

Назавтра он повел меня к бугру в стороне от реки. Там был плотно забит невысокий — немного выше колена — двойной частокол из деревянных кольев. Над ним, на легких подпорках, к которым привязывается приманка, было укреплено бревно. Дернешь за приманку — бревно падает. Все это сооружение называлось «пасть». Трудно представить себе более простую ловушку.

Этот способ лова, существующий, вероятно, столетия, не так плох, как может показаться сначала. Застрелить песца трудно: зимой самый острый глаз с трудом различит зверька на белом фоне тундры даже в десяти шагах. Капкан заносит снегом; кроме того, прожорливые звери могут оставить от попавшего в беду сородича только кости да пушистый хвост. А бревно «пасти», выдолбленное корытом, часто накрывает песца целиком; любителям полакомиться остается только ходить вокруг и облизываться.

В начале зимы охотник за песцами объезжает свой участок, занимающий иногда сотни квадратных километров, и закладывает приманку в ловушки. В самую темную пору, когда в тундре воет пурга, охотник, или, как его называют на Севере, промышленник, день за днем бесстрашно кружит между «пастями», собирая добычу.

Он один в тундре, с ним только олени или собаки. Часто ночь застает его в «куропачьем чуме» — он зарывается в снег, как куропатка, и ждет там до тех пор, пока не перестанет бушевать пурга. Рядом с ним зарываются собаки.

Песцы живут в норах на сухих песчаных холмиках. Обычно нора устроена просто, но среди песцов попадаются любители удобств, сооружающие себе квартиру с несколькими выходами, гнездом-спальней и теплой подземной уборной для молодого поколения.

Основная пища песца — мышевидные грызуны лемминги. Он добывает их даже зимой, ловко разгребая снег.

Юраки пьют чай в чуме. Гольчиха. Фото Н. А. Остроумова июль 1926 г. Архивные фонды ГАКК

Летом песец почти безнаказанно разбойничает в тундре. Он разоряет птичьи гнезда, оставляя там лишь скорлупу, ловит птенцов, подкарауливает даже таких сильных птиц, как гуси. Только совы и вороны могут быть спокойны: песец побаивается их клювов и благоразумно обходит гнезда этих птиц стороной.

Песец хитер и ловок. Заройте продукты в землю, привалите камень — зверьки найдут способ сообща сдвинуть его. Положите лакомый кусок на высокий столб — песцы подроют его и свалят.

Попав в капкан, зверек не дается живьем в руки охотника, и только удар деревянной лопаточкой по носу навсегда прекращает его сопротивление. Были случаи, когда песец, попав в капкан, отгрызал себе лапу и уходил на волю.

Когда я вижу ослепительно белый мех песка, мне всегда вспоминается пустынный берег речки, спящая тундра, освещенная желтым полуночным солнцем, и некрасивый зверек с буровой, свалявшейся шерстью.

От бухты Баргузина, расположенной несколько севернее мыса Крестовского, скалистый правый берег не лишен привлекательности. Нам повезло: держалась ясная погода, и залив, обычно свинцово-серый, на этот раз радовал голубизной. Там, где вода сливалась с небом, узкой жемчужной полоской стлался туман. Оттуда, напоминая о далекой буре, катились крупные гладкие волны. Они разбивались белой пеной у скал. В расселинах, куда не проникали косые лучи осеннего солнца, густо чернели тени.

Пятна снега, красноватый камень, голубое небо, бирюзовая вода — какая чудесная игра чистых, незамутненных красок!

В небольшой бухте, у поселка в три дома, мы заметили легкий самолет. Это была база геологической экспедиции. Здесь нам предстояло сгрузить несколько тяжелых ящиков с буровым оборудованием и взять ящики с образцами горных пород.

В одном из домов я застал трех молодых летчиков полярной авиации. Их на время прикомандировали к экспедиции. Я попросил рассказать о работе в Арктике.

— Да нет у нас ничего такого. Ну, летаем, конечно. Так ведь это наша профессия.

— Но случаи, случаи-то интересные бывают у вас?

— Случаи? То есть происшествия?.. Слава богу, почти изжили.

— Расскажите хотя бы о последнем рейсе.

— Чего же тут рассказывать! Ну, возили рыбакам соль на озера в тундру.

— На самолете?

— На чем же еще? Туда больше ни на чем не попадешь. Вот, взгляните на карту.

Озеро синело в таком месте, про которое обычно говорят «медвежий угол».

— А как погода? Благоприятствовала?

Все трое с недоумением посмотрели на меня:

— Так ведь здесь Таймыр, Арктика. Погоду пережить не приходится.

— А если аэродром не может принять?

Тут мои собеседники расхохотались.

— Видите ли, — сказал один из них, — дело в том, что мы садимся на озерах, в кустах, в тундре, на колесах, на лыжах — одним словом, применительно к обстоятельствам. Реже всего — на аэродромах... Вот, скажем, Гриша — сколько он сделал посадок?

— Шестьсот пятьдесят, — подсказал другой.

— Шестьсот пятьдесят. Это мы считаем только посадки в тундре. Где сел — там и аэродром. Сам выбирай! С воздуха в тундре все красиво, все ровно. Но тут нюх особый нужен, шестое чувство...

...Вверх по реке плыл кит. Художник К. Арцеулов

Разговор стал, как будто, налаживаться. Мои собеседники жаловались: люди разбрелись по тундре, работают в самых немыслимых местах и требуют, чтобы им и газеты свежие были, и то и се. Иногда летчик, который обслуживает какой-нибудь изыскательский отряд, за день в двадцать мест слетает. Сегодня ночует в одной палатке, завтра — в другой, за сто километров, послезавтра летит с начальником на дальнюю базу. Так — все лето.

А колхозы? Их просьбы тоже нужно уважить. То сети просят доставить, то учителя из отпуска привезти, то районного ветеринара — с оленями что-то неладно. А рожиц сколько в город доставили! Нет, хлопотная работа у полярной авиации на Таймыре!

— А про Лапика вы уже рассказывали? — вдруг сказал молчавший до сих пор третий летчик.

— Да ведь обычная история...

Но я все же попросил рассказать. Вот эта обычная история еще об одной встрече Нового года в Арктике. Героем этой истории был летчик полярной авиации Главного управления Северного морского пути Павел Павлович Лапик.

Населенный пункт Охотник принадлежал к числу тех селений Таймыра, где тундра недавно притоптана человеком. Расположенный у самого побережья Северного Ледовитого океана, он еще только обстраивался. Народ тут жил пока бедновато, по-походному — без больших клубов, без кино, даже без больницы.

Несчастье произошло во второй половине дня, в канун Нового года. Один из строителей сильно поранил себе руку. Хирурга в поселке не было. Молодой врач, оценив серьезность положения, настоял, чтобы тотчас была послана радиограмма на Большую землю.

Радиограмму приняли в бревенчатом доме, где помещалось Управление отряда полярной авиации. Дом к этому часу уже опустел: все разошлись, готовясь к новогодней вечеринке. Дежурный позвонил начальнику. Начальник срочно вызвал Лапика.

Лапик знал, что вызов в такую пору не предвещает ничего хорошего. Он со вздохом посмотрел на отлично выглаженную сорочку, на слежавшийся парадный костюм; на ботинки, которые зимой большинству жителей Таймыра нужны только в торжественных случаях, и, натянув на ноги меховые «чертоходы», отправился к начальству.

— Надо лететь в Охотник, — сказал начальник строго и веско, чтобы не допустить возражений.

— К полудню машина будет готова, — осторожно ответил летчик.

— Вы меня не поняли. Надо лететь сейчас...

Начальник знал, что значит полет в декабрьскую ночь. Летчик знал тоже. До Охотника было примерно тысяча триста километров. Мела пурга. А в столовой, наверно, уже накрывали праздничный стол, расставляя разные вкусные вещи, припрятанные еще с конца навигации...

За полтора часа до наступления Нового года машина Лапика снизилась над пунктом Охотник. Пострадавший сильно ослабел. Его принесли к самолету на носилках.

Через двадцать минут Лапик взлетел. Его самолет был один над Таймыром, может быть, один во всем небе над Арктикой: кого понесет нелегкая в такую ночь!

Внизу было темно, вверху было темно, в кабине было темно — лишь голубоватым светом мерцали циферблаты приборов. Из выхлопных патрубков моторов вырывались огни отработанного газа.

Летчик вел самолет по звездам. Внезапно звезды скрылись. Лапик включил фары. Они вырвали из тьмы стремительно бегущие хлопья облаков. Иней затянул стекла кабины. Потом Лапик увидел ленты слабого северного сияния. Они извивались в той стороне, где стыл океан. Крепко морозило. Хоть бы один огонек внизу, пусть самый тусклый...

Б. Я. Рязов. Бухта. Х.м. 1976-1979 гг.

Летчик посмотрел на часы. Без двадцати двенадцать. Там, за праздничным столом, провожают уже старый год. А тут висит в воздухе над этой мертвой тундрой. К чувству беспокойства за больного прибавилось ощущение одиночества, чуть не жалости к самому себе.

Лапик включил автопилот и пошел в кабину. Больной лежал с открытыми глазами.

— Испортил я вам Новый год, — виновато сказал он.

Лапик протестующе замахал руками:

— Что вы...

Летчик был обычным человеком, любил праздники, любил друзей. Он знал, конечно, что выполняет долг, но все-таки ему очень хотелось бы сидеть сейчас за праздничным столом, слушать болтовню товарищей. Поздравив пассажира с наступающим праздником, летчик вернулся к штурвалу, чувствуя себя особенно одиноким.

Вдруг заговорил эфир: «Товарищ Лапик, с наступающим! Желаем удачи. Может, завернете к нам? Погода есть». Это была радиограмма с острова Диксон.

«Следим за вашим полетом, пьем ваше здоровье, здоровье больного», — сообщила бухта Тикси.

«Арктический новогодний привет от моржей полярной станции мыса...»

Перебивая друг друга, летчика поздравляли знакомые и незнакомые. Поздравляла Игарка, зимовка Черная, Усть-Порт, снова Диксон.

Таймыр, огромный Таймыр, следил за одинокой машиной, несущейся в новогоднюю ночь над тундрой!

В пять часов утра Павел Лапик сел на снежном аэродроме. Санитарная машина и хирург уже ждали самолет. Больной был слаб, но врач сказал, что перелет он перенес молодцом и жизнь его вне опасности.

— Давай скорей, — сказал летчику дежурный техник, когда санитарная машина, мелькнув красным огоньком, умчалась. — Ребята заждались тебя в столовой...

Глава XXIV

ПЕРЕКРЕСТОК ВЕЛИКИХ ДОРОГ

В гавани Диксона. — Закон полярного гостеприимства. — Могила Тессема. —
Над синоптической картой. — О путешественниках и купце. — Историческая тетрадь. —
Поединок с линкором. — Зов Сибири

Первые плавучие льдины, пригнанные ветром из Карского моря, мы встретили у мыса Ефремов Камень. Небольшой тюлень нырял в гребни волн. Все ощутимее чувствовалась близость открытого моря.

— Диксон!

Наконец-то! В стеклах бинокля дрожали черточки радиомачт. Значит, часа через два мы будем там.

Но через час я снова смотрел в бинокль, а радиомачты как будто не стали ближе. Поразительная прозрачность и чистота воздуха, свободного от пыли, обманули меня. К Диксону мы подошли только через несколько часов.

На пологом каменистом берегу стояли большие двухэтажные дома. Утюгообразный ледокол дымил на рейде высокими трубами. В бухте стояло много других кораблей, больших и малых. Сюда, на перекресток великого Северного морского пути и великой речной дороги, явились посланцы чуть не всех гаваней наших морей и зарубежные гости.

Два узких пролива — Превен и Лена — отделяли гавань Диксона от моря. В море были льды. Их синеватые глыбы протиснулись и в бухту. Мы проплыли мимо одной из них, совсем лазоревой, с вытянувшейся буроватой солью. Над ее выступившей вперед подводной частью мелькали тени рыб.

«Бурный» встал между двумя океанскими лесовозами. Парень в тельняшке свесился с борта одного из них и сделал вид, что хочет достать рукой верхушку нашей мачты. Мы молча проглотили обиду: мачта была ниже борта, где стоял шутник.

Распрощавшись со своими спутниками, я спрыгнул со шлюпки «Бурного» на камни Диксона. Камни были покрыты собачьей шерстью: ездовые псы терлись о них. Сильно прихрамывающая собака подошла ко мне и потянула носом воздух.

— Это свои, Краля... — сказал человек в ватной телогрейке. — Краля у нас полусобака-полуволок. Ногу повредила в песцовом капкане... Вы с Енисея? Завтракали? Гостиница и ресторан вон там. Могу проводить.

На советском Севере незыблем закон полярного гостеприимства: раньше всего накормить гостя, набить его трубку, если у него вышел табак, дать ему свою одежду, если его промокла. Не только из каюты моторного бота, но и из тундры, и не теплым осенним днем, а январской ночью приходят люди на Диксон. Они брели, утопая в снегу, пурга сбивала их с ног, они давно уже не видели дыма человеческого жилья — и вдруг оказываются среди людей, незнакомых, но уже родных, и за ними ухаживают наперебой, кладут на тарелку лучшие куски, подливают вино.

Диксон уже давно не зимовка с двумя-тремя домишками. Это порт и городок. Тут есть клуб, магазины, средняя школа, своя телефонная станция и своя печатная газета. Есть даже «парк культуры и отдыха» — палисадник с грядкой анютиных глазок. В этом «парке» на скамеечке полярные летчики, готовясь разведывать льды для проводки кораблей, толковали со зверобоями, пришедшими в гости с мыса Двух Медведей. Тут же бродил в крохотных меховых сапогах черноглазый Вовка — самый молодой диксоновец. Вовка с воинственным криком бросался на псов. Псы покорно сносили его наскоки.

Вовкина мать кричала из окна:

— Вовка! Тебе говорю, перестань! Посмотри, весь в шерсти, срам-то какой!

Молодой радист, отпустивший дремучую бородищу на одном из островов далеко в океане и собиравшийся завтра вылететь домой, в Красноярск, рассказывал, поглядывая в мою сторону:

— И представьте, мы этого прирученного белого медведя даже курить выучили...

Сидевший рядом моряк засопел и пробормотал, ни к кому не обращаясь:

— Кхе-кхе! Не слышал, чтобы медведи курили. Кхе-кхе! Нет, не слышал, хоть и двадцать три года на Севере плаваю.

Но радист хитренько подмигнул ему: он предназначал свой «охотничий» рассказ для меня и еще для двух явных новичков, смотревших на него во все глаза.

Я побывал в радиоцентре и поговорил по радиотелефону с Москвой. Потом в теплице, землю для которой привезли на пароходе из Архангельска, мне показали огурцы и лук, но отведать их не предложили: во время полярной навигации на Диксоне столько гостей, что на всех свежей зелени не напасешься.

По дороге к высокому, с башенкой, зданию Управления порта я неожиданно увидел простой деревянный крест над грудой камней.

«Тессем, 1920, «Мод», Норвегия», — прочел я на прибитой к нему дощечке.

Б. Я. Рязов. Бухта. 1976-1979 гг. х. м.

Казалось невероятным, что спутник Амундсена погиб именно здесь, у самой цели. В последние свои минуты он мог видеть радиомачты, может быть, дым зимовки. Тут и нашел его останки боцман Бегичев, спящий теперь вечным сном в такой же могиле на берегу океана...

Я заглянул к диксоновским синоптикам — знатокам погоды и климата. В их комнатах нет сложных приборов. Зато много карт — целые кипы. Несколько раз в день радисты присылают синоптикам бумажные свитки, покрытые не словами, а множеством цифр. Нужно безошибочно расшифровать эти цифры, в которых — снегопад над Аляской, ветер на Камчатке, похолодание в Гренландии, метель на дрейфующей станции «Северный полюс 5» и многое другое, из чего в конце концов и складывается погода на северной половине планеты на такой-то час такого-то числа.

Расшифровать цифры нужно быстро, не заглядывая ни в какие таблицы, и тотчас нанести полученные сведения на карту. Синоптики ловко действуют особыми ручками с двумя перьями: для красной и черной туши, чертя цифры, запятые, кружки, закорючки.

Карта готова. Она отражает то, что было. Теперь надо узнать то, что будет, заглянуть вперед, обогнать время.

Карты покрываются зелеными, желтыми, синими, красными штрихами, треугольниками, стрелками. Плавно изгибаются изобары — линии, соединяющие места с одинаковым давлением. Из хаоса значков все отчетливее проступает картина движения воздушных масс, несущих тепло, холод, влагу.

Теперь знатоки погоды внимательно сравнивают ее с той, что была на карте, составленной несколько часов назад, вчера вечером, вчера утром, позавчера. Из этого сравнения постепенно становится ясным, куда и с какой скоростью движутся воздушные массы, когда они достигнут такого-то пункта и что могут принести туда с собой.

Так рождается прогноз погоды. По радио летит предупреждение кораблям о надвигающемся шторме; полярных овощеводов извещают о скором заморозке; штурману самолета вручают сводку возможных помех во время воздушного рейса на дрейфующую станцию.

Синоптики сказали мне, что, хотя Диксон севернее Туруханска почти на тысячу километров, зима здесь гораздо теплее. Диксоновский климат смягчают воды Карского моря. В Туруханске же чувствуется влияние мирового полюса холода — морозы там иногда превышают пятьдесят градусов.

От диксоновских синоптиков я впервые узнал, что на правом и левом берегах Енисея может быть разная погода: нагреваемый его широкой водной лентой воздух встает иногда стеной на пути медленно передвигающихся масс холодного воздуха; задерживает их «переправу» через реку.

Синоптики уверяли меня, что надо говорить не «остров Диксон», а «остров Диксона».

Но кто же такой Диксон и почему его именем назван клочок русской земли? Полярный мореплаватель? Или так назывался корабль, с мачты которого дозорный впервые увидел берега острова? Или это имя ученого, прославившегося своими исследованиями в Арктике?

Вот что писал Норденшельд по поводу острова и его удобной гавани:

«Гавань, где стоял теперь корабль на якоре, обозначена мной на карте именем того мецената, который уже и прежде так великодушно поддерживал наши исследования в северных морях, приняв на себя издержки по снаряжению экспедиции...»

Проще говоря, гавань и остров были названы в честь купца Оскара Диксона, давшего некоторую сумму денег знаменитому путешественнику.

Вряд ли купец заслужил такую честь. Остров был известен русским задолго до появления в северных водах корабля Норденшельда. Сюда плавали енисейские казаки, и по имени одного из них нынешние острова Сибирякова и Диксона назывались Кузькиными.

Полярный летчик
Б. Г. Чухновский

А. М. Сибиряков

Летчик А. Д. Алексеев,
один из первопроходцев
северных воздушных
путей

Пилот Я. С. Липп,
первооткрыватель
воздушных трасс в Туру,
Байкит и Диксон

Красноярские летчики, покорители северного полюса.
Коллаж из газеты «Красноярский рабочий» 1937 г.

Оскар Диксон, организатор
полярных экспедиций.
Его именем назван остров
в Карском море

Позже, в 1738 году, около нынешнего острова Диксон плавал славный штурман Федор Минин, участник Великой Северной экспедиции.

Эти люди рисковали жизнью в тяжелых ледовых походах. А чем рисковал купец Диксон? На худой случай — потерей части своих богатств. Так почему же остров называется островом Диксон? Несправедливо!

В будущем на Диксоне несомненно устроят музей. Среди его экспонатов почетное место займет небольшая тетрадь, которая сейчас хранится в Ленинграде. На ее обложке написано: «Историческая тетрадь отзывов и пожеланий о-ву Диксон. Начата в августе 1912 года».

Посетители будут бережно перелистывать изрядно потрепанные страницы.

«Пароход «Лена» прибыл в семь часов вечера, — прочтут они первую запись. — При осмотре амбара оказалось, что в нем находится уголь, тачки, лопаты, ящики, порванные сауи (меховая одежда). Пакета с документами не оказалось».

Экспедиция на «Лене», которая завела эту историческую тетрадь, рассчитывала найти в угольном складе острова следы его посещения полярными экспедициями. Остров был еще безлюден.

Вторая страница. Здесь оставили записи спутники Нансена, в 1912 году вместе с ним начавшие с Диксона плавание вверх по Енисею до Красноярска.

«Капитан К. Мецайк». Его подпись стоит под сообщением о важном событии: на Диксоне построены радиостанция и база для помощи «Таймыру» и «Вайгачу». Вот и авто-

Почту привезли. Фото из «Северного альбома» из архива М. Н. Добровольского

графы самих участников экспедиции Северного Ледовитого океана, вырвавшейся из ледового плена: «Капитан 2-го ранга Вилькицкий, Евгенов, доктор Старокадомский».

Но будем смотреть дальше. Ба! Оказывается, на Диксон пожаловал не кто иной, как сам господин туруханский пристав, оставивший роспись с немыслимой закорючкой. Наверно, он искал здесь ссыльных, которые могли бежать к океану.

Далее следует надпись на норвежском языке:

«Хеймен» вышел в экспедицию из Тромсе на мыс Вильда в Сибири узнать положение Кнутсена и Тессема.

Ледяной мичман Оле Гансен из Гаммерфеста».

Снова записи, даты, фамилии. А это что за рисунок? Нечто вроде выпученного глаза. Под рисунком написано: «Дифракционная корона вокруг луны, сопровождаемая беспрельдно унылым вытьем собак, часть коих упряталась в конуры». Это записал первый наблюдатель-метеоролог, видимо, скучавший на Диксоне. Да и как было не скучать: в 1923 году на острове зимовало всего восемь человек.

«Все мы твердо уверены, что порт Диксона в ближайшие же годы превратится не только в важный морской, но и в хорошо оборудованный воздушный порт».

Это написали побывавшие здесь в 1929 году летчики Чухновский и Алексеев, пионеры полярной авиации. Они не ошиблись: Диксон стал одной из промежуточных баз для полетов на Северный полюс, на дрейфующие научно-исследовательские станции.

В 1932 году в тетради появилась краткая запись:

«На «Сибирякове» — Шмидт, Визе, Воронин».

В тот год ледокол «Сибиряков» прошел за одну навигацию Северный морской путь с запада на восток, решив задачу, впервые поставленную перед мореплавателями за триста семьдесят девять лет до этого.

Есть в тетради и подпись писателя Бориса Горбатова, зимовавшего на острове.

Историческая тетрадь пестрит именами знаменитых капитанов и прославленных летчиков, охотников, пришедших из тундры, и артистов Большого театра, прилетавших сюда на концерт из Москвы; в ней есть записи о кораблях, посетивших гавань, о постройке обсерватории и оранжереи, об удачной охоте на белых медведей, о первых детях, родившихся на острове, и о многих других больших и малых событиях.

Я бы вписал в тетрадь выдержки из письма, посланного известным полярником Арфеием Ивановичем Минеевым своему другу во время войны. Вот они:

«Это произошло 27 августа 1942 года в 1 час 30 минут ночи.

В этот поздний час, когда над островом царил торжественная тишина ночи, раздался сигнал тревоги. С наблюдательного поста мне сообщили, что на горизонте показался неизвестный корабль. Не прошло и десяти минут, как вооруженные отряды диксоновцев заняли отведенные участки обороны.

Корабль уже совсем близко, в двух милях от берега.

Передо мною стоял немецкий линкор «Адмирал Шеер», оснащенный двадцатью восемью орудиями, десятью крупнокалиберными пулеметами и восемью торпедными аппаратами!

«Что же будет дальше?» — подумал я. И в то же мгновение короткие, как блеск молнии, в разных концах корабля почти одновременно взметнулись огненно-красные вспышки. Оглушительные звуки разрывов потрясли воздух.

Первые же снаряды полностью уничтожили «туманную станцию», где стоял «ревун», предупреждающий корабли о близости берега. В момент обстрела на «туманной станции» находилась большая группа промышленников. Вместе с ними были жены и дети. И все они, до единого человека, погибли под обломками разбитой снарядами станции.

Метеостанция. Фото из «Северного альбома» из архива М. Н. Добровольского

Затем линкор перенес огонь на баню и электрическую станцию, на жилые дома диксоновцев.

И вдруг с берега заговорила пушка. Ее выстрелы были негромки, едва различимы в грохоте канонады.

Это вступил в единоборство с линкором молодой артиллерист Николай Корняков, которого вместе с его устаревшей пушкой, давно уже снятой с вооружения, мы должны были отправить с первым попутным кораблем.

Корняков бил по линкору методически, с равными интервалами между выстрелами. Он тщательно целился и действовал при этом с поразительным спокойствием. У него было мало снарядов, и он бережно расходовал их. Он не замечал ни взрывов, ни осколков. Перед ним была цель, которую надо поразить как можно скорее.

Мы отлично видели, как все шесть снарядов, пущенных с берега, дали прямые попадания. Но последние три выстрела были решающими в этом небывалом поединке человека с линкором: все три снаряда угодили в корму.

Сквозь клубы черного, плотного дыма, мгновенно окутавшего корабль, рванулись языки пламени. Тогда линкор пустил дымовую завесу. Струи дыма вылились на поверхность воды, скрыв за собой очертания линкора. «Адмирал Шеер» под прикрытием дымовой завесы поспешил покинуть гавань острова Диксон. Когда завеса растаяла в воздухе, линкора уже не было видно».

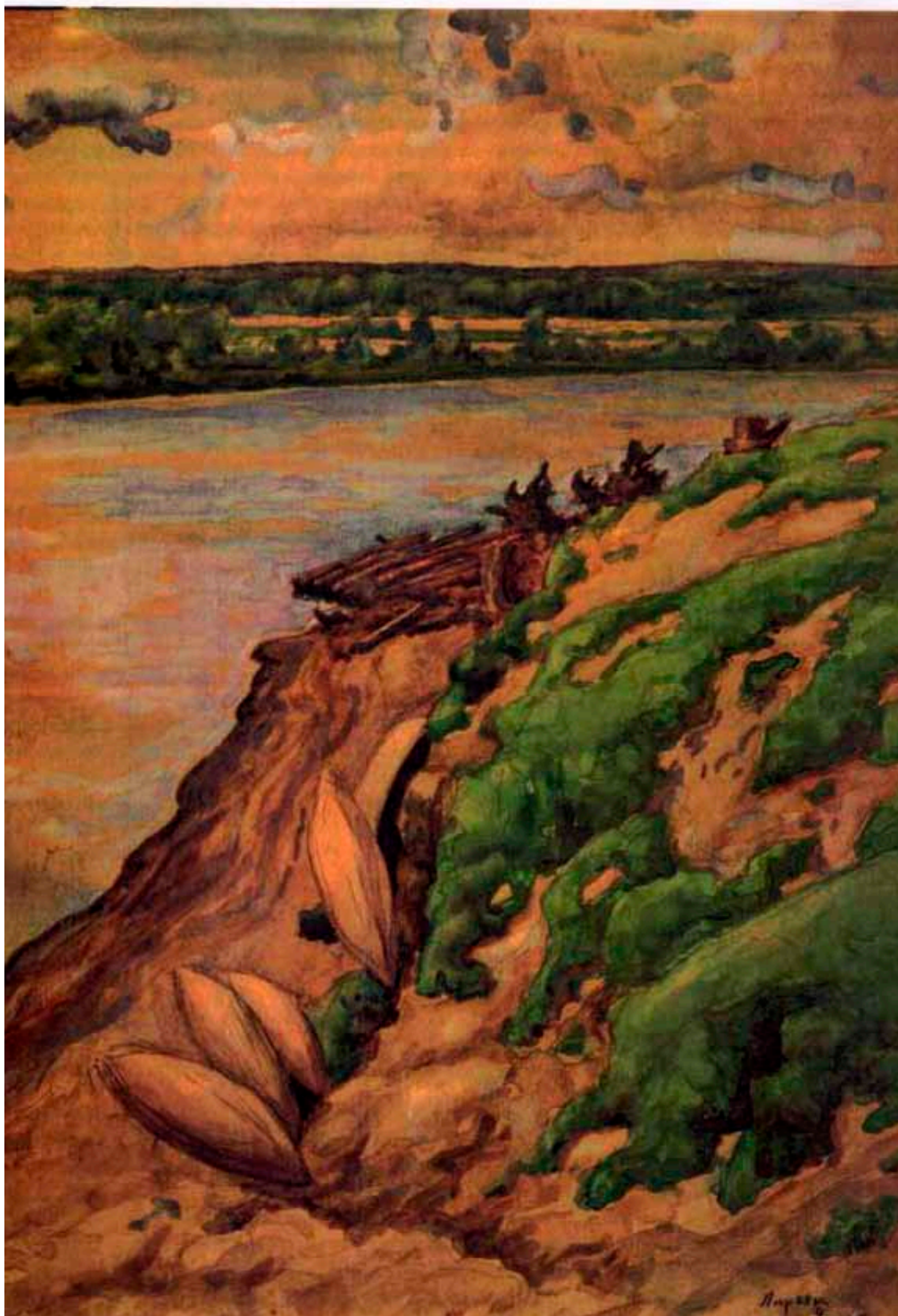
Я бы вписал в историческую тетрадь Диксона и короткие рассказы о том, как через его бухту проходили караваны речных судов, совершивших смелые арктические переходы с Волги на Енисей. Я бы описал в ней ту будничную и очень важную работу, которую выполнили диксоновцы, готовя воздушные корабли к полетам на Северный полюс и дрейфующие научно-исследовательские станции. Я бы... Но обитатели Диксона, наверно, и без моих советов найдут сколько угодно ярких событий, достойных внесения в летопись острова.

Отлет назначен через час.

Я сижу на берегу Бухты летчиков. Серебристая машина ждет нас на темно-зеленой воде. Механики осматривают моторы.

Немецкий крейсер «Адмирал Шеер», обстрелявший поселок Диксон 27 августа 1942 г.

Д. И. Каратанов. Ларьяк. Берег реки Вах. Бум., акв. 47.5х37.0 начало XX века. Из архива А. Л. Яворского

Скоро я снова увижу Енисей. Он пронесется под крылом летящего на юг самолета. На гигантской немой карте внизу я буду по очертаниям узнавать знакомые острова, протоки, селения.

Енисей, брат океана...

Мы не мыслим себе Великую Русскую равнину без Волги. Точно так же нельзя отнять у Сибири ее буйного, налитого дерзкой силой, любимого сына. Щедро придвинула Сибирь к его берегам непаханные степи, набитые углем и железом кладовые недр, немеряную тайгу, размахнувшуюся на весь север Азии тундру.

Долго не доходили до всего этого руки народа. Столетия оставалась Сибирь окайненным краем, «складочным местом российской драмы».

Нет больше такой Сибири. Есть край-богатырь, к которому все пристальнее обращает взоры наш великий народ. Да, это страна будущего! В ее реках переливается восемь десятых той чудодейственной силы вод, которую страна может использовать в турбинах гидроэлектростанций. Половина наших залежей железа, три четверти наших запасов угля, три четверти лесов страны, большая часть целинных земель — вот что такое Сибирь!

Партия давно провидела завтрашний день Сибири. Партия создавала, крепила опорные бастионы сибирской тяжелой индустрии и энергетики. Теперь от них взят захватывающий дух разбег в будущее.

Все яснее вырисовываются контуры Сибири электрической, пересеченной линиями Единой Высоковольтной Сети. Рядом с гигантскими гидроэлектростанциями, которые уже строятся, будут работать атомные электроцентрали. Атомные взрывы расколют, размельчат хребты на трассах великих сибирских каналов. Освобожденные для созидания внутриядерные силы помогут нам повернуть сибирские реки, победить вечную мерзлоту, сделать множество других сказочно прекрасных дел, возвеличивающих человека. И, может быть, именно в глуши тунгусской тайги, куда упал некогда посланец далеких миров, будет дан старт первому межпланетному кораблю...

Разверните карту Сибири в те часы, когда отзвучат речи на выпускном вечере и манящая дорога в большой мир откроется перед вами. Пусть оживет для вас эта карта, пусть пахнет на вас сибирским раздольем. Может, послышится вам и всплеск енисейской волны, шелест ветра в вершинах древних кедров, буйный гул весеннего ледохода.

Полная, умная, смелая жизнь пришла в Сибирь.

Партия говорит вам, молодым: дерзайте, стройте, пополняйте ряды преобразователей сибирской земли!

Как же может не откликнуться на ее призыв тот, кто не ищет легких путей, в ком течет горячая кровь, у кого в голове теснятся мечты о дальних странствиях, о борьбе с неподатливой природой, о труде упорном, тяжелом, но благодарном!

51757 / 26 331 ♀
✓ K. 222

ГЕОРГИЙ КУБЛИЦКИЙ

ЕНИСЕЙ, РЕКА СИБИРСКАЯ

ДЕТГИЗ ~ 1956

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЛАВА 1 СКАЛОЛАЗЫ

Медведь. — На «Аэлите». — «Столбисты». — Пыхтун. — Избушки под скалами. — «Катушка». — Гордая надпись. — Что видно с вершины сопки. — На перекрестке воздушных дорог. — Самолет летит в Туву

* Объем книги не позволяет под одной обложкой уместить оба издания. Редакционная коллегия решила поместить три главы первого издания книги «Енисей. Река Сибирская» 1949 года по причине значительного текстового отличия данных глав (или сокращений, сделанных автором) от второго издания 1956 года.

Г. КУБЛИЦКИЙ

Енисей, река сибирская

ДЕТГИЗ 1949

...Мне лет шесть или семь, и я первый раз плыву на пароходе «Лена». Капитан — наш знакомый. Мне можно заходить к нему в каюту. Там на полу лежит пушистая белая шкура. Это белый медведь. В каюте много других интересных вещей: рога северных оленей, обросшие шерстью, большие блестящие часы, бинокль, картинки, на которых нарисованы корабли, плывущие по волнам.

Река, по которой мы путешествуем, очень большая. Все на пароходе говорят, что теперь наводнение. Я вижу крыши деревянных изб, торчащие прямо из воды. Между ними плавают на лодках. Вот чудеса! Солнце светит тускло, на него не больно смотреть: это потому, что горит тайга. Когда ветер дует с берега, от дыма слезятся глаза, но зато он отгоняет комаров, которые так и вьются над пароходом. Вечером на лесные пожары смотреть очень интересно: как будто в горах бежит много золотистых змеек.

Один раз на пароходе стали кричать: «Медведь! Медведь!» Мы с сестрой, конечно, выскочили из каюты. И верно, недалеко плыло что-то черное. Капитан принес ружье и стал целиться. Сестра зажала уши. Капитан стрелял два раза, но промахнулся. А останавливать пароход не стали. Капитан сказал, что косолапый мишка, видно, удирал от пожара на другой берег. Он сказал еще, что весной медведь линяет, шкура у него все равно никуда не годится, и поэтому не стоило даже хорошенько прицеливаться. Наверное, капитану было обидно за свой промах.

С этой поездки и началось мое знакомство с Енисеем.

Мы жили тогда в Красноярске — самом большом городе на этой реке. Но, по правде сказать, это был небольшой город. Шумнее всего бывало на вокзале, когда встречали поезд, на базарной площади и на пристани. Около пристани было особеннолюдно: постоянно толпились рыбаки, ломовые извозчики привозили какие-то ящики, откуда-то издаleка приходили пароходы. Грузчики ухали хором: «Эх, раз! А ну, давай», а когда дела не предвиделось, играли с извозчиками в шашки, причем шашечных досок не было, черные и белые клетки вырезались прямо на деревянном тротуаре, и прохожим приходилось обходить играющих.

Едва наступала весна, мы, школьники, бегали после уроков на реку узнавать, не тронулся ли лед. Да что школьники! Когда городская электростанция начинала тревожно гудеть и на каланче ударяли в набат, возвещая о ледоходе, все горожане, даже старики, спешили к реке. Было жутко и весело смотреть, что там делалось. Огромные, толстые льдины громоздились выше двухэтажного дома, с грохотом разламывались, выползали на берег, разворачивали камни набережной. В толпе ахали, а старики говорили, что это еще что — им доводилось видеть и не такие ледоходы.

Ниже города лед иногда застревал в мелкой протоке. Между берегом и островом получалась ледовая плотина, вода начинала быстро прибывать, заливая огороды и домики окраин.

Тогда на гору вблизи военного городка выезжали артиллеристы и начинали палить из пушек. Снаряды помогали реке рвать преграду.

Но вот река уносила последние льдины, и сразу становилось теплее. У моего товарища была лодка, длинная и узкая, как индейская пирога. Белой краской на ее носу было написано «Аэлита». Мы плавали по реке возле города. Интереснее всего было переплывать на остров и, оставляя следы на влажном песке, играть в дикарей и Робинзона.

Иногда мы отваживались и на далекие плаванья, и тогда перед нами открывались красивые окрестности города. С лодки хорошо была видна дорога на дачи, высеченная в ска-

лах левого берега. По ней мчались игрушечные велосипедисты. Мы знали, что высокая гора за рекой, напоминающая потухший вулкан, называется Черной сопкой. А вот далеко в реку выдается, точно нависая над водой, скала: это Шалуний бык. Быками на Енисее называют выдвинувшиеся в реку утесы. У быка вода бурлит, кипит, крутит воронками. Туда нельзя подплывать на лодке — мигом перевернет.

В школе учитель географии Вениамин Иванович сказал нам, что Енисей очень велик и что его длина — это я хорошо запомнил — 3807 километров.

Вениамин Иванович рассказывал, что, кроме Красноярска, на Енисее стоят еще два города — Минусинск и Енисейск, что иногда пароходы спускаются вниз по реке, где лишь крохотные рыбацкие поселки разбросаны среди безлюдной тундры. Однажды в конце урока он достал какую-то книжку и начал читать:

— «Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей — могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. На Енисее... жизнь началась стоном, а кончится удачью, какая нам и во сне не снилась».

Вениамин Иванович сделал короткую паузу и продолжал громко и как-то особенно торжественно:

— «Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

Учитель остановился и оглядел нас, заинтересованных и притихших.

— Незабвенный Антон Павлович Чехов, — продолжал Вениамин Иванович, и глаза его блестели, — проездом на Сахалин был в нашем городе и написал эти прекрасные

Енисей, окрестности Красноярска. Караульный Бык. Из фондов КККМ

Шалонин бык. Окрестности Красноярска. Фото из архива А. Л. Яворского

Разрушение Шалонина быка. Окрестности Красноярска 24.05.1959 г. Фото из архива А. Л. Яворского

слова. Он чувствовал, что не вечно люди будут страдать и мучиться. Вы знаете, что к нам в Сибирь царь ссылал борцов за счастье народа. Им было трудно, но они продолжали свое великое дело. Благодаря им и настала теперь другая пора — та, о которой мечтали все лучшие люди России, — пора умной, полной и смелой жизни!

Мы были удивлены и обрадованы. Оказывается, тот самый писатель, который сочинил «Каштанку», писал и о нашей реке. Живо представилось, как он стоит на берегу Енисея и сквозь стекла пенсне смотрит на обгоняющие друг друга волны, на дымчатые горы за рекой. А рядом — запыленный дорожный тарантас, и ямщик дремлет в ожидании переправы...

После урока ребята, не стовариваясь, отправились на берег. Но мы не бросали, как обычно, камни в воду — кто дальше кинет. Нам казалось, что сегодня это делать неловко, нехорошо.

В нашей школе было много опытных «столбистов». «Столбы» — это знаменитый заповедник в окрестностях Красноярска, на правом берегу реки, а «столбисты» — это люди, которые часто ходят в заповедник, знают там каждый уголок и умеют... Но об этом речь дальше.

Лучшими столбистами школы считались братья Абалаковы из VI класса «Б». Однако они ходили со своей компанией и не очень-то охотно принимали в нее новичков. Поэтому, собравшись во время летних каникул первый раз на Столбы, мы решили идти втроем: Миша, Виктор и я.

Приготовления к походу заняли немало времени. Нужно было найти старые калоши и крепкие бечевки для того, чтобы эти калоши не болтались на ноге. Затем следовало разыскать либо соломенную шляпу с широкими полями, либо какой-нибудь другой головной убор позамысловатее. Требовался также широкий кушак. Что еще? Ну, конечно, нельзя было отправляться без ножа, кружки, спичек, заплечного мешка и провизии.

На Столбы обычно идут в субботу. Мы отправились на пристань пораньше. Катер еще не подошел. Прямо на камнях у воды сидели столбисты. Какая это была пестрая картина!

Братья Виталий (справа) и Евгений (в тубетейке) Абалаковы. Из архива М. Н. Добровольского

Евгений Абалаков перед выходом на траверс Джугутурлючата в 1943 году. Фото из архива А. Е. Абалакова

В те годы среди столбистов считалось щегольством одеться как-нибудь позабавнее. И вот, кто выкопал где-то цилиндр, кто надел прямо на загорелое тело галстук, кто разгуливал в широченных шароварах, которым позавидовал бы сам Тарас Бульба. Всюду звенели мандолины, тренькали гитары, пиликали гармошки. Я стал прислушиваться к разговорам бывалых столбистов.

— Голубыми полезем? — спрашивал один столбист.

— Куда тебе! — насмешливо отвечал ему другой. — Уж лежал бы лучше на «Верхопузе», а то — Голубыми...

— Ребята, кто здесь из «Старой сакли»? — выкрикивал третий.

«Голубые», «Верхопуз», какая-то «Старая сакля»... Я ничего не понимал.

Наконец мы поплыли. Катер прошел под мостом и повернул к берегу — туда, где совсем близко от города, немного наискосок, за Енисеем, виднелись огороды деревни Базаихи.

Тут столбисты сразу разделились. Идти надо было в гору, и опытные, привычные ходоки быстро опередили новичков вроде меня, которым заплечный мешок казался налитым свинцом. Гора была очень крутая. Называлась она Каштак. В висках стучало, пот лил градом, когда мы, наконец, одолели подъем. Ну и крутизна, особенно последние метры перед перевалом! Недаром это место называют Пыхтуном — тут и в самом деле пыхтишь, как паровоз.

Зато потом тропинка пошла с горки на горку. Впереди то тут, то там мелькали пестрые костюмы столбистов. Становилось прохладнее, а когда тропинка спустилась в сырой осинник, захотелось даже идти быстрее, чтобы согреться.

Так шли мы среди зеленых стен леса и вдруг оказались на гребне какой-то горы, и перед нами открылся такой вид, что просто дух захватило. Далеко внизу, в сизой дымке вечернего воздуха, лежал город, где уже зажигались первые огни. Запальный Енисей убегал куда-то вдаль, и след игрушечного парохода оставался на его глади двумя расходящимися полосками. Еще были видны какие-то темно-синие горы на горизонте, поезд с ваткой дыма над паровозом, дороги, точно нарисованные на раскрашенном плане местности, поля и многое, многое другое — что именно, сразу и не сообразишь, настолько все выглядело странным, непривычным с высоты птичьего полета.

Мы смотрели, зачарованные всей этой мощью и ширью родных просторов, и боялись говорить, потому что никакими словами нельзя было выразить того, что наполняло наши души. Подошли еще столбисты. И они молчали, испытывая, вероятно, то же, что и мы.

Было уже темно, когда мы вышли на гребень другой горы. В бездонной пропасти мелькали, двигались, вспыхивали огоньки. Оттуда, из бездны, неся заглушенный расстоянием смех, песни, удары бубна. Кто-то прямо над моим ухом крикнул вдруг гортанно и резко:

— Але-о-го-го!

Эхо многократно повторило крик, и прежде чем последний отголосок замер в горах, снизу ответили тем же кличем десятки молодых голосов. Это столбисты приветствовали друг друга.

Столбисты строили себе под скалами избушки из сосновых бревен, с грубыми нарами, где можно было найти приют в ненастье. У входа в избушку горел очаг, над которым булькал котел с похлебкой. Каждая избушка, вернее, каждая компания, ее населявшая, носила какое-нибудь романтическое название, например «Старая сакля», «Ранчо», «Беркуты». Гостеприимство было самое широкое: приходи к любой избушке, и если ты веселый, простой человек, тебя накормят и потом потеснятся, чтобы дать место на широких нарах, застеленных пахучими сосновыми ветками.

Вот и мы трое присоединились к какой-то компании. Когда сварилась похлебка, все вытряхнули свои сумки, повар сгреб запасы в одну кучу, быстро перебрал их и разложил на грубом деревянном столе, вбитом прямо в утопанную землю у костра. Какой же это

был веселый ужин! Повар исполнял танец диких, разливая суп по деревянным чашкам. Каждый старался рассказать какую-нибудь смешную историю или спеть забавную песню.

После ужина никому не хотелось спать, было решено идти в гости в соседнюю избушку. Тут я узнал первое применение старых калош. Оказывается, из них получают превосходные факелы! При свете этих факелов мы и направились по каким-то тропинкам, стараясь не задевать за покрытые росой огромные папоротники и ветви темных деревьев.

...Я проснулся от толчка в бок. Страшно хотелось спать — мы вернулись в избушку очень поздно, — но Миша был неумолим:

— Вставай! — сердито говорил он. — Вставай, все уже ушли встречать восход солнца!

Я вскочил. Верно, нары были почти пусты, только в углу кто-то похрапывал. Протирая глаза, я шагнул за порог.

Так вот они какие, Столбы!

В бледно-желтом рассветном небе высились темные, точно вырезанные из плотной черной бумаги, силуэты скал самой причудливой формы. Они были высоки, огромны, величественны. Сейчас, когда восток только начинал алеть и все казалось плоским, трудно было понять, далеко они или близко. И вдруг на вершине одной из скал появилось что-то крохотное, движущееся. Я не сразу даже сообразил, что это человек!

Из нас троих только Миша бывал на Столбах раньше, и поэтому теперь он уверенно пошел впереди.

Внезапно самая высокая скала окрасилась в красновато-багровый цвет. Это был Второй Столб. Теперь на его вершине ясно различались фигурки людей, размахивавших шляпами и кушаками, песней приветствовавших солнце.

Все вокруг оживало. По тропинкам шли столбисты, направляясь к скалам. Запели птицы. Потянуло дымом раннего костра. Уже не только вершины гор, но и вершины леса, который тут буйно рос повсюду, золотились от солнца. Лишь в траве блестела еще крупная роса, да камни под ногами были холодными и скользкими.

Миша не повел нас ко Второму Столбу — самому трудному для туриста и почти недоступному новичку. Но он не повел нас и к Четвертому Столбу, наиболее легкому, с которого обычно начинают. Он решил испытать нас на Первом Столбе.

Я уже потом узнал, что высота Столбов — несколько сот метров. Но дело тут совсем не в высоте. Столбы — не горы. На них нельзя совершать восхождение. На них надо залезать. Столбы — это скалы. Сотни миллионов лет назад расплавленная магма, находящаяся внутри земного шара, стала прорываться сквозь земную кору. Кора оказалась прочной. Расплавленная масса лишь заполнила собой трещины, да так и застыла, образовав твердую горную породу — сиенит. Между тем неумолимые работники — вода, солнце и ветер — разрушали верхние слои, унося прочь легкие породы, глину и песок. Но с сиенитом даже они ничего не могли сделать. Скалы только обнажились и каменными столбами поднялись над тайгой, над местностью, неузнаваемо измененной временем.

Чтобы сохранить этот удивительный уголок природы, где можно увидеть медведя, косулю, кабаргу, белку, рябчика и многих других четвероногих и пернатых обитателей сибирской горной тайги, здесь и был создан заповедник.

...Когда мы подошли к Первому Столбу, я понял, что забраться на него совершенно невозможно. Передо мной на высоту небоскреба уходила вверх бурая каменная стена с какими-то трещинами, расселинами, нависшими глыбами. Вернее, не стена, а огромный каменный столб или палец, грозно поднятый кверху.

— Ну, начали, — сказал Миша.

Затем он отошел немного в сторону. Оказалось, что там почти от земли наискось поднимается трещина. Ловко перебирая вдоль нее ногами и придерживаясь руками за выступы над головой, Миша вскоре оказался против нас, но значительно выше.

— Ну, долго я буду ждать? — сказал он сердито.

Мы переглянулись и полезли. И, знаете, ничего, не так уж страшно.

Миша лез впереди. Скала вовсе не была такой гладкой, как мне показалось сначала. Миша уверенно нащупывал руками «карманы» — выступы, за которые можно было зацепиться пальцами, показывал, куда нужно ставить ногу, чтобы продвинуться вперед еще на шаг.

Тут я понял, что столбист просто не может обойтись без калош или резиновых тапочек: резина словно прилипала к скале, не давала ноге скользить.

Все шло более или менее сносно до «катушек». Мы поднялись уже довольно высоко, когда на пути оказались эти проклятые «катушки».

Справа — пропасть, такая, что туда лучше не смотреть. Прямо перед нами — гладкий огромный камень, напоминающий купол. Слева — отвесная стена.

Миша подошел к самому краю пропасти и вдруг, резко оттолкнувшись ногой, быстро-быстро побежал наискось по куполу над обрывом. Раньше, чем мы успели ахнуть, он уже уперся руками в стенку и, получив опору, продолжал подъем.

Мы с Виктором решили, что это чистое безумие. Если уж непременно надо преодолеть «катушку», то не лучше ли сделать это ползком, не спеша, стараясь вцепиться в камень, слиться с ним?

И мы поползли: я впереди, Виктор за мной. Но и ползти оказалось совсем не легким делом. Скат каменного купола отполировали ветер и вода. Одно неверное движение — и можно сорваться в пропасть.

Десять метров мы ползли, может быть, полчаса, а может быть — больше. Когда преодолели последний метр и я взглянул на Виктора, лицо его было серым, ноги и руки дрожали. А Миша смеялся.

— Эх! — сказал он. — Вы думаете, окольный путь легче? Так вам и надо, трусишки несчастные.

Остаток пути мы уже старались в точности повторять все движения и приемы Миши, какими бы трудными они ни казались.

И вот она, вершина! Солнце давно уже взошло. Было невыразимо приятно растянуться на нагретых его лучами камнях, подставляя мокрую от пота голову ветерку, пахнущему сосновой хвоей, травами и дымом костра.

Кругом, куда ни глянь, — покрытые тайгой горы. Ни селений, ни пашен, ни лугов — одни горы. Высоко в небесной синеве кружат орлы. Прямо напротив — Второй Столб. Каким-то чудом на страшной высоте там прицепились несколько елей и березок. Над леском — стена, под леском — обрыв, а деревья живут себе на своей площадке в этом царстве камня.

Другие Столбы — Третий, Четвертый, Перья, Дед — ниже Первого. Миша показал нам «Верхопуз» — большой камень, на котором столбисты отдыхали, лежа на спине — «вверх пузом». Столбы стоят отдельно друг от друга, иногда на довольно большом расстоянии. Вдали видны еще скалы. Это, сказал нам Миша, «Дикие Столбы», куда туристы ходят очень редко.

Нам было видно, как столбисты карабкались к вершинам. Я понял теперь смысл загадочных слов, слышанных у катера: «Полезем Голубыми». «Голубые» — это ход, направление, по которому лезут. Мы, например, поднимались ходом «Катушка».

Я видел, для чего нужен столбисту кушак: сильный подает его в трудном месте слабому.

Я узнал, что первые экскурсанты появились на Столбах в середине прошлого века. Потом у скал стали собираться на свои сходки революционеры. Какие-то смельчаки написали на Втором Столбе огромными буквами: «Свобода!»

Столбы. Автор фото неизвестен. Из фондов КККМ

Тогда в тайгу пожаловала полиция. Двум полицейским с помощью веревок и лестниц удалось добраться до надписи и даже соскоблить часть буквы «С». Но тут один из них взглянул вниз... и такой ужас обуял этих новоявленных столбистов, что они просидели над пропастью больше суток, не решаясь шевельнуться. Их сняли оттуда полуживыми от страха.

А гордая надпись так и осталась на скале: «Свобода!»

...Все это и многое другое вспоминалось мне, пока поезд бежал через просторы Сибири, к Енисею.

Да, немало лет прошло с тех пор, как мы плавали на «Аэлите» или первый раз шли на Столбы. Столбист Женя Абалаков из VI класса «Б» давно стал мастером альпинизма и первым поднялся на высочайшую вершину страны — пик Сталина. Миша работал где-то на Севере инженером-строителем, и мы потеряли друг друга из виду. Виктор стал полковником, служил в пограничных частях на Дальнем Востоке.

Не был я несколько лет и в самом Красноярске и лишь из писем знал, что город вырос, похорошел.

Когда едешь в родные места после долгой разлуки, всегда кажется, что поезд стоит лишние минуты на станциях и слишком медленно ползет на подъемах. Достаточно было закрыть глаза — и я видел перед собой знакомые улицы, тополя на бульваре у реки, быстрые, веселые струи Енисея, лесные заросли на его скалистых берегах, белые облака над дальним мысом.

В вагоне было много пассажиров, первый раз едущих в Сибирь, но нашлись и мои земляки. Мы угадывали станции, вспоминали названия речек, над которыми поезд проносился по гулким мостам. Было очень приятно произносить вслух их диковинные для непривычного уха названия: Чулым, Яя, Томь.

Кто-то попросил карту Сибири. Карта нашлась, но только старая, изданная лет тридцать пять назад. Стали мы ее рассматривать — нет, не годится. На карте побережье Ледовитого океана изображено как унылая ледяная пустыня. А где же заполярные города и селения — Игарка, Усть-Порт, Норильск, Дудинка, Салехард, Тикси, где красные флажки полярных станций? Мы едва нашли надпись самым мелким шрифтом «Новониколаевск» — в том месте, где теперь шумит огромный Новосибирск. Конечно, на старой карте не оказалось Комсомольска, Магадана, Сталинска, колеи Турксиба и многого, многого другого — того, что создано советским человеком, смело и умно переключившим жизнь Сибири.

Но могучие сибирские реки на карте, разумеется, были, и мы принялись разглядывать Енисей, к которому с каждым часом приближался поезд. Право, он был величественен даже на этом листе плотной бумаги. Начинаясь у границ Монголии двумя тоненькими синими линиями, он устремлялся на север, к океану, то пробивая себе дорогу через темно-коричневую краску хребтов, то пересекая яркую зелень низменностей. Вот справа влилась в него Ангара, прибежавшая от холодной синевы Байкала. Вот Енисей принял Подкаменную и Нижнюю Тунгуски. Еще дальше — и его широкая, извилистая линия прошла тундру и покойно расплылась в голубом Енисейском заливе.

— Покажите мне сибиряка, который не любит Енисея, — задумчиво сказал мужчина в темном пиджаке и черной косоворотке — кажется, агроном из приречного района. — Ведь гигант, саму матушку Волгу длиной превзошел, а норовист, как буйная горная речушка, особенно в порогах. Бывал я и в его низовьях — так, поверите ли, от берега до берега там шестьдесят километров, земли с палубы не видно. И волны, как в море, и морские корабли плавают. А где, спрошу я вас, найдете вы еще реку, чтобы жили около нее и верблюды, и белый медведь?

Так начался разговор, неторопливая вагонная беседа. Долго говорили мы о великой сибирской реке, вспоминали разные случаи, приключения на порогах, вспоминали знаме-

нитых енисейских капитанов, рассказы бывалых людей, прочитанные когда-то старинные рукописи, дневники экспедиций.

...Промелькнули за окнами вагона лесные гари, заросшие лиловыми цветами иван-чая. Дорога стала резко бросаться из стороны в сторону, спускаясь с гор. Вольный, пахнущий травами ветер заметался в коридоре. Вот и высокая лесистая сопка. Здравствуй, старая знакомая! А вон и красноватая глинистая гора с белой часовней на вершине, вон трубы кирпичного завода и первые домики поселка железнодорожников.

— Красноярск, — сказал проводник, проходя по вагону. — Большая станция, будем стоять сорок минут.

Я вышел из вагона, поставил чемодан и оглянулся. Вокзал прежний, длинный, белый, одноэтажный, только за его крышей виден какой-то завод, должно быть недавно построенный.

Автобус бежал по асфальту главной улицы мимо больших домов, которых несколько лет назад и в помине не было. И асфальта не было — была мостовая. И молодых акаций и тополей, так ожививших теперь улицу, раньше тоже не было: ведь не зря Красноярск прозывали Ветропыльском — так пыльны были его лишенные зелени улицы.

Как видно, мне предстояло сделать немало открытий в родном городе. Но жизнь наша — это стремительное движение вперед, и мы удивляемся, если после отлучки застаем мало перемен в знакомом месте.

Я увидел два Красноярска вместо одного. Второй был построен на правом берегу, против старого города. Пятнадцать лет назад туда ездили охотиться. Место там было ровное, степное; поближе к берегу попадались березовые рощицы, заросли боярышника.

Сначала я не думал задерживаться в городе, намереваясь сразу отправиться по Енисею, но уж слишком велик был соблазн хотя бы издали посмотреть второй Красноярск. На следующее утро вместе с одним из старых приятелей я уже карабкался по каменистой тропинке на сопку, стараясь не оглядываться и не смотреть вниз. Зато с вершины мы увидели все сразу.

Весь правый берег, насколько хватал глаз, дымил заводскими срубами. Виднелись бесчисленные цехи, то высокие, то длинные, со стеклянными крышами и красноватыми кирпичными стенами. Мне казалось даже, будто я слышу, как в них грохочет металл и стучат огромные молоты. Там в отблесках гигантских печей и в холодном свете электросварки рождалась слава нового, индустриального Красноярска. Силой, мощью дышало молодое Заречье. Там было немало высоких, светлых зданий — клубов, или школ, или магазинов. Кварталы жилых домов лежали правильными прямоугольниками. Местами зеленели остатки рощиц, а может быть, это выросли уже новые сады.

На какое-то мгновение мне даже показалось, что я уже видел эту картину. Но где? Когда?

— Вон там, ближе к горе, — объяснял между тем мой спутник, — ты можешь разглядеть наш новый завод. Левее, в тех больших цехах, делают паровозы, вагоны, мостовые краны. А из ворот этого завода выходит все, что нужно золотым приискам и угольным шахтам: золотомойки, угольные комбайны, врубовые машины. Люблю этот завод. Понимаешь, рядом с мартенами зелень, цветочные клумбы, фонтаны бьют. Ну, пойдем дальше. Там, у берега, теплоэлектроцентраль. А это, это... Позволь, что же это такое? Какой-то завод... Столько настроено, что немудрено и сбиться.

А я вспомнил вдруг зал заседаний Красноярского городского совета, черноволосого человека в синем костюме у огромного листа бумаги, на котором нарисованы заводы, парки, река с пароходом и парусной яхтой. Человек, водя по листу указкой, говорит:

— Вот, товарищи, перспективная схема планировки промышленного правобережья Красноярска. Здесь, на пустыре у подножья гор, мы предполагаем разместить большой

завод. Здесь отводим место паровозостроителям. Этот степной участок намечен для завода золотопромышленного оборудования. Правда, место тут невеселое, но кто помешает нам озеленить заводской двор, посадить цветы и даже — не улыбайтесь, товарищи — устроить фонтаны?

Это заседание, которое пришло мне на память, состоялось весной 1933 года. Охотники еще ездили тогда стрелять зайцев на пустынный правый берег.

С вершины сопки мы долго смотрели и на старый город, и на могучий Енисей. Массой сверкающей воды вырывался он из-за темной зелени гор и, пробежав мимо пристаней и набережных, устремлялся дальше на север, теряясь в манящей синей дали. Свисток белого теплохода, сзывающий пассажиров, едва донесся до нас. И захотелось сейчас же, немедленно бежать за билетом, тащить чемодан в каюту и плыть, без конца плыть навстречу берегам, таким знакомым и таким изменившимся.

Весь следующий день я бродил по берегу, раздумывая, куда отправиться раньше — вверх по реке, к югу, или вниз, на север.

Время было весеннее. Караваны собирались и в «золотую тайгу», и на рыбные промыслы, и на лесные разработки, и на горные притоки — только выбирай. Но чтобы выбрать, надо было посоветоваться с лоцманами, с капитанами, со шкиперами.

Я отправился туда, где обычно останавливался разный мелкий флот. Тут стояли остроносые большие лодки с Ангары, катера, барки со странной надписью на борту — «Ангарская экспедиция», плоскодонные баржи, нагруженные продуктами для ближних золотых приисков. На волнах, поднятых прошедшим мимо пароходом, покачивались колхозные катера.

— Рано плыть в низовья, — говорили мне в один голос на катерах и баржах. — У нас еще и весны настоящей не было.

Вокзал Красноярского аэропорта (ныне здание Красноярского автовокзала). Июнь 1954 г. Негатив С. Малобицкого. Из фондов КККМ

Я и сам думал, что в низовьях реки сейчас еще очень холодно и неприветливо. Значит, надо отправляться на юг, к ее истокам.

Но в верховья Енисея, в Тувинскую автономную область, нет сквозного водного пути: дорогу судам преграждают страшные пороги. Не лучше ли улететь в верховья Енисея на самолете, а уже оттуда спускаться вниз по реке?

Навел справки — оказалось, что самолет летит в Туву через день.

На чемодан наклеен ярлык «Красноярск — Кызыл». Раннее утро. Поеживаясь от довольно свежего ветерка, мы разгуливаем у здания воздушного вокзала в ожидании посадки на самолеты. Нас, пассажиров, очень много: ведь в Красноярске пересекается несколько воздушных дорог.

Первой поднялась и скрылась на востоке машина линии Москва — Чукотка — Америка. Эта трасса растянулась на десять тысяч километров. Она проходит над безлюдными просторами, над одиннадцатью высокими хребтами. Ее аэродромы построены на вечной мерзлоте.

Следом за первой машиной поднялась и тоже ушла навстречу солнцу вторая. Ее пассажиры были молодец к молодцу. Оказалось, что это красноярские футболисты, отправлявшиеся в Якутск, чтобы сыграть там матч и быстро вернуться обратно. В прежнее время такое путешествие отняло бы чуть не полгода...

Потом потянулись машины на запад: в Москву возвращалась группа артистов филармонии, туда же летели пионеры, спешившие в Артек; стартовал самолет в Новосибирск — Омск. Над аэродромом пронеслись, ложась курсом на север, несколько летающих лодок: это начинался летний день полярной авиации.

Наконец у воздушного вокзала остались последние пассажиры, человек пятьдесят.

— Ангарской экспедиции приготовиться к посадке! — крикнул дежурный.

Опять Ангарская экспедиция! Очередная толпа пассажиров двинулась на летное поле.

Впереди шел человек в ватнике и желтом плаще из плотной ткани, проваренной в олифе. В таком плаще никакой ливень не страшен! Потом шла девушка с невыспавшимися глазами. На ней были брюки, заправленные в сапоги. Еще шел гладковыбритый сухощавый молодец с трубкой. И у этих троих, и у остальных за плечами были походные мешки.

Наш самолет вырулил на старт последним. Я снова увидел два Красноярска. Затем под крылом потянулись сплошные горы с красными и синевато-лиловыми осыпями. Между гор причудливо петляла какая-то река. Потом все исчезло под пеленой ослепительно белых, точно вылепленных из снега облаков. Самолет набирал высоту, в кабине стало холодно. Сквозь редкие «окна» в облаках были видны все те же бесконечные горы, то голые, то густо заросшие деревьями. Промелькнула речка странного, кирпично-красного цвета, потом потянулись снежные вершины огромного хребта.

— Саяны перелетаем, — сказал сосед.

Прошло еще полчаса — и самолет стал снижаться. Внизу был город, лежащий там, где сходятся вместе две реки, испещренные зелеными пятнами островов.

Пробежав по песчаному полю аэродрома, заросшему какой-то жесткой с виду травой, самолет остановился.

Через открытую дверцу хлынула волна знойного воздуха. Мы были в Кызыле, центре Тувы.

ГЛАВА II

ГОСТЕПРИИМНАЯ ТУВА

Тысяча триста лет назад. — Восстание шестидесяти богатырей. — Как пытали арата. —
Ураган в Кызыле. — Реки-близнецы. — Северный олень и верблюд уживаются рядом. —
Кочующий театр. — «Сорок Енисеев». — Удалец Иммакай. — Тувинские шахматы. —
Певец, поющий сразу двумя голосами. — Последние дни белых пятен —
Дорога Чингис-хана

Иллюстрация к второй главе из книги «Енисей. Река Сибирская» 1949 года. Художник К. Арцеулов

Тува не из тех мест, которые нравятся сразу, с первого взгляда. Природа здесь сурова. Приезжему, если он привык к спокойной, величавой красоте лесов и полей русской равнины, покажется в Туве неуютно, его сначала потянет обратно, за голубые Саяны, ослепительно сверкающие белизной снегов.

Но вот идут дни, недели — и все больше и больше привлекательного находит гость кругом. Он ближе узнает бесхитростный, душевный тувинский народ, издревле живущий в долине у истоков Енисея. Все глубже захватывает его стремительная, горячая жизнь сегодняшней Тувы.

Здесь ярко видны те великие перемены, которые несет народу наша родная советская власть. Этой власти в Туве только пять лет. Для Тувы новая пятилетка — всего только первая пятилетка. Тувинский народ — один из самых молодых наших спутников на той великой дороге, по которой мы победоносно и гордо идем четвертый десяток лет.

Разве удивит кого-нибудь из нас вид двухэтажного каменного дома или трактор, поднимающий целину? Что может быть обычнее картины — старик, читающий книгу? А в Туве все это ново и удивительно. Ведь еще лет тридцать назад тувинец разравнивал землю связкой кустарника, не зная плуга и бороны. Его единственным жильем был до черноты прокопченный дымом костра берестяной чум, в лучшем случае — войлочная юрта. Тридцать лет назад никто на белом свете не мог бы читать тувинскую книгу по той простой причине, что не существовало и самой тувинской письменности.

Тувинский народ, о котором древние летописи упоминали еще тысяча триста лет назад, сейчас стремится догнать другие народы нашей страны. Он сильно отстал. Ведь он знал свирепость полчищ Чингис-хана, подвергался частым набегам других завоевателей, искавших богатой добычи на пыльных дорогах Азии; долго давило его маньчжурское иго.

Вот как описывает тувинское народное сказание вторгшихся в верховья Енисея два века назад маньчжуров:

«Словно тучи повисли над привольной степью, тьмой и холодом веяло с хребтов Танну-Ола. Лютый враг свирепо шел вперед, повсюду сея смерть и разорение. И много их было, и все гибло на их пути. Кровавыми озерами отмечались их ночные стоянки... Награбленное добро везли за ними тысячи верблюдов, и черной полосой среди степей ложился их след».

Маньчжуры, поработив тувинский народ, сели ему на шею, обложив его непомерной данью, ввели жестокие законы, беспощадно каравшие непокорных. Тувинский скотовод — арат — получил оскорбительную кличку «уряньх», что значит «оборванец». Один маньчжурский губернатор писал: «Вновь покоренные урянхайцы похожи на зверей». Появилось выражение «урянхайская шуба», обозначавшее лохмотья нищего...

Знаете, сколько тунеядцев имели право обирать тувинца? Вот их точный список: «божко» (десятники), «бичечи» (писари), «джанга» (старосты), «кунда» (старшины), «мерины» (судьи), «зайсаны» (правители дел), «дзаланы» (секретари правителей), «огурды» (князья), «даргы» (сборщики податей), «дзурганы» (особые следователи). Десять жадных ртов на один кусок, добытый тяжелым трудом пастуха и земледельца!

Нет в мире народа, который готов примириться со своими угнетателями. Правда, подкупленные тувинские князьки и богатеи встали на сторону маньчжуров, но простые скотоводы ненавидели иноземных поработителей. Не раз маленький тувинский народ пытался сбросить цепи рабства. Одной из таких героических попыток было народное восстание в конце XIX века, известное в истории под названием «восстание шестидесяти богатырей».

Тофалар охотится на марала Иллюстрация из книги «Енисей. Река Сибирская» 1949 года. Художник К. Арцеулов

Кто поднялся первым? Народная молва называет имя бесстрашного Самбажика. Это он увел в горы своих друзей, чтобы там вести борьбу против угнетателей.

И вот к обладателю «главной печати» — маньчжурскому наместнику один за другим помчались гонцы с вестью, что началось восстание, что бунтовщики прогоняют князьков и чиновников, раздают их имущество бедным, не хотят платить налоги.

Наместник встревожен. Тяжелая, квадратная, с длинной медной ручкой «главная печать» хлопает под указом: карательному отряду идти против «беглецов и воров», не зная отдыха ни днем, ни ночью; настигнув — поймать, уничтожить, истребить, стереть с лица земли.

Но восставшие держатся крепко. Им помогает народ. Потайными тропами приходят к ним все новые и новые араты, бросившие семью и юрту ради тревожной жизни в горах. Богатырей-повстанцев сначала было шестьдесят, но с каждым днем становилось все больше и больше. Они поют свою песню:

За то, что мы сохранили свободу,

Нас прозвали беглецами и ворами.

Оседлав нехудеющего коня,

Пойдемте в страну Алтай.

Там, на Алтае, они надеются найти убежище у русских скотоводов и охотников. Но враги уже сомкнули кольцо. Отстреливаясь, повстанцы отходят на высокую гору. Пули с визгом отскакивают от камня, кровь алеет на граните. Повстанцы выставляют из-за кустов овчинные шубы, чтобы обмануть врага. Пули решетят шубы — карателей слишком много, они не жалеют свинца. Тают ряды богатырей. Свежий отряд врагов ударяет с тыла. Схвачены, связаны те, которые не сложили еще голову под пулей. Плачь, Тува! Лучших твоих сынов, закованных в кандалы, под свист кнутов, вырывающих клочья тела, везут по тряской дороге на суд и расправу «большой печати».

И вот — казнь. Одних расстреляли. Других повесили. Кружится воронье над дорожными перекрестками, где для устрашения непокорных выставлены на шестах головы казненных.

Казнь богатырей — событие совсем недавнее. Их казнили всего семьдесят лет назад. Но в истории Тувы и не то еще бывало.

В тувинском музее между каменными топорами и кремневыми наконечниками стрел, пролежавшими в земле тысячелетия, между немymi свидетелями бронзового века и первыми изделиями из железа хранятся орудия пыток.

На стене висит таблица, показывающая, как именно и за какие проступки пытали арата. Вот истязуемого бьют по лицу кожаной плетью. Другому всыпают в глаза мелко нарубленный конский волос. Были и такие пытки — отмораживание рук, поджаривание над костром, заточение на всю жизнь в узкий ящик, откуда торчала только голова истязуемого.

К какому же веку относятся собранные в музее орудия зверских истязаний?

— Да к нашему веку, — сказал мне экскурсовод. — Так пытали ваших отцов, добавил он, обращаясь к двум тувинским школьникам, пришедшим в музей вместе со мной.

«Как же обо всем этом почти ничего не написал мистер Каррутерс? — подумал я, вспомнив о прочитанной перед отъездом книге английского путешественника Каррутерса, побывавшего в Туве незадолго до революции. — Или, может быть, ему не удалось видеть ничего подобного?»

Разыскал вечером книгу. Стал перелистывать снова. Нет, мистер Каррутерс видел! Вот как он описал посещение одного маньчжурского начальника: «Обменявшись по китайскому обычаю карточками, мы посетили белую войлочную юрту, которая служила как домом правосудия, так и официальной резиденцией. Возле входа повешены были орудия пыток в качестве служебного знака и в виде предостережения злоумышленникам. Между

этими орудиями, как мы заметили, были: тяжелые кожаные ушные ударники, раздробители пальцев и различного сорта плети (хлысты). Внутренность юрты отличалась поразительной чистотой и была украшена голубой материей...»

Далее мистер Каррутерс подробно описал китайские комоды, китайские шапочки на чиновниках и китайские церемонии при встрече. Об орудиях пыток он больше ни словом не обмолвился. Путешественник из страны, поработившей многие колониальные народы, не нашел ничего особенного в том, что «злоумышленников», пытавшихся восставать против угнетателей, бьют кожей по ушам до тех пор, пока у истязуемых не помутится рас-судок.

В 1912 году, когда в Китае свергли императора, тувинские араты выгнали прочь маньчжуров и обратились к России с просьбой о покровительстве. Тува, называвшаяся тогда Урянхаем, была включена в состав русских земель. Вся ее дальнейшая судьба тесно переплетается с судьбой русского народа. Русские партизанские отряды Кравченко, Щетинкина, Кочетова в жарких боях помогли тувинцам защититься от белогвардейцев и иностранных империалистов в годы гражданской войны. После национально-освободительной революции 1921 года Тувинская народная республика, пойдя по некапиталистическому пути развития, пользовалась постоянной поддержкой и неизменной дружбой нашей страны. Тува посылала своих воинов на фронты Отечественной войны. Присоединившись к семье советских народов на поле битвы, тувинский народ решил уже никогда не покидать этой дружной семьи. В 1944 году Тува была принята в состав Советского Союза и стала Тувинской автономной областью.

Трудное, тяжелое прошлое у Тувы, но за три неполных десятилетия после своей национально-освободительной революции тувинский народ уже свершил больше, чем за многие десятилетия подневольной жизни. И особенно много сделано за первые годы новой, советской Тувы.

Карта из первого издания книги. Художник К. Арцеулов

Кызыл сначала показался мне похожим на любой сибирский город. Да, собственно говоря, он и не должен был походить на китайское или монгольское поселение — первые камни этого города заложили русские переселенцы в 1916 году.

Но все же казалось странным: в самом центре Азии, в таких местах, куда еще лет сорок назад отваживались проникать лишь хорошо снаряженные экспедиции с опытными проводниками, — и вот, смотрите: прямые улицы, бегают автомобили, построены хорошие дома, школы, зеленеет густой парк. Пока я размышлял об этом, в воздухе вдруг потемнело, прохожие бросились кто куда, и не успел я сообразить, в чем дело, как на город налетел ураган (заметьте, до этого никаких туч не было, стояла солнечная погода). Ветер свистел, выл, забивал песком и пылью волосы, срывал листья с деревьев и, побесновавшись минут двадцать, утихомирился так же внезапно, как разбушевался, а в воздухе появились свежесть и прохлада.

— Видите, у нас кругом горы, — сказал мне первый встречный, которого я спросил, почему тут бывают такие ветры. — Ну вот, в горах накапливается холодный воздух. Он и выталкивает иногда горячий воздух из котловины. Все очень просто.

Позже мне рассказали, что с внезапными ветрами дело обстоит не так просто, но что в общих чертах мой уличный собеседник был прав.

Тува расположена в большой котловине, по форме несколько напоминающей грушу, повернутую узким концом на запад. Со всех сторон ее стеной окружают хребты, поднявшиеся на высоту двух и более километров. Вся Тува — это комната с толстыми стенами, без окон и дверей, а значит и без сквозняков. Ветры дуют выше стен. Летом в котловине застаивается перегретый солнцем воздух, люди задыхаются от жары. Зимой в ней неподвижно лежит морозная мгла, термометр падает все ниже и ниже, тепло земли уходит, излучается в безоблачное, черное и звездное по ночам небо. Зато в горах летом прохладно, а зимой сравнительно тепло: там ведь происходит движение воздуха, туда приходят воздушные струи из стран с менее континентальным климатом.

В Туве можно наблюдать явление «дождевой тени». Влажное дыхание далекого Атлантического океана, проникающее в глубь материка, доходит и до хребтов, окружающих Туву с запада и севера. Но хребты перехватывают влагу, осаждают ее своими холодными вершинами в виде дождей и снега. От гор на котловину ложится «дождевая тень»: ветры, у которых уже отнята почти вся влага, проносятся высоко над жаждающими степями. Ее остатки они отдадут в другом, восточном конце котловины, снова столкнувшись с хребтами.

Холодный, а значит и более тяжелый, горный воздух скатывается по долинам довольно мирно и бесшумно. Он образует ровный, не очень сильный ветерок. Ветер, который, напротив, ведет себя очень буйно и даже срывает крыши, образуется от летнего перегрева воздуха. Этот воздух бурно устремляется вверх, образуя нечто вроде воронки, в которую втягиваются и окружающие воздушные слои. После того как массы легкого горячего воздуха поднимутся высоко над землей, их место у поверхности занимают более холодные, ветер быстро утихает, пыль садится на траву и дороги, становится легче дышать.

Кызыл находится примерно на широте Лондона, Варшавы, Курска. Но среднегодовая температура в Кызыле 3,8 градуса мороза, а в Лондоне — 9,8 градуса тепла. Кызыл — самый холодный из всех городов мира, расположенных на одной с ним широте. Вот что значит резко континентальный климат в центре Азии, в котловине, приподнятой почти на полкилометра над уровнем моря и окруженной кольцом гор, за которые цепляются облака!

Кызыл расположен у колыбели Енисея. Здесь сливаются два его истока — Бий-Хем и Каа-Хем, давая начало великой сибирской реке. Конечно, я в первый же день поспешил к берегу, чтобы своими глазами увидеть рождение богатыря.

Реки-близнецы сходятся почти под прямым углом. Бий-Хем несет свои воды мощно и плавно. Каа-Хем прибегает к месту встречи торопливо и стремительно. Он быстр, напорист и заставляет более спокойного старшего брата уступить: образовавшийся после слияния этих рек Енисей лишь немного отклоняется от прежнего направления Каа-Хема.

Над слиянием рек-близнецов — высокая гора. На ее вершине огромные буквы из белых камней образуют слово «Ленин». Это слово видно с любой улицы города. Его издали замечает пассажир летящего из-за Саян самолета. С любой дороги, ведущей в Кызыл, взор путника привлекают все те же белые буквы, слагающие великое и дорогое имя.

Крутясь воронками водоворотов, мчатся струи голубого Енисея. Он здесь действительно голубой, но это не цвет воды, а цвет яркого, почти всегда безоблачного неба, отраженного водой. Откуда же прибежали сюда эти струи, чтобы, омыв берега у Кызыла, продолжать свой путь?

Бий-Хем, или Большой Енисей, приносит воды из северо-восточного угла области, называемого Тоджей. Там высоко в горах, у самой границы Тувы, есть озеро Кара-Балык. Оно-то и дает начало Бий-Хему. До сих пор первые сто километров его пути показаны на карте голубыми точками: это значит, что тут не было подробной съемки и направление реки нанесено по рассказам и описаниям. Тоджа — край оленеводов и охотников. На прохладных высокогорных пастбищах бродят стада прирученных северных оленей, точно чудом занесенных сюда, так далеко от Заполярья. Тоджинский район — одно из самых глухих и малодоступных мест земного шара. Тут нет наезженных дорог, и выючная лошадь с трудом пробирается по горным тропинкам. Да и сам Бий-Хем мало пригоден для путешествий. Точно бешеный зверь, ревет река, пенясь водопадами, пробивая путь между розовыми и красными скалами. Только последние полтора километра перед Кызылом доступны для сплава плотов в половодье. Когда же вода спадет, Бий-Хем становится судоходным лишь до ближайшего крупного порога — Утинского, где река течет между скалами зеленоватого порфирита.

Иллюстрация из первого издания книги. Художник К. Арцеулов

Труднодоступность очень замедляет хозяйственное развитие Тоджи. Многие тоджинцы все еще живут в шалашах — чумах, покрытых корой березы. Это последний уголок старой Тувы.

Каа-Хем, или Малый Енисей, подходит к Кызылу с юго-востока, из лесостепи. Начинается он также из озера, расположенного на высоте почти полутора километров. Оно называется Тери-Холь. Малый Енисей менее извилист, чем Большой, и берега его гуще населены. В лесостепи и холмистой степи вдоль Малого Енисея живут скотоводы и земледельцы. На пастбищах бродят стада овец и коров, табуны лошадей. И уже не олени, а верблюды пасутся в долине реки. Тут не видно берестяных чумов: их сменили бревенчатые избы либо войлочные юрты.

Вдоволь налюбовавшись реками-близнецами, слившимися в голубой Енисей, я отправился в городской парк, где заманчиво благоухали заросли бальзамического тополя. Вот удача! В парке как раз начинались состязания лучших тувинских борцов. Борьба называется «хуреш». Тувинцы борются в коротких курточках, которые почему-то называют жилетками, хотя у жилеток рукавов нет вовсе, а здесь вся курточка состоит почти из одних рукавов.

Перед схваткой борцы исполняют особый «танец орла», размахивая руками, как крыльями, и высоко подпрыгивая, точно собираясь взлететь. Победленным считается тот, кто во время борьбы хотя бы на секунду коснулся земли рукой или упал на колено либо на бок. У каждого свой секундант, который кричит, суетится, подбадривает борца, а иногда и предельно хлопает его для того, чтобы тот был злее. По-моему, секундант от криков и суеты устает больше, чем сам борец.

В парке я увидел старую афишу, приглашавшую посмотреть спектакль тувинского национального театра. Мне рассказали, что первое представление в Кызыле состоялось лет двадцать назад. Пьесы не было. Да и как можно написать пьесу, когда никто не умеет писать на родном языке? Поэтому актеры просто договорились между собой о том, что примерно должно произойти на сцене, и дальше действовали кто как умел. Теперь театр ставит большие пьесы русских и тувинских драматургов. Увы, посмотреть спектакль мне так и не удалось. Дело в том, что летом актеры ведут кочевой образ жизни. Верхом на лошадях, через тайгу, по головокружительным горным тропам они пробираются в отдаленные становища, где о театре и не слыхивали. Представления даются под открытым небом, в середине кружка немилосердно чадающих трубами и до крайности взволнованных и возбужденных зрителей. Зрителям очень нравится рассказ о том, как хитрая лиса выманила у падкой до лести вороны кусок сыра «пыштаг»: басня Крылова и в лесной чащобе звучит живо и остро.

В Кызыле издается несколько газет на русском и тувинском языках. В городской библиотеке, у входа в которую стоит древнее каменное изваяние, можно найти почти любую книгу. От библиотеки рукой подать до музея и картинной галереи, подаренной Кызылу ленинградцами. Белые каменные здания школ едва ли не самые большие и красивые дома в городе.

Как-то в воскресенье я бродил по улицам оживленного и веселого Кызыла. В парке играла музыка, у входа в кино толпились нарядные горожане. Вечерело, от реки потянуло сыростью. Мне захотелось взглянуть на Енисей. Река, ставшая холодной, серой, быстро мчалась мимо потемневших берегов. Далеко-далеко пламенели в последних лучах невидимого солнца снежные вершины Саян.

За оградой, на самом берегу, я увидел белый обелиск. При неверном свете уходящего дня можно было разобрать надпись: «Вечная память красным партизанам, героически погибшим в 1919 году в борьбе против контрреволюционных банд...»

У обелиска лежали цветы. Жители города не забыли борцов, сложивших головы за счастье тувинского народа.

Мое путешествие по Енисею началось на плоту.

Нам предстояло спуститься из Кызыла до города Шагонара. Плот был маленький, из нескольких бревен — так называемый «салик». Оттолкнувшись шестом от берега, мы ввели свой незатейливый корабль волнам Енисея...

Плыть было весело. Река мчалась зло и стремительно, крутя плотик. Серые, безлесные горы отодвинулись от Енисея. Роши бальзамического тополя зеленели на берегу, смотрелись в воду с многочисленных островов. Енисей все время был неспокоен: он шумел около скал, кое-где вдающихся в реку, и перекачивал по дну гальку, как-то по-особенному щелкая камнем о камень. Если хорошо прислушаться, наклонив ухо к самой воде, то можно было различить тонкий своеобразный свист или шуршание крупного песка, гонимого течением.

Вскоре мы достигли местности, которую называют «Сорок Енисеев». Может быть, Енисеев тут было меньше сорока — не знаю. Во всяком случае, река вдруг разделилась на множество мелких рукавов — проток. Тальник купался в тихих заводях. Недалеко от нас вспорхнула стайка уток. Откуда-то появились чайки, ловко нырявшие за рыбешкой. Мы залюбовались всей этой картиной и свернули не в тот рукав. С большим трудом удалось нам преодолеть мелкие перекаты, бредя по колено в воде и изо всех сил толкая плот сзади.

Наконец вдали показалась высокая гора, вернее — скала серого мрамора. На ее склоне, обращенном к Енисею, виднелась еще кое-какая зелень; противоположный склон был совершенно гол и безжизнен.

— Это Хайеркан — «Медведь-гора», — сказал мой товарищ по плаванию. — Вот, послушай, что рассказывают про эту гору старые люди. Давным-давно жил в этих местах могучий колдун — шаман. Был у него сын Иммакай. Старый шаман хотел научить сына разному колдовству, чтобы тот мог властвовать над людьми, держать их в страхе. Но Иммакай был человек простой, добрый. Вольная жизнь в горах была ему дороже всего. Он бежал от отца. Разгневался шаман, стал искать сына. Следы вели на этот вот Хайеркан, только тогда он был покрыт густым лесом. Вызвал шаман злых духов, те кружатся над горой, да только все попусту: удалец Иммакай легко уходил от них потайными тропами. Тогда старый шаман созвал колдунов со всей страны. Ночью они стали бить в бубны и выкрикивать какие-то заклинания. И появились на небе огненные облака, стрелы молний посыпались на гору, на тот ее склон, где скрывался беглец. Рычали звери, выл ураган, бушевало пламя, пожирая лес. Утром только черное пожарище виднелось там, где вечером шумели березы. Погубил сына старый шаман. Но только после этого страшного дела его проклинали все, даже другие колдуны. С тех пор он обернулся ветром и, не находя себе покоя, воеет над горой. А на склоне, сожженном небесным огнем, так ничего и не растет, — закончил рассказчик.

Мы посмотрели на гору. Должно быть, этот Иммакай в самом деле был удалцом и лазил по горам не хуже альпиниста: Хайеркан крут, время отполировало его склоны, острые ребра горы резко выделялись в голубом небе.

Поровнявшись с Хайерканом, мы увидели Шагонар. Он расположен на левом берегу Енисея, который тут изгибается дугой и расходится на несколько рукавов. Вскоре наш плотик причалил к берегу. Городок оказался совсем небольшим. Отсюда я намеревался проехать в сторону от речной долины, к летним пастбищам.

Сначала наша дорога потянулась по бурым холмам, выжженным беспощадным солнцем. Только цепкий кустарник — караганник, полынь да привлекающая скот трава «кипчак» и выживают на сухой, черствой почве. Нет, тут не на чем отдохнуть глазу! Лишь верблюд, шагающий куда-то с верблюжонком, и неисчислимые суслики, удирающие в сторону от дороги, видимо, отлично чувствуют себя в этом царстве «дождевой тени».

Пустынно и безлюдно вокруг. Зола очагов и притоптанная земля осталась сейчас там, где зимой и весной вились дымки над юртами, и хозяева радушно встречали путника, деля с ним все, чем сами богаты. Когда в степи засохла трава, скотоводы тронулись на самые высокогорные луга, пожелав друг другу кочевать счастливо! Это не так-то просто. Тут сталкивается старое и новое. Зимой, когда юрты близко стоят друг от друга в долинах, когда рукой подать до наезженных дорог, до школы, интерната, больницы, складывается новый жизненный уклад, новый быт, новые привычки. А летом люди рассеиваются по горам, живут в одиночку, как жили их предки сто лет назад, забираются в такие места, куда за три дня не доскачешь, куда свежая газета попадет, может, всего несколько раз в лето.

Но где сказано, что надо кочевать всей семьей?

Ведь со всем отлично управлялись бы и пастухи. И вот, присматриваясь к порядкам в колхозах русских поселенцев, араты приходят к мысли, что жить артельно куда удобнее, веселее, легче, чем в одиночку.

С каждым годом в Туве все больше колхозов, появились МТС и совхозы. А где колхозы — там оседлость, конец кочевью.

Мы проехали еще десяток километров. Каменистая степь потеснилась, ее место вдоль дороги заняли сначала кустарники, а потом лес.

Пересекаем речку Чааты. Около нее — два больших дома и несколько избушек. Большие дома — школа и интернат. Ребят в интернатах одевают, обувают, кормят за счет государства. Знай только учись!

Чем выше поднимаемся мы, тем легче дышит грудь, тем живописнее становится вокруг. Зеленеют поля, все чаще дорогу пересекают каналы. Земледелие в Туве орошаемое. Снега, таяющие на хребтах, дают студеной, прозрачную воду речкам, от которых сделаны отводы прямо на поля. За последние годы посевная площадь в Туве удвоилась. Этому помогли тракторы, заменившие убогую деревянную соху. Тувинцы получают теперь высокие урожаи пшеницы и проса. Из проса готовится национальное блюдо — тара.

В зарослях черемухи у дороги показалось много желтых сосновых срубов. Около них трудились плотники, и перестук топоров гулко отзывался за речкой. Это строил свой новый поселок тувинский колхоз «Чодураа», что в переводе значит «Черемуха». Кочевники решили переселиться сюда из надоевших тесных юрт, в которых жили их отцы и деды.

Вскоре мы приехали к небольшому стойбищу и увидели эти юрты. Бурые, войлочные, обвитые веревками из конского волоса, они стояли у прозрачного ручья.

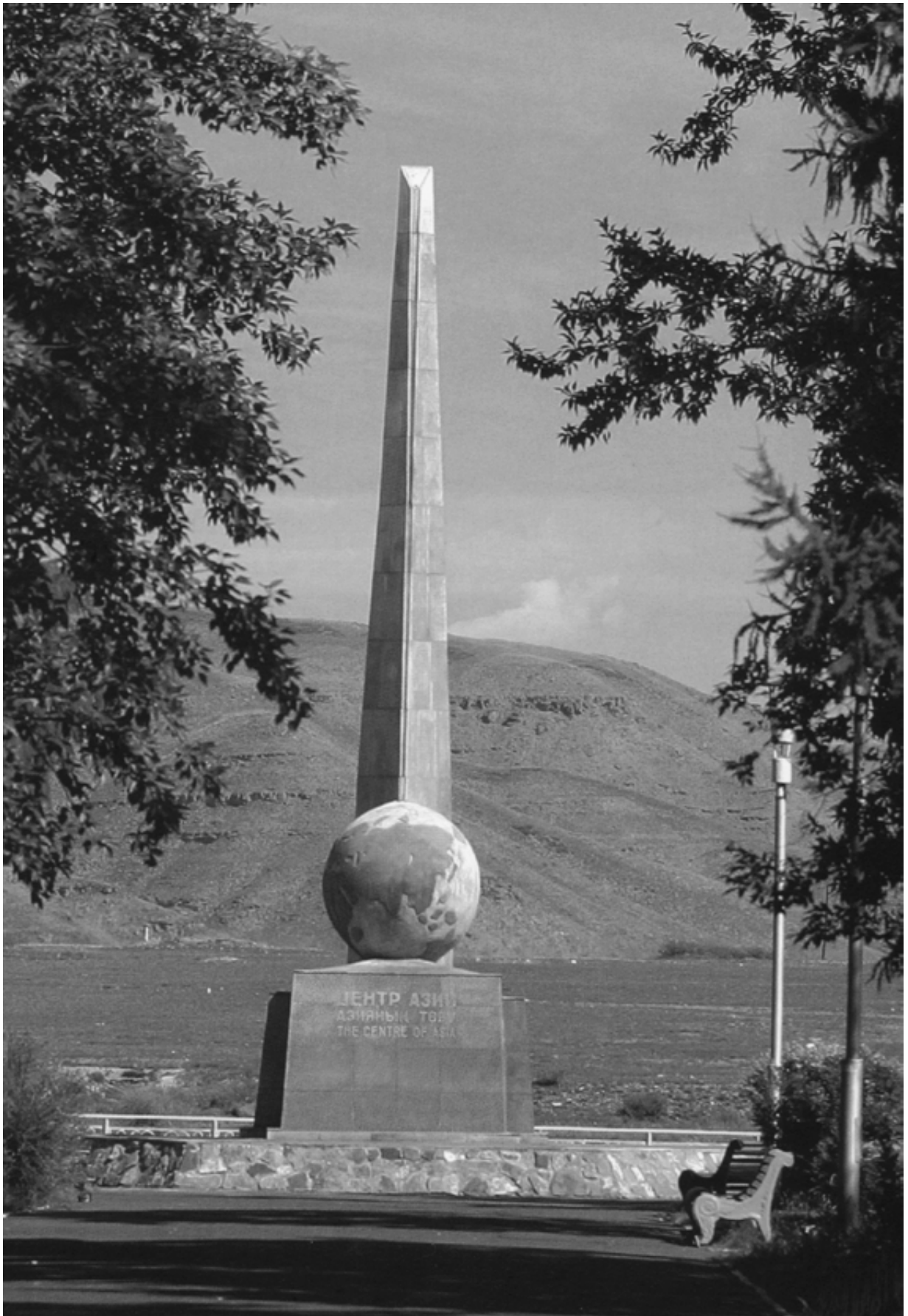
Летом в юрте еще ничего, а зимой плохо. Морозы в Туве доходят иногда до пятидесяти градусов. Разве можно натопить юрту, когда даже в избах не успевают дрова в печь подкладывать!

Хозяин первой юрты стучал по наковальне. Тувинцы — отличные кузнецы.

Кто бы ни вошел в юрту, кузнец не должен отрываться от своего дела для приветствия гостя: труд кузнеца считается самым важным и почетным.

У входа в юрту мальчуган ловко орудовал над деревянным обрубом. Искусных резчиков среди тувинцев еще больше, чем искусных кузнецов. Они вырезают из дерева и камня игрушки, кувшины и шахматные фигурки.

Шахматная игра в Туве очень распространена. Однако сразу сыграть с тувинцем вам не удастся: здесь совсем другие фигуры, к ним надо привыкнуть. Так, вместо ферзя или королевы на шахматной доске стоит... собака. Собака — верный друг скотовода-тувинца, поэтому ей и в игре отводится главное место. Слонов в Туве никогда не видели: вместо слона на доске верблюд. А вот, наконец, знакомая фигура — конь. Но что это рядом? Какое-то колесо затейливой резьбы. Оно стоит в углу доски — значит, это ладья. Ну, а пешки бывают

Знак Центр Азии в Тыве. Фото из архива автора

разными: и в виде щенят, и в виде кур, и в виде степных грызунов — сусликов. В фигурках шахмат тувинцы отразили окружающую их жизнь.

В редкой юрте не увидишь ружья, иногда очень старинного; в редкой юрте не покажут добрых охотничьих кинжалов. Тувинцы — смелые и хладнокровные охотники.

Один путешественник видел такую картину. Тувинец выследил медведя. Подкрался к самой его берлоге, хотел зарядить ружье — хват, а зарядов-то и нет!

Тогда охотник, не долго думая, вынул нож.

Произошла короткая схватка. Медведь успел только задеть своей лапицей охотника, как меткий удар в сердце свалил его на землю.

В Туве, кроме медведей, водятся волки, рыси, россомахи, барсы, соболя, белки, лоси, маралы, антилопы, кабаны, горные козлы, серны, кабарги и множество других зверей. Охотники больше всего добывают белок. Знаете, сколько шкурок этого пушистого, красивого зверька принес из тайги знаменитый тувинский охотник Салдыма? Двадцать тысяч!

Отведав вкусного сыра «пыштаг» и попрощавшись с гостеприимными жителями маленького становища, мы отправились дальше по таежным дорогам и к вечеру очутились перед воротами с надписью на алом кумаче: «Хундуллу-биле моор-лакар!»

Это означало: «Добро пожаловать!»

Здесь расположился пионерский лагерь.

Пионерские лагеря появились в Туве совсем недавно. Тувинцы очень любят детей, но много ли можно было сделать раньше для ребенка в чуме, где зимой свистит ветер и едкий дым щиплет глаза, где нужда и голод терзали людей! Загорелые лица, живые, веселые глаза отдохнувших в лагере ребят лучше всего говорили о том, довольны ли они переменами в своей жизни.

В лагере готовились к костру. Сам костер должен быть таким, чтобы его видели и от Енисея, и с гор — одним словом, километров на сто вокруг, как сказал мне самый маленький пионер, носящий едва ли не самое длинное в лагере имя: Хавалыг Эртине Хавал-Оол.

Нам позволили присутствовать на репетиции концерта, который должен был завершить праздник у костра.

Тут я впервые услышал пение тувинцев — удивительное двухголосое пение. Двухголосое не потому, что один и тот же певец может по желанию петь, скажем, сначала басом, затем тенором, а потому, что один и тот же певец может петь сразу двумя голосами, дуэтом!

Двухголосое пение называется «сыкыртыр». Вы слышите звук, напоминающий пение большой неведомой птицы, звук сильный и мелодичный; ему вторит другой, глуховатый, более низкого тона. Знатоки мне объяснили, что первый звук рождается напряженными голосовыми связками, через которые певец с силой пропускает воздух; второй возникает в полости рта, которая служит как бы резонатором.

Все это было так необычайно, что мы долго стояли с широко открытыми глазами, онемев от удивления.

...Перед возвращением в Кызыл мы ночевали в горах. Ночью я вышел из юрты и огляделся вокруг. Всюду мелькали огоньки — высоко на хребтах, на дорогах, у далекого озера. Это горели костры у палаток геологов, разведывающих недра Тувинской котловины, которую считают одной из богатейших в стране «кладовых» полезных ископаемых; это светились фары автомобилей экспедиции Академии наук, в ночной прохладе переезжающей на новое место. «Белые пятна» в верховьях Енисея доживают последние дни. Уже сейчас в Туве добываются уголь, золото, построены первые заводы. Составляются планы, как сделать эту горную область цветущим уголком нашей страны. Ученые намечают, где рыть новые шахты и где строить гидростанции, где прокладывать дороги и где разводить сады.

Можно представить себе, как оживет в недалеком будущем древняя тувинская земля!

Конечно, я не повидал и десятой доли того, что можно было увидеть в Туве. Но мне надо было торопиться. Енисей велик и путь до океана долог.

Однако одну тувинскую достопримечательность я решил повидать непременно. Для этого пришлось проехать вниз по Енисею до поселка Чаа-Холь и свернуть в горы, срезая угол по направлению к впадающей в Енисей реке Хемчик. Тут, среди степи, немного возвышаясь над ее уровнем, пролегла прямая дорога, похожая на шоссе, с канавой для стока воды.

Это знаменитая дорога Чингис-хана.

Во многих книгах утверждается, что построена она Чингис-ханом в XII или XIII веке. Но этому трудно поверить. Зачем было воинственным кочевникам строить дорогу в сухой степи, где и так их кони и повозки могли двигаться без всякого труда? Говорят, что Чингис-хан облюбовал для себя долину реки Хемчик, а дорогу велел соорудить специально для того, чтобы ездить на поклонение великому Енисею. Но и это предположение весьма шатко. Енисей в здешних местах еще далеко не так величественен, чтобы вызывать чувство преклонения.

Тувинские ученые сейчас придерживаются другого мнения. До похода Чингис-хана могучее государство хакасов с высокоразвитой культурой простиралось на огромной территории Центральной Азии. Хакасы вели обширную торговлю. Им были нужны хорошие дороги. Скорее всего, «дорога Чингис-хана» является лишь небольшим сохранившимся участком важного торгового пути хакасов.

Недавно на Алтае тоже нашли древнюю дорогу, очень похожую на ту, о которой мы говорим: такой же ширины и тоже с канавой. Обнаружены, таким образом, уже два участка.

Экспедиции археологов приоткрыли завесу над далеким прошлым Тувы. Древние рисунки на скалах, высеченные из камня фигуры воинов со следами писем подтверждают, что человек в долине верхнего Енисея жил уже пять тысяч лет назад. Находки следуют за находками, и вскоре наука, соединив разрозненные звенья, даст стройную и достоверную историю Тувы.

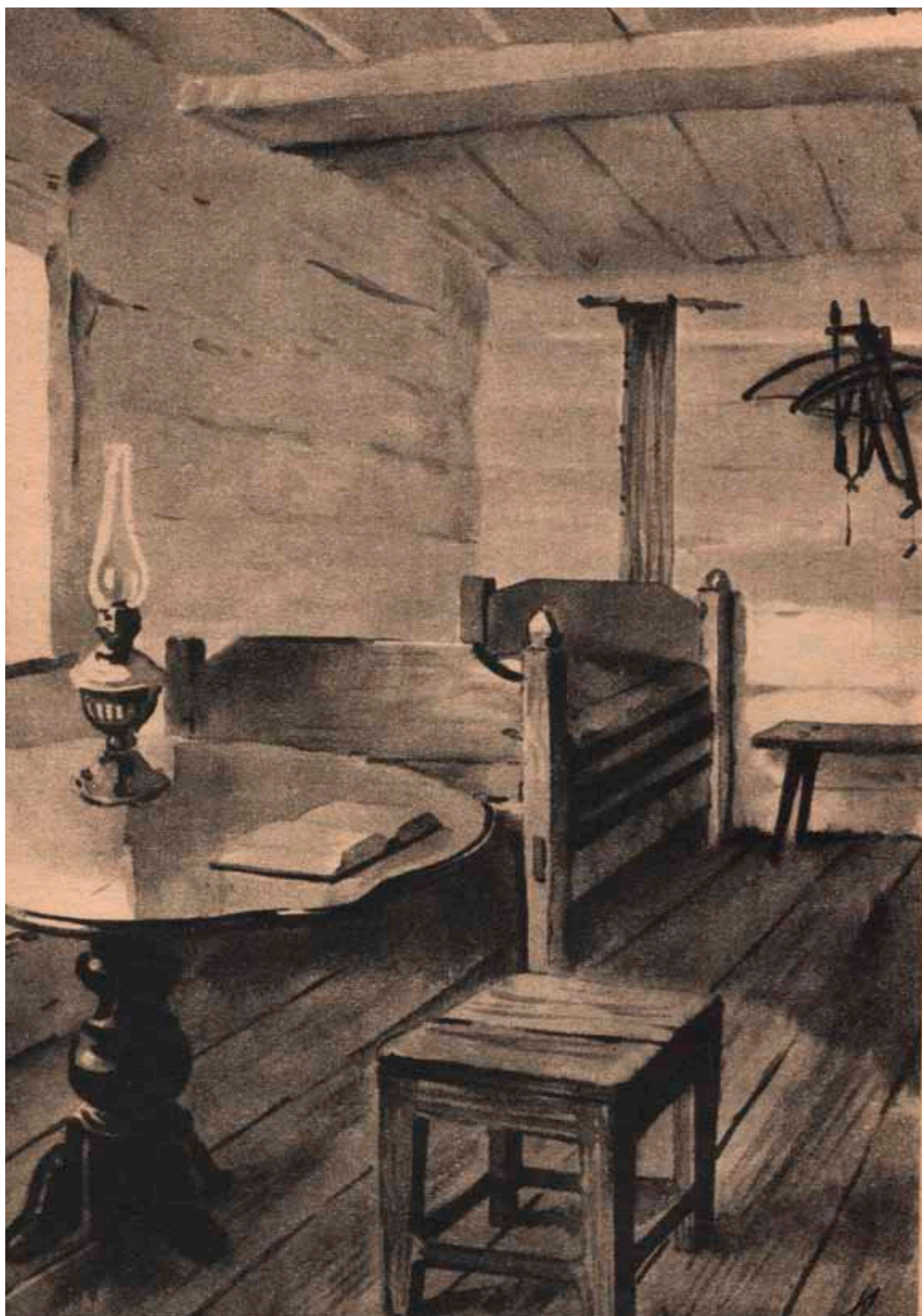
Я вернулся в Кызыл. Пора было продолжать путешествие по Енисею. Говорили, что через Большой порог пойдут два плота, но когда именно — неизвестно. Чтобы не терять времени, я решил пересечь Саяны по высокогорному Усинскому тракту и добраться к Большому порогу с севера. Таким образом, рассуждал я, мне не удастся повидать лишь очень небольшой участок Енисея на границе Тувы, где река мчится в каменном коридоре шириной всего в девяносто-сто метров.

Я купил билет на автомашину, отправлявшуюся через Саяны, в город Минусинск.

ГЛАВА IX

«ТУРУХАНКА»

Край ссылки. — По тюрьмам и этапам. — В глухих деревушках-станках. —
«Да здравствует жизнь!» — Кораблекрушение у острова. — Наставник капитанов. —
В ледяной воде. — Ветеран Енисея. — Торговые гости плывут в Сибирь. —
Древний город Мангазея

Курейка. Музей И. В. Сталина.
Иллюстрация из книги «Енисей. Река Сибирская» 1949 года. Художник К. Арцеулов

Та часть Енисея, которая заключена между устьем Подкаменной Тунгуски и устьем Нижней Тунгуски, едва ли не самая неинтересная — для путешественника. Берега однообразны. Еще не кончился лес, но и не началась тундра. Все вокруг точно слиняло. Кажется, что караван движется мимо одних и тех же берегов.

Река вступила здесь в пределы бывшего Туруханского края — гибельного края царской ссылки.

Царь хотел превратить Туруханский край в огромную тюрьму. Тут давили все живое, старались сделать побережье Енисея мёртвым, пустынным, наводящим тоску и отчаяние. Тяжело дышалось здесь постоянным жителям, родившимся и выросшим среди суровой природы. Что же тогда говорить о тех, кого царское правительство ссылало сюда на долгие годы!

Представьте себе путь этих людей. После одиночных тюремных камер их гнали по этапам в кандалах или везли за решеткой в арестантском вагоне в Сибирь. Долгой и мучительной была эта дорога. Ничего еще, если ссыльный успевал добраться до Енисея летом: тогда его хоть не держали несколько месяцев до навигации в каменном мешке красноярской тюрьмы, а сразу отправляли дальше, на север.

Вагон сменялся трюмом вонючей баржи, куда едва проникал свет. Затхлая вода плескалась под настилом на дне. Сыро, душно, темно. Немногим лучше было и тогда, когда ссыльного отправляли вниз по реке в лодке. Величественный Енисей, суровая краса его берегов сначала успокаивали подневольного путешественника. Жандармы, развалившиеся в лодке, казались такими жалкими, ничтожными и бессильными в этом царстве бескрайних вод и бездонного голубого неба. Но чем дальше на север, тем труднее становилось плаванье.

Под осень ледяной, пронизывающий ветер с океана терзал ссыльного, тщетно кутавшегося в ветхое пальто или пиджак. Холодные волны заливали лодку. Кружился в воздухе снег — предвестник унылой полярной ночи.

Но вот наконец и село Монастырское. Ссыльного выводят на крутой берег. Оглянувшись вокруг, он видит белую церковь, приземистые серые дома, разбросанные довольно беспорядочно, тротуары из досок над топкой грязью, длинный, напоминающий барак, дом полицейского управления, обугленные срубы, оставшиеся после недавнего пожара. По песчаному кособоку над Енисеем — землянки ссыльных. Там, где в Енисей впадает Нижняя Тунгуска, — крытые берестой чумы остяков. Пустынно и дико вокруг. Только парус рыбака на бескрайних водных просторах оживляет эту безрадостную картину.

Но далеко не всех ссыльных оставляли в Монастырском. Это казалось царскому правительству слишком опасным. К тому же, живя в одном месте, ссыльные могли поддерживать, ободрять друг друга. Это тоже никак не входило в расчеты царских жандармов. Ведь они-то добивались того, чтобы сломить дух и волю ссыльного, подорвать его здоровье, сделать Туруханский край его могилой.

Поэтому наиболее опасных революционеров отправляли из Монастырского по глухим деревушкам-станкам. Там они должны были жить почти в полном одиночестве. Ни газет, ни книг, ни друзей. Нередко уже к середине бесконечной полярной ночи кончался керосин, и чуть не круглые сутки приходилось сидеть либо в полутьме, либо при свете лучины, слушая, как где-то с грохотом трескается от лютого мороза промерзшая земля.

Вокруг расстилалась снежная равнина. Глубокие сугробы подступали к самому порогу избышек. Лишь северное сияние озаряло временами темный небосклон.

Конечно, у многих, попадавших в Туруханский край, немедленно возникала мысль о побеге. Бежать, скорее бежать из этих гиблых мест, пока еще есть силы, пока простуда, недоедание и болезни не унесли здоровья! И сначала ссыльному кажется, что бежать не так уж трудно. Стражник живет в отдельной избе. Жители станка с утра до ночи заняты тяжелым, трудом — им не до ссыльного. Кругом сколько угодно укромных мест, где можно первые дни переждать погоню.

Но на самом деле бежать из туруханской ссылки было почти невозможно. На севере ждала неизбежная голодная смерть в безлюдной тундре. На восток и запад простирался океан непроходимой тайги, где бродили лишь хищные звери. Тут не было не только дорог, но и троп. Непосилен был одинокому путнику, не знающему законов таежной жизни, путь через эти дебри, где во многих местах не ступала еще нога человека. Оставалась одна дорога — Енисей. Но здесь не дремала полиция. У крутых берегов, где не было обходных путей, устраивались засады. У Осиновского порога, который не могла миновать стороной ни одна лодка, всегда стояли наготове быстроходные моторки. Полицейский кордон в Ворогове проверял всех плывущих и идущих вверх по реке, немедленно задерживая того, кто казался хоть сколько-нибудь подозрительным.

Отчаяние и безнадежность овладевали ссыльными, когда они убеждались, что побег невозможен. Неудивительно, что один из первых туруханских ссыльных, декабрист Шаховский, сошел с ума. Многие кончали жизнь самоубийством. Были и такие, которых ссылка делала калеками на всю жизнь.

Гиблую «Туруханку», как называли ссылку на север Енисея, могли стойко, с честью вынести лишь люди могучего духа, могучей силы воли, непоколебимой веры в светлое будущее.

Такие люди были. В туруханскую глушь они пришли борцами, не сложившими оружия. Они и здесь тысячами невидимых нитей оставались связанными с народом и в народе черпали силу и бодрость.

Это были большевики.

В июне 1913 года в Монастырское был доставлен один из крупнейших организаторов большевистской партии, Яков Михайлович Свердлов — «товарищ Андрей». По ухабистой

Капитан и старший машинист на палубе корабля «Омуль». 13 сент 1913 г. Ф. Нансен. Фото из книги 1915 г. «Въ страну будущаго»

дороге его повезли через тайгу, туда, где на высоком каменистом берегу Енисея прилепилось несколько низеньких старых изб. Это был станок Селивановский.

Свердлов поселился в комнате с двумя подслеповатыми окнами, с нависшим над головой потолком. Здесь Якову Михайловичу предстояло жить долгие месяцы, не встречаясь с товарищами по революционной работе, жить в отрыве от мира.

В Туруханский край был вскоре после Свердлова выслан товарищ Сталин. В Краткой биографии товарища Сталина рассказывается: «23 февраля 1913 года Сталин был арестован на вечеринке, устроенной Петербургским комитетом большевиков в зале Калашниковской биржи. На этот раз царское правительство высылает Сталина в далекий Туруханский край на четыре года». Товарищ Сталин сначала жил под надзором полиции в станке Костино.

Это было крохотное селение на берегу Енисея, в нескольких десятках километров от Монастырского. Угрюмая, заболоченная тайга подступала к избам рыбаков. Станок был так мал и глух, что пароходы около него почти никогда не останавливались. Зимой пурга заметала тропы, и только столбы дыма, поднимавшиеся в морозном воздухе, напоминали о том, что среди снегов здесь живут люди.

Поселив товарища Сталина в Костино, царские жандармы не успокоились. Они не были уверены, что им удалось лишить товарища Сталина возможности вести революционную работу. Аресты, тюрьмы, ссылки, следовавшие друг за другом, до сих пор не дали никакого результата. С 1902 до 1913 года товарищ Сталин арестовывался семь раз, был в ссылке шесть раз, бежал из ссылки пять раз.

Царские опричники боялись, что товарищ Сталин бежит и из Туруханского края.

Департамент полиции особо предупредил енисейских жандармов, что находившиеся в то время за границей представители большевистской партии во главе с Лениным готовят побег из ссылки Сталина и Свердлова.

Вся полиция и жандармерия были поставлены на ноги. Из Петербурга в Красноярск, из Красноярска в Туруханский край полетели телеграммы, депеши, запросы.

Департамент полиции требовал, чтобы енисейское губернское жандармское управление «ввиду возможности побега из ссылки и возвращения к прежней партийной деятельности» товарища Сталина приняло все «меры к воспрепятствованию» такому побегу. Начальник жандармского управления с тревогой сообщил губернатору, что Сталину и Свердлову переведены уже деньги для организации побега. Губернатор засыпал телеграфными распоряжениями туруханского пристава. За все время существования туруханской ссылки царское правительство не боялось так панически побега ссыльных, как на этот раз!

В начале 1914 года жандармы перевели товарища Сталина в станок Курейка, к самому Полярному кругу.

Более заброшенный, отдаленный, забытый станок, чем Курейка, трудно было себе представить. Здесь за товарищем Сталиным должен был неусыпно следить специальный стражник. У самого Полярного круга, в Курейке, товарищ Сталин проводит 1914, 1915 и 1916 годы. «Это была самая тяжелая политическая ссылка, какая только могла быть в глухой сибирской дали», говорится в Краткой биографии товарища Сталина.

В туруханской ссылке находился также пламенный большевик Сурен Спандарьян, работавший вместе с товарищем Сталиным в революционном подполье на Кавказе.

Спандарьян шел в Сибирь по этапам, в кандалах, до крови растерших и изранивших ему ноги. Это был человек удивительной силы воли и мужества. Из красноярской тюрьмы он писал: «Здесь всякие гнусы и гниды безнаказанно меня едят: все тело исцарапано и окровавлено. Настроение бодрое, веселое, хорошее. Да здравствует жизнь! И мы еще повстанем, нечего унывать».

Сосланный пожизненно в Туруханский край, Спандарьян тяжело заболел. Надрывающий душу кашель сотрясал его тело. Дни его были сочтены. Но до последнего часа этот человек не унывал и находил силы подбадривать других. Он вел большую работу среди ссыльных, устанавливал связи с большевистскими организациями в России. Вместе с товарищем Сталиным Спандарьян писал письма Ленину.

Спандарьяну разрешили выехать из Туруханского края тогда, когда жандармы убедились, что он доживает последние дни. Пламенный революционер скончался в палате красноярской больницы.

Мрачно прошлое Туруханского края. Его называли «краем черных дней и белых ночей» не только потому, что на смену летним ночам с их незаходящим солнцем приходили зимние дни, когда полутьма окутывала землю. Нет, он заслужил это название еще и потому, что в глухих станках, разбросанных по берегам Енисея, люди не жили, а прозябали, владели черными днями. Это был мертвый край, край-тюрьма. Здесь была страна ледяного безмолвия, которое нарушал лишь неумолчный шум реки, медленно катившей свои холодные волны.

В этих местах творился самый дикий произвол. Кому мог пожаловаться обиженный? Полицейский исправник подкуплен богатеями. До ближайшего города семь дней скачи — не доскачешь. Не захотят кулаки дать тебе хлеба — умирай с голода. Решит скупщик взять пушнину за гроши — отдай, иначе тебя сживут со света. Жестокое здесь были нравы, нестерпимо тяжелой была жизнь.

Эту жизнь наблюдал с гневом и болью человек, приезжавший в гости к несчастным обитателям берегов Енисея несколько лет подряд. Он не торговал, водки для спаивания доверчивых кочевников с собой не возил, ни на кого не кричал. Он не пытался выманивать пушнину у охотника и рыбу у рыбака. Приезжий лишь расспрашивал обездоленных людей об их жизни, что-то записывал, помогал бедняку чем мог и, сев в свою небольшую лодку, плыл дальше, к океану.

О том, что он увидел во время своих поездок, можно прочитать в написанной им книжке «По Енисею».

Путешественник — его звали Владимир Передольский — рассказал, например, о страшном Ландуре:

«— Ландур? Что такое Ландур? — спросят меня, вероятно, многие. Слово это в говоре инородцев низовьев Енисея означает вислоухого оленя с понуро свешенной головой, и только. Олень — животное кроткое, смиренное... Почему же одно слово «Ландур» приводит в трепет не только простодушного дикаря — аборигена страны полуночи, но и смековатого русского, закинутого волею судеб в дебри Туруханского края?»

Оказывается, «Ландуром» прозвали кулака-торговца, закабалившего и разорившего сотни людей. Прозвали его так за понуро свешенную голову с мутными, без выражения глазами. Сам он был высок и жилист, с большим отвисшим брюхом.

— Ландур людей жрет, — говорили между собой жители побережья, — вот у него брюхо и отвисло.

И верно, Ландур не давал спуска ни кочевникам, ни русским. Он сам творил суд и праву. Рассказывали об одном рыбаке, которому Ландур выколол глаза. Рассказывали о русском батраке, который, сопровождая Ландура в поездке по тундре, провалился в воду. Дело было зимой. Батрак попросил у Ландура сухие бокари — сапоги из оленьего меха. Но тот вытолкнул его в шею и приказал идти дальше. Батрак пошел и отморозил обе ноги.

Однажды Ландур убил мерзлой, твердой, как камень, рыбой заспорившего с ним рыбака. В тундре думали, что на этот раз злодею не уйти от суда. Но Ландур дал взятку полицейским и остался безнаказанным. Он не только спаивал и обманывал народ, но и грабил среди бела дня. Приедет, например, к кочевнику и кричит:

— Отдавай долг, бездельник!

А тот не только ничего Ландуру не должен, но и видит-то его в первый раз. Ландур этим нимало не смущен.

— Раз ты не должен, значит отец твой был должен, — орет он и приказывает своим подручным отбирать у несчастного пушнину, ловить его оленей.

«Жутко становится, — написал в своей книге Передольский, — при подобных рассказах, безысходно жутко; действительно, начинаешь сознавать, что находишься «в странах полуночи», в тех странах, где тьма и все, совершающееся в ней, властно царят над светом и правдой. С суровым климатом, с лишениями, с невзгодами, со всеми ужасами полярного края азиатец бороться может, но перед Ландуром и присными ему азиатец бессилён. Одурманенный водкой, зараженный всевозможными болезнями, истерзанный обманами и наглостью торгашей, азиатец погибает. Не эту ли тяжелую его агонию кабинетные ученые окрестили поэтическим именем «угасания инородцев»?»

Статьи путешественника о произволе на Енисее произвели впечатление. Даже царская администрация была вынуждена запретить Ландуру торговать в Туруханском крае. Но что толку! На месте одного изгнанного Ландура спустя немного появились десятки других, еще более свирепых и жестоких.

Мне попало как-то описание Туруханского края, сделанное в 1917 году, накануне революции. Оказывается, на территории, по размерам превосходящей несколько европейских государств, жило меньше четырех тысяч человек. В центре края — селе Монастырское, переименованном в город Туруханск, было всего двести девяносто шесть жителей.

В крае существовало два училища, в которых обучалось сорок человек. «Не мудрено, — восклицает автор описания, — что невежество свило здесь себе прочное гнездо и царит беспросветная народная темнота!»

Рисунок из первого издания книги 1949 г.
Художник К. Арцеулов

Старая могила – могила декабриста Лисовского
(умер и похоронен в 1844) на Толстом Носу
возле Дудинки. Из книги «В страну будущего»

Край был отрезан от всего остального мира, и лишь незадолго перед революцией в Туруханске появился телеграф, для того чтобы легче было предупреждать полицейских о побегах ссыльных.

Немало нужно времени и сил, чтобы окончательно оживить эти столетиями запущенные и омертвленные берега, чтобы стереть с них еще проглядывающие кое-где пятна былого, чтобы в каждом прибрежном селении исчезли последние подслеповатые избушки.

Многое уже сделано. Вот на высоком берегу видно село Верхне-Имбатское. Посмотрите, как разросся некогда всеми забытый станок! Красивое здание школы, метеорологическая станция, магазины, колхозные фермы — все это прочное, добротное, новое. Меняется облик и других поселений, а главное — с каждым годом все оживленнее становится сама река, несущая тяжелые караваны, огромные плоты, быстроходные пассажирские теплоходы.

Чувствуется, что где-то впереди, еще севернее этих неласковых мест, кипит жизнь, которая и не снилась старому Туруханскому краю.

«Мне стало ясно, что надо изучить очертания реки во всех возможных направлениях — вверх ногами, шиворот-навыворот, наизнанку, задом наперед, а кроме того, знать, что делать в темные ночи, когда у этой реки отсутствуют какие бы то ни было очертания».

Так сказал некогда писатель Марк Твен, который три года плавал по реке Миссисипи, постигая искусство лоцмана.

Я встречал людей, «во всех возможных направлениях» знавших Енисей и особенно его низовья. Но сначала нужно сказать два слова о том, что представляют собой эти низовья, и совершить попутно небольшую экскурсию в область цифр, которые могут показаться скучными, но без которых обойтись трудно, когда речь заходит о жизни и поведении реки или о том, чем она отличается от других рек.

Енисей начинается на высоте около 1400 метров, а Волга — на высоте только 228 метров над уровнем моря. Енисей пробегает до моря 3807, а Волга — 3688 километров. Выходит, что Енисей «падает» гораздо круче Волги, да и многих других рек. В среднем течении, заканчивающемся устьем Ангары, Енисей спускается с каждым километром на 20-30 сантиметров, а после впадения Подкаменной Тунгуски — на 10-20 сантиметров. Волга же в среднем течении спускается только на 4-6 сантиметров за каждый километр своего пути.

Чем круче «падает» река — чем больше ее уклон — тем стремительнее ее течение. В Туве Енисей частенько мчится быстрее лошади. И в среднем течении наш богатырь не ленится: семь-десять километров в час — это очень большая скорость для такой огромной реки. Лишь ниже, у Туруханска, он переходит с рыси на шаг, делая четыре километра в час, а за Дудинкой продвигается еще медленнее.

Река постоянно размывает берега, наносит новые мели, то и дело меняет направление своих струй. Ее нельзя изучить раз и навсегда — ее надо изучать постоянно, зорко следя за всеми переменами вдоль и поперек русла.

А что это значит, если речь идет о Енисее? Это значит, что капитан, штурман или лоцман, плавающий в низовьях реки, должен знать все опасные места, все подводные камни, все боковые протоки, все извивы судового хода на протяжении не сотен, а тысяч километров. Дело в том, что енисейский капитан, отправляясь с верховьев до устья реки, совершает не менее длинный рейс, чем моряк, ведущий корабль из Ленинграда в Лондон. На Енисее бывают плавания, когда судно до возвращения в родной порт проходит пять-шесть тысяч километров. Оно находится в рейсе не дни и даже не недели, а месяцы. Это уже не речные, а океанские мерки.

Трудно даже представить себе, какой удивительной памятью и наблюдательностью должен обладать человек, ведущий караван в такой рейс. Вы, наверное, думаете, что,

Портрет И. В. Сталина. Рис. Д. И. Каратанова. 1938 г.

Село Курейка. Дом, где жил И. В. Сталин в ссылке. 1935 г. Фото С. Малобицкого. Из фондов КККМ

Павильон в Курейке над домом где жил Сталин. Из фондов КККМ

пройдя в низовья реки, он может вести пароход обратно той же водной дорогой? Ничего подобного! Пока караван шел туда, весеннее половодье позволяло срезать углы и плыть над теми местами, где на обратном пути, после спада воды, торчат песчаные острова, успевшие даже покрыться чахлой травкой. Надо выбирать новый ход. Но где его искать?

«Там, где глубже», — не задумываясь, скажете вы — и ошибетесь. Капитан предпочтет идти более мелкими, но зато более тихими местами, поближе к берегу: здесь легче преодолевать течение и можно двигаться гораздо быстрее.

Человек, которому доверено вести судно, должен знать жизнь реки так же, как свою собственную. А жизнь реки очень сложна.

Вот, например, всем известные явления — замерзание и вскрытие. Чего бы, кажется, проще: наступили морозы — вода стала сверху замерзать, покрываться льдом; пригрело хорошенько лед весеннее солнышко — он растаял, и вода унесла его прочь. Только и всего.

А на самом деле вода во многих сибирских реках, и особенно на Ангаре и Енисее начинает замерзать вовсе не сверху, а снизу. Мороз силен, а течение еще сильнее, никак не дает образоваться даже тонкой ледяной корочке. Но переохлажденная вода находит все же такое место, где течения почти нет. Это место — в глубине, у самого дна. Здесь и происходит образование донного льда.

Это интересное явление природы подробно описал выдающийся гидрограф Евгений Варфоломеевич Близняк. Во время своих экспедиций по великой сибирской реке он собрал много материала о ее жизни и написал потом научные труды, которые во многом не устарели и теперь, чуть не четыре десятка лет спустя после их появления в свет.

Оказывается, часть донного льда всплывает, образуя так называемую шугу. Всплывшие льдинки захватывают с собой со дна все, что плохо лежит — песок, гальку, а иногда и довольно крупные камни; не зря рыбаки, которым случается зимой тупить железные пешни в слоях донного льда, называют его каменным.

Шуга скапливается сначала у мелей, кос, островов, в небольших заливах, набивается в тихие притоки. Но бывает, что она образует на мелких перекатах целые ледяные плотины — зажоры, вызывающие внезапные наводнения. Представьте себе потоки воды, хлынувшие в морозный день на улицы прибрежного селения!

Енисей замерзает очень беспокойно. Перед тем как утихомириться (это случается в его южной части в начале ноября, а в северной — уже к середине октября), он громоздит ледяные торосы, острые выступы которых не дают ни проходу, ни проезду. Местами лед забивает реку до самого дна. Зато в других местах, где быстрое течение, остаются долго не замерзающие полыньи. В морозные дни над ними клубится густой пар.

Зимняя шуга на Енисее лежит неровно: к берегам лед приподнят, а посередине образуется впадина. Это происходит потому, что зимой река сильно мелеет, несет почти в двадцать раз меньше воды, чем весной, в половодье. Убыль продолжается и после ледостава. Лед опускается следом за понижением уровня воды, а у берегов вскоре оказывается и вовсе на сухом дне. Местами подо льдом образуются пустоты. Когда едешь на санях недалеко от берега, то копыта лошадей стучат гулко, как будто тут мост. Впрочем, мост есть и на самом деле, только ледяной.

Бывают на Енисее и наледи. Когда в сильные морозы река начинает кое-где промерзать до дна, воде становится тесно, она ищет выхода. Смотришь, лед вспучивается бугром; еще немного — и бугор трескается, давая дорогу хлынувшей воде, которая тотчас разливается вокруг. Попасть на такую наледь — сущее несчастье: снег пропитывается водой, ноги хлюпают в холодном месиве... Брр!

Даже в период своей «зимней спячки» река вовсе не спит. А весенний ледоход! Дружно, сообщая солнцу и теплый воздух подтачивают лед сверху, а вешние воды — снизу. Он становится хрупким, и весенняя вода начинает приподнимать, ломать, крушить его. У бере-

гов образуются «закраины» — пространства талой воды. Теперь зимняя шуба едва держится, у нее уже нет плотной ледяной спайки с берегом. Глядишь, и тронулся лед в свой последний путь...

Что за величественная картина ледоход на Енисее! Льдины с грохотом и звоном ползут на берег, крутятся в водоворотах, наползают друг на друга, сталкиваются, крошатся. Плышет целый кусок зимней дороги через реку, темной от клочков сена, растерянных обозами. Торчком поднимается бревно, стиснутое двумя синеватыми глыбами. Проносится забор из снега и прутьев тальника: зимой он защищал от ветра и заносов какую-нибудь прорубь, где брали воду и полоскали белье.

Лед в верховьях Енисея трогается примерно в конце апреля, а около устья — только в начале июня. Продолжается ледоход дней восемь-десять, и за это время на реке обязательно образуется несколько страшных заторов.

Весенний затор — близкий родственник осеннему зажору. Льдины, приносимые рекой с верховьев, не везде могут взломать толстый покров, который еще не успело подточить солнце. Но деваться им некуда. Они карабкаются на упрямое ледяное поле, набиваются под него. С каждой минутой растет ледяной барьер, и с каждой минутой скапливается перед ним бурная весенняя вода. Бывает, что затор поднимает воду не хуже плотины гидростанции — на пятнадцать-двадцать метров. И долго потом дивятся люди, увидев на лугах далеко от реки огромные льдины, словно заброшенные туда каким-то чудом по воздуху:

— Ну и затор был!

Ледоход — неутомимый работник. Присмотритесь-ка к берегам. Вот скалы, сверху неровные, шероховатые, а снизу отшлифованные. Кто этот шлифовальщик? Тот самый донный лед, в который вмерзли песок и твердые камешки. При ледоходе он усердно тер скалы, точно так, как хозяйка трет песком заржавленный нож.

Музей И. В. Сталина в Курейке. Из фондов КККМ

Вот обрыв, выступ которого начисто срезан и унесен прочь. Это тоже работа льда, какой-нибудь огромной глыбы, сметавшей все на своем пути.

На гладкой поверхности покрытого галькой берега видны глубокие борозды. Это «пахал» все тот же лед, передвигавший острый обломок скалы.

Если вы увидите на берегу высокие валы из сдвинутой земли и гальки, то можете не сомневаться, что и тут не обошлось без льдин, выползавших под напором своих соседок из реки. Такие валы сибиряки называют «коргами» или «кекурами».

Сколько на Енисее этих самых кекуров? Вероятно, больше тысячи. Но есть люди, которые знают их все наперечет. Это енисейские капитаны, штурманы, лоцманы. Они знают не только кекуры, но и все островки и косы, хотя некоторые из них появляются на поверхности только глубокой осенью; знают все мысы, одни названия которых заняли бы сотню страниц, напечатанных мелким шрифтом; знают, в каком месте и к какому берегу поворачивает течение. Спросите у такого капитана, какая сейчас глубина на перекате у Пономаревских камней, до которых осталось еще километров двадцать, и он, мельком взглянув на берег, скажет:

— Там должно быть два метра восемьдесят сантиметров.

Будьте уверены, что глубина на перекате именно такая. Капитан узнал это, увидав, что вода немного не доходит до корней старой сосны вон на том мысу, который, на ваш взгляд, похож на все другие мысы впереди и сзади парохода. Но для капитана этот мыс и старая сосна — раскрытая книга, рассказывающая о глубинах на много километров вокруг, потому что такой капитан — один из тех, кто знает Енисей «вверх ногами, шиворот-навыворот, наизнанку, задом наперед».

Я познакомился с одним из удивительных знатоков реки давно и вот при каких обстоятельствах.

...Теплоход полным ходом мчался вниз по Енисею. Тревога чувствовалась на лицах людей, беспокойно бродивших по палубе: еще на рассвете радист принял сигнал бедствия «SOS» — три буквы, известные морякам всего мира. Может, на другой реке такой сигнал и показался бы странным, но в низовьях Енисея он звучит почти так же тревожно, как в море. Немного спустя мы получили радиogramму, разъяснявшую, в чем дело: «Моторный бот «Пурга» получил пробоину, налетев на льдину. Окажите помощь».

Майский день, когда мы шли на помощь «Пурге», был холодным и ветреным. Временами валил снег. Вода, стекавшая с палубы, замерзала иглистыми сосульками на бортах. Якоря обледенели. Ниже Игарки Енисей был еще скован льдом, а с острова Диксон радиовали о снежной метели.

Теплоход бежал полным ходом, время от времени гудела сирена, предупреждая тех, кто мог, как и мы, пробираться в этот непогожий день по реке.

Казалось, прошло очень много времени, прежде чем сквозь снежную мглу с мостика увидели наклонившуюся мачту с полуспущенным флагом. Мы были у острова, плоского, как блин. Высоко задранный нос злосчастного бота торчал среди прибрежных кустов, а через погружившуюся в воду корму крепкий ветер свободно гнал волны. На крыше рубки стояли люди и махали нам руками.

— Эй, на «Пурге»! — кричал штурман. — Люди все живы?

— Все, — ответил парень в высоких сапогах, сложив ладони рупором.

Авария произошла на рассвете. Возможно, у вахтенного слипались глаза, и он не очень-то зорко глядел, что делается под носом судна. Пассажиры проснулись от внезапного толчка и выскочили на палубу. Вода через образовавшийся пролом быстро заливала трюм. Неподалеку плыла небольшая льдина — это на нее и наткнулся бот. Капитан едва успел довести «Пургу» до ближайшего острова.

Команда и пассажиры, среди которых были женщины, оказались под неласковым туруханским небом, на залитом водой берегу. Остров был необитаем в самом прямом смысле этого слова. Еще два дня тому назад, в самый разгар половодья, на нем не было ни клочка сухой земли. Да, авария в низовьях Енисея — не шутка...

Спасение «Пурги» началось с осмотра пробоины. Наш судовой водолаз натягивает прорезиненный костюм поверх толстого шерстяного свитера и привинчивает шлем.

— Водяному привет передавай! — просит один из матросов.

Сквозь стекло шлема видно, как водолаз кивает головой: ладно, мол, передам. Затем он лезет в ледяную воду. Снег валит гуще. Вечереет. Из воды доносятся глухие удары молотка. Наконец пробоина заделана, водолаз поднимается на борт. С него стягивают костюм. Обжигаясь, он пьет горячий чай со спиртом. Сведенные холодом синие пальцы с трудом удерживают стакан.

Но как откачать воду из «Пурги», если бот и река представляют собой сообщающиеся сосуды, в которых вода в строгом соответствии с законами физики держится на одном уровне? Надо было как-то выровнять и приподнять суденышко, чтобы корма его хоть немного возвышалась над водой.

Тут во мгле затарахтел мотор. Показалась лодка, на носу которой стоял высокий сутуловатый человек.

— Капитан-наставник плывет! — радостно крикнул вахтенный.

Капитан-наставник — это учитель капитанов, самый опытный судоводитель, знаток реки. Его место там, где трудно, где опасно, где случилось несчастье. Он летит по вызову на самолете, а иногда пробирается на лошадях, на лодках, на плотках.

Капитан-наставник Иосиф Александрович Перельман показался мне сначала равнодушным и не особенно энергичным человеком. Уже не молодой, в старой кожаной тужурке, он тяжело волочил ноги в стоптанных сапогах, расспрашивая о подробностях аварии, говорил глухо и медленно. Было досадно, что он копаются, вместо того чтобы немедленно действовать.

Но вот капитан начал карабкаться по скользкой наклонной палубе «Пурги». Да полно, тот ли это человек? Вы знаете, он просто помолодел на глазах! Двигался легко, ловко, крепким, властным голосом отдавал команду. Матросы, подчиняясь его уверенным, отрывистым распоряжениям, работали быстро и весело. Застучала лебедка теплохода, стальные канаты натянулись, и корма «Пурги» приподнялась из воды. Тотчас в ход был пущен мощный судовой насос, и вскоре грязный и мокрый бот всплыл и выровнялся.

Когда все было кончено, капитан, снова волоча ноги, приплелся в кают-компанию и, попивая чаек, долю жаловался на старость, на недомогание. Но глаза его блестели совсем молодо. И я уже знал теперь, что капитан немного хитрит, прикидываясь таким немощным, что на самом деле он как стальная пружина, готовая разогнуться.

И вот несколько лет спустя я снова встретил старого капитана. Его легко было узнать: та же походка, тот же голос, только голова стала совсем седой, а на кителе появился орден. Капитан покашливал, прикрывая рот ладонью.

— Вот, простудился, — глуховато и медленно проговорил он, как бы извиняясь. — Сдают старики, сдают...

На Енисее простудиться нетрудно, и я не обратил внимания на его слова. А потом мне рассказали историю этой простуды.

Поздней осенью пароход «Адмирал Макаров» наскочил на камни. Борт был пробит. В трюм хлынула вода. Авария произошла недалеко от пристани, где как раз находился Перельман. Не раздумывая, он вскочил в лодку и поплыл к судну.

Случилось так, что «Адмиралом Макаровым» командовал человек неопытный, потерявшийся перед опасностью. Старый капитан с трудом вскарабкался по веревочному

трапу на борт судна. Заглянув в трюм, он увидел переливавшуюся там воду. Он колебался только секунду, а потом на глазах у струдившейся к люку команды спустился в наполовину затопленный водой и ледяной кашей трюм, ногами нащупал пробойну и прижал к ней «заглушку». Течь прекратилась. На помощь капитану бросились матросы. Вскоре удалось заделать пробойну, откачать воду.

А старый капитан слег в постель: у него началось воспаление легких.

...На мостике нашего теплохода стоит высокий, прямой человек с густыми, нависшими бровями, когда-то черными, а теперь серебряными. Стоит неподвижно, зорко оглядывая реку. Сколько раз приходилось ему проплывать тут!

Он думает о чем-то своем. Может, вспоминаются ему далекие годы, когда служил он юнгой на крейсере или матросом на зверобойном паруснике. Может, вспоминает капитан свой первый рейс по Енисею, тогда еще совсем пустынному, необжитому. Вот было время! Каждое плавание в низовья, к заливу считалось опасной экспедицией. Но именно сюда стремился он, тогда еще совсем молодой и неопытный капитан. Тут шел путь к океану. Здесь было будущее реки, окно огромного края в мир. Уже строились на верфях ледоколы, поднимали якоря экспедиции, обследовавшие пути через Карское море. Капитан готовился к встрече гостей. На боте «Омуль» он плавал по заливу и дельте, изучая фарватер, приглядываясь к бухтам, наблюдая ветры, нанося поправки на карту.

Я думаю, что все красноярские мальчишки уже тогда отлично знали капитана Константина Александровича Мецайка. Он казался нам страшно суровым, но все мы хотели походить на него, плавать куда-то далеко на север и приводить поздней осенью рыбацкий караван, встречать который сбегался весь город.

Когда пошли по Енисею к молодому городу Игарке первые океанские корабли, капитан Мецайк, счастливый, гордый за свою реку, стоял на штормовом мостике головного судна, указывая путь. Он вел флотилию енисейских речных судов и в дни ледового Пясинского похода. Через Карское море флотилия пробралась до устья реки Пясины и поднялась вверх по ней с грузами для строительства нового города в тундре.

Да, есть что вспомнить ветерану Енисея, сделавшему для любимой реки столько, что всего и не перечтешь.

Все енисейские капитаны немного мечтатели и романтики. Каждый из них открывал какие-нибудь новые пути, впервые поднимался вверх по каким-либо неосвоенным притокам, старался провести караван там, где еще никто не водил. Эти капитаны продолжают дело, начало которому было положено еще очень давно.

Ведь в низовьях Енисея русский человек появился раньше, чем на берегах южной части реки. Разыскивая новые пути-дороги на восток, он построил город Мангазея. Не ищите этот город на картах, даже самых подробных. Его давно нет в природе.

Но триста лет назад по его улицам расхаживали торговые гости, приезжавшие и из Москвы, и из заморских стран. На пяти башнях бревенчатой стены, которой был обнесен город, расхаживали дозорные. Богатые церкви высились рядом с просторными хоромами и воеводским домом. В мангазейском гостином дворе были десятки лавок, а рядом помещались пороховой и винный погреба. Старинные парусные лодки — «кочи» везли в Мангазею хлеб и другие товары. «Делали кочи крепкие, и лес в них был добрый, мелкий, и ушивали, и конопатили, и смолили, и во всем делали дельно, чтоб те кочи к морскому

Музей-пантеон И. В. Сталина, построенный в Курейке в 1950-1952 гг.

ходу были надежны», отмечает летописец. Обрато купцы возвращались с грузом драгоценной пушнины.

Как же возник этот город, давно ставший легендой, и какая сила стерла его с лица земли?

Еще много веков назад новгородцы плавали северными морями до устья реки Обь, выгодно выменивая здесь меха соболей, песцов и лисиц. Торговые гости проникали также вверх по впадающей рядом с Обью реке Таз, где кочевало племя монгомзи, или, как их называли русские, мангазейцев.

Путь на Таз, как пишет летописец, был «труден и прискорбен и зело страшен от ветров». Это испытали на себе посланцы московского царя Шаховский и Хрипунов, которые в 1600 году отправились закладывать на земле мангазейцев укрепленный город. Буря разметала кочи. Отряд двинулся дальше на оленях, но был разбит кочевниками. Лишь на следующий год другой отряд, с пищальми, пушками и запасами пороха, ядер и свинца все же достиг Таза и, пройдя вверх по реке, заложил город, названный Мангазеей.

Город рос и богател со сказочной быстротой. Одних торговых людей сюда наезжало более тысячи. Лавки ломились от холста, свечей, сафьяновых сапог, посуды, сетей и других товаров. У прилавков толпились казаки со связками пушнины. Получив в обмен на шкуры соболей и песцов порох, сухари, крепкие кафтаны, во все стороны от Мангазеи отправлялись отряды смелых землепроходцев, искавших новых земель и новых богатств. Вести о самом северном городе и порте, основанном русскими в далекой Сибири, дошли до немцев и голландцев, которые стали снаряжать туда корабли.

И вдруг росту и могуществу города был нанесен непоправимый удар: опасаясь беспошлинной торговли на Севере и проникновения иностранцев в Сибирь, царь и воеводы под страхом «быть казненным злыми смертями» запретили вскоре плавание по Карскому морю. Правда, оставался еще речной путь через Обь, но это было уже совсем не то.

Жители Мангазеи потянулись из своего города поближе к Енисею, в только что основанную Новую Мангазею. Их подгоняли беды и несчастья: три года подряд буря разбивала в Обской губе кочи с хлебом, и в старом городе начался голод; потом вспыхнул вдруг страшный пожар, не пощадивший деревянных домов, лавок и складов. После того как тронулся с насиженного места в Новую Мангазею, которую стали называть Туруханском, сам воевода, древний город был окончательно заброшен.

Весной 1947 года на реку Таз пробралась экспедиция археологов. Она искала следы Мангазеи. Остатки городских стен и башен были обнаружены без особого труда. Интересные находки удалось сделать и при раскопках: земля сохранила старинную посуду, желез-

ные изделия, серебряные украшения, монеты времен Ивана Грозного, обломки китайских ваз, голландские и китайские ножи.

Новая Мангазея, или Туруханск не достигла и половины блеска и значения старой. Говорили, что эта крепость сильна только тем, что ей ничто и никто не угрожает.

«Город производит впечатление большой разрушенной деревни», — писал один путешественник, — его окрестности наполнены болотами и лужами стоячей воды... Маленькая церковь и стоящая одиноко покосившаяся башня — единственные здания, которые могут хоть сколько-нибудь претендовать на внимание».

Новую Мангазею в конце концов постигла судьба старой. Она захирела и опустела.

Нынешний город Туруханск стоит в другом месте — там, где когда-то мангазейцы построили Троицкий монастырь — и около него село Монастырское. Он расположен на высоком, обрывистом берегу, у впадения в Енисей самого мощного притока — Нижней Тунгуски. Это город рыболовов и охотников, центр большого и богатого района. Здесь находится крупный питомник, в котором разводят черно-бурых лисиц.

Мы только что приблизились к берегу, около которого стояла целая флотилия рыбацких лодок, как навстречу каравану понеслась легкая моторная лодка. В ней стоял человек в морской фуражке и делал нам какие-то знаки. Пока мы строили догадки, кто бы это мог быть, гость уже вскарабкался на палубу. В руках он держал исписанный бланк. Это была радиограмма. Капитан быстро прочел ее.

— Мы не будем останавливаться в Туруханске, — сказал он и сложил листок вчетверо. — Нам нельзя медлить ни минуты. Сейчас на Нижней Тунгуске половодье, но ожидается сухая погода и быстрое обмеление реки.

Капитан взялся за ручку свистка. Рулевой начал крутить штурвал.

Нос теплохода повернулся в сторону Нижней Тунгуски.

Прибытие в Красноярск трофейных немецких теплоходов. 1948 г.

Г. КУБЛИЦКИЙ

Рейс
В ЭВЕНКИЮ

19 39

КРАСНОЯРСКОЕ КРАЕВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

К ЧИТАТЕЛЮ

В сущности, мы очень слабо знаем наш большой и богатый Красноярский край.

С удовольствием и гордостью мы говорим, что он простирается от границ Тувинской Аратской республики до берегов Северного Ледовитого океана, что на севере края промышляют белых медведей, а на юге выращивают виноград, что в Хакасии начинают сев как раз в то время, когда над зимовкой мыса Челюскина еще свирепствует пурга... Мы гордимся нашими «Столбами», чудесным уголком сибирской природы, гордимся Игаркой, свидетельством большевистских дел в Заполярье. Слава Игарки шагнула далеко за границы края и даже за пределы страны.

Зато иной раз слышишь недоуменный вопрос от человека, считающего себя осведомленным старожилом:

— А разве остров Диксон входит в наш край?

Да, входит. В него входит также необъятная территория, что лежит между широтами Енисейска и Игарки. Что мы знаем о ней? Мало, очень мало. Нет здесь больших городов, не видно труб фабрик и заводов, а на полотне карты совсем немного кружков-селений. Тем не менее, этот кусок края очень интересен и своеобразен, а огромные природные богатства позволяют говорить о его большой будущности. Мы имеем в виду Эвенкию, молодой национальный округ, где существуют еще нехоженные места, где экспедиции до сих пор открывают новые реки, где можно проехать пятьсот верст и не встретить ни одной живой души.

Автор этих строк принимал участие в большой экспедиции на речном теплоходе «Красноярский рабочий».

На экспедицию была возложена задача: войти с караваном в два мощных притока Енисея — Подкаменную и Нижнюю Тунгуски, — подняться по этим почти неосвоенным рекам возможно выше и доставить грузы для эвенкийского народа, обитающего на огромной территории междуречья. Рейс оказался удачным. Каравану удалось преодолеть пороги и перекаты «диких» рек. Грузы были доставлены в Туру — центр Эвенкии.

Этот экспедиционный рейс и описывается в книжке.

Для того чтобы сколько-нибудь полно и исчерпывающе рассказать об Эвенкии, надо прожить там годы. Записи в блокноте газетного работника, побывавшего в этих местах проездом, наблюдавшего жизнь берегов с борта теплохода, неизбежно грешат поверхностностью. Но если у читателя после прочтения предлагаемой его вниманию книжки появится хотя бы общее, приблизительное представление о природе описываемых мест, быте и нравах их населения, если она расширит его познания о крае, — автор будет считать свою скромную задачу выполненной.

Экскурсия по карте

Суматошные, горячие дни! Солнце печет совсем по-летнему, только темные лужицы остались на берегах где еще вчера были хрусткие, игольчатые льдины. Енисей — полноводный, бурный, вздувшийся — несет вырванные с корнем деревья, бревна, огородные плетни, всякую всячину, накопившуюся за зиму на берегах.

Надо торопиться. Надо ловить дни половодья. И вот — все торопятся. День и ночь на пристани слышны свистки пароходов, лязг якорных цепей и гулкая переключка капитанских рупоров. Снабженцы с тугими брезентовыми портфелями носятся от пристани к конторе, от конторы к складам. Их ругают за то, что не вовремя доставлена картошка, за то, что не хватает канатов и вообще за то, что вода вот-вот начнет падать, а конца погрузки еще не видно.

Один опытный капитан, участник многих экспедиций, сказал мне однажды:

— Со времени погрузки каравеллы Колумба получается так, что для окончания всей подготовки к отплытию всегда не хватает ровно одного дня. Но боже вас упаси от проявления слабыхарактерности в этом скользком деле! Попробуйте задержать отплытие на день — окажется, что нужен еще денек для ликвидации на корню кое-каких мелких недоделок. Так, откладывая отдачу концов со дня на день, вы с большим опозданием выходите в рейс. И что же? На второй день пути приходит, скажем, боцман. Лицо у него виноватое. Некоторое время он мнется, потом выпаливает: «Неладно получилось, товарищ капитан. Брезенты-то для люков мы в порту оставили. Да и обтирочной ветоши для машин на рейс не хватит...» Поэтому мой совет: назначен срок — выходи. От задержки толку не будет.

Руководство нашего каравана, очевидно, не следовало этому мудрому правилу. Отплытие было отложено сначала на десять часов, потом еще на сутки. Наконец, когда провожающие, потеряв всякую надежду когда-нибудь расстаться с нами, разошлись с пристани, теплоход торопливо дал отходные гудки. Поползли назад причалы, бывший старый собор с вывеской «Аэроклуб», склады, крытые железом. Облако пыли, что постоянно окутывает город в жаркие дни, отступило за корму, и сразу стало легче дышать.

Караван вышел на фарватер. Баржи, счаленные за кормой «Красноярского рабочего», осевшие в воду по самую ватерлинию под тяжестью товаров и продуктов, предназначенных для факторий Эвенкии, вытянулись в длинную цепочку. В их трюмах лежали горы мешков с мукой, штабеля папиросных ящиков, бочонки с маслом, кипы мануфактуры, проволочные сетки для зверопитомников, охотничьи ружья, книги, аэросани и множество других вещей, о которых в накладных коротко говорится: «разный груз». Весь этот «разный груз» нам предстояло поднять по рекам Подкаменной и Нижней Тунгускам — двум сестрам богатыря Енисея.

Перед выходом в рейс я бегло просмотрел карты. Подкаменная Тунгуска впадает в Енисей как раз в том месте, откуда одинаково далеко и до Красноярска, и до Игарки. Её извилистая линия отходит от Енисея вправо и теряется за пределами края. Нижняя Тунгуска величественна даже на карте. Жирная черта её устья начинается около Туруханска и, постепенно утоньшаясь и разветвляясь на десятки артерий, уходит вглубь, на восток, к верховьям великой сибирской реки Лены, почти соединяясь с ней у Киренска. Длина этого крупнейшего притока Енисея приближается к 3500 километрам. Немного короче Волги, длиннее Ганга, почти в два с половиной раза длиннее Рейна — вот какова Нижняя Тунгуска!

...Давно уже остался позади Красноярск. Исчез за поворотом Енисея чудесный Есаульский бор, смолистый аромат которого ветер донес к нам с берега. Бурная весенняя вода пронесла караван мимо Атамановского «быка» — крутой скалы, у подножья которой выются воронки водоворотов. Приближался Казачинский порог.

Вспоминается фраза из учебника географии: «в СССР крупные пороги находятся на реках Енисее, Ангаре и других». Казачинский порог — не самый крупный из ангарских и енисейских порогов, но и он достаточно внушителен.

...Все быстрее и быстрее мчит Енисей свои воды. Все ближе сходятся берега — бурые, каменистые, заросшие тайгой. Издали слышен характерный шум воды, прокладывающей себе дорогу между камней. У входа в порог — семафор. Да, самый настоящий семафор!

Он гостеприимно открыт: пожалуйста, путь свободен. Зато на семафоре в конце порога сейчас поднят красный шар. Своеобразное регулирование движения здесь совершенно необходимо: фарватер порога настолько узок, что при случайной встрече в нем двух пароходов одному неизбежно пришлось бы выбрасываться на камни. И осенью, перед ледоставом, бывает так, что под порогом скапливается очередь (!) пароходов. Они переговариваются между собой языком гудков — кому первому идти в порог. Каждому хочется поскорей миновать опасное место.

Мы входим в порог. Река делится на два рукава высоким скалистым островком. В правом, узком рукаве вода кипит, как в котле. Камни, голые и скользкие, торчат из воды. Теплоход идет левым рукавом. Корпус судна дрожит; водовороты толкают его из стороны в сторону. Местами вода выпучивается буграми, как бы выталкиваемая из глубины неведомой силой. Ветер срывает хлопья пены с гребешков волн. Караван мчится меж каменистых берегов чуть не со скоростью поезда.

Неожиданно под яром левого берега я увидел странное судно. Хилая труба его торчала не посередине, а ближе к одному из бортов. В центре корытообразного корпуса виднелся огромный барабан с намотанным стальным тросом. Внешний вид судна был настолько непривычен и странным, что наблюдатель несколько не удивился бы, прочтя на его борту надпись «Севрюга»: очень уж напоминал этот пароходик то самое суденышко, на котором совершали путешествие молодые таланты города Мелководска в веселом фильме «Волга — Волга»...

Но суденышко называлось не «Севрюгой», а «Бурлаком». Из его трубы валил дым. По всем признакам пароходик был действующей единицей Енисейского флота. Больше того, он являлся его необходимейшей частью, как я узнал позднее. Название чрезвычайно точно определяло его жизненные функции. Это был бурлак Енисейского флота.

Течение в Казачинском пороге настолько стремительно, что некоторые пароходы не могут преодолеть его силой своих машин. Подойдя к порогу с низовьев, они свистками начинают взывать о помощи. Тогда на «Бурлаке» начинается оживленная деятельность. Он отваливает от берега. Тут выясняется назначение барабана с тросом. Один конец троса заделан намертво в грунт выше порога, другой намотан на барабан, который начинает вращаться с большой быстротой. Туэр (так называется конструкция нашего «Бурлака») спускается в порог и подает буксир на малосильный пароход. Затем барабан начинает со скрипом и треском вращаться в обратную сторону...

Так, медленно, но верно наматывая трос, неказистый «Бурлак» тянет за собой какой-нибудь большой пассажирский пароход через весь порог на более спокойную воду, вызывая уже не насмешку, а уважение.

Чтобы пройти пятикилометровую стремнину Казачинского порога, каравану потребовалось времени не больше, чем читателю для прочтения того, что о пороге написано выше.

Через несколько часов мы были уже против селения Стрелка, где в Енисей впадает Ангара. Как и всегда при прохождении этого места, возник спор по поводу того, впадает ли Ангара в Енисей, или, наоборот, Енисей впадает в Ангару. Спор этот не так беспредметен, как может показаться сначала. Я смотрел на могучую Ангару, которая при впадении почти в два раза шире Енисея, и червь сомнения точил меня склоняя в пользу «ангарцев».

— Ангара шире! — горячился помполит.

— Зато Енисей судоходнее, — возражал помощник механика.

— Но Ангара длиннее вашего Енисея!

— Это еще как сказать!

Желая окончательно сразить сомневающихся, помполит сходил в каюту и вернулся оттуда с выписанными на бумажку цифрами:

Вот, Фома неверные, смотрите! — Оказалось, что длина Енисея равна 4063 километрам, а длина Ангары вместе с Селенгой превосходит эту цифру почти на целую треть!

Условно один ноль в твою пользу, — нехотя согласился помощник механика, страстный футболист, которому удавалось заниматься любимым спортом один месяц в году: лето проходило в плавании, а зимой в футбол не поиграешь...

В Ангаре — прозрачная вода. Мне приходилось летать над Стрелкой на самолете. Сверху ясно виден своеобразный «водораздел» между желто-серой мутью Енисея и иссиня-темными ангарскими водами. Струи идут параллельно, не смешиваясь окончательно даже на расстоянии 20-30 километров от Стрелки.

Енисейск

От устья Ангары недалеко уже и до Енисейска. Река здесь раздалась вширь, берега стали ниже, приземистее. Енисейск виден издали. День выдался теплый и солнечный. Сначала мы заметили радиомачты. Затем появились купола церквей. Раньше про Енисейск говорили, что церквей в нем больше, чем домов; купцы-толстосумы и владельцы золотых приисков, не желая якшаться с прочим «людом», строили каждый свою собственную церковь... Разжиревшие на сверхприбылях хищники соперничали друг с другом: один выстроит церковь с каким-нибудь необыкновенным куполом, другой, чтобы переплюнуть конкурента, тотчас отольет колокол с серебряным звоном...

Чуть повыше города дымит труба лесозавода. В бухточке около набережной — мачты, много мачт, опутанных паутиной такелажа. Это — боты и полуморские пароходы гидрографического отряда, который каждую весну уходит в Енисейский залив и несет там вахту проводников океанских лесовозов, идущих северным морским путем в Игарку.

Теплоход дает протяжный гудок и разворачивает караван. Подваливаем к берегу.

Блестит на солнце новая набережная — сосновая, желтая, как сливочное масло, пахнущая крепким запахом хвои. Могучие березы бульвара уже покрылись нежным пушком майской зелени. Если не половина, то во всяком случае, третья часть граждан города Енисейска прогуливается по бульвару: сегодня выходной день, сегодня пришел караван, сегодня тепло и солнечно. Весной город живет рекой. У причалов стоят караваны, пережидające ледоход в низовьях. По трапам, с сундучками и баульчиками, поднимаются на пароходы прославленные енисейские лоцманы исходившие родную реку и ее притоки от истока до устья.

Енисейску — 300 лет. Это — видевший виды город. Стены Енисейского острога заложили еще в 1618 году присланный из Тобольска боярский сын Петр Албычев. В конце XVII века власть города, как административного центра, распространялась даже на Забайкалье. Именно из Енисейска вышел русский казак Семен Дежнев, тот самый, что на шести «кочах» отважился плыть в студеное море и на 80 лет раньше Витуса Беринга открыл Берингов пролив.

История города знает периоды взлета и падения. Он был крупным торговым центром; на ежегодные ярмарки сюда приезжали за соболем и белкой заморские торговые гости. Потом, когда был проложен Московско-Иркутский тракт, Енисейск уступил первенство своему молодому соседу — Красноярску. Он начал уже быстро хиреть, но в Приенисейской тайге старатели неожиданно нашли богатейшие золотые россыпи. Началась золотая лихорадка. На сибирский Клондайк, следом за старателями, потянулись торговцы, ловкие предприниматели, наконец, просто авантюристы.

Енисейск, став центром золотопромышленности, быстро оброс церквями, питейными заведениями и публичными домами. Но судьба готовила ему новый удар — через бескрай-

ние равнины и таежные хребты протянулись стальные нити великого транссибирского железнодорожного пути. Красноярск оказался на магистрали, Енисейск — в стороне.

Когда-нибудь найдется, наверно, бытописатель, который соберет и обобщит материалы о енисейской золотой горячке, о дикой эксплуатации, о «вольной приисковой каторге», воспетой в известной песне:

*Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе
В северной тайге...*

Я встретил однажды старого «золотничника», пришедшего в енисейскую тайгу с первыми партиями искателей счастья. Сначала он отмалчивался, отвечал на вопросы односложно, но потом вдруг разошелся:

— Эх, было времечко! Нападешь, бывало, на золотишко, намоешь его, да и подаешься в Енисейск — пить да гулять. По тайге идешь с опаской, каждого куста боишься. Нас в то время горбачами звали. Ну вот, за горбачами-то не мало злых людишек охотилось. Был в Енисейске такой почетный гражданин и гильдейный купец Востротин. У него на прииске лучше не работай. Выдаст тебе расчет, пронюхает, сколько золотишка добыл, да и шепнет своим ребятам: горбач, мол, богатый идет. Ну, а те в тайге и стерегут. Награбленное — пополам.

Шибко на него старатели серчали. Не раз убить хотели, да только купчина был осторожный, знал, что на него народ зол. Ну долго ли, коротко ли он жил, а только подход все-таки. Так вот, когда его похоронили, ночью явились старатели на могилу, отрыли дорогого покойника, поставили на четвереньки; а в изголовье вместо креста вбили осиновый кол.

— Ну, а в самом Енисейске жизнь веселая была?

— В Енисейске? На Зеленой улице — что ни дом, то кабак. В каждой двери — окошечко. Придешь ночью, постучишь в окошечко, сунешь деньги — тебе тотчас полуштоф выставят. Ну пока деньги еще водятся, справишь себе плисовые шаровары пошире, фланелевую рубашку до колен, с вышивкой, цепь серебряную обмотаешь вокруг шеи, сапоги высокие с подборами наденешь.

Старик замолк, задумался. Потом сказал:

— А, по правде говоря, паскудно жили. Только и радости было, что в вине. Оберут тебя в три дня как липку и опять год спину гни. Худая была жизнь собачья...

Новый Енисейск растет сквозь руины старого. Новый город — это аэропорт: «колбаса», на безветрии вяло обвисшая вокруг мачты, самолет, только что прилетевший из Красноярска с пассажирами и почтой. Новая набережная. Новые основательные тротуары, победившие наполовину устрашающую грязь енисейских улиц. Лесозавод. Газетные киоски. Большие магазины. Дом культуры. Стадион с футбольным полем.

Рост нового Енисейска пока медленен. Но енисейцы вовсе не склонны к пессимизму. У Енисейска есть перспективы. В деревне Подтесово, под Енисейском, возникает затон — место зимовки речного флота, плавающего в низовьях. Кстати, мы проплывали мимо деревни Подтесово. Там уже идет работа. Полуторакилометровая дамба должна перегордить Подтесовскую протоку к началу 1941 года.

И сам Енисейск строится, растет.

Вернувшись на теплоход из города, я застал нашего капитана в большой тревоге. Только что была получена телеграмма о движении застоявшегося в среднем течении Ангары льда. Ангарский лед мог догнать нас на открытом Енисейском плесе.

— Надо удирать!

Загудел гудок, собирая команду, отлучившуюся на берег. Тревожно всматриваясь в верховья, откуда вот-вот могли показаться льды, сулящие нам крупные неприятности, вахтенный штурман облюбовал бухточку — на случай, если придется прятать караван.

Прятаться в бухточку нам не пришлось. Мы распрощались с Енисейском на два часа раньше, чем к нему подошла первая ангарская льдина. Подгоняемый половодьем, караван быстро идет на север. Уплывают назад лесистые берега, одинокие деревеньки, километры фарватера. И вот, получилось так, что, уйдя от ангарского ледохода, мы постепенно нагнали енисейский. Его разрушительные следы виднелись всюду. Торосы плотной стеной закрывали прибрежные тальники. Плыли вырванные могучим течением деревья, бревна, унесенные из далеких гаваней верховьев.

Над водой с криками носились стаи уток. С песчаных кос от шума винтов поднимались косяки гусей. На судне началась охотничья горячка — «болезнь» крайне заразительная, но скоро проходящая. Всем было ясно, что даже самый меткий выстрел не приблизит гуся или утку к нашему столу: течение быстро унесет убитую птицу. Но непуганая дичь действовала на сердце начинающих охотников совершенно неотразимо... С борта то и дело хлопали выстрелы. Так продолжалось день-два. Потом, когда запасы дробы поредели, пальба быстро пошла на убыль.

А лед становился все гуще и гуще. Он уже причинял немало беспокойства нашим штурманам: того и гляди, какая-нибудь льдина проломит борт деревянной баржи. Приходится лавировать, обходить каждую, даже незначительную льдинку: снаружи-то она мала, но черт ее знает, какова у нее подводная часть.

Селения в этих местах редки: зато навстречу каравану высыпают буквально все жители, от дряхлых стариков до детворы. В село Ворогово мы пришли под вечер. На берегу горели костры, протяжно пела гармошка. Бросив якорь, спустили шлюпки. Но на сушу удалось попасть далеко не сразу. Долго карабкались через барьер ломких льдин. Вороговцы тотчас обступили гостей, засыпали десятками вопросов: с конца прошлогодней навигации люди с «магистральной» к ним почти не заглядывали. Пришел заведующий клубом; ему сказали, что свежих газет у нас нет.

— Ничего, я посмотрю, может чего-нибудь и найду, — бодро заявил он.

Он тотчас прошел в салон и не долго думая забрал все газеты, журналы и добрую половину брошюр к ужасу нашего культурника. Пресечь такую неслыханную «агрессию» ни у кого не хватило духу...

Кряжистый гражданин со значком «Главсевморпути» на кепке пятнистой тигровой расцветки и неопределенной формы тотчас потащил нас к себе «гостевать». Он оказался работником местной фактории и жил в другом конце села.

Северные села резко отличаются от сел средней части Сибири. Дома здесь двухэтажные, массивные, накрепко срубленные из лиственницы. Лес расходуется на стройку с необыкновенной расточительностью. Все дворы крыты сверху; мало того, внутри каждый двор замощен деревянным настилом. Крыша спасает от свирепых зимних пург, настил — от грязи. Тротуары на улицах сложены из обшивки барок, сплавленных сюда из верховьев.

Через несколько минут мы уже сидели в просторной горнице. Пока хозяйка жарила свежего тайменя и бегала к соседке за брагой, хозяин рассказал о своей последней неудаче:

— Вчера на медведя ходил. Настиг его уже затемно. Ну, натурально, приложился... Бах! Что такое? — бежит мой медведь. Ничего не понимаю. Промахнуться-то не должен бы. Что ж думаете? В темноте не заметил я меж собой и медведем тонкой березки. — Пуля-то в нее попала, да и в сторону. Так и ушел мой медведь... А сегодня уж не до медведя: караван ждал, все глаза проглядел.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что хозяин и сам не знает, что является его настоящей профессией — охота или счетоводство. За зиму он добыл несколько медведей и

900 хвостов белок. В дебрях баланса он может заблудиться, в таежных дебрях — никогда. Тут же он сообщил доверительно, что приезд ревизора-инспектора пугает его куда больше, чем встреча в тайге с медведем один на один. Может быть, ревизор найдет какие-нибудь неправильности в записях, придерется к чему-нибудь. А с медведем — дело проще.

На теплоход мы возвратились глубокой ночью. Луч мощного судового прожектора лежал на свинцовой воде, искрился разноцветными огоньками на иглах торосов. Через полчаса восточная половина неба порозовела и караван снялся с якоря. В этот день мы проходили Осиновский порог.

В ожидании интересного зрелища я забрался на капитанский мостик. Прошло полчаса, час. Давно уже должен быть порог, но ничто не указывало на его приближение. Стараясь казаться равнодушным и совсем не любопытным, я спросил у штурмана:

— Что же это порога-то не видать?

— Да ты не в ту сторону смотришь, вот тебе и не видать.

— Как не в ту?

— Очень просто. Оглянись назад.

Я решил, что штурман меня «разыгрывает»: сзади расстилалось спокойное плесо, ничем не примечательное для взора. Только красные бакены стояли здесь чаще, чем в других местах реки, да течение было чуть быстрее. Но штурман не шутил. Оказывается, Осиновский порог в большую воду почти незаметен; только лоцманы знают, какие коварные «опечки» скрывает спокойная водная гладь. Становится досадно, что порог так обманул ожидания. Тоже мне, порог называется!

— Ничего, не горюй, — утешает меня штурман, — Сейчас увидишь кое-что почище порога!

...Берега начинают постепенно подниматься вверх, становятся суровее. Что это? Посреди реки высится скала. Она напоминает нос встречного корабля, рассекающего воду. Караван идет прямо на скалу. Я поглядываю на рулевых; они равнодушно попыхи-вают носогреями. Когда столкновение со скалой кажется неизбежным, теплоход сворачивает чуть влево. «Кораблик» — так называется эта скала — виден уже сбоку, около самого борта. Вечные ветры, дующие по долине Енисея, оголили тот его склон, который принимает на себя напор воды. Остальные покрыты таежным буреломом. «Кораблик» не одинок в своем мрачном величии. За ним в кильватер выстроились еще два островка, чуть поменьше. С «Корабликом» соперничают «щеки». Енисей здесь стиснут между высокими, крутыми, почти отвесными берегами, образующими ущелье. Скалистые «щеки» покрыты густой щетиной тайги, кое-где небрежно выбритой всепожирающим огнем лесных пожаров. С гор падают ручьи. Сейчас, ранней весной, они кажутся водопадами замороженными на лету...

Величественна и своеобразна красота этих мест! Конечно, Кавказ — красив, Крым — прекрасен. Но сибиряки, бурно выражающие свое восхищение по поводу открытки, изображающей незатейливый кавказский пейзаж где-нибудь под Кисловодском, с шашлычной на первом плане, просто не уважают своих родных мест. Не так уж серы и монотонны пейзажи Сибири. Внимательно оглянувшись вокруг себя, сибиряк может увидеть десятки красивейших мест, способных удовлетворить вкус самого взыскательного туриста, тонкого знатока природы.

...Меж тем на теплоходе начали спускать мачты — верный признак того, что приближается устье Подкаменной Тунгуски. Над рекой здесь протянут телеграфный провод и сейчас, в большую воду, наши мачты легко могли бы его оборвать.

Вскоре из-за поворота показалось место слияния двух могучих рек. Берег покрыт плавником, село расположено на пологом зеленеющем склоне. Через полчаса загрели якорные цепи, погружаясь в желтую, как спитый чай, весеннюю воду Тунгуски.

«Черный остров»

К устью Подкаменной весна еще только пробиралась, медленно и неторопливо. На берегах лежал лед. Кое-где плыли по реке отдельные льдины, как бы спеша скорее уйти на север и не мешать весеннему цветению. Желтым пухом подернулась прибрежная верба. Травы на солнечных косогорах пробивались изумрудной порослью. В селе кипела деятельная жизнь. Люди в синих комбинезонах над чем-то трудились около небольшого здания, где монотонно стучал мотор радиостанции. Они готовились к приему первого самолета с «магистральной». В правлении местного колхоза имени Парижской Коммуны толпились рыбаки-колхозники. Колхоз готовился к путине. На берегу дед с патриархальной седой бородой покрывал новые колхозные лодки слоем горячей смолы, и невода сушились на кольях вдоль всего берега.

— Что же растет в ваших местах? — спросил я одного счетовода.

— Овес, конопля. Картошка родится неплохо.

— А посев большой?

— Не говорите: в сводке показывать стыдно. Шесть гектаров засеваем всего-навсего.

— Мало!

— Ничего, на первое время хватит. Тайга нас кормит, да и на реку не жалуемся. В смысле доходов за нами не всякий южный колхоз угонится, — и он тотчас начал подсчитывать десятки тысяч беличьих, хвостов, добытых в притунгусской тайге, сотни пудов стерляди, хариуса, сига и нельмы, выловленных в водах Енисея и Подкаменной Тунгуски.

— А за расширением посевов дело не станет, — заметил слышавший наш разговор пожилой колхозник, — Уж если в Игарке свои овощи едят, то в наших местах такие поля, такие огороды развести можно, что только держись. Дай лишь срок.

Через два часа мы прощались с селом. Новый лоцман, севший в Тунгуске, обошел всех, находящихся на палубе, пожал всем руки и каждого поздравил:

— С началом рейса вас. Вода очень даже высока, пройдем все пороги в лучшем виде.

Итак, 16 мая начался подъем по Подкаменной Тунгуске, своеобразной и дикой реке, доступной для судоходства только в дни половодья. Теплоход отлично справлялся с сильным течением, и вскоре радиомачты скрылись из виду.

Мы с интересом наблюдали причуды вечной мерзлоты: местами с горы сползал в воду почвенный слой вместе с молодым березняком, кустарниками, мхами и травой. Неровности склона придавали этому «ползущему лесу» совершенно фантастический вид. Кроны деревьев торчали в разные стороны, ставя на голову обычное представление о стройных стволах, растущих всегда вертикально вверх. Это был какой-то ошетилившийся лес-дикобраз!

Наша первая остановка по Тунгуске предполагалась на фактории «Черный остров». Таежная фактория, расположенная к тому же на берегу полудикой реки, всегда окружена в представлении новичков ореолом некоторой романтики. В самом деле, в этом дивном островке, затерянном среди океана тайги, есть что-то необыкновенно привлекательное.

Фактория прилепилась на крутом берегу реки. Густые заросли лиственницы, кедра, березы, вплотную окружили отвоєванный у чащи клочок земли, застроенный незатейливыми бревенчатыми домами. Не успели на караване бросить якоря, как теплоход окружили всякие верткие «ветки» таежных следопытов — «кето». Ветка — легчайшая лодочка, выдолбленная из древесного ствола деревьев каменными топорами, придавшими ей обтекаемые формы.

С первой же шлюпкой мы поплыли на берег. Странное дело! Казалось, что крутизна склона берегов не позволит задержаться даже лужице воды. Увы! Это только казалось. Берег сочился бесчисленными струйками, нога вязла в самой настоящей топи. На Ангаре мне приходилось встречать такую мокрую тайгу; там ее называют «согрой». Типичная «согра» чавкала под нашими ногами, пока мы поднимались к фактории.

Первый же дом привлек наше внимание. Вернее не дом, а стена дома, на которой были растянуты для просушки три свежие шкуры. Две шкуры были явно медвежьи, а вокруг третьей разгорелся жаркий спор. Механик уверял, что это лошадиная шкура. Его помощник высказывал предположение, что шкура принадлежала корове, которую задрали медведи, поплатившиеся за разбой собственными шкурами. Спор разрешил радист, здешний житель.

— Местный Маркони¹, — бойко отрекомендовался он. — Шкурами любуетесь? Славные были медведи. Мы их тут недалеко от фактории шлепнули. А это, позвольте представить, бывший сохатый, он же лось.

Механик и его помощник сконфужено переглянулись.

Радист, видимо, был пламенным патриотом «Черного острова». С видом опытного гида, показывающего интуристу собор Василия Блаженного, он сделал широкий жест и приступил к перечислению местных достопримечательностей.

— Прямо перед собой вы видите мою резиденцию: мы не оторваны от мира и узнаем все новости в тот же день, когда их узнает Москва. Далее расположен наш «универмаг». Вот этот домик правее — амбулатория. Здесь дом национала. Роскошный особняк в четыре окна — жилой дом № 1. Еще есть пекарня и скотный двор. Теперь все.

Фактория обустроилась солидно и хозяйственно. Около домика видны грядки: оказывается, здесь вызревают морковь, репа, огурцы. Коровы и лошади бродят по склону горы. От строения к строению проложено нечто вроде тротуаров. Неприятно поражает разве только неряшливость здешних обитателей, всюду валяются консервные банки, кости и прочий хлам. Зимой все это было похоронено под снегом, а сейчас выползло наружу и отнюдь не украшает пейзаж.

Между тем, охотники, объехавшие на быстрых «ветках», управляемых одним веслом, весь караван, вытащили свои суденышки на берег и вступили в беседу. Почти все они хорошо говорили на русском языке. Язык кето односложен. Революция внесла в него массу новых понятий: совет, конституция, фактория, товарищ, самолет, колхоз, стахановец, катер, избиратель, зажиточность... Слов для обозначения этих понятий в языке кето раньше не было; и слова дружественного русского народа вошли в него, как любимые и всем понятные.

По обычаю разговор начался с традиционного вопроса: «Ну, как промышляете?»

Последовал столь же традиционный ответ: «Ничего себе, помаленьку».

Выяснилось, что зимой было мало белки; после нового года она почти совсем куда-то исчезла, перекочевала в неизвестном направлении. Зато рыба ловится очень хорошо, да и на весеннюю охоту жаловаться тоже нельзя: утки, гуси сами «просятся» на мушку.

Мы сидели на дне опрокинутой лодки. Солнце припекало совсем по-летнему. Дым крепчайшего листового табака из доброго десятка «канча» — здоровенных березовых трубок, обильно украшенных медью, мог защитить не только от комаров, но, пожалуй, был способен обратить в паническое бегство самого «хозяина» тайги — медведя.

— Пойдем к нам гостевать, — предложил молодой охотник.

Я охотно согласился. Мы пошли по еле заметной тропинке, вниз по реке. Вскоре показалось около десятка чумов, защищенных от ветра зарослями тальника. Собаки, их было

1 так полярники называют радистов, — по имени одного из изобретателей беспроводного телеграфа.

много, встретили нас разноголосым лаем. Выбежали ребятишки — проворные, черноглазые. Все чумы были похожи один на другой, как капли воды. Их деревянные конусообразные остовы покрыты берестой, особым образом обработанной и сшитой в длинные ленты, — «тиски». В центре чума — зола очага; закопченное отверстие в «крыше» предназначается для выхода дыма. Свежие еловые ветви, оленьи и медвежьи шкуры, разостланные на земляном полу, составляли внутреннее убранство чумов.

Зашел разговор об оседлости. Эта тема сейчас на языке у всего кочевого населения севера. Народ кето, в прошлом один из наиболее отсталых, забитых народов Крайнего Севера, начавший перед революцией вырождаться под влиянием алкоголизма и болезней, сейчас крепко встает на ноги. Братская помощь русских, построивших школы, фактории, больницы, красные чумы, безусловно велика. Но многое еще предстоит сделать.

Кето занимаются исключительно охотой и рыболовством. Побочные промыслы — изготовление «тиски» и долбленных «веток» — дают ничтожную продукцию. В хозяйстве кето весомой товарной продукцией является, по существу, только пушнина — главным образом белка. Оленеводством кето почти не занимаются. Совершенно очевидно, что для ускорения подъема благосостояния этого народа необходимо создание более прочной хозяйственной базы, чем зависящие от множества случайностей охота и рыболовство. У кето большое желание перейти из дымных чумов в деревянные дома. Прекрасные оленьи пастбища на большей части территории между Подкаменной и Нижней Тунгусками позволяют им вести оленеводческое хозяйство. Шаги в этом направлении уже делаются. Землеустроительные экспедиции работают в Туруханском районе и Эвенкии не первый год. К сожалению, темпы их работ чрезвычайно низки, а практические результаты явно непропорциональны огромным средствам, на них затрачиваемым.

Итак, наш разговор происходил среди чумов, которые, вероятно, стояли на берегу реки Коль (так называется на языке кето Подкаменная Тунгуска) и сто, и двести лет назад. Но населяют их ныне совсем другие люди.

Крепкий, смуглолицый парень вышел нам навстречу и протянул руку.

— Здорово, товарищ. Будем знакомы. Я — Толстых Яков. Однако из Красноярска приплыли?

У Яши было еще другое имя, трудное для непривычного слуха. Улыбаясь, он ловко отодрал тонкий кусок бересты и моим самопишущим пером вывел кривыми, неровными буквами: Кигтан Хоевул, кето.

Яша Толстых одет, как и все его сородичи, в черный грубошерстный кафтан с яркими нашивками и в легкие оленьи ичиги. На поясе у него висел нож в грубых деревянных ножнах; расшитый кисет — «селей» был заткнут сзади за пояс. Только копну черных, как смоль волос, по обычаю дедов заплетенных в косички, покрывала стандартная москвошвеевская кепка, примелькавшегося неопределенного цвета и фасона, — такая же самая, что встречается у нас и в Колхиде, и в Архангельске. По правде сказать, она выглядела ничуть не наряднее, чем платки, которыми повязывают себе головы большинство мужчин кето.

Яша Толстых был членом местной участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР. Он спросил, не привезли ли мы с собой газет. Узнав, что на теплоходе издается своя печатная газета, он сначала удивился, потом позавидовал.

В нашей газете он разыскал, прежде всего, хронику о военных действиях в Испании. Не верилось, что это был представитель того самого народа кето, который до революции был отнесен к разряду «бродячих инородцев», не имел ни одного грамотного, поклонялся шаманам и считал, что земля кончается там, где Коль отдает свои воды реке Кук (Енисею).

Караван простоял у «Черного острова» целый день. Мешки с мукой, ящики и бочонки с маслом оказались на берегу. Наконец, гудок, повторенный эхом трижды, нарушил таежную тишину.

До следующей фактории — Суломая — рекой было что-то около восьми километров. На этом участке мы увидели наглядное доказательство преимуществ «ветки» перед всеми прочими типами лодок. Минут за пятнадцать-двадцать до отхода каравана один из охотников сел в «ветку» и легкими ударами двухстороннего весла погнал ее в ту сторону, куда лежал и наш путь. Первым человеком, встреченным мной в Суломае, оказался именно этот охотник. Он кивнул мне, как старому знакомому:

— Однако, теплоход тихо ходит. Ветка машина нет, сам человек работает, а быстрее ходит! — и звонко расхохотался.

Оказывается, он приплыл в Суломой почти на полчаса раньше теплохода, успел навестить знакомых, обстоятельно потолковать с продавцом в магазине, купить всякой всячины и сейчас собрался в обратный путь.

Суломой расположен на красивом высоком берегу, поросшем сосной и кедром. С яра видна светлая лента Тунгуски, убегающей вдаль меж гористых берегов. Куда ни взглянь — всюду горы и тайга, тайга и горы.

И вот, стоит среди этой тайги большое деревянное здание. Красный флаг полощется на его шпиле. Кругом торчат пни столетних лиственниц, и где-то под берегом глухо шумит на камнях ворчунья-река. А внутри здания, в просторном классе, сидят смуглолицые ребята, ничего кроме берегов своей реки не видевшие, и с увлечением решают задачу о том, где встретятся два поезда — один более скорый, чем олень, другой очень медлительный, вышедшие навстречу друг другу. Поезд они видели только на картинке, но мы не сомневаемся, что им придется в будущем не раз воспользоваться его услугами. Ведь поехали же недавно пять пионеров из их мест в заманчивый, как мечта, пионерский лагерь Артек, в далекий Крым.

Может быть, на будущий год придет их очередь. А потом, когда они станут постарше, можно стать такими, как их учитель. Он — кето, сначала научился грамоте, потом поехал в Ленинград, окончил там институт Народов Севера и вернулся в Суломой.

В классе светло и чисто. В бутылочках, что стоят на партах, распустилась желтая верба. У многих ребят — алые пионерские косынки. Радуют тщательно вымытые руки, подстриженные ногти, аккуратно причесанные волосы.

Петр Иванович, совсем еще молодой учитель, улыбаясь, рассказывает:

— Нашу школу смело можно назвать интернациональной. Вот две девочки, что сидят в углу, — Аня Сутлина и Сюен Мосейкина — по национальности кето. А вон за одной партой сидят две подруги: Валя Окладникова, дочь русского служащего фактории и Зоя Кривушева, по национальности коми. Маруся Егорова — татарка. Живут все ребята замечательно и дружно: вместе играют, вместе готовят уроки.

Как и большинство школ на севере, Суломаянская школа является одновременно и интернатом. Дети кето живут в общежитии при школе, в то время как их родители кочуют по тайге. Летние каникулы школьники проводят с родителями.

Нужно сказать, что первое время учителя испытывали немало трудностей при вербовке детей в школу. Приходилось преодолевать агитацию шаманов, распространявших слухи о том, что детей соберут в школу, а потом отправят «шибко далеко», так далеко, что родители их больше никогда не увидят. Кето очень любят детей. Нелепые рассказы шаманов кое-где имели успех. Приходилось долго и терпеливо разъяснять, что такое и для чего нужна школа, приглашать родителей для осмотра общежития и т. д. и т. п. Постепенно почва из-под шаманов была выбита.

В Суломае я встретил охотника Михаила Николаевича Халевина, который и сам не знает точно, сколько лет исполнилось ему в эту весну: ведь у кето никогда не было метрических книг. Приблизительные подсчеты говорят о том, что его возраст колеблется между 87 и 90 годами. Столь почтенный возраст не мешает ему ходить зимой по тайге на лыжах и одним выстрелом снимать белку с вершины дерева. Он — охотник-стахановец. О нем говорят с восхищением:

О, дедушка Халевин! Вот это охотник! Да он двух молодых за пояс заткнет!

В фигуре старого кето было что-то такое, что запоминается надолго. Как сейчас вижу крутой обрыв, догорающий в горах закат, вереницу барж, кажущихся сверху маленькими и легкими, и сухощавую фигуру охотника, застывшего неподвижно, как изваяние. Ни один мускул не дрогнул на его изрезанном бороздами морщин, коричневом от солнца и ветра лице. Даже платок, закрывающий уши и завязанный по-бабьему, узелком на подбородке, не был смешным. Казалось, что на берег Тунгуски пришел оживший герой увлекательных романов Фенимора Купера.

Иллюзия рассеялась неожиданно. Дедушка Халевин улыбнулся и показал рукой на реку:

— Ишь, глубоко осели баржи-то. Товару, поди, страсть много привезли...

Довольный, он неторопливо достал обгоревшую трубочку, закурил, глубоко затянулся и неторопливо начал спускаться с яра к каравану.

«Щеки»

Подкаменная Тунгуска — капризная река. Можно часами любоваться ее дикими берегами, мощными водоворотами, сбегаящими с гор потоками ледяной воды. Все здесь ново для взора, ничто не повторяется. Желтые воды несут в Енисей хлопья ослепительной белой пены. Пена рождается на порогах верховьев, на многочисленных перекатах, в стремнинах бурливых притоков. Я видел однажды стоящую у берега илимку, расстояние между бортом которой и берегом было забито пеной так, что вода исчезла под этим легким прозрачным покровом.

А берега! Вот к самой воде выходят жилы розового кварца. Его сменяет каменистый обрыв, поросший буроватыми лишайниками, скользкий, холодный, весь в потеках почвенных вод. Потом горы вдруг отступают от реки. Поросли оленьих мхов-ягельников придают их склонам чудесный бирюзовый оттенок. Но все эти прелести ландшафта тускнеют и стираются в памяти, как только попадаешь в знаменитые тунгусские «щеки».

Штурман разбудил меня на рассвете.

— Вставай, «щеки» проходим!

Когда мы проплывали мимо чего-нибудь интересного или делали среди ночи остановку у одинокой фактории, штурман всегда приходил в каюту и говорил таинственно: «есть что щелкнуть». При этом он совершенно не учитывал, возьмет ли «лейка» ночью или в предрассветной мгле заинтересовавший его кадр. К фотоаппарату он питал безграничное доверие...

Я быстро оделся, вышел на мостик — и остолбенел. Прямо перед носом судна на бледной желтизне восхода вырисовывался силуэт гигантского замка, с бастиянами, башенками, зубчатыми стенами, перекидными мостами. Сухие стволы лиственниц казались флагштоками. Недоставало только развевающихся полотнищ с геральдическими гербами.

Поворот — и замок уступил место частоколу высоких столбов, состоящих из каменных ковриг, как бы положенных рукой Геркулеса одна на другую. Потом появилась колон-

нада отшлифованных водой и ветром базальтовых «пальцев». Новая картина, совсем как у Пушкина: «А вот — полужуравль и полукот».

Очертания скал менялись каждую минуту. Мы видели монаха в рясе и клобуке, недвижно восседающего на скале, видели хаотическое нагромождение тысячетонных каменных обломков. Когда, наконец, взошло солнце — фантастичность очертаний исчезла, зато картина дополнилась яркими красками. Колорит скал менялся от оранжевых пятен сурика до темно-бурых оттенков. Почти вся свободная от вахты команда не покидала палубу до тех пор, пока караван не вышел из «щек». Фотолюбители истратили здесь почти все пластинки, экономно расходуемые во время рейса.

«Щеки» — узкое и извилистое ущелье, в котором Тунгуске тесно, являют собой прекрасный памятник деятельности могучих создателей и разрушителей — солнца, воды, ветра.

Едва наш теплоход подошел к берегу, на котором расположена фактория Кузьмовка, как из-за дальнего мыса показался силуэт небольшого суденышка. В огромный капитанский бинокль можно было различить типичную тунгусскую илимку, плывущую вниз по реке. Через полчаса илимщики причалили к берегу немного повыше каравана.

В трюме илимки, где бойко потрескивала железная печь, сидело около десяти мужчин, женщин и подростков. Разный домашний скарб придавал илимке удивительно одомашненный, жилой вид. Запах свежей ухи витал в трюме. В углу, у швейной машины, притулилась молодая женщина и шила детское платье.

Кто же и куда плыл на илимке, пробирающейся с верховьев, из Байкита на Енисей? Счастливее всех чувствовал себя самый молодой пассажир — эвенкийский пионер Копкон Тунальчин. Ему недавно исполнилось десять лет.

— Куда он едет? — Копкон отвечает с деланным равнодушием, за которым скрывается гордость:

— Далеко, в Артек. И не выдержав тона, улыбается так, что раскосые глаза превращаются в узенькие щелочки, из которых чуть выглядывает лукавый зрачок.

Отец Копкона — в прошлом бедняк, сейчас охотник-стахановец. Он уже не молод и на своем веку видел больше плохого, чем хорошего, больше горя, чем радости. Мир отца был ограничен берегами родной Тунгуски. Копкон только вступает в жизнь. И вот из приполярья мальчик едет к Черному морю, под жаркое крымское солнце. Может быть, через месяц он подружится в Артеке с каким-нибудь Педро, пионером из Астурии. Все может быть!

Еще плыл на илимке секретарь Эвенкийского окружного комитета комсомола Смолин. Крепкий, плечистый, широколицый, — он заразительно и громко смеялся, красочно описывая свое путешествие. Потом Смолин зашел за газетами на теплоход и за чашкой чая мы разговорились о жите-бытье. Мой новый знакомый ничем не напоминает аппаратного работника. Завидного густого колера коричневый загар, потрескавшаяся на руках кожа, давно не стриженные волосы делали его похожим скорее на рыбака или охотника. Я вскользь заметил ему об этом. Он искренне расхохотался.

— На охотника, говоришь, похож? Что же тут удивительного? Эвенкия велика, просторы ее не меряны. Здесь ведь за сто-двести верст ездят друг к другу запросто в гости чай пить. И тайга не пугает, и бездорожье нипочем. А бывает так, что по делу в какой-нибудь отдаленный райком комсомола нужно ехать верст за пятьсот. Что это значит? А вот что. Это значит — спать зимой прямо у костра в спальном мешке, — гостиниц для командировочных в тайге пока еще не построено. Это значит научиться управлять оленьей упряжкой и уметь ловить оленя арканом — «маутом» не хуже, чем это делает эвенк-оленовод. Это значит — уметь найти дорогу там, где ее и в помине нет. Ведь человека в тайге ценят и по этим качествам. Если хочешь, это как бы своеобразный техминимум для комсомольского работника в Эвенкии. Ну, а летом, уж никак не обойдешься без «ветки» — благо в реках

у нас недостатка не ощущается. Первое время, пока управлять ей не научишься, накупаться досыта. Зато потом чувствуешь себя как в первом классе какого-нибудь «люкса».

Теперь перейдем к другой стороне вопроса. Не будешь же набирать с собой полугодовой запас продовольствия. Ясно, не будешь. Берешь ружье, крючки. Остановился у озера — рыбу ловишь. Идешь по тайге, видишь белку, приложился — белка твоя. Вот ты говоришь, что я похож на охотника. Так ведь я и есть охотник! Дел у меня много, комсомолия наша рассыпана по станкам и факториям. За сезон-то я сосчитаю сколько беличьих хвостов сдал, путешествуя по тайге не хуже самого заправского охотника, которого ружье кормит.

Смолин смачно прихлебывал густой чай. Он расстегнул ворот сатиновой косоворотки, локти его рук никак не умещались на столике. В маленькой каюте ему было тесно, жарко, непривычно.

Большой порог

Желтые воды Тунгуски несут уже целые островки пены. Река совсем сузилась. От устья нас отделяют триста километров. Близок Большой порог — конечная цель нашего плаванья.

Говоря точнее, плыли мы не к самому порогу, а к перевалочной базе, расположенной несколько ниже его. На эту базу караван прибыл в сумерки одного из длинных, ясных дней конца мая.

Под яром берега стояла флотилия остроносых дощатых илимок. Их было, вероятно, штук тридцать. На тридцати мачтах виднелись выцветшие флажки-флюгеры, ветром повернутые в одну сторону. Паутина нехитрого такелажа опутывала этот мачтовый лес. На крышах илимок лежали свернутые паруса, шесты, весла, веревки. Около двухсот грузчиков уже дожидались здесь нашего прихода. Всюду мерцали огоньки костров, слышались песни, пиликанье гармошек.

На борт тотчас явились представители торговой конторы: молодой человек, не выпускающий изо рта трубки исполинских размеров, и страдающий одышкой толстяк, внешне очень напоминающий Ивана Никифоровича Довгочхуна, героя известной повести Гоголя.

— Кладовщика привезли? — сердито спросил толстяк.

— Что? Кладовщика?

— Ну да, кладовщика. Должен же кто-нибудь ваш груз принимать на наши склады.

Оказалось, что к приему товаров все готово — нет только кладовщика. Они, видите ли, искали, но никакой подходящей кандидатуры на эту весьма ответственную должность подобрать не могли (это в целом-то районе!). Вот и надеялись, что, может быть, в караване есть какой-нибудь кладовщик...

Наши гости с берега страдали неким недугом, который условно можно назвать «импортоманией». Болезнь эта, к сожалению, еще имеет корни кое-где на севере. Она выражается в недоверии к способным, честным людям, живущим рядом с одержимым, в острой склонности к завозу, импорту работников издалека, «с магистральной». Так-то оно хотя и дороговато, но зато спокойнее и бесхлопотнее.

Попробовали все-таки подыскать кладовщика. И нашли местного, не привозного, из грузчиков. Он показал хорошую сметку и отлично справился с нетрудным делом приема товаров.

Меня заинтересовала работа двух илимщиков, сидевших у костра на корточках. Около них лежали куски бересты, веревки, палочки, оструганные на манер тех, которыми дети играют в «чижика». Береста распаривалась над костром. Один из илимщиков сшивал из двух кусков подобие широкого берестяного пояса.

- Что это вы мастерите?
- Да вот, лямки готовим.
- Какие лямки?
- Известно какие. Бурлацкие.

...Неправда ли, даже само слово «лямка» кажется нам сданным в архив. Здесь, на Подкаменной Тунгуске, тяга лямкой сохранилась до наших дней. Здесь, на Подкаменной Тунгуске, есть люди, считающие лямщину своей основной профессией.

Неприятно и стыдно писать об этом. Не уживаются рядом в представлении советского человека лямка и самолет. Но писать об этом надо хотя бы для того, чтобы помочь раз и навсегда покончить с этим пережитком старого.

Вот как обстояло дело. До большого порога грузы доставляются на пароходах. Здесь их перегружают на илимки. Пять-шесть лямщиков впрягаются в груженную десятью тоннами товаров илимку и начинают путешествие. Они идут не дни, а недели, иногда даже больше. Хорошо, если дует попутный ветер — тогда илимщики ставят паруса. Но река извилиста и попутный ветер через несколько километров пути может стать боковым и даже встречным. Бывали случаи, что рано нагрянувшая зима заставляла илимщиков в дороге. Грузы в этом случае бросаются на произвол судьбы. Нечего и говорить, что помимо всего прочего завоз грузов таким способом необыкновенно дорог. Так, доставка тонны груза от Большого порога до Ванавары обходится примерно в 1600 рублей. Труд илимщика оплачивается чрезвычайно высоко. Илимщиков обеспечивают спецодеждой, отличным питанием. Проработав два месяца, илимщик может отдыхать полгода. Но как бы то ни было, даже при самых благоприятных условиях лямщина есть лямщина.

Где же корни, питающие лямщину на Подкаменной Тунгуске? Их надо искать в порочной системе транспортного хозяйства, применяемой на притоках. Конечно, крупным судам пробираться по мелководью верховьев чрезвычайно трудно. Даже средняя часть реки судоходна для них только в короткий период половодья. Зато катера с незначительной осадкой попадают здесь в родную стихию. Достаточное количество плоскодонных катеров мощностью примерно в 120 сил легко решит проблему ликвидации лямщины на Тунгуске. Берестянная лямка исчезнет из обихода и окажется там, где ей давно пора быть, — в витрине музея.

Есть и другой путь, решающий вопрос если не полностью, то, во всяком случае, на три четверти. Речь идет о сухопутной транспортировке товаров с ангарских пристаней, из Кежмы на Ванавару. Сейчас этот путь доступен для вьючных лошадей. При сравнительно небольших затратах, которые легко окупятся в ближайшее время, его можно превратить в тракт, по которому зимой тракторы смогут завести все основные грузы. Такой ориентации придерживаются многие местные работники.

Пока шла разгрузка каравана, было решено сделать разведку порога, глухое ворчание которого отчетливо слышалось за пять километров от него, на месте нашей стоянки. Для этой цели спустили с борта мощный моторный катер.

Сначала он шел довольно быстро, но чем ближе подвигались мы к порогу, тем медленнее уходили назад каменистые берега. Волны, катящиеся через огромные подводные камни, били в борт, дождем брызг обдавали катер.

— Попали под душ, — проворчал механик.

— Эх, соорудить бы на этом самом месте электростанцию, — стараясь перекричать шум реки, заметил помполит. — На всю Эвенкию хватило бы тока.

А течение становилось все свирепее. Наконец, наступил такой момент, когда катер остановился на месте. Напрасно мотор захлебывался на предельных оборотах. Катер дрожал, пена летела из-под винта, но продвинуться вперед нам не удалось ни на шаг. А подниматься около самого берега, где течение слабее, можно было только с опытным лоцманом,

знающим, где суденышко подстерегает подводный камень. Скрепя сердце, решили возвращаться назад. Если бы мы попытались сделать поворот посреди реки, то волны тотчас захлестнули бы катер. Мы слегка повернули к берегу, покрытому крупными валунами, очень похожими на рассыпанную несвежую картошку и, осторожно развернувшись, пулей понеслись обратно к каравану.

На корме теплохода толпились матросы, кочегары, рулевые. Их вниманием владел здоровенный пес, кем-то заманенный на судно. Ему тотчас присвоили кличку «Тамерлан». Перед началом рейса почти вся команда побывала коллективно в театре и смотрела там «Волки и овцы» Островского. В честь бессловесного персонажа этой комедии и был назван наш четвероногий гость.

Тамерлан сидел, поджав пушистый хвост, и трусливо озирался. Причиной столь недостойного поведения пса оказался боров Борька. Борьку давно собирались резать, но откладывали эту операцию со дня на день: хватало рыбы, что покупали на факториях. Боров разжирел и обнаглел необыкновенно. Будучи по натуре животным агрессивным, Борька с воинственным хрюканьем двинулся на Тамерлана. Случилось то, чего мы никак не ожидали. Жалобно взвизгнув, пес бросился к борту и, легко перемахнув через него, поплыл к берегу. Хохот и ядовитые замечания по поводу храбрости знаменитых тунгусских собак сопровождали это бесславное отступление. Выскочив на берег и основательно стряхнувшись, пес бросился к пожилому грузчику. С теплохода тотчас закричали:

— Эй, дядя! Сдрейфил твой песик. От борова сбежал без памяти! Такой собаке камень на шею, да в воду!

Хозяин пса не на шутку обиделся:

— Подождали бы глотку-то драть. С Борзым я на медведя хаживал. Давайте мне за него сейчас тысячу рублей — не продам. А что свиньи он трусил, так тут ничего смешного нет: собака таежная, отродясь свиней не видела, не знает, что это за живность такая.

Слова охотника произвели некоторое впечатление. Репутация Тамерлана (он же Борзой) была восстановлена. Но вторично заманить пса на теплоход оказалось все-таки безнадёжным делом...

Работа на Большом пороге шла день и ночь. Наконец, последний мешок муки, предназначенной к разгрузке, оказался на берегу. Из Туруханска радио принесло утешительные вести: на Нижней Тунгуске — полный ледоход, большой подъем воды. Таким образом караван не только не опаздывал, но, выполнив полностью план, имел еще два-три дня в резерве, пока Нижняя Тунгуска не очистится окончательно ото льда. Мы тронулись в низовья Подкаменной, к выходу на Енисей.

К этому времени Подкаменная Тунгуска ожила по-настоящему. Гудки пароходов то и дело будили эхо в горах. Шел караван на Бельмо, золотую реку. Пароходы «Тобол», «Енисей», «Пушкин», «Вейнбаум», с трудом тащившие против течения тяжело нагруженные товарами и оборудованием для приисков тупоносые баржи и паузки, встретились нам уже недалеко от места впадения Бельмо в Тунгуску. Опасаясь неожиданного столкновения, капитан давал перед каждым поворотом реки два гудка, призывающих к осторожности встречные пароходы. Наконец мы повстречали двойника своего судна — теплоход «Клим Ворошилов». «Близнецов» строили на одном заводе. Их машины имеют одинаковую мощность и даже количество заклепок в их корпусах, вероятно, было совершенно одинаковым. Только синяя кайма на трубе и голубой выпел, поднятый на нашей мачте, — признаки принадлежности судна к Главсевморпути — отличались от красной каймы и красно-желтого выпела «Клима Ворошилова», принадлежащего Енисейскому пароходству.

Очевидно шум и оживление на реке вывели из душевного равновесия даже самых флегматичных обитателей притунгусской тайги. После обеда ко мне в каюту бурей ворвался наметчик:

— Скорее, скорее... там... медведь!

Захватив «лейку», я выскочил на палубу. Действительно, большой медведь стоял около воды и как бы наблюдал за движением судна. Кто-то выстрелил из мелкокалиберной винтовки. Зверь и ухом не повел. Тогда капитан дернул ручку свистка. Услышав гудок, «Топтыгин» опрометью бросился улепетывать, ломая сучья и ветки.

После того, как Мишки и след простыл, на мостике зашел разговор о медведях вообще. На притоках, да и на самом Енисее их можно встретить довольно часто.

У самого полярного круга

Теплоход полным ходом мчится вниз по Енисею. Подкаменная Тунгуска осталась позади, караван брошен в Туруханске. На баке водолаз Бутенко проверяет насос и скафандр. Люди беспокойно бродят по палубе. Тревога чувствуется на их лицах. А всему причиной радиограмма, принесенная радистом в штурманскую рубку:

«В 4 часа 15 минут 28 мая моторный бот «Пурга» получил пробоину, налетев на льдину ниже Туруханска, в районе острова Шаровского. Окажите помощь».

Вот и все. Никаких подробностей. А пассажиры? А команда? А груз? Неизвестность порождала тревогу, заставляла спешить. День, когда мы шли на помощь «Пурге», выдался холодный и ветреный. Временами шел снег. Вода, стекающая с палубы, замерзла иглистыми сосульками на бортах. Якоря обледенели. Ниже Игарки Енисей был еще скован льдом. На Диксоне в тот день бушевала снежная метель. В Красноярске ходили в белых платьях, загорали на солнце, черемуха на острове Отдыха уже давно отцвела. В Минусинске купались. Был конец мая в огромном Красноярском крае, где в один и тот же день можно замерзнуть, заблудившись около зимовки, и изнывать от жары, бродя по пыльным улицам Минусинска и Абакана.

Теплоход шел вперед. Снег валил не переставая. Остро чувствовалось, что северный полярный круг пересекает Енисей где-то тут, поблизости, на какую-нибудь сотню километров вниз по реке. Шли уже около часа. Наконец сквозь снежную мглу с мостика увидели наклонившуюся мачту с полуспущенным флагом — сигналом бедствия.

Мы — у острова Шаровского, плоского, как блин. Высоко задранный нос бота торчал среди кустов, а через погружившуюся в воду корму крепкий ветер свободно гнал волны. На крыше рубки стояли четыре человека и махали нам руками. По берегу были разбросаны спасательные круги, мешки с крупой, чей-то старый портфель, весла, котелки и прочий хлам.

— Эй, на «Пурге», — закричал вахтенный. — Люди все живы?

— Все в порядке, — ответил парень в высоких сапогах, сложив ладони рупором, — капитан на крыше!

— Все в порядке! Сейчас эта обычная фраза звучала весьма иронически!

Пока на теплоходе, подошедшем к «Пурге», шло совещание, что предпринимать для спасения бота, я разговаривал с потерпевшими. Вот как они описывали аварию. Бот шел вниз по реке. Дело было на рассвете. Возможно, у вахтенного слипались глаза, и он не очень-то зорко глядел, что делается под носом судна... Пассажиры проснулись от внезапного толчка, выскочили на палубу. Вода через образовавшийся пролом быстро заливала трюм. Неподалеку плыла небольшая льдина — виновница происшествия. Капитан быстро прикинул, что левый берег ближе, чем правый и, дав полный ход, направил туда «Пургу». Через 10-15 минут после удара льдины бот ткнулся носом в спасительный берег. Из трюма поспешно выбрасывали все ценное. Не успели закончить выгрузку, как вся задняя часть судна осела в воду.

36 человек, в том числе 7 женщин, продрогшие и усталые, оказались под неласковым туруханским небом, на залитом водой берегу. Остров был необитаем в самом прямом смысле этого слова. Еще два дня тому назад на нем не было ни клочка сухой земли. Отступив, вода обнажила заболоченную, покрытую тиной и лужами почву. В довершение всех бед пошел снег. С пустынной реки тянуло холодом. Предстояла тяжелая ночевка на сырой земле. Но на счастье потерпевших, авария произошла недалеко от села Селиванихи. Местный рыбак заметил, что с ботом произошло неладное. Селивановские колхозники тотчас выехали на лодках к Шаровскому. Дул свежий ветер, по Енисею ходили крупные волны. Лодки заливало водой. Всех потерпевших, кроме вахты, колхозники перевезли в деревню, разместили в лучших домах, накормили. Когда благодарные пассажиры предложили колхозникам деньги, они наотрез отказались.

Это произошло на берегу громадной бушующей реки во время половодья, недалеко от Курейки, где в годы царизма отбывал ссылку товарищ Сталин.

И в память невольно пришли слова, сказанные товарищем Сталиным на выпуске академиков Красной Армии:

«Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый «остался там». На мой вопрос: «Как же так, остался?» они с тем же равнодушием ответили: «Чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть». И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что «Надо бы пойти кобылу напоить». На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу». Вот вам штрих, может быть малозначительный, но очень характерный».

Совещание кончилось. Началась ликвидация аварии. Прежде всего, надо осмотреть пробоину и попытаться заделать ее. Бутенко натягивает прорезиненную рубашку поверх толстого шерстяного свитера, привинчивает скафандр.

— Водяному привет передавай! — кричит наметчик, озорной парень. Сквозь мутное стекло скафандра видно, как Бутенко кивает головой: «Ладно, мол, передам». Затем он лезет в ледяную воду. Снег валит гуще. Вечереет. Из воды доносятся глухие удары молотка — водолаз лечит рану в корпусе бота. Проходит час, другой... На исходе третьего часа Бутенко лезет на борт. С него стягивают костюм. Обжигаясь, он пьет горячий чай со спиртом. Сведенные холодом синие пальцы с трудом удерживают стакан. Зато пробоина заделана.

Но как откачивать воду из «Пурги», если бот и река представляют собой свободно сообщающиеся сосуды, в которых вода, в строгом соответствии с законами физики, держится на одном уровне? Надо как-то выровнять и приподнять суденышко, чтобы борта его хоть немного возвышались над водой. Первая попытка оканчивается неудачей: бот торопится ко дну и только канаты удерживают его от этого гибельного шага. Вздыхая, водолаз одевается вновь. Он проникает в трюм бота и постепенно вытаскивает оттуда «затонувшее сокровище» — чуть не тонну всякого железного хлама. Облегченная «Пурга» подчиняется, наконец, грубому насилию буксирной лебедки и всплывает на воду. Тотчас загудели «камероны» — мощные аварийные насосы.

Через два часа «Пурга» стоит у нашего борта, как ни в чем не бывало. Только грязь да тина, облепившие судно, напоминают о неприятных минутах у острова Шаровского. С ботом возвращаемся в Туруханск, забирая попутно из Селиванихи пассажиров «Пурги».

Среди них — совершенно декоративная группа, человек пять-шесть; не нужно спрашивать, что это за люди в куда они едут. Костюм выдает их с головой. Куртка из соба-

чьего меха, такие же штаны. Высокие болотные сапоги-ботфорты. Полевые сумки, фотоаппараты и бинокли, ремни которых перекрещиваются на груди, придавая их владельцам несколько воинственный вид. В зубах — трубки, на которых не успел еще обгореть лак.

Ну, конечно, это какая-нибудь экспедиция! Никто из местных, жителей, отправляясь даже в очень далекое путешествие, не надевает летом тяжелый и неуклюжий костюм, делающий из скромного работающего геолога что-то среднее между Робинзоном Крузо и манекеном мехового магазина.

Знакомимся. Мужчина с бледным тонким лицом городского жителя, обрамленным аккуратно подстриженной бородкой, оказался инженером-нефтяником, едущим на поиски нефти в район Усть-Енисейского порта, мужчина с небрежной русой бородой, не выпускающий изо рта монументальной трубки, топографом, пробирающимся в низовья реки Пясины для съемки открытого там недавно каменноугольного бассейна. Инженер производит впечатление скромного кабинетного работника. Зато русобородый топограф — ярко выраженный тип изыскателя, который трех месяцев не может просидеть на месте. Начните разговор: «А вот, помню, на Камчатке...» — и он тотчас перебьет вас: «Как же, знаю, работал, я, батенька, и на Камчатке». Он побывал и на Камчатке, и на Чукотке, и на Новой Земле, и в Якутии...

Вот и сейчас основной состав экспедиции, в которой работает наш топограф, находится в Красноярске, ожидает парохода. Но ему не сидится. Он покупает шлюпку, привязывает ее к борту «Пурги». Он собирается перетащить свою шлюпку волоком из Енисея в Пясинское озеро и, спустившись на ней через всю Пясины до Карского моря таким образом попасть к месту работ. План почти фантастический, но наш топограф уверен в его полной осуществимости. Он заявляет, что 10 июля будет уже на мысе Входном и начнет работу. Я вспоминаю, как два года тому назад мы застали у Входного лед даже в конце августа и осторожно высказываю сомнение. Он приходит в ярость и тут же предлагает пари: 10 июля, ни днем позже, я должен получить от него радиogramму с мыса Входного. Записываем адреса, бьем по рукам.

Пока мы спорили, теплоход подошел к Туруханску. Топограф перегружает вещи на свою шлюпку и кричит на прощание:

— Ждите весточку с Входного, скептик.

Эту весточку с Входного я жду и по сей день. Очевидно, топографу не повезло, и он застрял где-нибудь на перепутье. Слишком уж легкомысленно подходил он к вопросу о путешествии на Севере...

Тунгусская Сцилла и Харибда

Итак, мы начинаем подъем по Нижней Тунгуске, уходящей верховьями за три с половиной тысячи километров к многоводной Лене.

Караван идет вдоль высокого яра, поросшего ельником. Дома Туруханска становятся все меньше и меньше, пока, наконец, совсем не исчезают за пеленой снега. На правом берегу чуть видны строения старейшего туруханского зверопитомника черно-серебристых лисиц.

— Ну, сейчас будет «Корчага». Держите ухо востро, — предупреждает лоцман рулевых.

Так вот она, знаменитая тунгусская «Корчага»! Представьте себе гигантскую воронку воды, с шумом крошащую друг об друга заблудившиеся льдины. В «Корчагу» попадает вырванная половодьем листовенница. Водоворот засасывает ее в пучину. Она выныривает на полкилометра ниже, очищенная от сучьев и коры бешеной силой воды. Горе неосто-

рожному рыбаку, лодка которого попадет в «Корчагу»! Да что лодка, были случаи, когда «Корчага» засасывала большие илимки, а выбрасывала щепки и трупы. «Корчага» глухо ворчит, и в тихий день ее ворчание слышат даже в Туруханске.

Мы с опаской наблюдаем за страшным водоворотом. Теплоход вдруг резко повернул в сторону «Корчаги». 1400 лошадиных сил, вращающих винты, с трудом преодолевают ее всасывающие потоки. Караван встал почти поперек реки. Буксир натянулся, как струна. Баржи рыскали из стороны в сторону до тех пор, пока «Корчага» не осталась позади.

В нижнем течении Тунгуска пробивается меж гор, образуя многочисленные пороги и перекаты. Ширина ее здесь не превышает 400 метров. Угрюмая «черная тайга» — лиственница, ель, кое-где кедр — уступает место скалам — или совершенно голым, или расцвеченным бледно-зелеными пятнами оленьего мха. Суровость и мрачность пейзажа подчеркивала отвратительная холодная погода. Тяжелые рваные тучи неслись низко-низко, почти задевая за скалистые горные вершины, покрытые снегом. Такие вершины, лишенные растительности, здесь называют «гольцами». Лоцман показал мне гору, прозванную «Головой мудреца». Действительно, гора очень напоминала большую голову, обрамленную ключьями седых волос.

Из рассказов лоцмана выяснилось, что на Нижней Тунгуске есть свой Большой порог. Впрочем «Большие пороги» имеют даже очень маленькие реки нашего края. Почти все наши реки порожицы и, разумеется, какой-нибудь один порог всегда больше других. Это и есть «Большой порог».

В греческих сказаниях есть миф о Сцилле и Харибде, двух чудовищах, обитавших по обоим берегам Мессинского пролива. Мореплаватель, благополучно избежав Сциллы, попадал в объятия Харибды. Могучие водовороты подхватывали его корабль и влекли на дно. Тунгусские Сцилла и Харибда — это Корчага и Большой порог. Правда, местные «чудовища» страшны только для лодок да илимок, но и большим судам они доставляют немало неприятностей. Не дальше, чем в навигацию 1937 года в Большом пороге перевернулась и затонула баржа с углем.

Большой порог растянут в длину на полтора километра. Стесненная нависшими каменистыми берегами вода мчится здесь со скоростью 18 километров в час. Издали кажется, что в пороге река перегорожена сплошной каменной грядой. Хорошо виден первый камень, высунувший свою скользкую бурую вершину из воды. Его называют «Сторожем». Рядом с ним — «Плита», огромная, плоская; через «Плиту» с шумом катится вода, то совсем закрывая ее, то всю обнажая.

Поднимать через порог весь наш «хвост» нечего было и думать. Пришлось расчаливать караван и с большими предосторожностями таскать поочередно каждую баржу по отдельности. Но и с такой, в обычных условиях пустяковой, нагрузкой теплоход продвигался вперед не быстрее черепахи. Были моменты, когда течение начинало тащить его назад, несмотря на увеличенные обороты винта...

Перетаскивание каравана шло круглые сутки. Темноты в этих широтах весной почти не бывает.

Белые ночи на Нижней Тунгуске имеют свою непередаваемую прелесть. Мне никогда не забыть картины, виденной в ночь на 4 июня недалеко от Большого порога. Случайно выглянув из иллюминатора, я невольно протер глаза: передо мной расстилался самый настоящий зимний пейзаж. Неожиданно выпавший снег ослепительным белым цветом выбелил камни, снежной пылью припудрилась тайга; и только темная, неумолчная река разрушала впечатление раннего «январского» утра.

Фактории на Нижней Тунгуске редки. Можно плыть двое суток и не встретить признаков человеческого жилья. Лишь заброшенные охотничьи избушки, потемневшие от времени и непогоды, стоят у горных потоков, впадающих в реку. Однажды на пустынном

берегу мы заметили два шеста, на которых развевались выпцветшие красные флаги. Оказалось, что это кладбище. Год тому назад на караване, идущем в Туру, умерли двое; вода в те дни быстро падала, дорог был каждый час. Над могилами установили шесты с флагами.

Пустынно и уныло на реке. Но придет скоро конец и пустоте, и унынию. Нижнюю Тунгуску можно смело назвать богатой рекой. Ее сокровища просто сказочны. Запасы полезных ископаемых, скрытых в недрах ее берегов, достигают астрономических цифр. А ведь разведана еще только их ничтожная часть!

Каменный уголь встречается на Нижней Тунгуске всюду.

На реке обнаружены признаки нефтепроявлений.

Во многих местах найден графит.

На берегах реки Будониhi есть свинец и цинк.

А лес, а пушнина, а рыба? Кто подсчитывал их запасы?

Заставить тунгусские сокровища служить советскому человеку — такая это благодарная цель, но вместе с тем и трудная задача. В условиях короткого лета, за тысячи километров от железной дороги нелегко жить и работать, нелегко прокладывать штольни через слой вечной мерзлоты, нелегко долбить непокорную землю. Здесь нужен и размах, и смелость... Ведь еще известный натуралист Мессершмидт знал о том, что Нижняя Тунгуска богата углем, а инициативный сибирский предприниматель М. Сидоров в 60-х годах XIX столетия организовал разведку угля и графита по берегам этой реки. Но до сих пор эксплуатация тунгусских богатств находится в зачаточном состоянии. Развернувшаяся в первой пятилетке разработка тунгусского угля и графита ныне временно почти приостановлена; работы были начаты без предварительной детальной разведки и в таких местах, где затраченный труд не способен окупить себя. Примером малоудачных разработок может служить Ногинский рудник, заложенный без учета возможностей рентабельной эксплуатации.

Мы подходили к Ногинску ранним утром. После холодных дней и надоевшего июньского снега выглянуло солнце. Сразу стало теплее, радостнее на душе. Ожил суровый пейзаж. Краски стали ярче и привлекательнее. И сам Ногинский рудник издали казался очень красивым и нарядным. По горе, надвое разрезанной долиной ручья, в беспорядке разбросались домики — около сорока различных строений. Горы матово-черного камня лежали у самой воды. Это был чистый ногинский графит. Десятки, сотни тысяч пудов графита!

Природа наградила этот клочок земли щедро, расточительно. Пласты графита выходят к самой воде. Не надо проходить штольни, рыть шахты. Нужно просто отламывать куски берега и грузить их на баржи. Тут же валяются куски шиферного сланца, отполированные водой, как оселки для точки бритв. Только уголь запрятан здесь дальше; все остальное — на поверхности, под руками.

— Пошли, ребята, шахты смотреть, — предлагает масленщик Молчанов, шустрый и любознательный комсомолец, которому никогда не сидится на месте.

Быстро собирается компания. Мы идем через поселок, поднимаемся в гору. Начатая было песня смолкает — идти тяжело, приходится все время прыгать с кочки на кочку. На вершине горы — камни, мох, снег. Просека, вырубленная по склону, успела покрыться молодой порослью. Остро пахнет лекарственным запахом богульника. Между пней журчит вода. Где-то за логом монотонно кукует залетная гостья — кукушка.

Версты две мы уже прошли, а шахты все не видно. Становится жарко. С облегчением вздыхаем, когда из-за лиственниц показывается какое-то строение. Это — кузница, а шахта рядом. Черной насыпью выделяется отвал угля, выданный на-гора, да так и не вывезенный из этих мест. Черные дыры штолен затянуты завесой льда. Замолкла кузница, не слышать веселого перезвона молотков. Стоят ряды вагонеток, дожидаются, когда вновь заснут они по путям штолен, выбрасывая на-гора тонны угля.

Добыча угля здесь приостановлена: эксплуатация месторождения пока признана экономически невыгодной. Добывать уголь в Ногинске не трудно, но вывозить — дорого. Когда-нибудь, может быть, скоро, дойдет и до него очередь. Опять оживет шахта, забегают вагонетки, зазвонит песня, засветятся огоньками окна рабочего поселка.

Скорей с горы, вниз, к каравану! Там уже кипит работа. Грузчики закончили наводку мостков. С грохотом катают они тачки по гибким доскам. Графитная пыль делает серыми их потные лица. Скорей, скорей... Уже триста тачек опрокинуты в трюм, а гора графита на берегу не тает. Разве можно стаканом вычерпать океан? Земля не скупится на дары. Скорей, скорей... Жадно раскрыты пасти трюмов. Графит нужен стране.

Река сказочных богатств

Фактория Кочумдек. Триста километров от устья. Здесь река вымостила булыжником берег гораздо глаже и ровнее, чем это делают некоторые нерадивые каменщики. Радуют глаз новые, чистые домики. Всюду алеют предвыборные плакаты, везде портреты Ленина и Сталина, украшенные зеленью.

Около лавки — несколько оленей. Верхом на них из тайги приехали за товаром эвенки. Они идут к нам на теплоход. Осматривают все степенно, без особого удивления: пароходы они уже видели, самолеты — тоже. Вот посмотреть бы ту штуку, что на двух колесах, а бегаёт как ветер — мотоцикл что ли, вот это да! На теплоходе нет этого самого мотоцикла? Нет? Жаль, очень жаль!

Если наших гостей не удивили сверкающие дизели, более мощные, чем три тысячи оленей вместе взятых, то в этом ничего особенного не было. Гораздо удивительнее было видеть наших механиков, остановившихся в недоумении около странного деревянного колеса, с какими-то лопаточками, веревочными приводами, рукоятками и рычажками. Колесо это, чем-то напоминающее неудачную модель «Перпетум Мобиле» — вечного двигателя, стояло перед небольшим домиком. Пытаясь разгадать тайну странного колеса, наш неугомонный Молчанов начал было крутить его. Колесо закрипело и из домика тотчас вышел встревоженный старик с расчесанными надвое пушистыми седыми бакенбардами. Такие бакенбарды носили раньше губернаторы.

— Что балуетесь? — сердито закричал обладатель бакенбардов, — испортите мне всю музыку!

— А что это за музыка? — спросил Молчанов. — Вот ломаем голову, никак не можем придумать, для чего она? Чем кричать, рассказал бы лучше.

Старик сразу подобрел.

— Рассказать? Изволь...

И он рассказал свою историю и историю «машины». Был он рыбаком, перебравшимся с Волги на Нижнюю Тунгуску. Хитроумное колесо отнюдь не предназначалось для решения проблемы вечного двигателя. Нет, назначение его было куда проще. Дедушка Василий смастерил его для изготовления рыболовных снастей, переметов и неводов, которых «рас-торопные» делеги из торгующих организаций упорно «забывали» завезти на Тунгуску.

Старик ругал снабженцев. Он показывал крючки, сотни крючков, изготовленных им из проволоки при помощи напильника. Это была тяжелая и неблагодарная работа. Но крючки на Тунгуску тоже не завозились...

Потом дедушка Василий заговорил о рыбных богатствах реки. Тут он сразу оживился, даже руками замахал.

— Поглядите-ка вокруг себя! Вот где золото, неисчислимо богатство! Греби его хоть лопатой. Рыба табунами ходит и, заметьте, в несметном количестве. Да какая рыба! Обь-

едение, первый сорт. Тут неподалеку озера есть — штук около сорока. А в озерах что? Опять же рыба! Мне бы вот уже на покой пора, какой я работник, а прошлую осень за 20 дней одной только стерлядки жирнущей 800 килограммов добыл. Если теперь это дело по-настоящему организовать, артельно, — сколько рыбы добыть можно? Я уже говорил на этот счет разным проезжающим начальникам, да толку пока что не видно. Не нападу все на азартного человека, который бы за дело болел душой...

Действительно, Нижняя Тунгуска еще ждет своего «азартного начальника». И он придет сюда за ее богатствами. Он пришлет партии геологов, чтоб рылись в недрах, партии топографов, чтоб снимали берега, партии строителей, чтоб закладывали горняцкие поселки и обогатительные фабрики. Может быть, это будет не сегодня и даже не завтра. Велика советская земля и неисчерпаемые богатства хранит она. Но дойдет очередь и до Нижней Тунгуски. Будут еще все ее богатства с честью и славой служить советскому народу.

Просматривая комплект газеты...

У меня сохранился комплект нашей судовой газеты «Большевик Арктики». Он занимает совсем немного места — не больше, чем три журнала «Огонек», сложенные вместе.

Формат «Большевика Арктики» — обыкновенный лист для пишущей машинки. Но, несмотря на свой маленький размер, это была настоящая печатная газета, с передовицами, международным обозрением, клише, карикатурами. Она выходила раз в три дня, а когда этого требовала обстановка, то и чаще. Несколько дней подряд она была даже ежедневной газетой...

Ежедневная печатная газета на судне, на караване! Стоит вдуматься в смысл этих простых слов, за которыми видна настоящая большая забота о человеке. Стоит представить себе, где и как выходит такая газета, чтобы оценить ее важность и значимость.

Уходит весной на север караван. Он плывет месяц, два, а может и больше. Пересечен уже полярный круг. Далеко позади остались города, где во время стоянки в киоске легко можно купить свежий номер газеты. Незаметно, постепенно люди теряют нить событий, волнующих сейчас мир. Начинается тоска по газетному листу, такому привычному и необходимому... Правда, почти на каждом пароходе есть радио. Собравшись в кубрике или за обеденным столом, можно иногда послушать кусочек какой-либо беседы или выпуска последних известий. Но бывает и так: на самом интересном месте радист вдруг прерывает передачу. Тут не помогают самые бурные протесты слушателей. Ему надо держать связь с другими судами, с диспетчерской, с ближайшим портом. В эфире все подчинено расписанию. Нечего делать, приходится терпеливо ждать, пока он кончит свои переговоры. Наконец, в репродукторе вновь возникает звук. Но... увы! Интересная беседа давно кончилась.

Так бывает на пароходе. А вот на баржах и паузках, на караване до сих пор нет радио. Книжки скудной библиотеки зачитаны до дыр, случайно попавший номер газеты месячной давности — тоже. В шашки играть надоело, к балалайке нет запасных струн.

И бродит скука по барже, рождая сплетни, мелкие склоки и дразги.

Вот и подумайте теперь, сколько пользы и радости приносил нам каждый номер караванной многотиражки! С каким нетерпением его ожидали! Как сердились, когда газета запаздывала!

Типография «Большевика Арктики» помещалась в подводной части трюма теплохода, рядом с кладовой и канатным отсеком. Крутая, почти отвесная железная лестница вела в нее. В крохотной каютке, отгороженной фанерными переборками, стояли кассы со шрифтом и печатная машина. Сюда не проникал дневной свет. Откуда-то издалека доносился стук дизелей. Зато звук воды, струящейся вдоль бортов, не прекращался ни днем, ни

ночью. Температура в «типографии» никогда не поднималась выше 7-8 градусов, а иногда падала до нуля. В жаркий летний день перед спуском в трюм дядя Гриша, наш наборщик, надевал валенки и ватную кацавейку.

Набирали газету чаще всего ночью, чтобы не расходовать зря электроэнергию. Помполит Лукашев, он же редактор газеты, под утро подписывал полосы к печати. А к завтраку газета была уже во всех каютах, в рубке, в машинном отделении. Моторный катер развозил ее по каравану, не приостанавливая своего движения.

Эй, вахта! — зычно кричал рулевой, лихо подворачивая катер к какой-нибудь из барж, идущих на буксире теплохода, — принимай свежие новости!

Пачка газет, аккуратно свернутых в трубочку, перевязанную ниткой, описав дугу, падала к ногам вахтенного.

— Спасибо! Привози еще!

Писали в газету матросы, рулевые, наметчики, кочегары, масленщики, пассажиры. Между читателем и писателем здесь стерлись все грани...

За три года своего существования газета выходила и на Подкаменной Тунгуске, и в Енисейском заливе, и на Диксоне, и на Нижней Тунгуске, и в Карском море, и на мысе Входном, и на реке Пясине — выходила на разных широтах, выходила там, куда навигационный план забрасывал теплоход.

Пока мы плавали по рекам Эвенкии, три темы не сходили со страниц многотиражки. К ним «Большевик Арктики» возвращался вновь и вновь. Эти темы: подготовка к выборам Верховного Совета РСФСР, предвыборное социалистическое соревнование, учеба.

Мы не были оторваны в то время от общего предвыборного подъема, охватившего страну. Наш караван представлял собой плавучий избирательный участок. Он имел свой номер — 107 - и значился в списке участков Красноярского избирательного округа, — по месту приписки судна. У нас работала своя избирательная комиссия. На всех судах каравана занимались агитаторы. Всюду — на стенах кают, в кубриках, в каюткомпании виднелись предвыборные плакаты и лозунги. Деятельно работали кружки по изучению «Положения о выборах» и Конституции РСФСР.

Наш караван соревновался с караваном парохода «Молотов». То и дело на газетных полосах печатались заметки о проверке выполнения договоров соревнования, об успехах стахановцев. Предвыборное соревнование захватило всех. Масленщики соревновались с наметчиками, палубная команда — с машинной, команды барж — друг с другом.

Наш караван был еще плавучей школой. На судах советского флота стало традицией — обмениваться знаниями. Мало ли каких людей сталкивает судьба на судне! Едут на север геологи, политработники, врачи, едут люди с солидным умственным багажом, с большим жизненным опытом. Им есть о чем рассказать не только молодым ребятам, плавающим первый год, но и «речным волкам», для которых Енисей знаком как пять пальцев. Бывало и так: днем помполит проводит занятие на тему: «Почему было отменено крепостное право в России». Среди его слушателей сидит боцман и внимательно записывает что-то в тетрадку. Вечером боцман занимается по техминимуму с командой. Среди его слушателей можно увидеть помполита, в третий раз безуспешно пытающегося завязать настоящий морской узел...

Боцман смотрит на его неудачные попытки и говорит покровительственно:

— Э, так, с налету, ничего не выйдет. Узлы вязать надо с понятием. Тут все от искусства рук зависит. Без сноровки никакого узла не завяжешь.

И нередко можно было увидеть в многотиражке такое объявление:

СЕГОДНЯ

в 6 часов вечера в нижнем салоне будет проведено практическое занятие на тему:

«КАК ПИСАТЬ ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ»

(расписки, счета, заявления, доверенности и т. д.).

ЗАВТРА

в это же время состоится занятие на тему: «Как будут происходить выборы в Верховный Совет РСФСР».

Большое дело — газета в плавании! Маленький листок, пахнувший керосином и краской, нередко служил нам окном, через которое глазами читателя мы могли взглянуть на мир. Мы читали о последних событиях в Китае, находясь за тысячу километров от ближайшего газетного киоска. Вспоминаю такой случай: в 1936 году, когда теплоход стоял на рейде Диксона, рация приняла передовую «Правды», посвященную процессу над троцкистско-зиновьевской бандой. В караванной многотиражке она появилась вечером того самого дня, когда была опубликована в «Правде». А номер «Правды» с этой передовой мы получили четверть года спустя...

Поход в Туру

Итак, мы добрались до Кочумдека. Дальше этой фактории теплоходы вверх не ходили. Считалось доказанным, что река порожиста, капризна, своенравна, опасна для судоходства. Да и вообще мало ли что может случиться! Поэтому из диспетчерской был получен приказ: если грузы доставлены в Кочумдек, быстрее возвращайтесь обратно на Енисей.

Телеграфный бланк с приказом диспетчерской нам пришелся совсем не по душе. Возвращаться... По правде говоря, никому не хотелось возвращаться. Вода не убывала. Река мирно несла ее с верховьев, от синеющих на горизонте хребтов, оттуда, где находилась Тура. А раз вода играла с нами на одну руку, то почему бы не воспользоваться ее милостью?

Поход до Туры представлялся заманчивым не только как попытка освоения нового участка реки; нет, его значение было гораздо шире и важнее. Расчеты были просты. Если мы выгрузим товары в Кочумдеке, их будут перегружать на мелкие суда и таскать вверх по реке маленькими порциями. Перевозки растянутся до глубокой осени и обойдутся очень дорого. Другое дело, если нам удастся привести караван в Туру. Никаких перегрузок! Никакого завоза грузчиков! Никакой задержки в доставке товаров! Никакой... Да мало ли прочих выгод и преимуществ сулил сквозной рейс до Туры.

Настроение у всех было необыкновенно приподнятое. Приближался день выборов в Верховный Совет нашей Республики. Радио приносило вести о делах стахановцев, идущих навстречу дню выборов с замечательными показателями, с новыми рекордами радостного труда. И вот постепенно родилась и созрела в команде мысль: во что бы то ни стало пройти в Туру, пройти быстро, без единой задержки и заминки, сделать этот рейс стахановским рейсом имени выборов Верховного Совета РСФСР. Как-то сам собой возник летучий митинг. Идею похода в Туру одобрили все единодушно. Лоцман брался провести караван. Но... тут возникло неожиданное и очень существенное препятствие.

— А нефти у нас хватит? — спросил кто-то.

Вопрос был подобен ушату ледяной воды, опрокинутому на горячие головы. Действительно, как мы об этом не подумали! Ведь топливо было запасено из расчета, что рейс не затянется. Все выжидательно посмотрели на механика.

— Нефти почти что нет, — сказал механик и обвел взглядом сразу вытянувшиеся лица, — но если хорошенько пошарить, то кое-что можно наскрести. Я, конечно, не ручаюсь за точность цифры, но тонн 20 у нас, кажется, есть.

Все повеселели. Раз механик говорит, что есть 20 тонн нефти, значит на 30 тонн можно смело рассчитывать. Наш механик принадлежал к числу запасливых людей, склонных к преуменьшению возможностей и преувеличению трудностей.

Быстро произвели подсчеты. Итоги получились не очень-то утешительные. Если запасливый механик даже и наскребет 30 тонн, их хватит еле-еле.

— Давайте будем обходиться пока без освещения. Пускай вместо динамо луна поработает, благо ночей почти нет, — предложил наметчик Соловьев. — И насколько я понимаю, на этом деле сэкономим самое малое тонну, а то и больше.

— Правильно. В темноте, да не в обиде!

Выступил радист Костя. Он был главным виновником частого запуска дополнительного мотора, а следовательно и солидным потребителем нефти.

— Я не буду много распространяться. Конечно, радиосвязь нам очень нужна. Но если очень нужно ее сократить, то это можно сделать. Я кончил, товарищи.

На следующий день мы выступили в рейс.

Странное дело! Чем выше поднимался караван вверх, тем спокойнее становилась Нижняя Тунгуска, тем приветливее выглядели ее берега. Куда-то исчезли коварные пороги, опечки, косы и прочие «накладные расходы» на путешествие по таежной реке. Казалось просто невероятным, чтобы пароходы, пробравшиеся до Кочумдека с великими трудностями через очень беспокойное и неудобное плесо, поворачивали от этой фактории обратно вместо того, чтобы уверенно продолжать путь. Я поделился этими соображениями с лоцманом. Он рассмеялся.

— Э, ларчик тут просто открывается. Ты не забывай, что мы идем по очень большой воде. Сейчас, в аккурат, самое половодье. А вот попробуй-ка здесь пройти с нашей посудой глубокой осенью — хлебнешь горя через край. Тут тебе река сразу покажет зубы. А они у нее острые: чуть зазевался, и борт распорот. А о затоках да доках для ремонта в этих местах я что-то не слыхивал...

За первые сутки похода мы прошли полтора километра. Как будто и к югу мы движемся совсем понемногу, а пейзаж меняется с каждым часом. Солнце светит необыкновенно ярко, как будто торопясь щедро расплатиться с землей, истосковавшейся по теплу за долгую зиму и позднюю весну. С гор бегут уже не ручьи, а целые потоки. Все чаще попадаются полянки, радующие глаз хорошей, совсем южной зеленью. Некоторые ребята из команды, неумеренно обрадовавшиеся солнцу, ходят с докрасна сожженными шеями. На собственной коже они познали, что солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья лишь в том случае, если мы ими не злоупотребляем.

Меж тем на теплоходе началась генеральная чистка и уборка. Вахтенные надраивают медные части до такой степени, что они как бы сами начинают излучать свет и блеск. Палуба тщательно вымыта и проолифена. Боцман наладил себе «люльку» и, беспечно раскачиваясь над водой, очищает корпус судна от пыли, грязи, накипи и других нежелательных напластований, образовавшихся за плавание. Запах олифы и скипидара носится всюду. Закроешь глаза — и кажется, что находимся в доме, где только что закончен ремонт и на полах еще густеет тонкий слой охры.

— Наддай, наддай, ребята, жару, — орет боцман своим помощникам. — Отрегулируем нашего красавца так, чтобы в Туре ахнули — вот, мол, судно пришло, видать только сработано. Не жалея воды и швабры! Посуда чистоту любит!

Соловьев, закусив кончик языка и смешно оттопырив веснушчатые щеки, выводит на куске кумача:

«Братский привет трудящимся Туры от команды теплохода «Красноярский рабочий».

Буквы выходят немного неуклюжими, но в общем получается здорово.

А берега бегут назад. Пять сотен километров, что отделяют Кочумдек от Туры, тают с каждым часом. Но одновременно тает и нефть. Мы идем сравнительно быстро; но весть о нашем рейсе распространяется по эвенкийской земле еще быстрее. Посмотреть на большой караван, никогда не виданный в этих местах, выходят из лесу охотники. Вот на берегу появляется целый «кавалерийский отряд» — шесть эвенков верхом на оленях — «учугом». Они машут нам руками, что-то кричат, потом пускаются вслед за караваном по берегу. Сначала они едут наравне с нами. В зелени мелькают их фигуры. Но на беду всадникам плесо попадает тихое, а берег, как на зло, неровный, изрытый ручьями и оврагами, и через полчаса их «рогатые кони» остаются позади. Спешившись, эвенки выходят к самой воде и еще долго смотрят нам вслед.

На какую-то факторию — не помню точно, была ли эта фактория Виви или фактория Учами — мы ездили на катере. Катер у нас находился под бортом всегда — на всякий случай.

Деревянное здание фактории украшал большой плакат:

«Сталин, наш первый депутат Верховного Совета РСФСР!»

Два охотника-эвенка, только что приплывшие с другого берега в лавку за табаком, рассказывали, как сегодня утром они «добыли» медведя. Один из охотников сидел на гладко обструганном пеньке. Окончив рассказ, он встал и пошел к своей «ветке». Пенек, на котором он сидел, оказался не просто пеньком. Черной краской на нем было написано:

ГУСМП

Всесоюзный Арктический Институт

Астро-Радио-Пункт

1937 год

Охотники со старинными ружьями, медведи, нехоженные тропы и — предвыборный плакат, фактория, астрономический пункт! Пока я размышлял об этих контрастах, а мои спутники разговаривали с охотниками, моторист завел мотор. Караван уже ушел вперед километра на два.

— Заезжайте на обратном пути, — приглашает заведующий факторией. — Уху такую приготовлю — закачаетесь!

— Непременно заедем! — кричит рулевой. И добавляет вполголоса: — Вот если бы ты нам нефти приготовил! Много не надо, бочоночков десять-пятнадцать... А то уха! Нашел, чем удивить.

Страничка истории

— Ну, вот и Таймура, — сказал лоцман, показывая рукой на реку, впадающую в Тунгуску. — Любопытная, доложу вам, речка.

— А что в ней любопытного?

— Древности всякой много. Здесь, на Таймуре, мамонт найден. А недалеко от устья, на правом берегу, есть избушка. Стоит себе у подножья скалы, потолок провалился, стены почернели.

— Ну, и что же?

— А вот то же... Бывал я в этой избушке. Посреди торчат развалины печи. А сквозь печь уже лиственница проросла, поперек сантиметров тридцать. Вот и подсчитайте теперь,

сколько лет стоит избенка. Рассказывают, что ее еще те казаки строили, что в Сибирь с Ермаком пришли.

По правде сказать, я не поверил тогда старому лоцману. Древность избушки мне показалась слишком преувеличенной. Но позднее, вернувшись из рейса, я на всякий случай решил порыться в архивах и наткнулся на любопытные данные.

...Было это в начале XVII века, когда на севере существовала Мангазея. Не дожили до наших дней даже ее руины. Почти забылось и само название. Но когда-то это был большой город — по тем временам, разумеется: четыре улицы, гостиный двор, питейные заведения и несколько церквей. Дома строились солидные, прочные, в два, а то и три этажа. Бревенчатый двухрядный частокол защищал Мангазею от набегов кочевников.

Сидели в Мангазее воеводы-мздоимцы, с помощью казаков и служилых людей собиравшие с туземцев обильную дань — ясак. Чтобы не вздумали туземцы уклоняться от платежей, брали заложников — аманатов. Отправляли московскому царю тюки «мягкой рухляди» — драгоценной пушнины. Пушнина притягивала в Мангазею, как магнит, и заморских купцов: плавали сюда через студеное море немцы и голландцы. Алчность и жажда наживы пересиливали в них страх перед трудным путешествием.

Своеобразная жизнь ключом кипела на далеком форпосте московского государства. «Приходили в Мангазею морем многие кочи с хлебными запасами и русскими товарами, в год кочей 50 и больше и по Енисею, государь, и по Турхуну, и по иным сторонам реки и промыслили многие промышленные люди и промыслы, государь, были большие... А торговых, государь, и промышленных людей зимовало в Мангазее человек по тысяче и больше, и в лавках, государь, сидели со всякими товарами зимой и летом без съезду, и весной, государь, на волоку всяким людям торг был большой».

Так описывал жизнь Мангазеи ее современник, таможенный голова Саблин.

Сфера влияния Мангазеи была очень велика. Она распространялась, в частности, на Нижнюю и Подкаменную Тунгуски. И вот из летописей известно, что в 1626 году на Нижнюю Тунгуску двинулись около двухсот промышленников в сопровождении 22 казаков. Привлекала ли их жажда наживы, искали ли они новых нехоженных мест и необъясненных туземцев — сказать трудно. Не сообщает летописец и об исходе этой смелой экспедиции. Но совершенно очевидно, что казаки и их спутники могли проникнуть в верховья реки и обосноваться здесь в местах, богатых пушниной. Ведь история русских завоеваний знает походы куда более смелые, трудные и дальние, чем путешествие вглубь страны эвенков.

Старый лоцман, конечно, ошибался, предполагая, что изба, которую он видел на Таймуре, была построена казаками из вольницы Ермака. Но не исключена возможность, что он напал на зимовье, построенное людьми, ушедшими из Мангазеи в 1626 году. За триста с лишним лет сквозь развалины печи могло прорасти и вытянуться к небу стройное дерево. А лиственница, из которой построена избушка на Таймуре, способна стоять не одну сотню лет. Недаром называют ее вечным деревом...

Встреча

Глубокая ночь. Но на теплоходе никто не спит. Да и можно ли спать, когда до Туры — три десятка километров. Идем без огней. В трюме, при свете коптилок, печатается номер многотиражки, посвященный благополучному завершению рейса. А в том, что он завершится благополучно, ни у кого не осталось и тени сомнения. На баке собралась вся команда, свободная от вахты. Пели «Родину», украинские песни, потом частушки. Настроение у всех было приподнятое, пелось легко, свободно, от души.

На заре подняли новые вымпела — алый, цвета страны, и голубой, Главсевморпути — взамен выцветших и задымленных. С мачты на мачту, с мачт к бортам затрепетали гирлянды ярких сигнальных флагов, тех самых, что украшают судно в дни первомая. Мы ходим по палубе и сами удивляемся — неужели это наш теплоход такой красивый, чистый и нарядный?

А команда! За ночь начисто истреблены все запасы ваксы, которыми располагали наши щеголи. Из походных сундучков вытащены разглаженные брюки, синие кители, рубашки с галстуками. Промасленная роба запрятана под койки. Все гладко выбриты. Благоухание цветочного одеколona успешно конкурирует с запахом весеннего утра, приносимым легким ветерком с берега. До восхода солнца остался, по крайней мере, час.

До Туры осталось, по крайней мере, километров пятнадцать.

— Катер впереди!

Это кричат наши «дозорные» со штормового мостика.

В самом деле, издали слышится характерное тарахтение мотора. Проходит пять минут, и из-за поворота прямо на нас вылетает моторная лодка. Люди, сидящие в ней, еще издали машут руками. Лодка делает разворот и, рискуя опрокинуться, подваливает к борту теплохода. По шаткой стремянке к нам карабкаются первые гости из Туры: председатель окрисполкома, начальник отдела НКВД, редактор эвенкийской газеты и другие местные работники..

Крепкие рукопожатия, восклицания, расспросы:

— Ну, товарищи, спасибо вам!

— Не стоит. Дело нетрудное. Не нам спасибо говорите, а воде за то, что не подвела. Скажите, лучше, нефть у вас есть?

— Найдем немножко. Чтоб в Туре да чего-нибудь не было. А пока, — весело подмигивает начальник авиабазы, — принимайте дары. Раньше встречали гостей хлебом-солью, а у нас завелся свой обычай.

В руках у него влажный мешок. В мешке что-то шевелится. Наш гость ловким жестом встряхивает свою ношу — и на палубе начинают биться крупные рыбины.

Туринцы гурьбой идут осматривать теплоход. Он им нравится. И действительно, сейчас, когда из-за гор вырвались первые лучи солнца, судно выглядит необыкновенно красиво. Яркие разноцветные флаги чуть колышутся в воздухе. Солнце играет на поручнях, на иллюминаторах. Теплоход идет, властно рассекая воду, тяжелый, сильный, большой. За ним послушно движется караван, тоже принарядившийся, тоже расцвеченный флагами.

— А в машину спуститься можно?

Можно и в машину. Тут чистота — свято соблюдаемый закон. Но сегодня стахановская вахта механика Пантелеева превзошла самое себя. Чистота могла бы, кажется, удовлетворить самого придирчивого хирурга, для которого пыль и грязь — самые страшные враги. Гудела нефть в топке вспомогательного котла, с неуловимой для глаза скоростью вращались два огромных гребных вала, поворачиваемые 1400 лошадиными силами.

Когда после осмотра машины поднялись в салон, где аппетитно пахло жареной рыбой, часы показывали уже 5 часов утра.

— Через 40 минут будет Тура, — сказал редактор, выглядывая в иллюминатор, — налегайте на рыбу и айда на палубу.

В каютах не осталось ни одного человека. Толпятся на баке, на штормовом мостике, а неугомонный Олег Молчанов вскарабкался даже на мачту: он непременно хочет увидеть Туру раньше всех.

Но увидели ее мы все сразу. Она вынырнула из-за высокого мыса, поросшего чахлой лиственницей.

Представьте себе пологий склон, зеленеющий весенней порослью. Представьте далее несколько десятков домиков, разбросанных по склону, не успевших еще почернеть под влиянием солнца, ветра и непогоды. Впрочем, кое-где виднелись уже не домики, а настоящие двухэтажные дома. Еще были видны радиомачты, и участок вспаханной земли, и деревянная каланча, и серебристый самолет, привязанный под берегом к якорю. Не знаю, как выглядит Тура в дождливую погоду, когда свинцовые рваные тучи несутся низко над землей, но в это чудесное утро она была необыкновенно привлекательной, какой-то солнечной, светлой, нарядной...

На берегу не замечалось почти никакого движения: ведь еще не было и шести часов утра. Но вот по улице пробежал человек. За ним другой, третий...

— С благополучным окончанием рейса! Ура! — крикнул Олег и подбросил кверху фуражку.

И тотчас запел гудок теплохода. Мощный его голос неся над рекой, над поселком, над караваном, будя эхо и туринцев. Гудок пел долго и торжественно, облачко белого пара таяло над трубой.

Поселок ожил. Бежали по улицам люди, кое-где мелькали флаги. Когда караван подтянулся к берегу, там собралось, вероятно, все наличное население Туры. Празднично одетые люди возбужденно махали платками. На большом полотнище красовалась надпись, радующая наши сердца:

«Привет стахановцам «Красноярского рабочего»!

Тому, кто читает сейчас эти строки, может показаться, что автор, описывая радостную встречу, несколько утратил чувство меры. Но, представьте себе, что вы живете в Туре, откуда до ближайшей железнодорожной станции ни много, ни мало, как 2300 верст. Зима на севере отличается не только суровостью, но и непомерной продолжительностью. За всю долгую зиму вы видите одних и тех же людей. Вы успели узнать каждого жителя Туры в лицо, а если у вас хорошая память, то и по фамилии. Редко, очень редко попадают сюда зимой новые люди с «магистральной». Разве только полярный летчик Ян Степанович Липп, хорошо знакомый всему Енисейскому северу, улучив денек, когда пурга использует свой выходной, проберется сюда на самолете. Так как же не радоваться первому каравану, пришедшему издалека, привезшему новых людей, новые книги, новые газеты, новые товары, новые патефонные пластинки? Сильна эта радость, искренна и естественна.

Митинг состоялся тут же на берегу. Пришли эвенки-совпартшкольцы, одетые в белые летние пиджаки, рубашки с галстуками. Они выстроились в два ряда около трибуны. Точнее говоря, никакой трибуны не было. Ее заменял выступ берегового яра.

Выступали представители окружкома партии, представители советских организаций, эвенки-стахановцы. Они говорили о том, как бурно развивается их округ, как заботятся об эвенкийском народе советская власть и партия, как растет этот, в прошлом забитый и темный, народ. Они говорили, что наш рейс есть одно из проявлений заботы о нуждах эвенкийского народа. Много было сказано на митинге хороших и теплых слов, идущих от сердца.

Наш помполит Лукашев выступил с ответным словом. Он заметно волновался и говорил не совсем гладко. Он сказал, что вся команда никогда не забудет теплого приема, оказанного в Туре. Он сказал еще, что в Туре нам всем, наверное, очень понравится, и на будущий год в это же время мы вновь приведем сюда караван.

Эти слова вызвали шумное одобрение.

— Свежие газеты! Свежие газеты! — закричал юрский мальчуган, размахивая пачкой белых листков. Оказывается, редакция газеты «Эведи омакта ин» («Эвенкийская новая жизнь») выпустила специальный номер, посвященный приходу каравана.

Вот что там было написано в приветствии эвенкийского окрисполкома и окружкома партии:

«Славная команда крупнейшего теплохода нашего края «Красноярский рабочий» 13 июня 1938 года прибыла в Туру и доставила сразу около 1000 тонн необходимого груза для нашего национального округа.

Этот ранний приход основного груза обеспечивает своевременную заброску грузов водным путем в отдаленные торговые точки округа, освобождает и сохраняет олений транспорт, рабочую силу в период пушных заготовок, что, в свою очередь, обеспечивает еще большее увеличение заработка охотников — коренного населения округа — и улучшение их материального благосостояния.

Этот рейс в Туру есть лучший подарок эвенкийскому народу ко дню выборов в Верховный Совет РСФСР».

По правде говоря, до прихода в Туру в команде никто и не думал, что рейс получат такую хорошую теплую оценку. А сейчас все чувствовали себя немножко героями дня, как-то подтянулись, стали сдержаннее, серьезнее...

Что же такое Тура?

Так что же такое Тура? На перо так и просятся привычные фразы, примелькавшиеся на газетных столбцах:

«...Там, где еще недавно стояла непроходимой стеной дремучая тайга, сейчас раскинулся центр Эвенкии — Тура».

Или:

«...В глухой тайге, за тысячи верст от железной дороги расположена столица Эвенкийского национального округа, форпост культуры, будущий город Тура».

Есть некоторая доля истины в этих фразах. Но Туры они все-таки не определяют. Тура проще и будничнее. Столица Эвенкии — это слишком громко для Туры. Кстати, и настоящей тайги вокруг нее нет.

На очень подробной современной карте, изданной Всесоюзным арктическим институтом в 1938 году вы тщетно будете искать Туру. Туры вы не найдете. Лишь где-то около жирной линии Нижней Тунгуски прилепился крохотный кружок, с надписью мелким шрифтом «Туринская культбаза». Мягко выражаясь, карта не отражает действительности. Здесь сказался некоторый консерватизм, непростительный для географов. Несколько лет тому назад при впадении реки Кочечумо в Нижнюю Тунгуску действительно стояли одинокие домики культбазы. Но ведь это было несколько лет тому назад. А жизнь властно корректирует карты, корректирует ежегодно, даже ежемесячно.

И вот, на стрелке двух рек постепенно и незаметно возник поселок с электрическим освещением, своей газетой, кино и аэропортом. Он не очень велик по нашим понятиям, но по северным условиям его можно назвать большим поселением, заслужившим право на то, чтобы слово «Тура» на картах писалось жирным шрифтом.

В Туре есть двухэтажные дома, есть коттеджи. Построено здесь за последние годы много, но все же недостаточно: население растет куда быстрее, чем квадратные метры жилой площади. Жилищный вопрос — очень острый вопрос для туринцев. Лес, что окружает поселок, обманчив: из него много не настроишь. Лиственница лесотундры не дает хороших бревен для стройки, их надо сплавлять с верховьев... из Ербогачен.

В Туре немало приезжих. Здесь можно найти и уроженца Крыма, и ленинградца, и омича. Что привлекло их сюда, за тысячи верст от родных мест? Может быть, пресловутый длинный-предлинный «северный» рубль? Есть, конечно, в Туре небольшой процент

таких искателей солидных окладов, нагрузок за отдаленность, надбавок за суровость климата. В семье — не без урода.

Старожилы их терпеть не могут, и они ищут сочувствия у вновь приехавших. Но находят его редко. Все меньше и меньше становится на нашем севере залетных стяжателей. Их быстро раскусывают и с первой же оказией отправляют туда, откуда они явились.

Зато появились в Туре свои энтузиасты, хорошие и честные люди, полюбившие суровый край, сроднившиеся с ним. В первый же день по приходе в Туру я случайно услышал на берегу разговор между молодой светловолосой девушкой, счетоводом пушной конторы, и пареньком в выцветшей гимнастерке со следами отпоротых петлиц — вероятно, демобилизованным красноармейцем:

— Ну вот, — сказала она, — и караван пришел. Поди, чемоданы уже упаковал? На магистраль на верное, спешишь?

Он рассмеялся:

— Мне спешить некуда. Мне и тут неплохо. На годик еще останусь, а там видно будет. А ты?

— Да и я не тороплюсь. Поработаем еще немножко...

Поработаем еще! Убедительные слова! Ведь работы здесь непочатый край — интересной, живой работы, способной захватить и увлечь человека.

Двадцать пять лет тому назад на территории, занимаемой ныне Эвенкией, значилось несколько родов «бродячих тунгусов». В полном взаимном согласии шаманы, кулаки, русские купцы, полицейские исправники обдирали и грабили трудолюбивый эвенкийский народ. Эвенки не знали, что такое грамота, плуг, жизнь в человеческих условиях.

Но зато какими гигантскими шагами пошел к своему счастью эвенкийский народ после Октябрьской революции. За последние 20 лет эвенки выросли во всех отношениях неизмеримо больше, чем за всю предшествующую историю, исчисляемую веками.

Сейчас Эвенкийский округ имеет уже свои крепкие национальные кадры. Это, прежде всего, — председатели колхозов, простейших производственных объединений. Это стахановцы-оленоводы, стахановцы-охотники, стахановцы-пахари. Это — председатели кочевых советов. Это — учителя, советские работники, воспитанники Ленинградского Института Народов Севера. Это — слушатели Туринской совпартшколы и колхозной школы. Это — работники факторий. Это — красночумцы.

На улицах Туры почти невозможно встретить неряшливо одетого эвенка. В жаркие дни коренные туринцы гуляют в белых костюмах. Волейбол стал любимой игрой эвенкийской молодежи.

Теперь — несколько цифр и фактов. В Эвенкии учится 94 процента детей и 87 процентов взрослых. 98,2 процента чумохозяйств округа работает коллективно — в простейших производственных объединениях. 37 семейств эвенков получают пособие от государства по многосемейности, 4 национальных колхоза перешли на оседлость. Райисполком завален требованиями: открыть школы во всех населенных пунктах. В округе насчитывается до 100 стенных газет, кроме того, выходит печатная газета «Эведи омакта ин» («Эвенкийская новая жизнь»). Немало огородов распахано в Туре, Ванаваре, на глухих факториях. Жители получают устойчивые урожаи овощей.

В эвенкийской газете можно встретить такие объявления:

«Туринская молочно-животноводческая ферма предлагает организациям и частным лицам для посадки рассаду капусты всех сортов, а также огурцов, свеклы, помидоров, корней лука-батуна».

И это в тех местах, где очень долго, подозрительно долго «ничего не росло»!..

Мы уже говорили, что Тура — очень своеобразное поселение. Недалеко от совпартшколы — полянка. На полянке — столб с надписью «Банковский переулок». Позвольте,

где же переулочек? Никакого переулочка еще нет. Но он будет. Лес для домов, которые появятся на этой полянке, уже заготавливается.

Около кино, где время от времени демонстрируются новые фильмы, собираются совпартшкольцы и танцуют национальный танец «Ёхарьйо».²

Это очень простой танец, состоящий из одного «па». Очень древний танец «Ёхарьйо»! Лет ему, наверное, столько, сколько живет эвенкийский народ.

Припоминается еще такой забавный эпизод. В Туре есть телефон. Я позвонил и попросил соединить меня с совпартшколой:

— Назовите номер, — ответила телефонистка.

— Да я не знаю номера. Я приезжий.

— Без номера не могу соединить. Раз порядок установлен, давайте подчиняйтесь.

Нечего делать, пришлось разыскивать телефонную книжку. Книжки, разумеется, не нашлось. Ее заменял лист бумаги, на котором без особенной тесноты разместились номера всех абонентов. Надо думать, что телефонистка помнила номера наизусть от первого до последнего. Но порядок есть порядок! Соединять по номерам как-то солиднее — напоминает большой город.

В Туре есть свой музей. Он помещается в одной из комнат большого школьного здания. Экспонатов в нем пока что немного, но они весьма интересны. Через них как бы проглядывает будущее Эвенкии. Это будущее — в кусочках угля, который можно найти чуть ли не на всех 78 миллионах гектаров ее территории. Есть тут куски свинцовой руды, очень тяжелые на вес. Глаза геолога загораются при виде разложенного в самодельной витрине исландского шпата. Килограмм его, говорят, стоит до 250 рублей золотом. Есть экспонаты, отражающие настоящее, сегодняшний день. Это — пушнина, пахнущая нафталином, это — овощи, выращенные в Туре. Это — диаграммы коллективизации местного населения. Это — работы школьников: рисунки, вышивки, модели.

А в углу комнаты — прошлое. Шаманский бубен. Парадный костюм шамана. Самодельные ножи, нехитрые ловушки, которыми зверя обмануть трудно, а поймать еще труднее.

В общем, туринский музей еще не на высоте. Но самый факт его существования весьма отраден и показателен. За обедом в местной столовой я разговорился с одним из туринских старожилов. Разговаривали, разумеется, о Туре. Я расхваливал ее, старожил расхваливал, но не очень сильно и не очень искренно — очевидно, только из духа противоречия.

— Мне кажется, — сказал я, — что в недалеком будущем — ну лет, скажем, через пять-шесть — Тура из поселка превратится в большой город.

Мой собеседник нашел такую постановку вопроса в корне неправильной.

— Будет ли Тура городом? — неожиданно разгорячился он, — конечно, в общепринятом смысле она может не стать таковым и через десять лет. Жителей в ней маловато. Но не забывайте, где она расположена. А если отбросить количество жителей, то мы уже сейчас живем в городе. Давайте посмотрим, что есть в Туре...

И он, загибая пальцы, принялся перечислять признаки, по его мнению, дающие Туре право называться городом. Пальцев обеих рук скоро не хватило. Вот что он нашел в Туре: электростанцию, клуб, больницу, среднюю школу, кирпичный завод, столовую, пристань, детские ясли и детский очаг, телефонную станцию, типографию, несколько лавок и ларьков, радиостанцию, совпартшколу и колхозную школу, молочную ферму, огородное хозяй-

2 В издании 1939 года автором написано в принятой тогда транслитерации «Ихарьйо».

ство, спортплощадку, строящийся теннисный корт, окружной музей, лесопильный заводик и многое другое...

Правда, пристань существовала в самом зачаточном состоянии, линия Туруханск–Тура не была еще нормально действующей воздушной магистралью, а электростанция ремонтировалась гораздо чаще, чем этого хотелось бы жителям Туры, — но в общем мой собеседник был по-своему прав.

Да, интересная и умная жизнь кипит у слияния двух рек, в поселке, откуда до ближайшей железнодорожной станции 2300 верст, в поселке, около которого можно встретить медведя...

И когда теплым летним вечером закончилась погрузка, а первый гудок собрал на берег толпу провожающих, я испытал чувство, очень похожее на грусть. Мне стало жаль расставаться с Турой. Кое-где уже зажглись огоньки ламп. Над рекой звучали песни, пела гармонь, слышался мерный всплеск весел: с того берега возвращались с прогулки совпартишכולцы. Из нижнего салона доносились взрывы хохота: там ужинала команда, вернувшаяся с выгрузки. Неожиданно в вечернем воздухе громко, звучно запела скрипка: радист Костя решил на прощанье дать концерт и включил динамики.

Ну, вот и кончен рейс, — задумчиво сказал помполит, незаметно подошедший сзади, — через полчаса снимемся с якоря. А я бы побыл здесь еще денек-два...

...Третий гудок. Его слышно, наверное, километров за двадцать, а то и тридцать — такая тишина разлита в вечернем воздухе.

— Счастливый путь, — кричат с берега, — приезжайте еще!

— Медленно идет из воды толстая якорная цепь. Два удара колокола — якорь поднят.

— Тихий вперед.

— Полный.

Прощай, Тура! Зеленый мыс уже наплывает на твои домики, закрывая их своей непроницаемой для взора толщей. Прощай, Тура!

...А за пять тысяч километров плотный, приземистый человек говорит своему секретарю: «Браток, отправь-ка радиogramму».

Точки и тире бегут через эфир, разыскивая наши задымленные антенны. Антенны ловят их и спускают по проводу в каюту радиста.

Радист легко переводит с языка телеграфного кода. Карандаш проворно бежит по бумаге. Лицо Кости расплывается в широкую улыбку. Закончив прием, он опрометью бросается вон из каюты на палубу, на мостик.

— Читайте! — кричит он, размахивая белым листком.

Мы читаем:

«Передайте наше искреннее пожелание дальнейших успехов команде теплохода, командному составу по поводу удачного завершения рейса в Туру. Папанин, Белахов».

...Убегают назад берега. Волны расходятся за кормой. Может быть, через год, в эту же пору, мы придем сюда вновь, пройдем проторенной водной дорогой в Эвенкию. Нас встретят, как желанных гостей. И от этой мысли, и от того, что рейс завершен удачно, и от того, что в воздухе чудесно пахнет лиственницей, хочется петь громко, громко, так, чтобы, размноженное горным эхо пение несло бы над караваном, над лесом, над простором сильной и большой реки.

Бой Николая Корнякова с линкором «Адмирал Шеер». Художник К. Арцеулов

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги:

Рейс в Эвенкию: (Путевые заметки) / Г. И. Кублицкий. — Красноярск: Краснояргиз, 1939.

Енисей, река сибирская / Г. И. Кублицкий; Рисунки художника К. Арцеулова; Карты Б. Булгакова. — М.: Детгиз, 1949. — (Наша Родина).

Открыватели Антарктики / Г. И. Кублицкий; Рисунки М. Гетманского. — М.; Л.: Детгиз, 1949. — 160 с.

Большая Волга / Г. И. Кублицкий; Оформление Н. Шишловского. — М.: Детгиз, 1951. — 192 с. — 30 000 экз.

На великой реке / Г. И. Кублицкий. — М.: Детгиз, 1953. — 320 с. — (Школьная библиотека). — 100 000 экз.

Енисей, река сибирская / Г. И. Кублицкий. — М.: Детгиз, 1956. — 320 с. — (Наша Родина). — 115 000 экз.

По материкам и океанам: Рассказы о путешествиях и открытиях / Г. И. Кублицкий. — М.: Детгиз, 1957. — 328 с. — (Школьная библиотека). — 100 000 экз.

Фритьоф Нансен: Его жизнь и необыкновенные приключения / Г. И. Кублицкий. — М.: Детгиз, 1958. — 336 с. — 30 000 экз.

Мечи и колос: Путевые очерки / Г. И. Кублицкий. — М.: Молодая гвардия, 1959. — 112 с. — 30 000 экз.

По следам Нильса Хольгерсона / Г. И. Кублицкий. — М.: Детгиз, 1959. — 256 с. — 30 000 экз.

На Волгу!: Путеводитель по Волге, Каме, Оке, Дону, Волго-Балту / Составители: Р. Н. Кублицкая, Г. И. Кублицкий; Супербложка, переплет, форзац и титул заслуженного деятеля искусств РСФСР художника Г. С. Сахарова; Заставки художника В. М. Никольского. — М.: Речной транспорт, 1960. — 416 с. — 30 000 экз.

Фритьоф Нансен: Его жизнь и необыкновенные приключения / Г. И. Кублицкий. — М.: Детгиз, 1961. — 352 с. — (Школьная библиотека). — 50 000 экз.

Три нью-йоркских осени / Г. И. Кублицкий. — М.: Молодая гвардия, 1964. — 272 с. — (Ровесник). — 65 000 экз.

Иностранец в Нью-Йорке / Г. И. Кублицкий. — Л.: Детская литература, 1965. — 240 с. — 65 000 экз.

Восьмое чудо света / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1966. — 184 с. — 50 000 экз.

И снова Югославия... / Г. И. Кублицкий. — М.: Молодая гвардия, 1967. — 208 с.

Фритьоф Нансен: Его жизнь и необыкновенные приключения / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1967. — 288 с. — 75 000 экз.

Все мы — открыватели... / Г. И. Кублицкий. — М.: Мысль, 1968. — (Путешествия. Приключения. Фантастика).

Сибирская родная сторона / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1968. — 256 с. — 75 000 экз.

Вечера со скандинавами / Г. И. Кублицкий. — М.: Молодая гвардия, 1970. — 240 с. — 65 000 экз.

В Стране странностей: Путешествия по Голландии, Швеции, Норвегии / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1970. — 336 с. — 100 000 экз.

Край родной — Россия / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1971. — 96 с. — 100 000 экз.

Про Волгу, берега и годы / Г. И. Кублицкий. — М.: Советская Россия, 1971. — 448 с. — (По земле Российской). — 50 000 экз.

Таймыр, Нью-Йорк, Африка...: Рассказы о странах, людях и путешествиях / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1971. — 432 с. — 100 000 экз.

По железной земле (Курская магнитная аномалия) / Г. И. Кублицкий. — М.: Советская Россия, 1973. — (Писатель и время).

Гораздо больше, чем река... / Г. И. Кублицкий. — М.: Советская Россия, 1976. — (Писатель и время).

Уходит река к океану... / Г. И. Кублицкий. — Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1976. — 424 с. — 30 000 экз.

Волга / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1978. — 200 с.

Твоя Родина — Советский Союз / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1979. — 192 с. — 100 000 экз.

Весь шар земной / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1980. — 320 с. — 100 000 экз.

«Подо мною весь мир» / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1980. — 10 000 экз.

Сибирский экспресс / Г. И. Кублицкий. — М.: Советская Россия, 1980. — 96 с. — (Писатель и время). — 30 000 экз.

Уходит река к океану... / Г. И. Кублицкий. — М.: Советский писатель, 1980. — 480 с. — 100 000 экз.

За Уралом — край чудесный: Рассказы о Сибири и Дальнем Востоке / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1982.

Вот она, наша Сибирь!: Очерки / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1985. — 288 с. — 100 000 экз.

Весь шар земной...: Рассказы о путешествиях и открытиях / Г. И. Кублицкий. — М., 1986.

...И Северным океаном / Г. И. Кублицкий. — Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1988. — 360 с. — (Полярные горизонты). — 15 000 экз. — ISBN 5-7479-0028-5.

Сто народов — одна семья / Г. И. Кублицкий. — М.: Детская литература, 1988. — 56 с. — (Пою мое Отечество). — 300 000 экз. — ISBN 5-08-001316-8.

Письмо шло пять тысячелетий / Г. И. Кублицкий. — М.: Малыш, 1991. — 112 с. — 150 000 экз. — ISBN 5-213-00618-3.

Куда летит почтовый голубь, или История почты / Г. И. Кублицкий. — М.: Малыш, 2000. — (Энциклопедия для детей и родителей).

Сценарии фильмов:

«Солнце свободы возшло над Ираном»,

«Первый рейс к звездам» (1961),

«Диво Кубы»,

«Нет мира в Лаосе»,

«Мексика, которую мы любим»,

«Перу: тысяча и три года»,

«Рожденные Октябрем»,

«Страна наша Тюмения»,

«Мы на Волге живем» и других.

Ведущий популярной радиопередачи «Клуб знаменитых капитанов». (1945 – 1982)
Журналист-международник, автор многочисленных статей.

*Данный список не полон. Исследователям творчества Г. И. Кублицкого есть чем заняться (начать следует с установления даты смерти и места захоронения в Москве).

КОРАБЛИ, УПОМИНАЕМЫЕ В КНИГЕ

«Адмирал Макаров», ледокол
 «Адмирал Шеер», немецкий линкор, атаковавший
 Диксон
 «Академик Павлов», пароход
 «Александр Матросов», скоростное речное судно
 «Ангара», пароход
 «Андрей Первозванный», пароход
 «Аэлита», пирога, длинная лодка друга детства
 Кублицкого
 «Бесшумный», миноносец
 «Бурлак», пароход-бурлак
 «Бурный», мотобот
 «Вайгач», корабль
 «Вега», корабль
 «Вейнбаум», пароход
 «Вестник», крейсер
 «Георгий Седов», ледокольный пароход
 «Герцог Эдинбургский» военный фрегат
 «Дальман», пароход
 «Дедушка», первый пароход на Енисее
 «Дражник», пароход
 «Елена», корабль
 «Енисей», пароход, созданный Худяковым
 «Енисейск», пароход
 «Ермак», парусная шхуна
 «Ермак», судно
 «Заря», корабль
 «Иней», гидрографический бот
 «Иоанн Кронштадский», судно
 «Каганович» пароход
 «Капитан Чечкин», речной ледокол
 «Клемантис», бельгийский пароход
 «Клим Ворошилов», теплоход
 «Коррект», морское судно
 «Красноярский рабочий», дизель-электроход
 «Лейтенант Малыгин», судно
 «Лена», пароход
 «Ленин», ледокол
 «Минусинец», пароход
 «Мод», судно
 «Москва», пароход
 «Мурман», пароход
 «Нептун», пароход
 «Оби почтальон», парусный бот
 «Омуль», моторное судно
 «Парижская коммуна», пароход
 «Первозванный», корабль
 «Пурга», моторный бот
 «Пушкин», пароход
 «РБТ» (Рейдовый буксирный теплоход)
 «Родина», пароход
 «Россия», пароход
 «Святой Николай», колесный пароход
 «Святой Фока», пароход
 «Северный», пароход
 «Северюга», пароход из фильма «Волга-Волга»
 «Сибиряк», пароход
 «Сибиряков», ледокол
 «Сокол», пароход
 «Спартак», колесный пароход
 «Таймыр», корабль
 «Тобол», дубель-шлюпка
 «Тобол», пароход
 «Туруханск», пароход
 «Утренняя заря», шхуна
 «Феликс», пароход
 «Хеймен» шхуна
 «Эклипс», судно
 «Эмма», корабль

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Кублицкий ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

Абаза, рудник
 Абакан, город
 Абакан, река
 Абаканская, степь
 Абаканский канал
 Абалаково, село
 Австралия, материк
 Азия, материк
 Алжир, страна
 Алтай, географическая страна
 Альпы, горы
 Аляска, полуостров, (русская до 1867 г.)
 Амур, река
 Ангара, река
 Ангарские пороги
 Антарктика, материк
 Аргентина, страна
 Арктика, часть Света
 Артек, пионерлагерь в Крыму
 Архангельск, город
 Аскиз, река
 Аскиз, станция
 Астрахань, город
 Астурия, город
 Атаманово, село
 Атамановский бык, скала
 Атлантический океан
 Афанасьева гора
 Афонтово, Афонтова гора в Красноярске
 Африка, континент
 Ачинск, город
 Ашхабад, город
 Базаиха, деревня
 Базаиха, река
 Байкал, озеро
 Байкит, поселок
 Балтийское море
 Баргузин, бухта
 Баренцево море
 Барка, скала
 Барнаул, город
 Батеня (Батени), село
 Белоцарск, (старое название Кызыла), город
 Белый Июс, река
 Бельмо (Золотая), река
 Березовый, порог
 Берингов пролив
 Бий-Хем, (Большой Енисей) река
 Бирикчул, станция
 Бирюса, речка
 Благовещенск, город
 Большая Переправа, широкое русло на Енисее
 Большой, порог
 Братская ГЭС (гидроэлектростанция)
 Брест, город
 Бреховский архипелаг
 Будониха, река
 Буйбинский, перевал
 Бырранга, хребет
 Ванавара, фактория
 Вардё, порт
 Варшава, город
 Великая Русская равнина

Великобритания, страна
 Великое болото, район в Эвенкии
 Вельмо, речка
 Верхне-Имбацкое, село
 Верхне-Калымск, город
 Верхний Енисей
 Верхоянск, город
 Веселый, косогор
 Ветропыльск, старое шутивное название
 Красноярска
 Виви, река
 Виви, фактория
 Вильда, мыс
 Вилуйск, город
 Владимир, (Полярный), порт
 Волга, река
 Ворогово, село
 Восточная Сибирь
 Восточно-Сибирская провинция
 Восточный Саян, хребет
 Второй Столб, скала в заповеднике «Столбы»
 Входной мыс
 Гаммерфест, город
 Ганг, река
 Голова мудреца, горы, Енисейские гольцы
 Гольфстрим, теплое течение
 Гольчиха, селение
 Горки, подмосковное село
 Городовая стена, отвесный обрыв на Енисее
 Горький (Пешков) Алексей Максимович, русский, советский писатель
 Гренландия, остров
 Двух Медведей, мыс
 Девятый поселок, район Черногорска
 Дед, скала в заповеднике «Столбы»
 Дежнева мыс
 Джойский, порог
 Дивногорск, город
 Дикие Столбы, скалы в заповеднике «Столбы»
 Диксон, город
 Диксон, остров
 Дилюшма, речка
 Днепр, река
 Дон, река
 Донбасс, угольный район Новороссии
 Дубченская слобода
 Дудинка, город
 Дунай, река
 Дьявола земля, остров (Бегичева)
 Евразия, часть Света
 Европа, часть Евразии, полуостров
 Езагаш, село
 Енассе, Ионесси, Иоандези, Индези, Инд, Наура – старые названия Енисея
 Енисей, река
 Енисейск, город
 Енисейский залив, (Енисейская губа)
 Енисейский кряж
 Енисейский, острог
 Ербинские разбои, протоки на Енисее
 Ермаковское, село
 Есаульский бор
 Ефремов камень, мыс
 Жигули, город

Жигули, район Волги
 Журавлиная горка, пригорок у Шушенского
 Забайкалье, территория
 Западная Сибирь
 Западно-Сибирская низменность
 Западно-Сибирская провинция
 Западный Саян, хребты
 Заполярье
 Земля, планета
 Игарка, город
 Игарская протока
 Игоркино, зимовье
 Иджин, станция
 Изыхские шахты
 Илимпея, река
 Инд, Индези, Исленди – древние названия Енисея
 Индийский, океан
 Индия, страна, полуостров
 Иркутск, город
 Иркутская ГЭС (гидроэлектростанция)
 Испания, страна
 Италия, страна
 Каа-Хем, (Малый Енисей) река
 Кавказ, горы
 Казань, город
 Казахстан, республика
 Казачинский порог
 Камчатка, полуостров
 Камышин, город
 Канада, страна
 Канск, город
 Кара-Балык, озеро
 Карасук, речка
 Караул, село
 Карское море
 Кас, река
 Каспий, Каспийское море
 Кача, речка
 Каштак, гора
 Кеть, река
 Кизям, сын Такмака (герои легенды)
 Кизямы, скалы
 Кимчу, речка
 Киренск, город
 Кирово, село
 Китай, страна
 Кола, город
 Колыма, река
 Коль, река – название Подкаменной Тунгуски (кетов)
 Комсомольск, город
 Комызякин, улус
 Конный, остров, ныне Отдыха
 Кораблик, утес, скала
 Коркино, деревня
 Корчага, водоворот на среднем Енисее
 Косой бычок, скала
 Костино, станок
 Котуй, река
 Кочечумо, речка
 Кочумдек, фактория, селение
 Крайний Север
 Красноярск, город
 Красноярская ГЭС (гидроэлектростанция)
 Красноярский край
 Красноярское море (искусственное водохранилище)
 Крестовский, мыс
 Крестовское, село
 Крым, полуостров
 Куба, страна, остров
 Кубань, река
 Кузбасс, угольный район Сибири
 Кузнецкий Алатау, хребты
 Кузькины, острова
 Кузьмовка, фактория
 Куйбышевская ГЭС (гидроэлектростанция)
 Кук, река – название Енисея (кетов)
 Кулумыс, спуск в Саянах
 Курагино, село
 Курейка, станок, поселок
 Куркагэри, тунгусское название фактории, племени
 Курск, город
 Кызас, прииск
 Кызыл, город
 Лена, пролив
 Лена, река
 Ленинград (Петербург), город
 Лондон, город
 Магадан, город
 Майнский, порог
 Маклаково, поселок
 Малая Оя, станция
 Малый Качинский, острог
 Мамонтова, река
 Мана, река
 Мангазея, город
 Мелководск, город из фильма «Волга-Волга»
 Мельничная, река
 Мессинский пролив, Эгейское море
 Минусинск, город
 Минусинская котловина
 Минусинская, протока
 Миссисипи, река
 Могутская, гора
 Монастырское, село
 Монголия, страна
 Москва, город
 Мурманск, город
 Наура, река – (Свет несущая, санскрит) – древнее название Енисея
 Неман, река
 Нерчинские, рудники
 Ниагарский водопад
 Нижне-Енисейская ГЭС (гидроэлектростанция)
 Нижне-Обское море
 Нижний Енисей
 Нижняя Тунгуска (Катанга), река
 Нил, река
 Новая Земля, острова
 Новая Мангазея, город
 Новгородское княжество (Господин Великий Новгород)
 Ново-Енисейск, поселок
 Ново-Маклаково, поселок
 Новоселово, село
 Новосибирск, город
 Ногинск, поселок, город
 Ногинский графитный рудник
 Норвегия, страна
 Норильск, город
 Норильские, горы
 Нью-Йорк, город
 Обская губа
 Обь, река
 Обь, река в Сибири
 Одер, река
 Одесса, город

Означенная, деревня	(гидроэлектростанция)
Оймакон, село	Сталинск (ныне Новокузнецк), город
Олекминск, город	Старый скит
Оленья Речка, станция	Степных орлов, долина
Осиновский порог	Столбы, скалы, скальный массив
Осиповича, зимовье	Сторож, гора, Енисейские гольцы
Отважная, деревня	Стрелка, селение
Падунский порог на Ангаре	Суломай, фактория поселок
Пекин, город	Сухая речка
Первый Столб, скала в заповеднике «Столбы»	Сым, река
Перово, озеро	Таганрог, город
Перья, скала в заповеднике «Столбы»	Тагарский, остров
Песчаная горка, пригорок у Шушенского	Таз, река
Петроград, город (СПб, Ленинград, СПб)	Таймура, река
Пихтерек, река	Таймыр, полуостров
Плита, камень на Тунгуске	Таймырский национальный округ
Пограничная, станция	Такмак, скала
Подкаменная Тунгуска, река	Такмак, отец Кизяма, легенда
Подкунино, пристань	Танну-Ола, хребты в Туве
Подтесово, деревня, село	Танхой, село
Подтесовская протока	Тасеева, река
Пономаревские камни, порог и мель на Енисее	Ташкент, город
Посадный, остров	Таштык, речка
Превен, пролив	Тень Турана, гора
Предивинская верфь	Тери-Холь, озеро
Приангарье, область вокруг Ангары	Тибет, горная страна
Приметный, мыс	Тикси, бухта
Приморье, местность на Дальнем Востоке у Тихого	Тихий океан
Океана	Тобольск, город
Причерноморье, территория у Черного моря	Тоджа, Тоджинский район, область Тывы
Путорана, хребет, плато	Томск, город
Пясиная, река	Томь, река
Пясинское озеро	Торгашино, село
Рейн, река	Третий Столб, скала в заповеднике «Столбы»
Рига, город	Тромсё, город
Россия, страна	Тува, (ныне Тыва) республика
Русь, прародина наша	Тувинская автономная область
Рыбное (Чагытай, Джагытай-куль), озеро	Тувинская котловина, (Хан-Хо-Хан)
Салбыкский курган	Тунгуска, река
Салехард, город	Тунгусский угольный бассейн
Санкт-Петербург, город	Тура, фактория, город
Санникова Земля, архипелаг	Туран, город
Сахалин, остров	Тургайское плоскогорье
Саянская ГЭС (гидроэлектростанция)	Туруханск, город
Саяны, горы	Туруханский край
Север, часть Света	Турхун, речка
Северный Ледовитый океан	Удинский, острог
Северный Полярный круг	Урал, хребет, делящий Евразию
Селенга, река	Урянхай, Урянхайский край, прежнее название Тывы
Селенгинский, острог	(Тувы)
Селиваниха, поселок	Ус, река
Селивановский, станок	Усинский тракт
Сибирь, географическая страна	Усинский, речной порог
Сибирякова, остров	Успенский монастырь
Симса, залив	Усть-Абаканское, село
Сихотэ-Алиньская тайга,	Усть-Енисейск (Усть-Порт)
Скандинавия, полуостров	Усть-Порт, рыбацкий поселок
Собакин бык, скала	Утинский порог
Советский союз, СССР	Учами, фактория
Согне-Фьорд, фьорд (узкий залив) в Норвегии	Фаддея, острова
Соединенные Штаты Америки (США), страна	Филаретов ключ
Сокольники, район Москвы	Финский залив
Сопочная Корга, мыс	Франция, страна
Сорок Енисеев, местность	Хайеркан (Медведь-гора), гора
Средне-Сибирское плоскогорье	Хакасия, республика
Средняя Азия, часть Евразии	Хакасская автономная область
Сталинград (Волгоград), город	Хатанга, река
Сталинградская ГЭС (Волгоградская с 1954)	Хворостетская, пристань

Хемчик, река
Хушмо, речка
Хюлли, водоворот
Цимлянская ГЭС (гидроэлектростанция)
Чааты, речка
Чаа-Холь, поселок
Чамбэ, речка
Челюскина, мыс
Черная сопка, вулкан близ Красноярска
Черная, зимовка
Черногорск, город
Черный остров, фактория
Четвертый Столб, скала в заповеднике «Столбы»
Чукотка, полуостров
Чулым, река
Шагонар, город
Шалунин бык, скала
Шаманский камень в истоке Ангары
Шаровского, остров
Швейцария, страна
Швеция, страна
Шмидтиха, гора в Норильске
Шумиха, деревня
Шушенское, село
Шушь, речка
Щеки, скальное место на Енисее
Щеки, сужение на Подкаменной Тунгуске
Эвенкия, территория
Элегест, речка
Южное болото, Эвенкия
Южный Урал, часть Уральского хребта
Якутия, республика
Якутск, город
Яя, река

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абалаков Виталий Михайлович (13.01.1906-26.05.1986), альпинист, змс по альпинизму (даты присвоения разнятся – от 1934 до 1948), почетный гражданин Красноярска (по сообщениям СМИ)

Абалаков Евгений Михайлович (17.02.1907-24.03.1948), альпинист, змс, змс по альпинизму №1 (1934), художник, скульптор

Абалаковы, братья: Михаил (1903 г.р.), Виталий (1906 г.р.), Евгений (1907 г.р.) – родились в Енисейске, после смерти матери (1909) и отца (1910) жили у сестры отца в Красноярске (адрес усадьбы Абалаковых – Ленина, 74), столбисты, альпинисты.

Автор панно в главном зале Центрального дома авиации и космонавтики имени М. В. Фрунзе. Член Союза художников СССР

Автор ряда газетных и журнальных статей о Сибирском Севере. В соавторстве с Н. П. Наумовым написал первую книгу об Эвенкийском округе.

Алба, легендарный богатырь-кетто, разрубивший скалу, спасший народ кетто от поедания великанами-людоедами

Албычев Петр, боярский сын, пелымский мансийский князь, землепроходец, основатель Енисейска (1619)

Александр II (Романов), (17(29)04.1818-1(13).03.1881); император Всероссийский (1855-1881)

Алексеев Анатолий Дмитриевич (22.12.1901 (04.01.1902)-29.01.1974), герой СССР (1937), покоритель Северного Полюса, легендарный полярный летчик, летчик-испытатель УПА СССР (управления полярной авиации) «Главсевморпуть».

Алексеев Валерий Павлович (22.08.1922-07.11.1991), археолог, антрополог, академик (1987)

Аликина Прасковья Семеновна, жительница Шушенского времен ссылки В. И. Ульянова (Ленина)

Алтын-ханы, Великие ханы, жившие в местности к югу от Улагомы; между западным мысом хребта Тухтунген-куру и горами, из которых вырывается р. Харкита, представляет собой равнину, занятую пашнями. Среди этой равнины имеется одиночная скала Алтын-дзюрку. Здесь, по словам дюрбютов, была резиденция Боохту-хана (Большого, великого хана, Чингиз-хана), здесь же по русским отпискам была ставка Алтын-ханов

Амундсен Руаль Энгельберт Гравинг (16.07.1872-18.06.1928), норвежский полярник, покоритель Южного полюса, первый человек Земли, покоривший оба Полюса. Первым совершил кругосветное заполярное путешествие, трагически погиб в поисково-спасательной итальянской экспедиции Умберто Нобиле (21.01.1885-30.07.1978).

Арцеулов Константин Константинович (17(29).05.1891 – 18.03.1980).

Арцеулов Константин Константинович (17(29).05.1891-18.03.1980), русский военный летчик, внук русского художника Ивана Константиновича Айвазовского, учитель Валерия Чкалова, художник-иллюстратор.

Астафьев Виктор Петрович (01.05.1924-29.11.2001), красноярец, советский писатель, лауреат пяти государственных премий: СССР (1978, 1991) и РФ (1975, 1995, 2003), герой Социалистического труда(1989).

Ауэрбах Николай Константинович (14.03.1892-11.11.1930), археолог, художник, краевед.

Ачин-Богатырь, древний житель Хакасии, герой песен и сказаний.

Бабин Алексей Васильевич (1866-1930), русский эмигрант (в США с 1889г.), сотрудник библиотеки Конгресса США, занимавшийся вопросами покупки библиотеки Г. В. Юдина в конце 1906 г.

Балуев Н., фотограф

Баренц Виллем (1550-20.06.1597), голландский мореход, руководитель трёх экспедиций, целью которых был поиск Северного морского пути в Ост-Индию. Трагически погиб во время последней из них в районе Новой Земли. Его именем названы Баренцево море (ранее называлось Мурманским), остров и город на открытом им архипелаге Шпицберген, а также Баренцевы острова у западного побережья Новой Земли.

Бармин Б., фотограф

Башковский Алексей Игнатьевич, красноярский воевода (1693-1695 гг.)

Башковский Мирон Игнатьевич, красноярский воевода (с 1695, изгнан в т.н. «Красноярскую шатость»)

Бегичев Никифор Алексеевич (07(19).02.1874-18.05.1927), русский моряк, исследователь Севера, полярный путешественник. Дважды награжден Большой золотой медалью Российской академии наук. Искал и нашел погибших норвежских моряков со шхуны «Мод». Умер от цинги весной 1927.

Белопольский Илья Исаевич (Эли-Мейлах Говшиевич); (1884-1918), одессит, член РСДРП(б) с 1903 г., в ссылке с марта 1911 г. В Красноярске на поселении с 1913 г. Борец за установление Советской власти в Восточной Сибири. После подавления мятежа арестован в Туруханске (18.06.1918), по приговору чехословацкого военно-полевого суда при эшелоне №49 расстрелян в Красноярске 25.10.1918г

Беринг Витус Ионассен (12.08.1681-8 (19).12. 1741) – датский мореплаватель и полярный исследователь, капитан I-го ранга. При Петре I руководил Первой (1725-1729) и Второй Камчатскими экспедициями (начало 1733-1734; фактически 1740-1742). Прошел по проливу (названому его именем) между Чукоткой и Аляской (через 80 лет после енисейского казака С. И. Дежнева), достиг Северной Америки и открыл острова Алеутской гряды. Умер во время вынужденной зимовки на одном из открытых островов.

Бетту Захар, старик-охотник, долганин, рассказавший в зиму 1906-1907 года Н. А. Бегичеву про остров Седой (Хусуй), напротив Хатангского залива, открытый им позднее в экспедиции 1908-1909 гг.

Близняк Евгений Варфоломеевич (28.03.1881-23.10.1958), гидролог, гидротехник, руководитель строительства Волго-Донского канала (1918). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1947), руководитель системы электрофикации Западной Сибири.

Борька, беспородный судовой боров, гоняющий собак.

Бусаров Николай Маркелович (-), журналист, заведующим в 1930-е годы XX века сельхоз-отделом, редактор газеты «Красноярский рабочий» в 1989-1997 гг.

Бутаевич-Петрашевский Михаил Васильевич, (01 (13).11.1821-07(19).12.1866), языковед. По убеждениям демократ, социалист-утопист, последователь Фурье Франсуа Мари Шарля (07.04.1772-10.10.1837), автора феминизма. Хотел в 1848 г. создать тайное общество, был арестован и в 1849 г. отправлен на бессрочную каторгу. С 1856 иркутский ссыльнопоселенец. В организованной им газете «Амур» (1860) обличал произвол местных властей, за что был сослан в Красноярск, затем в минусинское Шушенское. Умер от кровоизлияния в мозг в своем доме в селе Бельское.

Бутенко, водолаз-енисеец

Был пионером советского планеризма. Лично разработал пять моделей планеров, в том числе и знаменитый А-5. В 1923 году получил диплом пилота-парителя №1.

В 1918 году сформировал Первый красный авиаотряд. С 1920 года – преподаватель 1-й Московской школы краснолетов (на Ходынке). Учитель многих прославленных летчиков СССР.

В 1927 году переведен в «Добролет», где в составе специальной группы занимался ледовой разведкой труднодоступных районов Севера. Собственноручно провёл аэрофотосъемку многих удалённых районов страны, участвовал в определении трассы будущего «Трансиба».

В 1933 году был репрессирован (по обвинению в контрреволюционной деятельности); осужден на 10 лет к ссылке в Архангельск. Работал мотористом на катере. Реабилитирован в 1937 году по личному ходатайству учеников, прежде всего, героя СССР Валерия Павловича Чкалова (погибшего в 1938 г.)

В годы Первой мировой войны служил в кавалерии, кавалер трех боевых наград, с 1915 г. военный летчик, одержал 18 воздушных побед, совершил более 300 боевых вылетов, заслужил пять боевых офицерских орденов. Самый известные его подвиги – принуждение к посадке немецкого асса и дальнейшие разведывательные полеты в тыл на трофейном «Альбатросе». В 1916 году впервые вывел самолет из штопора (запланированного!), отработав тактику, применяемую в авиации до сих пор.

Василий, дедушка-охотник из Эвенки.

Василий, кочегар с «Туруханска».

Васильев Китьян, охотник-таежник из Кежмы. Спутник Л. А. Кулика, исследователя Тунгусского метеорита в первых двух поисковых экспедициях 1927-1929 гг.

Васильев Мартын, первопроходец. С Добрыньским Антоном организовал 30 казаков, и в 1628 г. с проводником Лупачко Алимпом Теофиловым перешел с Нижней Тунгуски на Чону и Вилку, проник на Лену и Алдан, собрал ясак со многих тунгусских и якутских родов и, потеряв 15 человек, возвратился в Тобольск в 1632 г.

Вейнбаум Григорий Спиридонович (1891 – 25.10.1918), русский революционер, большевик, борец за установление Советской власти в Сибири. Родом с одесской области. Учился в СПб. В 1910 г. ссылка, на поселении с 1913 г. В 1914 женился на революционерке Аде Лебедевой. С июля 1917 г. – Председатель Красноярского совета. После Октябрьской революции – председатель Губисполкома и член ЦИК Советов Сибири. В начале 1918 – уполномоченный Народного комиссариата иностранных дел в Сибири. Расстрелян вместе с И. Белопольским.*

Вениамин Иванович, учитель географии Кублицкого.

Вершинин Шура (Александр) школьный товарищ Г. И. Кублицкого

Виггинс Джозеф (1832—1905), английский капитан, восстановивший в 1874 году морской путь через Карское море.

Визе Владимир Юльевич (21.02.(05.03)1886-19.02.1954), полярный исследователь, участвовал в экспедиции Г. Я. Седова (1877-1914) в 1921-1922 гг. в экспедиции на «Таймыре»; в 1924, 1928 и 1931 гг. – на «Малыгине». Визе был научным руководителем экспедиций: на судах «Георгий Седов» (1930), «Александр Сибиряков» (1932) и «Федор Литке» (1934). Открыл остров в Карском море, названный его именем.

Вилькицкий Борис Андреевич (22.03.(03.04)1885-06.03.1961), русский морской офицер, гидрограф, геодезист, капитан 2-го ранга, командир ледокольного парохода «Таймыр» и начальник экспедиции, открывшей Северную Землю, (Землю Императора Николая II) и ряд островов. В 1914—1915 годах совершил первое сквозное плавание по Северному морскому пути из Владивостока в Архангельск.

Витя, детский приятель Кублицкого.

Вовка, самый молодой житель Диксона.

Вонаго Леопольд Юльевич (25.08.1872-14.01.1935), поляк, из семьи ссыльных «второй польской войны». Красноярский фотограф, служивший топографом землеотводного отдела Енисейского переселенческого района.

Воронин Владимир Иванович (05.(17).10.1890-18.10.1952), полярный исследователь, на ледоколе «Александр Сибиряков» в 1932 г. впервые совершил сквозной переход по Северному морскому пути за одну навигацию. Капитан парохода «Челюскин», ледокола «Иосиф Сталин». Умер на капитанском мостике. Его именем названы острова, бухта и подводный желоб в Карском море, мыс и бухта в Антарктиде.

Воронов Павел Трефилевич (?), ангарец, старейший енисейский лоцман, спутник-проводник этнографической экспедиции (1907-1908 гг.) Алексея Алексеевича Макаренко по Подкаменной Тунгуске (Катанге), друг Д. И. Каратанова.

Востротин Степан Васильевич (1864-01.05.1943), последний из семьи енисейских купцов I гильдии, золотопромышленник, ростовщик, брал подряды на поставки товаров, вина и спирта на прииски. В отличие от своего отца, меценатствовал (построил амбулаторную лечебницу и ночлежный дом, дешевую столовую и детские ясли) и продвигал идеи развития Северного морского пути. Депутат III Государственной Думы (до 1912) и IV-й. Стронник земства и местного самоуправления. Совместно с Ионасом Ивановичем Лидом в 1913 г. организовал экспедицию Ф. Б. Нансена на «Коррете». С февральской революции 1917 г. – комиссар

по продовольствию временного правительства в ранге министра. Активно поддерживал белое движение, в окружении управляющего КВЖД генерала-лейтенанта Дмитрия Леонидовича Хорвата (25.07.1858-16.05.1937) возглавлял правительство, умер в Ницце.

Гансен Оле, норвежский мичман, шкипер «Гобета», известный тем, что неоднократно преодолевал англо-французскую блокаду русских северных портов (Мурманск, Кола и других) в 1853-1854 гг.

Гаркин Ефим, купеческий приказчик, спутник Н. А. Бегичева, умерший от голода 19.03.1914 во время второй зимовки на Земле Дьявола (ныне о. Бегичева).

Гирич Владимир Васильевич, (06.05.1952). Художник-скульптор. Родился в с. Вершино-Рыбное, Партизанского района, Красноярского края. Автор скульптур: Андрею Ануфриевичу Дубенскому (основателю Красноярска), Андрею Геннадьевичу Поздееву и др.

Гиршфельд Леонид (Боганиде) Иванович (?-15.11.1926), фотограф, этнограф, участник Туруханской переписной экспедиции 1926-1927 гг. Переписной участок I. Застрелился на фактории, ошибочно посчитав себя неизлечимо больным.

Гиршфельд Леонид Иванович (?), фотограф, этнограф, биолог, участник Туруханской переписной экспедиции 1926-1927 гг. Переписной участок I.

Гмелин Иоганн Георг (10.08.1709-20.05.1755), ботаник, этнограф, путешественник, натуралист академического отряда Великой Северной экспедиции (1733-1743). Издал 4 тома книги «Флора Сибири» (1747-1759), где дал описания 1178 видов произрастающих в Сибири растений и 4 тома «Путешествие по Сибири» (1751-1752)

Гоголь Николай Васильевич; до 1821 г. – Яновский (20.03.(01.04.)1809-21.02.(04.03)1852). Великий русский писатель из Малороссии. Его «Вий», «Тарас Бульба», «Ревизор», «Мертвые души» и др. по праву составляют сокровищницу мировой литературы и драматургии.

Горбатов Борис Леонтьевич (02.(15).07.1908-20.01.1954), корреспондент газеты «Правда» в Арктике в 1930-х гг., советский писатель, публицист, автор романов и сценариев.

Гребнев Николай Васильевич (1827-1877) художник-педагог. Окончил московское Училище живописи и ваяния (1847-1856). Написал портрет Н. В. Гоголя. Его работа «Картинная галерея Кокорева» была приобретена Московским художественным обществом в 1851 г., а за этюд «Девочка с кувшином» (1855) получил звание неклассного художника от Петербургской Академии художеств. Преподавал рисование в Красноярском уездном училище, первым обратил внимание на талант В. И. Сурикова. В 1863-1873 гг. был учителем рисования и чистописания в Иркутском Институте благородных девиц им Николая I и мужской гимназии.

Гущин Ермил Фомич, старейший работник минусинского музея им. Н. М. Мартыанова, соратник Мартыанова, библиотечкарь, живший в музее, стал директором (18.08.1941-20.12.1941) и работавшем до последних дней.

Давыдов Василий Львович (28.03.1793-27.10.1855), участник Отечественной войны и заграничных походов (1812-1815), полковник (1822), поэт, член «Южного общества», декабрист, осужден по I разряду, приговорен к пожизненной каторге. Отправлен в Сибирь 21.07.1826 в Иркутск, после 13 лет заводов, рудников и Читинского острога 10.07.1839 г. обращен на поселение в Красноярск, где и проживал с семьей до своей кончины.

Дворецкий Алексей Михайлович (09.12.1982), геологоразведчик, фотограф, краевед

Дежнев Семен Иванович (1605-1673), родился в Великом Устюге, служил в Енисейске. Первый известный мореплаватель, (вместе с Поповым) прошедший по Берингову проливу, соединяющему Северный Ледовитый океан с Тихим и разделяющему Азию и Северную Америку, Чукотку и Аляску, причём сделал это за 80 лет до Витуса Беринга, летом 1648 года. На службе находился в Якутске до 1670 г. Умер в Москве.

Дерсу Узала, следопыт, японский шпион, литературный герой одноименного романа (1923) Владимира Арсентьева (29.08.1872-04.09.1930), исследователя Приморья, географа, этнографа, писателя.

Дерябин Владимир Александрович (род в конце 80-х гг. XIX в.), участник первой мировой, поручик, (кавалер 2 георгиевских медалей «За храбрость» и ордена Станислава с мечами), артиллерист, фотограф, друг А. Л. Яворского с 1919 г. Общим собранием солдат выбран командиром батареи у Колчака. Зимой 1920-1921 года был пом. нач. артдивизиона Красной Армии. В 1934 всей семьей уехал в Иркутск, после войны – на Кавказ.

Диксон Оскар, барон (02.12.1823-06.06.1897), шведский магнат, купец, коммерсант, промышленник и филантроп шотландского происхождения, спонсор норвежских полярных экспедиций 1860-1900 гг. Его именем назван остров и бухта в Карском море, земля и фьорд на Шпицбергене.

Добровольский Мавр Николаевич (01.04.1918-11.04.2012), геолог, старейший спелеолог – удостоверение №1 СССР (1960), краевед, один из создателей музея геологии Центральной Сибири (01.02.1960 г.) Участник ВОВ, подполковник, первый комендант Вены (1945), не допустивший разграбления венского госбанка. В 1954 г. обязал всех сотрудников КГУ собирать необычные минералы, горные породы и руды. Составил библиографию геологической литературы по Красноярскому краю, на сегодня более 20000 названий.

Довгочун Иван Никифорович, герой повести Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» из сборника «Миргород» (1835). Впервые опубликована в альманахе А. Ф. Смирдина «Новоселье», часть 2-я (1834) с подзаголовком «Одна из неизданных былей пасичника Рудого Панька».

Дубенский Андрей Ануфриевич (1588 – не ранее 1640), воевода, разведчик (1623-1624) и основатель Красноярска (1628). Сам город до 1641 года именовался Новокачинским острогом. Имеются письменные сведения об основании «малаго русского острога на Енисее в Тюлькиной землице» в 1608 г.; и Качинского острога на слиянии рек Бугач и Кача в 1613-1618 гг. Кроме того, есть версия и о более ранней постройке – во времена царствования Ивана IV Грозного (25.08.(03.09)1530-18(28).03.1584) – на том основании, что у нового города был его «личный именной» герб – Инрог (единорог).

Думсков Игнат (?), сибирский первопроходец

Дурново Семен Иванович (настоящая фамилия Дурной), стольник, красноярский воевода (1696-1698), сменивший изгнанных одного за другим братьев Башковских, затем был изгнан сам («Красноярская шатость» 1695-1700). Их правление и самодурство стало предметом расследования комиссии Д. Л. Полянского (следствие продолжалось до 1709).

Егор Кузьмич, купец из Енисейска

Егорка (Игарка), русский таймырский рыбак, чье зимовье дало название будущему городу Игарке.

Егорова Маруся, девочка-татарка из Туры, школьница в 1937.

Еленев Алексей Сергеевич (1856-?), археолог, палеонтолог, краевед, сделал свой вклад в создании первого книжного фонда публичной библиотеки. Автор книг: «Бирюсинских и Карауленских пещерах» (1890), «...черк Енисея от Енисейска до Туруханска», (1893), «Заметок археологии окрестностей Иркутска» (1894). Кавалер ордена Св. Станислава 2-й и 1-й степени. Участник Читинской комплексной археологической экспедиции (1899 г.) Друг и соратник И. Т. Савенкова.

Елизавета Васильевна Крупская, (в девичестве Тистрова), (1843-1915), девятый ребенок в семье Алтайского горного инженера Тистрова Василия Ивановича, рано осиротела (ее мать, Александра Гавриловна, внучка Фролова Козьмы Дмитриевича (1726-1800), управляющего Змеегорскими рудниками, умерла в 1844), а отец определил их вместе с сестрой Ольгой в приют для сирот и детей военных – так она стала воспитанницей Петербургского Павловского Института благородных девиц (1860-1868 (?), получила прекрасное воспитание и образование, вышла замуж за Константина Игнатьевича (1838-24.02.1883), написала и издала книгу «Детский день» (1874) на русском и польском языках, мать Крупской Надежды Константиновны.

Елпатьевский Сергей Яковлевич (22.10.1854—09.01.1933), русский писатель, мемуарист. Народник (подъем в России в 1870-1880-х гг.), сосланный в самом конце этого движения в Сибирь. Написал картины «гонимой» России в книге «Очерки Сибири» (1893); автобиографии «Рассказы о прошлом» (1900-1901), мемуары «Близкие тени» (т. 1-2, 1909-1916); вершина творчества – трехтомник рассказов и «Воспоминания за 50 лет» (1929).

Еремина (?), председатель Затундренского кочевого Совета (ранее отдел образования инородцев) в сер. 1930-х гг.

Ермак (Ермолай, Еремей) Тимофеевич (по легендам рожден от 1531 до 1542 гг.) Погиб в бою (утонул раненый при переправе через р. Вагай) 06 (16).08.1585), казачий атаман, исторический завоеватель Сибири для Российского государства, русский народный герой. Его спутник Иван Кольцо дошел с сыновьями до Енисея, и даже отмечен во многих сибирских летописях; стал атаманом, и погиб в Красноярске (в 1629 г.) Ермолаев Владимир Петрович (28.06.1892-01.04.1982), родился в Канске, этнограф, музейный работник, исследователь Тувы и ее народа. Сотрудник КККМ (с 1910), встречал в музее Ф. Б. Нансена (1913), обрабатывал его фотопластинки, готовил негативы и печатал позитивы, использованные в книге «В страну будущего». Получив от него в подарок фотоаппарат, с 1914 г. участвовал во многих этнографических экспедициях. Собрание его фотографий (более 4000) хранятся в нац. музее Тувы, где он проработал почти полвека. Издал несколько книг по этнографии и фольклору Тувы. Умер в Абакане.

Ермолаев Павел Сергеевич, минусинский садовод XX века.

Жданов ??????????, фотограф

Зиновьев Николай Васильевич (08.09.1801-16.01.1882), генерал-адъютант, генерал-адъютант, член Александровского комитета о раненых, почетный опекун учреждений Императрицы Марии, генерал от инфантерии.

Зубатов Сергей Васильевич (26.03. (08.04)1864-2(15).03.1917), чиновник Департамента полиции и политического сыска, начальник московского охранного отделения (1896-1902), организатор системы сыска, создатель легальных рабочих организаций (в противовес революционным).

Зырянов Аполлон Данилович (Долмантьевич) - (1863-), житель Шушенского, в доме которого в ссылке жил В. И. Ленин. Эксплуатировал сельхозмашины, давал хлеб неимущим под отработку. 04.02.1928 осужден народным судом по ст. 107 УК за неспасение хлеба на 1 год лишения свободы с полной конфискацией всего урожая, добытого семьей (более 500 пудов овса, 150 пудов пшеницы, 70 пудов пшеничной муки и 40 пудов ядрицы). По отбытию наказания принялся строить новый дом (его дом власть заняла под Сельсовет), наладил полуманную технику, снова начал сеять хлеб, собрав недопустимо большой урожай, сдать который и вступить в колхоз отказался. За контрреволюционные высказывания и требования был экспроприирован и выслан в мае 1931 г. со всей семьей за пределы края, как кулак. Дальнейшая история семьи неизвестна. Зырянова (Евдокия Ивановна), жена зажиточного крестьянина А. Д. Зырянова, в доме которых во время первой половины ссылки в Шушенское (с 08.05.1897г. по 10.07.1898г) жил В. И. Ленин. В мае 1931 г. выслана с мужем, как кулачка.

Иван Васильевич IV (Грозный) Юрикович (25.08.(03.09)1530-18(28).03.1584), русский царь, последний из юриковичей. Присоединил к Московии Тверское, Новгородское, Казанское, Сибирское, Астраханское и другие княжества.

Иван, брат эвенка Лючеткана, проводника Л. А. Кулика

Иван, помощник Акакия Мурманца, кочмарь из Мангазеи. (погиб на островах Северной Земли). Их останки обнаружила экспедиция Бегичева.

Игорь, князь русский. Главный герой оперы Александра Порфирьевича Бородина (1833-1887) «Князь Игорь» (1890)

Иллюстратор первых книг Георгия Ивановича Кублицкого.

Ильинский Василий Васильевич (1884-1960), окончил мореходку в Поти (1903), капитан дальнего плавания. В «Срочном казенном пароходстве на Енисее» с 1913 г. Капитан парохода «Лена», «Кооператор», капитан-наставник пароходства (с 1942). Впервые преодолел Большой порог на Нижней Тунгуске (1918 г), первооткрыватель прохода речных судов до Туры и Янова Стана на р. Турухан. Кавалер ордена Ленина.

Иммакай, (Иммакай-Удалец), сын Куштуг-Хама (сильного шамана), отказавшийся принять Дар от отца, в наказание убитого им (Саянская легенда).

Исаченко Борис Лаврентьевич (02.14).06.1871-17.11.1948), рыбовед, микробиолог, ботаник. Академик АН СССР (1946). Его именем назван остров в сев части островов Сергея Кирова в 154 км. от побережья Таймыра.

Кадет, авиаинструктор, авиатор с 1911 года, инструктор Севастопольского авиаклуба (1912).

Калашников Степан Парамонович, купец, герой поэмы М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837). Именно это творение открыло единственное прижизненное издание стихотворений автора (1840).

Камусини (автор запомнил так!), «итальянский военнопленный генерал», командующий частью гарнизона колчаковцев в Красноярске в 1920... Итальянский майор карабинеров Косма Манер (Космаусини) сформировал Сибирский легион «Редента» в количестве 2500 человек из австро-венгерских военнопленных итальянской национальности. Вместе с альпийскими стрелками (размещавшимися в Тяньцзине) образовался Итальянский экспедиционный корпус на Дальнем Востоке. Действовал он в районе Иркутска, Харбина и Владивостока. Согласно этим сведениям, часть его была и в Красноярске. Пленные вернулись в Европу после общей эвакуации войск европейских держав из России в 1920 г.

Каптерев Павел Николаевич (16.08.1889-10.07.1955), профессор, доктор географических наук, кандидат биологических наук, товарищ священника Павла Флоренского (22.01.1882-08.12.1937), ученый-мерзлотовед. Осужден и сослан в Сибирь (1920 – на 5 лет условно) и (1933 – 5 лет ИТЛ). В заключении занимался научным изучением вечной мерзлоты. С 1936 – старший научный сотрудник АН СССР. Реабилитирован в 1953 г.

Каратанов Дмитрий Иннокентьевич (26.02.1874-10.09.1952), Красноярский художник, заслуженный деятель искусств РСФСР (1948). Штатный сотрудник КККМ (1917-1940 гг.), учитель с Суриковской художественной школе, постоянный участник экспедиций по Красноярскому краю. Друг А. Я. Тугаринова, А. Л. Яворского и др.

Каррутерс Дуглас (04.10.1882-23.05.1962), британский географ, исследователь Средней Азии. В составе экспедиции по Внешней Монголии вместе с Д. Миллером и М. Прайсом в 1910 исследовал Туву. Выпустил I-й том труда «Неведомая Монголия – Урянхайский край», Лондоне (1913).

Клеменц Дмитрий Александрович (14.12.1847-08.01.1914), русский этнограф, революционер-народник, политический ссыльный, помогал Н. М. Мартынову разбирать коллекции музея и готовить экспедиции. Участник экспедиций по изучению Восточного Алтая и Западных Саян, верховий рек Томь, Абакан, Мрассу, Телецкого озера (1883). В Томске пишет научный труд «Древности минусинского музея, памятники металлических эпох» и издает его (1887). Член РГО.

Кнутсен Пауль (1889-1919), норвежский исследователь, матросом ходил к берегам Америки и Африки, затем штурман, принял участие в поисках пропавших экспедиций В. Русанова и Г. Брусилова на шхуне «Эклипс» под командой Отто Спердрупа (1915), член полярной экспедиции Руаля Амундсена на судне «Мод» (1919), разносторонний спортсмен, отличный пловец и лыжник. Погиб. Найден Бегичевым (1920).

Козлов Трофим Михайлович, тувинский охотник

Колумб Христофор (между 26.08-31.10.1451-09 (10).05.1506), испанский мореплаватель итальянского происхождения, открывший Америку (1492).

Колчак Александр Васильевич (04(16).10.1874-07.02.1920), русский военный флотоводец, океанограф, полярный исследователь, участник Русско-японской войны (1905-1907), Первой мировой: (Балтийский флот – 1915-1916, Черноморский флот – 1916-1917), георгиевский кавалер, адмирал (1918). Вождь Белого движения во время Гражданской войны. Верховный правитель России (1918-1920).

Кон Феликс Яковлевич (18(30).05.1864-28.07.1941), польский политический ссыльный, один из основателей МОПР (Международная организация помощи революционерам). Занимался исследованиями коренного и русского старожильческого населения Сибири. В 1892 г. провёл надворную перепись в Хатын-Арынском селении Якутии. В 1894 г., несмотря на отказ властей, участвовал в комплексной экспедиции А. М. Сибирякова для изучения населения Якутской области. В Минусинске проводил этнографические исследования хакасов и тувинцев, работал в архивах. В 1899 организовал экспедицию ВСОРГО для изучения сойотов и тувинцев. Собирал экспонаты для Этнографического отдела Петербургского Русского музея. Изучал архив Усинского пограничного управления. Член ППС (Польской партии социалистов), затем с 1906 г. РСДРП. В 1917 г вместе с Лениным приехал в «пломбированном вагоне» из Швейцарии. Занимал различные должности в советском и партийном аппарате Украины, РСФСР, СССР: в 30-х гг. редактор газеты «Красная звезда», журнала «Мурзилка», затем председатель Всесоюзного радиокомитета, зав. музейным отделом Наркомпроса. Автор исторических и мемуарных работ по этнографии Якутии, Хакасии, Тувы, публицист. Умер во время эвакуации из Москвы.

Константин Константинович Романов (10(22).08.1858-02(15).06.1915), великий князь, член Российского Императорского дома, генерал-адъютант, генерал-инспектор военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1889), поэт, переводчик и драматург.

Кончак, хан – персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь»; реально существовавший прототип – половецкий хан (1170-после 1203). Его политика характеризовалась набегами на Киев и Переяславль, вмешательством в междоусобные распри русских князей, привлекавших военную силу половцев в качестве наемников.

Копкон, пионер-эвенк из Туринской фактории, едущий в Артек (летом 1937)

Копченый Виктор (?), столбист.

Корняков Николай Михайлович (1915-1986), герой-артиллерист, командир батареи №569, лейтенант, в одиночку отбивший рейд немецкого линкора «Адмирал Шеер» (25.08.1942)

Косованов Вячеслав Петрович (в книге – Владимир Петрович* (25.01.1880-1938), ученый-экономист, геолог, топограф, краевед, председатель ВСОРГО, первый профессор Красноярского края, библиограф, редактор «Сибирской советской энциклопедии» (1927-1932), составитель «Материалов к обоснованию строительства гидроэлектроцентрали» (1931-1932), под его руководством выполнена работа по составлению «Библиографий приенисейского края» (в 3 томах), работник КККМ, арестован (1937) и расстрелян (1938). Костя, радист на судне «Красноярский рабочий»

Котофей Иванович, судовой кот с мотобота «Бурный»

Кочетов Сергей Кузьмич (07.11.1894-1957), командир партизанской республики, участник трех войн – первой мировой, гражданской и отечественной. Организовал первый в Туве отряд красной гвардии (из 6 рот по 100 штыков и кавалерийского эскадрона). Первый учитель русского языка для будущих лидеров Тувы. В годы ВОВ бился под Москвой, Курском, Киевом, потерял единственного сына.

Кравченко Александр Диомидович (1881-21.11.1921), один из руководителей Советского партизанского движения в Сибири в годы гражданской войны, организовал партизанский отряд (лето 1918 г.), избран главным командиром всех партизанских отрядов, расположенных вокруг Красноярска (декабрь 1918), создал Партизанскую Армию (апрель 1919), командир партизанской республики. Способствовал провозглашению ТАННУ – Тувинской НР (лето 1921) и установлению советской власти в Монголии (1921). Его имя носит улица в Красноярске.

Красиков Петр Ананьевич (05(17).10.1870-20.08.1939), русский революционер, советский политический деятель.

Кржижановский Глеб Максимилианович (12(24).01.1872-31.03.1959), ссыльный революционер, близкий друг В. И. Ленина (с 1897), советский государственный и партийный деятель, ученый-энергетик, академик и вице-президент АН СССР, литератор, сов. экономист. Герой социалистического труда, звезда (23.01.1957)

Кривушева Зоя, русская школьница из Туры (1937)

Критский Михаил, полярный летчик, погиб в начале ВОВ.

Крузенштерн-младший Павел (1834-08.08.1871), русский морской офицер-гидрограф, внук первого кругосветного мореплавателя И. Ф. Крузенштерна, сын П. И. Крузенштерна, исследователь Карского моря и устья Енисея на шхуне «Ермак» (1860-1862).

Крупская Надежда Константиновна (26.02.1869-27.02.1939), педагог, политический и государственный деятель, почетный член АН СССР (1931). Жена В. И. Ленина, была с ним в ссылке в Шушенском, в эмиграции. Написала труды по педагогике (10 томов), истории партии.

Крутовский Владимир Михайлович (25.01.1856-19.10.1938), красноярский врач, публицист, общественный деятель сибиря, один из лидеров позднего сибирского областничества. В 1897 г. из личной симпатии выписал ссыльному В. И. Ленину документ о «грудной жабе», дающий тому право на ссылку в местность с мягким климатом (Минусинск вместо Туруханска), директор и преподаватель фельдшерской школы, председатель Губернского общества врачей, губернский комиссар Енисейской губернии (1918). Арестован и умер в тюремной больнице.

Крылов Иван Андреевич 02(13).02.1769-09(21).11.1844), русский публицист, поэт, баснописец, издатель сатирико-просветительских журналов «Почта духов» (1779), «Зритель» (с 1792).

Кублицкий Георгий Иванович (18(31).01.1911-1989), топограф, писатель, журналист-международник, киносценарист, путешественник, популяризатор географии и истории стран мира. Автор более 50 книг, 15 фильмов и радиопередачи «Клуб знаменитых капитанов» (1945-1982). Умер в Москве.

Кузик (?), молотобоец, сын кузнеца с острова Даго, мастеровой из Петербурга, матрос со шхуны «Утренняя Заря»

Кузнецов Петр Иванович, (1818-26.12.1878), золотопромышленник, купец I гильдии, трижды городской голова Красноярска (1853-1855, 1862-1864, 1871-1875), ученый исследователь, меценат. Дружил с В. И. Суриковым, оплатил все расходы по обучению его в академии художеств (СПб)

Куладай-Мэрген, сказочный богатырь эвенкийского эпоса, дал эвенкам Солнце.

Кулик Леонид Алексеевич (19.08(01.09)1883-14.04.1942), минеролог и исследователь Тунгусского метеорита (30.06.1908). Организатор шести поисковых экспедиций (1927-1939 гг.). Погиб в окружении под Москвой от тифа.

Купер Джеймс Фенимор, (15.09.1789-14.09.1851) американский писатель, романист и сатирик, классик приключенческой литературы.

Курилович Адам Петрович (1902-?), фотограф, этнограф, участник Туруханской переписной экспедиции 1926-1927 гг. Заведующий переписью в Туруханском крае. Советский и партийный работник губернского уровня, единственный коммунист в руководимом им коллективе. Заместитель председателя Красноярского Внутторга, хорошо знал Енисейский Север, дважды участвовал в экспедициях по Туруханскому краю, проведенных по инициативе Енисейского губернского исполкома и Красноярского комитета Севера.

Куручкин Кондратий, казак с Северной Двины. Достиг устья Енисея и р. Пясины (1601 г.). Отметил хорошие судоходные качества и богатые рыбные запасы.

Кучум (1510(1520?) -1601), хан Сибирского ханства. Шибанит. Его отцом был один из последних ханов Золотой орды Муртаза. Происхождение по деду Ибаку (Упаку) открывало Кучуму доступ в круг московской аристократии. Отчина Кучума – Сурожский Стан (совр. город Истра).

Кытманов Игнатий Петрович (1820-1895), енисейский золотопромышленник, пароходовладелец, купец I гильдии, Енисейский городской голова, меценат.

Кюль-Тегин (1732), хакаский князь, тюркютский полководец. Упомянут в рунической надписи на памятнике, открытом в 1889 г. Н.М. Ядринцевым на берегу Орхона в Кошо-Цайдамской долине, в Монголии.

Лазарев Нестор Иванович охотник, уроженец дер. Осинавая, лодчман, проводил через Осиновский порог груженные суда по открытому им безопасному фарватеру (с 1876). Лишь в 1930-х годах «Лазаревский

фарватер» был выправлен и очищен от подводных препятствий с помощью взрывных работ.

Ландур (Лондур) – Сотников – дудинский купец-торговец, мародер и душегуб (рубеж XX века). Владелец парохода «Северное сияние». В пер. с долганского – вислужий олень

Лапик Павел Иванович (Петрович?), летчик полярной авиации.

Лаптев Харитон Прокопьевич (1700-21.12.1763), двоюродный брат Дмитрия Яковлевича Лаптева (1701-20 (31).01.1771) русские мореплаватели, участники Великой Северной экспедиции (1733-1743) на самом трудном Таймыро-Оленекско-Ленском участке. В их честь названо море Лаптевых.

Лепешинский Пантелеймон Николаевич (29.02 (12.03).1868-30.09.1944), профессиональный революционер, партийный деятель, литератор. Автор романа «Борьба и творчество» (1944)

Лермонтов Михаил Юрьевич (03(15).10.1814-15(27).07.1841), русский поэт, прозаик, драматург, художник. Его стихи стали подлинным кладом для оперного, симфонического и романсного творчества, многие из них стали народными песнями

Ли Лин, (второе имя Шаоцин) (ум. 74 г. д. н. э.) китайский полководец династии Хань, служивший во время правления императора У-Ди, а затем перешедший на сторону Хунну (после поражения в походе 99 г. д. н. э.)

Липп Ян Степанович, полярный летчик.

Литке Федор Петрович (29.09.1797-20.08.1882), русский мореплаватель, географ, исследователь Арктики, контр-адмирал (1835), генерал-адъютант (1842), вице-адмирал (1843), адмирал (1855), президент Академии наук (1864-1882). Автор книги «Четверкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» 1821-1824 годах» (1828). Во время Крымской войны организовал действительную оборону финского залива от превосходящих сил англо-французской эскадры, за что получил чин полного адмирала и был назначен членом Государственного Совета. Возведен в графское достоинство (1866). Кавалер ордена Андрея Первозванного (1870) с пожалованными алмазными знаками (1876). Его именем названы мыс, гора, полуостров, залив на Новой Земле, острова в арх. Земля Франца Иосифа и др.

Лоик де Лубель (Лобель), граф, французский магнат, путешественник, член РГО Франции, объехал весь крайний Север (Канада, Аляска, Сибирь) в конце XIX века. Активно продвигал идею строительства железной дороги от Аляски до Сибири через Берингов пролив, лоббируя проект через царское правительство (1903). Авантюре помешала революция 1905-1907 гг.

Ломоносов Михаил Васильевич (08(19).11.1711-04(15).04.1765), великий русский ученый, энциклопедист, академик. Его блестящие достижения в различных областях науки и искусства дают полное основание назвать его универсальным гением.

Лондон Джек, Джон Гриффит Чейни (12.01.1876-22.11.1916), американский писатель, социалист, общественный деятель, наиболее известен как автор приключенческих рассказов и романов. Первый очерк «Тайфун у берегов Японии» (12.11.1893). Первая книга «Сын волка» (1900), сборники рассказов: «Бог его отцов» (1901), «Дети мороза» (1902), «Вера в человека» (1904), «Лунный лик» (1906), «Потерянный лик» (1910). Известные романы «Дочь снегов» (1902), «Морской волк» (1904), «Мартин Иден» (1909), всего около 40 книг

Лопатин (?), фотограф второй половины XX века.

Лукашов (?), помполит дизель-парохода «Красноярский рабочий» (1937 г.)

Лючеткан, Петров Илья Потапович – эвенк, проводник экспедиций Л. А. Кулика в экспедициях (1927-1928)

Макаров Степан Осипович (27.12.1849 (08.01.1849)-31.03(13.04).1904), русский военно-морской деятель, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель, вице-адмирал (1896). Прославился торпедными атаками турецкого флота (1877-1878), разработчик флотской семафорной азбуки (1885). Руководитель экспедиции на ледоколе «Ермак» к Новой Земле и Земле Франца Иосифа (1901). Погиб на «Петропавловске», подорвавшись на mine в Русско-японскую войну. Автор книги «Ермак» во льдах» (1901)

Малинин Александр Васильевич, (-ум. 1896), минусинский врач, окончил Казанский университет, приехал в Минусинск (1856), «отец минусинской интеллигенции», инициатор создания минусинской женской прогимназии (1880), хозяин аптеки, друг и активный помощник М. Н. Мартынова в создании музея. Уехал в Пензу в 1886 г.

Малобицкий Степан Осипович (1904-?), фотограф, фотокорреспондент газеты «Красноярский рабочий» (1939), вел фотошколу, считался признанным мэтром фотожурналистики в Красноярском крае (30-50 гг.).

Маняфов Р (?), фотограф

Мартынов Николай Михайлович (15(28).07.1844-30.11(13.12).1904), аптекарь-провизор, ученый-ботаник, основатель и заведующий (27 лет) минусинского музея. Почетный гражданин Минусинска.

Мартынова Аполлинария Александровна, в девичестве Аргунова, уроженка Енисейска (1860-01.10.1895), выпускница томской Мариинской гимназии, учительница арифметики и геометрии минусинской женской прогимназии (1881), жена Н. М. Мартынова (10.06.1883). Сдав экзамен на помощника провизора, стала первой женщиной Российской империи, сделавшей это! Заменяла супруга в аптеке. Дети – сын – Мартынов Николай Николаевич (1893), две дочери (?). Умерла от туберкулеза. (Сын воевал в Первую мировую и гражданскую, эсер, участник мятежа против большевиков, с 1920 в эмиграции, успешный книгоиздатель. Умер в Нью-Йорке).

Масейкина Сутлина, девочка-кетто, школьница из Туры (1937)

Масейкина Сюен, девочка-кетто, школьница из Туры (1937)

Медведков Виктор Иванович, геолог «Нижнеангарской геологоразведочной партии» (1947)

Мезина Прасковья (Паша) Алексеевна, жительница Шушенского, помогавшая семье Ульяновых по хозяйству (1898-1900)

Мейвальд (?), штурман со шхуны «Утренняя Заря», это был его первый ответственный рейс в роли

штурмана.

Мельников (?), фотограф, архитектор, сосланный на север Красноярского края в 1930-х гг.

Менщиков Александр Данилович (06.11.1673-23.11.1729), друг детства и соратник Петра I, русский государственный и военный деятель, взял Нарву (1704), князь священной Римской империи (1706), князь Ижорский (30.05.1707 г.), генерал-фельдмаршал (1709), успешно командовал русскими войсками в Померании (1712), кавалер ордена Андрея Первозванного №7 (в один день с Петром I), первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга (10 (21) мая 1703-1727), президент Военной коллегии (до 1724). Сослан в Березов при Петре II (1727) там и умер от оспы.

Мерик (Меррик) Джон Уильям, по-русски звали его Иван Ульянов (1559-1639), баронет, агент Московской компании (брит), посол английского короля Якова I в России (1614-1617). Его миссия при дворе русского царя была самой длительной.

Мецайк Владимир Константинович (1918), сын К. А. Мецайка, уроженец Енисейска. Призван на фронт в 1941, умер от ран (26.07.1943)

Мецайк Константин Александрович (02.10.1886-1962), капитан морского и речного флота. По заданию Ленина возглавлял экспедицию по доставке хлеба из Сибири Северным морским путем в г. Архангельск (1920) Привлекался к суду за несдачу госимущества. По суду оправдан. Арестован (02.03.1931), обвинялся в КРД (ст. 58-7 УК РСФСР) Освобожден из под стражи, дело прекращено (08.06.1932).

Начальник эксплуатации конторы водного транспорта, снова арест (08.05.1938), Красноярская тюрьма, обвинение в КРО, вредительстве. Дело прекращено (08.08.1939) прокурором, освобожден из под стражи по реабилитирующим обстоятельствам (ст. 204 п. «б» УПК РСФСР). Составитель подробной лоции Енисея от Енисейска до Дудинки (1953). Награжден орденом Ленина (1953), званием «Лучший работник речного флота». Его именем назван мощный речной ледокол (1984).

Мецайк Надежда Александровна (урожденная Калашникова) (1895-1981), жена Мецайка Константина Александровича, капитана. Родила два сына – Владимира (1918) и Юрия (?) Мецайк Юрий Константинович, сын К. А. Мецайка. Погиб, как и брат Владимир, смертью храбрых в начале ВОВ.

Мешков Владимир Ильич (15.08.1919-06.08.2012), Красноярский художник, член СХ СССР (1948), участник ВОВ, депутат красноярского горсовета (1965-1967гг.). Его графика есть в Третьяковской, Норильской и Суриковской галереях. Его «Северный цикл» нравился автору книги.

Миллер-Закомельский Александр Николаевич (01.11.1844-15.04.1928), барон, русский военный государственный деятель, член Государственного Совета (09.07.1912), генерал-от-инфантерии (06.12.1906), эмигрировал во Францию (1918).

Минеев Арефий (Орефий) Иванович (06.11.1900-28.08.1973), полярный исследователь, кандидат географических наук (1954). Был начальником полярной станции на о. Врангеля (1929-1934). В годы ВОВ был начальником морских операций Арктического флота в Западном секторе Северного морского пути.

Автор многих книг о Севере.

Минин Козьма (Кузьма); (1562 или 1568-1616), вольный гражданин, купец из Нижнего Новгорода, руководитель народного ополчения 1612 г.

Минин Федор Алексеевич (1709-1765), участник Великой Северной экспедиции (1733-1743), штурман дубель-бота «Обь Почталъон», переданный отрядом Д. Овцына. Отряд Минина достиг мыса на 73° 29' (в конце июля 1738) и благополучно вернулся, а через год миновал устье р. Пясиной (лето 1740), открыв россыпь островов (Шхеры Минина). Его именем назван мыс на полуострове Мамонт, и ряд географических объектов на Таймыре.

Минька, шушенский мальчик, внук Петровой (?), в доме которой жил В. И. Ленин.

Михаил Егорович Доможаков (20.10.1915-02.1993), богатырь-хакас, разведчик конной разведки 957 стрелкового полка 309 Пирятинской дивизии, призван из Ужура. За форсирование Днепра – звезда героя № 1155 (23.10.1943), войну закончил лейтенантом.

Миша, школьный приятель Кублицкого.

Мишаков Вася, уроженец Туры (1937).

Молчанов Олег, матрос-масленщик на судне «Красноярский рабочий».

Мурманец Акакий, первопроходец Арктики, взявший путь от Мангазеи на коче на север Азии, за Пясины (погиб вместе с помощником Иваном в зимовку на Земле Дьявола). Был обнаружен экспедицией Бегичева. На военную службу не вернулся. Занялся художественным творчеством. Оформил более 50 книг, 240 номеров журнала «Техника-молодежи», где он был ведущим художником, также иллюстрировал журналы «За оборону», «Крылья Родины», «Юный техник». «Моделист-конструктор», написал мемуары.

Назаров В. (?), юный археолог, спелеолог, член красноярского «Общества исследователей пещер» (1945-1947), затем спелео-археологического общества во Дворце пионеров (до 1972 г.), под руководством работника КККМ, археолога Э.Р. Рыгдылона (1906-1957).

Нансен Фритъоф Бальдур (10.10.1861-13.05.1930), норвежский полярный исследователь, путешественник, доктор зоологии (1897), основатель физической океанографии, политический и общественный деятель.

Лауреат Нобелевской премии мира (1922), удостоен наград многих стран, в.ч. России. Фонд Нансена также стал Нобелевским лауреатом (1938). Совершил несколько успешных экспедиций, автор множества книг и публикаций.

Наумов Николай Павлович (?), фотограф, этнограф, участник Туруханской переписной экспедиции 1926-1927 гг. Переписной участок XI, соавтор Куриловича А. П. – «Книга об Эвенкийском округе».

Немтушкин Алитет Николаевич (12.11.1939-04.11.2006), эвенкийский писатель, поэт, журналист, работал в газете «Красноярский рабочий», редактор радио Эвенкии, написал более 20 книг (первая - 1960). Член СП СССР (1969) Заслуженный работник культуры (1990), лауреат Государственной премии по литературе (1993)

Никифор Сергеевич Лукьянов (14.05.1921-1965), уроженец фактории Марково Туруханского района, фронтовик (1942-1945), после войны работал библиотекарем, затем был назначен директором музея Сталину в Курейке (до его закрытия в 1960 г.). Пантеон был сожжен в 2001 г.

Николай II Александрович (Романов), Император Всероссийский, царь Польский и Великий князь Финляндский, из императорского дома Романовых. (06.06(18.05).1868-17.07.1918), полковник.

Николай Николаевич-младший (Романов), (06(18).11.1856-05.01.1929) Великий князь, генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904), Верховный главнокомандующий (1914-1915). Наместник на Кавказе, командующий кавказской армией (1915-1917). Умер во Франции.

Нови Б. С. (?), фотограф, хозяин фотоателье-магазина (1903-1910) в Красноярске, на ул Воскресенской, д 58 (не сохр) В начале XX века по его фотографиям с видами города и местности Енисейской губернии выпускались почтовые карточки.

Норденшёльд Нильс Адольф Эрик (18.11.1832-12.08.1901), шведский (финский) географ и геолог, исследователь Арктики, мореплаватель, историко-картограф. Первым прошел по Северному морскому пути из Атлантики в тихий океан (1878-1879 гг.)

Нумелин (Нуммелин) Густав (21.09.1853-?), отец (?) – таможенный вахмистр Соломон Нуммелин (25.03.1808-1856) из Выборга, из Петербурга, метеоролог и штурман со шхуны «Утренняя Заря», единственный выживший в зимовку с «Северного сияния» (1876-1877), тогда как кок и фельдшер судна Чесноков исчез, а матросы Табури и Коротков умерли от цинги. Закончил школу и поступил юнгой на шхуну «Алексей» (1869), ходил в Японию Сингапур, Лондон, Барселону, затем матрос на шхуне «Андрей», штурман дальнего плавания (1875), награжден малой серебряной медалью РГО (1877)

Обручев Сергей Владимирович (22.01(03.02). 1891-29.08.1965), геолог, путешественник, член-корреспондент АН СССР (1953), лауреат сталинской премии (1946) за открытие месторождений олова на северо-востоке СССР. Один из трех сыновей Обручева Владимира Афанасьевича (28.09.1863-19.06.1956), автора романов «Плутония» (написан 1915, издан 1924) и «Земля Санникова» (1926) и большое количество научных трудов.

Овцын Дмитрий Леонтьевич (1708-1757), представитель древнего рода Овцыных-Рюриковичей. Российский гидрограф, один из первых русских исследователей Арктики, участник Великой Северной экспедиции (1734-1738), в чине лейтенанта, начальник Обь-Енисейского отряда. Открыл Гданский залив и полуостров. Был арестован и предан суду (1738), разжалован в матросы; но после успешного похода к берегам Северной Америки был возвращен чин лейтенанта (1741), позже пожалован в капитаны (1749), капитаны второго ранга (1751), в секунд-интенданты (1755). В последний свой поход на шхуне «Полтава» (1757) вышел в чине оберштер-кригскомиссара флота (интендантское звание, соотв. адмиральскому) и в июле по болезни был уволен в отставку.

Огды, (Агды) эвенкийский Бог огня, повелитель эвенкийских духов. Мечет огненных птиц – олицетворяющих молнии.

Ойначенко Митрован Павлович, эвенк, государственный деятель первых пятилеток (не упоминался с конца 1930-х)

Окладникова Валя, русская школьница из Туры (1937 г.)

Он же был лоцманом «Кооператора» — в экспедиции М.М. и И. М. Сусловых, по переписи населения Эвенкии (1926-1927).

Оскал, спутник Кублицкого

Островский Александр Николаевич (31.03(12.04). 1823-02(14).06. 1886), русский драматург, член-корреспондент Петербургской академии наук (1863). Автор большого количества пьес, многие из которых составляют сокровищницу русской драматургии: «Гроза», «Не в свои сани не садись», «Неожиданный случай», «Бедность не порок», «Женитьба Бальзамина», «Снегурочка» и др.

Остроумов Николай Александрович (?), фотограф, этнограф, участник Туруханской переписной экспедиции 1926-1927 гг. Переписной участок VI и VII.

Официальная история гласит, что дом сов. властью был в 1928 г., якобы, «куплен». Вначале здесь размещались сельский Совет и изба-читальня, а затем было решено в этих домах (вместе с домом Петровой Прасковьи Олимпиавны) создать ленинский музей (открылся в доме Петровой 07.11.1930 г., а в доме Зырянова десять лет спустя – 21.01.1940 г.)

Охчен, эвенк-проводник первых экспедиций Л. А. Кулика (1927-1929)

Очередько Петр Филиппович (?) Ефимович, (1884-19.01.1939), енисейский капитан (с 1908). В составе первой речной экспедиции на Север на корабле «Ангара», доставил груз хлеба для голодающий в центральной России (1920); начальник Первой Карской экспедиции, капитан парохода «Тобол», открыл игарскую протоку для прохода морских судов, произвел многочисленные промеры глубин и дал свое заключение в Сибводпуте. (1927). Начальник обстановки Енисейского пароходства. Арестован (21.10.1937), осужден по надуманному предлогу (ст. 58-7, 58-10 УК РСФСР) на 20 лет ИТЛ. Погиб (замерз) на 9-й колонне пересылки СВИТЛа во Владивостоке в пути на Колыму. Его именем назван буксир на Енисее.

Павел Васильевич, рулевой на судах Верхнеенисейского региона (1933-1937)

Павлов Иван Петрович (14(26).09.1849-27.02.1936), ученый-физиолог, основатель русской физиологической школы. Первый русский Нобелевский лауреат (1904).

Парадовский Александр Феликсович, настоящая фамилия Порадовский (11.11.1867-25.10.1918), революционер, инженер-технолог, директор Красноярского железнодорожного училища (с 1907 г.), красногвардеец, комиссар железной дороги, член Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. После подавления мятежа арестован в Туруханске (18.06.1918), по приговору чехословацкого военно-полевого суда при эшелоне №49 расстрелян в Красноярске.

Передольский Владимир Васильевич (1869-1936), исследователь, писатель-этнограф, автор книги «По

Енисею: быт енисейских остяков» (1908).

Перельман Иосиф Александрович (?), капитан-наставник Енисейского пароходства.

Переятец Владимир Иванович (04.03.1954), шушенский художник, график и живописец. Член СХ РФ, профессор кафедры графики Красноярского государственного художественного института.

Петр I, Петр Алексеевич Романов (30.05(09.06).1672-28.01(08.02).1725), последний царь всея Руси (с 1682, с братом Иваном), первый Император Всероссийский (1721).

Петр Васильевич, хакасский инженер

Петр Иванович, учитель кето.

Петренко Леонид Тимофеевич (23.03.1943-03.11.2011), Красноярский краевед, писатель, скалолаз, спелеолог, тренер. Автор книги о Столбах и истории «Красноярская мадонна» (2011)

Петрова Прасковья Олимпиевна (?-конец 1920-х), шушенская крестьянка, в доме которой вторую половину своей ссылки жил В. И. Ленин с Н. К. Крупской. Теперь там ленинский музей (открылся 07.11.1930 г).

Петухов В. юный археолог, член общества исследователей пещер (1945-1947), под руководством археолога Э.Р. Рыгдылона (1906-1957).

Писахов Степан Григорьевич (Годович), настоящая фамилия Пейсах (13(25).10.1879-03.05.1960), из семьи архангельского ювелира, русский художник, преподаватель живописи, сказочник, этнограф, писатель. Автор воспоминаний «Ненаписанная книга. Голодная академия» (не завершена), отчислен за революционные высказывания с выпускного курса художественного училища барона Штиглица (1905). Голодал, скитался, много путешествовал по Северу, продолжая рисовать людей и природу. Наконец, на выставке «Русский Север» выставил более двухсот своих картин (1910). Позднее в Петербурге получил Большую серебряную медаль (1912). Участник Первой мировой (1915-1918) – в Финляндии, затем в Кронштадте. Вернувшись в Архангельск, издает свои рассказы и организует ряд выставок, чему посвятил всю свою жизнь, дистанцируясь от власти и политики (дома у него забрали, оставив в одном из них пару комнат). Его книги сказок – первая (1938) и вторая (1940), включали в себя 86 сказок. Была готова и третья (1941), но изданию помешала война. Наконец, в Москве вышла самая известная его книга (1957), выразительно оформлена художником Иваном Александровичем Кузнецовым (23.05.1908-01.05.1987), сделавшая его известным.

Пичугин (?), охотник, спутник В. И. Медведкова.

Пожарский Дмитрий Михайлович (01.11.1578 или 17.10.1577-20(30).04.1642) Нижегородский князь, из рода князей Стародубских, руководитель второго народного ополчения 1612 г, русский национальный герой, освободивший Москву от польско-литовских захватчиков.

Понизник В., фотограф

Попов Коминт Флегонтович (19.05.1926-19.03.2014), журналист газеты «Красноярский рабочий», автор многих книг, самая известная: «Нежелтеющие страницы. Два века одной газеты»

Попов, священник

Потанин Григорий Николаевич (22.09(04.10).1835-30.06.1920), русский географ, этнограф, публицист, фольклорист, ботаник, один из основателей Сибирского областничества, член «Общества независимости Сибири», почетный гражданин Сибири (1918). Экспедиции: на Зайсан (1863-1964), монгольская (1876-1878), монголо-тувинская (1879-1880), китайско-тибетская (1884-1886), (1892-1893), Большой Хинган (1899). По итогам издал большое количество научных трудов.

Потанина Александра Викторовна (25.01.1843-19.09.1893), географ, краевед-исследователь, погибла в экспедиции в Кяхту. Первая женщина Российской империи, принятая в РГО. За научный труд «Буряты» удостоена Большой золотой медали РГО (1887). В ее честь назван горный ледник Алтая – Александрин. Потомственный моряк, внук известного военно-флотского кораблестроителя Николая Алексеевича Арцеулова, по матери – художника-мариниста Ивана Константиновича Айвазовского.

Прасковья Павловна Никулина, учитель семилетней средней школы, затем работник Шушенского музея.

Проминский Ян (Иоан, Иван) Леонидович (?), ссыльный польский революционер, в Шушенском (1897-1900 гг.), отец революционера Проминского Леонида Ивановича (Яновича); (24.11.1886-04.04.1942), живший с 11 лет в ссылке с отцом (с 1898 г.), оба участники революции 1905-1907 гг. Сын с марта 1917 г. назначен комиссаром Иркутского совдепа по эвакуации политссыльных из Ленского края и Якутии, затем в организатор забайкальской милиции.

Пушкин Александр Сергеевич (26.05(06.06).1799-29.01.(10.02).1837), русский писатель, поэт, прозаик, драматург, публицист, критик, основоположник новой русской литературы. Создатель русского литературного языка.

Пчелинцев Александр Михайлович (1911-1997), доктор геолого-минералогических наук, начальник мерзлотной станции Игарки. Открыл музей Мерзлоты (19.03.1965).

Радлов Василий Васильевич, настоящее имя Вильгельм Фридрих (05(17).01.1837-12.05.1918), российский востоковед, этнограф, археолог, педагог, языковед. Один из пионеров сравнительного исторического изучения тюркских языков и народов. Автор многочисленных научных работ и сочинений.

Разин Степан Тимофеевич (ок 1630-06(16).06.1671), донской казак, предводитель крестьянской войны (1670-1671 гг.), казнен на Красной площади в Москве (четвертованием).

Рахманин Федор Ипполитович (1731-1782(?), русский мореплавател, 26 раз зимовал на Новой Земле, 6 раз на Шпицбергене, плавал к устью Енисея, 5 раз ходил морем из устья Енисея и обратно. Его именем назван мыс в зал. Шуберта Южного острова Новой Земли (1927).

Ремезов Семен Ульянович, (ок 1642-после 1720), исследователь Сибири, картограф, энциклопедист Сибири, архитектор, строитель, историк, художник, писатель. Им составлены три уникальных атласа: «Хорографическая книга Сибири» (1697-1711), (впервые издана в 2011 тиражом 600 экз.) «Чертежная книга Сибири» (1699-1701), (издана в 1882 г.), «Служебная книга Сибири» (сборник карт, чертежей,

эскизов, текстов и проектов за четверть века), являющихся ценнейшими памятниками русской картографии, (опубликована в 2006 г.)

Ремезов Ульян, отец, был стрелецким сотником. Составил с сыном два атласа (до 1690), считаются утерянными.

Робинзон Крузо, литературный герой одноименного романа Даниеля Дефо – настоящая фамилия Фо (1661-1731), первый и том опубликован одновременно (1719); причем второй том романа «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» – о путешествии по России – в России не издавался, и известен лишь в кратких пересказах.

Розанов Сергей Николаевич (24.09.1869-28.08.1937), участник Русско-японской и Первой мировой войн, генерал-майор (1916), генерал-лейтенант у Колчака, уехал в Японию (1920), жил в Пекине, умер во Франции.

Рокфеллер Джон Девисон (08.07.1839-23.05.1937), американский миллиардер, основатель династии (четыре дочери и сын), первый долларовый миллиардер в истории, баптист, трезвенник, сторонник здорового образа жизни, меценат.

Рудницкий Михаил (?), главный инженер Енисейстроя (1940-е г.)

Рыбаков Борис Александрович (21.05.03.06).1908-27.12.2001), археолог, исследователь славянской культуры и истории Древней Руси. Академик АН СССР (1958); Академик РАН (1991). Герой Социалистического труда (1978). Один из самых влиятельных деятелей советской историографии.

Рыгдылон Эрдэмто Ринчинович (10.11.1906-24.04.1957), преподаватель Красноярского Пединститута (1944), работник КККМ (дек. 1944), археолог, исследователь древней истории Южной Сибири, историк-востоковед, филолог-монголист, археограф. Родился в семье учителя в улусе Кусота Хилокского района Читинской области. Окончил Бурят-монгольский педтехникум, Монгольское отделение Ленинградского восточного института. После практики в Монголии под руководством будущего академика С.А. Козина исследовал «Алтан тобчи» — «Чингисханову Золотую летопись» и подготовил в Ленинграде канд. диссертацию «Монгольские летописные источники по истории монголов конца XII века». (1936 г.). Репрессирован (1937 – исключение из партии, апрель 1938 – арест, декабрь 1939 – осуждение по Ст. 58 УК на 3 года). Освобожден и отправлен на фронт (декабрь 1941). В боях подо Ржевом в ноябре 1943 г. был тяжело ранен и получил инвалидность (почти год в госпитале Москвы). Распоряжением Наркомпроса был направлен в Красноярский пединститут (дек. 1944). После вернулся в Москву, где его уже «похоронили». Триумфальная защита диссертации Э. Р. Рыгдылона состоялась 31 мая 1946 г., отмечали защиту историки-востоковеды на квартире Анны Ахматовой и Льва Николаевича Гумилева. Вернувшись в Сибирь, уезжает в Минусинск, в музей Мартыанова (01.10.1947). Здесь подружился с А. Г. Поздеевым (1925-1998), художником музея. 10.01.1948 г. выступил в Москве с докладом: «История исследования памятников каменного века на Енисее, Афонтовой горе, пещерах Бирюсы, ст. Ширы и Минусинской котловины; особо выделил древнее поселение у горы Изых». Им были найдены памятники с надписями и текстами... 20 апреля 1948 г. он в качестве руководителя археологического кружка участвовал в совещании руководителей секций и краеведческих кружков. Будущий академик С. А. Малов упоминал о помощи, оказанной ему в Минусинске Э. Р. Рыгдылоном, в предисловии к своей работе «Енисейская письменность тюрков». Но работы по исследованию властями были полностью свернуты – а сам Мартыановский музей был передан в ведение Главного Управления «Енисейстрой» Министерства внутренних дел СССР (13.05.1949 г.). По итогам годовых работ, ученый сдал в Хакасский музей 4 454 предмета (12-25.10.1949 г) и уехал в Ленинград, принял участие во многих экспедициях в Сибирь, Урал и Казахстан. Несмотря на значительный вклад в науку, защита готовой докторской диссертации так и не состоялась. Издал несколько работ, «Новые рунические надписи Минусинского края» (1951) и др. Вернувшись, работал на истфаке Иркутского университета, доцентом по кафедре бурят-монгольских языков (с 1954).

Ряньель Тойво Васильевич, (25.10.1921- 15.03.1912), советский художник из финской семьи репрессированных, народный художник России (1991), почетный член Российской академии художеств. Умер в Финляндии.

Саблин Иван (?), (1654 г.), воевода, таможенный голова, руководитель таможенной избы в Мангазее, отвечающий за сбор ясака и таможенных пошлин.

Савенков Иван Тимофеевич (20.06.1846-01.09.1914), величайший педагог, археолог, палеонтолог, археограф, шахматист, универсальный спортсмен и музейный работник. Издал ряд работ по педагогике (на русском и польском языках), археологии и древней письменности Енисея (на русском и французском языках). Член-корреспондент Академии наук Российской империи (1910). Умер на раскопках Афонтовой горы.

Сайлотов Тимофей Алексеевич (04.05.1845-31.03.1918), учитель Минусинского городского училища, сын декабриста Николая Александровича Крюкова и хакаски Марфы Дмитриевны Сайлотовой. Безуспешно пытался восстановить за собой фамилию отца.

Сароян Сергей, красноярский журналист и фотограф первой половины XX века.

Свердлов Яков Михайлович (03.06.1885-16.03.1919), революционер, большевик, государственный деятель

Свердруп Отто Нейман Кноф (31.10.1854-26.11.1930), норвежский полярный мореплаватель и исследователь. Его имя носит остров в Карском море, острова в море Линкольна, пролив между островами Аксель-Хейберг и Миен.

Седов Георгий Яковлевич (23.04(05.05).1877-20.02(05.03).1914), русский полярник, гидрограф, старший лейтенант. Выходец из рыбацкой семьи. Действительный член РГО, почетный член РАО. Участвовал в экспедициях по изучению о. Вайгач, устья р. Кары, Новой Земли, Карского моря, Каспийского моря, устья р. Колымы и морских подходов к ней, Крестовой губы. Умер во время экспедиции к Северному Полюсу (1914)

Семен Филиппович, мастер погрузки из Игарки

Семенов Николай, купеческий приказчик, спутник Н. А. Бегичева, умерший от голода зимой 1914 на Земле Дьявола (ныне о. Бегичева).

Сенька, сын детского приятеля Кублицкого

Середкина Анна Семеновна (урожденная Петрова), жительница Шушенского, дочь Петровой П. О. (род. рубеж XX века-?), шушенской крестьянки, в доме которой вторую половину своей ссылки жил В. И. Ленин с Н. К. Крупской (1898-1900).

Сибиряков Александр Михайлович (26.09(08.10).1849-02.11.1933), предприниматель, меценат из Иркутска, исследователь русского Севера.

Сидоров Михаил Константинович (16.03.1823-12.07.1887), купец, российский общественный деятель, меценат, золотопромышленник, писатель, зоолог, исследователь русского севера. Открыл более 200 золотых месторождений, выделил деньги на открытие университета в Красноярске (открыл в Томске), строил школы для инородцев Севера. Во время Крымской войны (1857 г.) пожертвовал все свои сбережения (несколько миллионов рублей!) на нужды Русской армии.

Смолин (?), секретарь эвенкийского областного комитета комсомола (1937 г.)

Советский политический, государственный, военный и партийный деятель. С конца 1920-х до смерти, фактический руководитель СССР. В годы ВОВ – Верховный главнокомандующий, генералиссимус. Герой Социалистического труда Звезда №1 (20.12.1939). Герой СССР Медаль № 7931 (26.06.1945) Герой Монгольской Народной республики (17.12.1949).

Соловьев (?), наметчик на судне «Красноярский рабочий»

Сосипатыч (1842-), житель Шушенского. Личный егерь В. И. Ленина с 1897 г.

Спандарян, Спандарян Сурен Спандарович (03(15).12.1882-11(24).09.1916), революционер, армянский литературный критик и публицист. Член РСДРАП с 1901 г. (большевик). Отбывал ссылку в Курейке, умер и похоронен в Красноярске.

Ставроцкий Николай Александрович (15.11.1864-?), нотариус, фотограф. С 1912 г. – Гласный Красноярской городской думы, член финансовой комиссии.

Сталин Иосиф Виссарионович, Джугашвили (06(18).12.1878 (оф. 1879)-05.03.1953), революционер. Отбывал несколько сылок, из шести бежал. Последняя ссылка – в Туруханском крае, в Курейке, окончание в Ачинске (1913-1916). Советские мифы приписывали ему побег и из этой ссылки тоже.

Старокадомский Леонид Михайлович (08.04.1875-27.01.1962), русский врач, с отличием окончил Военно-медицинскую академию (1899), полярный исследователь, докторская диссертация (1909), старший врач в гидрографической экспедиции в северный Ледовитый океан на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» (1910-1915). Издал дневники «Пять плаваний в северном ледовитом океане». Участник полярной экспедиции на ледорезе «Федор Литке» (1932-1934).

Стасов Владимир Васильевич (02(14).01.1824-10(23).10.1906), русский музыкальный художественный критик, искусствовед, архивист, общественный деятель.

Строить начали в 1883, открыли в 1893, в полном виде не закончили, в настоящее время, ввиду запуска Транссиба, заброшен. Канал был построен и соединил приток Оби – Кеть и приток Енисея – Большой Кас. Также использовалось озеро на водоразделе. Общая длина канала 217 км, длина «баронского тракта» – 159 км., построил Аминов Бьорк Александрович, вдоль шлюзов (коих запланировано было 29, построено 14). При строительстве было найдено несколько городищ Бронзового века, масса топоров, стрел и доспехов, а также останки укреплений, защищавших этот древний водный путь.

Суворов Иван Васильевич (24.11.1730-18.05.1800), граф Рымникский (1789), граф Священной Римской империи (1789), князь Итальянский (1799), принц Сардинского королевского дома (1799), великий русский полководец, не знавший поражений, генералиссимус российских морских и сухопутных сил (1799). Военный теоретик, национальный герой России, кавалер всех Российских орденов своего времени.

Сумгин Михаил Иванович (24.02.1873-08.12.1942), русский и советский ученый, один из основателей учения о вечной мерзлоте. С его именем связаны основополагающие понятия и первые классификации вечно- и сезонномерзлых горных пород.

Суриков Александр Иванович (1856-1930), младший брат художника В. И. Сурикова. Подал брату идею картины «Взятие снежного городка» (1891). Служил в Красноярском губернском суде.

Суриков Василий Иванович (12(24).01.1848-06(19).03.1916), енисейский казак, великий русский живописец, мастер масштабных исторических полотен: «Утро стрелецкой казни» (1878-1881), «Боярыня Морозова» (1884-1887), «Взятие снежного городка» (1890-1891), «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем» (1891-1895), «Переход А. В. Суворова через Альпы» (1897-1899), «Степан Разин» (1900) и др.

Суриков Николай Васильевич (?), краевед, геологоразведчик, друг В. П. Косованова

Сурикова Прасковья Федоровна, в девичестве Торгошина (14.10.1818-1894), мать В. И. Сурикова, поддерживавшая сына в его стремлении рисовать и учиться.

Суриковы Петр и Илья (казак-десятник из Тобольска), предки В. И. Сурикова (упоминаются в «Истории Красноярского бунта») в Красноярске с 1671-1695. Участники «Первой Красноярской шатости» (1695-1698) вместе с сыном Петром.

Суслев Иннокентий Михайлович (31.07.1893-26.04.1972), историк-северовед, этнограф, геолог, исследователь Эвенкии и шаманства, собиратель и архиватор их музыки и камланий,

Сушилини Нил Владимирович (?), фотограф, этнограф, участник Туруханской переписной экспедиции 1926-1927 гг. Переписной участок XII.

Сушихин Саша, детский друг К. А. Мецайка

Сюрюнга, сестра Салчака Тока, тувинского писателя и государственного деятеля

Таким образом, сбылась мечта помора Рахманина Федора Ипполитовича (1731-1782(?)), предпринимавшего попытку совершить такое путешествие – из Енисейска в Архангельск (1780). Выйдя из Гольчихи (09.08)

прошли о. Белый (12.08), Маточкин шар и Карские ворота (18.08.), прибыли на п-ов Рыбачий (20.08), а затем проследовала в норвежский порт Вардё (31.08). В Осло задержались на 11 суток (по просьбе населения). В Стокгольм прибыли (11.11.), там же был сделан доклад о путешествии. В Кронштадт прибыли (19.11.) после долгих проволочек таможенных и полицейских служб. Арестованный властями матрос Цибуленко был освобожден и награжден со всем экипажем серебряной медалью (в РГО сведений нет). Тамерлан, (Борзой), пес, испугавшийся борова Борьку.

Твен Марк, настоящее имя – Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс (30.11.1835-21.04.1910), американский писатель, журналист и общественный деятель.

Тессем Петер (1875-1920), норвежский моряк, по профессии судовой плотник, опытный полярник. Член экспедиции моторной шхуны «Мод» Р. Амундсена. Погиб на острове Диксон, не дойдя до цели 3 км.

Тигачев (?), фотограф

Тока Салчак Калбак-Хорекович (Коп Тывыкы) (15.12.1901-11.05.1973), Член Народно-революционной партии Тывы с 1929 г., генерал-лейтенант (1943), член ВКП(б) с 1944 г. Председатель Союза советских писателей Тувы. «Вечный» секретарь комитета ВКП(б)-КПСС Тувы (с 06.03.1932 до кончины), герой Социалистического труда (1971), Автор трилогии «Слово арата».

Толль Эдуард Васильевич (14.03.1858-1902), русский полярный исследователь, участник экспедиции А. А. Бунге на Новосибирские острова (1886). Возглавил Русскую полярную экспедицию (1900-1902) на парусно-моторной шхуне «Заря».

Толстых Яков (Кигтан Хоевул), кето, землеустроитель (1937)

Торгашин (Торгошин) Степан Федорович (1860-е), дядя (брат матери) В. И. Сурикова, прототип стрельца с черной бородой и темным лицом на картине «Утро стрелецкой казни» (1881)

Третьяков Ф. И., учитель из села Шушенского, помогавший Н. М. Мартыанову в комплектации музея.

Трубецкая (?), русская княгиня, освободившая крепостного Худякова, механика-самоучку, будущего строителя парохода «Енисей» (1863)

Труды: «В полярных льдах» (Записка кап. Д. Шваненберга)» (1877); также исп. Студицкий Ф. «История открытия морского пути из Европы в сибирские реки Берингова пролива» ч.2 (1883)

Тугаринов Аркадий Яковлевич (10.11.1880-08.07.1948), профессор, директор Красноярского краеведческого музея (с 1905), доктор биологических наук, археолог, ученый-орнитолог, руководитель отдела орнитологии зоологического музея АН СССР (1940), друг А. Л. Яворского, организатор многих экспедиций и раскопок на дер Андронов (1914), на Афонтовой горе (1919)

Тулунин Аvenir Федорович (02.05.1889-13.11.1937), краевед, столбист (Венка Бурундук), фотограф, этнограф, участник Туруханской переписной экспедиции 1926-1927 гг. Переписной участок XV. Друг А. Л. Яворского, член компании Д. И. Каратанова, один из создателей заповедника. Участник двух войн (Первой мировой и гражданской). Приговорен тройкой УНКВД КК и расстрелян, как активист «эсеров-РОВСовского заговора»

Увачан Василий Николаевич (12(25).12.1917-07.08.1988), ученый, советский историк, государственный и партийный деятель, доктор исторических наук (1970), профессор (1974)

Ульянов Владимир Ильич (Ленин) (22.04.1870-21.01.1924), революционер, политический и государственный деятель, создатель РСДРП. Вождь Октябрьской революции (26.10.(07.11).1917)

Урицкий Моисей Соломонович, кличка Борецкий, (02(14).01.1873-30.08.1918), революционер, председатель Петроградской ЧК.

Уроженец Красноярска, знаком с В. И. Лениным с 1897 г., его близкий друг, имеющий бессрочный пропуск в Кремль в любое время суток. Председатель кассационного трибунала при ВЦИК. Редактор журналов «Революция и церковь», «Воинствующий атеизм», прокурор Верховного суда СССР (1924).

Участвовал в этнографической экспедиции АН по Туруханскому краю, будучи студентом Петербургского университета (1914). Прапорщик в годы Первой мировой войны, начальник штаба в одной из красных дивизий в годы Гражданской войны. В советское время председатель Красноярского комитета содействия народам Севера, принял участие в экспедиции в Эвенкию (1926-1927) для организации собраний на Стрелке Чуни, в Байките и Полигусе с целью создания новых органов власти. Семь нотных образцов были включены в 3-й том Сибирской советской энциклопедии (три шаманских камлания, две танца «Иохор» и одна колыбельная песня). Создал музей Арктики в Ленинграде (1938), работал там до 1950. Член Президиума Верховного Совета Якутской АССР (1950-1952). Возглавлял Государственный музей этнографии народов СССР (1953-1957). Персональный пенсионер союзного значения (1957). Его имя носит гора в Эвенкии и полуостров на Таймыре. Подводя в 1971 году итоги своего жизненного пути, Иннокентий Михайлович послал в музей Туры ноты шаманской музыки со словами: «Берегите партитуры! Это большая научная ценность».

Фалленберг Петр Иванович (29.05.1791-13.02.1873), подполковник, мемуарист, декабрист «Южного общества», автор книги «Записки декабриста» (изд. в журналах «русский архив» и «Русская старина»). Ссылку отбывал в читинском остроге, петровском заводе, троицком солеварном заводе, в селе Шушенском. Первым в Сибири начал выращивать табак. Восстановлен в прежних правах (1856), освобожден от надзора (1858)

Федоров Николай Иванович (1918-1990), художник, член СХ СССР, заслуженный художник РСФСР. Участник последней экспедиции Л.А.Кулика к месту падения Тунгусского метеорита (1939 г.).

Федосеев Николай Евграфович (09.05.1871-04.07.1898), революционер, один из первых марксистов в России, создатель первых марксистских кружков. Учился в Казанской мужской гимназии, организовал кружок, куда входил и В. И. Ульянов. Был арестован за создание незаконной типографии (13.07.1889).

Тюрьмы сменялись ссылками, менялись лишь места заключения... покончил жизнь самоубийством в Верхоленской ссылке (1898).

Фролов Александр Филиппович (24.08.1804-06.05.1885), подпоручик, декабрист, член «Общества соединенных славян» (1825), осужден на 20 лет каторги, отбывал в Читинском остроге; на Петровском заводе; на поселении в Енисейской губернии (1835-1856). Автор «Записок» (опубликованы в «Русской старине» в 1882).

Фрумкин Моисей Ильич (08(20).03.1878-28.07.1938), в рабочем движении (1894), член Бунда с его основания (1897), кличка Германов, член Северо-западного комитета РСДРП (1905), рекомендовал (вместе с Виктор Павловичем Ногиным (2.02.1878-22.05.1924)) И. В. Сталина в ЦК РСДРП (1910), ссылка в Енисейскую губернию (1911), в Красноярске (1917), главный на красноярской электростанции, всегда ходил в косоворотке. Член Краевого экономического Совета Западной Сибири, Новосибирск (с декабря 1917), Москва. Наркомат продовольствия, одновременно член правления Центросоюза и Председатель правления Главпродукта (1918), один из организаторов ЧОН (частей особого назначения) – т.н. «отряды продразверстки». Сибирский ревком. зам председателя, Новосибирск (1920), Москва. Наркомат продовольствия РСФСР. Заместитель наркома (1921) Николая Павловича Брюханова (16.12.1878-01.09.1938), зам. наркома Внешней торговли РСФСР (с апреля 1922), наркомат продовольствия РСФСР, управление распределения (1923), оперативно издает свои «Воспоминания о Ленине» (1924), зам. наркома Финансов СССР (1928), один из 5 лидеров «правого уклона» (Рыков, Томский, Троцкий, Радек).. Пишет открытое письмо XIV съезду ВКП(б) в поддержку кулаков и кулачества (15.07.1928). Арестован (23.10.1937), признан участником КРО (28.07.1938), в тот же день расстрелян. Реабилитирован (12.12.1956). Фунтусов Павел Егорович (1819-1990), енисейский купец 2 гильдии, сборщик податей (1840), гласный в думе (1846-1849), кандидат (помощник, заместитель) городского головы (1852-1855), директор окружного отделения Попечительского общества о тюрьмах (1863), меценат, подаривший городу дом под богадельню (1885), городской голова Енисейска (1872-1876), снарядил Обь-Енисейскую экспедицию (1875), за что награжден орденом Св. Анны III степени (1883).

Хавалыг Эртине Хавал-Оол, пионер Тывы (1949)

Халевин Михаил Николаевич, охотник-старожил .

Хрипунов Яков Игнатьевич (?-1630), енисейский воевода. Из ржевских дворян. Организовал первое русское посольство в Бурятскую землю (1623), тогда же отправил вверх по Енисею экспедицию своего старшего родственника Андрея Ануфриевича (Онуфриевича) Дубенского, составившего чертеж «угожего места в Качинской землице на Красном Яру». Искал и обнаружил на Ангаре богатые залежи серебряной руды. Погиб зимой (1630-1631) в стычке с тунгусами.

Худяков, вольноотпущенный княгини Трубецкой, механик-самоучка, строитель парохода «Енисей», мощностью 60 инд.сил (31.05(12.06).1863). Машина привезена на лошадях в разобранном виде из Перми. Совершил первый рейс до Усть-Кеми.

Цапаня, Голубцов Осип Григорьевич, землепроходец, казак, хлебопашец, основатель села Ворогово (1636), получил жалованную грамоту – пахать и вольных людей с Руси призывать, и слободу строить. В податях и повинностях ему была жалована льгота на 10 лет, вместо обычных 5 и право «беспошлинно» продавать хлеб в Мангазее. На свои средства вывозил и «поднимал» крестьян, снабжая их инвентарём, построил в слободе церковь (за 1500 руб.) и через несколько лет в слободе насчитывалось 16 дворов. Но для инородцев Цапаня был настоящим бичом. Он грабил остяков, насиловал их жён и дочерей, отбирал у инородцев съестные припасы, соболей – не щадил даже мёртвых, забирая у покойников луки, ружья, раскапывал могилы шаманов, забирая дорогую одежду. В районе Нижней Тунгуски есть гора под названием Цапанина сопка. Инородцы, и даже казаки-зверопромышленники, проплывая мимо, клали в этом месте на берег приношения в виде соболей, белки – боясь чудовища по имени Цапан...

Цыбуленко Андрей Иванович (1844-), был военным писарем в Тульском пехотном полку, попал в военно-исправительную роту на 4 года, за «оскорбление неповиновением фельдфебеля», затем в ссылку в Енисейск (1875), затем ссыльнопоселенец на 1 год (билет Усть-Тунгусского волостного правления Верхнепашинского поселения от 22.04.1876) отправлен работать на графитные рудники Курейки. Матрос и повар со шхуны «Утренняя Заря»

Чальников Михаил (?), красноярский рабочий железнодорожных мастерских, убитый жандармами при разгоне демонстрации в Николаевской слободе (10(23).08.1905). Похороны 13.08.1905 вылились в многотысячную демонстрацию, запечатленную на картине Д. И. Каратанова «Похороны Чальникова» (1935). Челюскин Семен Иванович (ок. 1700-ноябрь 1764), участник Великой Северной экспедиции (1733-1743). Штурман, затем капитан на дубель-шлюпке «Якутск» Прончищева Василия Васильевича (1702-29.08.1736) в 1735-1736 гг., в 1741-1742 открыл самую северную оконечность Евразии (мыс назван его именем), ушел со службы капитаном 3 ранга (1756).

Чехов Антон Павлович (17(29).01.1860-02(15).06.1904), общепризнанный классик мировой литературы. По профессии врач. Почетный академик Императорской Академии наук (1900), один из самых известных драматургов мира. Его произведения переведены более чем на 100 языков. Самые известные пьесы «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад», «Дядя Ваня». Был в Красноярске весной 1890 г. во время своего путешествия на Сахалин, где участвовал в переписи населения.

Чингиз-хан, (Великий хан), Бо-шохту-хан (Большой хан), собственное имя Темучин, Темучжин, Тэмужин, (родился около 1155-25.08.1227) – основатель самой большой в мире континентальной империи «от моря до моря». Были построены дороги, высажены сады и системы орошения, а созданная им государственная система наместничества отлично сохраняла империю от развала в течение долгих столетий. Погиб от заражения крови, возникшего при попытке извлечения наконечника тангутской стрелы из-под левого колена в возрасте 73 лет.

Чухновский Борис Григорьевич (28.04.1898-30.09.1975), авиатор, окончил летную школу в Ораниенбауме (1917 г), участник Гражданской войны, (в составе воздушной бригады) Волжско-Каспийской военной

флотилии. Один из первых полярных летчиков СССР, участвовал в спасательных экспедициях дирижабля «Италия» (1928 г.); в поисках (1937-1938 гг.) самолета Леваневского Сигизмунда Александровича (15.05.1902-13.08.1937), участник ВОВ (Северный флот), полковник, после служил в полярной авиации. Шаховской Федор Петрович (17.03.1796-22.05.1829), князь Шаховской, по матери князь Щербатов, майор, участник заграничных походов (1813-1814 гг.), декабрист, отошедший от «Северного общества» и масонской ложи «Трех добродетелей», Один из немногих, отказавшийся признать себя виновным, осужден, затем по случаю коронации (20.08.1826) пожизненная ссылка заменена двадцатилетней. Отбывал в Туруханске (1826), где занимался просвещением и лечением местных жителей, оставив о себе добрую память и «Записки», имеющие огромную краеведческую ценность. Был переведен в Енисейск, где помещался (лето 1828), зимой 1829 отправлен в Суздальский монастырь, дорогой сильно обморожен. В мае объявил голодовку (06-22.05) и умер.

Шаховской, Михаил Никитич (первая запись о нем в Торопецких десетях 1606 - умер после 1663), князь, стольник (1629), воевода в Орле (1653-1654) и Таре (1659-1663). Организовал поход против калмыков, совершавших набеги на ясачных татар. Сначала отряд казаков (60 чел.) был разбит (1660), но уже весной тарские казаки и служилые татары разбили калмыков на их стоянке, а подоспевшие ратные люди завершили их разгром.

Шваненберг Давид Иванович (15.01.1831-1900), капитан (1863), кэп парусной шхуны «Утренняя Заря» (бывшая англ. шхуна Джозефа Виггинса «Ибис», куплена в июне 1877 (всего за 600 рублей), отремонтирована (14.06-01.08) и переименована 01.08.1877). Совершил плавание из Енисея в Петербург (1877). Награжден малой серебряной (1877) и золотой медалью РГО (1879), кавалер ордена Станислава III ст.

Шишков Вячеслав Яковлевич (21.09(03.10)1873-06.03.1945), русский советский писатель, первая публикация – сказка «Кедр» (1908); автор романа «Угрюм-река» (1918-1932), лауреат Сталинской премии (1946) /посмертно/. Участник многих геодезических экспедиций, с 1903 был и руководителем многих из них. Обследовал Обь, Енисей, Чулым, Чарыш, Лену, Витим и Катангу. Особое значение, как в инженерном, так и творческом плане имели работы по исследованию р. Бия и трассы будущего Чуйского тракта (до 1916), проект которого заканчивал в Петрограде. Последние 7 лет жизни работал над задуманной им 3-томной исторической эпопеей «Емельян Пугачев». Во время войны находится в блокадном Ленинграде (1941-1942), писал статьи для фронтовых газет, успел издать первый том «Емельяна Пугачёва» (трилогия не закончена). Шмидт Отто Юльевич (30.09.1891-07.09.1956), Русский ученый полярный исследователь, астроном, геофизик, государственный и общественный деятель. Издатель – заведующий Госиздата (1921-1924), основатель большой Советской энциклопедии, главный редактор (1924-1942). Участник советско-германской Памирской экспедиции (1928), руководитель экспедиций на ледоколе «Георгий Седов» (1929, 1930), организатор первой научной станции на Земле Франца Иосифа. Директор Ленинградского института изучения Севера (1930-1932). Экспедиция на ледоколе «Сибиряков», впервые в истории совершила путь от Архангельска до Тихого океана за одну навигацию (1932). Начальник Главсевморпути (1932-1939). Академик (1935), вице-президент АН СССР (1939-1942). Помог подготовить первую советскую дрейфующую станцию «Северный полюс – 1» (1937), организовал алгебраическую московскую школу и Институт теоретической геофизики, возглавляемые им до 1943 года. Герой Советского Союза – медаль №35 (Указ от 27.06.1937). Его имя носит остров в Карском море, мыс на Чукотке и множество географических объектов. Шренцер Карл-Август Матвеевич (1815 или 1819-1887 гг.), академик акварельной живописи. Инспектор классов Академии художеств СПб (1859-1873), «заваливший» на приеме документов В.И. Сурикова. Щетинкин Петр Ефимович (21.12.1884 (02.01.1885)-30.09.1927), один из руководителей Советского партизанского движения в Сибири. Служба в армии (1906-1917), штабс-капитан, полный георгиевский кавалер. Командир красновардейского отряда по борьбе с белогвардейцами (в конце мая 1918 г.), начальник штаба объединенной партизанской армии (начало 1919 г.). Член ЦРК, судившего министров правительства Колчака (1920). Помощь революционерам ТАННУ и Монголии в установлении советской власти (март 1921). Убит в Улан-Баторе при неясных обстоятельствах.

Эдвард (?), рулевой корабля Ф. Б. Нансена

Эльдджиген, хан; Эльджиген-джигит (чиктей) хан – (Ослиннуухий хан) – один из трех ханов, живших некогда в Дархатской земле. Летний дворец его стоял на озере Терь-Нор (Тере-холь), сегодня известный как Бажин. Остальные два хана (Чингиз-хан и Сайан-хан) тот самый Бо-шохту-ханы (Большие, старшие) ханы, которые у нас известны под названием Алтын-ханов, перемещение которых на восток было вызвано борьбой Чингиз-хана с Хайнь (Сайан-ханом)

Юдин Геннадий Васильевич (28.02.1840-17.03.1912), красноярский купец II гильдии, винокур, библиофил, первое собрание которого, насчитывающее от 80.000 до 100.000 томов печатных изданий и до 500.000 рукописных материалов было продано в библиотеку Конгресса США в 1906 г. Вторая его библиотека, собранная в последние 6 лет его жизни, хранится в Красноярске (музей-усадьба Юдина и ОРК КНБ).

Юра, моторист, житель Дудинки

Яворский Александр Леопольдович (18.02.1889-07.04.1977), ученый-ботаник, краевед, библиофил, художник-флорист, писатель, поэт, преподаватель, затем начальник кафедры ботаники Красноярского педагогического института (ныне КГПУ им. В. П. Астафьева), сотрудник Музея Красноярского подотдела ВСОИРГО (ныне КККМ). Участник многих экспедиций А. Я. Тугаринова по Катанге, другим рекам края и Хакасии. Один из основателей и первый директор заповедника возле Красноярска в 1916 г. (письмо с ходатайством в ВСОИРГО – о создании заповедника Столбы в Красноярске и Баргузинского на Байкале). Реально создал его в годы гражданской войны, отметил первый юбилей выпуском серии открыток «Заповедник Красноярские Столбы» в канун 1925 г., и официального признания властью «де факто» существующего, как филиала музея (1920 г.); затем добился полного запрета на вырубку леса и ломку

камня для нужд Горкоммунхоза; потом смог перевести заповедник в статус краевого, увеличив его площадь в несколько раз (1934 г.). Репрессирован, как областник – решением тройки НКВД по ст.17, 58-8 и 58-10 УК РСФСР, (22.09.1937 г. – 10 лет «Вятлага»), после освобождения повторный арест (1949 г. – 5 лет ссылки). В лагерях же он написал свою знаменитую поэму «Столбы». Оставил богатое наследие – собрание разноплановых коллекций, трудов по ботанике, географии, истории, краеведению и архитектуре города, биографических воспоминаний и хронологий, которое хранится в КККМ и ГАКК. На торжества по поводу 50-летия создания заповедника (1975 г.) приглашен не был.

Ядринцев Николай Михайлович (18.(30.)10.1842-07.(19.)06.1894), сибирский публицист, писатель и общественный деятель, археолог, археограф, первооткрыватель древнетюркских памятников на реке Орхон, столицы империи Чингиз-хана Каракорума и Орду-Балыка – столицы Уйгуров в Монголии. Один из основоположников сибирского областничества.

Яков I, король Английский, он же прежде Яков VI, король Шотландский (29.07.1567); Яков Генрих Стюарт (19.06.1566-27.03.1625), первый король Англии из династии Стюартов (24.03.1603) был первым государем, правившим одновременно обоими королевствами Британских островов. Англия и Шотландия представляли собой суверенные государства, имевшие общего монарха. При нем начала создаваться Великая Британия – путем основания колоний: в Северной Америке – Виргиния (1607), поселения на Бермудских островах (1609); оплот «Новой Англии» – Плимут (1620), поселение на острове Сент-Китс, Вест-Индия (1623); началась экспансия бриттов и в Азии – Масулипатам, Индия (1611)

Яковлев Валентин Николаевич (22.09.1892-25.10.1918), революционер из украинских Сум, борец за Советскую власть в Сибири, председатель Енисейского Совета, член Центросибири. После подавления мятежа арестован в Туруханске (18.06.1918), по приговору чехословацкого военно-полевого суда при эшелоне №49 расстрелян в Красноярске (вместе с Белопольским Ильей Исаевичем (1884), Дубровинским Яковом Федоровичем (09.02.1882), Вейнбаумом Григорием Спиридоновичем (1891) и Парадовским Александром Феликсовичем (11.11.1867)

УТОЧНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ:

Фото Е. Абалаков.

Евгений Абалаков перед выходом на траверс Джугутурлуката в 1943 году. Фото из архива А. Е. Абалакова

На фото из книги Нансена – старая могила – могила декабриста Лисовского (умер и похоронен в 1844) на Толстом Носу возле Дудинки

Назван местными «безродным Пименом» - якобы приносящим удачу

По Утренней заре

Лит.: Владимиров Е. И. «Героический рейс шхуны «Утренняя Заря». Л.; М., 1940;
Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели - исследователи морей и океанов. М., 1954;
Пинхельсон Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути. Л., 1962;
Щипко Л. Капитаны северных морей. Красноярск, 1975.

* Поморская энциклопедия. Архангельск. 2001. С. 441.

Архивы: РГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 513.

Содержание

Незабываемые путешествия с Г. И. Кублицким.....	3
От редакции	4
Дорогой читатель!.....	4
Глава I.....	9
СКАЛОЛАЗЫ.....	9
Наводнение. — Когда бьют в набат. — На «Аэлите». — Чехов о Енисее. — «Кто из Старой сакли?» — Урок скалолазания. — Неистребимое слово. — Что можно увидеть с вершины. — Самолет летит в Туву.....	9
Глава II	29
В ЦЕНТРЕ ВЕЛИЧАЙШЕГО ИЗ МАТЕРИКОВ.....	29
Шестьдесят богатырей. — Пытки арата. — Скажите, пожалуйста, как пройти к «Центру Азии?» — Ураган. — Реки-близнецы. — Хан с ослиными ушами. — Кочующий театр. — «Сорок Енисеев». — Удалец Иммакай. — В царстве «дождевой тени». — Берестяной чум и мистер Каррутерс. — Певец, поющий двумя голосами	29
Глава III	49
ЧЕРЕЗ ХРЕБТЫ	49
Маленькое отверстие большого мешка. — Вот они, Саяны. — По высокогорному тракту. — Дед Трофим и зубря. — Минусинские яблоки. — Штурм порога	49
Глава IV	57
СЕЛО ШУШЕНСКОЕ	57
По дороге в ссылку. — Сибирское село. — В доме Зырянова. — Музей в доме Петровой. — Воспоминания старожилов. — По заповедным местам. — Шушенская новь ..	57
Глава V	67
ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ	67
Минусинск. — Четыре тысячи лет назад. — На машине времени. — Кое-что о татуировке. — Дворец китай- ского полководца. — Таинственные рунические письма. — Богатырь «отлучился». — Аптекарь- ученый 67	
Глава VI.....	79
НА ЗЕМЛЕ ХАКАСОВ	79
Абакан. — Еще Абакан. — Там, где дремлют курганы. — Когда шахтерам не нужны шахты. — От Енисея до Волги. — По дороге шестой пятилетки. — В горах Кузнецкого Алатау. — Туннель. — Разговор в степи. — Так что же главное?	79
Глава VII.....	91
ПЕЩЕРЫ БИРЮСЫ	91
Гора Туран. — С Енисея в Антарктику. — Почему убежал Чулым. — Морю негде разлиться... — Находки Еленева. — Пещерный город. — Кто же сделал надпись? — Археолог должен все уметь!.....	91
Глава VIII	105
ТИТАН СИБИРИ	105
Телеграмма из Москвы. — Город взволнован. — Вариант за вариантом. — На месте отшельнического скита. — Изыскатели. — У края плотины. — Лифт для кораблей. — Почему окаменел Такмак.....	105
Глава IX.....	121
КРАСНОЯРЫ — СЕРДЦЕМ ЯРЫ.....	121
Малый Качинский острог. — Воры-воеводы. — Бунт. — Детство Васи Сурикова. — С обозом. — Великий художник. — По следам Ермака. — Из искры возгорелось пламя. — «Красноярская республика»	121
Глава X	135
БОЛЬШОЙ КРАСНОЯРСК	135
Манское побоище. — Каждому третьему — пуля. — Наши пришли! — Судьба Юдинской библиотеки. — Столб на каторжном пути. — Второй Красноярск. — Переселение заводов. — Еще один Красноярск	135
Глава XI.....	149
АНГАРА, ДОЧЬ БАЙКАЛА.....	149
Сначала о тайге. — «Барыня». — Прочность, долговечность... — Судно-бурлак. —	149
Как чайки помогли Ангаре. — Илимка. — Путь Игната Думскова. — Семьдесят миллиардов киловатт- часов. — Двое в тайге.....	149
Глава XII.....	165

ТАЙГА ЗОЛОТАЯ.....	165
Новое под Енисейском. — Таежная дорога. — Соболя на гербе. — «Золотая лихорадка». — Город-банкрот. — Вольная каторга. — Как добывают золото сегодня?	165
Глава XIII	179
РЕКА СЛЕДОПЫТОВ.....	179
Граница двух Сибирей. — Канал-мокроступ. — Когда повернут реки... — Дедушка Енисей и великаны. — Осиновский порог. — Что увидел охотник Лазарев. — На Подкаменной Тунгуске. — Черный Остров. — Кето — таежные следопыты	179
Глава XIV	195
ГОСТЬ ИЗ ВСЕЛЕННОЙ.....	195
Щеки. — «Ноев ковчег». — Разведка. — Небесный гость. — Первый поход Кулика. — В обожженном лесу. — Котловина Великого Болота. — Помощь приходит вовремя. — Третья экспедиция. — Межпланетный корабль? — Что произошло на самом деле?	195
Глава XV	213
«ТУРУХАНКА»	213
Край ссылки. — По тюрьмам и этапам. — «Да здравствует жизнь!» — На ночной вахте. — Марк Твен об искусстве лоцмана. — Жизнь реки. — Катастрофа у Сухой Тунгуски	213
Глава XVI	227
КАПИТАНЫ.....	227
«SOS». — В ледяной воде. — Юнга крейсера «Вестник». — Встреча с Седовым. — Когда корабль пошел на дно... — С рыбаками на Север. — «Страна будущего». — Снова в Сибири	227
Глава XVII.....	245
КАРАВАН ИДЕТ В ЭВЕНКИЮ.....	245
Корчага. — Белая ночь на Нижней Тунгуске. — Графитный рудник. — Кто такие эвенки? — Ландур. — Угрюм-река. — Про оленей. — Древности Таймуры. — Походы мангазейцев. — Таежный город. — Прощай, Тура.....	245
Глава XVIII	263
ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ	263
Туруханск. — Когда берега парят в воздухе. — Находка на островах Фаддея. — «Необходимо весь народ удалить с севера...» — В море уходит Крузенштерн-младший. — Плавание «Утренней зари». — «Большим кораблям из моря в Енисей пройти можно»	263
Глава XIX	277
ЗАГАДКИ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ.....	277
Морской порт на реке. — Здесь все из дерева. — «Пьяные» улицы. — Мы спускаемся в подземелье. — Музей вечности. — Современник мамонта, оживший в век атомной энергии. — Можно ли покончить с вечной мерзлотой?	277
Глава XX	291
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОЦМАНА БЕГИЧЕВА	291
В Дудинке. — Чему не поверил Нансен. — Загадочное дело. — «Земля Дьявола». — Находка на острове. — Гибель Гаркина и Семенова. — Поход через тундру. — Поиски спутников Амундсена. — Тайна, раскрытая через двадцать восемь лет	291
Глава XXI	307
КРУЖОК НА КАРТЕ	307
«Где не бывал — там буду». — Норильск с разных точек зрения. — Ночной матч. — Витамин Эс». — Клуб заполярных инженеров. — Как на семидесятой параллели выращивают капусту	307
Глава XXII.....	319
ДЕЛЬТА.....	319
В безымянной бухте. — О рыбаках, рыбе и рыбоводе. — Тундра. — Деревья-лилипуты. — «Белые клыки» Таймыра. — Пути кочевий. — Оленегонная лайка. — Бреховский архипелаг. — Теплопроводы Заполярья... 319	
Глава XXIII	333
У ВОРОТ ОКЕАНА.....	333
Мамонт в Гольчихе. — Школа на краю света. — Кто жил на мысе Крестовском? — Белуха. — Летнее платье и зимняя шуба одного джентльмена. — В новогоднюю ночь	333
Глава XXIV	347
ПЕРЕКРЕСТОК ВЕЛИКИХ ДОРОГ	347
В гавани Диксона. — Закон полярного гостеприимства. — Могила Тессема. — Над синоптической картой. — О путешественниках и купце. — Историческая тетрадь. — Поединок с линкором. — Зов Сибири	347

ПРИЛОЖЕНИЕ.....	359
ГЛАВА 1.....	359
СКАЛОЛАЗЫ.....	359
Медведь. — На «Аэлите». — «Столбисты». — Пыхтун. — Избушки под скалами. — «Катушка». — Гордая надпись. — Что видно с вершины сопки. — На перекрестке воздушных дорог. — Самолет летит в Туву	359
ГЛАВА II.....	373
ГОСТЕПРИИМНАЯ ТУВА.....	373
Тысячатристалетназад. — Восстание шестидесяти богатырей. — Как пытали арата. — Ураган в Кызыле. — Реки-близнецы. — Северный олень и верблюд уживаются рядом. — Кочующий театр. — «Сорок Енисеев». — Удалец Иммакай. — Тувинские шахматы. — Певец, поющий сразу двумя голосами. — Последние дни белых пятен — Дорога Чингис-хана.....	373
ГЛАВА IX.....	387
«ТУРУХАНКА».....	387
Край ссылки. — По тюрьмам и этапам. — В глухих деревушках-станках. — «Да здравствует жизнь!» — Кораблекрушение у острова. — Наставник капитанов. — В ледяной воде. — Ветеран Енисея. — Торговые гости плывут в Сибирь. — Древний город Мангазея.....	387
К ЧИТАТЕЛЮ.....	405
Экскурсия по карте.....	405
Енисейск.....	408
«Черный остров».....	412
«Щеки».....	416
Большой порог.....	418
У самого полярного круга.....	421
Тунгусская Сцилла и Харибда.....	423
Река сказочных богатств.....	426
Просматривая комплект газеты.....	427
Поход в Туру.....	429
Страничка истории.....	431
Встреча.....	432
Что же такое Тура?.....	435
БИБЛИОГРАФИЯ.....	440
Корабли, упоминаемые в книге.....	442
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	443
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	447
Содержание.....	463

Клуб Знаменитых Капитанов Барон Мюнхгаузен, Дик Сенд, Робинзон Крузо, Гулливер, Саня Григорьев, капитан Немо, капитан Гаттерас, Тартарен. Открытка СССР, 1956 г.

Енисей река сибирская

(издание третье, объединенное и дополненное иллюстрациями и фотографиями)

Благодарим:

Сотрудников государственного архива Красноярского края, Красноярской краевой научной библиотеки, Красноярского краевого краеведческого музея, отдела редких книг, межбиблиотечного абонемена ККНБ (Красноярск), красноярских краеведов и библиофилов, пожелавших остаться неизвестными, за помощь в исследованиях, подборе и атрибуции иллюстраций и фотографий.

Отдельная благодарность:

Директору Красноярского Краеведческого музея В. М. Ярошевской, заведующему информационного отдела И. В. Куклинскому, сотрудникам библиотеки Красноярского краевого краеведческого музея Т. В. Благодаровой и И. М. Кузнецовой, отдела редких книг Красноярской краевой научной библиотеки Е. В. Бурцевой и Е. А. Лактионовой.

Долгожданное переиздание книги Георгия Ивановича Кублицкого «Енисей река Сибирская», члена Союза писателей СССР (1951 г.) уникально тем, что в нем сохранены почти все оригинальные рисунки и иллюстрации первых двух изданий Константина Константиновича Арцеулова (1949 и 1956 годов). По известным историческим причинам книги значительно отличались по контенту и подаче материала. Обусловлено это было не только изменениями в жизни страны, но и ужесточением послевоенной цензуры (особенно после т.н. «развенчания культа личности» И. В. Сталина).

Для максимально точного изучения истории родного края редакция сочла возможным сохранить обе авторских редакции — как 1949, так и 1956 годов, что безусловно, поможет исследователям в их нелегком труде сохранения и преумножения славной истории страны и родного края.

Дополнительную ценность этой книги составляют уникальные фотографии из фондов Красноярского Краевого Краеведческого музея, многие из которых научно атрибутированы и публикуются впервые.

В приложении дается полный текст книги автора «Рейс в Эвенкию» (1939 г.) не издававшийся с тех пор.

© Издательство «Тренд» (Красноярск)

Директор: Н. Г. Истомин, nikolay_istomin@mail.ru

Литературный редактор: К. В. Дворецкая

Технический редактор: А. М. Дворецкий

Верстка: О. И. Шваб, o_shvab@mail.ru

Корректор В. В. Граблевская

Фотокопирование, расшифровка, набор текстов: И. Н. Истомин

Подбор и поиск иллюстраций: КРОО поддержки гражданских инициатив «Развитие» (Красноярский край)

Архивные и краеведческие исследования: Краеведческая группа «Лукоморье» (Красноярск).

Подписано в печать 10.09.2015. Формат 60х90 1/8. Бумага матовая. Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27. Тираж 1000 экз. Заказ № ???

ББК 63.5

К 18

ISBN

Отпечатано в полном соответствии
с оригинал-макетом, изготовленным
и разработанным ООО «Тренд»

тел. (391) 223-23-008, e-mail: nikolay_istomin@mail.ru

